UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00276294 6

ОТКЛИКИ

Том II

Mikhaĭlovskiĭ, Nikolaĭ Konstantinovich
III

Н. К. Михайловскій.

Otkliki

ОТКЛИКИ

t.2

Томъ II.

ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА

„РУССКОЕ БОГАТСТВО“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 34.
1904.

PG
3011
M472
t.2

789899

Оглавленіе.

		стран.
I.	Новыя газеты и „обновленныя“ „Московскія Вѣдомости“.—„Союзъ взаимопомощи русскихъ писателей“.	1 — 27
II.	Г. Рѣпинъ и его „манія ничтожества“. — Еще о драмахъ Ибсена. — Рѣчь проф. Сергѣевича о „Союзѣ писателей“	28 — 52
III.	„Сборникъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ московскаго университета“.—О Дюркгеймѣ	53 — 74
IV.	Еще о Дюркгеймѣ и его теоріи „общественнаго раздѣленія труда“	75 — 99
V.	Г. Сементковскій о Лѣсковѣ.—„Мужики“ г. Чехова	100 — 131
VI.	О совѣсти г. Минскаго, страхѣ смерти и жаждѣ безсмертія. — О нашихъ умственныхъ теченіяхъ за полвѣка. — О новыхъ словахъ и „Новомъ Словѣ“. — О рѣчи проф. Свѣтлова. — О г. Волынскомъ и скандалистахъ вообще	132 — 168
VII.	О народничествѣ, діалектическомъ матеріализмѣ, субъективизмѣ и проч. — О страшной силѣ г. Hovus'a, о моей робости, и о нѣкоторыхъ недоразумѣніяхъ. — Н. Н. Златовратскій	169 — 195
VIII.	О дѣлѣ г-жи Поповой и о Союзѣ писателей	196 — 218
IX.	Рождественская сказка г. Буквы. — Нѣчто о Некрасовѣ. — Запрещеніе „Новаго Слова“	219 — 235
X.	Рождественская сказка г. Мамина. — Будущность цивилизаціи.—Вырожденіе и прогрессъ.—Дарвинизмъ и ничшеанство	236 — 268
XI.	Опроверженіе г. Захарьина-Якунина. — „Что такое искусство?“—статья г. Л. Н. Толстого. — Эстетическіе взгляды Федорова и Эннекена. — Герои и толпа въ искусствѣ. — Четыре художественныя выставки	269 — 307
XII.	Еще объ искусствѣ и гр. Толстомъ. — Справка о Некрасовѣ	308 — 324
XIII.	Бѣлинскій драматургъ	325 — 332
XIV.	Памяти Н. А. Ярошенко	333 — 337
XV.	О г. Максимѣ Горькомъ и его герояхъ	338 — 359
XVI.	Еще о г. Максимѣ Горькомъ и его герояхъ	360 — 394
XVII.	О шутахъ	395 — 423
XVIII.	Памяти Я. В. Полонскаго	424 — 431

I *).

Новыя газеты и „обновленныя“ „Московскія Вѣдомости“.—„Союзъ взаимопомощи русскихъ писателей“.

Въ наступившемъ 1897 году русская литература обогатилась цѣлымъ рядомъ ежедневныхъ газетъ. Тутъ и «Лучъ», издаваемый книгопродавцемъ Вольфомъ подъ редакціей г. Чуйко, и «Утро», издаваемое и редактируемое г. Баталинымъ, и «Міровые Отголоски», издаваемые и редактируемые г. Трубниковымъ, и «Русь», издаваемая г. Гайдебуровымъ подъ редакціей г. Кремлева, и «Гласность» г. Пятковскаго, и «Народъ», издаваемый г. Мальшинскимъ подъ редакціей г. Стечькина.

«Лучъ», по словамъ его объявленій, «является независимымъ, вполнѣ самостоятельнымъ, большимъ органомъ печати, съ выдержаннымъ направленіемъ и безусловно честнымъ, объективнымъ отраженіемъ нуждъ всего многомилліоннаго населенія Россіи. Особенное вниманіе удѣляется общественной жизни провинціи съ ея многочисленными вопросами и нуждами. Занимая, какъ по объему, такъ и по программѣ своей одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду такъ называемыхъ «большихъ органовъ» печати, ежедневная газета «Лучъ» не уступаетъ имъ по полнотѣ и своевременности сообщеній. Участіе же въ газетѣ многихъ наиболѣе талантливыхъ силъ русской журналистики вполнѣ обезпечиваетъ живое, умѣлое, отзывчивое веденіе дѣла». Далѣе—«не вдаваясь въ болѣе широкія обѣщанія, редакція надѣется, что само дѣло будетъ достаточно говорить за себя».

«Народъ» рекомендуетъ себя такъ: «Редакція газеты принимаетъ слово «Народъ» не въ узкомъ обозначеніи этимъ именемъ крестьянскаго сословія, а въ широкомъ смыслѣ всего русскаго народа, въ полномъ его составѣ, во всѣхъ проявленіяхъ его жизни государственной, общественной, умственной, религіозно-нравствен-

*) Январь, 1897 г.

ной, художественной, экономической. Каждая нужда русскаго народа, какъ единаго цѣлаго, каждое его движеніе впередъ по пути историческаго развитія на твердыхъ основахъ русской государственности и общественности найдутъ въ газетѣ и фактическое изложеніе, и безпристрастную оцѣнку. Воздерживаясь отъ широковѣщательныхъ обѣщаній, нерѣдко втунѣ остающихся не по винѣ редакціи, скажемъ только, что газета «Народъ» употребитъ всѣ свои силы и средства на то, чтобы достойно носить принятое ею наименованіе».

«Утро»: «Обширная программа, опытность и многолѣтняя извѣстность редактора-издателя, равно какъ и ближайшихъ его сотрудниковъ, служатъ ручательствомъ въ томъ, что новая газета «Утро» будетъ органомъ живымъ, интереснымъ и достойнымъ общихъ симпатій. Излишнимъ считаемъ всякія широкія обѣщанія, потому что читатель нашъ, давній и постоянный, и безъ того увѣренъ въ нашемъ правѣ и обязанности занять выдающееся положеніе среди другихъ органовъ прессы. Не будетъ ни одного вопроса дня, на который читатель не встрѣтилъ бы въ газетѣ «Утро» громкаго отклика; не пройдетъ безслѣдно ни одна мелочь жизни, которая не нашла бы въ ней яркаго и правдиваго освѣщенія. Политика, внутренняя жизнь, судъ, земство и дума, сословныя учрежденія, литература, театръ, биржа, спортъ—все найдетъ компетентныхъ цѣнителей, полныхъ безпристрастія и смѣлости для того, чтобы высказывать правду обо всемъ и обо всѣхъ по совѣсти».

Хотя такимъ образомъ три упомянутыя газеты и «не вдаются въ болѣе широкія обѣщанія», «воздерживаются отъ широковѣщательныхъ обѣщаній», «излишнимъ считаютъ всякія широкія обѣщанія», однако, какъ видитъ читатель, обѣщаютъ довольно много. Гораздо сдержаннѣе въ смыслѣ обѣщаній «Міровые Отголоски». Ихъ объявленіе говоритъ лишь о порядкѣ и срокахъ изданія, о шрифтѣ и форматѣ. Напримѣръ: «Міровые Отголоски» будутъ выходить въ объемѣ отъ одного до двухъ листовъ формата бывшей газеты «Голосъ» и будутъ печататься подобнымъ же крупнымъ и четкимъ шрифтомъ». Въ послѣдующихъ объявленіяхъ этотъ пунктъ былъ отмѣненъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Въ видахъ устраненія всякихъ недоразумѣній, возникшихъ по поводу формата и шрифта газеты «Міровые Отголоски», контора редакціи симъ объявляетъ, что, согласно желанію очень многихъ подписчиковъ, форматъ газеты будетъ не въ шесть столбцовъ, подобно бывшей газетѣ «Голосъ», а въ семь и восемь столбцовъ объема большихъ газетъ. Печататься газета будетъ совершенно новымъ шрифтомъ выписаннымъ изъ-за границы. Поэтому всякія предположенія о сходствѣ вышеуказанныхъ газетъ падаютъ сами собою».

«Гласность» выразилось кратко: «Редакція «Гласности» — общая съ редакціей «Наблюдателя». Это избавляетъ насъ отъ необходимости выяснять подробно направленіе газеты. Скажемъ только, что мы стоимъ за прогрессивное движеніе нашей государственной и общественной жизни, на національной почвѣ».

Особо стоитъ газета «Русь». Казалось бы, состоя при «Недѣлѣ», издающейся безъ малаго тридцать лѣтъ, «Русь» могла бы быть въ своихъ объявленіяхъ еще кратче, чѣмъ «Гласность». Но реклама уже давно свила себѣ прочное гнѣздо въ «Недѣлѣ» и составляетъ въ ней какъ бы особый, самостоятельный отдѣлъ, наряду съ передовыми статьями, «внутреннимъ обозрѣніемъ», «иностраннымъ обозрѣніемъ», критикой и проч. Въ № 45 «Недѣли» (10 ноября 1896), въ статьѣ «Къ читателямъ», подписанной В. П. Гайдебуровымъ, редакція «имѣетъ сообщить читателямъ *важную новость*: съ будущаго года при «Недѣлѣ» будетъ издаваться новая ежедневная газета». Сама «Недѣля», конечно, будетъ по прежнему «удовлетворять преобладающую часть серьезныхъ русскихъ читателей». Но «непосредственно завѣдывать редакціей «Руси», какъ по прежнему и редакціей «Недѣли», буду *я самъ*», т. е. В. П. Гайдебуровъ. «Русь» «не будетъ имѣть ничего общаго съ существующими дешевыми газетами, легкомысленными и разчитанными на низкій вкусъ. «Русь» будетъ такою же легкою и занимательною—строго-литературною по формѣ и въ то же время серьезною и содержательною по существу, какъ и «Недѣля», въ подкрѣпленіе чего достаточно сказать, что въ ней постоянное участіе будетъ принимать одинъ изъ самыхъ глубокихъ и блестящихъ современныхъ мыслителей и публицистовъ—Вл. С. Соловьевъ». Не будетъ она похожа и на установившійся типъ большихъ газетъ, съ ихъ утомительно длинными и малосодержательными передовыми статьями, хрониками и фельетонами». Работать въ «Руси» будутъ «талантливые, умные и передовые писатели». Имена ихъ объявляются какъ-то по группамъ. Выше выдѣленъ г. Вл. Соловьевъ, какъ «одинъ изъ самыхъ глубокихъ и блестящихъ современныхъ мыслителей и публицистовъ». Затѣмъ «слѣдуетъ я самъ», затѣмъ «принимаютъ участіе въ редакціи будутъ принимать хорошо извѣстные нашимъ читателямъ: извѣстный фельетонистъ С. Н. Сырмятниковъ (имя первоначальнаго мѣста работы въ «Недѣлѣ»), П. П. Гнѣдичъ, И. А. Онгебардтъ и др. Кромѣ нихъ, постоянно участвовать въ газетѣ будутъ такіе и такіе». Наконецъ, «постоянно участвовать будетъ Вл. Ив. Немировичъ-Данченко и предполагаетъ попробовать себя въ новомъ для себя родѣ Антонъ Чеховъ». Все это похоже на слѣдующее, напримѣръ, объявленіе, которое я вырѣзываю изъ одной провинціальной газеты:

ЧЕРНО-ОЗЕРСКІЙ РЕСТОРАНЪ.

существуетъ съ 1872 года.

Подъ личнымъ управленіемъ В. П. Ожегова

Извѣщаю многоуважаемую публику, что мною вновь приглашенъ съ 1 января 1897 г., въ арендуемомъ мною ресторанѣ лучшій поваръ Е. А. Корниловъ, который будетъ приготовлять кушанья въ лучшемъ вкусѣ. Надѣюсь, что уважаемая публика не оставитъ мой ресторанъ своимъ посѣщеніемъ, такъ же, какъ и прежде, а я со своей стороны постараюсь удовлетворить желаніе публики. Принимаю заказы на всевозможные обѣды и ужины, какъ въ ресторанѣ, такъ равно на дому съ полной сервировкой и прислугой, при ресторанѣ играетъ австрійская дамская капелла подъ управленіемъ капельмейстера **Прейсига**.

Разница, однако, въ томъ, что Черно-озерскій ресторанъ, расхваливая своего повара, «который будетъ приготовлять кушанья въ лучшемъ вкусѣ», не бранитъ чужихъ поваровъ; тогда какъ литературный магазинъ, торгующій подъ фирмою «Я самъ и комп.», расхваливая свой товаръ, указываетъ, что другіе магазины торгуютъ товаромъ «легкомысленнымъ и расчитаннымъ на низкій вкусъ», «утомительно длиннымъ и малосодержательнымъ».

Какъ бы то ни было, съ новаго года мы имѣемъ цѣлый рядъ новыхъ газетъ, чего давно уже не было, и то и дѣло приходится слышать, главнымъ образомъ отъ провинціаловъ, вопросъ: что это значитъ? Мы, петербуржцы, народъ скептическій, да и болѣе въ курсѣ дѣла, и потому отвѣчаемъ: ничего не значитъ. Конечно, этого и изъ петербуржцевъ не скажутъ ни г. Баталинъ, ни г. Трубниковъ, ни г. Пятковскій, ни въ особенности «Я самъ и комп. Всѣ они—а, впрочемъ, всѣ-ли и они-то?—надо думать, вѣруютъ, что ими начинается новая эпоха въ исторіи русской литературы и жизни. Но со стороны виднѣе. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что до нынѣшняго года газетъ у насъ было слишкомъ мало для удовлетворенія все растущей въ нихъ потребности. И слѣдовало бы, конечно, радоваться прекращенію монополіи нѣсколькихъ удачниковъ, если бы... если бы, во-первыхъ, была увѣренность, что эта монополія не возродится, и если бы, во-вторыхъ, напримѣръ, не дѣйствительно «многолѣтняя извѣстность» редактора-издателя «Утро» г. Баталина, на которую онъ имѣетъ рѣшимость ссылаться, или извѣстность редактора-издателя «Міровые Отголоски» г. Трубникова; послѣдній, впрочемъ, предпочитаетъ не на свою извѣстность указывать, а на то, что его газета будетъ похожа на «Голосъ» и совсѣмъ не будетъ на него похожа.

Тѣмъ не менѣе и скептическіе петербуржцы были заинтересованы новыми газетами, по крайней мѣрѣ, ихъ первыми номерами, и вечеромъ 1-го января ихъ нельзя уже было достать у торгов-

цевъ газетами, все было распродано. Пересмотримъ нѣкоторые изъ этихъ первыхъ номеровъ, которые поцвѣтнѣе.

«Русь» открывается статьей «самаго» В. П. Гайдебурова: «Чѣмъ должна быть газета». Г. Гайдебуровъ сравниваетъ газету и съ «широкимъ бассейномъ», въ который стекаются «тонкими струйками мысли, чувства, настроенія, влеченія, инстинкты людей, разбросанныхъ, разобщенныхъ въ жизни», и съ «экраномъ, отражающимъ для нашего зрѣнія лучи нашей общественной жизни», и съ нервами. Онъ называетъ далѣе газету «осуществительницей величайшей культурной миссіи,—миссіи, связанной можетъ быть съ самыми таинственными міровыми цѣлями всего процесса органической жизни: перерожденіемъ *воли* въ *представленіе*». И за всѣмъ тѣмъ я, долженъ признаться, не понялъ, чѣмъ должна быть газета, по мнѣнію г. Гайдебурова. Конечно, виновата тутъ можетъ быть только именно моя непонятливость, но, можетъ быть, и красноречіе г. Гайдебурова не заслуживаетъ снисхожденія, и красноречіе, и разумѣніе. Тѣмъ болѣе, что самъ онъ, поднося разные великолѣпные титулы себѣ и своимъ сотрудникамъ, не имѣетъ снисхожденія къ прочему газетному человѣчеству. Онъ задается, между прочимъ, вопросомъ: «нужно-ли намъ вообще *много* газетъ» и отвѣчаетъ: «Я думаю, что намъ нужно не столько большое количество газетъ, сколько опредѣленное ихъ качество, и что безъ этого условія множество газетъ безполезно, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и вредно». Какая бы доля правды ни заключалась въ этомъ забучномъ разсужденіи, но согласитесь, что предлагать его читателю на первыхъ же строкахъ перваго номера новой газеты не сталъ бы и владѣлецъ Черно-озерскаго ресторана, если бы онъ былъ на мѣстѣ г. Гайдебурова: не сталъ бы даже и въ томъ случаѣ, если бы не былъ обезпеченъ такими «умными, талантливыми и передовыми» поварами, какъ гг. Дѣдовъ, Сыромятниковъ и проч.

Итакъ, чѣмъ же должна быть газета? Бассейномъ, экраномъ, нервомъ, перерожденіемъ воли въ представленіе... Все это, конечно, не оставляетъ желать лучшаго въ смыслѣ красоты слога, но немножко неопредѣленно. Нельзя-ли, по крайней мѣрѣ, узнать, въ чемъ состоитъ то «опредѣленное качество», безъ котораго даже множество газетъ безполезно, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ вредно? Это можно. Г. Гайдебуровъ называетъ это качество, не заслоняя экранами и бассейнами: искренность. Онъ говоритъ: «Я думаю, что если бы этого качества—искренности—требовали всѣ, и читатели, и редакціи, и писатели, и правительство, требовали бы во что-бы то ни стало, и всѣ свои дѣйствія направляли бы на то, чтобы обезпечить газетамъ, именно, это качество, — то всѣ тяжелые, иногда мучительные, вопросы устройства нашей печати рѣ-

шались бы сами собой, легко и просто, къ общему удовольствію, и газетъ у насъ было бы столько, сколько нужно для жизни, не больше и не меньше, и свободой, не только появленія на свѣтъ, но и роста и дѣйствія онѣ пользовались бы тоже въ мѣру, нужную для жизни, не больше и не меньше».

Чтобы газетъ было не меньше, чѣмъ нужно для жизни, — это естественное желаніе каждаго писателя и каждаго читателя, но г. Гайдебурова очень безпокоитъ мысль: а вдругъ, да ихъ будетъ *больше*, чѣмъ нужно? Казалось бы, волноваться тутъ не изъ чего, потому что, если бы оказалось излишество газетъ, такъ сама жизнь съ ними и справится. А вотъ, подите же, — волнуется человѣкъ, и въ волненіи своемъ даже искренность цѣнитъ въ качествѣ регулятора количества газетъ. Это мысль очень интересная, и ее можно бы было развить до предѣловъ, для г. Гайдебурова совершенно, по всей вѣроятности, неожиданныхъ. Но мы этимъ заниматься не будемъ. Замѣчу только, что вѣдь, напримѣръ, и г. Медвѣдскій требовалъ отъ меня недавно искренности, только искренности....

Любопытно еще слѣдующее замѣчаніе г. Гайдебурова: «у насъ иные боятся печати, какъ великой опасности, другіе возлагаютъ на нее миссію какой-то борьбы, по существу нелѣпой, ибо она должна быть прямо или косвенно, но въ концѣ концовъ все-таки «дозволена цензурой».

Я думаю, что если на печати лежитъ извѣстная созидательная, творческая задача, то не менѣе того и задача борьбы, доколѣ на свѣтѣ существуетъ всякаго рода неправда — неправда невѣжества и заблужденій и неправда нравственная. И если борьба эта происходитъ подъ контролемъ цензуры, такъ вѣдь не изъята изъ него и «искренность» г. Гайдебурова; и даже его перерожденіе воли въ представленіе...

Къ характеристикѣ «Руси» надо еще прибавить слѣдующее.

Въ статьѣ «Распространеніе земскихъ учрежденій», между прочимъ, говорится: «ниже, въ отдѣлѣ «сужденій печати», читатель найдетъ одно изъ важныхъ соображеній, принадлежащее мѣстному органу печати и касающееся вліянія земскихъ учрежденій на общій тонъ общественной жизни». Напрасно, однако, читатель будетъ искать «ниже» упомянутаго «важнаго соображенія»: его нѣтъ ни ниже, ни выше, какъ нѣтъ и всего отдѣла «сужденій печати». Г. Гайдебуровъ, занятый «самыми таинственными міровыми цѣлями всего процесса органической жизни», не досмотрѣлъ того, что у него подъ носомъ дѣлается. Это бываетъ, особенно, когда «Я самъ» вполнѣ увѣренъ, что его собственная болтовня объ экранахъ и бассейнахъ гораздо важнѣе «сужденій печати» вообще. Но чита-

тело это стояло выгодно. А г. Гайдебуровъ, повидимому, еще мнѣнія не пересмотрѣлъ. Въ объявленіяхъ «Руси» говорилось о двухъ изданіяхъ: первомъ, которое должно представлять собою большую газету размѣровъ «Новаго Времени» и «Новостей» (14 руб. въ годъ безъ доставки) и второмъ, маленькомъ, первый № котораго и лежитъ теперь передъ мной. И въ немъ напечатано: «Первое изданіе «Руси», вслѣдствіе сложныхъ техническихъ условій, начнетъ выходить въ свѣтъ лишь черезъ нѣкоторое время. Впредь до выхода перваго изданія, подписчикамъ этого изданія будетъ высылаться второе, а по выходѣ перваго имъ будетъ возвращена излишне внесенная ими часть подписной суммы, за время высылки второго изданія». Я не знаю, что называетъ г. Гайдебуровъ сложными техническими условіями, но, ухитрившись сдѣлать второй шагъ прежде перваго, онъ доказалъ, что для него никакія трудности не существуютъ. Любопытно бы только знать, долго-ли подписчики на первое изданіе «Руси» будутъ получать второе, которое они получать не желали. Такъ какъ г. Гайдебуровъ, вѣруя въ свое великолѣпіе, явственно сунулся въ воду, не спросясь брода, то «нѣкоторое время» можетъ, пожалуй, и на цѣлый годъ растянуться.

Самою цѣнною вещью въ первомъ № «Руси» является письмо папы Пія IX къ императору Александру II и отвѣтъ императора. Къ сожалѣнію, редакція «Руси», получившая эти во многихъ отношеніяхъ чрезвычайно интересные историческіе документы «изъ семейнаго архива» И. Л. Голенищева, не ручается за ихъ «точность».

Эти же любопытные документы напечатаны въ пробномъ и первомъ №№ газеты «Утро».

Я хотѣлъ говорить и объ этой газетѣ, но не буду. 4-го января ей объявлено запрещеніе розничной продажи. Не знаю, чѣмъ заслужила она эту кару, но, не имѣя причинъ желать успѣха газетѣ г. Баталина, не нахожу все-таки удобнымъ говорить объ ней, именно теперь. По той же причинѣ обойду молчаніемъ газету «Лучъ», 4-го января получившую первое предостереженіе и запрещеніе розничной продажи, а затѣмъ приостановившуюся впредь до утвержденія редактора...

Перехожу къ «Міровымъ Отголоскамъ». Газета эта, столь непохожая и столь не похожая на «Голосъ», стоитъ прежде всего, любо «Руси», за искренность. «Безусловная искренность и твердость убѣжденій стоитъ у насъ на первомъ планѣ», — этими словами начинается передовая статья въ первомъ номерѣ. Въ фельетонѣ того же номера проф. Тарховъ излагаетъ «задачи разума». По опредѣленію почтеннаго физіолога, идеальный мыслитель, дол-

женъ, кромѣ ума и знаній, отличаться еще тремя основными природными свойствами: «тонкой *отзывчивостью* ко всѣмъ явленіямъ общественной жизни, *тактомъ* при анализѣ ихъ и безграничнымъ стремленіемъ къ *правдѣ*. Такъ называемое «*чутье*», руководясь которымъ онъ улавливаетъ незамѣтныя для обыкновеннаго обывателя явленія общественной жизни и реагируетъ на нихъ надлежащимъ образомъ, находится въ ближайшей зависимости отъ его природной отзывчивости и высоты историческаго пониманія соціальныхъ явленій; *искренность*, прямолинейность, проявляемая публицистомъ при разборѣ тѣхъ или другихъ явленій или событій, является послѣдствіемъ его природнаго влеченія къ правдѣ; а *своевременность* подымаемыхъ публицистомъ вопросовъ и объективное обсужденіе ихъ являются послѣдствіемъ его природнаго такта».

Надо, однако, замѣтить, что заявленіе объ искренности, даже «безусловной искренности», не мѣшаетъ передовой статьѣ «Міровыхъ Отголосковъ» быть въ высокой степени криволинейною, какъ сказалъ бы проф. Тархановъ, отождествляющій, вѣроятно по неопытности въ публицистикѣ, искренность съ «прямолинейностью».

Передовая статья эта представляетъ собою какіе-то странные, капризно перепутанные арабески. Арабески—очень красивый орнаментъ, но только орнаментъ, и строить по ихъ образу и подобію самое зданіе дѣло невозможное. Арабески, не смотря на характерную для нихъ перепутанность ломаныхъ линій, представляютъ собою нѣчто художественно цѣльное. А логическіе арабески передовой статьи «Міровыхъ Отголосковъ» точно разными руками выписаны, при чемъ одна рука нисколько не сообразовалась съ тѣмъ, что дѣлаетъ другая и, можетъ быть, третья, четвертая. Общія мѣста о благѣ родины, о служеніи истинѣ и т. п. — въ счетъ не идутъ: ихъ во всѣхъ газетахъ, новыхъ и старыхъ, могла бы одна и та же рука писать, до такой степени они шаблонны. Но вотъ среди подобныхъ общихъ мѣстъ вдругъ кто-то вспоминаетъ о «биржевомъ ажіотажѣ» и вписываетъ соотвѣтственное, а другой придѣлываетъ нѣчто свое, о какой-то «болѣзни мнѣнія», третій интересуется состояніемъ беллетристики и опять же свое приписываетъ. Получается слѣдующее:

«Міровые Отголоски» будутъ всемѣрно стараться поставить извѣстные предѣлы развитію новыхъ пороковъ и новыхъ общественныхъ язвъ. Они будутъ стоять за искорененіе биржевого ажіотажа, за удаленіе всяческихъ шарлатановъ, шантажистовъ и, вообще, возлюбившихъ мзду неправедную и въ особенности тѣхъ, которые служатъ одновременно и Богу, и маммонѣ. Они еще энергичнѣе, чѣмъ нынѣ, будутъ стараться научать людей служить гражданственности не ради идоловъ языческой цивилизаціи, а во имя Бога живого и

истиннаго, повелительно требующаго любить «малыхъ сихъ» и жертвовать жизнію «за други своя». Въ здоровой Россіи оказываются явственные признаки болѣзни. Есть болѣзнь тѣла — тѣло Россіи здорово; есть болѣзнь мнѣнія, которая имѣетъ тѣ же признаки, какъ болѣзнь тѣла. Можно сравнить произведенія печати съ хорошими или дурными жизненными припасами, которые или укрѣпляютъ, или разстраиваютъ тѣло. Къ числу послѣднихъ слѣдуетъ отнести ту философію, которая отвергаетъ Бога и христіанскую мораль. Всякое торжество подобныхъ идей, искусственно возращаемыхъ въ обществѣ, есть пораженіе человѣческой цивилизаціи и задержка культуры, а печатное слово, распространяющее ихъ между строкъ, является орудіемъ злонамѣренности и недобросовѣстности. Въ самомъ дѣлѣ, вслѣдствіе распространенія такихъ идей, нравственный и умственный уровень въ обществѣ замѣтно падаетъ, искусства разлагаются, въ беллетристикѣ обнаруживается преобладаніе одной лишь формы, технически усовершенствованной, при отсутствіи глубокаго внутренняго содержанія. Мало того, благодаря всему этому, народныя массы, лишаясь въ извѣстной мѣрѣ здраваго руководящаго элемента, бѣднѣютъ и грубѣютъ».

Прочитавъ эту тираду, вы невольно задаетесь вопросомъ: какая связь между отдѣльными ея частями? Новые пороки... биржевой ажіотажъ... языческая цивилизація... болѣзнь мнѣнія... чтеніе между строкъ... упадокъ искусства... обѣдненіе народныхъ массъ... Быть можетъ, и есть такая точка зрѣнія, съ которой всѣ эти предметы объединяются въ одно цѣлое, но въ статьѣ «Міровыхъ Отголосковъ» она не указана. Не утверждаю я далѣе, что статья дѣйствительно разными руками писана, но она производитъ такое впечатлѣніе. Какая такая въ наше время «языческая цивилизація» — она-ли, именно, «распространяется между строкъ»? способствовала-ли, напримѣръ, въ античной Греціи настоящая языческая цивилизація упадку искусства? Какимъ путемъ писаніе между строкъ вліяетъ на обѣдненіе народныхъ массъ? и т. д., и т. д.

Что касается фельетона проф. Тарханова, то для пирожника, вздумавшаго тачать сапоги, онъ даже очень недуренъ. А съ теченіемъ времени почтенный физіологъ, можетъ быть, и совсѣмъ войдетъ въ свою новую роль. Между прочимъ, онъ возлагаетъ на печать благородную задачу «дѣйствуя въ духѣ симпатіи сознать міръ (миръ?) и согласіе между народами, способствуя на почвѣ любви и взаимности выгодъ соединенію народовъ міра въ одну высшую біологическую единицу, именуемую *человѣчествомъ* и члены которой, т. е. *народы* должны будутъ стоять въ тѣхъ же отношеніяхъ ко всему человѣчеству, какъ отдѣльные *органы* къ индивидуумъ или какъ *клѣтки* сложнаго организма къ дѣлому организму». Не-

зависимо отъ слишкомъ избитой аналогіи, это прекрасная мысль, хотя тоже довольно избитая, но нуждающаяся въ постоянномъ повтореніи. Страннымъ образомъ, рядомъ съ нею г. Тархановъ ставитъ такое положеніе: «печати нечего смущаться картиной грандіозныхъ затратъ цивилизованныхъ націй на вооруженія». И это потому, что, въ силу еще одной избитой мысли, милитаризмъ долженъ, такъ сказать, съѣсть самъ себя: чѣмъ грознѣе и убійственнѣе будутъ способы взаимнаго истребленія народовъ, тѣмъ труднѣе имъ будетъ рѣшаться на кровавыя распри. Вотъ что называется дѣйствительно «прямолинейностью», которую г. Тархановъ неосновательно смѣшиваетъ съ искренностью. Допустимъ, что усиленныя вооруженія приведутъ въ неизвѣстномъ будущемъ къ тѣмъ благимъ результатамъ, которыхъ ждетъ г. Тархановъ. Но все-таки улита ѣдетъ — когда то будетъ, а побочные результаты развивающагося по всей Европѣ милитаризма (хотя бы, напримѣръ, одно непомѣрное усиленіе налоговъ) совсѣмъ не такого свойства, что ими «печати нечего смущаться». Надо надѣяться, что недосмотръ г. Тарханова зависитъ отъ его неопытности и что, какъ говорится у Островскаго объ одномъ молодомъ человѣкѣ, «это отъ малодушества, со временемъ проходитъ».

Ожидаемая «Міровыми Отголосками» г. Трубникова высшая біологическая единица, именуемая человѣчествомъ, въ которой сольются всѣ національности, не соблазняетъ газету «Гласность» г. Пятковскаго. И вотъ почему: «Многіе народы глубокой древности достигли высшей степени матеріальнаго и духовнаго процвѣтанія, не имѣя ни малѣйшаго представленія о томъ, что принято теперь называть «политическою свободой», въ примѣненіи ея къ отдѣльнымъ личностямъ. Между тѣмъ, понятіе о національной свободѣ и независимости никогда не служило предметомъ споровъ и недоразумѣній; привязанность къ родному языку, отечеству, религіи и обычаямъ, т. е. къ тому, что называется «національною индивидуальностью», всегда жила и будетъ еще долго жить въ сознаніи народовъ, не смотря на проповѣдь космополитовъ о какой-то «общечеловѣческой семьѣ».

Какъ будетъ «Гласность» проводить демаркаціонную линію между политическою и національною свободою — можно отчасти уже и изъ перваго номера видѣть. Органъ г. Пятковскаго очень недоволенъ Европой, но вмѣстѣ съ тѣмъ выбираетъ для себя одну изъ европейскихъ программъ, при томъ одну изъ худшихъ: антисемитизмъ. Валить всѣ бѣды на евреевъ по малой мѣрѣ не умно и въ Европѣ, хотя бываетъ и выгодно для желающихъ мутить воду, дабы съ тѣмъ большимъ удобствомъ ловить въ ней рыбу. А «Гласность» желаетъ и къ намъ привить эту по малой мѣрѣ не умную

точку зрѣнія. Естественно выходитъ еще не умнѣе, чѣмъ въ Европѣ. Передовая статья перваго № «Гласности» рекомендуется, между прочимъ, такъ: «Мы отрицаемъ и аракчеевщину, идущую сверху, и пугачевщину, поднимающуюся снизу». Это не удивительно: хорошаго мало, какъ въ аракчеевщинѣ съ одной стороны, такъ и въ пугачевщинѣ съ другой, такъ что едва-ли даже есть надобность столь торжественно «отрицать» ихъ». Но удивительно непосредственное продолженіе отрицанія «Гласности»: «*Идя по этому пути*, мы будемъ отходить одинаково далеко и отъ дикаго обскурантизма нашей псевдо-консервативной прессы, и отъ буржуазно-еврейскаго либерализма, ведущаго недостойную игру со всѣми принципами христіанской цивилизаціи и гуманности». Емельянъ Пугачевъ вѣроятно очень удивился бы такому сопоставленію его съ «буржуазно-еврейскимъ либерализмомъ», да и послѣдній, въ свою очередь, почувствовалъ бы себя немножко жутко въ обществѣ Емельяна Пугачева. Но «я думаю, что Карфагенъ надо разрушить». Въ томъ же первомъ № «Гласности» есть статья «Россія и Западная Европа», въ которой читаемъ: «Что такое изображаетъ собою пресловутое западно-европейское «братство людей» какъ не братскій союзъ лже-либерализма съ «вѣчнымъ жидомъ», общими усиліями подготовляющихъ побѣду талмудизма надъ христіанствомъ и капитала надъ трудомъ». Ясно, что надо разрушить, именно, Карфагенъ, а не что либо иное. — Задачу свою «Гласность» формулируетъ такъ: «Открывать и бичевать всякое злоупотребленіе духовной властью, всякое нарушеніе закона и долга перед Царемъ и отечествомъ, способствовать развитію и самосовершенствованію созданныхъ русскимъ народомъ и созданныхъ ему верховной властью національныхъ учрежденій,—вотъ что мы понимаемъ подъ гласностью и прогрессомъ, и къ чему будемъ стремиться по мѣрѣ силъ и способностей на столбцахъ нашей газеты».

Но разрушить-то все-таки надо Карфагенъ, ибо въ другомъ мѣстѣ той же статьи, объявляя себя «принадлежащею къ партіи союза Царя съ народомъ» («возможно-ли говорить о такой партіи?»), газета сводитъ ея задачу, всю цѣликомъ, къ слѣдующему: «по возможности отстаивать государственное и національное единство Россіи отъ проникновенія чужеродныхъ разлагающихъ элементовъ: несмотря на всѣ таможенныя преграды, элементы эти, въ видѣ безпочвенныхъ сыновъ Израиля и туземствующихъ либераловъ, уже успѣли свить себѣ гнѣзда въ русскомъ обществѣ и даже, увы, проникли въ качествѣ паразитовъ въ русскій народъ».

Такимъ образомъ, «всякое злоупотребленіе духовною властью, всякое нарушеніе закона» исходитъ, повидимому, отъ «чужеродныхъ

и разлагающихъ элементовъ», а иныхъ чужеядныхъ и разлагающихъ элементовъ, кромѣ «безпочвенныхъ сыновъ Израиля и іудействующихъ либераловъ», у насъ нѣтъ... Сомнѣваюсь, чтобы газета, одолѣваемая столь однопредметною idée fixe, могла сослужить полезную службу своему отечеству. И какъ не вспомнить Каткова, котораго, надо думать, и г. Пятковскій не заподозритъ ни въ «іудействующемъ», ни въ какомъ другомъ либерализмѣ и который, кажется, не подлежитъ подозрѣнію по части «государственнаго и національнаго единства Россіи». Въ 1882 г. онъ писалъ: «Нельзя всѣхъ евреевъ собрать въ одну шею, чтобы заразъ отрубить имъ всѣмъ головы; нельзя также выгнать ихъ всѣхъ за нашу границу, если не считать таковою теченіе Днѣпра; нельзя и переселить всѣ эти четыре милліона въ восточные края, трудно также выслать ихъ всѣхъ въ Палестину или въ Америку. Сколько бы умныхъ вещей мы ни наговорили, мы все-таки останемся съ евреями, въ этомъ сомнѣнія быть не можетъ при малѣйшемъ серьезномъ взглядѣ на дѣло. Откуда-же теперь, именно теперь, это странное возбужденіе, которое ни къ чему доброму придти не можетъ» («Московскія Вѣдомости» 1882, № 110). Въ томъ же году (№ 94) Катковъ по одному частному вопросу писалъ: «Если къ кабаку мы равнодушны, то противъ шинкаря-жида мы вдругъ вознегодовали до готовности избить и сжить со свѣта все еврейское населеніе. Въ жидѣ-шинкарѣ увидѣли мы почему-то вдругъ виновника раззоренія Россіи и бѣдственнаго состоянія ея крестьянства»...

Цитаты эти напоминаютъ намъ, что есть и еще одна, если не новая, то обновленная газета—«Московскія Вѣдомости», поступившія съ конца прошлаго года въ завѣдываніе г. Грингмута.

Свое вступленіе въ редактированіе «Московскихъ Вѣдомостей» г. Грингмутъ оповѣстилъ особой статьей, смыслъ которой состоитъ въ томъ, что новый редакторъ намѣренъ «постепенно вводить въ содержаніе газеты дальнѣйшія усовершенствованія, соотвѣтствующія ея достоинству и значенію»; но —прибавляетъ г. Грингмутъ «измѣненія эти, само собою разумѣется, отнюдь не будутъ касаться той ясной, опредѣленной программы, которую завѣщалъ своимъ преемникамъ М. Н. Катковъ» («Москов. Вѣд. 10 дек. 1896, № 340). Программа Каткова едва-ли была столь ясна и опредѣленна, какъ думаетъ новый редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей», но нѣкоторыя ея части, и главнымъ образомъ отрицательные ея пункты были дѣйствительно достаточно опредѣленны. Такъ что въ этомъ отношеніи г. Грингмуту нѣтъ надобности выдумывать порохъ. Но

въ чемъ же состоятъ «дальнѣйшія усовершенствованія, соотвѣтствующія достоинству и значенію» газеты?

Одинъ эпизодъ изъ дѣятельности новой редакціи «Московскихъ Вѣдомостей» надѣлалъ большого шума, и можетъ быть именно въ немъ слѣдуетъ искать выраженія тѣхъ усовершенствованій, которыя соотвѣтствуютъ «достоинству и значенію» печатнаго слова, какъ ихъ понимаютъ «Московскія Вѣдомости».

Въ № 349 (19 дек. 1896), въ передовой статьѣ, озаглавленной: «Есть ли въ Россіи партіи?» «Московскія Вѣдомости», между прочимъ, пишутъ: «Мы снова повторяемъ то приглашеніе, которое мы уже разъ сдѣлали оффиціальнымъ органамъ нашихъ враговъ, «Русскимъ Вѣдомостямъ» и «Вѣстнику Европы» — пусть они категорически заявятъ себя вѣрноподданными Русскаго Самодержавнаго Царя, и мы готчасъ повѣримъ имъ. Развѣ это такъ трудно для нихъ? Вѣдь это только было бы повтореніемъ принесенной ими присяги». За исполненіе этого требованія «Московскія Вѣдомости» обѣщали великія и богатыя милости, обѣщали «съ открытою радостью, съ искреннимъ восторгомъ первые протянуть руку своимъ теперешнимъ врагамъ». Но «Русскія Вѣдомости» не польстились на эти обѣщанія, и такъ какъ это было уже не первое къ нимъ «приставаніе», то они, очевидно, вышли, наконецъ, изъ терпѣнія и отвѣтили съ несвойственною имъ рѣзкостью. Почтенная газета объявила именно, что она не намѣрена отвѣчать на «глупые вопросы», и въ свою очередь сама задала вопросъ: кѣмъ уполномоченъ г. Грингмутъ призывать людей ко вторичной присягѣ? Вопросъ дѣйствительно любопытный. Въ законѣ точно указаны обстоятельства, при которыхъ приносится присяга, и нѣтъ такого закона, чтобы любой охочій человѣкъ, — хотя бы онъ назывался г. Грингмутъ, — могъ въ любое время хватать любого мимоходящаго человѣка, — хотя бы это былъ его врагъ, — и приводить его къ присягѣ. Немудрено, что вопросомъ, заданнымъ «Русскими Вѣдомостями», заинтересовалась и петербургская печать: «С.-Петербургскія Вѣдомости», «Новое Время», «Торгово-Промышленная газета», «Лучъ», «Народъ» и, кажется, еще нѣкоторыя газеты. Даже кн. Мещерскій не одобрилъ. Любопытно слѣдующее, вырвавшееся у него при этомъ признаніе: «Съ плеткою въ рукахъ, съ дерзкою и превысокомѣрною рѣчью въ устахъ, въ защиту завѣтовъ и основъ русскаго порядка, нельзя при самыхъ умныхъ и сильныхъ рѣчахъ внушать любовь къ тому, во имя кого или чего возвышаешь голосъ... Своихъ все-таки смущаешь, а чужихъ множишь... Я это

*) Въ одной изъ нашихъ статей, появившихся въ «Русскомъ Обозрѣніи» за подписью «Spectator».

прежде не сознавалъ, но потомъ понялъ и пришелъ къ убѣжденію, что первое условіе успѣха въ борьбѣ съ политическимъ противникомъ,—это дать понимать и чувствовать читателю спокойствіе за себя и терпимость къ нему». Достоинъ также вниманія конецъ статьи г. Гольмстрема въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»: «Московскія Вѣдомости» считаютъ себя, повидимому, всею Россіей, единою Россіей и единственно русской партіей, а также монополистами благонадежности. Мнѣ, пожалуй, можно было бы радоваться этому, потому что я только что получилъ отъ нихъ свидѣтельство благонадежности, въ видѣ приглашенія сотрудничать. Пусть настоящая статья будетъ моимъ отвѣтомъ».

Г. Грингмуту пришлось выслушать много непріятныхъ для него вещей—и выслушать молча, да и что бы онъ могъ возразить? Но въ душѣ онъ, можетъ быть, и до сихъ поръ думаетъ, что съ его стороны произошла только, такъ сказать, техническая ошибка, въ принципѣ не противорѣчащая «достоинству и значенію газеты».

Другіе органы печати думаютъ иначе. Но вотъ что любопытно. Самъ г. Грингмутъ указываетъ, что онъ уже не въ первый разъ дѣлаетъ свое странное предложеніе. Почему же только теперь встрѣтило оно насмѣшки и негодованіе? Habent sua fata всякаго рода писанія, и я думаю, что безобразная выходка «Московскихъ Вѣдомостей» прошла бы незамѣченною или, по крайней мѣрѣ, не отмѣченною, если бы автору отвѣта «Русскихъ Вѣдомостей» не легла подъ перо удачная постановка вопроса: кѣмъ уполномоченъ г. Грингмутъ приводить людей ко вторичной присягѣ? Но, воздавая ей должное, какъ полемическому пріему, надо все-таки сказать, что постановка эта указывала только на присвоеніе себѣ г. Грингмутомъ исключительныхъ правъ, ему не принадлежащихъ. Это обстоятельство, конечно, достойно всякаго вниманія, какъ особенно яркое и наглядное выраженіе стремленія нашихъ такъ называемыхъ консерваторовъ узурпировать ту самую власть, къ огражденію которой они объявляютъ себя нарочито призванными. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь именно искреннѣйшій вѣрноподданный и убѣжденнѣйшій приверженецъ самаго принципа самодержавія долженъ возмутиться требованіемъ г. Грингмута, все равно, какъ искреннѣйшій православный возмутился бы, узнавъ, что какой нибудь охочій человѣкъ требуетъ отъ мимоходящихъ громогласнаго прочтенія символа вѣры. Изъ этого слѣдуетъ, что такъ называемая благонамѣренность, при излишнемъ усердіи не по разуму способна ставить своихъ носителей въ очень двусмысленныя положенія. Своимъ вопросомъ Русскія Вѣдомости рѣзко выдвинули эту сторону дѣла, но у него есть еще и другая сторона, насъ, представителей печатнаго слова, собратовъ г. Грингмута по профессіи.

ближе касающаяся. Нельзя сказать, чтобы и эта сторона не была затронута въ газетныхъ статьяхъ, вызванныхъ упомянутымъ полемическимъ эпизодомъ, но мнѣ кажется, она не была оцѣнена въ достаточной мѣрѣ.

Формальнаго, юридическаго права призывать кого ему вздумается къ присягѣ г. Грингмутъ не имѣетъ, и разъ онъ посягаетъ на это не ему принадлежащее право,—онъ самъ себя ставитъ въ комическое положеніе вмѣсто того грознаго, которое онъ желаетъ занять: онъ потребуетъ присяги, а ему посмѣются въ глаза, и дѣло съ концомъ. Не имѣетъ онъ также права подвергать заподозрѣнныхъ имъ въ чемъ либо предосудительномъ полицейскому надзору и сыску, для этого существуютъ особые спеціальные органы государства. И если г. Грингмутъ обратится, напримѣръ, ко мнѣ съ допросомъ, я можетъ быть и удовлетворю его любознательность какъ удовлетворилъ недавно любознательность г. Медвѣдскаго, который, мимоходомъ сказать, теперь «категоряетъ усю систему» въ газетѣ г. Грингмута: (qui se ressemblent—s'assemblent), а можетъ быть предоставлю ему вопіять въ пустынѣ или скажу, какъ «Русскія Вѣдомости»: «на такіе глупые вопросы я не отвѣчаю». Но этимъ еще не рѣшается вопросъ о нравственномъ значеніи подвиговъ «Московскихъ Вѣдомостей», о томъ, въ какой мѣрѣ составляютъ они «усовершенствованіе, соотвѣтствующее достоинству и значенію» печатнаго слова. Повторяю, и въ этомъ отношеніи различные органы печати высказались, но пикантный вопросъ о правѣ г. Грингмута привести къ присягѣ какъ-то заслонилъ собою нравственный элементъ подвиговъ новаго редактора московской газеты и помѣшалъ обратить должное вниманіе на нѣкоторыя подробности ихъ.

Въ № 363 «Московскихъ Вѣдомостей» (13 дек.) напечатана статья «Краснорѣчивое молчаніе», подписанная «Эскамильо». Это есть нѣкоторое дополненіе или разъясненіе къ «опыту изслѣдованія либеральной терминологіи». Прежде, чѣмъ приступить къ изученію «краснорѣчиваго молчанія», г. Эскамильо изслѣдовалъ термины «доносъ», «инсинуація», «искаженіе мыслей». Онъ пришелъ къ тому заключенію, что термины эти употребляются «либералами» неправильно, а именно для замаскированія либо своего сознанія, либо преступныхъ цѣлей, и тѣ благорешѣйшіе поступки, которые «либералы» клеймятъ этими названіями, отнюдь ихъ не заслуживаютъ. Надо замѣтить, что г. Эскамильо, подобно «Московскимъ Вѣдомостямъ» вообще, полагаетъ, повидимому, что у насъ на Руси существуютъ только двѣ сорта людей: «консерваторы» и «либералы», при чемъ первые и должны существовать, существованіе же послѣднихъ незаконно. Разъяснивъ упомянутые три термина «Э-

бералыной терминологіи», г. Эскамильо приступаетъ къ четвертому: «залѣзаніе въ душу», при чемъ выясняется и «консервативный» терминъ «краснорѣчивое молчаніе». Поистинѣ изумителенъ тотъ развязно хвастливый и вмѣстѣ съ тѣмъ шипящій, захлебывающійся отъ злорадства тонъ, которымъ г. Эскамильо излагаетъ свои мысли. Онъ пишетъ: Противники либерализма, изволите видѣть, залѣзаютъ въ ихъ душу и, не гнушаясь подобной операціи, извлекаютъ изъ либеральныхъ душъ то, что особенно ревниво охраняется отъ посторонняго взора. Судя по необычайно грустной интонаціи, съ которою произносятся жалобы на «залѣзаніе въ душу», нужно думать, что сія операція производится отнюдь не безуспѣшно». Каковъ стиль?! Онъ мнѣ напоминаетъ одну сцену въ «Князѣ Серебряномъ» гр. А. Толстого,—когда Малюта Скуратовъ приходитъ издѣваться надъ кн. Серебрянымъ: «Голосъ Малюты обыкновенно грубый, теперь походилъ на визгъ шакала, нѣчто между плачемъ и хохотомъ». Онъ говоритъ: «Дозволь мнѣ, худородному, изъ княжеской спины твоей ремней выкроить! Дозволь мнѣ, холопу, боярскую кожу твою на конскій чепракъ снять! Дозволь мнѣ, смердному рабу, вельможнымъ мясомъ твоимъ собакъ моихъ накормить!»

Я не то, конечно, хочу сказать, что г. Эскамильо такъ же страшенъ какъ Малюта Скуратовъ; я даже не думаю, чтобы разговору о г. Эскамильо приличествовала исключительно необычайно грустная интонація». Нѣтъ, это зависитъ отъ настроенія. Можно, разумѣется, и погрустить объ униженіи «достоинства и значенія» печатнаго слова, но можно и разгнѣваться, а можно и посмѣяться надъ безсильной пародіей Малюты,—а что она есть дѣйствительно безсильная пародія, объ этомъ свидѣтельствуетъ встрѣча, оказанная новой редакціи «Московскихъ Вѣдомостей» самыми разнородными органами печати. Но шипящій тонъ «сей операціи», которой «не гнушаются» г. Эскамильо и его единомышленники, есть именно выраженіе сознающей себя нравственной «худородности», мстящей чужому превосходству: да, они, «изволите ли видѣть», по своимъ возвышеннымъ понятіямъ о «достоинствѣ и значеніи» печати, «гнушаются» нашими пріемами, а мы, худородные, все-таки «залѣзаемъ въ душу» и «производимъ» «сію операцію отнюдь не безуспѣшно».

И г. Эскамильо вполнѣ беззастѣнчиво разсказываетъ, въ чемъ, именно, состоитъ операція «залѣзанія въ душу». Иногда, говоритъ онъ, мы ловимъ своихъ противниковъ на «неосторожныхъ словахъ», иногда настигаемъ ихъ «между строкъ» и на «эзоповскихъ изворотахъ», но иногда они просто молчатъ,—какъ тутъ быть? не оставлять же молчащихъ въ покоѣ только потому, что они молчатъ? «Кто молчитъ умышленно, преднамѣренно, тотъ долженъ принять на себя и неудобства, находящіяся въ зависимости отъ занятой

лмъ позиціи. Комментировать молчаніе, *вообще* говоря, какъ и людей, принадлежитъ г. Эскамильо, разумѣется, нельзя съ такою *точностью*, съ какою можно комментировать слова. Но основная причина молчанія *въ опредѣленномъ случаѣ* — всегда ясна. Въ ней ошибиться трудно. Поэтому-то разсматриваемый родъ молчанія и носитъ названіе *краснорѣчиваго*. И г. Эскамильо предполагаетъ продолжать свои опыты изслѣдованія либеральной (и консервативной) терминологіи, отмѣчая одновременно и практическое примѣненіе либералами тѣхъ терминовъ, о которыхъ мы разсуждаемъ теоретически. Такимъ образомъ намъ предстоитъ увидѣть рядъ изслѣдованій не только книгъ, статей, вообще, литературныхъ произведеній Ивана, Сидора, Петра, но и ихъ *молчаній*... Пока г. Эскамильо даетъ только неопредѣленный образчикъ этого рода изслѣдованій. Онъ говоритъ: «Предположимъ, для примѣра, что въ репертуаръ франко-русскихъ торжествъ какая-нибудь газета, внимательно слѣдившая за гораздо меньшими событіями дня, ни слова не стала бы печатать объ этихъ торжествахъ. Всякій читатель газеты имѣлъ бы право предположить, что такое молчаніе *преднамѣренно*, потому что *неестественно*. *Естественно* говорить о всѣхъ такихъ торжествахъ, а не замалчивать ихъ. Почему же молчитъ газета? На это намъ можетъ дать отвѣтъ ея общее направленіе. Если она — газета космополитическая (то есть, признающая всѣ патріотизмы, за исключеніемъ русскаго), то съ малѣйшей оговорки я вы, и я, и каждый другой имѣетъ основаніе придти къ выводу: газета молчитъ, *потому что не сочувствуетъ* франко-русскимъ торжествамъ».

Что же, однако, дѣлать съ людьми, молчаніемъ выражающими свое несочувствіе франко-русскимъ торжествамъ? Что они люди преступные, — это несомнѣнно для г. Эскамильо. Хотя и Каковъ въ разныя времена различно относился къ мысли о союзѣ Россіи съ Франціей, но теперь его приверженцы даже молчаніе на эту тему объявляютъ преступленіемъ или, по крайней мѣрѣ, признакомъ преступности, потому что, дескать, это — молчаніе на преступную тему... или преступное молчаніе на обязательную тему? Правда не знаю, какъ слѣдуетъ квалифицировать краснорѣчивое молчаніе съ точки зрѣнія вмѣненія. Въ этомъ отношеніи нѣтъ никакихъ указаній ни въ нашемъ дѣйствующемъ законодательствѣ, ни въ всей исторіи права. Что наши законы не воспрещаютъ молчанія, — это, конечно, нѣтъ надобности доказывать... Но вотъ, напримѣръ, даже Тацитъ (который долженъ быть извѣстенъ г. Гзаумуту по французской скамьѣ), вспоминая въ жизнеописаніи Агриколы гнусное время Домиціана, говоритъ: «Шпіонствомъ было лишено у насъ даже общеніе посредствомъ слова и слуха. Мы потеряли бы вмѣстѣ съ

голосомъ и самую память, если бы также было въ нашей власти забывать, какъ и *молчать*». (Цитирую по переводу г. Модестова: «Сочиненія Корнелія Тацита» I, 4). Такимъ образомъ, на что ужъ были жестокія времена, а на «власть молчать» ни у какого тогдашняго Эскамильо все-таки не поднималась рука. При Клавдіѣ славился въ качествѣ «обвинителя», какъ тогда называли этого рода людей, нѣкій Суиллій. Между прочимъ, онъ обвинялъ одного римскаго всадника въ томъ, что тотъ видѣлъ неблагонамѣренный сонъ, «именно, что онъ видѣлъ Клавдія въ вѣнкѣ изъ колосьевъ, при чемъ колосья были перевернуты внизъ, и *будто бы онъ говорилъ*, что это сновидѣніе означаетъ дороговизну хлѣба» (Тацитъ, «Лѣтопись», кн. XI, гл. IV). Все-таки—«будто бы онъ *говорилъ*»..

Не буду больше цитировать Тацита, а только посовѣтую гг. Грингмуту и Эскамильо освѣжить въ своей памяти творенія великаго историка, котораго и они, конечно, признаютъ великимъ. Желая даже превзойти описанныя имъ мрачнѣйшія времена всемірной исторіи, они дѣлаютъ такой же промахъ, какъ и призывая мимоходящихъ ко вторичной присягѣ: не въ ихъ власти отнять у кого-нибудь «власть молчать». Но допустимъ, что ихъ нелѣпыя выходки могутъ отразиться на молчащихъ практическими послѣдствіями. Каковы же эти послѣдствія будутъ? Представимъ себѣ, что, напримѣръ, писатели X и Z молчатъ о франко-русскихъ дѣлахъ и отношеніяхъ, или о какомъ бы то ни было другомъ предметѣ: и молчатъ, именно, потому, что ихъ мнѣнія на этотъ счетъ, если бы они были высказаны, были бы признаны вредными. Чего же лучше съ самой архи-охранительной точки зрѣнія: вредныя идеи не распространяются. Но вотъ является г. Эскамильо, «лѣзетъ въ душу» къ X и Z и выволакиваетъ оттуда на бѣлый свѣтъ вредную идею. Можно бы было не безъ успѣха доказывать, что это поступокъ «не патріотическій» и «не благонамѣренный». Но мы этимъ заниматься не станемъ, а продолжимъ свою гипотезу, что «залѣзаніе въ душу» отражается на X и Z, «краснорѣчивое молчаніе» которыхъ должно, по могущественному слову г. Эскамильо, прекратиться. Предположимъ далѣе, что, прекративъ свое молчаніе, X откровенно высказываетъ свои вредныя идеи, — настолько вредныя (изъ-за пустяковъ поднимать шумъ, конечно, не стоитъ), что немедленно же или по прошествіи извѣстнаго времени долженъ опять замолчать; Z же, напротивъ того, устрашенный, начинаетъ прикидываться благонамѣреннымъ во вкусѣ г. Эскамильо и, можетъ быть, даже превосходитъ его рвеніемъ... Впрочемъ, нѣтъ, это ужъ, пожалуй, и лишнее, да едва ли и возможно, а пусть Z преклоняется передъ воззрѣніями г. Эскамильо и старается, въ мѣру своихъ силъ и способностей, ему подражать: въ свою очередь залѣзаетъ кому слѣдуетъ въ душу,

выволакиваетъ оттуда вредныя идеи и т. д. вплоть до полнаго очищенія всего поля россійской словесности. Какая величественная перспектива и какъ сладостно долженъ онъ чувствовать среди этого чистаго поля г. Эскамильо! Какъ высоко поднять онъ достоинство и значеніе печатнаго слова!.. Всѣ плевелы выдернуты, и осталась одна пшеница... Но... есть, вѣдь, они маленькія мошки, способныя иногда испортить самую величественную перспективу и отравить самыя возвышенныя радости,—но вѣдь Z не большие, ни меньше, какъ вѣдь и лицемѣры, лишь внѣшнимъ образомъ, страха ради Эскамильо, отрекшіеся отъ своихъ вредныхъ идей. Они ихъ держатъ, какъ камень, за пазухой и при случаѣ швырнетъ имъ совсѣмъ не въ ту сторону, куда желательно г. Эскамильо. Если же г. Эскамильо, столь охочій до залѣзанія въ душу, не интересуется тѣмъ, что у его сотоварищей находится за пазухой: если онъ исповѣдуетъ безобразную мораль, выражаемую пословицей: «люби не люби, а почаще взглядывай», то мы-то, посторонніе, отлично видимъ, что эта мораль не только безобразна, а и опасна. Жена, отъ которой требуютъ, чтобы она только почаще взглядывала, а любитъ она или не любитъ, это, вѣдь, все равно, такая жена не даетъ мужу и настоящихъ ласкъ. Такъ и у Z нѣтъ и не можетъ быть настоящихъ, отъ сердца къ сердцу идущихъ словъ для выраженія лицемѣрно воспринятыхъ имъ идей. Онъ можетъ съ дѣланною выразительностью колотить себя въ грудь, рвать на себѣ одежды, метать словесные громы и молніи, но все это будетъ не настоящее и ни коимъ образомъ не поспособствуетъ истинному достоинству и значенію литературы. Иное дѣло сердце можетъ, конечно, радоваться, что идеи г. Эскамильо исчерпываются безсильными лицемѣрами. — я даже можетъ быть совсѣмъ не злымъ сердцемъ надо для такого радованія обладать, — но я говорю только о достоинствѣ и значеніи литературы, независимо отъ ея идейнаго содержанія, а тѣмъ въ связи съ громами и молніями ея представителей. Какъ искреннее выраженіе и вѣтхыхъ мнѣній, одинаково достойны уваженія и «хранительная», и «либеральная», и всякая другая литература, — можно вѣдь и врага уважать. Но лицемѣрнаго въ томъ уваженія не вызываетъ, что въ душѣ каждаго истинно честнаго зрѣлища и къ тому, кому оно хочется сдѣлать, не говоря уже о тѣхъ, на чей счетъ не своя операція производится. Отсюда ужь ни въ какомъ случаѣ не вытекаетъ, а лишь плевелы, называемые (въ нашей гипотезѣ) г-мъ Эскамильо, вымы. — Но не всѣ другіе плевелы вырваны, — напоминаетъ г. Эскамильо. Х это подтвердитъ. — Да, но вѣдь онъ и прежде мечтать, въ крайней мѣрѣ по этому вопросу, которыя г. Эскамильо признаетъ «правильнымъ», для всего своего пахота. И если онъ теперь самъ совсѣмъ

хотя это и есть дѣло рукъ г. Эскамильо, но послѣдній тѣмъ самымъ выдалъ самому себѣ testimonium paupertatis, свидѣтельство о духовной бѣдности, безсильной бороться съ литературнымъ врагомъ литературными средствами. И если эта духовная бѣдность вдвоемъ съ лицемѣріемъ гарцуютъ по чистому полю россійской словесности, то «достоинство и значеніе» печатнаго слова... гдѣ они?

Все это чистая гипотеза, въ дѣйствительности въ полномъ своемъ объемѣ немыслимая: къ счастію, у г. Эскамильо руки коротки. Но въ нѣкоторыхъ органахъ печати несомнѣнно господствуетъ тенденція къ осуществленію этой гипотезы, вслѣдствіе чего духовная скудость и лицемѣріе играютъ достаточно видную роль въ современной литературѣ. И эти-то жалкіе нищіе и лицемѣры смѣютъ говорить о достоинствѣ и значеніи литературы, они, каждымъ своимъ шагомъ унижающіе литературу! Не мнѣ жалѣть объ томъ, что гг. Грингмуты и Эскамильо компрометируютъ себя и свою партію выходками въ родѣ требованія вторичной присяги или оправданія «залѣзаній въ душу». Если бы дѣло только объ нихъ шло, то пусть бы себѣ громоздили одну гору глупостей и безтактностей на другую. Но въ своемъ безумномъ стремленіи не мытьемъ, такъ катаньемъ погубить своихъ противниковъ, утопить ихъ какими бы то ни было средствами, они, сами того не понимая, топятъ не только себя, а и всю литературу. Было время, когда имѣла смыслъ насмѣшка надъ тѣми, кому «печатный каждый листъ быть кажется святымъ». Время это прошло, теперь ужъ едва ли есть наивные люди, съ благоговѣніемъ взирающіе на каждый печатный листъ и на каждаго писателя. И хорошо, конечно, что это время прошло, потому что оно свидѣтельствовало, съ одной стороны, о зародышевомъ состояніи общественнаго сознанія, а съ другой — о полной оторванности литературы отъ жизни. По мѣрѣ того, какъ литература сближалась съ жизнью, спускаясь съ холодныхъ вершинъ отвлеченности въ міръ житейскихъ радостей и печалей въ ихъ осязательной практической формѣ, естественно должны были являться люди благодарные ей и обиженные ею, друзья и враги. Наступило время гораздо болѣе трудное, потому что гораздо болѣе отвѣтственное; но какъ бы ни было оно трудно, какъ бы ни безвозвратно далека отъ насъ была первоначальная идиллія, а литература въ цѣломъ, какъ литература, какъ голосъ общественнаго сознанія со всѣми его оттѣнками, можетъ пользоваться общимъ уваженіемъ; можетъ и должна этого добиться, иначе въ корень подрѣзанъ самый смыслъ ея существованія. Дѣло не въ томъ, что г. Грингмутъ или г. Эскамильо — консерваторы, а въ томъ, что они прибѣгаютъ къ недостойнымъ литературы пріемамъ и движутся недостойными литературы мотивами. Ни съ консервативной, ни съ какой дру-

гой политической точки зрѣнія «залѣзаніе въ душу» молчащаго человѣка не нужно и не полезно. Нужно оно этимъ господамъ, чтобы заслужить одобреніе своей патріотической дѣятельности, отъ которой не ускользаетъ даже не распространяемая, не выраженная вредная идея, оно полезно имъ, какъ отравленное оружіе въ борьбѣ съ конкурирующими органами печати. А это, конечно, мотивы мало почтенные, прямо недостойные литературы, какъ выраженія общественнаго сознанія въ его консервативномъ, какъ и всякомъ другомъ оттѣнкѣ. Повидимому, выходки «Московскихъ Вѣдомостей» ничьего одобренія не заслужили и отравленное оружіе оказалось не смертоноснымъ, но фактъ униженія литературы остается. А вѣдь выходки эти—только грубѣйшія варіаціи на темы, давно и часто эксплоатируемыя. Мы такъ къ этому привыкли, что даже не замѣчаемъ до какой степени наша общественная атмосфера заряжена нелѣпою подозрительностью и безсмысленными обвиненіями.

Возьмемъ, напримѣръ, такой эпизодъ, — одинъ изъ сотенъ, можетъ быть, тысячъ. Въ № 146 «14 дек. 1896 г.» газеты «Вятскій Край» напечатанъ отчетъ о засѣданіяхъ вятскаго губернскаго собранія 11—13 декабря. Слушался, между прочимъ, докладъ о дешевыхъ сельскихъ библіотечкахъ, устроенныхъ по мысли покойнаго, такъ безвременно погибшаго Батуева. Докладъ вызвалъ «продолжительныя и жаркія пренія». Нѣкто г. Чемодановъ прочиталъ записку, въ которой между прочимъ говоритъ, «что онъ ничего не имѣетъ противъ симпатичнаго и полезнаго учрежденія дешевыхъ сельскихъ библіотекъ, предпринятаго губернскою управою по иниціативѣ незабвеннаго просвѣтителя сельскаго населенія вятскаго края А. П. Батуева»; но что при томъ онъ недоумѣваетъ, откуда «въ обращеніи у народа встрѣчаются книги, которыя воспрещены или не могутъ быть одобрены для чтенія въ народѣ, какъ напр. «О попѣ и работникѣ его Балдѣ» Пушкина, «Хозяинъ и работникъ», «Свѣчка», «Три старца» и тому подобныя тенденціозныя изліянія графа Толстого, «Русалка» Пушкина, въ которой рекомендуется развратъ за деньги, «Гдѣ любовь тамъ и Богъ», запрещенныя духовнымъ начальствомъ». Полагая, что земство не будетъ распространять книгъ, подрывающихъ основы, на которыхъ зиждется нравственный строй нашего православнаго народа, по мнѣнію г. Чемоданова естественно допустить, что «книги эти подъ прикрытіемъ земства проникаютъ въ народъ, можетъ быть, по внушенію изъ Цюриха и Женевы и тому подобныхъ просвѣтительныхъ центровъ съ цѣлію распространить въ народѣ нетезволенныя идеи и тѣмъ не содѣйствовать, а противодѣйствовать благимъ желаніямъ земства». Далѣе г. Чемодановъ прибавляетъ, что «дѣйствіе земъ-

леніе вытекаетъ не изъ желанія ограничить роль земства въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, а единственно изъ желанія оградить народъ отъ нежелательныхъ вліяній и вятское земство отъ нареканій.

Г. Алашеевъ объяснилъ г. Чемоданову, что на основаніи закона 15 мая 1890 года библіотеки эти подчинены министерству внутреннихъ дѣлъ и составляются по особо изданнымъ министерскимъ каталогамъ, въ которыхъ, разумѣется, не могутъ находиться книги, почему-либо нежелательныя для обращенія въ народѣ, что помимо того, по принятому обыкновенію, каждая книга, входящая въ составъ библіотеки, одобряется еще особо г. губернаторомъ и дирекціей народныхъ училищъ; при томъ завѣдующіе библіотеками утверждаются тѣмъ же губернаторомъ по предварительномъ одобреніи ихъ мѣстными священниками, земскими начальниками и дирекціей народныхъ училищъ. Дальше г. Алашеевъ заявилъ, что сочиненія Пушкина одобрены не только для народныхъ библіотекъ, но и для школьныхъ, и что здѣсь не можетъ быть и вопроса по существу. Г. Шиллегодскій прочиталъ статьи устава библіотекъ, которыми точно опредѣляется, какъ порядокъ учрежденія и составленія ихъ, такъ и порядокъ надзора, который всегда соблюдался земствомъ и не могъ не соблюдаться.

Пренія продолжались, и въ концѣ ихъ собраніе ассигновало на поддержаніе въ 1897 г. библіотекъ 3000 р. Надо замѣтить, что въ Вятской губ., благодаря иниціативѣ Батуева существуетъ 2573 библіотеки въ сельскихъ обществахъ, 51 при больницахъ и 23 при арестныхъ помѣщеніяхъ, такъ что на поддержаніе каждой изъ нихъ въ 1897 г. приходится рубль съ копѣйками. Однако, этотъ рубль съ копѣйками прошелъ большинствомъ всего трехъ голосовъ (16— противъ рубля, 19 — за него). Но очень вѣроятно, что въ числѣ 16 отрицательныхъ голосовъ были и такіе, которые не противъ рубля съ копѣйками возставали, а повѣрили г. Чемоданову, что пушкинскія сказки или его же «Русалка», «въ которой рекомендуется развратъ за деньги», проникаютъ въ народъ «по внушенію изъ Цюриха и Женевы и тому подобныхъ просвѣтительныхъ центровъ». Надо же этакое выдумать! Казалось бы, если г. Чемодановъ даже понятія не имѣетъ о «Русалкѣ» Пушкина, такъ ему, какъ земскому дѣятелю, интересующемуся сельскими библіотеками, должны быть извѣстны, по крайней мѣрѣ, тѣ чрезвычайныя гарантіи благонамѣренности, которыми эти библіотеки у насъ обставлены. Но ни дирекція народныхъ училищъ, ни земскіе начальники и священники, ни губернаторъ, ни министерскіе каталоги не заслоняютъ Цюриха и Женевы отъ проницательнаго взора г. Чемоданова! И, поистинѣ, можно въ ужасъ прийти, какъ подумаешь, сколькимъ элементарнѣйшимъ благимъ начинаніямъ вставляютъ палки въ ко-

беса подобные проницательные люди, въ невинности своей убѣжденные, что Пушкинъ «рекомендуетъ разврать за деньги», что Альмы де-забочены Цюрихъ и Женева и пр.

Но Богъ съ нимъ, съ г. Чемодановымъ. Судя по вышеприведенному, онъ человѣкъ необразованный, можетъ быть, никогда ничего, кромѣ «Московскихъ Вѣдомостей», не читалъ, такъ что, вдохновившись ихъ примѣромъ, внесетъ въ одинъ прекрасный день въ вятское земское собраніе проектъ вторичной присяги или познанія «объ чемъ молчать» такіе-то и такіе тамъ. Но если quod licet Jovi, non licet bovi, то и наоборотъ: quod licet bovi, non licet Jovi. Что простительно г. Чемоданову, то непростительно литературѣ. И общественное мнѣніе ей не прощаетъ. Уваженіе къ ней несомнѣнно падаетъ, что самымъ горькимъ и унизительнымъ образомъ сказывается на ея судьбахъ...

Я говорю не только о пріемахъ «Московскихъ Вѣдомостей». Пересмотрите все вышеизложенное. Эта похвальба г. Баталина своею «многолѣтнею извѣстностью», эта чудовищная реклама г. Гайдебурова и его же idée fixe — не слишкомъ ли много газетъ разрѣшено? Эти «Мировые Отголоски», зачѣмъ-то такъ похожіе и такъ непохожіе на «Голосъ», это мирное сожительство въ одной и той же редакціи гг. Дѣдлова и Вл. Соловьева, гг. Лорамова и Сыромятникова, — развѣ все это можетъ возбуждать уваженіе къ русскому печатному слову? А, вѣдь, мы заглянули только въ объявленія и первые номера новыхъ газетъ и лишь «Московскимъ Вѣдомостямъ» удѣлили нѣсколько больше вниманія. Загляните, напримѣръ, въ № 3 «Руси», гдѣ напечатана пикантная статейка г. Дѣдлова «Газетная печать»...

Надо надѣяться, что только что возникшій «Союзъ взаимопомощи русскихъ писателей» поспособствуетъ упроченію нашихъ литературныхъ нравовъ и поднятію уваженія къ печатному слову. Это первый въ своемъ родѣ опытъ, и «братья писатели» должны отнестись къ нему съ величайшею серьезностью, отложивъ въ сторону всѣ личные и партійные счеты и памятуя одно: достоинство и значеніе литературы. Было бы нелѣпостью мечтать о принципіальномъ объединеніи представителей печати по разнообразнымъ теоретическимъ и практическимъ вопросамъ, подлежащимъ вѣдѣнію литературы, и въ принципѣ, если не на дѣлѣ, что не подлежитъ ея вѣдѣнію? Но только такое объединеніе невозможно, но одною изъ задачъ союза должно быть, по крайней мѣрѣ, «предоставлять» каждому мнѣнію беспрепятственное выраженіе въ газетѣ. И на этой почвѣ, всѣмъ общей, профессіональной почвѣ объединеніе и желательно, и возможно.

До сихъ поръ наша литература представляла собою нѣкоторую «разсыпанную храмину», въ разныхъ углахъ которой могло совершаться многое нежелательное, отчасти благодаря, именно, ихъ замкнутости и отрозненности. Долгое время единственнымъ сколько нибудь объединяющимъ литературнымъ центромъ былъ такъ называемый «литературный фондъ», имѣющій, однако, совершенно спеціальныя задачи. Еще болѣе спеціальныя цѣли преслѣдуетъ образовавшаяся впослѣдствіи при литературномъ фондѣ, но совершенно отъ него независимая, «пенсіонная касса». Съ 1886 г. существуетъ въ Петербургѣ «Русское литературное общество», но и оно имѣетъ преимущественно спеціальныя задачи—эстетическія. Занятія общества состоятъ главнымъ образомъ въ томъ, что въ его собраніяхъ слушаются и обсуждаются художественныя или литературно-критическія произведенія его членовъ. Изъ отчетовъ общества видно, напримѣръ, что г. Авенаріусъ читалъ разсказъ «По внушенію», г. Аверкіевъ—отдѣльныя главы изъ романа «Художникъ Безпаловъ и нотаріусъ Подлещиковъ», г. Андреевскій—стихотворенія и т. п. Но сила вещей разорвала этотъ тѣсный кругъ дѣятельности «Русскаго литературнаго общества». Такъ, въ 1893 г. группа писателей обратилась въ общество съ просьбой возбудить вопросъ о литературной собственности, и общество приняло на себя эту задачу. Въ прошломъ году другая группа писателей, довольно случайнаго состава, численностью около 60 человѣкъ, обратилась въ общество съ просьбой содѣйствовать объединенію дѣятелей печатнаго слова, на почвѣ ихъ общихъ профессіональныхъ интересовъ. Общество тѣмъ съ большимъ вниманіемъ отнеслось къ этой просьбѣ, что въ немъ самомъ уже зарождалась мысль о необходимости расширить кругъ своей дѣятельности. Первоначальные 60 учредителей выбрали комиссію изъ 6 человѣкъ (К. К. Арсеньевъ, П. Д. Боборыкинъ, Н. И. Карѣевъ, Н. К. Михайловскій, Л. Е. Оболенскій, В. Д. Спасовичъ), которая, по соглашенію съ «Русскимъ литературнымъ обществомъ», выработала проектъ устава «Союза взаимопомощи русскихъ писателей», нынѣ утвержденный, съ слѣдующими измѣненіями и дополненіями, не затрогивающими существа проекта:

Пунктъ *з* § 2 проекта предоставляетъ Союзу «выпускать въ свѣтъ печатныя изданія и сборники». Въ уставѣ къ этому прибавлено: «а также издавать періодическій органъ, съ соблюденіемъ дѣйствующихъ цензурныхъ правилъ».

Пунктъ *и* того же § проекта: «имѣть свою библіотеку и читальню». Въ уставѣ прибавлено: «съ соблюденіемъ правилъ, установленныхъ для публичныхъ библіотекъ».

Ко всему отдѣлу о «цѣляхъ Союза» прибавлены слѣдующія пять

примѣчаніи: «1) При устройствѣ литературныхъ чтеній, хотя бы напечатанныхъ съ дозволенія цензуры произведеніи, должно быть каждый разъ испрашиваемо разрѣшеніе с.-петербургскаго градоначальника. 2) Для представителя полиціи назначается соотвѣтствующее мѣсто на каждый вечеръ или концертъ. 3) Музыкальные вечера, если они ограничиваются исполненіемъ музыкальныхъ пьесъ, изданныхъ съ надлежащаго разрѣшенія, могутъ быть устраиваемы безъ предварительнаго разрѣшенія, но если предполагается музыкальное исполненіе произведеній, не изданныхъ въ печати, то таковыя должны быть представляемы предварительно на разсмотрѣніе мѣстнаго цензурнаго учрежденія или власти, оное замѣняющей. 4) Независимо отъ вышеизложеннаго комитетъ Союза увѣдомляетъ своевременно мѣстное полицейское начальство о всѣхъ устраиваемыхъ собраніяхъ и вообще соблюдаетъ общеизвѣстныя и обычныя по сему предмету правила. 5) При устройствѣ платныхъ зрѣлищъ и увеселеній комитетъ Союза долженъ руководствоваться правилами о сборѣ съ публичныхъ зрѣлищъ и увеселеній въ пользу вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи».

§ 6 дополненъ примѣчаніемъ: «Комитетъ Союза обязанъ заблаговременно довести до свѣдѣнія с.-петербургскаго градоначальника о днѣ, часѣ, мѣстѣ и предметахъ занятій всѣхъ собраній членовъ Союза».

§ 10 проекта гласитъ: «Обыкновенныя собранія разсматриваютъ текущія дѣла Союза, выслушиваютъ рефераты и доклады, касающіеся профессіональныхъ интересовъ, заявленія членовъ Союза и жалобы на комитетъ и обсуждаютъ ихъ». Послѣднія слова редактированы въ уставѣ слѣдующимъ распространеннымъ образомъ: «и вообще обсуждаютъ лишь такіе предметы, которые относятся непосредственно къ опредѣленной уставомъ дѣятельности Союза и о которыхъ доведено до свѣдѣнія с.-петербургскаго градоначальника».

§ 12 (и послѣдній) проекта дополненъ въ уставѣ словами: «Независимо отъ предоставленнаго с.-петербургскому градоначальнику (ст. 321 и 863 Общ. Губ. Учр.) права закрывать общественныя собранія при обнаруженіи въ нихъ чего-либо противнаго государственному порядку и общественной безопасности и нравственности, градоначальникъ можетъ закрыть Союзъ всегда, когда признаетъ это нужнымъ по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ о безпорядкѣ или нарушеніяхъ устава».

Союзъ состоитъ «при Русскомъ Литературномъ обществѣ», и «въ случаѣ прекращенія дѣятельности «Русскаго Литературнаго общества» Союзъ можетъ продолжать существовать, какъ самостоятельное общество» (Примѣч. къ § 1 устава). Затѣмъ зависимость

Союза отъ «Русскаго Литературнаго общества» опредѣляется двумя пунктами: 1) «Изъ числа 12 членовъ Комитета *) 6 избираются изъ числа членовъ Союза, состоящихъ единовременно членами Русскаго Литературнаго общества. Изъ кандидатовъ къ членамъ Комитета два избираются изъ числа состоящихъ членами Русскаго Литературнаго общества» (§ 17). (Остальные органы Союза,—судъ чести и ревизіонная комиссія,—равно какъ и личный составъ Союза не состоятъ ни въ какихъ обязательныхъ отношеніяхъ къ Русскому Литературному обществу)». 2) Въ случаѣ прекращенія дѣятельности Союза, «остающійся капиталъ и имущество поступаютъ въ распоряженіе Русскаго Литературнаго общества, для обращенія на предметъ взаимопомощи писателей и дѣятелей періодической печати» (§ 42).

Цѣли Союза состоятъ въ слѣдующемъ:

а) объединеніе русскихъ писателей на почвѣ ихъ профессіональныхъ интересовъ, для установленія постояннаго между ними общенія и охраненія добрыхъ нравовъ среди дѣятелей печати;

б) посредничество между авторами, сотрудниками періодическихъ изданій и переводчиками, съ одной стороны, издателями и редакторами, съ другой, какъ въ отношеніи спроса и предложенія труда, такъ и для разсмотрѣнія ихъ взаимныхъ недоразумѣній и споровъ въ случаѣ возникновенія таковыхъ;

в) посредничество и разсмотрѣніе личныхъ споровъ и недоразумѣній, возникающихъ въ печати между членами союза, а также между ними и посторонними лицами;

г) представительство на русскихъ и иностранныхъ съѣздахъ и въ другихъ случаяхъ, когда союзъ признаетъ это нужнымъ, совмѣстно съ Русскимъ Литературнымъ Обществомъ или независимо отъ него;

д) ходатайство передъ правительственными и общественными учрежденіями по предметамъ, касающимся литературной профессіи и ея отдѣльныхъ представителей;

е) ходатайство и посредничество передъ учрежденіями и обществами, вѣдающими помощь писателямъ и ихъ семействамъ, а также содѣйствіе этимъ учрежденіямъ въ видахъ объединенія и развитія ихъ дѣятельности;

ж) матеріальную помощь своимъ сочленамъ въ тѣхъ формахъ, которыя будутъ признаны цѣлесообразными.

Дѣла Союза вѣдаются: 1) Комитетомъ (12 членовъ и 4 кандидата), 2) Судомъ чести (7 членовъ и 2 кандидата) и 3) Ревизіонной комиссіей (5 членовъ и 2 кандидата). Членскій взносъ—10 руб. въ годъ. По уставу Союзъ считается состоявшимся, когда въ немъ будетъ не менѣе 100 членовъ. 15 января первоначальные учредители собрались для пополненія списка членовъ до требуемаго уставомъ числа, и на этомъ стоитъ дѣло въ ту минуту, какъ пишутся

*) Завѣдующаго дѣлами Союза.

эти строки. По всей вѣроятности Союзъ откроетъ свои дѣйствія въ теченіе января же.

Пожелаемъ новорожденному Союзу выдержки и серьезности, необходимыхъ для успѣха дѣла. Надо надѣяться, что Союзъ обратитъ преимущественное вниманіе не на матеріальную помощь писателямъ, болѣе или менѣе обезпеченную существующими уже учрежденіями: литературнымъ фондомъ, пенсіонной кассой, кассой, учрежденной при академіи наукъ, а на другія указываемыя уставомъ задачи. Главнѣйшими изъ нихъ представляются мнѣ: «охраненіе добрыхъ нравовъ среди дѣятелей печати», «посредничество и разсмотрѣніе споровъ и недоразумѣній, возникающихъ въ печати между членами Союза, а также между ними и посторонними лицами», «ходатайство передъ правительственными и общественными учрежденіями по предметамъ, касающимся литературной профессіи и ея отдѣльныхъ представителей»...

Союзъ взаимопомощи русскихъ писателей можетъ быть и очень большимъ дѣломъ, и круглымъ нулемъ. Стать тѣмъ или другимъ зависитъ, конечно, не отъ него одного, но въ значительной степени все-таки и отъ того, въ какой мѣрѣ самъ онъ проникается серьезностью своихъ цѣлей и вѣрою въ достоинство и значеніе печатнаго слова.

II *).

Г. Рѣпинъ и его „манія ничтожества". — Еще о драмахъ Ибсена. — Рѣчь проф. Сергѣевича о „Союзѣ писателей".

Въ ноябрѣ истекшаго года г. Рѣпинъ праздновалъ 25-лѣтній юбилей своей художественной дѣятельности, получилъ много поздравленій и добрыхъ пожеланій и напечаталъ въ «Новомъ Времени» письмо, въ которомъ выразилъ «благодарность всѣмъ обществамъ, учрежденіямъ, высокопочтеннымъ лицамъ и своимъ добрымъ друзьямъ», выразившимъ ему сочувствіе. Нѣкоторыми своими подробностями это благодарственное письмо вызвало одну изъ тѣхъ бурь въ стаканѣ воды, когда извѣстный сюжетъ съ чрезвычайною горячностью обсуждается на страницахъ газетъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, а затѣмъ забывается навсегда. Въ данномъ случаѣ такое забвеніе едва ли основательно. Дѣло не въ г. Рѣпинѣ лично. Среди жаркой полемики объ упомянутомъ письмѣ кто-то высказалъ мысль, что слѣдуетъ цѣнить г. Рѣпина, какъ живописца, и не обращать никакого вниманія на его литературные опыты. Это вѣрно, что каждая «проба пера» г. Рѣпина,—пытается ли онъ передавать свои заграничныя впечатлѣнія или же просто пишетъ «письмо въ редакцію», возбуждаетъ досадное чувство: и зачѣмъ только онъ пишетъ? и если онъ самъ не понимаетъ, что это не умно и не хорошо, то неужели у него нѣтъ друзей, которые воздержали бы его отъ этихъ неудачныхъ пробъ пера? неужели и редакціи газетъ не имѣютъ настолько настоящаго уваженія къ нему, чтобы отказаться отъ печатанія его литературныхъ произведеній? «Перо мое—врагъ мой»,—давно уже долженъ былъ бы сказать себѣ г. Рѣпинъ. Все это такъ, но въ благодарственномъ письмѣ г. Рѣпина есть все-таки черты, заслуживающія того, чтобы надъ ними остановиться нѣсколько дольше, чѣмъ это допускается бурной, но кратковременной газетной полемикой.

*) Февраль, 1897 г.

Г. Рѣпинъ сообщаетъ, что ему «и до побѣдъ везло въ славѣ, но она не развила въ немъ мании величія, а напротивъ «вѣдрила» манію ничтожества». Онъ называетъ себя «страдальцемъ отъ неудовлетворительности своихъ произведеній». «При встрѣчѣ съ своими произведеніями на выставкахъ въ музеяхъ, я — говоритъ онъ — чувствую себя всегда безнадежно несчастнымъ отъ ихъ дурного впечатлѣнія». Онъ «работалъ четверть вѣка, большею частью при счастливыхъ условіяхъ, въ свое удовольствіе, по страсти». Онъ вспоминаетъ Дюрера, который «отвергалъ даже плату за труды художника, какъ какъ художникъ, по его мнѣнію уже достаточно награжденъ тѣмъ удовольствіемъ, какое испытываетъ во время своего безнадежнаго творчества. Да, заключаетъ г. Рѣпинъ, мы — счастливчики, наша дѣятельность «забава». Впрочемъ, заключаетъ г. Рѣпинъ свое письмо, г. е кончаетъ его, не этимъ, но съ насъ и приведеннаго довольно.

Письмо свое г. Рѣпинъ напечаталъ въ ноябрѣ, а въ декабрѣ открылась «выставка опытовъ художественнаго творчества (эскизовъ)», въ которой г. Рѣпинъ занялъ самое видное мѣсто и по количеству выставленныхъ имъ произведеній (34 номера изъ 154 произведеній живописи), и, конечно, по ихъ художественному интересу. Самая идея выставки, равно какъ инициатива ея осуществленія, принадлежитъ, какъ писали въ газетѣ, г. Рѣпину. Согласитесь, что это пикантно. Въ ноябрѣ человѣкъ громогласно заявляетъ о своей «маніи ничтожества», о томъ, что онъ «чувствуетъ себя безнадежно несчастнымъ» при видѣ своихъ картинъ на выставкахъ въ музеяхъ, а въ декабрѣ устраиваетъ выставку даже не картинъ, а эскизовъ, опытовъ творчества, незаконченныхъ или самимъ художникомъ забракованныхъ... Я уже не говорю о томъ, что почти на всѣхъ «опытахъ творчества» г. Рѣпина стояла надпись: «арендованное или «пріобрѣтено» такимъ-то, и что, слѣдовательно, онъ въ своемъ письмѣ совершенно всуе упоминалъ Дюрера, который отвергалъ плату за труды художника. Но и помимо этого великолѣпнаго пункта спрашивается, «зачѣмъ же г. Рѣпинъ вносилъ свои пустяки о маніи ничтожества и прочемъ? Ясно, что маніи ничтожества онъ вовсе не подверженъ и не такъ уже «безнадежно несчастливъ», когда видитъ въ музеяхъ и выставкахъ свои даже «чрезвычайно неудовлетворительныя (хотя бы только по ихъ незаконченности, «скудности) произведенія. Надо еще замѣтить, что если выставка эскизовъ въ декабрѣ уже открылась, то ея организація была приступлено, конечно, гораздо раньше, быть можетъ, въ тотъ самый моментъ, когда г. Рѣпинъ заявлялъ въ печати о своихъ «чрезвычайныхъ страданіяхъ на выставкахъ».

Изъ того слѣдуетъ, мнѣ кажется, что, какъ бы ни [illegible]

отношеніе г. Рѣпина къ живописи, но его печатныя упражненія составляютъ для него, дѣйствительно, «забаву»: именно, забаву или, точнѣе, дѣтскую игру. Какъ дѣти играютъ: давай играть въ военные, — будто я генералъ, а ты солдатъ, или ты барыня, а я кухарка и ты меня на рынокъ посылаешь. Такъ и г. Рѣпинъ обращается къ публикѣ: давайте играть, – будто я ужасно страдаю маніей ничтожества, а вы будто этому вѣрите, и будто мнѣ стыдно брать деньги за свою работу, и вы этому тоже вѣрите... Дѣтямъ бываетъ очень весело въ такихъ играхъ, совершенно приличествующихъ ихъ возрасту, и есть между ними такіе искусники, что ни дать-ни взять генералъ или кухарка. Но г. Рѣпинъ забавляется, «балуется перомъ» очень неискусно. Это, во-первыхъ, а, во-вторыхъ, и возрастъ его не такой уже, чтобы забавляться игрой въ солдаты и генералы: тѣмъ болѣе, что въ своей области онъ есть настоящій, общепризнанный генералъ. Но тутъ-то, въ этой, именно, области, гдѣ онъ стяжалъ заслуженные лавры, г. Рѣпинъ, по его словамъ, и «забавляется». Такъ-ли это?

Выставка «опытовъ художественнаго творчества» поражала прежде всего случайностью своего состава. Полный титулъ выставки гласитъ: «выставка опытовъ художественнаго творчества (эскизовъ) русскихъ и *иностранныхъ* художниковъ и учениковъ». Это слишкомъ громкій титулъ. Иностранныхъ художниковъ было всего двое и выставлено было по одному номеру каждымъ. Затѣмъ, изъ русскихъ художниковъ, пользующихся болѣе или менѣе широкою извѣстностью, кромѣ г. Рѣпина, представлены были гг. Васнецовъ (2 номера), Мясоѣдовъ (1 номеръ), Нестеровъ (4 номера), Пастернакъ (3 номера), Полѣновъ (3 номера), Савицкій (1 номеръ). Боюсь ошибиться, но имена всѣхъ остальныхъ экспонентовъ, мнѣ кажется, ничего не говорили уму и сердцу посѣтителей выставки: по всей вѣроятности, все это «ученики». Конечно, имена сами по себѣ ничего не значатъ, и ничто не мѣшаетъ работѣ ученика быть и талантливою, и интересною въ смыслѣ «пробы художественнаго творчества». Но, къ сожалѣнію, хорошаго было мало на выставкѣ, а въ общемъ интересно было развѣ только то, что вотъ и у насъ обозначается въ молодомъ поколѣніи художниковъ явственное тяготѣніе къ декадентскому символизму. Тутъ есть вещи, въ которыхъ ровно ничего понять нельзя (напримѣръ: «Щемитъ» г. Головина или «Диссонансъ» г-жи Манасеиной), есть и такія, творцы которыхъ стараются быть понятными при помощи нагроможденія грубѣйшихъ символовъ (напр. «Камелія» г. Булатова), есть и такія, которыя, будучи свободны отъ всякаго символизма, представляютъ соединеніе безсодержательности темы съ какою-то намѣренною аляповатостью исполненія (напр., «Лебеди», «Утки», «Весло» г. Якунчи-

кова). Надѣюсь, что лица теперешнія «ученья» встанутъ на путь, и они будутъ стыдиться выставленныхъ ими «эскизовъ»; теперь же должно быть стыдно не имъ, а устроителю выставки, г. Рѣпину. Понятно, что на этомъ во всѣхъ смыслахъ скудномъ фонѣ «опыты художественнаго творчества» рѣзко выдѣлялись и своимъ количествомъ, и своимъ качествомъ. Понятно, что и тѣ изъ посѣтителей выставки, которые не различаютъ валяловъ Дюгена и заставляютъ безнадежно несчастныхъ страдальцевъ брать деньги за ихъ «безполезное творчество», обильали почти исключительно г. Рѣпина, то есть только почти его эскизы и покупали.

Надо, однако, правду сказать, что плоды г. Рѣпины и не нуждались въ такомъ отсутствіи конкурренціи, чтобы обратить на себя пристальное вниманіе. Я остановлюсь лишь на нѣкоторыхъ изъ нихъ, которыя помогутъ выяснить вопросъ: дѣйствительно ли художественное творчество есть «заслуга», а художники — «счастливчики»? Но прежде нѣсколько словъ не о г. Рѣпинѣ, а о г. Шмиттѣ. Этотъ художникъ или ученикъ выставилъ эскизы «Наяды» и «Нормандское судно». «Наяда» изображена въ видѣ голой женщины съ рыбьимъ хвостомъ, а въ «Нормандскомъ судно», собственно, нормандское судно не при чемъ: оно наскочило на скалу и стоитъ разбитое, опустѣлое, экипажъ или лодки, или спасся, но его нѣтъ, а рядомъ на скалѣ отдыхаютъ двѣ голыя женщины, опять-таки съ рыбьими хвостами. Лица всѣхъ трехъ женщинъ, можно сказать, ровно ничего не выражаютъ, и, повидимому, преслѣдовавшая художника задача состояла, именно, въ изображеніи женщинъ съ рыбьимъ хвостомъ. Задачу эту г. Шмиттъ разрѣшилъ плохо: рыбьи хвосты больше похожи на длинные пѣвчіе чулки, какіе носятъ и земныя женщины, только у «наядъ» они черезчуръ уже длинны. Но вы видите тутъ настоящіе «опыты художественнаго творчества»: задача именная, вполнѣ «стабое», не человѣкъ что-то добивался, искалъ, возвращался къ своей задачѣ и, можетъ быть, еще не разъ къ ней возвратится. И если бы не пустяковость темы, то лучшій процессъ художественныхъ розысковъ могъ бы представлять великій интересъ. Такой, именно, интересъ представляютъ нѣкоторыя изъ работъ, выставленныхъ г. Рѣпинымъ.

Не рыбьими хвостами занятъ г. Рѣпинъ въ своихъ эскизахъ: изобразить драму превращенія мертвой жизни на пути и примиренія умирающаго съ оставшимся въ живыхъ братомъ, а можетъ быть, это и не время вновь запрещенныя даже обычныя братскія, позвавшіе другъ друга на барьеръ за какому-нибудь недоразумѣнію. Во всякомъ случаѣ, за эту тему г. Рѣпинъ брался три раза, стараясь уловить выраженіе лица человѣка, умирающаго на полѣ и въ то же время примиренное. Отдѣльныя фигуры и группы

этихъ трехъ эскизовъ очень различны (напримѣръ, на одномъ противникъ подбѣгаетъ къ умирающему, движимый раскаяніемъ или жалостью, а на другомъ онъ отходитъ въ сторону, закуривая папиросу); но во всѣхъ трехъ повторяется печать приближающейся смерти на лицѣ жертвы дуэли и вмѣстѣ — черты нѣжности и душевнаго мира. Всѣми тремя эскизами г. Рѣпинъ, очевидно, недоволенъ,—иначе бы мы, вѣдь, имѣли не эскизы, а картину; и онъ правъ въ своемъ недовольствѣ, потому что во всѣхъ трехъ варьянтахъ лицо умирающаго неудачно: слишкомъ оно слащаво. Но самая задача, очевидно, очень занимала художника, и едва-ли онъ «забавлялся» и былъ «счастливчикомъ», когда безуспѣшно старался уловить и воспроизвести задуманное лицо. Я представляю себѣ дѣло такъ, что онъ, напротивъ, много мучился, испытывалъ припадки не вздорной «маніи ничтожества», а настоящаго недовольства собой и сомнѣнія въ своихъ силахъ. Теперь онъ спокойно выставляетъ для публичнаго осмотра свои неудавшіеся опыты, но это еще не значитъ, чтобы муки сомнѣнія и недовольства собой не было въ то время, когда тема его занимала, когда онъ искалъ и не находилъ. Мы, вѣдь, знаемъ случаи, когда художники, въ порывѣ бурнаго недовольства собой, даже уничтожали свои, уже болѣе или менѣе законченныя, произведенія.

Точно также не могу я повѣрить, чтобы г. Рѣпинъ только «забавлялся» и былъ «счастливчикомъ», когда старался уловить, въ нѣсколькихъ тоже эскизахъ, физіономію Іуды Искаріота въ моментъ предательства. Всѣ эти опыты опять-таки оказались неудачными, галантливый художникъ самъ понялъ это и въ концѣ концовъ отступился отъ недававшейся ему задачи. Почему она ему не давалась, — это другой вопросъ. Можетъ быть, она просто была задумана, что называется, въ недобрый часъ, въ такой моментъ, когда у художника не было достаточно матеріаловъ для исполненія задачи, а можетъ быть, талантъ г. Рѣпина, вообще, не подходитъ для изображенія очень сложныхъ душевныхъ движеній. Повторяю, это дѣло особое. Особое дѣло и психологическій процессъ, побуждающій г. Рѣпина, страдая маніей ничтожества и сгорая стыдомъ при видѣ своихъ законченныхъ картинъ на выставкахъ, въ то же время выставлять даже эскизы, которыми самъ онъ завѣдомо недоволенъ. Для насъ важенъ только фактъ дѣйствительнаго недовольства, а не фальшиваго кокетства имъ и, связанныхъ съ этимъ фактомъ, душевныхъ страданій.

Мнѣ немножко стыдно писать все это по поводу пустяковъ, изложенныхъ г. Рѣпинымъ въ благодарственномъ письмѣ, въ которомъ онъ дѣйствительно «позабавился» перомъ. Но эти пустяки, какъ оно отчасти и изъ полемики по поводу письма выяснилось, имѣютъ

шансы быть принятыми нѣкоторою частью публики въ серьезъ. Выставка эскизовъ, повидимому, плохо затуманная и, во всякомъ случаѣ, плохо организованная, имѣетъ развѣ, именно, лишь то значеніе, что, хотя отчасти вводя публику въ процессъ творчества, свидѣтельствуетъ о томъ, что художественное творчество не забава, что въ вѣнкѣ художественной славы не все лавры, а есть и терніи, настоящіе, до крови колючіе, терніи.

Это относится, разумѣется, не къ живописи только, а ко всякому творчеству, въ томъ числѣ и къ словесному, къ поэзіи въ обширномъ смыслѣ слова. Художникамъ слова также знакомы муки творчества, мучительныя колебанія и сомнѣнія, тщетные поиски подходящихъ формъ для передачи зрѣющихъ въ душѣ образовъ и картинъ. Быть можетъ, въ этой отрасли искусства муки творчества даже сильнѣе, чѣмъ въ другихъ, хотя, конечно, есть много беллетристовъ, отъ такихъ мукъ совершенно свободныхъ и вполнѣ довольныхъ какъфо своею строкою «безъ борьбы, безъ думы роковой». Но теперь я хочу говорить не объ этихъ мукахъ и забавахъ творчества, а о другомъ, совершенно особенномъ видѣ довольства и недовольства собою въ художникахъ слова.

Въ недавно вышедшемъ четвертомъ томѣ сочиненій Ибсена въ русскомъ переводѣ (изданіе г. Юровскаго) напечатаны драмы: «Гедда Габлеръ», «Маленькій Эйольфъ», «Женщина съ моря» и, кромѣ того, три... не знаю какъ назвать: «Рѣчь къ норвежскимъ студентамъ», «Сонъ» и «Первая драма». Когда Ибсенъ, послѣ долгаго пребыванія за границей, вернулся на родину, норвежскіе студенты устроили ему овацію, на которую онъ отвѣчалъ рѣчью, — она-то теперь и переведена на русскій языкъ, занимая собою двѣ страницы малаго формата. «Сонъ» есть гимназическое сочиненіе Ибсена, написанное, когда ему было четырнадцать лѣтъ, и занимаетъ страничку; «Первая драма» есть маленькая замѣтка автобіографическаго характера, относящаяся лишь къ одному эпизоду изъ жизни автора. И если русскій издатель счелъ нужнымъ включить эти три... не знаю какъ назвать — въ собраніе сочиненій Ибсена, то одно изъ двухъ: или мы будемъ имѣть чрезвычайно полное собраніе, или же оно будетъ вовсе не полно, но зато вполнѣ безпорядочно и случайно. Послѣднее, кажется, вѣроятнѣе, судя по отсутствію какой бы то ни было системы въ изданныхъ до сихъ поръ томахъ и по крайней небрежности переводовъ.

Но воспользуемся все-таки чѣмъ-нибудь и изъ того, что дало русское изданіе.

Въ рѣчи къ норвежскимъ студентамъ читаемъ, между прочимъ:

счастію мое творчество направлялось тѣмъ, что шевелилось во мнѣ лишь минутами и въ лучшіе мои часы, какъ нѣчто великое и прекрасное. Я влагалъ въ свое творчество то, что, такъ сказать, стояло выше моего обыденнаго «я», и я прибѣгалъ къ этому для того, чтобы лучше сохранить его внѣ себя и въ себѣ самомъ. Но въ свое творчество я вкладывалъ и какъ разъ противоположное, то, что, при углубленіи въ себя самого, представляется намъ отбросами и подонками собственной души. Въ этомъ случаѣ я смотрѣлъ на творчество, какъ на омовеніе, послѣ котораго чувствовалъ себя чище, здоровѣе и свободнѣе. Да, мм. гг., нельзя поэтически изобразить что-либо такое, первообраза чего до извѣстной степени или, по крайней мѣрѣ, въ извѣстное время не носишь въ самомъ себѣ. А развѣ же найдется среди насъ человѣкъ, который не чувствовалъ бы въ себѣ иногда разлада между словомъ и дѣйствіемъ, волей и стремленіями, жизнью и убѣжденіями, или который, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ не удовлетворялся бы въ своемъ эгоизмѣ собой самимъ и не извинялъ — полунамѣренно, полуискренно — такого поведенія и передъ другими, и передъ самимъ собой».

Это не случайный у Ибсена взглядъ на поэтическое творчество. Въ одномъ своемъ стихотвореніи, цитируемомъ Максомъ Нордау, онъ говоритъ: «творить — значитъ совершать судъ надъ собой» (въ нѣмецкомъ переводѣ Нордау: «dichten heisst Gerichtstag über sich selbst halten»). Такимъ образомъ, на основаніи собственныхъ показаній Ибсена, мы въ самомъ процессѣ его творчества встрѣчаемъ тѣ же черты, которыя отмѣтили въ прошлогоднихъ замѣткахъ въ фабулахъ его драмъ.

Поэтическое творчество, какъ исповѣдь, какъ продуктъ или выраженіе работы совѣсти,—это на первый взглядъ до парадоксальности оригинально. Приглядываясь, однако, къ дѣлу ближе, мы увидимъ, что это вовсе уже не такъ чудно. Но будемъ пока говорить о такихъ прямо покаянныхъ поэтическихъ произведеніяхъ, какъ, напримѣръ, «Рыцарь на часъ» Некрасова или его же знаменитый отвѣтъ «неизвѣстному другу». Но припомните Лермонтовскую бесѣду журналиста, читателя и писателя. Писатель, разсказывая, какъ онъ работаетъ, между прочимъ говоритъ:

. . . . . .
И какъ-то весело и больно
Тревожить язвы старыхъ ранъ...
Тогда пишу. Диктуетъ совѣсть,
Перомъ сердитый водитъ умъ:
То соблазнительная повѣсть
Сокрытыхъ дѣлъ и тайныхъ думъ.

И, вѣдь, никто же не сомнѣвается, что въ «Герои нашего времени» Лермонтовъ казнилъ самого себя. Читатель перебьетъ: казнилъ, но и любовался. Да, казнилъ и любовался, воздавалъ самому себѣ, по своему разумѣнію, должное, то есть, именно, совершалъ судъ надъ собой, можетъ быть, и неправедный, пристрастный или односторонній.

Исходная точка Ибсена, какъ мы видѣли, гласитъ: «Нельзя поэтически изобразить что-либо такое, первообразъ чего до извѣстной степени или, по крайней мѣрѣ, въ извѣстное время не носишь въ самомъ себѣ». Относительно нѣкоторыхъ, правда, особенно рѣзкихъ случаевъ никто не усомнится въ справедливости этого положенія. Можно, разумѣется, очень точно описать эпилептическій припадокъ, руководясь единственно наблюденіемъ и ни разу въ жизни не испытавъ на себѣ самомъ ничего подобнаго. Но поэтически воспроизвести субъективную сторону припадка во всѣхъ его фазисахъ можетъ только человѣкъ, переживши его. Говоря о припадкахъ князя Мышкина въ «Идіотѣ» Достоевскаго, г. Чижъ замѣчаетъ: «Напрасно было бы искать у психіатровъ такого живого описанія, до сихъ поръ никто изъ *геніальныхъ эпилептиковъ* не познакомилъ насъ такъ краснорѣчиво съ своей аурой». («Достоевскій, какъ психопатологъ». Цитирую по сборнику г. Зелинскаго). Недостаточно, конечно, быть эпилептикомъ, чтобы поэтически воссоздать данное явленіе, но для этого недостаточно быть и «геніемъ»: нужно быть «геніальнымъ эпилептикомъ». Это примѣръ очень рѣзкій. Но въ жизни и творчествѣ того же Достоевскаго можно найти и менѣе рѣзкіе. Мыслимы ли были бы въ «Братьяхъ Карамазовыхъ», «Великій инквизиторъ», «Бунтъ» и вообще весь Иванъ Карамазовъ, если бы Достоевскій не мучился, по крайней мѣрѣ, временами религіозными сомнѣніями, о чемъ онъ самъ говорилъ?

Когда-то, въ статьѣ «Жестокій талантъ», я старался установить связь между мученичествомъ и мучительствомъ образовъ Достоевскаго съ одной стороны и нѣкоторыми мрачными глубинами его собственной души,—съ другой. Я не помню, чтобы мнѣ были сдѣланы какія-нибудь фактическія возраженія по существу, но помню одно замѣчаніе: нельзя отождествлять личность автора съ личностями его героевъ. Конечно, нельзя, но я этого и не дѣлалъ. Нужна величайшая осторожность въ установленіи точекъ и линій, общихъ самому художнику и его созданіямъ. Эти точки и линіи иногда даже прямо неуловимы, изъ чего отнюдь не слѣдуетъ, что ихъ въ дѣйствительности нѣтъ. Благодаря откровенности гр. Л. Н. Толстого, мы съ большою точностью можемъ опредѣлить въ его художественныхъ произведеніяхъ многое такое, что онъ «до извѣстной степени или, по крайней мѣрѣ, въ извѣстное время носитъ въ самомъ себѣ».

Но вѣдь не въ этомъ и дѣло. Намъ говорятъ, что *нельзя* изобразить что-нибудь вполнѣ чуждое душѣ художника, что-нибудь такое, чего онъ самъ не переживалъ. Пусть въ Левинѣ («Анна Каренина») или Оленинѣ («Казаки») отразилась личность самого Толстого, но неужели она отразилась и въ Наполеонѣ или, напримѣръ, Анатоліи Курагинѣ «Войны и мира»? Неужели Грибоѣдовъ вложилъ нѣчто свое въ Фамусова, Скалозуба, Молчалина, или Салтыковъ, напримѣръ, въ коллекцію лицемѣровъ «Благонамѣренныхъ рѣчей»? Неужели вообще всѣ отрицательные типы всемірной художественной литературы, всѣ жестокіе, глупые, подлые, лживые люди, всѣ предатели и насильники, всѣ блюдолизы и распутники, изображенные въ безчисленныхъ романахъ, повѣстяхъ, драмахъ, поэмахъ, — суть плоть отъ плоти и кость отъ костей ихъ творцовъ?

На этотъ трудный вопросъ—онъ гораздо труднѣе, чѣмъ думаетъ, вѣроятно, читатель—попробуемъ сначала отвѣтить вопросомъ же, и именно уже приведеннымъ вопросомъ Ибсена: «Развѣ найдется среди насъ человѣкъ, который не чувствовалъ бы въ себѣ иногда разлада между словомъ и дѣйствіемъ, волею и стремленіями, жизнью и убѣжденіями, или который, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не удовлетворялся бы въ своемъ эгоизмѣ самимъ собой и не извинялъ — полунамѣренно, полуискренно — такого поведенія и передъ другими, и передъ самимъ собой».—Я думаю, что вопросъ поставленъ Ибсеномъ въ слишкомъ мягкой и снисходительной формѣ. Только недобросовѣстный человѣкъ или же человѣкъ, непривыкшій наблюдать за собой, станетъ утверждать, что въ немъ никогда не мелькаютъ нелѣпыя мысли, гнусныя чувства, гаденькія или прямо гадкія поползновенія. У людей умныхъ и, что называется, хорошихъ все это либо подавляется силою сознанія и воли, что дается иногда только тяжелой борьбой; либо именно мелькаетъ, какъ зарница, не оставляя по себѣ никакого слѣда въ общемъ психическомъ строѣ, либо, наконецъ, такъ или иначе фиксируется въ этомъ строѣ, потому ли, посему ли обращаетъ на себя вниманіе того, у кого мелькнула эта нелѣпая мысль или это гнусное чувство. Представимъ же себѣ въ этомъ третьемъ положеніи художника. Представимъ себѣ, что у Грибоѣдова, благородный характеръ котораго засвидѣтельствованъ всей его жизнію и смертію, на одну секунду, именно на одну секунду, мелькнуло нѣчто Молчалинское, и онъ себя поймалъ на этомъ; или что Салтыковъ, чье даже грубоватое прямодушіе достаточно извѣстно, поймалъ себя, такъ сказать, на Головлевскомъ мгновеніи. Какимъ гнѣвомъ должны вскипѣть эти благородные люди, уловивъ въ самихъ себѣ черты, много разъ возмущавшія ихъ въ настоящихъ Молчалиныхъ и Іудушкахъ; съ какимъ отвращеніемъ должны они вспоминать о томъ мгновеніи, когда

самя имъ удовлетворялось... Это было одно мгновеніе, оно имъ чуждо, чуждо всему ихъ психическому строю и никогда больше не повторялся, но оно съыграло роль искры, внезапно освѣтившей множество умы холодныхъ наблюденій и сорныхъ горестныхъ замѣтокъ, и перевело эти наблюденія и замѣты въ такъ называемое горнило вдохновенія, гдѣ и сложились фигуры Молчалина и Чацкаго, Тюфяева. Я не говорю, что отрицательные интересные типы всегда именно такъ создаются. Нѣтъ, они могутъ быть построены и безъ примѣси самонаблюденія и самоанализа, если можно такъ выразиться, но думаю, что лучшія, сдержанно-вѣнчанныя — въ выраженіи Достоевскаго, создаются этого рода возникаютъ именно описаннымъ путемъ, и показаніе Поссена очень важно въ этомъ смыслѣ. Но можетъ быть есть еще третій путь созданія отрицательныхъ образовъ. Нѣтъ нужды предполагать, чтобы, напримѣръ, тотъ-же Грибоѣдовъ переживалъ и Молчалинскія, и Скалозубовскія, и Фамусовскія и т. д. въ мгновенія. Такъ или иначе возникнувъ, образъ Молчалина можетъ вызвать, какъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ своей противоположность, образъ Фамусова, а хотя развитія фабулы выдвинетъ Скалозуба и т. п. Здѣсь возможны самыя разнообразныя комбинаціи, и я хочу только показать, что мысль Поссена совсѣмъ не такъ парадоксальна, какъ можетъ представиться на первый взглядъ.

Поссенъ слишкомъ рѣзко говоритъ, что всякія изображенія чего-нибудь личнаго, не испытанное, не пережитое, не его созданіе-творчества, какъ суть художника надъ самимъ собой, заслуживаетъ полнаго вниманія. Такъ Перьру является надъ этимъ опредѣленіемъ хотя полагаетъ, что оно вполнѣ приложимо къ самому Поссену, которому, можетъ, иногда хорошо удаются отдѣльныя черты, подмѣченныя имъ въ маленькой клѣтѣ своего личнаго существованія, но которыя совершенно невозможно отразить въ своей поэзіи пеструю сложность человѣческой жизни вообще. Оставляя въ сторонѣ самого Поссена, замѣтимъ только, что творчество, какъ суть художника надъ собой, вовсе не исключаетъ самой широкой и тонкой наблюдательности, и самой тщательной отзывчивости. Опредѣленіе это указываетъ только именно то искру, которая внезапно освѣщаетъ болѣе или менѣе (смотря по другимъ качествамъ художника) значительный запасъ опыта и наблюденія, болѣе или менѣе широкій и опредѣленный кругъ симпатій и антипатій.

Мнѣ опять вспоминается искусство, какъ таковое, и художникъ, какъ счастливчикъ... Благо тѣмъ, передъ кѣмъ съ разу отворялись двери, въ которыя они толкались, кто безъ колебаній и сомнѣній находилъ надлежащую форму для воплощенія того, что болѣе всѣхъ умѣ и сердцѣ, просясь наружу,—въ краскѣ, звукѣ,

слова: они «счастливчики». Благо и тѣмъ, кто-либо не заглядывалъ въ себя глубоко, либо, заглянувъ, не нашелъ тамъ ни единаго «пятна и порока»: они — «счастливчики». Но много-ли тѣхъ и другихъ среди настоящихъ, крупныхъ художниковъ? И одинъ-ли Некрасовъ могъ сказать о себѣ:

Не придумать вамъ казни мучительнѣй
Той, которую въ сердцѣ ношу...

Но мы прослѣдили пока только одну половину мысли Ибсена. Насъ ждетъ еще другая половина. Если Ибсенъ вкладываетъ въ свое творчество «отбросы и подонки собственной души», то съ другой стороны вкладываетъ и нѣчто противоположное, «что шевелится въ немъ лишь минутами и въ лучшіе его часы, какъ нѣчто прекрасное и высокое, что стоитъ выше его обыденнаго *я*». Это тоже очень важное показаніе, хотя оно можетъ представляться даже слишкомъ элементарнымъ и во всякомъ случаѣ едва-ли вызоветъ въ комъ-нибудь сомнѣнія. Одно заглавіе Некрасовскаго стихотворенія «Рыцарь на часъ» скажетъ читателю на эту тему столько, что, пожалуй, и нечего было бы прибавлять, если бы мысль Ибсена не была чревата нѣкоторыми интересными побочными выводами...

Мимоходомъ сказать, какая странная судьба этого изумительнаго стихотворенія Некрасова, которое, если бы онъ даже ни одной строки больше не написалъ, обезпечивало ему «вѣчную память», которое едва-ли кто-нибудь, по крайней мѣрѣ въ молодости, могъ читать безъ предсказанныхъ поэтомъ «внезапно хлынувшихъ слезъ съ огорченнаго лица». Мнѣ вспоминается одинъ вечеръ или ночь зимой 1884 или 1885 года. Я жилъ въ Любани, ко мнѣ пріѣхали изъ Петербурга гости, большею частію уже не молодые люди, въ томъ числѣ Г. И. Успенскій. Поговорили о петербургскихъ новостяхъ, о томъ, о семъ; потомъ кто-то предложилъ по очереди читать. Г. И. Успенскій выбралъ для себя «Рыцаря на часъ». И вотъ: комната въ маленькомъ деревянномъ домѣ; на улицѣ, занесенной снѣгомъ, мертвая тишина и непроглядная тьма; въ комнатѣ, около стола, освѣщеннаго лампой, сидитъ нѣсколько человѣкъ, повторяю, большею частію не молодыхъ; Глѣбъ Ивановичъ читаетъ; мы всѣ слушаемъ съ напряженнымъ вниманіемъ, хотя наизусть знаемъ стихотвореніе. Но вотъ голосъ чтеца слабѣетъ, слабѣетъ и обрывается: слезы не дали кончить... Простите, читатель, это маленькое личное воспоминаніе. Но вѣдь оно, пожалуй, даже не личное. По всей Россіи вѣдь разсыпаны эти маленькіе деревянные домики на безмолвныхъ и темныхъ улицахъ; по всей Россіи есть эти комнаты, гдѣ читаютъ (или читали?) «Рыцаря на часъ» и льются (или лились?) эти слезы... А между тѣмъ въ извѣстномъ

сборникѣ г. Зелинскаго критическихъ статей объ Некрасовѣ, доведенномъ до 1877 г., то есть до года смерти поэта, вы найдете всего пять упоминаній о «Рыцарѣ на часѣ», и то, во-первыхъ, очень бѣглыхъ, а во-вторыхъ, одно изъ нихъ относится къ рѣчи священника Горчакова на могилѣ поэта, а другое къ некрологической статьѣ Достоевскаго. А вѣдь стихотворение написано въ 1860 г. Что-же это значитъ? То ли, что многочисленные враги Некрасова не смѣли коснуться этой олицущей безпощадною искренностью поэтической жемчужины, а еще болѣе многочисленные друзья и почитатели благоговѣйнымъ молчаніемъ выражали свое уваженіе къ интимной сторонѣ житейской драмы, воплощенной въ этомъ вопль души?.. Во всякомъ случаѣ, «неизвѣстный другъ», приславший Некрасову въ трудную минуту его жизни ободряющее стихотворение, былъ правъ, когда, перечисливъ обращаемые къ поэту упреки, прибавлялъ:

Но отчего жъ весь міръ сильнѣй любитъ
Мнѣ хочется, стихи твои читая?
И въ нихъ обманъ, а не душа живая?
Не можетъ быть!

Въ своихъ литературныхъ воспоминаніяхъ я, какъ могъ, старался выяснить необыкновенно сложную натуру и столь же сложную судьбу Некрасова. Здѣсь было бы неумѣстно вновь входить въ подробности. Думаю, что и безъ нихъ читатель согласится, по малой мѣрѣ, съ тѣмъ, что хоть на часъ, но Некрасовъ бывалъ «рыцаремъ». Судьба нашего поэта такъ сложилась, что этотъ великій поэтическій часъ ухитрялъ преимущественно на работу совѣсти: поэтъ часто поднимался духомъ только затѣмъ, чтобы изъ достигнутой имъ высоты заклеймить самого себя. Но не всегда такъ было и съ нимъ. И въ общемъ его «часъ» есть все-таки одинъ изъ тѣхъ «лучшихъ часовъ», о которыхъ говоритъ Пушкинъ, одинъ изъ тѣхъ часовъ, когда поэтъ чувствуетъ въ себѣ нѣчто высшее его «обыденнаго я». Этотъ лучшій часъ отнюдь не непремѣнно долженъ быть омраченъ докаянной слезой и щемящими звуками больной совѣсти. У лирика онъ можетъ вызвать стихотворение, въ которомъ отразится сознаніе силы и достоинства, у романиста или драматурга — созданіе идеальнаго типа, въ который они вольютъ то лучшее, что можетъ быть и не присуще имъ въ обыденной жизни, но до чего они хоть временами способны возвышаться.

Все это было бы какъ нельзя болѣе ясно и просто, если бы не нѣкоторыя осложненія. Прежде всего надо замѣтить, что мы имѣемъ въ виду только дѣйствительно художественныя произведенія, а не всякую мазню въ формѣ поэмы, романа, драмы и проч. Среди этой мазни можно встрѣтить не мало попытокъ изобразить лесть-

ный типъ, который однако больше похожъ на карикатуру. Творцы этихъ quasi-идеальныхъ типовъ, или по отсутствію таланта или по тому, что изображенныхъ ими идеальныхъ чертъ они никогда въ жизни въ самихъ себѣ не ощущали, заваливаютъ своихъ героевъ цѣлыми горами всяческихъ достоинствъ, иногда даже просто несовмѣстимыхъ. Художникъ, — достойный этого имени, — слишкомъ чутокъ для такой суздальской мазни. Онъ знаетъ, что вполнѣ идеальный типъ слишкомъ большая рѣдкость въ жизни, чтобы безъ поправокъ получить право гражданства въ искусствѣ. Это возможно, конечно, но главнымъ образомъ пока дѣло идетъ о физическихъ достоинствахъ, красотѣ. А въ безконечно болѣе сложной духовной жизни истинный художникъ лишь крайне рѣдко пытается создать фигуру «безъ пятна и порока», безъ какой нибудь хотя легкой слабости, которая, придавая фигурѣ жизненность, вмѣстѣ съ тѣмъ еще ярче оттѣняетъ ея возвышенныя черты. А затѣмъ надо имѣть въ виду разнообразіе понятій о возвышенномъ и благородномъ. Въ салонныхъ или вообще болѣе или менѣе публичныхъ разговорахъ о такихъ вещахъ, какъ, напримѣръ, самоотверженіе или любовь къ ближнему, разногласія, пожалуй, и нѣтъ; да и то можно въ послѣднее время услышать пѣсни скворцовъ, насвистанныхъ идеями Ницше. Впрочемъ, эти скворцы не въ счетъ, и въ общемъ существуетъ извѣстный, такъ сказать, оффиціальный кодексъ морали, болѣе или менѣе для всѣхъ обязательный на словахъ. Но изъ-подъ него часто выглядываетъ совсѣмъ другой кодексъ. Всѣ мы исповѣдуемъ 8-ю заповѣдь, но въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ кругахъ, какъ напомнилъ недавній могилевскій процессъ, онъ нарушается систематически, и весьма вѣроятно, что достоинствомъ, «высшимъ», считается тамъ ловкость или безцеремонность въ этомъ направленіи. Въ гораздо болѣе широкихъ кругахъ, оффиціально исповѣдующихъ цѣломудріе, вѣрность супружескому долгу, на дѣлѣ нарушеніе 7-й заповѣди (для мужчинъ, женщинамъ оно рѣдко прощается) вмѣняется почти въ заслугу, что отражается и на художественномъ творчествѣ. Въ этомъ отношеніи очень любопытна фигура нѣкоего Ашанина, повторяющаяся въ нѣсколькихъ романахъ покойнаго Болеслава Маркевича. Ашанинъ — любимецъ автора, который съ нескрываемымъ восторгомъ слѣдитъ за его многочисленными удачами на поприщѣ любовныхъ похожденій. Правда, авторъ доволенъ и всѣмъ міровоззрѣніемъ Ашанина: ему и его единомышленникамъ онъ не только прощаетъ веселый грѣхъ, но прямо любуется ими, тогда какъ людей другого образа мыслей подвергаетъ жестокой художественной казни за то же самое. Но это только новое осложненіе въ пониманіи достоинства, въ разсмотрѣніе котораго мы входить не будемъ. Пониманіе это естественно

мѣняется въ связи съ разнообразными условіями среды, національности, историческаго момента, личныхъ качествъ художника. Кавказскій горецъ, или корсиканецъ полагаетъ свое достоинство въ томъ, чтобы кровью смыть обиду, нашъ толстовецъ видитъ его напротивъ, въ непротивленіи злу. Поэтому корсиканецъ могъ изобразить идеальный типъ кровавымъ мстителемъ, а толстовецъ кроткимъ лицемѣромъ, наоборотъ, отрицательнымъ типомъ у перваго явится человѣкъ кроткій, а у второго — мститель. Безконечно разнообразны комбинаціи этого рода въ исторіи литературы, но въ нихъ есть одна общая черта, указанная Ибсеномъ: художникъ, сознательно или безсознательно, отмѣчаетъ высшіе и низшіе моменты своей собственной души, оттѣняя ими обыденную жизнь, отдыхая на высшихъ и казнясь на низшихъ. Такое вниманіе процесса творчества вполнѣ совпадаетъ съ характеромъ произведеній самого Ибсена, построенныхъ, какъ мы видѣли въ прошломъ году, на двухъ основныхъ столбахъ: чести и совѣсти.

Совпаденіе знаменательное и, мнѣ кажется, окончательно зарисовывающее фигуру норвежскаго драматурга, какъ одного изъ «властителей думъ» современности. Не символизмомъ своимъ занялъ онъ это властительное положеніе и не эстетической стороной своихъ произведеній, часто ляпованныхъ и натянутыхъ, а тѣмъ, что вся совокупность его творческой дѣятельности составляетъ «книгу объ отвѣтственности человѣка». Современная европейская жизнь такъ сложилась, что развѣ лишь очень немногіе ея представители не имѣютъ въ той книгѣ своего актива или пассива, и все мало-мальски чуткое — либо оскорблено въ своей чести, либо угрызается совѣстью, либо, наконецъ, и то и другое вмѣстѣ. Въ современной страшной борьбѣ или прямо за существованіе въ буквальномъ смыслѣ, за кусокъ хлѣба и прикрытіе отъ непогоды, или за счастіе, — кто не чувствуетъ, что онъ кого-то давитъ и что въ свою очередь его кто-то давитъ? Но вмѣстѣ съ изощренностью чувствъ въ этихъ двухъ направленіяхъ ростетъ и сознаніе того, что никто собственно лично не виноватъ въ этомъ омутѣ горя и обидъ. Сознаніе, это, однако, не укрощаетъ голоса оскорбленной чести и ущемленной совѣсти, объ чемъ и вопіетъ каждая драма Ибсена.

Недалека отъ вопросовъ чести и совѣсти наша злоба дня,— «Союзъ взаимопомощи русскихъ писателей». Недалека и въ то же время,—какъ ужасно далека!..

Прежде, чѣмъ говорить о Союзѣ и о томъ, что съ нимъ въ настоящую минуту связано, я хотѣлъ бы, въ избѣжаніе недоразумѣній, — ихъ и безъ того много, — опредѣлить мое личное участія въ образованіи Союза.

Мысль объ нѣкоторомъ объединеніи представителей печатнаго слова, дѣятелей литературы и науки, вѣроятно, неоднократно возникавшая въ разныхъ отдѣльныхъ кружкахъ, казалась мнѣ года два слишкомъ тому назадъ близкою къ осуществленію, по крайней мѣрѣ въ частномъ случаѣ. Попытка, въ которой и я принималъ участіе, не удалась. Но отъ нея остался слѣдъ въ періодическихъ обѣдахъ, которые назывались «обѣдами журналистовъ» и на которыхъ зародилась и разрабатывалась мысль о Союзѣ писателей. Въ этомъ зарожденіи и выработкѣ я не принималъ никакого участія, да и на обѣдахъ былъ всего раза два, а въ прошломъ 1896 году не былъ даже ни разу, хотя и получалъ приглашенія. Долженъ покаяться,—я думалъ, что изъ этихъ обѣдовъ ничего путнаго не выйдетъ. Я ошибался, и когда участники обѣдовъ, они же первоначальные учредители Союза, выбрали меня въ комиссію шести для окончательнаго редактированія устава Союза и опредѣленія его отношеній къ Русскому литературному обществу, я не уклонился отъ этой чести. Отъ всего, что происходило до работъ упомянутой комиссіи, я былъ такъ далекъ, что лишь здѣсь, въ комиссіи, впервые увидѣлъ списокъ первоначальныхъ учредителей, то есть участниковъ обѣдовъ (около 60 человѣкъ), равно какъ ими же составленный дополнительный списокъ (около 80 человѣкъ). Спискамъ этимъ я не придавалъ большого значенія. Несомнѣнно, что тѣ 60 съ чѣмъ-то человѣкъ, въ средѣ которыхъ родилась и развивалась мысль о Союзѣ, суть настоящіе его учредители; точно также несомнѣнно, что имъ-же принадлежало право дополнить свой списокъ до требуемаго уставомъ числа 100. Вмѣсто требуемыхъ 30 съ чѣмъ-то человѣкъ, они представили въ комиссію около 80 именъ. Въ этомъ не было надобности, но не было и бѣды. И если кто потрудится взглянуть на этотъ дополнительный списокъ, то убѣдится, что, дополняя себя даже сверхъ надобности, первоначальные учредители принимали во вниманіе рѣшительно всѣ элементы нашей литературы. Наука имѣетъ въ дополнительномъ спискѣ такихъ представителей, какъ гг. Боргманъ, Бекетовы, Бильбасовъ, Вагнеръ, Ламанскій, Лесгафтъ, Манасеинъ и проч. Въ спискѣ значатся и ветераны русской литературы, какъ гг. Григоровичъ, Потѣхинъ, Полонскій, Максимовъ, и болѣе молодые беллетристы, какъ гг. Альбовъ, Короленко, Потапенко, Станюковичъ. Газетный міръ представленъ гг. Суворинымъ, Нотовичемъ, кн. Ухтомскимъ. Затѣмъ вы найдете тутъ гг. Лейкина и Тугана-Барановскаго, гг. Мережковскаго и Струве и т. д., и т. д. По истинѣ, чего хочешь, того просишь. Крайнее разнообразіе хотя бы только приведенныхъ именъ показываетъ, что первоначальные учредители весьма широко растворили двери своимъ собратьямъ по перу. Объ этомъ свидѣтель-

ствуетъ уже, впрочемъ, и то, что цифра 100, опредѣляющая минимальное число членовъ, при которомъ Союзъ считается состоявшимся, установлена самими первоначальными учредителями: ничто не мѣшало имъ ограничить по числу 50-ю и приступить къ организаціи Союза безъ всякаго дополнительнаго списка.

Въ виду всего этого я, повторяю, не придавалъ значенія спискамъ первоначальныхъ учредителей и дополнительному, которые впервые увидѣлъ въ комиссіи шести: лишь бы создалось необходимое по уставу зерно Союза, а дальше онъ будетъ пополняться новыми членами порядкомъ, указаннымъ въ уставѣ. Но затѣмъ мнѣ казалось, что, послѣ окончанія работы комиссіи шести, списокъ членовъ-учредителей долженъ считаться законченнымъ, и никакіе новые дополнительные списки, исходящіе отъ отдѣльныхъ лицъ, не должны быть принимаемы. Поэтому нѣкоторымъ своимъ знакомымъ, просившимъ меня записать ихъ въ члены-учредители передъ общимъ собраніемъ 15 января, баллотировавшимъ записанныхъ въ общій дополнительный списокъ, я отказывалъ. Поэтому же я въ упомянутомъ общемъ собраніи я былъ противъ новыхъ, частныхъ дополнительныхъ списковъ. Вопросъ объ этихъ новыхъ спискахъ голосовался на общемъ собраніи 15 января и большинствомъ голосовъ рѣшенъ отрицательно (за эти новые списки было 16 голосовъ изъ 40 слишкомъ). Мимоходомъ замѣчу, что и однимъ изъ членовъ комиссіи шести былъ представленъ новый, частный дополнительный списокъ, который былъ, конечно, подобно остальнымъ, не принятъ.

Вотъ и все мое участіе въ созданіи Союза: участіе, слишкомъ слабое для того, чтобы я могъ имъ гордиться, но вмѣстѣ съ тѣмъ я для того, чтобы я могъ быть заподозрѣнъ въ этомъ дѣлѣ въ «кружковщинѣ». Ну, я за выборы меня въ члены комитета Союза, а въ средѣ комитета въ товарища предсѣдателя — я, разумѣется, не отвѣтственъ, какъ какъ, подобно всѣмъ кандидатамъ, себя не баллотировалъ. Но затѣмъ, уже послѣ выборовъ въ комитетъ Союза и зеретъ выборами въ судъ чести и ревизіонную комиссію, мнѣ пришлось принять участіе въ маленькомъ инцидентѣ, вызвавшемъ, какъ я все, касающееся Союза, большого шума въ газетахъ. Съ этого инцидента я и начну бесѣду собственно о Союзѣ, хотя хронологически онъ былъ въ коренной еще, не 3-е годовщинѣ бурной исторіи Союза былъ не первымъ.

2 февраля, въ залѣ Географическаго общества, происходило обычное годовое общее собраніе Литературнаго фонда. Собраніе открылось рѣчью предсѣдателя, проф. Сергѣевича, въ которой онъ коснулся и только еще основывавшагося Союза. Нѣкоторыя мѣста этой рѣчи показались мнѣ необыкновенно странными въ устахъ пред-

сѣдателя комитета Литературнаго фонда, члены котораго (комитета) почти всѣ состоятъ и членами Союза. Литературный фондъ—учрежденіе старое, приближающееся къ своему сорокалѣтію (40 лѣтъ ему минетъ въ 1899 г.). Въ немъ успѣли сложиться и прочно установиться извѣстныя традиціи, къ числу которыхъ относится и то, что предсѣдатель комитета,—онъ же, по уставу Литературнаго фонда, и предсѣдатель общаго собранія, — есть предсѣдатель всего комитета. Конечно, онъ можетъ остаться при особомъ мнѣніи по тому или другому вопросу, возникающему въ комитетѣ, но это есть право не его только, а всякаго члена комитета; и въ каждомъ такомъ случаѣ особое мнѣніе такъ и представляется общему собранію, какъ «особое мнѣніе». Но въ данномъ случаѣ о какомъ-нибудь особомъ мнѣніи не было, да и не могло быть рѣчи, потому что въ комитетѣ Литературнаго фонда не возникало да и не могло возникнуть никакого вопроса о Союзѣ. Поэтому мнѣ казалось чрезвычайно важнымъ выяснить присутствующей публикѣ, что, вопреки всѣмъ традиціямъ Литературнаго фонда, рѣчь предсѣдателя не выражаетъ мнѣнія комитета, а есть исключительно его, В. И. Сергѣевича, личное мнѣніе. Я попросилъ у предсѣдателя слова. Но пусть сначала г. Сергѣевичъ самъ разскажетъ, какъ было дѣло. Онъ напечаталъ свою рѣчь въ газетахъ съ своими комментаріями. Изъ рѣчи я приведу только то, что относилось къ Союзу.

«Цѣли Союза далеко выходятъ за предѣлы цѣлей Фонда. Онъ имѣетъ въ виду объединеніе русскихъ писателей на почвѣ ихъ профессіональныхъ интересовъ для установленія постояннаго между ними общенія и охраненія добрыхъ нравовъ. Нельзя не преклониться передъ важностью такой задачи: нельзя не воздать хвалы смѣлости мысли иниціаторовъ и учредителей Союза, не убоявшихся трудностей предстоящаго имъ дѣла. Для людей, не посвященныхъ въ мотивы и соображенія, которыми они руководствовались, трудности эти кажутся столь великими, что задуманное дѣло представляется граничащимъ съ областью невозможнаго. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, объединить писателей, далеко разъединенныхъ различіемъ направленій, часто сталкивающихся враждебно? Различія направленій имѣютъ мѣсто не въ одной только публицистикѣ и политикѣ: они одинаково встрѣчаются въ области наукъ, художественнаго творчества, критики. Различіе направленій не есть, однако, единственная причина, разъединяющая писателей. Ихъ едва ли не больше разъединяетъ различіе соціальнаго положенія. Оно такъ велико, что писатели, принадлежащіе къ крайнимъ сферамъ, пожалуй, не найдутъ и общепонятнаго для нихъ языка для постояннаго между собою общенія. Какъ, наконецъ, объединить эти больныя самолюбія, которыя такъ легко развиваетъ литературная дѣя-

тельность?—Объединение желаетъ совершить на почвѣ профессіональнаго интереса. Но что такое профессіональный интересъ? Профессіональный интересъ не есть конечно, что нибудь общечеловѣческое, ни даже общегосударственное. Это долженъ быть специфическій интересъ людей, для которыхъ писательство составляетъ профессію, постоянное занятіе изо дня въ день, средство существованія. Но тогда окажется очень много писателей, которые вовсе не войдутъ въ сферу дѣйствія Союза. Есть немало дѣятелей литературы очень почтенныхъ и во всѣхъ ея областяхъ, для которыхъ писательство не составляетъ, однако, профессіи. А, между тѣмъ, и они призываются въ составъ Союза и должны, слѣдовательно, для согласной дѣятельности, усвоить себѣ чуждые имъ интересы. И много другихъ вопросовъ возбуждаетъ уставъ Союза, не давая на нихъ отвѣтовъ. Но осужденіе устава было бы теперь преждевременно. Никакой уставъ не въ состояніи впередъ разрѣшить всѣ вопросы, которые могутъ возникнуть при его осуществленіи. Ихъ можетъ разрѣшить только живая дѣятельность лицъ, призванныхъ къ его осуществленію. Но эта дѣятельность еще впереди. Въ настоящее время мы наблюдаемъ Союзъ въ самый небольшой для него моментъ: мы наблюдаемъ его въ мукахъ рожденія. Пожелаемъ-же ему появиться живымъ на свѣтъ Божій и немедленно приступить къ организаціи тѣхъ способовъ и средствъ, при помощи которыхъ можно будетъ приняться за осуществленіе его высокихъ и всѣмъ желательныхъ цѣлей. Цѣли же его, конечно, желательны для всѣхъ. Въ обществѣ, столь разъединенномъ, какъ наше, что можетъ быть желательнѣе объединенія въ постоянномъ общеніи, доброй нравственности и любви, хотя бы однихъ только писателей».

О томъ, что послѣдовало за рѣчью г. Сергѣевича, онъ разсказываетъ такъ:

«Когда я умолкъ, г. Михайловскій, Н. К., всталъ съ своего мѣста и предложилъ мнѣ вопросъ, отъ чьего имени говорилъ я,—отъ имени комитета или мого собственнаго. Я удовлетворилъ его, освѣтивъ, что говорилъ только отъ себя. Г. Михайловскій занялъ свое прежнее мѣсто и приписанныхъ ему одною газетою словъ порицанія по моему адресу не произнесъ. Роль мого строгаго цензора въ засѣданіи 2 февраля принялъ на себя г. Семевскій, В. И., одинъ изъ учредителей новаго союза. Онъ публично и во всеуслышаніе выразилъ порицаніе предсѣдателю Литературнаго фонда, сказавъ, что находитъ его рѣчь неумѣстной и излишней. Предсѣдателемъ былъ я, а потому спросилъ г. Семевскаго, что-же не понравилось ему въ моемъ привѣтствіи Союзу, онъ отвѣчалъ, въ привѣтствіи слышится сомнѣніе въ успѣхѣ его дѣйствія. Г. Семевскій не

сомнѣвается и вѣритъ, а потому и я долженъ вѣрить. Онъ не порицалъ бы меня, если бы я привѣтствовалъ съ вѣрою, какъ онъ не порицалъ г. Гаршина, предложившаго собранію, по выслушаніи моей рѣчи, также выразить привѣтствіе новому обществу и охотно къ нему присоединился. Сомнѣній г. Семевскій не допускаетъ. Устное слово свободно до тѣхъ только поръ, пока говорящій не сомнѣвается и вѣритъ въ то, во что вѣритъ и г. Семевскій. Если онъ колеблется,—слово его неумѣстно. Отдадимъ должное просвѣщенной терпимости и либерализму г. Семевскаго: для печатнаго слова онъ допускаетъ большую свободу. Порицая мои устныя сомнѣнія, онъ допустилъ, однако, возможность высказать ихъ въ печати. Мнѣ очень пріятно сдѣлать что-нибудь угодное для г. Семевскаго, и вотъ, благодаря любезному гостепріимству «Новаго Времени», онъ имѣетъ мое привѣтствіе напечатаннымъ.

Открывая годовое собраніе фонда, я считалъ необходимымъ не только привѣтствовать возникающій союзъ, но и выяснить, въ какомъ отношеніи стоитъ онъ къ фонду. Если бы даже благія намѣренія союза и не осуществились, или осуществились далеко не въ той широкой формѣ, какъ предполагаетъ его уставъ, союзъ все-же можетъ быть намъ полезенъ. Исходя изъ этой мысли, но не скрывая моихъ сомнѣній, я и сказалъ то, что вынужденъ теперь напечатать.

Также не считаю нужнымъ скрывать, что дѣятельность цензоровъ-добровольцевъ я считаю менѣе удобной дѣятельности правительственныхъ цензоровъ. Тѣхъ всѣ знаютъ и у нихъ можно напередъ получить одобреніе, или, въ случаѣ неодобренія, сомкнуть уста; добровольцы же неизвѣстны, а потому бываетъ совершенно невозможно ихъ избѣжать.

... Не хочу назвать настоящимъ именемъ того, что произошло въ собраніи 2 февраля, и прекращаю мою рѣчь».

Въ собраніи 2 февраля произошло во всякомъ случаѣ нѣчто необычайное: я старый членъ Литературнаго фонда — не запомню ничего подобнаго. Если однако г. Сергѣевичъ затрудняется подъискать настоящее названіе для этого необычайнаго, то единственно потому, что изъ его памяти ускользнули нѣкоторыя подробности. Я постараюсь помочь ему и ни на одну минуту не сомнѣваюсь, что онъ не откажется подтвердить каждое мое слово (съ фактической стороны, разумѣется), а затѣмъ не трудно будетъ уже и «настоящее имя» подъискать.

Я попросилъ слова по поводу рѣчи г. Сергѣевича (я именно такъ и выразился: «по поводу вашей рѣчи»). Г. Сергѣевичъ отвѣтилъ: *моя рѣчь не подлежитъ обсужденію*. Я возразилъ: «я и не собираюсь ее обсуждать, а хочу только задать вамъ одинъ вопросъ,—личное ли вы свое мнѣніе о Союзѣ выразили, или мнѣніе

Комитета? Отвѣтомъ г. Сергѣевича — «личное» — я удовлетворился, такъ какъ цѣль моя только въ томъ и состояла, чтобы обратить вниманіе присутствующихъ именно на это обстоятельство. И г. Семевскій не удовлетворился. Онъ, какъ вѣрно показываетъ г. Сергѣевичъ, назвалъ предсѣдательскую рѣчь «неумѣстной и излишней», но этими словами онъ не ограничился. Да это видно и изъ дальнѣйшей ироніи г. Сергѣевича. Отдадимъ должное просвѣщенной терпимости и либерализму г. Семевскаго: для почтенныхъ слова онъ допускаетъ большую свободу. Перидая мои устныя сомнѣнія, онъ допустилъ, однако, возможность высказать ихъ въ печати. Дѣйствительно г. Семевскій не только не отрицалъ права г. Сергѣевича высказывать свои мнѣнія вообще, но напротивъ указывалъ на надлежащій путь для этого,—путь печати. А слѣдовательно, всѣ соображенія г. Сергѣевича о «цензурахъ-добровольцахъ» — ни къ чему. Я не буду приводить подлинныя слова г. Семевскаго, потому что они были свѣжѣе тѣхъ краткихъ репликъ, которыми обмѣнялись мы съ г. Сергѣевичемъ, и я боюсь что-нибудь упустить или переиначить. При томъ-же г. Семевскій успѣлъ только высказать, а не развить свою мысль, такъ какъ въ тяжкую для всѣхъ присутствующихъ минуту вмѣшался г. Гаршинъ съ предложеніемъ общему собранію выразить свое сочувствіе Софьѣ. Аплодисментами, которыми было покрыто это предложеніе, тяжелый эпизодъ закончился.

Да, это былъ тяжелый эпизодъ. И чтобы оцѣнить всю его тяжесть, надо обратить вниманіе на вышеприведенныя слова г. Сергѣевича: «моя рѣчь не подлежитъ обсужденію». Г. профессоръ былъ и правъ, и не правъ, говоря это. Не правъ, потому что ни уставъ, ни традиціи Литературнаго фонда, ни простой житейскій тактъ не изъемлютъ предсѣдательской рѣчи изъ предѣловъ обсужденія общаго собранія. Съ другой стороны, однако, именно эта рѣчь, произнесенная г. Сергѣевичемъ 2 февраля, дѣйствительно не подлежала обсужденію. Представимъ себѣ, что кто-нибудь изъ присутствующихъ настоялъ бы на своемъ несомнѣнномъ правѣ обсуждать рѣчь. Чтобы произошло? Рѣчь, надо отдать ей справедливость, открываетъ чрезвычайно широкое поле для возраженій. Напримѣръ, г. Сергѣевичъ утверждалъ, что «различіе сознательнаго положенія нашихъ писателей такъ велико, что писатели, принадлежащіе къ крайнимъ сферамъ, пожалуй, не найдутъ и общепонятнаго для нихъ языка для постановки между собою сознанія». Согласитесь, что это мнѣніе, по малой мѣрѣ, рискованное. Я съ желалъ знать, гдѣ видѣлъ г. Сергѣевичъ тѣхъ писателей, для которыхъ непонятенъ языкъ Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Толстого и проч., и вѣдь всѣ мы говоримъ именно этимъ языкомъ

Или напримѣръ, г. Сергѣевичъ сомнѣвается насчетъ профессіональныхъ интересовъ: «Есть не мало дѣятелей литературы очень почтенныхъ и во всѣхъ ея областяхъ, для которыхъ писательство не составляетъ, однако, профессіи («постояннаго занятія изо дня въ день, средства существованія»). Между тѣмъ и они призываются въ составъ союза и должны слѣдовательно, для согласной дѣятельности, усвоить себѣ *чуждые* имъ интересы. Почему же, однако, *чуждые?* Былъ такой очень почтенный дѣятель литературы».— Лермонтовъ. Онъ былъ офицеръ, а не литераторъ «по профессіи», то-есть литература не была его «постояннымъ занятіемъ изо дня въ день, средствомъ существованія». Однако профессіональные интересы, связанные, напримѣръ, съ вопросомъ литературной собственности или съ общими условіями печати, которыя въ то время не допускали появленія стихотворенія «На смерть Пушкина»,— эти профессіональные интересы отнюдь не были *чужды* Лермонтову. И т. д. и т. д.

Я боюсь, что если бы 2 февраля кто-нибудь изъ присутствующихъ сталъ дѣлать эти и подобныя имъ возраженія, то г. предсѣдатель вынужденъ бы былъ остановить его, хотя бы уже потому, что ораторъ выступилъ бы за предѣлы компетенціи Литературнаго фонда. Не скажу, чтобы г. Сергѣевичъ при этомъ всталъ въ положеніе «добровольнаго цензора», однако и «цензоромъ по неволѣ» его тоже нельзя бы было назвать, ибо самъ онъ и первый сказалъ рѣчь, «не подлежащую обсужденію».

Итакъ, рѣчь г. Сергѣевича, вопреки его категорическому утвержденію, подлежала обсужденію, какъ и все, что публично говорится въ общихъ собраніяхъ Литературнаго фонда; съ другой стороны, она дѣйствительно не подлежала обсужденію. Какъ же быть? Выводъ, я думаю, прежде всего тотъ, что рѣчь не подлежала произнесенію, а затѣмъ, разъ ужъ она была произнесена, она подлежала не обсужденію, а осужденію, что и сдѣлалъ г. Семевскій. Не онъ выказалъ нетерпимость, говоря о неумѣстности рѣчи г. Сергѣевича и предлагая ему излагать свои мысли въ печати, а самъ г. Сергѣевичъ, объявивъ свою рѣчь не подлежащею обсужденію. Но такъ какъ она, дѣйствительно, не подлежала обсужденію, то весьма не трудно пріискать «настоящее имя» тому, что произошло 2 февраля: безтактность и ея естественныя послѣдствія.

Въ рѣчи г. Сергѣевича есть, однако, кое-что справедливое и безспорное. Безспорно, что «въ настоящее время мы наблюдаемъ Союзъ въ самый неблагопріятный для него моментъ: мы наблюдаемъ его въ мукахъ рожденія». Безспорно также, что трудно «объединить больныя самолюбія, которыя такъ легко развиваетъ литературная дѣятельность». Оба эти пункта самымъ тѣснымъ

образомъ связаны между собой. Объ этомъ свидѣтельствуетъ та вечерняя рутинъ, которая въ нѣкоторыхъ газетахъ разлетелся по адресу учредителей, комитета чести, комитета, суда чести, общихъ собраній, при чемъ все это вылится въ одну кучу, не разбирая вкуса. И не трудно видѣть, что источникъ нападокъ составляютъ главнымъ образомъ «больныя самолюбія». Я, конечно, не о г. Сергѣевичѣ говорю. При томъ же, хотя пожелать успѣха тому, что граничитъ съ областью невозможнаго, не значитъ обнаружить большое великодушіе, но г. Сергѣевичъ все-таки пожелалъ успѣха Союзу. Если же онъ не пожелалъ самъ войти въ его составъ, то не въ силу «больнаго самолюбія». Онъ значился въ исполнительномъ спискѣ членовъ-учредителей, но еще до выборовъ въ комитетъ отказался вступить въ Союзъ. Отказался, можетъ быть потому, что побоялся встрѣтиться съ какимъ-нибудь писателемъ, говорящимъ на непонятномъ языкѣ, или можетъ быть потому, что ему чужды профессіональные интересы литературы, но во всякомъ случаѣ не по мотиву «больнаго самолюбія». Но что этотъ мотивъ играетъ важнѣйшую роль во всей отрицательной литературѣ о Союзѣ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Страннымъ образомъ рѣчь г. Сергѣевича порадовала сердца писателей, нападающихъ на Союзъ. Говорю «страннымъ образомъ», потому что рѣшительно не понимаю, что въ ней радостнаго для писателей вообще. То ли, что литература воспитываетъ непомѣрныя самолюбія, въ силу которыхъ между писателями невозможно никакое единеніе? Или то, что среди нашихъ писателей есть какіе-то патріоты и какіе-то злобствующіе, которые даже на разныхъ, взаимно-непонятныхъ языкахъ говорятъ? Или, наконецъ, то, что дѣятелю литературы, имѣющему иные источники существованія, не слѣдуетъ якшаться съ литературными работниками, только этой работой и живущими? Казалось бы, это оскорбленія не Союзу, а русскимъ писателямъ вообще, но разъ человѣкъ сказалъ что-нибудь неблагопріятное для Союза, — это заслуга. И вотъ, какъ, напримѣръ, «Гласность» разрѣшаетъ недоразумѣніе г. Сергѣевича насчетъ «настоящаго имени» того, что произошло 2 февраля. Сочувственно перепечатавъ письмо г. Сергѣевича въ редакцію «Новаго Времени», «Гласность» пишетъ и, для большей выразительности подчеркиваетъ: «А *настоящее* имя всему этому кавардаку такъ и просится на уста: — это есть ни болѣе, ни менѣе, какъ *организованный шантажъ и сифилисъ печати и систематическая фальсификація общественнаго мнѣнія и всѣхъ понятій о чести*».

Я не поздравляю г. Сергѣевича съ этимъ сочувственнымъ комментаріемъ, если только онъ не увидитъ въ немъ подтвержденія своей мысли объ отсутствіи «общепонятнаго» русскаго языка. При

чемъ тутъ «шантажъ», «юдофильская печать», «фальсификація общественнаго мнѣнія и всѣхъ понятій о чести»? Если «соціальное положеніе» г. Сергѣевича таково, что этотъ языкъ ему понятенъ, онъ хорошо сдѣлаетъ, выведя изъ затрудненія и насъ переводомъ на языкъ общепонятный. А до тѣхъ поръ мы можемъ видѣть въ этой гирадѣ только вполнѣ безсмысленный наборъ словъ, за которымъ скрывается какой-то невысказанный мотивъ. Или вотъ, напримѣръ, упрекъ «Новаго Времени» (№ 26 января), что въ комитетъ Союза не избрано ни одной женщины и «даже ни одной женщины не было предложено къ баллотировкѣ, хотя ихъ нѣсколько въ числѣ членовъ-учредителей». «Новое Время» называетъ это «игнорированіемъ женщинъ вопреки уставу». Не можетъ же газета не понимать, что если въ числѣ учредителей есть женщины, такъ нельзя говорить объ «игнорированіи женщины». Не можетъ она также не понимать, что слова «вопреки уставу» лишены въ данномъ случаѣ всякаго смысла, ибо уставъ не воспрещаетъ женщинамъ быть членами комитета, но вовсе не обязываетъ избирать женщинъ. Но показаніе «Новаго Времени» оказалось и фактически невѣрнымъ: одна женщина баллотировалась въ члены комитета, но не получила нужнаго числа голосовъ, это была г-жа Калмыкова. И когда «Новому Времени» была указана его ошибка, оно отвѣтило чрезвычайно развязно: потому и не выбрана была такая почтенная дѣятельница, какъ г-жа Калмыкова, что общее собраніе состояло изъ «калмыковъ»... Потомъ г-жа Калмыкова была выбрана въ ревизіонную комиссію, но это, разумѣется, не успокоило «Новое Время», и я не удивлюсь, если теперь оно скажетъ: ну, вотъ, когда у васъ Калмыкова, вы ужъ настоящими калмыками стали. Вы понимаете, что всѣ эти «вопреки уставу», «калмыки», «жиды» и проч., — все это только пустыя слова, скрывающія истинныя причины недовольства «Новаго Времени», «Гласности», «Народа» и другихъ вопіющихъ. А вѣдь до чего иные договорились! Г. Old Gentleman, напримѣръ, повидимому, чрезвычайно гордый тѣмъ, что ему незнакомы имена такихъ ученыхъ, какъ г. Боргманъ или г. Ольденбургъ, находитъ возможнымъ сообщать читателямъ «Новаго Времени» слухи, исходящіе отъ «мертвецки пьянаго Ноздрева»... Какъ все это поднимаетъ несоюзную литературу надъ уровнемъ членовъ Союза!.. Г. Old Gentleman, впрочемъ, пересолилъ и въ другую сторону. Всячески издѣваясь надъ учредителями, надъ Союзомъ и его уставомъ, онъ забылъ, что въ числѣ учредителей состоятъ и его патронъ, г. Суворинъ, и еще три сотрудника «Новаго Времени»: упустилъ онъ также изъ виду, что г. Суворинъ, какъ членъ Русскаго литературнаго общества, могъ участвовать и въ

выработкѣ устава Суда чести, такъ какъ уставъ этотъ есть результатъ соглашенія съ опредѣленнымъ обществомъ.

Не сразу поняли въ нѣкоторыя дикія выходки пресловутаго Суда, сдѣлавшаго ничѣмъ не извѣстнаго Ѳ. въ худшую, ни въ лучшую сторону. Первое время всѣ газеты не только благосклонно, а даже какъ бы радостно сообщали о комедіи чести: объ утвержденіи устава, о судѣ чести, о первомъ общемъ собраніи, баллотировавшемъ большинствомъ учредителей, уставъ газеты дѣйствительно перечитывали пылкимъ или въ выраженіи. Буря поднялась послѣ выборовъ членовъ комитета. Тутъ лаяли и клеймили за то, что г-жа Калмыкова не попала въ комитетъ, и «жить должно быть за то, что на одного сѣрея въ комитетѣ нѣтъ никого, что Пенкевъ, Загуляевъ, Бобрыкинъ, Мочкинъ и проч. могутъ остаточно по-русски». Но среди этого явнаго вздора были и нѣчто сдѣлавшее стыдъ смущенія публикѣ, указывавшее именно на слабое представительство литературы, преимущественно бедлетристовъ, въ составѣ какъ учредителей, такъ и комитета. Но я уже упоминалъ, что въ числѣ тургеневскихъ звѣздъ Д. В. Григоровичъ, Я. П. Полонскій, А. А. Потѣхинъ, С. В. Максимовъ, А. Жемчужниковъ и др. Всѣ они почти баллотировались въ общемъ собраніи 15 января, были избраны единогласно, и вдругъ не мѣшаетъ точно также баллотировать другимъ лицамъ, и какой-нибудь разницы въ правахъ между членами-учредителями и послѣ вступившими членами — нѣтъ. Что касается состава комитета, то во-первыхъ, говоря о бедлетристахъ, нельзя же назвать г. Бобрыкина молодымъ или мало извѣстнымъ писателемъ. Да и «молодженность», наконецъ, неумѣнная молодженность сама по себѣ не есть качество, необходимое для члена комитета. Наконецъ замѣтить, что галдѣнье по указаніямъ новаго начальника выборовъ въ судъ чести, въ которыя указанія предлагалъ баллотироваться А. А. Потѣхину, не онъ отказался, а Я. П. Полонскій баллотировался и вошелъ въ составъ суда, правда, въ качествѣ кандидата, но въ виду права обращенныхъ къ этому суду отвѣтить извѣстно тѣмъ, членовъ, разницы между членами суда и кандидатами въ немъ, собственно говоря, нѣтъ.

Мало-по-малу нареканія на новую слабо представленныхъ заслуженныхъ ветерановъ, сосредоточивавшіяся преимущественно въ «Новомъ Времени», стали затихать. Тѣмъ выступили «Новости» съ нареканіями иного рода. «Новости» писали (отъ 30 января):

«Очевидно, первоначальные учредители Суда чести» положили въ основаніе своего проекта предвзятую идею о полной противоположности интересовъ писателей (какъ «работниковъ») и издателей (какъ «эксплуататоровъ») и задумали сдѣлать вѣчно

задачамъ и цѣлямъ, однородное съ союзами рабочихъ. Только съ этой точки зрѣнія и можно объяснить себѣ избраніе состава комитета изъ лицъ односторонняго направленія и почти полное исключеніе изъ него издателей газетъ и журналовъ («фабрикантовъ»)».

Я не совсѣмъ понимаю, что именно хотятъ сказать «Новости» и не хочу доискиваться. А скажу прямо: если бы гг. Суворинъ и Нотовичъ, эти главы двухъ великихъ державъ петербургскаго газетнаго міра, были избраны въ члены комитета Союза, они не допустили бы въ свои газеты тѣхъ неосновательныхъ нареканій и того грубаго гаерства по адресу Союза, которыя мы читаемъ нынѣ. И г. Сементковскій былъ бы не столь расточителенъ на «письма въ редакцію», и г. Old Gentleman съ такимъ же усердіемъ выхвалялъ бы Союзъ, съ какимъ онъ нынѣ старается его унизить. Съ этой точки зрѣнія учредители сдѣлали можетъ быть ошибку, и имъ слѣдовало избрать вмѣсто двухъ работниковъ, въ родѣ, напримѣръ, меня или г. Мамина, двухъ «фабрикантовъ». Но учредители дѣйствовали по совѣсти, и во всякомъ случаѣ вящшую ошибку дѣлаютъ гг. Суворинъ и Нотовичъ. Учредителей считается 135—140 человѣкъ, но заявленія о желаніи вступить въ члены Союза поступаютъ въ изобиліи, и слѣдующему общему собранію комитетъ предложитъ баллотировать, можетъ быть, столько же новыхъ членовъ. Эти новые члены принесутъ съ собой, можетъ быть, новые взгляды, и въ обновленномъ въ будущемъ году комитетѣ гг. Суворинъ и Нотовичъ могутъ занять подобающее имъ мѣсто. Но для этого нужно немножко выдержки, немножко терпѣнія, я готовъ, изъ любезности къ г. Нотовичу, сказать: «немножко философіи». А и философія-то нехитрая. Надо только сообразить, что окриками и угрозами, облыжными показаніями и гаерствомъ, равно какъ и выдвиганіемъ на первый планъ своего положенія «фабриканта», не пріобрѣтешь уваженія такого количества настоящихъ и будущихъ членовъ Союза, какое необходимо для выбора въ члены комитета...

Кончу прекрасными словами газеты «Сибирь» (7 февраля). Распредѣливъ учредителей Союза по группамъ и цифрами доказавъ, что никакой «кружковщины» тутъ нѣтъ, почтенная газета пишетъ:

«Мы не знаемъ внутреннихъ мотивовъ похода противъ Союза: чувство ли злобы, чувства ли обиды или какія-либо другія соображенія играютъ здѣсь роль, но пусть подумаютъ эти лица, что они дѣлаютъ попытки разрушить своими руками то зданіе, которое съ большимъ трудомъ удалось писателямъ построить».

III*).

„Сборникъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ московскаго университета". — О. Дырсемъ.

Въ старые годы у насъ были въ модѣ так называемые альманахи или литературные сборники, преимущественно беллетристическаго содержанія, но вмѣщавшія и статьи научнаго характера. Затѣмъ эта мода прошла, а теперь опять возрождается: за послѣдніе годы мы имѣемъ цѣлый рядъ сборниковъ, изданныхъ съ различными благотворительными цѣлями. Едва ли это возрожденіе оправдывается обстоятельствами, какъ по истинѣ сами по себѣ цѣли, ради которыхъ издаются сборники. Въ старые годы писательскаго труда не существовало, сравнительно мало было и періодическихъ изданій. Поэтому составителямъ сборниковъ не трудно было залучить и болѣе или менѣе крупныя литературныя имена писателей обезпеченныхъ, и разную мелочь, объ которой, по словамъ одного такого сборника, Бѣлинскій писалъ: «было бы чему хорошенькому, если бы многіе сочинители не воспользовались такимъ прекраснымъ случаемъ впечатлѣться въ печать». Времена измѣнились. Въ распоряженіи читателей имѣется довольно большой выборъ ежемѣсячныхъ изданій, каждая книжка которыхъ представляетъ собою такой же сборникъ статей разнообразнаго содержанія, только близостоящій къ жизни, благодаря нетребнымъ и даже невозможнымъ для сборниковъ статьямъ по текущимъ дѣламъ,—разнаго вмѣщенія хроникамъ. Персоналъ литературныхъ вкладчиковъ въ сборники тотъ-же, что и въ журналахъ. Между ними очень мало лицъ, обезпеченныхъ какимъ-нибудь сторроннимъ постомъ, и въ такъ называемомъ интересѣ ихъ очень рѣдко есть что-нибудь такое, чего они не могли бы или не обязаны были помѣстить въ томъ или другомъ журналѣ: а написать что-нибудь вновь, спеціально для сборника, у нихъ большую часть нѣтъ времени. Поэтому

*) Апрѣль 1897 г.

поэтому, что въ прежнихъ сборникахъ отражалась наличная литература не только съ ея слабыми сторонами и слабыми представителями, а и своей казовой стороной, и сборники или альманахи представляли иногда большой интересъ, тогда какъ этого отнюдь нельзя сказать про большинство нынѣшнихъ сборниковъ. За рѣдкими исключеніями, эти изданія не пользуются сколько-нибудь значительнымъ успѣхомъ. И это вполнѣ естественно: составители сборниковъ просятъ у писателей «чего-нибудь»; писатели и даютъ «что-нибудь», отрывки, наброски, залежавшіяся почему-нибудь статьи. Винить за это писателей было бы несправедливо, или, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ признать наличность обстоятельствъ, сильно смягчающихъ ихъ вину. Писатель есть человѣкъ рабочій, большею частію исключительно своимъ трудомъ живущій, а между тѣмъ въ сборникѣ онъ является несообразно крупнымъ жертвователемъ и, во всякомъ случаѣ, во много разъ большимъ, чѣмъ человѣкъ, купившій сборникъ за 1 — 3 рубля. И когда такихъ сборниковъ является, какъ теперь, много, при чемъ составители ихъ обращаются за сотрудничествомъ, преимущественно, къ однимъ и тѣмъ же писателямъ, то положеніе послѣднихъ становится слишкомъ труднымъ. А это неблагопріятно отзывается и на составѣ сборника, и, слѣдовательно, на его успѣхѣ, то есть на самой цѣли, ради которой сборникъ изданъ.

Исключенія, конечно, бываютъ и даже блестящія. Такъ, напримѣръ, огромный успѣхъ имѣлъ сборникъ, изданный въ пользу голодающихъ редакціей «Русскихъ Вѣдомостей» (рядомъ съ сомнительнымъ успѣхомъ другихъ, тогда же и съ тою же цѣлью изданныхъ сборниковъ). Чрезвычайно также быстро разошелся сборникъ въ память Гаршина, изданный тотчасъ послѣ трагической смерти этого талантливаго молодого писателя, смерти, произведшей сильное впечатлѣніе на общество. Но успѣхъ этихъ двухъ сборниковъ вполнѣ исключительный, и я, признаюсь, съ не особенно пріятнымъ чувствомъ разрѣзываю книжки новыхъ сборниковъ, при всемъ сочувствіи къ добрымъ цѣлямъ, которымъ они призваны послужить. Даже къ произведеніямъ талантливѣйшихъ нашихъ писателей, значащимся въ оглавленіи сборника, я отношусь нѣсколько скептически, ибо почти увѣренъ, что наиболѣе яркія, наиболѣе облюбованныя авторами произведенія найду не здѣсь, а въ томъ или другомъ періодическомъ изданіи.

Съ такимъ же скептицизмомъ взялъ я въ руки и недавно вышедшій «Сборникъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ московскаго университета», изданный подъ редакціей г. Гольцева. Но на этотъ разъ мой скептицизмъ оказался неумѣстнымъ. Нельзя сравнить новый сборникъ съ двумя вышеупомянутыми, но въ немъ

есть все-таки нѣкоторая интересная духовная пища, и читатель не пожалѣетъ о томъ рублѣ, который онъ за нее заплатитъ, независимо отъ дорогой цѣны изданія.

Беллетристика представлена въ сборникѣ довольно скудно: хорошенькій разсказъ г. Мамина, нѣсколько переводныхъ разсказовъ съ польскаго, стихотворенія гг. Голованова, Лальженскаго, Бальмонта. Текущій, практическій интересъ представляетъ «Замѣтка о гласномъ судѣ» г. Гуковскаго, статья г. Дженшиева «Памяти А. М. Фальковскаго», «Изъ Дневника» г. Вахтерова и въ особенности статья г. Кареева «Что можно дать для народнаго чтенія изъ всемірной исторіи», — представляющая хорошо обдуманную и разработанную программу, съ которою необходимо будетъ считаться всѣмъ ревнителямъ народнаго просвѣщенія. Теоретическимъ вопросамъ посвящены статьи г. Ковалевскаго «Соціологія и соціологи», г. Кареева — «Ничто о чрезмѣрности исторіи», г. Иванова — «Понятіе организма», г. Иванова — «Идея прогресса во французской литературѣ XVIII вѣка». Если прибавить главу изъ воспоминаній покойнаго д-ра Бѣлоголоваго «Поѣздка на Уралъ въ 1866 г.», то читатель получитъ перечисленіе всѣхъ статей, вошедшихъ въ сборникъ.

Я не думаю говорить обо всѣхъ этихъ статьяхъ и остановлюсь лишь на двухъ-трехъ, въ связи съ нѣкоторыми другими явленіями русской и иностранной литературы.

Имя Ничше довольно часто мелькаетъ на страницахъ нашихъ періодическихъ изданій, а въ нѣкоторыхъ, правда, очень немногихъ произведеніяхъ нашей литературы можно найти прямое отраженіе идей этого во всякомъ случаѣ замѣчательнаго, хотя и страннаго, безпорядочнаго и кончившаго психическимъ разстройствомъ мыслителя. Но наша, такъ называемая, большая публика читателей журналовъ и газетъ—очень все-таки мало знакома съ умственной физіономіей Ничше и, можетъ быть, видитъ оригинальность въ измѣнчивыхъ слабыхъ ея отраженіяхъ въ русской литературѣ. А между тѣмъ, кто знаетъ? Быть можетъ, это только первые вѣстники, за которыми послѣдуетъ болѣе или менѣе широко распространенное увлеченіе идеями Ничше, — мы вѣдь такъ падки на «новыя слова», «послѣднія слова», и такъ плохо вооружены для самостоятельнаго критическаго къ нимъ отношенія.

Въ разсказѣ г. Мельшина «Юность» есть, между прочимъ, любопытная фигура юноши Ломинскаго, который восторженно кричитъ: «къ чорту эстетику, и да здравствуетъ вѣчная, грозная наука естествознанія», и для котораго «не существовало никакихъ

трудныхъ или сложныхъ вопросовъ: Писаревъ былъ для него такой великолѣпной отмычкой, съ помощью которой самые мудреные ларцы отпирались очень просто, удобно и скоро». Это очень характерная фигура для нашего сравнительно недавняго (а впрочемъ, уже тридцатилѣтняго!) прошлаго, а, понятая въ болѣе широкомъ смыслѣ, и не только для этого прошлаго. Одностороннія увлеченія знакомы, конечно, и западной Европѣ, гораздо болѣе насъ богатой знаніемъ и житейскимъ опытомъ, но нигдѣ не хватаются за новыя «отмычки, съ помощью которыхъ самые мудреные ларцы отпираются очень просто, удобно и скоро», съ такою жадностью, какъ у насъ. Для этого есть много причинъ, изъ которыхъ самая важная состоитъ, конечно, въ скудости знаній вообще, и въ скудости знанія нашего собственнаго прошлаго въ частности. «Ослѣпленный блестящей, поразительно простой и ясной исторической концепціей Бокля, Доманскій отрицаетъ всякое значеніе отдѣльныхъ личностей и издѣвается надъ «такъ называемыми» великими людьми и героями». Тридцать лѣтъ тому назадъ это было, но, благодаря перерывамъ преемственности въ исторіи нашего развитія, у насъ и теперь найдутся Доманскіе, повторяющіе это самое, какъ новѣйшее открытіе, какъ нѣчто, доселѣ неслыханное.

Это, впрочемъ, мимоходомъ, къ слову.

Въ настоящую минуту и въ непосредственномъ будущемъ болѣе или менѣе повальное увлеченіе Ничше, кажется, намъ не грозитъ: но когда эти наши духовные пожары разгораются, мы становимся уже мало способны прислушиваться къ голосу критики, и, по малой мѣрѣ, не мѣшаетъ загодя разобраться въ свѣтлыхъ и темныхъ сторонахъ философіи Ничше, которая и сама по себѣ представляетъ большой интересъ.

Слѣдуетъ, поэтому, благодарить г. Карѣева за его вкладъ въ сборникъ, изданный въ пользу недостаточныхъ студентовъ московскаго университета, хотя вкладу этому можно бы было пожелать большей широты взгляда и болѣе пристальнаго вниманія къ писателю, котораго самъ г. Карѣевъ называетъ «во всякомъ случаѣ незаурядным». Статья г. Карѣева называется, какъ уже сказано, «Ничше о чрезмѣрности исторіи» и посвящена разбору статьи Ничше: Vom Nutzen und Nachtheil der Historie für das Leben («О пользѣ и вредѣ исторіи для жизни»). Понятно, что г. Карѣевъ, историкъ, заинтересовался этой работой Ничше, но, къ сожалѣнію, г. Карѣевъ отнесся къ своей задачѣ слишкомъ какъ спеціалистъ-историкъ, даже, можно сказать, какъ спеціалистъ преподаватель исторіи. Выступая въ роли защитника своей науки противъ нападокъ несчастнаго мыслителя на «чрезмѣрность исторіи», но при этомъ вырывая изъ всего, довольно обширнаго, литературнаго багажа Ничше одну, заин-

тересовавшую его, какъ специальная, работу, г. Карѣевъ дѣлалъ себѣ возможности ориентироваться, какъ въ блестящихъ парадоксахъ Ничше, такъ и въ томъ, что въ немъ есть глубокаго и не парадоксальнаго. Взгляды Ничше на «чрезмѣрность (Ueberfluss) исторіи» могутъ быть правильно освѣщены только какъ часть всего страннаго, но въ высокой степени интереснаго міросозерцанія.

Статья г. Ковалевскаго едва ли правильно называется «Соціологія и соціологи». Хотя въ ней рѣчь, дѣйствительно, идетъ и о соціологіи, и о соціологахъ, но это собственно только отчетъ о трудахъ второго конгресса «международнаго института соціологіи». (Annales de l'institut international de sociologie, publiées sous la direction de René Worms, secrétaire général. II. Travaux du second congrès. Paris. 1896). По странной оплошности, самого ли г. Ковалевскаго, или редакціи московскаго сборника, хотя въ статьѣ «Соціологія и соціологи» и поминаются эти труды и имѣются ссылки на нихъ, съ указаніемъ номеровъ страницъ, но самое заглавіе книги не приводится. Второй соціологическій конгрессъ состоялся осенью 1895 г. подъ предсѣдательствомъ г. Ковалевскаго. Онъ же и реферируетъ теперь труды конгресса на страницахъ московскаго сборника. Такимъ образомъ, рѣчь здѣсь идетъ не о «соціологіи и соціологахъ» вообще, а лишь въ рамкахъ конгресса 1895 г. А одинъ изъ результатовъ, къ которымъ пришелъ почтенный предсѣдатель конгресса, состоитъ въ «сознаніи, что соціологія, какъ абстрактная наука, не доставитъ прочнаго фундамента конкретныхъ фактовъ, установленныхъ этнографіей и исторіей». Въ этомъ г. Ковалевскій видитъ причину того, что конгрессъ посвятилъ большую часть своихъ засѣданій различнымъ «частнымъ, но рѣшающимъ (*что* рѣшающимъ?) вопросамъ».

Нельзя, однако, сказать, чтобы и общіе соціологическіе вопросы были совершенно обойдены конгрессомъ. Первый же представленный конгрессу докладъ (г. Рене Вормса) имѣлъ своимъ предметомъ «различныя понятія о соціологіи», за нимъ слѣдовали доклады о «методѣ въ соціологіи» (Штейнмецъ) и о «языкѣ въ соціологіи» (Комосъ де Лестрадъ): все вопросы, кажется, достаточно общіе. Но и внѣ упомянутыхъ докладовъ на конгрессѣ попутно поднимались и трактовались наиболѣе общіе вопросы соціологіи, — о предметѣ науки, о ея границахъ, о коренныхъ чертахъ общественныхъ явленій. Правда, суровый голландецъ Штейнмецъ, по поводу именно этого рода работъ, упрекалъ своихъ коллегъ, вульгарно выражаясь, въ болтовнѣ (отъ грубаго слова Штейнмецъ, конечно, не скрылъ, не имя воли не мѣлъ),

однако далеко не всѣ члены конгресса такъ скептически или даже пренебрежительно относятся къ результатамъ конгресса по общимъ вопросамъ соціологіи. Самъ г. Ковалевскій, «сознающій, что соціологіи, какъ абстрактной наукѣ, недостаетъ прочнаго фундамента», пришелъ все-таки къ нѣкоторымъ общимъ выводамъ, правда, частью отрицательнымъ, но не исключительно отрицательнымъ.

Въ своемъ рефератѣ первымъ результатомъ конгресса г. Ковалевскій ставитъ выяснившееся пораженіе такъ называемой органической теоріи общества. Онъ говоритъ о томъ, какъ подъ вліяніемъ ученій Дарвина и Спенсера «книжный рынокъ обогатился трактатами и памфлетами объ обществѣ-организмѣ и объ эволюціи, основанной на безграничной дифференціаціи». Хотите знать, продолжаетъ онъ, — что научнаго представляетъ еще эта, такъ долго шумѣвшая въ мірѣ теорія, прочтите слѣдующую страницу изъ недавно отпечатанныхъ трудовъ второго международнаго конгресса соціологіи». И г. Ковалевскій приводитъ рѣзкій отзывъ извѣстнаго этнографа Летурно, оканчивающіяся слѣдующими словами: «Уподобленіе человѣческихъ обществъ организмамъ — чистый продуктъ фантазіи, результатъ поверхностнаго мышленія: онъ можетъ только вредить успѣхамъ нашей науки». «Приговоръ строгъ, но заслуженъ», — прибавляетъ отъ себя г. Ковалевскій.

Читатель, сколько-нибудь знакомый съ моими писаніями, конечно, не заподозритъ меня въ пристрастіи къ органической теоріи общества. Тѣмъ не менѣе, мнѣ совершенно непонятно, какъ можетъ г. Ковалевскій приводить тираду Летурно въ доказательство чего бы то ни было. Летурно въ этой тирадѣ даже и не думаетъ разсматривать, что осталось «научнаго» въ органической теоріи, и вся его критика сводится къ ряду вопросовъ: «что общаго между націей въ родѣ Англіи, Франціи и т. д. и животнымъ въ родѣ собаки, льва»? Или: «Гдѣ въ Англіи или во Франціи, или Германіи тѣ классы, дѣятельность которыхъ можно исключительно уподобить функціонированію костей или нервовъ? Гдѣ гражданскій желудокъ націи»? И т. п. Такими вопросами едва ли можно не только доказать что нибудь, а даже смутить сторонниковъ органической теоріи. Тѣ изъ нихъ, которые помельче и полегковѣснѣе, а, пожалуй, и поостроумнѣе, не затруднятся найти въ обществѣ параллели не только нервамъ, а и костямъ: найдутъ и «гражданскій желудокъ націи». А съ другой стороны, если бы президентомъ конгресса былъ не г. Ковалевскій, а Шеффле, какъ и предполагалось (онъ не пріѣхалъ по болѣзни), то онъ въ качествѣ сторонника органической теоріи, конечно, не оставилъ бы рѣчи Летурно безъ возраженія. Г. Ковалевскій дѣлаетъ изъ словъ Летурно такой выводъ: «Оказывается, что данныя біологіи не могутъ быть цѣликомъ пере-

носимы въ сферу общественнаго развитія». Это дѣйствительно оказывается», только не изъ словъ Летурно.

Однако и оказывается далеко не для всѣхъ. Въ томъ же московскомъ сборникѣ, гдѣ напечатанъ рефератъ г. Ковалевскаго, есть статья г. Иванцова «Понятіе организма», въ которой, между прочимъ, читаемъ: «Общественные организмы человѣка должны считаться только что возникающими. Они далеко не достигли той степени совершенства, какой достигли, напримѣръ, колоніи сифонофоръ. Исторія всякаго народа есть исторія его организаціи, и ее можно бы было изложить въ терминахъ біологическихъ, показать, какъ эмбріональныя клѣтки, обладающія первоначально одинаковыми особенностями, перестаютъ вести жизнь обособленную и сплачиваются вмѣстѣ, какъ онѣ постепенно дифференцируются, какъ между ними устанавливается все болѣе и болѣе раздѣленіе физіологическаго труда, — однѣ берутъ на себя развитіе кинетической энергіи, другія приспособляются къ химической переработкѣ веществъ и т. д., какъ отдѣльныя клѣтки соединяются для образованія органовъ, вырабатываются общіе регуляторы... Современная историческая и соціальная наука все болѣе и болѣе получаетъ характеръ біологіи общества» (Сборникъ, стр. 82). Положимъ, что мы все это уже сотни разъ слышали безъ особой пользы для науки. Но изъ словъ г. Иванцова видно, что и доселѣ есть люди, рядомъ съ г. Ковалевскимъ помѣщающіеся, для которыхъ органическая теорія отнюдь не потеряла своего научнаго значенія. Если же органическая теорія въ продолженіе многихъ и многихъ лѣтъ топчется на одномъ мѣстѣ, то приложенія теоріи Дарвина къ вопросамъ общественной жизни получили за послѣднее время, подъ вліяніемъ вейсманизма, нѣкоторое оживленіе. Объ нихъ мы, впрочемъ, теперь говорить не будемъ, такъ какъ они на конгрессѣ, насъ занимающемъ, никѣмъ не отстаивались и не опровергались. Нельзя того же сказать объ органической теоріи. Столь убѣдительное для нея, по мнѣнію г. Ковалевскаго, возраженіе Летурно было вызвано докладомъ нашего соотечественника г. Лилиенфельда, объ которомъ г. Ковалевскій говоритъ, что онъ есть «одно изъ лицъ, наиболѣе злоупотреблявшихъ аналогіей общественныхъ явленій съ естественно-научными». Напрасно, однако, г. Ковалевскій употребляетъ въ этомъ случаѣ прошедшее время: «*злоупотреблявшихъ*». Г. Лилиенфельдъ не отрекается отъ своего прошлаго, вовсе не считаетъ его прошлымъ и въ своемъ докладѣ конгрессу — «Существуетъ ли законъ эволюціи политическихъ формъ» — остается столь же правовѣрнымъ органистомъ, какимъ былъ и въ своей «Соціальной наукѣ будущаго». Онъ на нее ссылается, между прочимъ, слѣдующимъ образомъ: «Мы показали въ нашей «Соціальной

наукѣ будущаго, что всякій соціальный аггрегатъ состоитъ лишь изъ нервной системы и межклѣточнаго вещества, тогда какъ животные организмы располагаютъ еще и разными другими органическими системами, каковы: костная, мускульная, вазомоторная и т. д. Различныя части всѣхъ этихъ системъ, такъ же какъ и нервной системы, механически связаны между собою и съ своимъ цѣлымъ, тогда какъ индивиды-клѣточки соціальнаго организма, не состоящіе во взаимной механической связи, пользуются относительно гораздо большею свободою дѣйствія во времени и пространствѣ. Взаимодѣйствіе между клѣточками-индивидами, органами и нервной системой соціальнаго организма происходитъ при помощи не прямыхъ рефлексовъ, тогда какъ части индивидуальнаго организма сообщаются при посредствѣ нервныхъ нитей, то есть прямыми рефлексами (Travaux du second congrès, 243, 244).

Какую бы цѣну мы этому разсужденію г. Лиліенфельда ни давали, но изъ него для насъ, во всякомъ случаѣ, слѣдуютъ два вывода: во-первыхъ, г. Лиліенфельдъ непоколебимо стоитъ за органическую теорію, которую предъявилъ и въ своемъ докладѣ конгрессу; во-вторыхъ, побѣдоносные вопросы Летурно: «гдѣ кости, гдѣ мускулы соціальнаго организма?» — совершенно не касаются г. Лиліенфельда, такъ какъ онъ и прежде не допускалъ существованія костной и мускульной системъ въ соціальномъ организмѣ, и повторилъ это на конгрессѣ прежде, чѣмъ Летурно задалъ свои вопросы. Надо даже удивляться, какъ могъ ихъ задать Летурно непосредственно послѣ доклада г. Лиліенфельда и въ видѣ возраженія ему.

Дѣло въ томъ, что органическая теорія, изыскивая аналогіи между явленіями общественной и органической жизни, открываетъ широкое поприще для личнаго остроумія изслѣдователей, изъ которыхъ каждый въ подробностяхъ, какъ говорится, кто во что горазд: одинъ найдетъ аналогію тамъ, гдѣ другой не догадается. Поэтому частными вопросами, въ родѣ тѣхъ, какіе задавалъ Летурно, можно смутить только менѣе остроумныхъ и находчивыхъ органистовъ. Болѣе увертливые всегда найдутся, а болѣе солидные не примутъ этихъ частныхъ вопросовъ на свой счетъ.

Органическая теорія была представлена на конгрессѣ не однимъ г. Лиліенфельдомъ. Ее исповѣдуетъ и секретарь съѣзда, онъ же и секретарь всего международнаго соціологическаго института.—Рене Вормсъ. Онъ открылъ конгрессъ докладомъ о «различныхъ пониманіяхъ (conceptions) соціологіи», при чемъ отмѣтилъ три направленія, какъ они выразились на первомъ соціологическомъ конгрессѣ (1894 г.): направленіе практическое, представленное Лебоком, историческое—г. Ковалевскимъ, и философское—г. Лиліенфельдомъ, Гумпловичемъ и Тардомъ. Внутри этихъ трехъ группъ, говоритъ Вормсъ,

существуютъ отдѣнки и разногласія, которые, конечно, однако могутъ быть устранены, равно какъ и всѣ три группы могутъ быть приведены къ гармоническому единству. Оставляя пока въ сторонѣ общія соображенія Вормса, здѣсь замѣтимъ только, что въ число «философскихъ» пониманій или концепцій соціологіи онъ ставитъ и органическую теорію, при чемъ явно отдаетъ ей преимущество передъ другими. И немудрено. Съ прошлаго года подъ редакціей Вормса издается «Международная соціологическая библіотека», первый томъ которой составляетъ трудъ Вормса же «Organisme et société». Г. Ковалевскій отзывается объ этой книгѣ такъ: «Послѣдователь Спенсера, Шефле и Лилиенфельда, секретарь соціологическаго конгресса посвятилъ развитію ихъ любимой темы цѣлый томъ, который представляетъ собою, какъ я думаю, самое трезвое выраженіе органической теоріи. Авторъ отказывается отъ опасной игры въ аналогіи и не ищетъ поэтому всѣмъ аппаратамъ человѣческаго тѣла соотвѣтствія въ общественномъ» (Сборникъ, 12).

Книга Вормса издана недавно по-русски подъ заглавіемъ «Общественный организмъ» (Спб. 1897, изданіе Павленкова), и каждый можетъ провѣрить показаніе г. Ковалевскаго. Правда, авторъ иногда оговаривается въ такомъ родѣ: «Общество подобно организму. Оно не просто организмъ, оно болѣе того: какъ болѣе сложное, его можно назвать сверхъ-организмомъ (supra-organisme). Но, заключая въ себѣ больше, нежели организмъ, оно прежде всего содержитъ все то, что содержитъ организмъ. Мы дадимъ неполное понятіе объ обществѣ, сказавъ, что оно организмъ; но, отрицая это, мы дадимъ о немъ ложное понятіе. Чтобы точно опредѣлить его, нужно признать, что оно составляетъ организмъ, дополненный чѣмъ-то существеннымъ» (Введеніе, стр. 3 русскаго перевода). Однако, это «существенное» уловить довольно трудно въ книгѣ Вормса, такъ какъ разговоры объ томъ, что общество «не тождественно» съ организмомъ, а только «подобно» ему — ничего не измѣняютъ въ органической теоріи. Да Вормсъ и вполнѣ открыто къ ней примыкаетъ, утверждая даже, что «эта теорія, на которую сильно нападаютъ съ разныхъ сторонъ, тѣмъ не менѣе пріобрѣтаетъ все больше и больше сторонниковъ среди современныхъ соціологовъ» (стр. 4, тамъ же). Въ концѣ книги Вормсъ заявляетъ, что между «духомъ» его сочиненія, представляющаго, по словамъ г. Ковалевскаго, «самое трезвое выраженіе органической теоріи», — и духомъ работъ г. Лилиенфельда, — по словамъ г. Ковалевскаго, «наиболѣе злоупотреблявшаго» и т. д., — «замѣчается тѣсное сходство» (345). Вормсъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ идетъ даже дальше г. Лилиенфельда. Онъ не доволенъ тѣмъ, что г. Лилиенфельдъ «видитъ въ общественномъ тѣлѣ лишь два составныхъ элемента — нервную систему и межклѣточное

вещество», и самъ разсуждаетъ, напримѣръ, такъ: «Кровеноснымъ сосудамъ, распредѣляющимъ въ организмѣ питательную жидкость, соотвѣтствуютъ въ обществѣ купцы, которые доставляютъ въ одну область произведенія изъ другой. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ нѣтъ хорошо проложенныхъ и безопасныхъ дорогъ, напримѣръ, въ Сахарѣ, эти купцы могутъ путешествовать только большими обществами, караванами. Напротивъ, тамъ, гдѣ, какъ въ нашихъ странахъ, дороги вполнѣ доступны, достаточно меньшаго числа людей, чтобы провезти то же количество товара въ тѣ области, гдѣ его нѣтъ. Итакъ, дороги въ сущности ведутъ къ сокращенію числа купцовъ. Правда, иногда онѣ, напротивъ, увеличиваютъ ихъ число, но вѣдь тогда увеличивается и количество перевозимыхъ товаровъ. Усовершенствованіе дорогъ, въ этомъ случаѣ, дѣлаетъ то же, что умноженіе кровеносныхъ сосудовъ: оно усиливаетъ кровообращеніе» и т. д. Въ концѣ концовъ, «это даетъ намъ возможность сопоставить ихъ (улучшенные пути сообщенія) косвенно съ кровеносными сосудами, которымъ соотвѣтствовали прямо купцы, замѣненные ими. Подобнымъ же образомъ телеграфныя проволоки замѣнили курьеровъ; и ихъ можно косвенно сравнивать съ нервами» (52—53). На стр. 61 читатель найдетъ серьезныя размышленія на тему о трехъ измѣреніяхъ обществъ, о томъ, можно ли имъ, какъ организмамъ, приписывать длину, ширину и высоту. Въ главѣ о «воспроизведеніи» идетъ между прочимъ, рѣчь о половомъ размноженіи обществъ, объ обществахъ — мужчинахъ и обществахъ — женщинахъ. На 121 стр. доказывается, что у общества есть сердце, а именно биржа и т. д. Все это убѣждаетъ насъ, что въ книгѣ Вормса мы имѣемъ варіаціи на старую тему, не подвигающія органическую теорію ни впередъ, ни назадъ: такихъ варіацій мы уже слыхали много, но ихъ обиліе и разнообразіе, повидимому, не смущаютъ новыхъ «изслѣдователей», спокойно въ свой чередъ начинающихъ все ту же сказку про бѣлаго бычка.

Какъ ни любезно отношеніе г. Ковалевскаго къ книгѣ Вормса, въ общемъ онъ рѣшительно, какъ мы видѣли, отрицаетъ научное значеніе органической теоріи. Онъ находитъ, однако, въ ней «зародышъ истины, но истины, извѣстной уже Мененію Агриппѣ и которую въ научной формѣ можно передать такимъ образомъ: общество не есть сумма разрозненныхъ особей: его психологія, какъ и его экономія, представляетъ нѣчто болѣе сложное, чѣмъ сумма психическихъ состояній частныхъ лицъ или сумма частныхъ хозяйствъ. Сожитіе съ другими вызываетъ одновременно измѣненія и въ нихъ, и въ насъ самихъ, создавая то, что мы называемъ солидарностью. Эта солидарность представляетъ собою связь во всякомъ случаѣ не меньшую, а превышающую ту, какая существуетъ между отдѣль-

ными клѣточками организма. Не будь ея, не было бы и постоянства сожитія, не было бы общества и самостоятельной науки объ обществѣ—соціологіи. Послѣдняя, такимъ образомъ, въ моихъ глазахъ сводится къ изученію условій и причинъ человѣческой солидарности. Эти условія представляютъ собою какъ неизмѣнныя, такъ и измѣнныя величины: онѣ могутъ пріумножаться и сокращаться. Можно указать моменты прогресса и регресса солидарности: можно прослѣдить процессъ постепеннаго ея расширенія съ эпохи, когда, объединенные дѣйствительнымъ или мнимымъ родствомъ и общностью культа, роды считали врагами всѣхъ, кто не входилъ въ ихъ составъ, до переживаемой нами нынѣ стадіи, когда объединенныя политическою властью націи считаютъ братьями и союзниками единоплеменниковъ и единовѣрныхъ, и глазомъ мыслящихъ уже рисуется миръ объединенныхъ общностью культуры человѣчества. Есть поэтому возможность говорить объ эволюціи солидарности, а слѣдовательно, и объ эволюціи общества, не будучи ни мало послѣдователемъ органической теоріи государства (Сборникъ, 4).

Послѣднее совершенно справедливо: есть возможность говорить объ эволюціи солидарности, не будучи послѣдователемъ органической теоріи. Но это не аргументъ противъ органической теоріи, ибо и ея послѣдователи имѣютъ возможность говорить объ эволюціи солидарности и дѣйствительно говорятъ объ ней. Едва ли г. Ковалевскій въ состояніи будетъ доказать, что солидарность между членами общества представляетъ собою связь во всякомъ случаѣ не меньшую, а превышающую ту, какая существуетъ между отдѣльными клѣточками организма. А если бы онъ это и доказалъ, все же остается то, что онъ называетъ «зарнышемъ истины, извѣстной уже Менению Агриппѣ». Читатель знаетъ этотъ зарнышъ истины, хотя бы по пересказу Шекспира въ «Кориоланѣ». Это есть изложеніе органической теоріи въ видѣ отповѣди желудка «общительному глазу и головѣ подъ царственнымъ вѣнцомъ, рукѣ—бойцу и языку—герольду, и сердцу вѣщему, ногамъ, носящимъ насъ, и всѣмъ другимъ помощникамъ и членамъ». Притча «веселаго старика» Менения Агриппы успокоила волнующійся противъ сената народъ, убѣдивъ его, что желудокъ, какъ и другіе члены человѣческаго тѣла, безкорыстно служитъ общему дѣлу, и что то же самое и въ человѣческомъ обществѣ происходитъ. Какой же еще нужно солидарности?

Дѣло въ томъ, что, свояя задачу соціологіи «къ изученію условій и причинъ человѣческой солидарности», г. Ковалевскій выразился слишкомъ неопредѣленно. Солидарность способна измѣняться не только въ томъ, такъ сказать, прямолинейномъ направленіи, какую картину которую г. Ковалевскій нарисовалъ въ вѣковѣ

кихъ строкахъ (отъ теряющихся въ туманѣ прошлаго родовыхъ отношеній до теряющихся въ туманѣ будущаго очертаніи объединеннаго человѣчества). Справедливо, что на этомъ пути есть моменты прогресса, остановки и регресса, «условія и причины» которыхъ подлежатъ изученію. Но въ то же время внутри отдѣльныхъ обществъ исторія отмѣчаетъ процессъ обособленія кастъ, сословій, классовъ, партій, вообще разнаго рода соціальныхъ группъ, при чемъ солидарность членовъ каждой изъ этихъ группъ возрастаетъ, тогда какъ солидарность группъ или убываетъ или, если и возрастаетъ, то принимаетъ совершенно новую форму, новый характеръ. Изъ всего этого слагается такой сложный переплетъ явленій, въ которомъ мудрено разобраться при помощи одного существительнаго «солидарность». Тутъ требуются еще какія-то прилагательныя, опредѣляющія не только районъ дѣйствія солидарности, но и различныя ея степени, и различныя ея формы, различные типы солидарности. Г. Ковалевскій, конечно, не хуже насъ это знаетъ, но почему-то счелъ нужнымъ остановиться на слишкомъ неопредѣленной формулѣ, изъ которой сдѣлалъ слишкомъ простые и узкіе выводы о задачѣ соціологіи. Въ цитируемыхъ имъ трудахъ второго соціологическаго конгресса, равно какъ и въ книгѣ Вормса, мы тоже не находимъ ничего цѣннаго въ смыслѣ уясненія тѣхъ прилагательныхъ, тѣхъ опредѣленій и дополненій, которыхъ требуетъ слово «солидарность». Но Вормсъ неоднократно цитируетъ книгу Дюркгейма «De la division du travail social» (Paris 1893), въ которой мы найдемъ нѣчто въ этомъ отношеніи поучительное.

Книга Дюркгейма интересна во многихъ отношеніяхъ, въ особенности, если ее сопоставить съ его позднѣйшей работой «Les règles de la méthode sociologique». Но я не буду касаться ни основныхъ философскихъ взглядовъ Дюркгейма, ни его логическихъ пріемовъ и остановлюсь только на главномъ предметѣ его первой книги, указанномъ въ самомъ ея заглавіи: «Общественное раздѣленіе труда».

Дюркгеймъ не думаетъ, чтобы слово «солидарность» представляло собою терминъ достаточно опредѣленный для того, чтобы его можно было пустить въ научный оборотъ безъ дальнѣйшей обработки. Онъ различаетъ два вида общественной солидарности, которые называетъ «механическою» и «органическою» солидарностью. Первая устанавливается, благодаря сходству людей между собой, вторая—благодаря ихъ различію. Въ первобытныхъ обществахъ преобладаетъ механическая солидарность: сообщественники мало чѣмъ отличаются другъ отъ друга, объединены тождественными или

сходными идеями, чувствами, стремлениями, занятіями, наконецъ, и въ физическомъ отношеніи ничѣмъ или почти ничѣмъ между собою не различаются. Все это создаетъ сильное и опредѣленное коллективное или общественное сознаніе (conscience commune), въ которомъ личное сознаніе совершенно утопаетъ. Человѣкъ живетъ исключительно общими чувствами, мыслями, цѣлями среди которыхъ родится, ростетъ и умираетъ. Въ этомъ поглощеніи личности обществомъ нѣтъ ничего принудительнаго или извнѣ навязаннаго. Полная солидарность складывается сама собой на почвѣ отсутствія личныхъ различій. Спенсеръ противоречитъ, приписывая эту солидарность военному характеру первобытныхъ обществъ и давленію военныхъ деспотическихъ вождей. Напротивъ, выдѣленіе деспотическаго вождя было первою брешью въ первобытной механической солидарности: этотъ вождь, хотя и эмиравшійся на общее сознаніе, уже могъ въ извѣстной степени противопоставлять ему свое личное сознаніе, свои личныя качества и особенности. Съ теченіемъ времени подобныя среди образуются въ разныхъ направленіяхъ, и механическая солидарность все болѣе и болѣе уступаетъ мѣсто солидарности органической, основанной на различіи между членами общества и на раздѣленіи между ними труда. Узы общаго или коллективнаго сознанія при этомъ разслабляются, но вмѣстѣ съ тѣмъ люди становятся все болѣе и болѣе необходимы другъ другу, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не выполняетъ всей суммы нужной для ихъ житейскаго обиходъ работы, и безъ взаимнаго содѣйствія они существовать не могутъ. Возникающая отсюда солидарность, не только не препятствующая проявленію личныхъ особенностей, а, напротивъ, самымъ тѣснымъ образомъ съ ними связанная, рѣзко отличается отъ солидарности механической, которую она постепенно отодвигаетъ на второй планъ. Такъ шла исторія цивилизаціи до сихъ поръ, такъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, предстоитъ ей идти и въ будущемъ.

Первобытную солидарность Дюркгеймъ называетъ механическою по аналогіи съ той связью, которая существуетъ между частицами неорганизованныхъ тѣлъ, не желая, однако, этимъ сказать, что она достигается какими-нибудь механическими или искусственными средствами. Вообще, терминъ «механическая» солидарность имѣетъ для Дюркгейма не столько самостоятельное значеніе, сколько смыслъ противоположности съ «органической» солидарностью. А что касается послѣдней, то по отношенію къ ней Дюркгеймъ, пожалуй, примыкаетъ къ многочисленнымъ органистамъ, которые тоже клали въ главу угла своихъ построеній раздѣленіе труда. Разница и разница огромная, состоитъ, однако, въ томъ, что Дюркгеймъ не то, что Реве Вермъ, а дѣйствительно не видитъ за собою

менѣе остроумными аналогіями между органами и функціями организма и органами и функціями общества. Онъ имѣетъ въ виду лишь общую тенденцію соціальнаго развитія по типу развитія органическаго и къ детальнымъ аналогіямъ прибѣгаетъ лишь для нагляднаго поясненія своей мысли.

Это—не единственное достоинство, выгодно выдѣляющее работу Дюркгейма изъ произведеній представителей органической теоріи. Руководимые вѣрно или невѣрно понятой аналогіей съ прогрессивнымъ развитіемъ органической жизни на землѣ, органисты склонны къ слишкомъ оптимистическому взгляду на поступательный ходъ цивилизаціи, и въ большинствѣ случаевъ это для нихъ не результатъ наблюденій, а уже предрѣшенная упомянутой аналогіей, предвзятая мысль. Дюркгеймъ свободенъ отъ этой слабости. Одна изъ главъ его книги называется «Les progrès de la division du travail et ceux du bonheur». Здѣсь доказывается, что прогрессъ цивилизаціи отнюдь не ведетъ за собою возрастанія людского благополучія. Изъ доказательствъ Дюркгейма остановимся только на одномъ, которое самъ онъ называетъ «болѣе объективнымъ» (269) Онъ разсуждаетъ такъ. Единственный фактъ, экспериментально доказывающій, что жизнь вообще есть благо, состоитъ въ томъ, что огромное большинство людей предпочитаетъ жизнь смерти. А это показываетъ, что въ общемъ жизнь даетъ больше счастья, чѣмъ несчастія. Иначе необъяснима была бы привязанность къ жизни и ея устойчивость. Правда, пессимисты объясняютъ эту устойчивость иллюзіями надежды, но вѣдь и надежда не съ неба свалилась, а возникаетъ, какъ и всякое чувство, опытнымъ путемъ. И тамъ, гдѣ она ослабѣваетъ въ своей ли всеобщности или въ своей энергіи, мы должны предположить ослабленіе притягательной силы жизни, потому ли, что увеличиваются причины страданій, или возрастаетъ ихъ сила, или, наконецъ, уменьшается способность сопротивленія имъ. И въ нашемъ распоряженіи есть объективный и подлежащій измѣренію фактъ, который позволяетъ судить объ этихъ колебаніяхъ въ разныхъ обществахъ. Фактъ этотъ — число самоубійствъ. Въ первобытныхъ обществахъ самоубійства крайне рѣдки и при томъ подлежатъ спеціальному объясненію. Если у древнихъ датчанъ или кельтовъ старикъ, доживя до извѣстнаго возраста, убивалъ себя, онъ дѣлалъ это въ силу долга освободить сообщественниковъ отъ лишняго рта: если вдова индуса не переживала своего мужа, галлъ не переживалъ начальника клана, фанатикъ индусъ бросался подъ колеса священной колесницы, то во всѣхъ этихъ случаяхъ самоубійство является результатомъ не отчаянія, не отвращенія отъ жизни, а извѣстныхъ нравственныхъ и религіозныхъ требованій. Настоящія же самоубійства

тѣмъ распространеннѣе, чѣмъ общество цивилизованнѣе. Так, на континентѣ Европы они наиболѣе часты во Франціи и Германіи и рѣже встрѣчаются въ Испаніи, Португаліи, Россіи и у южнославянскихъ народовъ; въ наиболѣе цивилизованныхъ классахъ чаще, чѣмъ въ менѣе цивилизованныхъ; въ городахъ чаще, чѣмъ въ деревняхъ; среди мужчинъ чаще, чѣмъ среди женщинъ. Въ общемъ же числѣ самоубійствъ въ Европѣ, за исключеніемъ Норвегіи, по разсчету Этингена, съ 1821 по 1880 г. утроилось.

Дюркгеймъ развиваетъ эту тему еще во многихъ другихъ подробностяхъ, чѣмъ и свидѣтельствуетъ, что онъ не принадлежитъ къ числу безусловныхъ хвалителей нашей цивилизаціи, основанной, по его мнѣнію, на раздѣленіи труда. Но вслѣдъ затѣмъ онъ приходитъ къ слѣдующему неожиданному выводу, который я привожу полностью его собственными словами:

«Значитъ ли это, что эти печальные результаты слѣдуетъ поставить на счетъ самому прогрессу и составляющему его условію раздѣленію труда? Такое мрачное заключеніе не необходимо вытекаетъ изъ изложенныхъ фактовъ. Очень вѣроятно, напротивъ, что эти два ряда фактовъ просто сопутствуютъ другъ другу. Но это сопутствіе свидѣтельствуетъ, что прогрессъ не очень сильно увеличиваетъ наше счастіе, потому что послѣднее убываетъ, и въ очень значительной пропорціи, въ тотъ именно моментъ, когда раздѣленіе труда развивается съ особенною энергіей и быстротой. Если нѣтъ резона думать, что оно дѣйствительно уменьшило нашу способность наслаждаться, то еще менѣе возможно признать, что оно ее значительно усилило. Въ концѣ концовъ, все выше сказанное есть лишь частное приложеніе той общей истины, что наслажденіе, какъ и страданіе, — относительны. Нѣтъ абсолютнаго, объективно опредѣлимаго счастія, къ которому люди приближались бы, прогрессируя. Но, какъ, по словамъ Паскаля, счастье мужчинъ не то, что счастье женщинъ, такъ и счастье низшихъ обществъ отличается отъ нашего. Однако, оно не выше другого. Измѣрять относительную интенсивность счастія можно лишь силою, съ которою оно привязываетъ насъ къ жизни вообще, къ нашему образу жизни въ частности. Но первобытные народы точно такъ же дорожатъ своимъ существованіемъ, какъ мы своимъ, или даже гораздо менѣе насъ отъ него отказываются. Нѣтъ, слѣдовательно, никакого отношенія (aucun rapport) между измѣненіями счастія и прогрессомъ раздѣленія труда» (274—275).

Какъ уже сказано, я многаго не коснулся въ книгѣ Дюркгейма: ни, напримѣръ, его общихъ взглядовъ на предѣлы и задачи научнаго изслѣдованія, ни того оригинальнаго пріема, при помощи котораго онъ иллюстрируетъ взаимно-однозначность механизмовъ и

органической солидарности значеніемъ уголовнаго и гражданскаго права на разныхъ ступеняхъ общественнаго развитія, и т. д. Если бы мы разбирали всю книгу Дюркгейма во всѣхъ ея подробностяхъ, мы нашли бы въ ней много цѣннаго, но много и страннаго. Однако и въ отведенныхъ себѣ границахъ мы нашли уже кое что цѣнное, а кое что и странное. Въ самомъ дѣлѣ, вчитайтесь внимательно въ только что приведенную страницу. Окончательный выводъ, выраженный въ столь рѣшительной формѣ, совсѣмъ не вяжется съ предыдущимъ и просто виситъ на воздухѣ. Это станетъ еще очевиднѣе, если мы обратимъ вниманіе на нѣсколько строкъ, которыя я нарочно приберегалъ для сей минуты. Сравнивая жизнь первобытныхъ людей и нашу, Дюркгеймъ, между прочимъ, пишетъ: «Внося въ жизнь большую подвижность, цивилизація вноситъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ нее и большее однообразіе; ибо она именно обрекаетъ человѣка на постоянную монотонную работу. Дикарь переходитъ отъ одного занятія къ другому, смотря по обстоятельствамъ и нуждѣ: цивилизованный человѣкъ весь отдается одной задачѣ, представляющей тѣмъ менѣе разнообразія, чѣмъ она уже. Организація необходимо требуетъ абсолютной правильности привычекъ, потому что измѣненіе въ отправленіи какого-нибудь органа не можетъ не отразиться на всемъ организмѣ. Съ этой стороны наша жизнь даетъ меньше мѣста неожиданностямъ, въ то же время, какъ, своею большею неустойчивостью, она отнимаетъ у наслажденія часть необходимой для него увѣренности» (265—266).

Если это справедливо, то, спрашивается, какъ же можно утверждать, что между «измѣненіями счастія и прогрессомъ раздѣленія труда нѣтъ никакого отношенія»? Но и независимо отъ этого, обратите вниманіе на до странности быстрые скачки Дюркгейма отъ колебанія и сомнѣнія къ полной увѣренности. Найдя въ количествѣ самоубійствъ, какъ онъ самъ говоритъ, объективное мѣрило благополучія и придя къ нѣкоторымъ «печальнымъ результатамъ», онъ задаетъ себѣ вопросъ,—находятся ли они въ связи съ самимъ прогрессомъ и составляющимъ его условіе раздѣленіемъ труда?—и находитъ, что утвердительный отвѣтъ «не необходимо вытекаетъ изъ изложенныхъ фактовъ». Значитъ, можетъ быть и вытекаетъ, а можетъ быть и нѣтъ. Но немедленно же мы узнаемъ, что «очень вѣроятно» простое «сопутствованіе» (concomitance) этихъ двухъ рядовъ фактовъ. Вѣроятность эта не подтверждается ни единымъ соображеніемъ, мы не получаемъ даже никакого объясненія—что это за «простое сопутствованіе», имѣющее всѣ признаки причинной связи, но не составляющее таковой. И затѣмъ авторъ, переходя къ вопросу объ измѣненіяхъ счастія (variations du bonheur), уже съ рѣшительностью объявляетъ, что между этими измѣненіями и

прогрессомъ раздѣленія труда нѣтъ никакого отношенія. Такъ мы имѣемъ не только ничѣмъ не оправданный скачекъ мысли, но и подмѣнъ одного вопроса другимъ. Пусть счастіе дикаря и цивилизованнаго, рѣзко различаясь по своему характеру, могутъ быть совершенно равноцѣнны по своей напряженности: счастливый дикарь по своему такъ же счастливъ, такъ же удовлетворенъ, какъ по своему удовлетворенъ счастливый цивилизованный человѣкъ. Но количество самоубійствъ введено въ наше разсужденіе не затѣмъ, чтобы подтвердить или опровергнуть эту истину: оно свидѣтельствуетъ, что цивилизованные люди именно *по своему* менѣе счастливы, чѣмъ дикари по своему. Надлежало, слѣдовательно, такъ или иначе обсудить фактъ возрастанія количества самоубійствъ совершенно независимо отъ измѣненій напряженности счастія. Но отъ этого обсужденія Дюркгеймъ и отступаетъ въ послѣднюю минуту.

Въ интересной работѣ Дюркгейма можно найти не мало дѣйствительныхъ или кажущихся противорѣчій, зависящихъ, какъ сейчасъ увидимъ, именно отъ того, что онъ въ извѣстный моментъ отступаетъ отъ логическаго вывода изъ его собственной исходной точки.

Одно изъ его общихъ положеній состоитъ въ томъ, что въ первобытномъ обществѣ, которое характеризуется имъ, какъ «орда», личное сознаніе совершенно поглощено общимъ сознаніемъ и, можно сказать, просто отсутствуетъ: у членовъ общества, объединенныхъ механическою солидарностью, нѣтъ своихъ личныхъ чувствъ, мнѣній, желаній. Но вотъ автору нужно доказать, что органическая солидарность устойчивѣе, нежели механическая, и онъ приводитъ, по Спенсеру, Фюстель де-Кулянжу, Вайцу, такого рода фактъ: въ древности, какъ ни необходимо было для человѣка примыкать къ какой-нибудь группѣ, онъ не обязывался оставаться въ ея составѣ. Калмыки и монголы покидаютъ своихъ вождей, когда находятъ ихъ власть притѣснительною, и переходятъ къ другимъ. Абиноны покидаютъ своего вождя, не спрашивая его позволенія и не вызывая его неудовольствія, и удаляются съ своимъ семействомъ куда имъ угодно. У древнихъ германцевъ социальная связь была слишкомъ слаба, чтобы воспрепятствовать людямъ отъ искушенія бродячей жизни и добычи. «Вайцъ говоритъ вообще, что даже тамъ, гдѣ сложилась управляющая власть, каждый индивидъ сохраняетъ достаточно независимости, чтобы мгновенно отдѣлиться отъ вождя и возстать противъ него, если ему для этого достаточно силенъ». И т. д. Эта независимость индивидуума при поглощеніи его общимъ сознаніемъ — [illegible] противорѣчіемъ.

Другой примѣръ. Заходитъ рѣчь о значеніи раздѣленія труда и спеціализаціи въ научныхъ сферахъ. Дюркгеймъ ссылается на де-Кандоля, который говоритъ, что въ эпоху Лейбница и Ньютона для обозначенія занятій ученаго требовалось обыкновенно двойное или тройное указаніе: астрономъ и физикъ, математикъ, физикъ и астрономъ, или же употреблять общія выраженія: натуралистъ, философъ. Кромѣ того, математики или астрономы бывали въ то же время историками, поэтами. Еще въ концѣ прошлаго вѣка подобныя общія или многосторонніе обозначенія были необходимы для такихъ людей, какъ Вольфъ, Галеви, Шарль Бонне. Въ XIX вѣкѣ мы этого уже не встрѣчаемъ или же встрѣчаемъ крайне рѣдко. Отдѣльные ученые не только не обнимаютъ нѣсколькихъ отраслей знанія, но и свою-то отрасль эксплуатируютъ обыкновенно не всю, а часто сосредоточиваются даже на одной какой-нибудь задачѣ. Кромѣ того, профессія ученаго прежде часто соединялась съ профессіей врача, священника, чиновника, воина, а теперь этого уже нѣтъ, и де-Кандоль предвидитъ даже въ ближайшемъ будущемъ окончательное раздѣленіе профессій ученаго и профессора (стр. 3).

Таковы факты, имѣющіе, повидимому, тенденцію и въ будущемъ развиваться въ томъ же направленіи дальнѣйшей спеціализаціи. Но, какъ справедливо говоритъ въ одномъ мѣстѣ Дюркгеймъ, изъ того, что извѣстные факты существуютъ, еще не слѣдуетъ, что они желательны. Это вопросъ особый. И вотъ какъ его Дюркгеймъ разрѣшаетъ: «Было время, когда совершеннымъ человѣкомъ казался намъ такой, который умѣетъ интересоваться всѣмъ, не отдаваясь ничему исключительно, который способенъ все испытать, все понять и соединить въ себѣ все, что есть лучшаго въ цивилизаціи. Нынѣ это производитъ на насъ уже только впечатлѣніе расплывчатости и разнузданности. Чтобы бороться съ природой, нынѣ нужны способности болѣе опредѣленныя, энергія болѣе производительная. Мы хотимъ, чтобы дѣятельность, не растекаясь по широкой поверхности, сосредоточивалась и выигрывала въ глубинѣ то, что она теряетъ въ широтѣ. Мы сторонимся отъ этихъ слишкомъ подвижныхъ талантовъ, которые, отдаваясь разнообразнымъ функціямъ, отказываются избрать спеціальную роль и держаться ея». И т. д. (39).

На нашихъ, можно сказать, глазахъ Дарвинъ, Гельмгольцъ, Спенсеръ и проч. обнимаютъ своимъ умственнымъ окомъ весьма разнообразныя отрасли знанія: Вирховъ, будучи первоклассныхъ ученымъ, играетъ видную общественную роль; зоологъ Поль Беръ и химикъ Бертело состоятъ министрами и т. п. Все это нѣсколько ограничиваетъ фактическую часть разсужденія Дюркгейма, особенно

если сравнить въ содержаніи нѣкоторыя обобщенія отдѣльныя въ самой наукѣ, каковы теорія трансформизма въ біологіи, единства силъ въ физикѣ или такія специальныя открытія, какъ спектральный анализъ. Но вотъ мы далѣе за Дюркгеймомъ. На стр. 368 читаемъ: «Мы часто видимъ, что работникъ мѣняетъ свою профессію на сосѣднюю. Когда научная дѣятельность не была специализирована, ученый, обнимавшій почти всю науку, не могъ измѣнить свою профессію, потому что въ такомъ случаѣ ему пришлось бы отказаться отъ науки совсѣмъ. Теперь же часто случается, что онъ посвящаетъ себя послѣдовательно разнымъ наукамъ, переходитъ отъ химіи къ біологіи, отъ физіологіи къ психологіи, отъ психологіи къ соціологіи». А еще далѣе, на стр. 399 находимъ такую оцѣнку специализаціи научной дѣятельности: «До сравнительно недавняго времени наука, не будучи очень раздѣлена, могла быть почти вся разрабатываема однимъ и тѣмъ же умомъ. Поэтому живо чувствовалось ея единство. Составляющія ее частныя истины не были ни столь многочисленны, ни столь разнородны, чтобы не чувствовалась ихъ связь. Методы, будучи очень общими, мало между собою отличались, и можно было видѣть тотъ единый корень, изъ котораго они разрослись. Но по мѣрѣ того, какъ спеціализація внѣдрялась въ научную работу, каждый ученый все болѣе и болѣе замыкался не только въ отдѣльную науку, но и въ спеціальный кругъ задачъ. Уже О. Контъ жаловался... (слѣдуетъ цитата изъ Cours de philosophie positive) ...Наука, разробленная на множество частныхъ изученій, перестаетъ быть единымъ солидарнымъ цѣлымъ. Это отсутствіе солидарности и единства наилучше выражается столь распространенною теоріею, въ силу которой каждая отдѣльная наука имѣетъ свою безусловную цѣнность, и ученый долженъ отдаться спеціальному изслѣдованію, не заботясь о томъ, чему оно служитъ. Это раздѣленіе умственнаго труда, говоритъ Шеффле, заставляетъ серьезно опасаться, что новый александринизмъ еще разъ приведетъ къ гибели всей науки».

Чтобы разобраться во всѣхъ этихъ, отчасти дѣйствительныхъ, отчасти кажущихся, противорѣчіяхъ и во всякомъ случаѣ неясностяхъ, слѣдуетъ обратиться къ исходной точкѣ Дюркгейма. Она та же, что и у всѣхъ органистовъ. Подобно всѣмъ имъ, онъ настаиваетъ на гораздо болѣе широкомъ значеніи раздѣленія труда, чѣмъ какое ему придано было экономистами, и хотя мимоходомъ, но все-таки помянетъ Вольфа, Бера и Мильнь-Эдвардса, со временемъ которыхъ раздѣленіе труда «называется примѣнимымъ къ жизни, какъ обществъ, такъ и организмовъ». Но какъ уже сказано, Дюркгеймъ не ставитъ «дробныхъ отдѣлей и авторитетовъ между

обществомъ и организмомъ, а имѣетъ въ виду лишь общее теченіе исторіи обществъ по типу органическаго развитія. Онъ избѣгаетъ такимъ образомъ той двусмысленной и совершенно произвольной опредѣленности, съ какою Спенсеръ, Лиліенфельдъ, Вормсъ и проч. развиваютъ свои положенія, каждый на свой ладъ. Далѣе, простое изученіе хода историческаго развитія не удовлетворяетъ Дюркгейма. Строго различая теоретическія и практическія задачи и полагая, что изученіе дѣйствительности должно предшествовать выработкѣ правилъ поведенія по отношенію къ этой дѣйствительности, Дюркгеймъ говоритъ, однако: «мы считали бы наше изслѣдованіе не стоющимъ и одного часа работы, если бы оно имѣло только умозрительный интересъ» (Préface, III). И далѣе: «изъ того, что нѣчто неизбѣжно, еще не слѣдуетъ, что оно нравственно» (Introduction, 9). Такимъ образомъ, къ чему бы его ни привело фактическое изученіе дѣйствительности, онъ считаетъ себя вправѣ противопоставить ей свое нравственное сознаніе и оцѣнить ее не только объективно, какъ рядъ причинно связанныхъ фактовъ, но и субъективно, во имя извѣстныхъ нравственно-политическихъ принциповъ. И такъ какъ предисловіе или введеніе есть, собственно говоря, послѣсловіе, то мы и находимъ во введеніи прямую постановку вопроса объ этихъ принципахъ. Упомянувъ о работахъ Вольфа, Бера и Мильнъ-Эдвардса, Дюркгеймъ говоритъ, — что если, благодаря этимъ работамъ, законъ раздѣленія труда оказывается царящимъ, какъ въ общественной, такъ и въ органической жизни, то передъ нами стоитъ дилемма, — «отдаваться ли этому теченію или противодѣйствовать ему? котораго изъ этихъ направленій слѣдуетъ желать? Должны ли мы стремиться стать законченнымъ и полнымъ существомъ, себѣ довлѣющимъ цѣлымъ, или, напротивъ того, быть только частью цѣлаго, органомъ организма? Словомъ, есть ли раздѣленіе труда не только законъ природы, но и правило нашего поведенія, и если да, то по какой причинѣ и въ какой мѣрѣ?» (4).

Такая постановка вопроса отнюдь не свойственна, по крайней мѣрѣ, большинству органистовъ: обыкновенно они объ немъ не задумываются, просто не задаютъ его себѣ. Не видно, однако, почему онъ возникаетъ у Дюркгейма. Онъ у него ничѣмъ не оправданъ, и за этой неоправданностью кроется опять нѣчто общее всѣмъ органистамъ. Съ работами Вольфа, Бера и Мильнъ-Эдвардса Дюркгеймъ справедливо связываетъ ту истину, что «организмъ занимаетъ тѣмъ высшее мѣсто на зоологической лѣстницѣ, чѣмъ болѣе спеціализованы его функціи». Но онъ слишкомъ ужъ бѣгло напоминаетъ эту истину, не останавливаясь на ней въ цитированномъ мѣстѣ и не возвращаясь къ ней на всемъ протяженіи книги. А между тѣмъ

только она, наоборотъ, обратомъ развитія, и можетъ отвѣтить поставленный имъ вопросъ. Работами упомянутыхъ ученыхъ установленъ законъ такъ называемаго физіологическаго раздѣленія труда, въ силу котораго организмъ прогрессируетъ, переходя отъ простого къ сложному, становясь въ болѣе многосторонніе отношенія къ окружающему міру. Обратный процессъ есть явленіе регрессивное, а такъ какъ организмъ, приближаясь къ состоянію органа, не специализируя своихъ функцій, а самъ специализируясь, утрачиваетъ свою многосторонность, то общественное раздѣленіе труда не только не составляетъ какъ бы продолженія раздѣленія труда физіологическаго, какъ принимаютъ всѣ органисты, но, напротивъ, эти два процесса прямо антагонистичны. Этотъ столь очевидный антагонизмъ не обращаетъ на себя вниманія органистовъ, соблазняемыхъ тождествомъ словъ: раздѣленіе труда—въ двухъ различныхъ сферахъ. Ускользаетъ онъ и отъ вниманія Дюркгейма, хотя помимо этого антагонизма виситъ на воздухѣ дилемма Дюркгейма: быть ли многостороннимъ, полнымъ, себѣ довлѣющимъ цѣлымъ или, напротивъ, одностороннимъ органомъ организма?

Какъ бы то ни было, дилемма поставлена. Мы уже отчасти видѣли, какъ ее рѣшаетъ Дюркгеймъ: дальнѣйшее теченіе исторіи по типу органическаго развитія, то есть дальнѣйшее общественное раздѣленіе труда, во-первыхъ, неизбѣжно, во-вторыхъ, и желательно, и принципъ этотъ долженъ лечь въ основаніе современныхъ нравственно-политическихъ доктринъ, ибо раздѣленіе труда обусловливаетъ собою солидарность членовъ общества. Развитію и доказательству этихъ положеній и посвящена книга. Но при этомъ первый моментъ дилеммы—«быть ли законченнымъ и полнымъ существомъ, себѣ довлѣющимъ цѣлымъ»—какъ-то проходитъ сквозь пальцы. Лишь изрѣдка и мимоходомъ замѣчаетъ Дюркгеймъ, что въ этомъ идеалѣ есть нѣчто анти-соціальное, противное принципу солидарности и потому даже безнравственное. Конечно, такой оцѣнкѣ способствуетъ уже самая формулировка отрицаемаго авторомъ идеала: «себѣ довлѣющее цѣлое» звучитъ дѣйствительно анти-соціально. Но тотъ же идеалъ можетъ быть формулированъ совершенно иначе. Въ составъ «законченнаго и полнаго существованія» можетъ входить сочувственное страданіе за всѣхъ страдающихъ и обязательное отношеніе къ другимъ, какъ къ «себѣ довлѣющимъ цѣлымъ», вмѣщающимъ здравое на всѣ радости жизни. И это уже не будетъ противорѣчить принципу солидарности. Да и самъ Дюркгеймъ не признаетъ раздѣленіе труда единственнымъ источникомъ солидарности, кромѣ органической солидарности, основанной на раздѣленіи труда и на различіяхъ между людьми, онъ знаетъ еще механическую солидарность.

дарность, основанную на сходствѣ между людьми. И эта солидарность, какъ доказываетъ относительно первобытныхъ обществъ Дюркгеимъ даже съ нѣкоторою горячностью, напримѣръ, на стр. 215, въ качествѣ нравственнаго мотива, ничуть не слабѣе солидарности органической. Но дѣло въ томъ, что солидарность, которую Дюркгеиму угодно называть механическою, свойственна отнюдь не только первобытнымъ обществамъ. Онъ и самъ отчасти признаетъ это, хотя и утверждаетъ, что органическая солидарность постепенно сдвигаетъ механическую на задній планъ.

IV.

Еще о Дюркгеймовской теории общественного разделения труда.

Начиная съ Адама Смита, а пожалуй, и съ гораздо болѣе раннихъ времени, о раздѣленіи труда накопилась цѣлая литература. И нельзя сказать, чтобы вкладчики въ эту литературу только повторяли другъ друга, изслѣдуя возникновеніе этого многозначительнаго явленія, хотя его развитія, его вліяніе на различныя стороны жизни. Напротивъ, не говоря уже о разногласіяхъ относительно вліянія раздѣленія труда на личную и общественную жизнь, означенная литература время отъ времени обогащалась новыми точками зрѣнія, новыми пріемами изслѣдованія, долженствовавшими, повидимому, окончательно и всесторонне выяснить вопросъ. И тѣмъ не менѣе, онъ остается и послѣ достаточно запутаннымъ, какъ можно судить по послѣднему значительному произведенію, ему посвященному,—по книгѣ Дюркгейма.

На упомянутомъ въ прошлый разъ второмъ конгрессѣ международнаго соціологическаго института читался, между прочимъ, докладъ Мечислава Гольберга «Происхожденіе роста и раздѣленія труда». Авторъ представляетъ себѣ первыя ступени человѣческаго общежитія въ видѣ разбросанныхъ небольшихъ группъ или родовъ, вполнѣ приспособившихся къ мѣстнымъ условіямъ жизни. Раздѣленіе труда въ каждой такой отдѣльной группѣ не существуетъ: всѣ ея члены ведутъ одинаковый образъ жизни, одинаково питаются, занимаются однимъ и тѣмъ же дѣломъ, имѣютъ одни и тѣ же понятія о мірѣ, взаимныхъ отношеніяхъ и проч. Но вмѣстѣ съ тѣмъ вся группа чрезвычайно спеціализована сообразно условіямъ мѣстности: близость, напримѣръ, рѣки или моря строитъ опредѣляетъ собою занятія и весь образъ жизни всѣхъ человѣческихъ группъ, тогда какъ горностая вѣчность или дѣло, среди которыхъ среда

цится жить другой группѣ, накладываютъ на нее совершенно иную, но опять-таки для всѣхъ ея членовъ однородную спеціальную печать. Но вотъ при извѣстныхъ или, точнѣе, неизвѣстныхъ обстоятельствахъ происходитъ столкновеніе двухъ или нѣсколькихъ такихъ группъ. Оно можетъ быть мирное, и тогда группы сливаются въ одно общество, обмѣниваясь продуктами привычнаго каждой изъ нихъ спеціальнаго труда; оно можетъ быть враждебное, насильственное, и тогда трудъ раздѣляется между побѣдителями и побѣжденными, опять-таки согласно тому, къ чему приспособились тѣ и другіе предварительно. Процессъ идетъ тѣмъ же порядкомъ и дальше, объединяя все большее число отдѣльныхъ, спеціализированныхъ условіями мѣстности группъ. Но при этомъ «естественное» раздѣленіе труда, то есть какъ бы навязанное различіемъ мѣстныхъ условій, постепенно осложняется «соціальнымъ» раздѣленіемъ труда. Такъ, скрещиваніе расъ выдвигаетъ одну многостороннюю расу, воплощающую въ себѣ всѣ спеціальныя приспособленія первоначальныхъ группъ и образующую центръ новой единицы — націи. Такая центральная, господствующая раса можетъ образоваться и помимо скрещиванія, благодаря мѣстнымъ условіямъ, особенно благопріятнымъ по сравненію съ другими. Далѣе, рабство, хотя и находится въ нѣкоторой зависимости отъ мѣстныхъ условій, среди которыхъ воспитались рабы и рабовладѣльцы, есть уже факторъ соціальный, самостоятельно распредѣляющій трудъ между обѣими группами. Обмѣнъ продуктовъ труда, въ который вступаютъ различныя расы, въ свою очередь вноситъ въ ихъ дотолѣ неподвижный строй жизни новыя струи. И, такимъ образомъ, постепенно стираются чисто расовыя отличія, а вмѣстѣ съ ними и опредѣляемыя мѣстными условіями формы раздѣленія труда, уступая мѣсто новымъ, самостоятельнымъ и болѣе гибкимъ формамъ.

Любопытно, что Дюркгейму приходится имѣть дѣло съ тѣмъ, что Гольбергъ называетъ «естественнымъ» раздѣленіемъ труда, при обсужденіи картины, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ прямо противоположной той, которую нарисовалъ Гольбергъ. Спенсеръ представляетъ себѣ возникновеніе раздѣленія труда въ такомъ видѣ, что группа, сильно размножившаяся, занимаетъ большое пространство земли, разнообразныя условія которой, почвенныя и климатическія, заставляютъ членовъ группы спеціализироваться. Дюркгеймъ возражаетъ на это (291): «Безъ сомнѣнія, внѣшнія условія, въ которыхъ живутъ люди, налагаютъ на нихъ свою печать и своимъ разнообразіемъ дифференцируютъ ихъ. Безъ сомнѣнія, это разнообразіе имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ раздѣленію труда, но достаточно ли оно для того, чтобы его создать? Понятно, что, сообразно почвеннымъ и климатическимъ условіямъ, жители занимаются въ одномъ

мѣстѣ хлѣбопашествомъ, а въ другомъ — скотоводствомъ (Дарвинъ, Спенсеръ). Но функціональныя различія не всегда сводятся къ такимъ простымъ оттѣнкамъ, какъ въ этихъ примѣрахъ. Они иногда столь рѣзки, что инстинкты, между которыми распѣленъ трудъ, представляютъ собою какъ бы различные и даже противоположные (opposées) виды. Они точно вступаютъ въ заговоръ, чтобы отдѣлиться другъ отъ друга, какъ только возможно. Есть ли сходство между мыслящимъ мозгомъ и перерабатывающимъ желудкомъ? Точно также, что общаго между поэтомъ, всецѣло преданнымъ своей мечтѣ, ученымъ, погруженнымъ въ свои изслѣдованія, рабочимъ, всю жизнь выдалбливающимъ бутылочныя головки, земледѣльцемъ за плугомъ, купцомъ у конторки? Какъ бы ни было велико разнообразіе внѣшнихъ условій, оно не представляетъ различій, соотвѣтствующихъ столь рѣзко выраженнымъ контрастамъ.

Если бы это разсужденіе было представлено Гольберту, онъ отвѣтилъ бы, конечно, что «естественное» распѣленіе труда, объясняемое различіемъ мѣстныхъ условій, обязательно лишь для первыхъ шаговъ общежитія. Но насъ теперь не это занимаетъ. Докладъ свой Гольбергъ иллюстрировалъ нѣсколькими географическими и историческими данными, весьма, однако, скудными и довольно произвольно истолкованными. Такъ, напримѣръ, желая доказать присущую первобытнымъ людямъ зависимость отъ условій мѣстности, ихъ полную приспособленность къ даннымъ условіямъ и трудную приспособляемость къ географическимъ перемѣнамъ, онъ указываетъ на нѣкоторыхъ дикарей, которые, будучи увезены въ качествѣ рабовъ, въ чужія мѣста, тамъ быстро хирѣютъ. Для него это объясняется исключительно перемѣною мѣста жительства, а самое рабство тутъ какъ будто не при чемъ. Впрочемъ, Гольбергъ самъ сознаетъ трудность фактическаго обоснованія его гипотезы и предоставляетъ это дѣло будущему; потому что, сказать, всмотрѣвшись нашему нѣсколько романтическому соціологическому воспитанію, трудно возстановить подробности первобытной исторіи. Мы склонны «драматизировать исторію» и готовы видѣть въ описанномъ имъ процессѣ преобладаніе воинственныхъ, насильственныхъ комбинацій. По мнѣнію Гольберга, гораздо вѣроятнѣе, что слияніе различныхъ группъ или расъ на зарѣ исторіи происходило чаще мирнымъ путемъ.

Быть можетъ, мы и въ самомъ дѣлѣ склонны преувеличивать роль войны и насилія въ первобытной исторіи, но достовѣрно однако, что онѣ извѣстную роль играютъ. И когда побѣдители не простымъ вихремъ проносятся по территоріи побѣжденныхъ, а такъ или иначе вступаютъ съ ними въ постоянныя отношенія, увозя ихъ съ собой въ качествѣ рабовъ, или оставляя въ нихъ строѣ,—

между побѣдителями и побѣжденными устанавливается извѣстное раздѣленіе труда. Этотъ видъ раздѣленія труда или этотъ способъ его происхожденія Дюркгеймъ не удостоиваетъ своимъ вниманіемъ, быть можетъ, затрудняясь привести его въ связь съ идеей раздѣленія труда, какъ источника и мѣрила солидарности.

Пойдемъ дальше. Ту форму общежитія, въ которой преобладаетъ «механическая» солидарность или солидарность на основаніи сходства между членами группы, Дюркгеймъ называетъ «ассоціаціей», а ту, въ которой достаточно развита солидарность «органическая», основанная на различіяхъ между людьми, «кооперацией». Эта совершенно произвольная терминологія внушаетъ странную мысль, что въ обществахъ, связанныхъ механическою солидарностью, люди какъ будто ничего сообща не дѣлаютъ, а только сожительствуютъ (для характеристики этой формы общежитія Дюркгеймъ неоднократно употребляетъ глаголъ juxtoposer); и сотрудничество, «кооперація» начинается лишь при органической солидарности или раздѣленіи труда. Но это, конечно, только неудачная терминологія, каковая неудачность усугубляется, однако, слѣдующимъ опредѣленіемъ Дюркгейма: «Сотрудничать (coopérer) значитъ участвовать въ общемъ дѣлѣ. Если это послѣднее распадается на нѣсколько сходныхъ задачъ, взаимно необходимыхъ, то мы имѣемъ простое раздѣленіе труда или раздѣленіе труда первой степени; если же онѣ различны, то получается сложное раздѣленіе труда, спеціализація въ настоящемъ смыслѣ слова» (132—133). Опредѣленіе это брошено мимоходомъ, по поводу частнаго вопроса (о договорахъ), и затѣмъ въ книгѣ мы уже нигдѣ не встрѣчаемъ различенія простого и сложнаго раздѣленія труда, а вездѣ рѣчь идетъ просто о раздѣленіи труда. А такъ какъ раздѣленіе труда составляетъ основу органической солидарности, то получается какъ бы подтвержденіе странной мысли объ отсутствіи сотрудничества при механической солидарности. Здѣсь, очевидно, есть какое-то недоразумѣніе.

Приведенное опредѣленіе напоминаетъ одну любопытную страницу изъ исторіи принципа раздѣленія труда, страницу, которую, напримѣръ, Дж. Ст. Милль считалъ очень важною. Онъ говоритъ (Основанія политической экономіи, т. I, гл. VIII) о «сотрудничествѣ или сочетаніи труда»: «Достаточное вниманіе политико-экономовъ было до недавняго времени обращено только на одну часть этого великаго пособія производству, на такъ называемое раздѣленіе труда: она, дѣйствительно, заслуживаетъ величайшаго вниманія, но изъ-за нея забывали о другихъ случаяхъ и проявленіяхъ этого многообъемлющаго закона. Уэкфильдъ, сколько я знаю, первый замѣтилъ, что одна часть предмета ошибочно принималась тутъ за цѣлый предметъ, что изъ этого возникали вредныя послѣдствія и что подъ

принципомъ раздѣленія труда лежитъ другой, понимаемый самъ собою, болѣе основной принципъ. Онъ показываетъ, что сотрудничество бываетъ двухъ разныхъ родовъ: во-первыхъ, такое, по которому разныя лица помогаютъ другъ другу въ одной работѣ; во-вторыхъ, такое, по которому разныя лица помогаютъ другъ другу, занимаясь разными трудами. Первое можетъ быть названо простымъ сотрудничествомъ, второе сложнымъ или собственно раздѣленіемъ труда. «Различіе между простымъ и сложнымъ сотрудничествомъ очень важно, говоритъ Уэкфильдъ. Въ простомъ человѣкъ всегда сознаетъ, что онъ сотрудничаетъ съ другими, взаимное содѣйствіе тутъ очевидно самому невѣжественному и тупому взгляду. Въ сложномъ сотрудничествѣ только очень немногіе изъ множества занятыхъ имъ людей хотя нѣсколько сознаютъ, что содѣйствуютъ другъ другу». Не смотря, однако на эту важность простого сотрудничества, оно продолжаетъ очень мало занимать экономистовъ и только отмѣчается ими, какъ одна изъ формъ сочетанія труда, хотя иногда, какъ, напримѣръ, въ извѣстномъ руководствѣ Шенберга, ему усваивается даже общее названіе «кооперація». Это понятно. Въ качествѣ «великаго пособія производству», простое сотрудничество само собою разумѣется но его роль меркнетъ передъ все растущимъ значеніемъ раздѣленія труда. Въ исторіи техники производства оно представляетъ собой элементъ, почти неподвижный: каменьщики, складывающіе стѣны современнаго зданія, находятся другъ къ другу въ такихъ же отношеніяхъ простого сотрудничества, какъ и каменьщики временъ Фараоновъ. Если, однако, этимъ достаточно объясняется малое вниманіе экономистовъ къ принципу простого сотрудничества, то положеніе Дюркгейма совсѣмъ иное. Онъ не экономистъ, а соціологъ, и раздѣленіе труда для него не только «великое пособіе производству». Онъ неоднократно говоритъ о томъ, что спеціальная экономическая точка зрѣнія не обнимаетъ собою всего великаго значенія раздѣленія труда и кладетъ этотъ принципъ, подобно многимъ соціологамъ, въ основаніе общежитія вообще, а въ частности видитъ въ немъ основу современной этики. Съ этой болѣе широкой точки зрѣнія иначе должна быть освѣщена и роль простого сотрудничества. Какова бы ни была эта роль въ спеціально экономическомъ отношеніи, значеніе простого сотрудничества, какъ соціологическаго фактора, должно быть изучено самостоятельно. И Дюркгеймъ самъ понимаетъ это, когда противопоставляетъ органической солидарности, основанной на различіяхъ,—механическую, основанную на сходствахъ. Различіямъ соотвѣтствуетъ раздѣленіе труда, сходствамъ—простое сотрудничество, которое, слѣдовательно, въ такой же, если не въ большей мѣрѣ, какъ и раздѣленіе труда, становится источникомъ и мѣриломъ солидарности. Но Дюркгеймъ всячески старается (я не хочу этимъ сказа-

зать, что онъ дѣйствуетъ злонамѣренно) затушевать значеніе простого сотрудничества. Онъ не отрицаетъ этого значенія. Напротивъ, какъ уже въ прошлый разъ сказано, онъ иногда чрезвычайно яркими красками изображаетъ интенсивность механической солидарности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ то назоветъ простое сотрудничество «простымъ раздѣленіемъ труда»; то, противопоставленіемъ терминовъ «ассоціація» и «кооперація», внушитъ читателю странную мысль объ отсутствіи всякаго сотрудничества въ обществахъ, объединенныхъ механическою солидарностью; то, наконецъ, доказываетъ, что механическая солидарность, основанная на простомъ сотрудничествѣ, убываетъ въ исторіи, вслѣдствіе чего единственнымъ источникомъ и мѣриломъ солидарности слѣдуетъ признать раздѣленіе труда. Надо, впрочемъ, замѣтить, что Дюркгеймъ иногда оговаривается, указывая на ограниченія этого положенія, которыя мы разсмотримъ ниже.

Простое сотрудничество отличается отъ раздѣленія труда еще тѣмъ, что не вызываетъ тѣхъ споровъ о его выгодныхъ и невыгодныхъ сторонахъ, какіе ведутся изъ-за раздѣленія труда. Собственно въ экономической литературѣ въ настоящее время этихъ споровъ, можно сказать, нѣтъ, и едва ли найдется хоть одинъ экономистъ, который отрицалъ бы тѣневыя стороны раздѣленія труда, указанныя еще Ад. Смитомъ. Рѣчь можетъ идти лишь о размѣрахъ зла и о возможности его компенсаціи. Не то въ соціологіи, гдѣ мы встрѣчаемъ безусловныхъ панегиристовъ раздѣленія труда, въ чемъ имъ способствуетъ унаслѣдованное еще отъ экономистовъ недостаточное различеніе раздѣленія труда техническаго и общественнаго. До какой степени грѣшенъ этимъ грѣхомъ Дюркгеймъ, будетъ видно изъ слѣдующаго примѣра. Говоря о томъ, что «общее сознаніе» (conscience commune) часто вторгается вреднымъ или вообще задерживающимъ элементомъ въ поступательный ходъ развитія раздѣленія труда, онъ замѣчаетъ: «въ Греціи, въ Римѣ, промышленность и торговля были презрѣнными занятіями: у Кабиловъ нѣкоторыя ремесла, какъ мясничество, производство обуви и проч., порицаются общественнымъ мнѣніемъ, и потому спеціализація не можетъ развиваться въ этихъ направленіяхъ. Наконецъ, и у народовъ съ болѣе развитой экономическою жизнью, напримѣръ, у насъ во времена цеховъ и корпорацій, трудъ былъ такъ регламентированъ, что раздѣленіе труда не могло прогрессировать. Тамъ, гдѣ всѣ обязаны производить одинаковымъ способомъ, индивидуальныя варіаціи невозможны» (315—316). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что какъ въ классическомъ мірѣ, такъ и въ средніе вѣка *техническое* раздѣленіе труда было сравнительно слабо развито, то есть процессы производства далеко не распадались на столько отдѣльныхъ мелкихъ операцій, какъ въ наше время. Но *общественное* раздѣленіе труда было, на-

противъ, чрезвычайно сильно развито, что видно изъ примѣровъ самого Дюркгейма. Если извѣстныя отрасли дѣятельности были въ Греціи и Римѣ презираемы, то онѣ все-таки считались необходимыми и лишь представлялись, именно въ силу общественнаго раздѣленія труда, низшимъ классамъ. Если цеховой строй регламентировалъ трудъ до невозможности какого бы то ни было прогресса въ производствѣ, то онъ же установилъ рѣзкое общественное раздѣленіе труда между представителями даже самыхъ близкихъ между собою отраслей производства, и внутри цеховъ осуществилъ опять-таки общественное раздѣленіе труда между мастерами, подмастерьями, хозяевами, рабочими. Вообще техническое и общественное раздѣленіе труда должны быть строго различаемы, а нашъ авторъ книги, посвященной спеціально «Общественному раздѣленію труда», даже не упоминаетъ объ этомъ. Когда говорятъ объ общественномъ раздѣленіи труда, то дѣло не въ тѣхъ 18-и операціяхъ, на которыхъ въ классическомъ примѣрѣ Ад. Смита распадается процессъ производства булавокъ, а въ томъ, обреченъ или не обреченъ человѣкъ всю жизнь производить, исключительно, булавки.

Переходимъ къ послѣднему вкладу въ литературу раздѣленія труда, къ упомянутымъ уже въ прошлый разъ работамъ Бера и Мильнъ Эдвардса. Для нѣкоторыхъ этотъ вкладъ не стоилъ никакого вниманія, представляя собою какъ бы простой переносъ соціологическаго термина «раздѣленіе труда» въ область біологіи, до которой, дескать, соціологу мало дѣла. Для другихъ, напротивъ, это было и остается настоящимъ откровеніемъ, новой эрой въ наукѣ. Съ легкой руки Спенсера началась настоящая оргія параллелей и аналогій между физіологическимъ и общественнымъ раздѣленіемъ труда, между организмомъ и обществомъ, какъ въ ихъ статикѣ, такъ и въ ихъ динамикѣ.

Благосклонный читатель извинитъ меня отъ обсужденія этой якобы научной лавины, которой я въ свое время посвятилъ много, быть можетъ, слишкомъ много страницъ. Для насъ здѣсь важенъ только результатъ, а онъ состоитъ въ томъ, что каждая организованная единица, будь то простая клѣтка, органъ, нѣтлимое въ обычномъ смыслѣ слова, колонія животныхъ, общество, и въ частности семья, родъ, федерація родовъ, нація, государство имѣетъ тенденцію объединяться, сосредоточиваться, крѣпнуть, лелѣяя свои составныя части путемъ раздѣленія между ними труда, тѣмъ самымъ представляя имъ роль своихъ служебныхъ органовъ. Окидывая мысленнымъ взоромъ всю эту громадную картину жизни, вѣчно движущейся, вѣчно кипящей встрѣчными и поперечными большими и малыми волнами, мы будемъ поражены ея крайнею сложностью и пестротою, въ подробностяхъ которой не легко ра-

зобраться. Здѣсь даже не на первый взглядъ все безпорядочно, такъ какъ разнообразнѣйшія, какъ въ смыслѣ ихъ отправныхъ точекъ, такъ и въ смыслѣ силы, теченія направляются по линіямъ наименьшаго сопротивленія, то отстаивая свое самостоятельное существованіе, то уступая, вполнѣ или отчасти, теченію болѣе сильному. Можно только съ увѣренностью сказать, что на всемъ необъятномъ полѣ жизни идетъ неустанная борьба за индивидуальность, а орудіемъ этой борьбы служитъ раздѣленіе труда *). Но изъ этого ни въ объективномъ, ни въ субъективномъ смыслѣ не вытекаютъ тѣ выводы, къ которымъ приходятъ представители органической теоріи общества. Дѣло въ томъ, что каждая организованная единица пользуется орудіемъ раздѣленія труда въ своихъ собственныхъ интересахъ и видахъ, а эти интересы и виды отнюдь не тождественны для различныхъ ступеней индивидуальности, для различныхъ организованныхъ единицъ. Въ частности физіологическое раздѣленіе труда и общественное не только не тождественны, а прямо противоположны по своимъ результатамъ.

Этой противоположности, составляющей чисто объективную научную истину, не хотятъ знать всѣ органисты. Не хочетъ ея знать и Дюркгеймъ. Но именно ея субъективный отзвукъ и слышится въ его дилеммѣ: «Котораго изъ двухъ направленій слѣдуетъ желать? Должны-ли мы стремиться стать законченнымъ и полнымъ существомъ, себѣ довлѣющимъ цѣлымъ, или, напротивъ того, быть только частью цѣлаго, органомъ организма? Словомъ, есть ли раздѣленіе труда не только законъ природы, но и правило нашего поведенія, и если да, то по какой причинѣ и въ какой мѣрѣ?» Самая формулировка послѣдняго вопроса указываетъ на неясность исходной точки. Признавъ «правиломъ нашего поведенія» раздѣленіе труда, мы еще не разрѣшаемъ нашей дилеммы, ибо остается еще вопросъ: *какое* раздѣленіе труда избрали мы правиломъ своего поведенія? если физіологическое, то нашимъ идеаломъ станетъ первый членъ дилеммы, а если общественное, то второй. А между тѣмъ, Дюркгейму кажется, что онъ поставилъ свой вопросъ въ формѣ вполнѣ опредѣленной. Это одинъ изъ многихъ примѣровъ той путаницы, которая происходитъ при оперированіи съ понятіемъ раздѣленія труда, какъ чего-то всегда себѣ равнаго и не нуждающагося ни въ какихъ опредѣленіяхъ и дополненіяхъ.

---

*) Пользуюсь случаемъ для одного замѣчанія, отчасти личнаго свойства. Мнѣ извѣстно, что изъ моихъ статей по вопросу о раздѣленіи труда наибольшимъ вниманіемъ интересующихся этимъ вопросомъ пользуется статья «Что такое прогрессъ?» Я просилъ бы имѣть въ виду, что позднѣйшая статья «Борьба за индивидуальность», и послѣднія (начиная съ IX) главы статьи «Патологическая магія» —содержатъ въ себѣ болѣе полное изложеніе теоріи.

Одинъ только разъ въ началѣ V главы упоминаетъ Дюркгеймъ о разницѣ между физіологическимъ и общественнымъ раздѣленіемъ труда, но только о разницѣ, а не объ антагонизмѣ ихъ. А разница состоитъ въ слѣдующемъ: «Въ организмѣ каждая клѣтка имѣетъ свою опредѣленную и неизмѣнную роль. Въ обществѣ задачи распредѣлены не съ такою неподвижностью. Какъ тамъ, гдѣ кадры организаціи наиболѣе рѣзки, индивидъ можетъ съ нѣкоторою свободою двигаться въ предѣлахъ предназначенныхъ ему судьбою. Въ самой Индіи функціи, предоставленныя каждой кастѣ, были достаточно общи, чтобы оставлять мѣсто для извѣстнаго выбора. Во всякой странѣ, если непріятель овладѣлъ столицей, то есть самымъ мозгомъ націи, соціальная жизнь не прекращается, и по прошествіи сравнительно короткаго времени находится другой городъ, новидимому, не приспособленный, не способный исполнять сложную функцію столицы».

На это приверженецъ органической теоріи общества отвѣчалъ бы, какъ и выразился одинъ изъ нихъ, что общественность есть лишь начало организаціи, что общество есть незавершенный организмъ. Цитированный мною въ прошлый разъ г. Ивановъ говоритъ: «Общественные организмы человѣка должны считаться только возникающими: они далеко не достигли даже той степени совершенства, какой достигли, напримѣръ, колены сифонофоръ». «Понятіе организма», въ «Сборникѣ въ пользу недостаточныхъ студентовъ Московскаго университета», стр. 82). Лишь въ низшихъ организмахъ, недостаточно доработавшихъ свои составныя части, недостаточно приспособившихъ ихъ къ спеціальнымъ служебнымъ функціямъ, возможны перемѣщенія, указанныя Дюркгеймомъ. Человѣческому обществу еще предстоитъ совершенствоваться въ смыслѣ окончательнаго приспособленія своихъ органовъ къ опредѣленнымъ отправленіямъ.

Дюркгеймъ предвидѣлъ это возраженіе и противопоставляетъ мнѣнію такого рода фактъ, что и въ высшихъ организмахъ возможны замѣщенія однихъ органовъ другими. Онъ цитируетъ Вунта «Физіологическую психологію»: «Непорядки, происходящіе отъ удаленія нѣкоторыхъ частей мозговой коры, часто по прошествіи нѣкотораго времени исчезаютъ. Это можно объяснить только предположеніемъ, что исчезнувшіе элементы замѣщаются другими, а это значитъ, что замѣстители приспособились къ новымъ для нихъ функціямъ... Элементъ, производящій при нормальныхъ условіяхъ зрительное ощущеніе, становится при измѣнившихся обстоятельствахъ зрительнымъ ощущеніемъ осязательныхъ, мускульныхъ или звукоподражательныхъ иннерваціи». И т. д. Дюркгеймъ упускаетъ изъ вида, что здѣсь мозговые элементы замѣщаются мозговыми же, нервные — нервными

же. Если же признать за этими замѣщеніями болѣе общее значеніе, то ими подрываются основные взгляды Дюркгейма. Зачѣмъ же онъ насъ увѣрялъ, напримѣръ, что «мы сторонимся отъ слишкомъ подвижныхъ талантовъ, которые, отдаваясь разнообразнымъ функціямъ, отказываются избрать спеціальную роль и держаться ея», и т. п.

Дюркгеймъ допускаетъ, что общественное раздѣленіе труда имѣетъ въ дѣйствительности извѣстныя ограниченія и требуетъ ихъ въ принципѣ. Поэтому онъ посвящаетъ часть своего сочиненія разсмотрѣнію анормальныхъ формъ раздѣленія труда. На первомъ мѣстѣ стоятъ формы «аномическія», то есть ничѣмъ не регулированныя. Въ области экономическихъ отношеній результатами такихъ аномическихъ формъ являются все учащающіеся промышленные кризисы и все растущій въ промышленныхъ странахъ Западной Европы антагонизмъ капитала и труда. Въ сферѣ науки «аномія» выражается крайнею спеціализаціей отдѣльныхъ отраслей знанія,— спеціализаціи, благодаря которой дѣятели науки не видятъ и не способны видѣть все великое зданіе науки въ цѣломъ. За аномическими формами общественнаго раздѣленія труда слѣдуютъ столь же анормальныя, но въ извѣстномъ смыслѣ прямо противоположныя, слишкомъ уже регулированныя, «принудительныя» формы (la division du Travail contrainte). Образчикомъ ихъ можетъ служить кастовый строй. Первоначально строй этотъ, соотвѣтствуя до извѣстной степени естественнымъ склонностямъ и способностямъ охваченныхъ имъ людей, представляетъ явленіе нормальное, но съ теченіемъ времени оно себя переживаетъ и становится препятствіемъ для правильнаго распредѣленія труда. Современное общество въ своемъ развитіи уже далеко отошло отъ кастоваго строя, но ему предстоитъ и далѣе развиваться въ томъ же направленіи, устраняя внѣшнія, принудительныя, опредѣляемыя закономъ, нравами или общественнымъ мнѣніемъ формы раздѣленія труда.

Не будемъ говорить о томъ, какъ Дюркгеймъ старается пройти между Сциллой «аноміи» и Харибдой «принудительности»: здѣсь все неясно, неопредѣленно, и въ концѣ концовъ самъ авторъ предоставляетъ рѣшеніе положительной задачи будущему. Остановимся только на его отрицательныхъ доводахъ. Спрашивается, почему, на какомъ основаніи, признавъ общественное раздѣленіе труда своимъ руководящимъ принципомъ, онъ отмѣчаетъ нѣкоторыя его проявленія отрицательнымъ знакомъ? Аномія съ одной стороны, принудительность — съ другой препятствуютъ правильному распредѣленію труда. Хорошо, но не значитъ ли это, что есть какой-то другой принципъ, выше общественнаго раздѣленія труда стоящій, ко-

торымъ опредѣляется значеніе его результатовъ. Нѣтъ ли въ свою очередь и для анеміи и принудительности, не смотря на ихъ противоположность, какой нибудь общей скобы, которая объединяла бы ихъ въ противоположеніи означенному высшему принципу?

Здѣсь мы встрѣчаемся съ чрезвычайно любопытными логическими скачками Дюркгейма. Онъ съ первыхъ же страницъ признаетъ общественное раздѣленіе труда источникомъ и мѣриломъ солидарности, а именно высшей, органической солидарности, постепенно отодвигающей на задній планъ первобытную механическую солидарность. Онъ слѣдуетъ на то обстоятельство, что съ легкой руки экономистовъ въ раздѣленіи труда видятъ преимущественно или даже исключительно только факторъ матеріальнаго благосостоянія, тогда какъ это есть, кромѣ того, нравственная основа всего общественнаго зданія. Онъ далѣе объясняетъ, что процессъ раздѣленія труда есть и законъ природы, управляющій человѣческимъ обществомъ съ самыхъ отдаленныхъ временъ и имѣющій управлять имъ и въ будущемъ, все глубже и, такъ сказать, объемистѣе объединяя человѣчество солидарностью. Но вотъ онъ встрѣчаетъ явленія, несомнѣнно обязанныя своимъ происхожденіемъ общественному раздѣленію труда и тѣмъ не менѣе отнюдь не говорящія солидарности. Онъ слишкомъ искренній человѣкъ, чтобы сочинить апологію во что бы то ни стало какого бы то ни было момента исторіи человѣчества. Принудительная солидарность кастоваго строя во всѣхъ даже его смягченныхъ формахъ такъ же мало способна вызвать его одобреніе, какъ и солидарность или «гармонія интересовъ», восхищающая либеральныхъ экономистовъ манчестерской школы въ новомъ обществѣ. Онъ видитъ, что тутъ собственно нѣтъ солидарности, хотя и есть очень ярко выраженное раздѣленіе труда, составляющее источникъ и мѣрило солидарности. Поэтому онъ, безусловно признавая фактическое существованіе такихъ формъ раздѣленія труда, которыя не отличаются полной солидарностью, а напротивъ, разъединяютъ ихъ, — нравственно осуждаетъ эти формы, признаетъ ихъ анормальными, но не вноситъ однако никакой поправки въ свое прежнее положеніе: раздѣленіе труда есть источникъ солидарности. Но если мы вдумаемся въ теоретическіе доводы автора, въ которыхъ доказывается принудительное раздѣленіе труда и его уменьшенныя формы, затѣмъ сравнить имѣющихся формъ, мы увидимъ, что уцѣлѣвшія Дюркгеймомъ формы раздѣленія труда, которыя онъ по отвертѣнія заставъ стремится между раздѣленіемъ и побѣжденнымъ, — то окажется, что для «нормальнаго» раздѣленія труда, служащаго источникомъ солидарности, остается очень мало мѣста въ исторіи. [illegible] нормальномъ раздѣленіи труда. Но если отвлекаемся [illegible]

деніи: путемъ раздѣленія труда люди участвуютъ въ общемъ дѣлѣ и становятся въ зависимость другъ отъ друга, а это ихъ объединяетъ, сплачиваетъ, создаетъ между ними солидарность. Все это справедливо и легко подтверждается фактами въ примѣненіи къ какому-нибудь небольшому и несложному дѣлу, гдѣ раздѣленіе труда еще почти граничитъ съ простымъ сотрудничествомъ. Но на болѣе обширномъ поприщѣ, если общее дѣло и взаимная зависимость объективно и существуютъ, то въ сознаніи участниковъ, подѣлившихъ между собою трудъ, они уходятъ въ болѣе или менѣе непроглядную туманную даль. Уже цитированный Уэкфильдъ справедливо указываетъ на эту особенность раздѣленія труда въ противоположность простому сотрудничеству: «Въ сложномъ сотрудничествѣ только очень немногіе изъ множества занятыхъ имъ людей хотя нѣсколько сознаютъ, что содѣйствуютъ другъ другу». Да, какъ мы видѣли, и самъ Дюркгеймъ спрашиваетъ: «что общаго между поэтомъ, всецѣло преданнымъ своей мечтѣ, ученымъ, погруженнымъ въ свои изысканія, рабочимъ, проводящимъ жизнь въ вытачиваніи булавочныхъ головокъ, землѣдѣльцемъ за сохой, купцомъ у конторки?» Всѣ эти люди болѣе или менѣе другъ отъ друга зависятъ: мечтательный поэтъ не одной своей мечтой сытъ бываетъ, а также и хлѣбомъ, который онъ покупаетъ у купца, а тотъ въ свою очередь у земледѣльца; земледѣлецъ воспользуется, можетъ быть, когда-нибудь плодами изслѣдованій ученаго; булавочникъ рабочій ѣстъ хлѣбъ земледѣльца при посредствѣ купца и, если у него есть досугъ, читаетъ книжку стихотвореній поэта. Но, даже не подчеркивая этихъ «можетъ быть» и «если», мы очень хорошо знаемъ, что взаимная зависимость еще не есть нравственная солидарность. Мы знаемъ, что мечтательный поэтъ можетъ распространиться на тему: «умолкни, чернь непросвѣщенна и презираемая мной»; купецъ можетъ воспользоваться мечтательностью поэта, чтобы содрать съ него рубль на рубль за тотъ самый хлѣбъ, съ которымъ онъ уже сдѣлалъ подобную же операцію на счетъ земледѣльца, и т. д. Объ общемъ дѣлѣ при этомъ и говорить странно. Такъ идутъ дѣла на землѣ, и отъ того, что Дюркгеймъ называетъ это аномическими формами раздѣленія труда, ничего въ нихъ не измѣняется. Бываютъ, конечно, историческіе моменты, когда является ясное, сознательно преслѣдуемое общее дѣло и у этого мечтательнаго поэта, и у земледѣльца за сохой, и у купца за конторкой. Это—когда всѣмъ обществомъ овладѣваетъ съ религіозною силою одна какая-нибудь идея. Мы присутствуемъ нынѣ при трагическомъ окончаніи одной изъ такихъ вспышекъ общаго дѣла: весьма вѣроятно, что патріотическая волна, охватившая въ только что окончившуюся войну грековъ, сдѣлала изъ ихъ поэтовъ—Тиртеевъ, возбуждающихъ согражданъ

вдохновенными пѣснями на подвигъ, заставляя купцовъ класть свой рубль на руку, двигая землепашцевъ и ученыхъ въ ряды добровольцевъ. Но предъявленныя ими въ этомъ случаѣ солидарность есть солидарность, по терминологіи Дюркгейма, механическая, а не органическая, основанная не на различіяхъ и раздѣленіи труда, а на сходствахъ и простомъ сотрудничествѣ.

Итакъ, раздѣленіе труда по малой мѣрѣ не всегда является источникомъ и мѣриломъ солидарности. Даже съ точки зрѣнія Дюркгейма и на основаніи его собственныхъ указаній, это правило подлежитъ многочисленнымъ исключеніямъ и ограниченіямъ. Онъ дѣлаетъ однако его власти цѣликомъ, объявляя, что въ аномическихъ и принудительныхъ формахъ раздѣленія труда повинно не само оно, а посторонніе, внѣшніе обстоятельства, временно извращающіе естественный ходъ вещей. Казалось бы, однако, что если раздѣленіе труда есть и матеріальное, и нравственное основаніе всего общественнаго зданія, та сила, которая опредѣляетъ собою весь общественный строй во всѣхъ его подробностяхъ, сила единственная, если не считать всеобъемлющаго вліянія механической солидарности, то какимъ-то посторонним, внѣшнимъ обстоятельствамъ уже не остается мѣста. И дѣйствительно, какъ аномическая, такъ и принудительныя формы суть вѣдь только формы, а принципъ въ нихъ остается тотъ же съ общей точки зрѣнія «общественнаго раздѣленія труда». Пожалуй, относительно принудительныхъ формъ еще можно съ нѣкоторою натяжкою говорить о постороннихъ вліяніяхъ, напримѣръ, о строгой наслѣдственности функцій въ кастовомъ строѣ; хотя и здѣсь можно найти нѣчто во славу излюбленнаго принципа: брамины, кшатріи, вайсіи, судра, строго поставившіе между собой весь необходимый обществу трудъ, превосходно приспособившись къ своимъ спеціальнымъ задачамъ, естественно и потомству своему передаютъ, путемъ наслѣдственности, примѣры и воспитаніе, свои спеціальныя способности и склонности: мыслительныя, воинскія и т. д. Но въ формахъ аномическихъ, во всякомъ случаѣ, нѣтъ препятствій для свободной игры принципа раздѣленія труда, и самъ Дюркгеймъ требуетъ для этой игры нѣкоторой регламентаціи. Какой именно, мы такъ отъ него и не узнаемъ. Ясно только, что, по его мнѣнію, регламентація эта должна ввести въ общество солидарность, которая, собственно, самимъ раздѣленіемъ труда еще не гарантируется. Такимъ образомъ, высшимъ руководящимъ принципомъ, съ точки зрѣнія самого Дюркгейма, является не раздѣленіе труда, а солидарность, послѣдняя, съ присутствіемъ или отсутствіемъ, съ ростомъ или ослабѣваніемъ мѣряется съ результатами **раздѣленія труда: признаетъ одни, отметаетъ другіе.**

Но вѣдь мы знаемъ двѣ формы солидарности — органическую

и механическую. Послѣдняя, по словамъ Дюркгейма, постоянно убываетъ, однако не исчезаетъ окончательно. Механической и органической солидарности соотвѣтствуютъ два различные типа общества. Мы видѣли, что онѣ называются «ассоціаціей» и «кооперацией», но Дюркгеймъ не ограничивается этою двусмысленною терминологіей. Первобытная форма общества, крайне неопредѣленная и, собственно говоря, почти неизвѣстная, есть «орда». Затѣмъ нѣсколько ордъ примыкаютъ другъ къ другу, образуя рядъ «клановъ». Въ цѣломъ эти кланы образуютъ сегментарное общество, въ которомъ каждый кланъ-сегментъ, по своей структурѣ, повторяетъ всѣ другіе сегменты: совершенно такъ, какъ, напримѣръ, въ тѣлѣ червей, каждое кольцо представляетъ собою простое повтореніе другихъ. Здѣсь-то и царитъ механическая солидарность. Но какъ прогрессъ въ животномъ мірѣ не останавливается на структурѣ кольчатыхъ, такъ и въ исторіи общества сегментарный типъ уступаетъ постепенно мѣсто типу организованному, при чемъ каждому сегменту усваивается какая-нибудь спеціальная функція. Вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ и органическая солидарность. Сегментарный типъ и соотвѣтствующая ему механическая солидарность время отъ времени вставляютъ, однако, такъ сказать, палки въ колеса своему могущественному сопернику,— организованному типу, спаянному органическою солидарностью. Напримѣръ, «у славянъ задруга разростается иногда до такой степени, что является нищета, но члены ея продолжаютъ жить вмѣстѣ, не удаляясь для пріисканія спеціальныхъ занятій въ качествѣ моряка, купца и т. п.» (315).

Этотъ примѣръ очень характеренъ для взглядовъ Дюркгейма на роль механической солидарности въ исторіи. Онъ усваиваетъ ее лишь первобытному «сегментарному» общественному типу и его остаткамъ и пережиткамъ въ настоящее время. Въ дѣйствительности поле дѣятельности механической солидарности далеко не такъ однообразно и узко. Не говоря о весьма нерѣдкихъ и въ новѣйшей исторіи случаяхъ въ родѣ вышеупомянутаго патріотическаго подъема грековъ, когда весьма проблематическая органическая солидарность, основанная на различіяхъ, утопаетъ въ несомнѣнной солидарности механической, основанной на сходствахъ: не говоря объ этихъ случаяхъ, можно съ рѣшительностью утверждать, что каждый сколько-нибудь крупный шагъ общественнаго раздѣленія труда сопровождается и новымъ импульсомъ для механической солидарности. Не будемъ разсуждать о томъ, есть ли дѣйствительно «зародышъ истины» въ знаменитой притчѣ веселаго старца Менелія Агриппы. Допустимъ, что органическая солидарность дѣйствительно связывала различные классы римскаго общества, хотя это болѣе, чѣмъ сомнительно. Но во всякомъ случаѣ не органическая, а механиче-

ская солидарность объединяла всѣхъ римлянъ, какъ римлянъ, независимо отъ ихъ специальныхъ функцій, въ то цѣлое, которое представители говорили: cives romanus sum. Затѣмъ, были ли связаны взаимною солидарностью патриціи и плебеи, или нѣтъ, но патриціи *въ своей* средѣ и плебеи *въ своей*—несомнѣнно имѣли общіе интересы, общія мысли и чувства, объединявшіе ихъ солидарностью, и именно механическою. И это не случайность, а такая же физическая неизбѣжность, съ какою освѣщенный солнцемъ предметъ всюду сопровождается своею тѣнью. Допустимъ, что взаимныя отношенія предпринимателей, производителей и потребителей, въ любой современной отрасли промышленности, должны называться органической солидарностью. Въ средѣ каждой изъ этихъ группъ происходитъ болѣе или менѣе оживленная конкурренція, но вмѣстѣ съ тѣмъ каждая изъ нихъ объединена общностью интересовъ, положеній, чувствъ, мыслей, слагающеюся въ механическую солидарность, которая и выражается синдикатами, стачками и т. п.

Намъ остается разсмотрѣть еще одинъ пунктъ въ книгѣ Дюркгейма, а именно очень занимающій его вопросъ о положеніи личности, индивида въ различныхъ типахъ общества. По его мнѣнію, въ «ассоціаціи» или сегментарномъ обществѣ, объединенномъ механическою солидарностью, личность собственно говоря, не существуетъ: она безъ остатка растворяется въ «общемъ сознаніи». Проявляется она лишь въ «коопераціи» или организованномъ обществѣ, сплоченномъ органической солидарностью, то есть раздѣленіемъ труда, по мѣрѣ развитія котораго личность, индивидуальность расцвѣтаетъ все ярче [1]. Развивается эта тема слѣдующимъ образомъ. Въ каждомъ изъ насъ есть нѣчто свое, личное, и нѣчто, принадлежащее намъ вмѣстѣ со всѣми современниками, соотечественниками, вообще сообщественниками. И чѣмъ сильнѣе общія черты, — въ чемъ бы онѣ ни состояли: въ вѣрованіяхъ, нравахъ, чувствахъ, привычкахъ, тѣмъ меньше остается мѣста для игры индивидуальныхъ варьяцій. Въ первобытномъ, сегментарномъ обществѣ этимъ варьяціямъ совсѣмъ нѣтъ мѣста, общее сознаніе дѣйствительно всесильно, и если бы раздѣленіе труда не явилось разлагающимъ элементомъ, общество было бы обречено на полную неподвижность. Раздѣленіе труда, пробивающее въ общемъ сознаніи одну брешь за другою и тѣмъ самымъ «освобождающее» личность, является необходимымъ результатомъ разрастанія общества, какъ въ смыслѣ расширенія ихъ объема, такъ и силы отдѣльныхъ

---

[1] Эта же мысль лежитъ въ основаніи работы Зиммеля (Soziale Differenzierung. Sociologische und psychologische Untersuchungen. Leipzig. 1890). Я не имѣю теперь времени заняться ею.

сегментовъ, такъ и въ смыслѣ уплотненія населенія путемъ размноженія. При этомъ личность получаетъ въ свое распоряженіе все болѣе широкіе горизонты, а вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе разнообразный выборъ спеціальностей, на которыхъ все легче развертываться индивидуальнымъ склонностямъ и способностямъ.

Такова въ самыхъ общихъ и бѣглыхъ чертахъ мысль Дюркгейма. Она неоднократно высказывалась въ литературѣ, но преимущественно въ видѣ афоризма, и только у Дюркгейма (и у Зиммеля) получаетъ подробное развитіе и аргументацію.

Прежде всего отмѣтимъ одну странность. Мы видѣли, что связь механической солидарности въ первобытныхъ обществахъ Дюркгеймъ считаетъ крайне неустойчивою, что и иллюстрируетъ примѣрами древнихъ народовъ и современныхъ дикарей, у которыхъ члены общества легко отдѣляются отъ своего цѣлаго. И это понятно: весь небольшой запасъ первобытныхъ знаній и умѣній доступенъ каждому члену общества, тогда какъ въ организованномъ обществѣ каждый членъ есть болѣе или менѣе спеціалистъ по той или другой части, для котораго и самое недолгое даже существованіе невозможно безъ обмѣна услугъ со множествомъ другихъ спеціалистовъ. Недаромъ Дюркгеймъ утверждаетъ, что человѣкъ, личность, по мѣрѣ развитія раздѣленія труда, фактически становится и принципіально долженъ становиться спеціальнымъ органомъ общества, отказавшись отъ претензіи быть «самодовлѣющимъ цѣлымъ», цѣльной личностью. Это—несомнѣнное умаленіе личности подъ непосредственнымъ давленіемъ раздѣленія труда, и когда Дюркгеймъ рисуетъ намъ теперь вящшій расцвѣтъ личности въ организованномъ обществѣ, то ясно, что онъ разумѣетъ здѣсь личное начало въ какомъ-то другомъ смыслѣ, хотя и не оговариваетъ этой разницы, чѣмъ вноситъ въ вопросъ новую путаницу. Дѣйствительно, въ первомъ случаѣ рѣчь идетъ о личности, какъ о цѣломъ, о совокупности органовъ и отправленій, свойственныхъ виду homo sapiens въ данный историческій моментъ; во второмъ же имѣются въ виду индивидуальныя варьяціи типа, тѣ черты, которыми одинъ человѣкъ отличается отъ другихъ. Обѣ эти точки зрѣнія имѣютъ свои raison d'être, но разница между ними столь велика, что отвѣчать на вопросы, возникающіе на почвѣ первой, аргументами, почерпнутыми изъ района второй,—не представляется никакой логической возможности.

Допустимъ, что мысль Дюркгейма о томъ, что общественное раздѣленіе труда представляетъ все большій просторъ индивидуальнымъ варьяціямъ совершенно вѣрна. Этимъ еще ничего не рѣшается относительно значенія личности, какъ цѣлаго, какъ индивида, и ни малѣйше не колеблется давно уже высказанное мнѣ-

ние о томъ, что, въ общемъ большомъ историческомъ развитіи, раздѣленіе труда губительно сказывается на личности, дробящая ее въ одностороннее орудіе нѣкоторыхъ внѣшнихъ дѣлъ.

А затѣмъ и значеніе самихъ индивидуальныхъ варіацій далеко не выяснено Дюркгеймомъ. Безъ сомнѣнія, общее сознаніе, давившее собою умы и сердца членовъ первобытной группы, не давало простора индивидуальнымъ варьяціямъ. Но, вполнѣ признавая всю невыгодность и тягостность такого положенія, все-таки позволительно, и можетъ быть даже обязательно, спросить: всѣ ли индивидуальныя отклоненія одинаково желательны, какъ молчаливо признаетъ не задающій себѣ этого вопроса Дюркгеймъ? Не подлежатъ ли они классификаціи или нѣсколько детальному анализу съ какой-нибудь опредѣленной точки зрѣнія? Мы вѣдь знаемъ, что, какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ мірѣ индивидуальныя отклоненія могутъ происходить и, дѣйствительно, происходятъ въ разныя стороны: въ сторону красоты и въ сторону безобразія, добра и зла, ума и глупости и т. д. Что бы мы ни разумѣли подъ добромъ и зломъ, красотой и безобразіемъ, но ясно, что мы не можемъ признать всѣ индивидуальныя варьяціи желательными только потому, что онѣ—индивидуальныя варіаціи. Онѣ подлежатъ раздѣлкѣ, критеріи для которой долженъ былъ найдеть гдѣ-нибудь внѣ ихъ. Далѣе, дѣйствительно ли современное общество представляетъ достаточный просторъ для индивидуальныхъ варьяцій? Мы часто слышимъ—и имѣемъ возможность фактически убѣдиться въ извѣстной долѣ правды въ этихъ рѣчахъ—о постепенномъ исчезновеніи оригинальныхъ умовъ, оригинальныхъ характеровъ, оригинальныхъ талантовъ. Нельзя, разумѣется, сравнивать въ этомъ отношеніи наше время съ отдаленной зарей исторіи человѣчества, въ которой при томъ же такъ много гипотетическаго и, вѣроятно, навсегда для насъ загадочнаго. Но, оставляя въ сторонѣ эту темную даль прошедшаго, надо, повидимому, признать, что есть въ исторіи цивилизаціи моментъ или моменты, когда оригинальные, самостоятельные голоса становятся все большею рѣдкостью и ихъ замѣняетъ многочисленный хоръ, болѣе или менѣе буквально другъ другъ повторяющій. И даже когда они хотятъ быть оригинальными, они только оригинальничаютъ. Въ какомъ отношеніи находится это явленіе къ прогрессирующему раздѣленію труда, которое какъ могущественно разрушило первобытное общее сознаніе? Или въ томъ, что, разрушивъ одно, единообщее сознаніе, одностороннѣ кольцо. Общепринятое выраженіе: раздѣленіе труда обращаетъ человѣка въ органъ общественнаго организма—не совсѣмъ точно. Тотъ самый гражданинъ, который Менений Агриппа [illegible] анальному [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

потому, что подобныхъ ему римскихъ гражданъ одной и той же категоріи насчитывалось не пять или десять, по числу пальцевъ на ногахъ, а гораздо больше. Онъ былъ одною изъ множества клѣточекъ пальца, и для всѣхъ этихъ клѣточекъ существовало общее сознаніе, созданное раздѣленіемъ труда и столь же властное, какъ и то первобытное, раздѣленіемъ же труда разрушенное. Дюркгеймъ не замѣчаетъ этого въ силу того же самаго недоразумѣнія, которое заставляетъ его думать, что механическая солидарность стушевывается по мѣрѣ развитія и укрѣпленія органической солидарности.

Мы видѣли, что она не стушевывается, а слѣдуетъ за органической солидарностью (или якобы солидарностью), какъ тѣнь за предметомъ, ее отбрасывающимъ. Пусть группы, обособившіяся путемъ раздѣленія въ обществѣ, связаны между собою органическою солидарностью, но внутри каждой изъ нихъ болѣе или менѣе властительно дѣйствуетъ солидарность механическая и соотвѣтственное ей общее сознаніе, противоборствующее индивидуальнымъ варьяціямъ. Казалось бы, что можетъ быть капризнѣе, именно въ смыслѣ индивидуальныхъ варьяцій, костюма свѣтской женщины. И, однако, приглядываясь къ дѣлу ближе, мы видимъ, что этимъ варьяціямъ кладется довольно-таки узкій предѣлъ общимъ сознаніемъ. Гдѣ-то въ Парижѣ дается пароль, моментально разносящійся по всему дамскому міру, представительницы котораго всѣ поголовно обязаны или считаютъ себя обязанными носить сегодня кринолинъ, а завтра узкую юбку и т. п. Ихъ личному вкусу поставлены очень опредѣленныя границы, за которыя онѣ переступать не смѣютъ. И каждый обособившійся слой въ современномъ обществѣ имѣетъ свой кодексъ обычаевъ и приличій, столь же обязательный, какъ и предписанія общаго сознанія для первобытнаго человѣка. Разница только въ томъ, что въ первобытномъ обществѣ этотъ кодексъ одинъ для всѣхъ, а нынѣ каждое общество имѣетъ ихъ нѣсколько, приблизительно по числу группъ или слоевъ, на которые оно раздѣленіемъ труда раздроблено, но обязательность кодекса и, слѣдовательно, ограниченность поля индивидуальныхъ варьяцій —остаются въ силѣ. Если же мы и видимъ исключенія изъ этого правила, то они обязаны своимъ происхожденіемъ не принципу раздѣленія труда, какъ его понимаетъ Дюркгеймъ, а, напротивъ, пробиваются вопреки ему.

Съ этимъ Дюркгеймъ, конечно, не согласится. Я, впрочемъ, не знаю, что онъ отвѣтилъ бы на нѣкоторыя изъ только что сдѣланныхъ замѣчаній объ индивидуальныхъ варьяціяхъ, объ ихъ значеніи, о самой постановкѣ этого вопроса въ его книгѣ. Что же касается старой истины о помраченіи индивидуальности, какъ самостоятельнаго цѣлаго, процессомъ раздѣленія труда, то мы полу-

тили бы его два возраженія. Во-первыхъ, онъ сказалъ бы, что сохраненіе индивидуальности, какъ самоговлѣющаго цѣлаго, вовсе и не желательно, что современная этика должна быть построена именно на обязанности человѣка выбрать себѣ одну спеціальную задачу и отдаться ей всецѣло, при чемъ индивидуальность, проигрывая въ широтѣ, выигрываетъ въ глубинѣ. Въ этомъ направленіи влечетъ насъ историческій процессъ, въ этомъ же направленіи долженъ стоять и нашъ идеалъ. Какъ на образчикъ, Дюркгеймъ указалъ бы на современнаго ученаго, который отказывается и долженъ отказаться отъ воздѣлыванія всего необозримаго поля науки, а сосредоточивается и долженъ сосредоточиться на одной узенькой его полосѣ, но за то изслѣдовать ее въ глубину. Во-вторыхъ, Дюркгеймъ сказалъ бы, что вообще въ невыгодныхъ послѣдствіяхъ раздѣленія труда повинно не само оно, а внѣшнія, посторонныя условія, придающія ему анномическую, то есть совершенно не регулированную, или принудительную, то есть чрезмѣрно и при томъ неправильно регулированную форму. Это возраженіе мы уже разсмотрѣли. Теперь замѣтимъ только, что уврачеванія ранъ, наносимыхъ раздѣленіемъ труда, благодаря внѣшнимъ, посторонимъ условіямъ, Дюркгеймъ естественно ожидаетъ отъ устраненія этихъ условій и безпрепятственнаго дальнѣйшаго раздѣленія труда. Главное зло анноміи и принудительности состоитъ въ томъ, что онѣ лишаютъ раздѣленіе труда его естественнаго, нормальнаго результата—солидарности. Участники общаго дѣла не сознаютъ себя таковыми, ибо, погруженные въ свое спеціальное занятіе, они и самаго этого общаго дѣла не видятъ. Но если раздѣленіе труда будетъ проведено еще дальше и послѣдовательнѣе, то всякое дѣло раздробится на столь мелкія операціи, которыя, при условіи одинаковаго къ нимъ для всѣхъ доступа, уже не въ состояніи будутъ заслонить собою цѣлое, а вмѣстѣ съ тѣмъ и переходъ отъ одной операціи къ другой, отъ одной профессіи къ другой—не будетъ представлять затрудненій. Возрастаніе этой гибкости и подвижности мы и теперь видимъ. Мы видимъ, какъ одно и то же лицо отъ самыхъ низменныхъ занятій переходитъ къ наиболѣе важнымъ... Еще чаще случаи, когда работникъ мѣняетъ свою профессію на другую, сосѣднюю. Когда научная дѣятельность не была спеціализована, ученый, обнимавшій почти всю науку, не могъ измѣнить свою функцію, потому что ему пришлось бы въ такомъ случаѣ отказаться отъ самой науки. Нынѣ же часто случается, что онъ послѣдовательно посвящаетъ себя разнымъ наукамъ, переходя отъ химіи къ ботаникѣ, отъ физіологіи къ психологіи, отъ психологіи къ соціологіи. Эта способность послѣдовательно принимать различныя формы вмѣстѣ не даетъ такъ себя знать, какъ въ сферѣ экономиче-

ской. Въ виду чрезвычайной измѣнчивости вкусовъ и потребностей, которымъ отвѣчаютъ экономическія функціи, торговля и промышленность должны постоянно находиться въ состояніи неустойчиваго равновѣсія, дабы прилаживаться ко всѣмъ измѣненіямъ спроса. Когда-то неподвижность была почти естественнымъ состояніемъ капитала, и самый законъ препятствовалъ его движенію; теперь же едва можно услѣдить за всѣми его преобразованіями,— до такой степени велика быстрота, съ которою онъ переносится изъ одного предпріятія въ другое. И рабочіе должны быть наготовѣ, чтобы слѣдовать за нимъ и служить ему въ его преобразованіяхъ» (368).

Думаю, что многіе изъ читателей будутъ повергнуты этой тирадой въ недоумѣніе. Безъ сомнѣнія, капиталъ нынѣ съ чрезвычайной легкостью переносится отъ банкирскихъ операцій къ разработкѣ нефтяныхъ копей, оттуда въ какую-нибудь отрасль обрабатывающей промышленности и т. д. Но это потому, что онъ есть нѣчто безплодное. Трудности приспособленія къ новому дѣлу собственно для капитала не существуетъ. Рекомендовать же людямъ, живымъ, облеченнымъ плотью и кровью единицамъ, не ко всему легко привыкающимъ и не отъ всего легко отвыкающимъ, быть постоянно «наготовѣ» — гораздо легче чѣмъ, дѣйствительно, переходить отъ одной профессіи къ другой. Далѣе, что значитъ это разрѣшеніе ученому мѣнять одну отрасль знанія на другую, когда мы только что слышали, что ученый долженъ отмежевать себѣ узенькую полосу, отнюдь не сбиваясь съ нея, но за то эксплуатировать ее въ глубину? Разница между тѣмъ, что воспрещается этимъ предписаніемъ, и тѣмъ, что рекомендуется новымъ приглашеніемъ, состоитъ только въ томъ, что въ первомъ случаѣ рѣчь идетъ о *единовременной* эксплуатаціи различныхъ областей знанія, а во второмъ — *о послѣдовательной*. Будто эта разница столь уже велика, чтобы можно было противопоставлять соотвѣтственные два типа людей науки, какъ взаимно исключающіеся? Разница эта станетъ еще меньше, если мы приглядимся къ обстоятельствамъ, дѣлающимъ для современнаго ученаго возможнымъ переходъ отъ занятій одною отраслью знанія къ другой. Дѣло вѣдь идетъ не о птичьемъ перелетѣ съ дерева на дерево, не о внезапныхъ скачкахъ изъ одной области въ другую, не имѣющую съ первою ничего общаго. И такіе скачки, конечно, возможны, и даже очень удачные, но сами по себѣ они не гарантируютъ «глубины» изслѣдованія. Современный физикъ можетъ переходить къ физіологіи, а оттуда къ психологіи гораздо менѣе рискованнымъ путемъ, ибо широкими обобщеніями умовъ, *единовременно* обнимавшихъ разныя отрасли знанія, попиравшихъ законъ раздѣленія труда, нынѣ уже стерты спеціальныя

границы между различными отдѣлами физики, между ими и физіологіей, между физіологіей и психологіей, равно какъ между различными отдѣлами биологіи и проч. Такимъ образомъ не только расчищенъ путь для послѣдовательнаго перехода отъ одной науки къ другой, но становится все болѣе и болѣе немыслимымъ заниматься, напримѣръ, психологіей, не зная физіологіи, или изучать физическіе законы свѣта, не зная физіологическаго устройства органа зрѣнія. Я не говорю, что только этимъ путемъ уничтоженія межей между различными областями знанія совершается прогрессъ науки, но только благодаря ему, а не новымъ дробленіямъ науки на спеціальности, возможенъ тотъ переходъ отъ одной спеціальности къ другой, который составляетъ конечный идеалъ Дюркгейма. Говорю «конечный», потому что въ началѣ передъ нами ставили иной и даже прямо противоположный идеалъ.

Солидарность, связывающая различныя отрасли современной науки и тѣхъ ея представителей, которые приближаются къ намѣченному идеалу, не есть солидарность органическая, основанная на принципѣ раздѣленія труда, такъ какъ принципъ этотъ здѣсь поколебленъ въ самомъ своемъ основаніи. Ее можно бы было назвать солидарностью механическою, основанною на принципѣ простого сотрудничества, такъ какъ здѣсь выступаютъ на первый планъ не различія, а сходства. Но для этого представляется слѣдующее неудобство. Взятая въ цѣломъ и по отношенію къ другимъ общественнымъ группамъ, группа людей науки представляетъ собою спеціальный общественный органъ, и пока онъ такимъ остается, онъ связанъ съ другими общественными органами органическою солидарностью, основанною на раздѣленіи труда. А за общественнымъ раздѣленіемъ труда — мы уже знаемъ — слѣдуетъ, какъ тѣнь, простое сотрудничество, объединяющее членовъ группы механическою солидарностью. Если, напримѣръ, людямъ науки приходится отстаивать право свободнаго изслѣдованія, то всѣ они по отношенію къ этой общей цѣли оказываются въ одинаковомъ положеніи, и мы имѣемъ тутъ дѣло съ механическою солидарностью.

Читатель понимаетъ, что все, только что сказанное, имѣетъ значеніе не для міра лишь науки. Вообще идеалъ, поставленный Дюркгеймомъ въ началѣ книги, совершенно преобразуется къ концу ея. Тамъ мы слышали требованіе, чтобы человѣкъ избралъ себѣ какую-нибудь опредѣленную задачу, которой отдался бы весь, отнюдь не распространяясь вширь, не захватывая чужихъ спеціальностей. Теперь же намъ предлагаютъ, напротивъ, не стѣсняться чужими владѣніями, а считать ихъ общимъ достояніемъ, всѣмъ одинаково доступнымъ, лишь подъ условіемъ не одновременности, а послѣдовательности. Нельзя и не слѣдуетъ быть въ одно и то же время на

примѣръ, человѣкомъ науки, предпринимателемъ промышленнаго дѣла и рабочимъ единовременно, но желательно такое устройство общества, при которомъ каждому было бы возможно послѣдовательно испытать всѣ эти положенія. Передъ нами стояла дилемма: «быть ли законченнымъ и полнымъ существомъ, самодовлѣющимъ цѣлымъ, или же, напротивъ, частью цѣлаго, органомъ организма?» Въ самой формулировкѣ этой дилеммы сквозило готовое рѣшеніе въ пользу второго ея члена, и къ этому клонилась вся аргументація автора. Но въ концѣ-концовъ мы получаемъ нѣкоторое третье рѣшеніе. Получаемъ именно любопытное видоизмѣненіе органической теоріи: общество остается организмомъ, все болѣе и болѣе усложняющимся путемъ прогрессирующаго раздѣленія труда, но индивидуальные члены общества, эти клѣточки общественнаго организма, свободно перемѣщаются изъ одного органа въ другой: сегодняшняя костная или печеночная клѣточка становится завтра мозговою и т. п. Такимъ образомъ, спасенъ и принципъ общественнаго раздѣленія труда, обязывающій насъ быть не «самодовлѣющимъ цѣлымъ», а частью цѣлаго, но спасенъ и идеалъ цѣлостности, потому что клѣточка, способная къ подобному, хотя бы и послѣдовательному, исполненію разнообразнѣйшихъ функцій, заключаетъ въ себѣ задатки такого энциклопедизма, который рѣшительно непримиримъ съ раздѣленіемъ труда. Выходитъ, что и овцы цѣлы, и волки сыты.

Но такъ не бываетъ. И единственный выходъ изъ противорѣчій и недоразумѣній, въ которыя впадаетъ Дюркгеймъ, представляется мнѣ въ теоріи борьбы за индивидуальность. Теорія эта предполагаетъ наличность нѣсколькихъ теченій, комбинирующихся и перекрещивающихся между собою на самые разнообразные лады. Насъ теперь занимаютъ только два главныя и наиболѣе общія изъ нихъ. Всякое общество есть своего рода индивидуальность, стремящаяся все къ большему усложненію путемъ *общественнаго* раздѣленія труда (это показалъ и Дюркгеймъ въ главѣ о причинахъ раздѣленія труда). Человѣкъ, отдѣльно взятый, есть также индивидуальность, только другого порядка, тоже стремящаяся къ усложненію, но путемъ *физіологическаго* раздѣленія труда. Эти два процесса по существу противоположны и, между прочимъ, первому соотвѣтствуютъ различія между людьми, а второму сходства. Но, будучи по существу прямо противоположными, по обстоятельствамъ эти два процесса могутъ вступать въ разнообразныя комбинаціи.

Боюсь утомить читателей столь отвлеченной и сухой матеріей, къ которой, признаюсь, меня влечетъ личное желаніе сдѣлать кое-какія поясненія и поправки къ тому, что мною было изложено почти ровно тридцать лѣтъ тому назадъ. Буду краткъ и перейду

дяме въ одной изъ фактическихъ иллюстрацій, которыми пользуется Дюркгеймъ.

Въ первой же главѣ своей книги онъ говоритъ о различіи труда между мужчинами и женщинами. Онъ приводитъ общеизвѣстные факты, свидѣтельствующіе о томъ, что у первобытныхъ народовъ слабое вообще раздѣленіе труда слабо и между двумя полами. Они значительно сходны между собою и по занятіямъ, и образу жизни, и по духовному складу, и даже по физическимъ признакамъ, кромѣ, разумѣется, половыхъ. Но съ теченіемъ времени самый ростъ общежитія устанавливаетъ между ними все прогрессирующее раздѣленіе труда, вмѣстѣ съ чѣмъ мужчина и женщина все болѣе рѣзко отличаются другъ отъ друга во всѣхъ отношеніяхъ. «Давно уже говоритъ Дюркгеймъ — женщина отдалилась отъ войны и общественныхъ дѣлъ, и вся ея жизнь сосредоточилась у семейнаго очага. Съ тѣхъ поръ ея роль все болѣе специализировалась. Нынѣ, у цивилизованныхъ народовъ, женщина ведетъ жизнь, совершенно отличную отъ жизни мужчины. Можно сказать, что двѣ великія функціи психической жизни какъ бы разобщились, что одинъ полъ присвоилъ себѣ аффективныя функціи, а другой — интеллектуальныя. Вслѣдствіе, какъ въ нѣкоторыхъ классахъ женщины занимаются, подобно мужчинамъ, литературой и искусствами, можно бы было правда, подумать, что занятія обоихъ половъ стремятся стать опять однородными. Но даже въ эту сферу дѣятельности женщина вноситъ свою особенную природу, и ея роль остается очень спеціальною, очень отличною отъ роли мужчины. При томъ же, если бельетристика и искусства становятся женскимъ достояніемъ, то мужчины, повидимому, покидаютъ эти сферы, чтобы спеціальнѣе заняться наукой. Легко можетъ быть поэтому, что есть кажущійся поворотъ къ первобытной однородности есть лишь начало новой дифференціаціи. Эти функціональныя различія сопровождаются и различіями морфологическими. Не только ростъ, вѣсъ, форма тѣла очень различны у мужчинъ и женщинъ, но Дрэ Лебонъ показалъ, что съ прогрессомъ цивилизаціи становится чувствительнѣе и разница мозга обоихъ половъ. По словамъ того наблюдателя, фактъ этотъ выражается одновременно болѣе значительнымъ развитіемъ мужскихъ череповъ и неподвижнымъ состояніемъ или даже регрессомъ женскихъ череповъ. Въ то время, говоритъ онъ, какъ черепа мужчинъ-парижанъ въ среднемъ принадлежатъ къ числу самыхъ объемистыхъ, средній черепъ парижанокъ значительно меньше, чѣмъ у китаянокъ и даже превосходитъ черепъ женщинъ Новой Каледоніи» (61—62).

Таковы факты. Сообразно своей теоріи, Дюркгеймъ сопровождаетъ ихъ соображеніями о томъ, что вмѣстѣ съ раздѣленіемъ

труда первобытная механическая солидарность, основанная на сходствахъ между мужчинами и женщинами, замѣняется гораздо болѣе прочною солидарностью органическою, которая выражается все большею устойчивостью семейныхъ и брачныхъ узъ. Именно потому, что оба пола все болѣе расходятся между собою, они становятся другъ другу необходимы, дополняя другъ друга.

Можно, однако, сомнѣваться, чтобы именно въ Парижѣ, гдѣ разница мужскихъ и женскихъ череповъ столь велика, семейныя и брачныя узы отличались особенною прочностью. А что касается солидарности половъ вообще, то дикія сцены при недавнемъ пожарѣ благотворительнаго базара даже слишкомъ жестоко разрушаютъ эту иллюзію. И конечно, мужчины давили, душили, били палками и каблуками женщинъ именно потому, что эти благородные поступки были для нихъ облегчены разницею между полами. Такъ что отсюда никоимъ образомъ нельзя сдѣлать выводовъ, благопріятныхъ для раздѣленія труда между полами, то есть одной изъ формъ общественнаго раздѣленія труда. Да и самое изложеніе фактовъ, въ общемъ вѣрныхъ и несомнѣнныхъ, постепеннаго прогресса раздѣленія труда, можно и даже должно освѣтить не такъ, какъ у Дюркгейма. Возьмемъ то же парижское свѣтское общество, въ которомъ столь велика разница между черепами мужчины и женщины и въ которомъ произошла катастрофа на благотворительномъ базарѣ. Это общество, усложняясь путемъ раздѣленія труда вообще, въ частности установило рѣзкія различія между двумя полами. Это естественная тенденція всякаго общества, но при этомъ физіологическое раздѣленіе труда въ организмахъ мужчинъ и женщинъ потерпѣло ущербъ: когда-то, говоря языкомъ Дюркгейма, аффективныя и интеллектуальныя функціи психической жизни были приблизительно равномѣрно удѣлены обоимъ поламъ, а затѣмъ постепенно заглохли аффективныя у мужчинъ, интеллектуальныя у женщинъ: оба пола физіологически обѣднѣли, упростились, и именно потому, что общество усложнилось, разбогатѣло разнообразіемъ. Индивидуальность парижскаго свѣтскаго общества, индивидуальность общественная, побѣдила индивидуальность личную. Но парижанки могли бы и побороться за свою индивидуальность, какъ борятся за нее женщины въ другихъ обществахъ. Онѣ могли бы отстаивать свое право на всю полноту жизни, а не только аффективной ея стороны. Женщина всегда останется женщиной, равно какъ мужчина мужчиной, это раздѣленіе труда самой природой устроено и составляетъ предѣлъ, его же не преидеши. Но требовать извѣстной полноты жизни, то есть работы всѣмъ своимъ органамъ, не давать обществу заглушать тѣ или другія функціи, — не значитъ стремиться перестать быть женщиной, хотя и значитъ стремиться сгладить разницу

между мужчинами и женщинами. И если бы парижанки умѣли или могли удержаться на этой позиціи, то не онѣ были бы побѣждены въ борьбѣ за индивидуальность, а парижское свѣтское общество, которое утратило бы свой теперешній специфическій складъ.

Такъ и во всемъ. Въ майской книжкѣ «Русскаго Богатства» 1897 г. читатель найдетъ статью г. Тимковскаго о народныхъ театрахъ въ связи съ народнымъ образованіемъ вообще. Попробуйте приложить къ этому вопросу принципы общественнаго и физіологическаго раздѣленія труда. Адамъ Смитъ, имѣя въ виду пагубное вліяніе общественнаго раздѣленія труда, рекомендовалъ компенсировать его народнымъ образованіемъ. «Но тутъ — говоритъ Марксъ — съ нимъ весьма послѣдовательно полемизируетъ его французскій переводчикъ и комментаторъ, Гарнье, сенаторъ первой французской имперіи. Онъ объявляетъ, что народное образованіе несовмѣстно съ основнымъ закономъ раздѣленія труда и что вести его значитъ «уничтожить всю нашу общественную систему». Какъ всѣ другіе виды раздѣленія труда, говоритъ онъ, раздѣленіе между трудомъ физическимъ и умственнымъ становится рѣзче и опредѣленнѣе по мѣрѣ обнищенія общества». («Das Kapital, I. 348»). «Общественная система», апологетомъ которой былъ Гарнье, дѣйствительно, требовала невѣжественной массы народа въ силу общественнаго раздѣленія труда. Но физіологическое раздѣленіе труда требуетъ, напротивъ, чтобы интеллектуальныя функціи не были упразднены.

Шансы обѣихъ сторонъ въ борьбѣ за индивидуальность могутъ быть очень разнообразны, и не всегда легко предсказать ея исходъ въ каждомъ данномъ случаѣ.

V [illegible]).

Г. Сементковскій о Лѣсковѣ.—„Мужики“ г. Чехова.

Авторъ предисловія къ новому, 12-томному изданію сочиненій Лѣскова, г. Сементковскій, относитъ его «къ числу первоклассныхъ нашихъ писателей и ставитъ въ одинъ рядъ съ «Гончаровымъ, Тургеневымъ, Островскимъ, Достоевскимъ, Писемскимъ, Салтыковымъ, Л. Толстымъ», «какъ талантъ не во всемъ имъ равный, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ имъ не уступающій и превосходящій ихъ въ другихъ». Затѣмъ г. Сементковскій цитируетъ г. Венгерова: «Подходя нѣкоторыми сторонами своего таланта къ Островскому, Писемскому и Достоевскому, Лѣсковъ ни одному изъ этихъ великихъ мастеровъ русскаго слова не уступаетъ по чисто художественнымъ силамъ... Ни у одного русскаго писателя нѣтъ такого неисчерпаемаго богатства фабулы... Въ тѣсной связи съ богатствомъ фабулы находится сконцентрированность беллетристической манеры Лѣскова... Наконецъ, немного знаетъ Лѣсковъ соперниковъ по колоритности и оригинальности своего языка».

Я думаю, что весьма и весьма многіе искренніе друзья русской литературы не только не согласятся съ этою оцѣнкою, но будутъ даже нѣсколько скандализованы сопоставленіемъ Лѣскова съ нашими дѣйствительно первоклассными писателями. Я думаю, что и гг. Сементковскій и Венгеровъ не станутъ отрицать того, что ихъ оцѣнка не встрѣтитъ сколько-нибудь единодушнаго признанія. И у нихъ найдется даже объясненіе этому прискорбному съ ихъ точки зрѣнія, но несомнѣнному факту. Дѣло въ нашей литературной критикѣ. Г. Венгеровъ, какъ видно изъ дальнѣйшей цитаты г. Сементковскаго (самая статья г. Венгерова мнѣ неизвѣстна), утверждаетъ, что «критика мало занималась» Лѣсковымъ. Г. Сементковскій съ этимъ не согласенъ. Онъ думаетъ, что въ количе-

*) Іюнь 1897 г.

ственномъ отношеніи. Лѣсковъ не могъ бы жаловаться на критику, но «русская литературная критика» до сихъ поръ не задавалась цѣлью *понять* нашего автора, къ нему прикладывая лишь мѣрку собственныхъ воззрѣній и симпатій съ или другой критики, и такъ какъ Лѣсковъ подъ эту мѣрку не подходилъ, то оцѣнка его не могла быть ни справедливою, ни убѣдительною. Надъ Лѣсковымъ до сихъ поръ произносила судъ не русская литературная критика, а то или другая партія. І. Сементковскій хочетъ положить конецъ этой несправедливости. «Попытаемся — говоритъ онъ — установить умственный обликъ Лѣскова, руководствуясь не голосомъ представителей разныхъ партій, а анализомъ его произведеній».

Прекрасное намѣреніе. Но вѣдь и вообще въ критикѣ слѣдуетъ руководствоваться анализомъ произведеній критикуемаго автора, а не чьимъ бы то ни было чужимъ голосомъ, хотя, можетъ быть, и невыгодно совершенно пренебрегать чужими голосами. Во всякомъ случаѣ, предполагая писать о Лѣсковѣ, я хочу отдавать доброму примѣру г. Сементковскаго или, по крайней мѣрѣ, его доброму намѣренію и даже пойду дальше его въ этомъ направленіи. Онъ все-таки входитъ въ разсужденія объ отношеніи разныхъ партій къ Лѣскову, объ его отношеніи къ нимъ, о нѣкоторыхъ связанныхъ съ этими отношеніями острыхъ и щекотливыхъ моментахъ въ жизни и литературной дѣятельности Лѣскова. Я постараюсь обойти эти пункты совсѣмъ, насколько это возможно при оцѣнкѣ такого рѣзко тенденціознаго писателя, постараюсь видѣть въ немъ исключительно только художника. Не буду я и г. Сементковскимъ препираться и замѣчу по его адресу только одно: гр. Л. Толстой, Достоевскій, Тургеневъ, съ которыми г. Сементковскій осмѣливается сопоставительно сравнивать и измѣрять не оправдываемая смѣлость ставить Лѣскова рядомъ, не рискуя и не два потерпѣть самой рѣзкой партійной критикѣ, не ни чтобы большая публика, ни самая эта критика никогда не сомнѣвалась въ первоклассныхъ дарованіяхъ этихъ звѣздъ русской литературы. Одно дѣло — соглашаться или не соглашаться съ политическимъ или инымъ образомъ мыслей писателя, а другое дѣло — сознавать его талантливость, его художественныя дарованія. Конечно, и эта оцѣнка можетъ быть не только невѣрна, но даже и пристрастна, но дѣйствительно сильный талантъ въ жизнь свой не можетъ не оказаться общепризнаннымъ, если онъ имѣлъ достаточно времени развернуться во всемъ своемъ объемѣ. А у таланта Лѣскова имѣлось для этого достаточно времени, съ 60-хъ годовъ вплоть въ литературѣ прошелъ онъ лѣтъ (1860 — 1895). Что же касается до разнаго рода самолюбія г. Сементковскаго, то, постоянно

привести одну его фразу: «гр. Л. Толстой, *слѣдуя примѣру Лѣскова*, начерталъ на своемъ знамени лозунгъ любви къ ближнему» (Предисловіе, XLIV).

Лѣсковъ любилъ причудливыя сочетанія словъ въ родѣ «совѣстный Данило», несмертельный Голованъ», «безнатурный человѣкъ» и т. п. Въ подражаніе этимъ грамматическимъ вольностямъ, самого Лѣскова можно назвать «безмѣрнымъ писателемъ», въ смыслѣ писателя, лишеннаго чувства мѣры. Я знаю, что для художника это очень нелестная характеристика, но думаю, что «безмѣрность» составляетъ наиболѣе выдающуюся черту Лѣскова.

Взять хоть бы эту «колоритность и оригинальность языка», которая сказалась, между прочимъ, и въ разныхъ несмертельныхъ Голованахъ», «безнатурныхъ человѣкахъ» и проч. Безъ сомнѣнія, языкъ Лѣскова былъ и колоритенъ, и оригиналенъ, но и то, и другое качество были испорчены отсутствіемъ чувства мѣры. Въ романѣ «На ножахъ», одно изъ дѣйствующихъ лицъ ведетъ такую рѣчь: Гляньте-ко, вонъ гляньте: видите небось: всѣ капралы поскидали кафтаны, а вотъ Божія сосеночка промежду всѣхъ другой законъ бережетъ: стоитъ вся въ листвѣ, какъ егарь въ мундирчикѣ, да командуетъ: кому когда просыпаться и изъ теплыхъ вѣтровъ одежду брать. Надо, надо, людцы, главаря слушаться» (IX, 405). Это разговариваетъ переодѣтый сыщикъ, и авторъ отъ себя замѣчаетъ: «Ермолаичъ все старался шутить въ рпому и вообще велъ рѣчь, отзывавшуюся выдѣланною искусственностью простонароднаго говора». Самъ Лѣсковъ очень часто писалъ именно этимъ искусственно выдѣланнымъ, утрированнымъ простонароднымъ говоромъ. Такъ сплошь написана, напримѣръ, сказка «Часъ воли Божіей» (XI, 1—31), въ которой въ непомѣрномъ количествѣ разсыпаны якобы простонародные обороты рѣчи и разныя уменьшительныя въ родѣ «мыленка», «зипунишечка», «пяточки», «плетушечки», «народушко», «зоречка» и проч. Этакъ же говорятъ и многія отдѣльныя личности въ разныхъ другихъ произведеніяхъ Лѣскова. Вообще, онъ точно избѣгалъ обыкновенной живой русской рѣчи и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ подмѣнялъ ее или утрированно простонародною, или смѣсью обыкновеннаго разговорнаго языка съ церковно-славянскимъ, какъ въ обширномъ дневникѣ отца Туберозова («Соборяне»), въ «Запечатлѣнномъ Ангелѣ», отчасти въ «Очарованномъ странникѣ», гдѣ, впрочемъ, господствуетъ уже полное смѣшеніе языковъ. Можно, конечно, сказать, что священнику такъ и подобаетъ писать дневникъ, какъ пишетъ Туберозовъ, а старовѣру такъ разсказывать, какъ ведется разсказъ въ «Запечатлѣнномъ Ангелѣ». Но если даже

[illegible] не съ явно утрированной подѣлкою, но [illegible] заглавій—почему Лѣскову такъ часто приходилось къ языку, во всякомъ случаѣ для него чужому и, слѣдовательно, искусственному, почему не самъ онъ разсказываетъ всѣмъ извѣстныя исторіи «Запечатлѣннаго Ангела», «Очарованнаго странника» и проч., а вкладываетъ ихъ въ уста людей, говорящихъ чужимъ для него языкомъ.

Съ другой стороны, онъ выработалъ совсѣмъ особенныя, ни на что не похожія языкъ или, вѣрнѣе, особенное украшеніе языка, которымъ тоже злоупотреблялъ сверхъ всякой мѣры. Въ разсказѣ «Левша» находимъ графа «Киссльвроде» (Нессельроде), дасковые (международные) разговоры, «двухсѣтную» (двухмѣстную) карету, «Александра Полвесерскаго», «барометры» (барометры), «непромокаемы», «безразмѣнокъ» (шпредкурсъ), «Канделябрію» (Калабрію), нимфозорію, «четыре правилы сложенія», «мельчайшіе», «вѣрныхъ», «свистовыхъ» (вѣстовыхъ) казаковъ, «плезирную» (клистирную) трубку и проч. И всѣ эти выкрученныя, хотя подчасъ дѣйствительно смѣшныя словечки повторяются множество разъ, такъ что наконецъ просто надоѣдаютъ. А еще авторъ, кромѣ того, вставляетъ ихъ въ намѣренно неправильныя фразы, чтобы смѣшнѣе выходило. Напримѣръ, изъ спертаго и свѣжаго воздуха онъ составляетъ такую фразу: «У мастеровъ въ ихъ тѣсной хоромкѣ отъ безобразной работы въ воздухѣ такая *потная спараза* сдѣлалась, что непривычному человѣку съ *свѣжаго повѣтрія* и одного раза нельзя было продохнуть». Или еще примѣръ: «Тѣ лица, которымъ курьеръ *нимфозорію* сдалъ, сію же минуту ее разсмотрѣли въ самый сильный *кельскопъ* и сейчасъ въ *публицкія вѣдомости* описаніе, чтобы завтра же на всеобщее извѣстіе *всенародно* вышелъ». Или: «Перетъ кажнымъ на вяту вѣшать *зубная прикосновенія*, а подъ рукой *спарибольная* тонечка: все, что который мастеръ дѣлаетъ, въ ролѣнцу смотритъ и съ пониманіемъ сверяетъ, а потомъ на тонечкѣ одно пишетъ, другое сверяетъ и въ акуратъ вводитъ» (II, 259, 268, 273).

«Лѣвша» есть «*Сказъ* о тульскомъ косомъ Лѣвшѣ и о стальной блохѣ». Кто же его «сказываетъ»? Прямо намъ этого не сообщаетъ, но изъ предыдущей главы, написанной уже извѣстнымъ русскимъ языкомъ, видно, что герой «сказа» есть «вымышленный народною фантазіей образъ», что въ тѣ времена, когда дѣйствовалъ Лѣвша, существовала «артистическая удаль», которая иногда превосходила мѣру, вызывая народную фантазію на [illegible] подобныхъ [illegible] (то есть «Сказы») [illegible] [illegible] о [illegible] [illegible] [illegible]

этимъ «колоритнымъ и сильнымъ» языкомъ «публицистскихъ вѣдомостей», «клеветоновъ» и проч. Это взборъ, конечно, и взборъ этотъ находится въ прямой зависимости отъ «безмѣрности» Лѣскова вообще. Немного нужно наблюдательности, чтобы знать, что простой народъ часто перевираетъ иностранныя слова, но вѣдь онъ ихъ и знаетъ-то, пожалуй, меньше, чѣмъ разсыпано въ «сказѣ» о тульскомъ Лѣвшѣ. Лѣсковъ несомнѣнно отъ себя сочиняетъ «непромокабли» и «клеветоны», а затѣмъ уже сверхъ всякой мѣры и чисто русскія слова калѣчитъ: «свѣжее повѣтріе», «свистовые казаки». Допустимъ однако, что Лѣскову попался такой экземпляръ тульскаго рабочаго, которому незнакомы вѣстовые казаки и свѣжій вѣтеръ, но за то знакомы мелкоскопы, Аболоны полведерскіе, клеветоны и проч., и авторъ пожелалъ увѣковѣчить манеру выражаться этого экземпляра. Но этимъ же языкомъ говорятъ у Лѣскова и люди, не имѣющіе, повидимому, ничего общаго съ тульскимъ рабочимъ. «Мелкоскопъ» фигурируетъ, напримѣръ, въ «Запечатлѣнномъ Ангелѣ», гдѣ онъ вложенъ въ уста начетчика старовѣра. «Долбица умноженія» и «четыре правила сложенія», о которыхъ говорится въ сказѣ о тульскомъ Лѣвшѣ, знакомы и какой-то приживалкѣ въ «Полунощникахъ», разсказывающей о себѣ, между прочимъ, такъ: «Меня опредѣлили учиться: но у меня объявилась престранная способность: ко всѣмъ рѣшительно понятіямъ развитіе очень большое, а къ наукамъ совсѣмъ никакой памяти не было. Ко всему память и соображенія хорошія, а къ ученію нѣтъ,—*долбицу умноженія* сколько ни долбила, а какъ, бывало, зададутъ на *четыре правила сложенія*—плюснуть или минусить, или въ умѣ составить, напримѣръ, *пять изъ семи—сколько въ отставкѣ?*—то я и никакихъ пустяковъ не могу отвѣчать» (XI, 50). Эту приживалку Лѣсковъ заставляетъ говорить и о «купонахъ» (купонахъ), о «подземельномъ банкѣ», о «монументальной фотографіи», о «выдающемся животѣ а-ла-пузе», «инцузоріяхъ», «фиміазмахъ», «блеярныхъ шарахъ», «популярныхъ совѣтникахъ», «полицейскихъ аргенгахъ» и проч., и проч., и проч. О Лѣвшѣ разсказывается, что у него въ морѣ «отъ колтыханія морская свинка сдѣлается» (II, 275). Въ разсказѣ Шерамуръ тоже «отъ колтыханія морская свинка дѣлается» (II, 472). Но на этотъ разъ эти слова говоритъ не тульскій рабочій, а бывшій студентъ петербургскаго технологическаго института. Странный это студентъ. Не говоря о его чрезвычайной глупости, онъ даже слово «пеклеванникъ» не можетъ выговорить какъ слѣдуетъ, а говоритъ: «поплеванникъ»; добровольцевъ онъ называетъ «доброхоцами», а Молдавію и Валахію «Волгавіей» и «Молдахіей», и я не знаю, почему бы ему

не называть фельетонъ клеветономъ и Аполлона Бельведерскаго Аболономъ полведерскимъ.

Я могъ бы привести еще много образчиковъ того странного языка, которымъ у Лѣскова говорятъ русскіе люди самыхъ разнообразныхъ положеній, но, думаю, и приведенныхъ достаточно, чтобы признать этотъ языкъ языкомъ самого Лѣскова. Замѣчу еще только, что неумѣренная склонность къ вычурнымъ словеснымъ эффектамъ проявлялась у него и разными другими способами. Въ рядѣ анекдотовъ, озаглавленныхъ «Смѣхъ и горе», нѣкій Дургальскій такъ шепелявитъ, что у него выходитъ «голоть» вмѣсто «гороть» и «блошка» вмѣсто «брошка» (V, 173, 174). Въ «Соборянахъ» въ числѣ дѣйствующихъ лицъ есть учитель Варнава Препотенскій. Это одно изъ тѣхъ созданій Лѣскова, которыхъ онъ безъ всякой мѣры заставляетъ проѣдывать всякія мерзости и глупости, за что самъ же и наказываетъ ихъ осмѣяніями, заушеніями, оплеваніями. Варнава Препотенскій уже довольно долго фигурируетъ въ повѣсти, какъ вдругъ въ немъ обнаруживается еще одна комическая черта: оказывается, что онъ имѣетъ слабость въ затруднительныя минуты заговариваться и ставить одно слово вмѣсто другого. Поэтому у него выходятъ люди воспитанскаго семинарія», «Лимона Ивановна дайте мнѣ матренчика», «боотова голоть», «знако лицомое», а тѣ вась помнилъ — не увижу», «выступилъ на любимую мозоль» (I, 221, 227, 230). Два послѣднія изреченія, вѣроятно многимъ и помимо Лѣскова извѣстныя, какъ образчики комическихъ обмолвокъ, показываютъ, что онъ не только самъ сочинялъ разныя смѣшныя сочетанія словъ, но не брезгалъ и чужими. И дѣйствительно, онъ по этой части не только мастеръ, а и любитель. Въ «Печерскихъ антикахъ» Лѣсковъ вспоминаетъ, между прочимъ, о первой кіевской газетѣ «Телеграфъ» и ея редакторѣ Юнгѣ. Газета эта, разсказываетъ Лѣсковъ, славилась своими опечатками и поправками къ опечаткамъ. Въ такомъ родѣ: «Вчера у насъ напечатано: Кіевляне преимущественно всѣ *опасаютъ*, читай *опасаются*». Въ другой разъ авторъ хотѣлъ говорить «лизоблюдахъ», а вышло: «неудивительно, что при такомъ воспитаніи выходятъ *лизобудо*», поправка же гласила: «по ошибкѣ въ печатаніи «не» подумы — должно читать *и рублять*» (X, 371).

На вкусъ и цвѣтъ — дѣло обычное. Охотникъ до эффектовъ, Лѣсковъ и анекдоты соотвѣтственные находитъ. Если одинокій читатель загнетъ въ указанную страницу «Печерскихъ антиковъ», то увидитъ, что зловѣрнтъ разсказъ Лѣскова объ опечаткахъ «Телеграфа» есть изъ до крайней мѣрѣ, чрезвычайно трудно: онъ разсказываетъ на примѣръ, какъ какихъ бы то ни фактическихъ [illegible]

людямъ, при чемъ иные или прямо сочиняютъ, или, по крайней мѣрѣ, присочиняютъ. Во всякомъ случаѣ всѣ эти «анаисты—оптимисты», «недоблуды—переблуды» очень родственны творческому духу самого Лѣскова.

При чтеніи вышеприведеннаго, читатель навѣрное хоть разъ улыбнулся, а можетъ быть и расхохотался. И отчего же не посмѣяться, отчего и людей не посмѣшить. Но та чрезмѣрность, съ которою Лѣсковъ направо и налѣво разсыпаетъ свои искусственныя словечки, уже сама по себѣ должна бы конфузить людей, желающихъ причислить его къ лику первоклассныхъ писателей. Какъ и всякая чрезмѣрность, она не свидѣтельствуетъ о значительности художественныхъ силъ и наноситъ явный ущербъ художественной правдѣ. А между тѣмъ это далеко не единственное выраженіе «безмѣрности» Лѣскова.

Мы видѣли, что въ разсказѣ о тульскомъ Лѣвшѣ сказалась «артистическая удаль, которая иногда превосходила мѣру, вдохновляя народную фантазію къ сочиненію подобныхъ баснословныхъ легендъ». Разсказъ о Лѣвшѣ, дѣйствительно, вполнѣ баснословенъ, но такъ какъ онъ и предлагается намъ въ качествѣ сказки, легенды, то «артистической удали» въ немъ естественно предоставляется гораздо большій просторъ, чѣмъ въ другихъ формахъ литературнаго отраженія жизни. Въ разсказѣ дѣйствуютъ историческія лица—императоры Александръ I и Николай I, генералъ Платовъ, Нессельроде («Кисельвроде»), но они введены въ столь явственное баснословіе, что никому, конечно, и въ голову не придетъ искать тутъ правды исторической. Совсѣмъ другой характеръ имѣли разсказы Кесаря Степановича Берлинскаго, о которомъ Лѣсковъ вспоминаетъ въ «Печерскихъ антикахъ». «Берлинскій былъ самый большой фантазеръ, какого мнѣ удавалось видѣть,—говоритъ Лѣсковъ,—но фантазировалъ онъ не безъ разсчета, иногда очень наивнаго и почти всегда безвреднаго для другихъ. Соображалъ онъ быстро и сочинялъ такія пестрыя фабулы, что если бы онъ хотѣлъ заняться сочинительствомъ литературнымъ, то изъ него, конечно, вышелъ бы любопытный сочинитель. Вдобавокъ къ этому, все, что Кесарь разъ о себѣ сочинилъ, это становилось для самого его истиною, въ которую онъ глубоко и убѣжденно вѣрилъ. Вѣроятно оттого анекдотическія импровизаціи «печерскаго Кесаря» производили на слушателей неотразимо сильное впечатлѣніе, подъ вліяніемъ котораго тѣ досочиняли еще больше». (X, 327). Въ импровизаціяхъ Берлинскаго игралъ большую роль императоръ Николай I, и такъ какъ Берлинскій выдавалъ свои импровизаціи за чистую правду, а не за сказку или легенду, то къ его разсказамъ должны быть предъявлены совсѣмъ

не тѣ требованія, что къ будто бы безымянному автору «сказа» о тульскомъ Лѣвшѣ. И, конечно, чрезмѣрность импровизацій Берлинскаго о будто бы очень фамильярныхъ отношеніяхъ, существовавшихъ между нимъ и императоромъ Николаемъ, одобренія не заслуживаетъ. «Пестротою фабулъ» Лѣсковъ не уступаетъ Берлинскому, а въ его литературномъ багажѣ, кромѣ беллетристическихъ произведеній, есть и историческія, біографическія, автобіографическія. Къ нимъ слѣдуетъ, однако, относиться съ осторожностью, можетъ быть, не меньшею, чѣмъ какая нужна была слушателямъ импровизацій Берлинскаго. Послѣдній съ чрезвычайною точностью и увѣренностью разсказывалъ о своихъ встрѣчахъ и бесѣдахъ съ императоромъ Николаемъ, и, однако — все это были лишь чрезмѣрныя фантазіи, построенныя на очень скромномъ фактическомъ фундаментѣ: полковникъ Берлинскій былъ лично извѣстенъ государю, какъ очень многіе полковники. Лѣсковъ тоже очень увѣренно и съ подробностями разсказываетъ о себѣ и о разныхъ историческихъ личностяхъ, но что тутъ не все Wahrheit, а есть и Dichtung, а иногда даже очень много Dichtung, — въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Взять хоть бы вышеприведенный разсказъ объ опечаткахъ въ кіевскомъ «Телеграфѣ». Или вотъ, напримѣръ, образчикъ фантазіи будто бы Берлинскаго. Онъ разсказывалъ, что въ Петербургѣ солдаты «такъ его любили, что ему нигдѣ, будто, нельзя было показаться: какъ солдаты его увидятъ, сейчасъ перестаютъ слушать команду и бѣгутъ за нимъ и кричатъ: пусть насъ ведетъ отецъ нашъ полковникъ Берлинскій, мы съ нимъ и Константинополь возьмемъ, и самого побѣдоноснаго полководца *Вызезарія* на царскій смотръ въ цѣпяхъ приведемъ». Тотъ же Берлинскій называлъ своего племянника Николая — «Николаврой», и Лѣсковъ поясняетъ: «Здѣсь значеніе усиливалось звукомъ *лавра*. Николай это было простое имя, какъ бываетъ простой монастырь, а *Николавра* — это то же самое, что лавра среди простыхъ монастырей». Не кажется ли читателю, что полководецъ Вызезарій и Николавра одного происхожденія съ Болдавей и Молдахіей, клеветою, публицейскими вѣдомостями и проч.? А если не общаго происхожденія, то, по крайней мѣрѣ, общаго духа, свидѣтельствующаго о нѣкоторой родственности Берлинскаго съ самимъ Лѣсковымъ?

Я не буду говорить о тѣхъ произведеніяхъ Лѣскова, въ которыхъ фигурируютъ подлинныя живыя лица подъ ихъ настоящими именами, такъ какъ рѣшилъ имѣть дѣло исключительно только съ художникомъ. Но все вышесказанное объ «артистической чувствительности, превосходящей мѣру», мы найдемъ въ беллетристикѣ Лѣскова. Отмѣтимъ, однако, сперва еще одну сторону его творчества, «безмѣрность» еще въ одномъ направленіи.

Ни у одного русскаго писателя нѣтъ такого неисчерпаемаго богатства фабулы... Въ тѣсной связи съ богатствомъ фабулы находится сконцентрированность беллетристической манеры «Лѣскова». Такъ говоритъ цитируемый г. Сементковскимъ г. Венгеровъ: и говоритъ отчасти правду, а отчасти нѣчто, прямо противоположное дѣйствительности. Правда, что трудно указать другого писателя съ такимъ богатствомъ фабулы, какъ «Лѣсковъ». Но вѣдь и полковникъ Берлинскій сочинялъ въ большомъ количествѣ «пестрыя фабулы». И хотя «Лѣсковъ утверждаетъ, что изъ Берлинскаго могъ бы выдти «любопытный сочинитель», однако любопытный сочинитель еще не значитъ первоклассный или даже вообще хвалы достойный сочинитель. Богатство фабулы требуетъ еще многихъ прибавокъ для того, чтобы получилось истинно художественное произведеніе, и прежде всего требуетъ отсутствія «пестроты» или ея незамѣтности, благодаря той «концентрированности», которую г. Венгеровъ совершенно неосновательно усваиваетъ «Лѣскову». Въ дѣйствительности именно этой-то сконцентрированности и недостаетъ большинству произведеній «Лѣскова». Здѣсь ему опять поперекъ дороги его безмѣрность стала.

Признаюсь, мнѣ стоило немалыхъ усилій дочитывать нѣкоторыя произведенія «Лѣскова», до такой степени они растянуты и переполнены всякаго рода отступленіями, въ свою очередь непомѣрно растянутыми. Многія изъ нихъ представляютъ собою просто длиннѣйшій рядъ анекдотовъ, весьма слабо связанныхъ въ какое-то подобіе цѣлаго. Напримѣръ, «Смѣхъ и горе». Нѣкоторый человѣкъ, Орестъ Марковичъ Ватажковъ, разсказываетъ въ кругу случайныхъ слушателей «такое же potpourri изъ сюрпризовъ, какъ бываетъ potpourri изъ пѣсенъ». Potpourri это занимаетъ слишкомъ 200 страницъ пятаго тома, и разсказчикъ полагаетъ, что оно варьировано на интереснѣйшую тему, а именно слѣдующую: «Жизнь нигдѣ такъ не *преизобилуетъ самыми внезапнѣйшими разнообразіями* (подчеркиваю, какъ характерное для «Лѣскова» нагроможденіе превосходныхъ степеней), какъ въ Россіи. По крайней мѣрѣ я уѣзжаю отсюда за границу именно для успокоенія отъ калейдоскопической пестроты русской жизни» (V, 5). Итакъ тему, на которой концентрируется безконечный рядъ разсказовъ или анекдотовъ Ватажкова, составляетъ «калейдоскопическая пестрота русской жизни»... Центръ довольно сомнительный и во всякомъ случаѣ предоставляющій автору возможность вертѣть сколько ему угодно калейдоскопъ и прекратить это занятіе опять-таки когда угодно, а не въ силу внутренней необходимости, заключающейся въ самой фабулѣ.

Въ безконечной болтовнѣ приживалки въ «Полунощникахъ»,

пожалуй, есть извѣстный центръ; исторія Клавиньки. Но онъ въ такой степени переплетена отступленіями, что самъ Лѣсковъ обрываетъ разсказъ словами: «Шехерезада умолкла». Именно Шехерезада: она могла бы, пожалуй, и больше тысячи и одной ночи разсказывать сказку за сказкой, густо посылая ихъ «сѣмью» речениемъ въ родѣ «выдающійся животь», «ель-пузо», «тѣлъ», «мерзлоподземельный болвъ», «пуповы» и проч.

«Очарованный странникъ». Въ смыслѣ богатства фабулы это, можетъ быть, самое замѣчательное изъ произведеній Лѣскова, но въ немъ же особенно бросается въ глаза отсутствіе какого бы то ни было центра, такъ что и *фабулы* въ немъ, собственно говоря, нѣтъ, а есть цѣлый рядъ *фабулъ*, нанизанныхъ, какъ бусы, на нитку: и каждая бусина сама по себѣ и, можетъ быть, очень удобно вынуты, замѣнена другою, а можно и еще сколько угодно бусинъ нанизать на ту же нитку. Припомнимъ хотя начало этого ожерелья.

Группа пассажировъ ѣдетъ на пароходѣ по Ладожскому озеру отъ Коневца къ Валааму, по дорогѣ заѣзжаетъ въ Кореду, потомъ плыветъ дальше. Завязывается разговоръ о Кореді. Одинъ изъ пассажировъ выражаетъ мысль, что хорошо бы было «неудобныхъ» въ Петербургѣ людей отправлять не въ отдаленныя какія-нибудь мѣста, а вотъ сюда, въ Кореду, «гдѣ любое вольномысліе и свободомысліе не могутъ устоять передъ лицемѣрнымъ населенія и ужасною скукою гнетущей, скупой природы». Другой пассажиръ разсказываетъ, что однажды сюда былъ сосланъ какой-то дьячекъ и повѣсился. Разговоръ переходитъ на тему о самоубійцахъ и о томъ, «можно ли за нихъ молиться». Молчавшій до тѣхъ поръ пассажиръ въ монашеской одеждѣ вступаетъ въ бесѣду разсказомъ объ одномъ священникѣ, который «всегда на святой проскомиди за безъ покаянія скончавшихся и руки на себя наложившихъ» молился. Былъ онъ это съ разрѣшенія московскаго митрополита Филарета, а митрополитъ въ свою очередь имѣлъ на этотъ счетъ разныя видѣнія. Трогательный и довольно длинный разсказъ монаха заинтересовалъ слушателей. Они освѣдомились о личности разсказчика. Оказалось, что онъ, между прочимъ, былъ въ военной службѣ, а именно ротмѣстромъ. Я *конесоръ*, конэссоръ, или, какъ простонародье выразилъ, я въ лошадяхъ знатокъ и при ремонтерахъ состоялъ, для ихъ руководствованія. Идетъ разсказъ о томъ, какъ «конэссоръ» укрощалъ лошадей и въ особенности одну, отъ которой самъ обѣщанный укротитель Рарей отказался; затѣмъ разсказъ о томъ, какъ Рарей прислалъ «конэссора» къ себѣ на службу, и почему это дѣло не состоялось. Тогда слушатели приступаютъ къ разсказчику съ прось-

бой повѣдать имъ свою жизнь, на что онъ тотчасъ же и соглашается. «Только, говоритъ, я иначе не могу, какъ съ самаго первоначала». И начинаетъ... Тутъ и эпизоды изъ ранняго дѣтства, и татарскій плѣнъ, и цыганскій таборъ, и исторія любви какого-то князя, у котораго конэссеръ служилъ, и исторія другой любви того же князя, и разсказы о томъ, какъ конэссеръ на Кавказѣ солдатомъ сражался, и какъ онъ въ адресномъ столѣ служилъ, и какъ онъ на балаганахъ демона представлялъ, какъ въ монастырь попалъ, и какія ему тамъ искушенія были и проч. Все это съ величайшими и подчасъ очень утомительными подробностями. Архитектоника этого литературнаго калейдоскопа нисколько не пострадала бы, если бы конэссеръ, напримѣръ, не представлялъ демона на балаганахъ или, напротивъ, представлялъ не только демона, но еще и какого-нибудь «Вылезарія»: если бы онъ совсѣмъ не былъ въ татарскомъ плѣну или, напротивъ, побывалъ въ этомъ плѣну, а потомъ еще во Францію или Англію какъ-нибудь попалъ. Вдобавокъ пестрыя приключенія конэссера разсказаны какимъ-то дѣланнымъ, то утрированно-простонароднымъ, то стариннымъ книжнымъ языкомъ.

«Запечатлѣнный Ангелъ». Это одинъ изъ лучшихъ разсказовъ во всемъ литературномъ багажѣ Лѣскова. Но, не говоря ужъ объ утрированности языка, отсутствіе чувства мѣры портитъ этотъ разсказъ и въ другихъ отношеніяхъ. На постоялый дворъ ночью вьюга загнала много людей разнаго званія. У одного изъ нихъ, оказавшагося старовѣромъ, какъ это часто случается у Лѣскова, нашлась въ запасѣ «цѣлая большая исторія», которую онъ, тоже по примѣру многихъ другихъ персонажей Лѣскова, по первой же просьбѣ присутствующихъ, соглашается разсказать. Почему-то этотъ разсказчикъ стоитъ на колѣняхъ, когда всѣ прочіе сидятъ или лежатъ. Ему предлагаютъ устроиться поудобнѣе, но онъ отвѣчаетъ: «Нѣтъ-съ, на этомъ благодарю-съ! Зачѣмъ васъ стѣснять, да и къ тому же повѣсть, которую я предъ вами поведу, пристойнѣе на колѣняхъ стоя сказывать, потому что это дѣло весьма священное и даже страшное». И затѣмъ онъ, стоя на колѣняхъ, говоритъ на протяженіи слишкомъ 70 страницъ убористаго шрифта. Пусть кто нибудь изъ почитателей Лѣскова прочитаетъ этотъ разсказъ, стоя на колѣняхъ, и я увѣренъ, что, поднявшись, онъ скажетъ: да, это ужъ «безмѣрно»! А и эта безмѣрность вызвана безмѣрностью же: весь тонъ разсказа свидѣтельствуетъ, тоже до чрезмѣрности, о чувствахъ, волнующихъ разсказчика, но Лѣскову и это кажется мало, а потому онъ считаетъ нужнымъ еще подчеркнуть ихъ, заставивъ своего героя стоять на колѣняхъ. При этомъ не видно, однако, зачѣмъ онъ стоялъ на колѣняхъ до разсказа о

«дѣлѣ весьма священномъ и даже страшномъ», онъ не молился и участвовалъ въ разговорѣ объ обыкновенныхъ житейскихъ дѣлахъ. Какъ бы то ни было, но чтобы растянуть разсказъ на 70 страницъ, разсказчикъ торопиться не долженъ. Онъ и не торопится и вводитъ въ свою повѣсть непомѣрное количество отступленій и постороннихъ эпизодовъ, при чемъ рѣчь не всегда о дѣлахъ священныхъ и даже страшныхъ идетъ. Напримѣръ. У насъ въ русскомъ настоящемъ понятіи насчетъ женскаго сложенія соблюдается свой типъ, который по нашему гораздо нынѣшняго легкомыслія соотвѣтственнѣе. Мы длинныхъ цыбовъ не уважаемъ, а любимъ, чтобы женщина стояла не на долгихъ ножкахъ, да на крѣпонькихъ, чтобъ она не путалась, а какъ шарикъ всюду катилась и поспѣвала, а цыбастенькая побѣжитъ да спотыкнется. Змѣевидная тонина у насъ тоже не уважается, а требуется, чтобы женщина была изъ себя понѣдристѣе и съ пазушкой, потому оно хотя это и не такъ фигурно, да за то материнство въ ней обозначается: добочки въ нашей настоящей чисто русской женской породѣ хоть потѣльнѣе, помясистѣе, а за то въ этомъ мягкомъ добочкѣ веселости и дривѣта больше. То же и насчетъ носика: у нашихъ носики не горбылемъ, а все будто пипочкой, но этакая пипочка, она, какъ вамъ угодно, въ семейномъ быту гораздо благоувѣтливѣе, чѣмъ сухой горбыл носъ. А особливо бровь и т. д. (I, 165, 466). Согласитесь съ тѣмъ, что для этой диссертаціи можно бы и поднять разсказчика съ колѣнъ, а еще бы лучше и совсѣмъ не вводить его въ повѣсть о «дѣлѣ священномъ и даже страшномъ». Пропорціональность отдѣльныхъ частей разсказа отъ этого только выиграла бы, равно какъ и пропорціи фигуры разсказчика, но пропорціональность, художественная мѣра и есть именно то, чего никогда не хватало Лѣскову.

То же отсутствіе чувства мѣры сказывается и въ пристрастіи Лѣскова къ изображенію, съ одной стороны, «праведниковъ» (онъ ихъ иногда такъ и называетъ), а съ другой — злодѣевъ, превосходящихъ всякое вѣроятіе. Изъ нашихъ писателей, не то что первоклассныхъ, а хоть сколько нибудь заслуживающихъ памятной отмѣтки въ исторіи литературы, не найдется ни одного, который бы такъ неумѣренно возвеличивалъ своихъ любимцевъ и всячески притеснялъ своихъ художественныхъ пасынковъ. Здѣсь эстетическая безмѣрность переходитъ уже въ ту свою параллель въ нравственной области, которая называется отсутствіемъ справедливости. Но мы будемъ говорить, какъ условились, только о художникѣ.

Разными орудіями бьетъ и казнитъ своихъ пасынковъ Лѣсковъ. Я не имѣю ни времени, ни, признаться, охоты исчислять

весь этотъ арсеналъ, да едва ли въ этомъ есть и надобность. Двухъ-трехъ примѣровъ для моей цѣли достаточно.

Въ романѣ «На ножахъ» есть главы, называющіяся «Два вора», «Дока на доку нашелъ», «Воръ у вора дубинку укралъ». Житейское положеніе, выражаемое этими поговорками, есть одна изъ излюбленнѣйшихъ темъ Лѣскова. И это очень характерно все для той же его безмѣрности: изобразивъ негодяя или, по крайней мѣрѣ хитреца, онъ искалъ случая свести его съ человѣкомъ еще гнуснѣе или хитрѣе, затѣмъ этого послѣдняго или обоихъ съ хитрѣйшими, наконецъ, согласно своей склонности къ нагроможденію превосходныхъ степеней, съ самымъ хитрѣйшимъ. Темѣ этой Лѣсковъ иногда посвящалъ отдѣльные разсказы (напримѣръ «Отборное зерно», «Обманъ», т. VII), а иногда эксплуатировалъ въ видѣ эпизодовъ въ большихъ своихъ произведеніяхъ. Впрочемъ, романъ «На ножахъ» почти сплошь состоитъ изъ такихъ эпизодовъ. Тутъ два-три «праведника», не смотря на всю свою неизреченную красоту, еле мерцаютъ среди какого-то неистоваго шабаша вѣдьмъ и демоновъ, кувыркающихся другъ черезъ друга и озабоченныхъ лишь тѣмъ, чтобы не только «праведниковъ», но и одинъ другого, другой третьяго и т. д. надуть. Воры, убійцы, поджигатели, обманщики-спириты, ростовщики, шпіоны, содержанки спутываются въ какой-то невѣроятно дикій клубокъ, слѣдить за нитями котораго почти физически тяжело. Но порокъ въ концѣ концовъ не торжествуетъ. И вотъ, для образца, какъ казнится онъ въ лицѣ одного изъ негодяевъ, Висленева. Это воръ и убійца и все-таки далеко не самый большой негодяй въ коллекціи. У него «воруютъ дубинки» архи-негодяй Гордановъ, красивый демонъ въ юбкѣ Глафира Бодростина, собственная его жена, любовникъ ея, шпіонъ и ростовщикъ Кишенскій. Послѣдніе двое составляютъ источникъ едва ли не наибольшихъ несчастій Висленева: они запутали его въ неоплатные долги и всячески притѣсняютъ, такъ что онъ, когда-то пропагандистъ «женскаго вопроса», и, такъ сказать, ради него женившійся (это особая и очень длинная исторія), теперь трепещетъ передъ этимъ «женскимъ вопросомъ», видя его воплощеніе въ своей женѣ. Это не мѣшаетъ ему быть влюбленнымъ въ Глафиру Бодростину и, домогаясь взаимности, совершать всевозможныя подлости. Бодростина, въ своихъ преступныхъ цѣляхъ, облыжно подаетъ ему надежды и, между прочимъ, везетъ его съ собой въ Парижъ, гдѣ выдаетъ его за лакея, дворецкаго, а потомъ медіума, каковыя роли онъ исполняетъ съ успѣхомъ. Изъ всей этой путаницы мы остановимся только на возвращеніи Висленева, вмѣстѣ съ Бодростиной, въ Россію.

Въ Берлинѣ Висленевъ выкрасился — или, какъ не совсѣмъ

изящно, но во вкусѣ Лесковскаго остроумія выражается Бодростина, «окрасился въ ворону масть и расписалъ себѣ родимыми бородавками фронтонъ». Онъ такъ мотивируетъ эту метаморфозу: «Я за границей, при иностранныхъ законахъ о правѣ женщины, не трусилъ и никогда бы не струсилъ и не побоялся моей жены, будь я ей хоть даже вдесятеро болѣе долженъ, но когда мы въѣзжаемъ въ Россію, гдѣ на сторонѣ женщины законъ, гдѣ... я, какъ мужчина, обязанъ сберечь свою свободу отъ женской власти, да-съ, я это обязанъ!» (IX, 189).—Не забудьте, что это трусить воръ и убійца, но дѣло въ томъ, что у него украли дубинку еще болѣе вороватые жена и ея любовникъ. Казалось бы, даже гораздо болѣе совѣстливый человѣкъ, чѣмъ Висленевъ, можетъ довольно просто выпутаться изъ когтей жены и ея любовника, но нашъ авторъ не любитъ простыхъ путей: ему нужно, чтобы у вора была украдена дубинка и чтобы болѣе вороватые колотили его этой дубинкой, что называется, сколько влѣзетъ. И вотъ Висленевъ, не довольствуясь переодѣваніемъ въ Берлинѣ, еще усиливаетъ его въ Петербургѣ, подвязалъ себѣ огромную бороду и надѣлъ на голову «вязаный полосатый британскій колпачекъ». Въ этомъ дурацкомъ видѣ онъ, къ удивленію Бодростиной (да и читателя), зачѣмъ-то вскакиваетъ, за лакея, на козлы ея кареты, нанятой у вокзала, хотя, конечно, въ каретѣ онъ былъ бы безопаснѣе. Затѣмъ, добравшись въ лакейскомъ видѣ до дома мужа Бодростиной, онъ вихремъ пролетаетъ черезъ всю квартиру и запирается въ ванной комнатѣ, откуда уже не хочетъ выходить. При этомъ онъ выворачиваетъ кранъ въ ваннѣ и чуть не затопляетъ квартиру, а самъ стоитъ «какъ мраморный дельфинъ, окатываемый брызгами фонтана»...

Этимъ далеко не кончаются злоключенія Висленева, но трудно же скучно за ними слѣдить. Я выбралъ далеко не самый яркій эпизодъ изъ романа («На ножахъ»), при томъ же подкрашенный комизмомъ, но это, по крайней мѣрѣ, можно выдѣлить. Исторія же краденыхъ дубинокъ другихъ дѣйствующихъ лицъ романа—Бодростиной, Горданова, Кишенскаго, Рошина, княгини Вахтерминской и двухъ ея любовниковъ и проч. просто непередаваема, до такой степени переплетены злодѣйства и подлости этихъ кознодѣевъ и архи-кознодѣевъ. Поистинѣ можно сказать: «быкъ реветъ, медвѣдь реветъ, а кто кого дереть,—самъ чортъ не разберетъ». А вдобавокъ въ концѣ романа на сценѣ появляются судебные слѣдователи и сыщики, которые, не будучи сами «ворами», всѣхъ или почти всѣхъ «воровъ» перехитряютъ и на законномъ основаніи у нихъ дубинки отбираютъ.

Такую же непомѣрную путаницу всевозможныхъ пакостей и взаимныхъ подпиживаній представляютъ отношенія Варнавы Пре-

потенскаго, князя Борноволокова, Термосесова и др. въ «Соборянахъ». Любопытно, что Варнава Препотенскій терпитъ отъ автора приблизительно такую же казнь, какъ Висленевъ въ «На ножахъ». Вотъ что сообщаетъ объ немъ дьяконъ Ахилла изъ Петербурга: «Варнава сталъ человѣкъ жестоко несчастливый, потому что невдавняхъ женился на здѣшней барышнѣ, которая гораздо всякой дамы строже и судитъ все противъ брака, а Варнаву, говорятъ, не рѣдко бьетъ, и онъ теперь совсѣмъ уже не такой: самъ мнѣ открылся, что если бы не боялся жены, то готовъ бы даже за Бога въ газетѣ заступиться, и ругательски ругаетъ госпожу Бизюкину, а особливо Термосесова, который чудесно было себя устроилъ и получалъ большое жалованье на негласной службѣ для надзора за честными людьми, но врагъ его смутилъ жадностію: сталъ фальшивыя бумажки перепущать и теперь въ острогъ сѣлъ» (I, 319).

Но оставимъ этихъ энциклопедическихъ, всесторонннихъ извергов и негодяевъ и попробуемъ взглянуть на Лѣсковскихъ «праведниковъ». Ихъ у него много. Онъ ихъ и изъ древнихъ сказаній заимствовалъ, и изъ исторической или якобы исторической дѣйствительности, и, наконецъ, изъ собственной художественной фантазіи. Въ числѣ ихъ есть люди высокопоставленные и мелкая сошка, духовнаго и свѣтскаго званія, мужского и женскаго пола, мудрые и придурковатые. Мы остановимся только на одной ихъ группѣ, представляющей нѣкоторый спеціальный интересъ.

Въ разсказѣ «Звѣрь» (т. VII) фигурируетъ жестокій помѣщикъ, распространяющій вокругъ себя страхъ и уныніе. Онъ большой любитель охоты и выращиваетъ у себя медвѣжатъ, которыхъ, по достиженіи ими извѣстнаго возраста, травитъ собаками. Въ числѣ его охотниковъ есть двадцатипятилѣтній парень Ферапонтъ, красавецъ, силачъ и удалецъ. Съ медвѣдями онъ былъ вообще въ дружескихъ отношеніяхъ, но въ особенности пользовался его любовью и отплачивалъ ему взаимностью молодой медвѣдь Станарель. И вотъ наступила очередь этому Станарелю быть убитымъ. Помѣщикъ, знавшій объ отношеніяхъ Ферапонта къ Станарелю, съ утонченною жестокостью предоставилъ ему главную роль на охотѣ. Кончилось, однако, тѣмъ, что Ферапонтъ далъ медвѣдю убѣжать въ лѣсъ, при чемъ пулю, предназначенную Станарелю, получилъ нечаянно въ руку онъ, Ферапонтъ. Помѣщикъ былъ чрезвычайно разгнѣванъ, и всѣ со страхомъ ожидали, какое наказаніе придумаетъ онъ Ферапонту. Но случилось нѣчто для всѣхъ неожиданное. Дѣло было на Рождествѣ. Старичекъ священникъ заговорилъ съ дѣтьми, въ присутствіи гнѣвнаго помѣщика, о смыслѣ пѣсни «Христосъ раждается» и продолжалъ свою

рѣчь такъ трогательно на тему о любви и прощеніи, что помѣщикъ смягчился и даже расплакался. А затѣмъ произошло слѣдующее. Помѣщикъ велѣлъ позвать Ферапонта, или «Храпошку», какъ его обыкновенно называли.

Тотъ предсталъ бѣлый съ повязанной рукой.

— Стань здѣсь! — велѣлъ ему Аѳанасій и показалъ рукою на коверъ.

Храпошка подошелъ и упалъ на колѣни.

— Встань... подымись! — сказалъ Аѳанасій. — Я тебя прощаю.

Храпошка опять бросился ему въ ноги. Аѳанасій заговорилъ перебитымъ, взволнованнымъ голосомъ:

— Ты побилъ звѣря, какъ не всякій умѣетъ побить человѣка. Ты меня самъ тронулъ и превзошелъ меня въ великодушіи. Объявляю тебѣ отъ меня милость: даю вольную и сто рублей на дорогу. Иди, куда хочешь.

— Благодарю, я никуда не пойду, — воскликнулъ Храпошка.

— Что?

— Никуда не пойду, повторилъ Ферапонтъ.

— Чего же ты хочешь?

— За вашу милость я хочу вамъ вольной волей служить честнѣй, чѣмъ за страхъ по повинности.

Аѳанасій прослезился, приложилъ къ нимъ одной рукой свой бѣлый фуляръ, а другой, нагнувшись, обнялъ Ферапонта.

Ферапонтъ сталъ вольнымъ, но остался служить у помѣщика, переѣхалъ съ нимъ въ Москву, тамъ похоронилъ его, самъ умеръ и лежитъ въ ногахъ у него. Но въ московскихъ норахъ и трущобахъ есть люди, которые помнятъ бѣлобрысаго длиннаго старика, который слѣпо тупомъ умѣлъ узнавать, гдѣ есть истинное горе, и умѣлъ поспѣвать туда во-время самъ, или посылалъ не съ пустыми руками своего рыжаго пучеглазаго слугу. Эти два правовѣрника и были возрожденіемъ въ новой жизни помѣщикъ и его вѣрный Ферапонтъ.

Лѣсковъ есть по преимуществу разсказчикъ анекдотовъ. Даже его большія произведенія представляютъ собою, собственно говоря, цѣпь анекдотовъ, болѣе или менѣе драматическую, какъ въ «Очарованномъ странникѣ», «Запечатлѣнномъ Ангелѣ», «Полунощникахъ», «Смѣхѣ и горѣ», «Печерскихъ старикахъ» и проч., или же чрезвычайно запутанную, какъ въ «Соборянахъ», «Захудаломъ родѣ», «Некуда», «На ножахъ». Анекдотъ же, какъ нѣчто отрывочное и случайное, серьезно самостоятельнаго значенія не имѣетъ. Въ лучшемъ случаѣ онъ призванъ не характеризовать извѣстное лицо или положеніе, а лишь дополнять или иллюстрировать характеристику. Въ большинствѣ же случаевъ анекдотъ дѣлается роскошью мимолетной занимательности: анекдотъ выслушанъ, произвелъ извѣстное впечатлѣніе, трогательное или комическое, и съ всѣмъ

этого довольно, вы не очень задумываетесь надъ тѣмъ, сколько въ немъ были и сколько небылицы. Можно бы было признать именно такимъ анекдотомъ разсказъ о жестокомъ помѣщикѣ и вѣрномъ Ферапонтѣ, на ряду съ какими-нибудь пустяками въ родѣ «Путешествія съ нигилистомъ» (т. VII), «Голоса природы» (тамъ же) и т. п.: пробѣжать можно, но задумываться не стоитъ и сейчасъ же забыть можно. Однако въ разсказѣ о Ферапонтѣ есть черта, которую Лѣсковъ не давалъ забыть, къ которой онъ даже слишкомъ часто возвращался и въ мелкихъ своихъ произведеніяхъ, и въ романахъ. Черта эта — рабская преданность. Естественно, что черта эта главнымъ образомъ пробивается въ разсказахъ изъ дореформеннаго помѣщичьяго, крѣпостного быта. Главнымъ образомъ, но отнюдь не исключительно. Лѣсковъ вовсе не былъ почитателемъ крѣпостного права, какъ учрежденія, и умилялся не имъ, а добровольнымъ рабствомъ. Въ разсказѣ «Дама и Фефела» мы имѣемъ параллель между утрированно грубою «дамой» и простолюдинкой — горничной или нянькой, Прашей, съ нѣжнымъ и благороднымъ сердцемъ, настоящей праведницей. Дѣло происходитъ уже въ новѣйшее время, и Праша, хотя и крестьянка, но человѣкъ вольный. Когда «дама» истерзавъ своего мужа, разошлась съ нимъ, Праша переселилась къ нему. «Я разсказывала она—только и хотѣла, чтобъ онъ зналъ, что онъ теперь не одинъ, а у него есть *раба*» (курсивъ Лѣскова: XII, 83). Въ «Старинныхъ психопатахъ» жена помѣщика Винневскаго поставляетъ ему любовницъ, «крѣпостныхъ одалисокъ». Мужъ жилъ иногда въ другомъ имѣніи и жена, приготовивъ для него дѣвицу «по его вкусу», приглашала его къ себѣ. Онъ отвѣчалъ: «очень тебя благодарю и заботы твои обо мнѣ цѣню, а впрочемъ въ главномъ выборѣ я на твои вкусъ больше, чѣмъ на свой собственный, полагаюсь». А жена въ свою очередь писала: «За довѣріе твое, безцѣнный другъ мой, весьма тебя благодарю и въ разсужденіи моего вкуса, въ чемъ на меня полагаешься, отъ души тебѣ угодить надѣюсь, но только прошу тебя, ангелъ моей души, пріѣзжай ко мнѣ сколь возможно скорѣе, потому что сердце мое по тебѣ стосковалося, и ты увидишь, что я не объ одной себѣ сокрушаюсь, но и твой вкусъ понимаю. Дѣти наши обѣ здоровы и тебѣ кланяются и цѣлуютъ ручки». Подпись: «твоя вѣрная жена и раба Степанида» (VII, 379). Авторъ приводитъ еще такое же письмо и съ видимымъ удовольствіемъ прибавляетъ: «И опять та же подпись: жена и раба».

Эта рабская преданность, именно рабская, какъ неоднократно и разными способами подчеркиваетъ Лѣсковъ, умиляетъ его сама по себѣ, какъ таковая, и онъ не заботится о томъ, чтобы какъ-

нибудь мотивировать ее и тѣмъ самымъ сдѣлать для читателя понятною. Напримѣръ, въ вышепомянутомъ разсказѣ «Звѣрь» нѣтъ ни одного штриха, который подготовилъ бы читателя къ рѣшенію Ферапонта, получивъ вольную, остаться служить свирѣпому помѣщику. Ферапонтъ человѣкъ молодой, полный жизни, — казалось бы, съ чего ему оставаться при баринѣ, который только что съигралъ съ нимъ злую шутку, да и вообще своею свирѣпостью прославился? Но, по щучьему велѣнью, по авторскому прошенью, на Ферапонта ни съ того, ни съ сего нисходитъ духъ преданности, за что авторъ и производитъ его, вмѣстѣ съ барономъ, въ праведники.

Въ числѣ вводныхъ эпизодовъ, непомѣрно пестрящихъ «На ножахъ», любопытно появленіе у гроба Бедростина его старого дворового, полупомѣшаннаго восьмидесятилѣтняго «Сида». Онъ ругательски ругаетъ своего барина, ему замѣчаютъ, что не годится такъ говорить о покойникѣ, да еще надъ его тѣломъ.

— А что мнѣ его тѣло? рѣзко отвѣтилъ старикъ. А извѣстно ли кому, что это не его тѣло, а мое? Да, да: кто мнѣ смѣетъ сказать, что это его тѣло? Когда онъ двѣнадцати пѣтъ тонулъ, кто его вытащилъ? Я? Кто его устыжалъ, когда онъ въ Бога не вѣрилъ? Я? Кто его на войнѣ изъ чужихъ мертвыхъ тѣлъ на спинѣ унесъ? Я? Я, все я, вѣрный рабъ Сидоръ Тимоѳеевъ, я его изъ могилы унесъ моимъ пыхтѣньемъ отдышалъ? — закричалъ старикъ, начавъ колотить себя въ грудь, и вдругъ подскочилъ къ самому столу, на которомъ лежалъ обезображенный мертвецъ, присѣлъ на корточки и зашамкалъ. Я ради тебя имя крестное потерялъ, а ты какъ Сидора Тимоѳеева этимъ псомъ называлъ? Какъ по сусаламъ бить? какъ ты его за дерзость на пѣшъ сажалъ? За что, за правду? За то, что я вѣрный рабъ, я крѣпостной слуга, не наемникъ скаредный, не за деньги тебѣ служилъ, а за побои, потому что я правду говорилъ, и говорилъ я тебѣ, что я тебя переживу, и я тебя пережилъ, пережилъ, и я на суть съ тобой стану, и ты мнѣ поклонишься и скажешь: «прости меня, Сидъ», и я тебя тогда прощу, потому что я вѣрный рабъ, а не наемникъ, а теперь ты лежи, когда тебя Богъ убилъ, лежи и слушай» (IX, 121).

Изъ разсказовъ посторонніхъ людей оказывается, что Сидъ дѣйствительно много разъ выручалъ барина изъ большихъ бѣдъ, но и былъ отъ него жестоко битъ, преимущественно за докучныя наставленія. А когда баринъ «давалъ Сиду и отпускную, и деньги, и землю, то Сидъ Тимоѳеичъ все это съ гордостью отвергъ: — Ишь ты, подлое твое дворянское отродье, откупиться лучше хочешь, чтобы благодарнымъ не быть, — отвѣчалъ онъ, разрывая отпускную дарственную».

Въ хроникѣ «Захудалаго рода» Патрикѣя Сударичекъ, крѣпостной слуга князя Протозанова, привозилъ женѣ и слѣдующее извѣстіе, что князь убитъ на войнѣ. Княгиня наградила его за вѣрную службу отпускною и клочкомъ земли. Преданный Патрикѣй вы-

роптал противъ этого и сталъ энергически отказываться. Княгиня настояла на своемъ, но затѣмъ оказалось, что Патрикѣй засунулъ вольную въ какой-то ящикъ, гдѣ она и провалялась сорокъ лѣтъ. Патрикѣй «имѣлъ умъ довольно глубокій и сосредоточенный, характеръ солидный и даже немножко важный: онъ по натурѣ былъ фанатикъ рабской преданности и твердый консерваторъ старыхъ порядковъ» (VI, 33). «Охотникъ мечтать о дарованіяхъ и талантахъ, погибшихъ въ разныхъ русскихъ людяхъ отъ крѣпостного права, имѣлъ бы хорошую задачу расчислить: какихъ степеней и положеній могъ достичь Патрикѣй на поприщѣ дипломатіи или науки, но я не знаю, предпочелъ ли бы Патрикѣй Семенычъ всякій блестящій путь тому, что считалъ своимъ призваніемъ: быть вѣрнымъ слугой своей великодушной княгинѣ. Ея рабъ, говорилъ онъ, и ея рабомъ я умру. И онъ такъ и сдѣлалъ. Въ этомъ былъ его point d'honneur и даже болѣе: онъ чувствовалъ потребность быть ей преданъ безъ мѣры» (68).

Именно «безъ мѣры». Типъ безкорыстно преданнаго дворового человѣка не разъ эксплуатировался въ нашей беллетристикѣ и большими, и малыми художниками. Но никто не обращался къ нему такъ часто и не освѣщалъ его такъ преувеличенно и односторонне, такъ во всѣхъ отношеніяхъ «безмѣрно», какъ Лѣсковъ. Для фанатика рабской преданности Патрикѣя Сударичева онъ придумываетъ, напримѣръ, такое невозможное положеніе. У Патрикѣя есть сынъ, котораго княгиня Протозанова беретъ подъ свое покровительство, отдаетъ учиться и, что называется, выводитъ въ люди. Молодой Сударичевъ пріѣзжаетъ къ отцу на побывку уже архитекторомъ. Княгиня приглашаетъ его къ себѣ обѣдать. Старый Сударичевъ возсталъ противъ этого: «Какъ, онъ, его сынъ «Николашка», будетъ сидѣть за однимъ столомъ съ княгиней! За тѣмъ самымъ столомъ, за которымъ самъ онъ, Патрикѣй Семенычъ, такъ упорно присвоилъ себѣ право стоять и обходить гостей съ бутылкой мадеры... И, стало быть, теперь онъ и къ сыну, къ «Николашкѣ», долженъ будетъ подойти съ обернутою салфеткой бутылкой вина и спросить «прикажете мадеры» (65). Положеніе, конечно, трудное, но не безвыходное, даже не для такого тонкаго ума, какимъ авторъ рекомендуетъ княгиню Протозанову. Но княгиня нашлась только на половину: утихомирила старика и дала ему какое-то порученіе на время обѣда, но допустила, что въ половинѣ обѣда онъ явился, занялъ свое обычное мѣсто за княгининымъ стуломъ, а въ надлежащее время сталъ обходить гостей съ бутылкой мадеры. «Онъ хотѣлъ показать, что изъ преданности можетъ даже и это снести», но, подойдя къ сына и уже наклонив-

пись къ нему для сбытнаго вопроса: «прельщается — не выдержать и крикнуть: «дошел вась!» — опять въ обморокъ...

Нѣтъ, кажется, полнѣе и яснѣе на сверхъестественной ясности этой сцены. Ясно то для всякаго Петровской эпохи, что Лѣсковъ напрасно всѣхъ присутствовавшихъ въ совѣтѣ, со включеніемъ Сидорычевъ сына и второстепенной княгини Прозоровой, мѣшаетъ дѣлами никомъ изъ нихъ не возможно предотвратить полный эффектъ лакейскаго услуженія старика отца молодому сыну.

Съ особеннымъ наслажденіемъ разсказывается (именно разсказывается) Лѣсковъ словесную автографію Шлемаковскаго карлика, Николая Афанасьевича, «вѣрнаго раба» арѣзнитскаго то есть Шлемаковыхъ. Въ изданіи сочиненій онъ помѣщенъ въ двухъ фамиліяхъ: въ первомъ томѣ (150—171 стр.) и въ шестомъ (410—430). И не только семь Лѣсковъ не любуется, слушая его автографію, но и слушателей разсказовъ безмѣрно предаваго карлика заставляетъ умиляться. Они восхищаются этими разсказами и вставляютъ въ нихъ умиленныя восклицанія: «Наивѣрнѣйшее что у него выходитъ!» «Ахъ, старичекъ предестный!» Между прочимъ, карликъ разсказываетъ, какъ барыня хотѣла его женить на карликѣ же, Метѣ Ивановнѣ, «для пыжиковъ». «Это, то есть, она желала маленькихъ дѣтей разводить», записываетъ въ своемъ дневникѣ священникъ Туберовъ. Свадьба не состоялась собственно потому, что г-жа Шлемакова хотѣла купить Метѣ Ивановну, а владѣлица Метты Ивановны хотѣла, напротивъ, сама купить Николая Афанасьевича: дѣти отъ нихъ, то есть «пыжиковъ», отъ помѣщицы другъ другу уступали. А въ то время, какъ шла эта торговля, карликъ и карлица рожны были забавлять барынь: ахъ, напримѣръ, отѣвали медвѣтями и заставляли бороться...

Этотъ разсказъ карлика произвелъ необыкновенное «жеребячьяніе». Но мы знаемъ, что и не такія еще вещи продѣлывались нашими предками въ такъ называемое доброе старое время. Поэтому не столько содержаніемъ своимъ непріятно поражаетъ разсказъ карлика, сколько тѣмъ умиленнымъ, сладкимъ тономъ, которымъ онъ ведется, тѣмъ восторгомъ, съ которымъ его слушаетъ присутствующее, наконецъ, тѣмъ явнымъ сочувствіемъ, съ которымъ все это сочиняетъ Лѣсковъ. Г-жа Шлемакова изображена вообще гораздо болѣе симпатичными чертами, чѣмъ баринъ «вѣрнаго раба» Ферапонта или баринъ «вѣрнаго раба» Сила, но развѣ нельзя же все-таки, кажется, восторгаться желаніемъ свести двухъ карликовъ для приплода «пыжиковъ», или этой борьбой двухъ несчастныхъ уродцевъ, наряженныхъ медвѣтями. Пусть бы

вѣрный рабъ умилялъ какими-нибудь другими воспоминаніями о своей барынѣ, а объ этой обидѣ и издѣвательствѣ хоть умолчалъ бы изъ уваженія къ памяти покойницы. А онъ не только не умалчиваетъ, но разсказываетъ съ восторгомъ и приводитъ въ восторгъ и умнаго и благороднаго попа Туберозова, и добродушнаго дьякона Ахиллу, и другихъ, а главное—Лѣскова. Чѣмъ же Лѣсковъ тутъ восторгается? Ни чѣмъ инымъ, какъ фактомъ безмѣрной преданности вѣрнаго раба, ради которой онъ тоже безмѣрно готовъ пожертвовать и здравымъ смысломъ, и художественной правдой.

Я кончилъ о Лѣсковѣ. Я не думалъ исчерпать содержаніе всѣхъ двѣнадцати томовъ его сочиненій, но, думаю, и приведеннаго достаточно, чтобы видѣть, что въ какомъ бы направленіи или отношеніи мы ни изслѣдовали этого плодовитаго писателя,—въ отношеніи ли языка, или характера дѣйствующихъ лицъ, или архитектуры фабулы,—мы вездѣ встрѣтимся съ однимъ и тѣмъ же его кореннымъ свойствомъ: безмѣрностью, отсутствіемъ чувства мѣры. Это станетъ еще болѣе яснымъ, если ввести элементъ, мною намѣренно устраненный: его отношеніе къ нашимъ различнымъ партіямъ. Здѣсь природная безмѣрность окрыляется политическою озлобленностью, вслѣдствіе чего образы и картины получаютъ характеръ чудовищно фантастическій. Пусть любуются на нихъ гг. Сементковскіе, тѣмъ самымъ свидѣтельствуя, помимо всего прочаго, о своей свободѣ отъ элементарнѣйшаго художественнаго чутья, а для насъ и безъ того ясно, что писателю, столь во всѣхъ отношеніяхъ безмѣрному, не мѣсто въ первыхъ рядахъ литературы.

За послѣдніе годы ни одно беллетристическое произведеніе не вызывало столько разговоровъ, какъ напечатанный въ апрѣльской книжкѣ «Русской Мысли» разсказъ г. Чехова «Мужики». Не въ первый разъ г. Чеховъ вызываетъ къ себѣ такое усиленное и сосредоточенное вниманіе. Такъ было, напримѣръ, съ его комедіей «Ивановъ». Скоро однако разговоры объ этомъ вполнѣ неудачномъ произведеніи совсѣмъ прекратились и вышло такъ, какъ будто никогда и не было комедіи «Ивановъ». Мнѣ думается, что то же самое должно произойти и съ разсказомъ «Мужики». Это, разумѣется, ни малѣйше не колеблетъ репутаціи г. Чехова, а репутація эта очень опредѣленна: сильный талантъ, который можетъ, конечно, промахнуться и слабой вещью, но которому, главное, какія-то обстоятельства мѣшаютъ развернуться во всю мѣру своей силы. Въ то же время едва ли кто отнесетъ г. Чехова

къ числу писателей, «подающихъ надежды». Всѣ его почитатели — а у него ихъ очень много — признаютъ его уже осуществившимъ возможныя надежды и, слѣдовательно, мирятся съ тѣмъ, что этотъ большой талантъ никогда не покажетъ намъ полной мѣры своей силы.

«Мужики» были встрѣчены критикою болѣе чѣмъ благосклонно. По крайней мѣрѣ тѣ отзывы, которые мнѣ попадались, переполнены похвалами. Говоря совершенно искренно, я не понимаю этихъ восторговъ. «Мужики» далеко не изъ лучшихъ разсказовъ г. Чехова. Въ нихъ есть что-то недѣланное, отзывающееся черновикомъ, при пересмотрѣ котораго авторъ навѣрное нѣкоторыя части развилъ бы, выдвинулъ бы впередъ, а нѣкоторыя другія, напротивъ, сократилъ бы. Вотъ, напримѣръ, часть описанія пожара:

Марья металась около своей избы, плача, ломая руки, отуда субачи хоть пожаръ быть далеко, на другомъ краю; вышелъ Николай въ валенкахъ, повыбѣгали дѣти въ рубашенкахъ. Около избы десятскаго забили въ чугунную доску. Бемъ, бемъ, бемъ — понеслось по воздуху, и отъ этого частаго, неумолчнаго звона щемило за сердце и становилось холодно. *Старыя бабы стояли съ образами.* Изъ дворовъ выгоняли на улицу овецъ, телятъ и коровъ, выносили сундуки, овчины, кадки. *Вороной жеребенъ, котораго не пускали къ табуну, такъ какъ онъ сдуръ и расшибъ лошадей, теперь, пущенный на волю, тонко, со рржаніемъ, пробѣжалъ по деревнѣ раза и фуфуфъ и обратно остановился около телѣги и сталъ бить ее задними ногами.*

Зазвонили и на той сторонѣ, въ церкви.

Около горѣвшей избы было жарко и такъ свѣтло, что на землѣ видна была отчетливо каждая травка. На одномъ изъ сундуковъ, которые успѣли вытащить, сидѣлъ Семенъ, рыжій мужикъ съ большимъ носомъ, въ картузѣ, надвинутомъ на голову глубоко, по ушей, въ пиджакѣ, его жена лежала лицомъ внизъ, въ забытьи, и стонала. Какой-то старикъ лѣтъ восьмидесяти, низенькій, съ большой бородой, похожій на гнома, не здѣшній, но, очевидно, причастный къ пожару, ходилъ вездѣ съ бѣлымъ узелкомъ въ рукахъ: *не мѣшая, не отмѣчая ничего.*

Не правда ли, яркая картинка? Вглядитесь, однако, въ нее попристальнѣе, хотя бы только въ тѣ мѣста, которыя я подчеркнулъ. «Старыя бабы стояли съ образами». На одной изъ передвижныхъ выставокъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, была картина на этотъ сюжетъ: освѣщенная очевидно близкимъ пламенемъ пожара часть избы, у дверей которой стоитъ старая баба съ иконой въ рукахъ. Ничего больше, никакихъ другихъ подробностей. Но въ физіономію бабы художникъ (къ сожалѣнію, не помню его имени) вложилъ столько спокойной увѣренности, что икона отгонитъ избу отъ огня, который, однако, вотъ-вотъ отгонитъ бабу, — что передъ вами раскрывается цѣлая сложная сторона мышленія и

жизни. Въ картинѣ г. Чехова старыя бабы съ образами—мелкая деталь, занимающая ровно столько же мѣста, сколько отраженіе огня на лысинѣ старика. При томъ же записана эта деталь такъ небрежно, что не всякій и пойметъ, въ чемъ тутъ дѣло: можетъ быть бабы просто спасали образа. За то мы узнаемъ, не только какъ велъ себя на пожарѣ вороной жеребецъ, но и какой у него вообще дурной характеръ

Это, конечно, мелочи. Но и въ самыхъ существенныхъ частяхъ разсказа мы встрѣчаемъ ту же черновую небрежность или недодѣланность, особенно бросающуюся въ глаза при тщательной разработкѣ второстепенныхъ подробностей.

Крестьянинъ Николай Чикильдѣевъ служилъ въ Москвѣ въ «Славянскомъ Базарѣ», половымъ, но пришелъ въ негодность, заболѣлъ и рѣшилъ уѣхать въ родную деревню, вмѣстѣ съ женой, служившей въ Москвѣ же горничной въ меблированныхъ комнатахъ, и маленькой дочерью. Въ деревнѣ онъ съ перваго же дня получаетъ множество непривычныхъ для него тяжелыхъ впечатлѣній: грязь, нищета, грубость, пьянство, драки. Онъ рвется изъ этого омута, но податься некуда. Здоровье его слабѣетъ, какой-то старикъ, отставной военный фельдшеръ, ставитъ ему банки, непосредственно послѣ которыхъ больной умираетъ. Его жена и дочь уходятъ въ Москву пѣшкомъ, побираясь по дорогѣ Христовымъ именемъ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе «Мужиковъ». Нѣкоторыя детали разсказа сдѣланы съ свойственнымъ г. Чехову мастерствомъ. Нѣкоторыя фигуры, напримѣръ, старосты Антона Сѣдельникова, двухъ невѣстокъ,—забитой Марьи и «озорной» Ѳеклы, намѣченныя всего нѣсколькими штрихами, стоятъ передъ вами, какъ живыя. Но даже и онѣ вызываютъ временами чувство досады на автора, на его небрежность. Напримѣръ, Озорная Ѳекла очень дурно относится къ пріѣзжимъ москвичамъ, въ особенности къ женѣ Николая, Ольгѣ: ругается, даже дерется. Кроткая, не помнящая зла Ольга отплачиваетъ ей добромъ. Ѳекла ночью «гуляла за рѣкой съ какими-то озорниками» изъ помѣщичьей усадьбы, а тѣ въ заключеніе раздѣли ее до нага, да такъ и пустили домой. Ольга ласково прикрыла ее въ двоякомъ смыслѣ слова: и одѣла, и помогла скрыть приключеніе. У читателя естественно является вопросъ: какъ же послѣ этого стала относиться Ѳекла къ Ольгѣ? Разумѣется, читатель не имѣетъ права приставать къ автору со всѣми вопросами, какіе ему придутъ въ голову при чтеніи. Но въ данномъ случаѣ вопросъ самъ собой вытекаетъ изъ особеннаго, экстреннаго положенія, въ которое самъ авторъ поставилъ своихъ дѣйствующихъ лицъ. Озорная, грубая Ѳекла,

можетъ быть, во всю свою жизнь ни одного человѣка слыхала, — вонъ даже сейчасъ она вернулась изъ-за рѣки сгромленная, а еще что была гуляка, веселая. Можетъ быть, въ первый разъ въ жизни попался человѣкъ, который ее пожалѣлъ, и мы хотимъ знать, какъ она къ нему отнеслась. Мы ничего не подсказываемъ автору, не просимъ, напримѣръ, чтобы Оксѣ проникнуться чувствомъ благодарности къ Ольгѣ или, наоборотъ, еще лучше не влюбиться ее, мы хотѣли бы только посмотрѣть на нихъ вмѣстѣ послѣ описанного случая. Но автору не прихотить въ голову удовлетворить это естественное желаніе: имена Оксы и Ольги больше ни разъ не встрѣчаются въ разсказѣ рядомъ, хотя онѣ прожили еще чуть не цѣлый годъ въ одной избѣ.

Во всякомъ случаѣ, нѣкоторыя второстепенныя дѣйствующія лица обѣщаны гораздо лучше, чѣмъ главныя: Николай и Ольга Чикильдѣевы и ихъ дочь Саша. Въ особенности неудачна Ольга. Я не хочу сказать, что такихъ не бываетъ, но авторъ не сдѣлалъ ее вѣроятною, не представилъ въ ея пользу никакихъ оправдательныхъ «человѣческихъ документовъ». Ольга — сама кротость, ласка и приличіе; она грамотная и любитъ читать евангеліе, читаетъ она его безъ всякаго пониманія и плачетъ отъ умиленія при словахъ «аще» и «понеже», но она и безъ пониманія проникнута духомъ евангельской любви и всепрощенія, въ какомъ духѣ и дочь свою, Сашу, воспитала. Все это бѣлаетъ ее какимъ то свѣтлымъ пятномъ на мрачномъ и грязномъ фонѣ жизни «мужиковъ». Но васъ невольно беретъ сомнѣніе въ правдивости этого образа. Ольга была въ Москвѣ горничной въ меблированныхъ комнатахъ, а что такое московскія меблированныя комнаты, объ этомъ посвѣдущіе люди могутъ отчасти узнать изъ напечатаннаго въ апрѣльской же книжкѣ «Русской Мысли» разсказа г. Тимковскаго «Приватъ-доцентъ». Въ одномъ изъ такихъ учрежденій «передъ Корнелевымъ приватъ-доцентъ замелькали жгучія, сердитыя лица, полупьяные глаза, отчаянно жестикулирующія руки, слышались возгласы: «шулерство... негодяйство... нога моей не будетъ... пошелъ ко всѣмъ чертямъ!» и т. п. Пьяненькій и слушенькій, Корнелевъ бочкомъ пробрался къ двери и выскользнулъ въ коридоръ». Въ другихъ меблированныхъ комнатахъ «инвъ жилецъ жалуется Корнелеву. «У насъ вонъ тамъ весна, а лидерская хозяйка по этому случаю топитъ перегородки видите, какую сырость развела? Эти квартирныя хозяйки, я вамъ скажу, такія...»

Разсказъ г. Тимковскаго даетъ вашему вниманію описаніе меблированныхъ комнатъ. Приведенныя черты жизни являются въ разсказѣ, конечно, въ болѣе развитомъ видѣ, чѣмъ у меня, но все

таки онѣ отмѣчаются мимоходомъ. Въ нашей литературѣ найдутся гораздо болѣе яркія и полныя изображенія жизни въ московскихъ меблированныхъ комнатахъ, и я привелъ нѣсколько строкъ изъ разсказа г. Тимковскаго только потому, что читатель найдетъ его рядомъ съ «Мужиками» г. Чехова. Но и въ приведенныхъ нѣсколькихъ строкахъ содержится достаточно намековъ на ту дѣйствительность, въ которой жила Ольга въ Москвѣ. Богема, населяющая меблированныя комнаты, часто проводитъ время болѣе, чѣмъ весело, и горничная тутъ всякой штуки навидится и наслышится; а хозяйка, хотя и не непремѣнно анаѳемская», своего во всякомъ случаѣ не упуститъ, и горничная тутъ всякой штуки натерпится и въ смыслѣ неустанной работы съ утра до вечера, и въ смыслѣ помѣщенія гдѣ-нибудь въ коридорѣ подъ лѣстницей. При этихъ условіяхъ могутъ вырабатываться очень различные типы горничныхъ, но только не Ольги: это не типъ, а экземпляръ, сложившійся благодаря какимъ-то особеннымъ, необычнымъ обстоятельствамъ, которыхъ намъ авторъ не показалъ, а потому и Ольга является совершенно неоправданною.

Можетъ быть, на Ольгу вліялъ мужъ, Николай? Это, повидимому, мягкій, добрый человѣкъ, но это и все, что объ немъ можно сказать: онъ гораздо блѣднѣе Ольги. Къ профессіи своей Николай относится какъ бы даже восторженно. Когда онъ въ деревнѣ слышитъ въ первый разъ звонъ ко всенощной, онъ «мечтательно» вспоминаетъ: «Объ эту пору въ Славянскомъ Базарѣ обѣды». Ночью, когда его никто не видитъ, надѣваетъ свой лакейскій фракъ и умиленно улыбается: при случаѣ охотно говоритъ о котлетахъ марешаль и т. п. Эти нѣсколько комическія черты, придавая нѣкоторую жизненность блѣдной фигурѣ Николая, тонутъ въ его мягкости и деликатности, но не въ нихъ же искать источника святости Ольги. И опять-таки мы ничего не узнаемъ о жизни Николая до его пріѣзда въ деревню, кромѣ того, что онъ одиннадцати лѣтъ былъ отвезенъ на трактирную лакейскую службу въ Москву.

Недавно въ «Сынѣ Отечества» была напечатана замѣтка о положеніи трактирныхъ половыхъ. Авторъ, между прочимъ, говоритъ:

Одинъ изъ моихъ читателей пишетъ мнѣ отъ своего имени и отъ имени своихъ товарищей по работѣ и указываетъ, что ихъ работа начинается съ 7 часовъ и продолжается до 2-хъ и 4-хъ часовъ ночи. Вѣдь это не меньше 19 часовъ работы. Скажутъ, что эта работа легкая, что очень часто приходится сидѣть совсѣмъ безъ дѣла. Да, но вѣдь сидѣть безъ дѣла въ ожиданіи, что каждую минуту любой пьяница можетъ васъ позвать и начать безнаказанно издѣваться надъ вами,—это еще не значитъ отдыхать.

Большинство служащих работает безъ жалованья, существуя исключительно тѣми деньгами, которыя посѣтители даютъ на чай. Изъ этихъ же денегъ служащій уплачиваетъ хозяину за разбитую посуду. Никакое начальство, никакое покровительственное общество не вхожи въ наше положеніе, жалуется авторъ письма, такъ что въ общемъ служащій человѣкъ что-то такое ненужное и презрѣнное, что ни просьбъ, ни жалобъ отъ него никто не хочетъ принимать. Разъ онъ слуга, значитъ долженъ быть и почтителенъ и добръ по характеру, и честенъ, и за все молчать и все переносить. А вѣдь онъ тоже человѣкъ. А онъ тоже и жить хочетъ.

Вотъ какіе виды видалъ и Николай Чикильдѣевъ за свою полувѣковую лакейскую службу въ одинадцати лѣтъ и до старости. Но авторъ вычеркнулъ все это изъ его памяти, не показалъ и читателю и поставилъ въ среду «Мужиковъ» такимъ, какимъ онъ является посѣтителю Славянскаго Базара: чистоплотнымъ, деликатнымъ, весело предупредительнымъ, любезно предлагающимъ скушать котлету-маршаль. Выходитъ опять своего рода свѣтлое пятно и опять неоправданное.

Вообще весь разсказъ г. Чехова производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто талантливый и наблюдательный человѣкъ, попавъ въ деревню, поразился ея нищетою и грязью, наскоро занесъ свои впечатлѣнія въ свою записную книжку; потомъ вспомнилъ лакея, видѣннаго имъ въ московскомъ трактирѣ и обратившаго на себя его вниманіе своею мягкостью и деликатностью, и такъ и ввелъ его въ деревенскую картину; потомъ приспособилъ ему жену и дочь, потомъ наскоро и грубо приспособилъ всѣ эти сцены для пополненія запаса подлинныхъ наблюденій. Если бы все это выровнять, отдѣлать, то, при талантливости автора, могла бы выдти прекрасная вещь, а теперь вышли только «Мужики».

Но можетъ быть есть разсказъ, хотя онъ и не изъ удачныхъ самъ по себѣ, дорогъ тѣмъ, что даетъ матеріалъ для важныхъ выводовъ, которые могутъ и дѣлаются критикой? Посмотримъ.

Во всемъ, что я слышалъ и читалъ о «Мужикахъ», меня прежде всего поразило то, что, восхищаясь талантливостью этого произведенія, талантомъ г. Чехова вообще, никто не попытался вспомнить хоть одно какое-нибудь изъ прежнихъ произведеній г. Чехова. А вѣдь это такъ естественно, когда рѣчь идетъ о произведеніи талантливаго писателя, имѣющаго болѣе или менѣе долгое литературное прошлое. Читая, напримѣръ, не то что такую грандіозную вещь, какъ «Война и миръ», а даже такой незначительный разсказъ, какъ «Хозяинъ и работникъ», вы невольно вспоминаете рядъ образовъ и картинъ изъ другихъ произведеній Толстого, ищете въ нихъ дополненій, разъясненій, параллелей, контрастовъ; вамъ открывается такая или иная перспектива въ творческій міръ Толстого вообще. Возьмите любого другого боль-

триста, привлекавшаго къ себѣ вниманіе публики: Тургенева, Салтыкова, Успенскаго, Достоевскаго: вездѣ вы получите то же самое: столь тѣсную связь между, если не всѣми, то большинствомъ ихъ произведеній, что даже при желаніи изолировать какое-нибудь одно изъ нихъ, сдѣлать это трудно. Это напротивъ очень легко относительно г. Чехова. Трудно напротивъ найти какую-нибудь связь между «Мужиками» и «Ивановымъ», «Степью», «Палатой № 6», «Чернымъ монахомъ», водевилями въ родѣ «Медвѣдя», многочисленными мелкими разсказами. Есть только одно произведеніе, которое мнѣ всегда вспоминается при чтеніи каждой новой работы г. Чехова. Это «Скучная исторія», и въ ней грустныя слова главнаго дѣйствующаго лица: «Во всѣхъ мысляхъ, чувствахъ и понятіяхъ, какія я составляю обо всемъ, нѣтъ чего-то общаго, что связывало бы все это въ одно цѣлое. Каждое чувство и каждая мысль живутъ во мнѣ особнякомъ, и во всѣхъ моихъ сужденіяхъ о наукѣ, театрѣ, литературѣ, ученикахъ и во всѣхъ картинахъ, которыя рисуетъ мое воображеніе, даже самый искусный аналитикъ не найдетъ того, что называется общей идеей или богомъ живого человѣка. А коли нѣтъ этого, то, значитъ, нѣтъ и ничего»...

Послѣднее, можетъ быть, ужъ слишкомъ сурово: Николай Степановичъ, говорящій эти печальныя слова, есть умный, ученый и добрый человѣкъ; умъ, знанія, доброта за нимъ и остаются. Точно также за г. Чеховымъ остаются талантъ и наблюдательность, но «того, что называется общей идеей или богомъ живого человѣка» — у него нѣтъ. Въ этомъ, между прочимъ, и заключается разгадка той странности, что всѣ мы, почитатели таланта г. Чехова, твердо знаемъ, что онъ никогда не развернетъ этотъ свой талантъ во всю мѣру его силы. Отсюда же слѣдуетъ и другой общій выводъ, а именно тотъ, что никакихъ общихъ выводовъ изъ произведеній г. Чехова дѣлать не слѣдуетъ, да и просто нельзя. Безпрестанно перенося свое художественное вниманіе съ одного предмета на предметъ, онъ довольствуется самыми поверхностными наблюденіями. Поверхностность эта скрадывается большою талантливостью, но все-таки не нужно быть «самымъ искуснымъ аналитикомъ», чтобы усмотрѣть ее, а значитъ и отказаться отъ какихъ бы то ни было выводовъ на основаніи столь скуднаго, поверхностнаго матеріала.

Чеховъ хотѣлъ показать «Мужиками» то-то или то-то... Такъ говорятъ и пишутъ. Я этого не знаю и вполнѣ допускаю, что г. Чеховъ даже ровно ничего не хотѣлъ показать, а просто писалъ, какъ писалось, подъ вліяніемъ извѣстныхъ впечатлѣній съ одной стороны, извѣстнаго настроенія — съ другой. Для меня

лично никакіе общіе выводы не слѣдуютъ изъ написанной имъ картины, въ которой столько случайнаго, эксцентрическаго, непропорціональнаго и нетоговореннаго, не смотря на громкое и какъ бы суммирующее заглавіе «Мужики». Другіе думаютъ иначе. Говорятъ, напримѣръ, что мы получили яркую картину деревенской нищеты, невѣжества и дикости, а это уже само по себѣ есть призывъ, указаніе на необходимость просвѣщенія деревни. Когда-то подобныя картины не были рѣдкостью въ нашей литературѣ, раздавались даже негодующіе голоса, что она «провонялась мужикомъ» и что надоѣло слушать, какъ «какой-нибудь Сысойка отъ дикости своей принужденъ сосновой корой питаться». Потомъ и совсѣмъ было о мужикѣ забыли, а теперь вотъ онъ опять всплылъ въ разсказѣ г. Чехова, да еще какого шуму наѣлалъ! Какъ бы то ни было, но необходимость просвѣщенія мужика (если ее еще нужно доказывать) дѣйствительно вытекала бы изъ разсказа г. Чехова, если бы не лучезарность Николая и Ольги Чикильдѣевыхъ. Одна плачетъ при словахъ «ваше» и «дотлеже», а другой умѣетъ вѣроятно написать счетъ, обозначивъ въ немъ котлету-маршалъ и «ёфъ бруя» и многое другое. Это, конечно, просвѣщеніе, но дѣло не въ немъ, очевидно, а въ тонкой чувствительности, деликатности, «гуманности», воспитанныхъ городской жизнью.

Необходимость просвѣщенія — выводъ практическій, приглашающій къ нѣкоторымъ дѣйствіямъ. Другіе считаютъ его пустяками, не стоющими вниманія, а важенъ, дескать, выводъ теоретическій: городъ въ лицѣ полового Николая и горничной Ольги выше деревни въ лицѣ ихъ дикихъ сродниковъ. Ну, а дальше что? Слѣдуетъ ли изъ этого, что городъ, который и безъ того хорошъ, можно оставить безъ вниманія, и всѣ заботы общества должны сосредоточиться на деревнѣ, которая такъ темна и безпомощна? Повидимому, нѣтъ, и даже скорѣе напротивъ. Во всякомъ случаѣ насъ предпочитаютъ держать на высотѣ чисто теоретическаго вывода и настаиваютъ на немъ съ страннымъ полемическимъ задоромъ. Задоръ этотъ странепъ по своей запозлости. Было время, когда кое-кто изъ нашихъ беллетристовъ чрезмѣрно идеализировалъ деревню въ ущербъ или въ пику городу. Были у этого направленія свои теоретики-публицисты, прибѣгавшіе къ чрезвычайно страннымъ приемамъ для оправданія и развитія своихъ положеній. Напримѣръ, одинъ изъ нихъ писалъ: «Если только намъ суждено скоро услышать «надлежащее слово», его скажутъ люди деревни, а не города, и ужъ всего меньше Петербурга. Да, скажетъ это деревня, какъ бы презрительно ни думали о ней книжники. Хотѣлось бы пояснить, что подъ деревней

здѣсь подразумѣвается единица, олицетворяющая собою принципъ солидарности, нравственной связи, въ противоположность принципу крайняго индивидуализма и разобщенности, выразителемъ котораго былъ и есть европейскій городъ». Это писалъ двадцать лѣтъ тому назадъ въ «Недѣлѣ», нѣкто г. П. Ч., вѣроятно давно уже отказавшійся отъ своей тогдашней точки зрѣнія. Да и вообще въ настоящее время въ литературѣ нѣтъ ея представителей. Но за то ее усвоили, напримѣръ, комментаторы «Мужиковъ», только, такъ сказать, съ перемѣною адреса. Логическая ошибка вышеприведеннаго разсужденія г. П. Ч., какъ я тогда же указывалъ, состоитъ въ томъ, что, вѣрно или невѣрно усвоивъ деревнѣ извѣстную черту, онъ *отвлекаетъ* ее отъ всѣхъ непривлекательныхъ сторонъ деревни—ея невѣжества, пьянства, грубости—и противопоставляетъ эту *отвлеченную* деревню *конкретному* Петербургу, въ которомъ, конечно, много мерзостей. Совершенно такъ же поступаютъ комментаторы «Мужиковъ» (я не говорю самъ г. Чеховъ). Вѣрно или невѣрно приписавъ извѣстныя черты городскому жителю вообще, они берутъ *отвлеченнаго* полового — вытираютъ изъ его прошлаго всѣ тычки, пинки, ругательства и издѣвательства, претерпѣнныя имъ съ одиннадцатилѣтняго возраста до тѣхъ поръ, пока онъ самъ сталъ раздавать таковыя такимъ же мальчишкамъ-ученикамъ; промываютъ его глаза и уши отъ всего, что онъ видѣлъ и слышалъ въ отдѣльныхъ кабинетахъ; вычеркиваютъ и его ежедневную 19-и-часовую работу, и всѣ гнусныя привычки хамскаго угодничества изъ-за «на-чаевъ», вырабатываемыя нашими дикими нравами вообще, и всѣ тѣ оскорбленія, которыя онъ, благодаря все той же нашей общей дикости, получилъ отъ пьяныхъ посѣтителей, и проч., и проч., и проч. Вотъ, напримѣръ, недавно писали въ газетахъ, что какой-то милліонеръ изъ купцовъ заставилъ лакея-татарина въ загородномъ ресторанѣ лечь на полъ кабинета и, поливая его шампанскимъ, приговаривалъ: «плавай!» Старикъ-татаринъ, для угожденія «хорошему гостю», легъ на полъ и началъ руками и ногами производить движенія, какъ во время плаванія.—«Теперь получай награду»,—возвѣстилъ коммерсантъ, и далъ татарину пятьсотъ рублей. Татаринъ остался крайне доволенъ и съ восторгомъ, какъ заявляютъ газеты, заявилъ окружающимъ: «Тридцать лѣтъ служу, а такого хорошаго господина не видалъ»... Все это отметается, стирается, и получается исключительно воплощеніе того момента каторжной жизни полового, когда онъ любезно и предупредительно предлагаетъ вамъ въ хорошемъ московскомъ трактирѣ: спаржи не прикажете ли? — хорошую получили. И этого отвлеченнаго полового внѣдряютъ въ *конкретную*, даже въ ультраконкретную деревню, изъ которой не

только ни одна подлинная соринка не выметена, а еще лишняго навозу навалено для большей яркости.

Отвлеченный половой всѣмъ возмущается въ конкретной деревнѣ. «На Илью пили, на Успенье пили, на Возвиженье пили. На Покровъ въ Жуковѣ былъ приходскій праздникъ, и мужики по этому случаю пили три дня: пропили 50 рублей общественныхъ денегъ и потомъ еще со всѣхъ дворовъ собирали на водку». Да, это правда, и ужасная правда. Но вѣдь это только для отвлеченнаго половаго невидаль, а конкретный половой знаетъ, что въ московскихъ трактирахъ круглый годъ, каждый день пьютъ. — Въ избѣ, въ которой пришлось поселиться Чикильдѣевымъ, грязно, тѣсно, душно. Да, навѣрное такъ. Но прочтите напечатанную въ іюньской книжкѣ «Русскаго Богатства» за 1897 г. статью г-жи Покровской «Жилища петербургскихъ рабочихъ», и вы увидите, что не только на деревенской ротинѣ Чикильдѣева есть люди, живущіе въ грязи, тѣснотѣ, смратѣ. И конкретный половой не можетъ этого не знать, потому что, какъ засвидѣтельствовано многочисленными полицейскими протоколами, многіе половые, проработавъ 18—19 часовъ въ трактирной атмосферѣ со всѣми ея прелестями, отдыхаютъ, то есть спятъ въ условіяхъ, своими неудобствами, можетъ быть, превосходящихъ даже избу Чикильдѣевыхъ. Ну, а отвлеченный Чикильдѣевъ,—тотъ такъ и стоитъ въ храмоподобномъ залѣ Славянскаго Базара, одѣтый во фракъ и крахмальную манишку, и любезно улыбается. Есть, однако, и относительно этого франта одно указаніе, способное очень ослабить то впечатлѣніе свѣтлаго пятна, которое онъ производитъ на фонѣ деревенскаго мрака. Проработавъ, не зная отдыха, лѣтъ сорокъ, онъ не имѣетъ, гдѣ преклонить голову, и ѣдетъ кончать жизнь въ деревню; а послѣ его смерти его жена и дочь побираются Христовымъ именемъ. И такъ это просто, точно онѣ всегда къ этому готовы были. Дойдя до перваго же села, остановившись около избы, которая казалась побольше и новѣе, передъ открытыми окнами, Ольга поклонилась и сказала громко, тонкимъ, пѣвучимъ голосомъ: «Православные христіане, подайте милостыню Христа ради, что милость ваша, родителямъ вашимъ царство небесное, вѣчный покой.—Православные христіане—запѣла Саша, подайте Христа ради, что милость ваша, царство небесное»...

Господа, подайте милостыню своего вниманія подлинной вдовѣ и сиротѣ подлиннаго рабочаго человѣка, гдѣ бы онъ ни работалъ, въ деревнѣ ли, въ городѣ ли; и не спиваете ломи двухъ разрядовъ людей, жизнь которыхъ, въ разномъ родѣ, по одинаково темна и скудна, одинаково требуетъ и одинаково заслуживаетъ участія...

«Кто-то нарядилъ его во фракъ, научилъ его держаться по-лакейски, заставилъ выражать всей своей фигурой удовольствіе при видѣ кушающихъ и пьющихъ господъ, заставилъ «затвердить» сотни какихъ-то словъ, невѣдомо что означающихъ, словомъ замаскировалъ и скрылъ его подлинную человѣческую суть— и вотъ эта-то суть, горькое, каторжное существованіе простого рабочаго человѣка, недосыпающаго и недѣдающаго, вдругъ зазвучало въ его монологѣ о ликерахъ и финсербахъ такъ ясно и такъ жалобно, что скучающіе посѣтители не осмѣлились продолжать шутки.

— Конечно,—продолжалъ лакей, уже не какъ лакей, а какъ каторжный работникъ, - конечно, кто знаетъ, напримѣръ, иностранный языкъ и досугъ у него есть, такъ это очень легко затвердить, а нашему брату-мужику очень это трудно! Я отродясь не знаю, каковъ таковъ и досугъ-то есть на свѣтѣ... Десяти годовъ меня въ Петербургъ представили изъ деревни... У насъ въ Ярославской губерніи народъ все отхожій—то въ Москву, по трактирной части, то по фабричной... У меня отецъ на фабрикѣ померъ, осталась мать, двѣ сестры маленькія, да я по десятому году. Мать-то на фабрику пошла, а меня въ Питеръ увезли. Насъ, ярославскихъ ребятъ, какъ телятъ въ Питеръ возятъ. Такіе есть мужики— наберетъ мальчишекъ штукъ десятокъ, на свой счетъ представитъ ихъ въ Питеръ ли, въ Москву ли и раздастъ по трактирамъ, по кабакамъ. Конечно, на этомъ и наживаетъ съ хозяевъ. Такъ меня десяти годовъ на Сѣнную, въ самый черный трактиръ опредѣлили. День и ночь торговали, извозчицкій. Два года стоялъ за стойкой, посуду мылъ. А что побоевъ! Все по головѣ, все по затылку, съ оплеухой! Такъ сколько я претерпѣлъ, покудова Господь меня сподобилъ съ Сѣнной-то, изъ вертепа, достигнуть до ресторана! Конечно, добрые люди помогли, научили всему.

— Да чему же тутъ учить?

— Помилуйте, какъ чему? Теперича на свадьбахъ оффиціантомъ приглашаютъ, все надо знать, орвадъ, лимонадъ, весь порядокъ. Да тутъ страсть Господня! Опять, какъ подать, какъ обоитись... Облеи-ко соусомъ-то гостя—ну и вонъ! Какъ можно! Тутъ ни дня, ни ночи покою нѣтъ. Главное, спишь кое-какъ, совсѣмъ по нашей должности сна мало... Такъ тутъ, при такой жизни, гдѣ ужъ намъ доходить до всего — дай Богъ только памятью не сбиться! Я этотъ самый прейсъ-курантъ-то мѣсяца три по ночамъ зудилъ, съ огаркомъ, покудова вошелъ въ память. Только бы Господь далъ не перепутать. А кромѣ того надо съ гостемъ обойтись умѣть, услужить ему; а иной буйный на то и въ трактиръ идетъ, чтобы наскандальничать... Иной разъ не дожа-

рять или пережарить — а рулетъ то нашего брата. Бываетъ... какой серпитый гость, такъ прямо тарелкой въ рыло норовитъ: ему ничтожемъ, напримѣръ, въ сердцахъ за лацканъ вернуть, оторвать или соусомъ какимъ облить... А вѣдь фракъ-то мало-мало девять цѣлковыхъ!»

Это я выписалъ изъ разсказа Глѣба Успенскаго «Развеселить тоску» (Сочиненія, т. I, 959—970), который рекомендую прочитать или перечитать всѣмъ, такъ или иначе заинтересовавшимся «Мужиками» г. Чехова. Надо замѣтить, что въ разсказѣ полового нѣтъ ни одной сочиненной черты, онъ весь записанъ съ натуры, какъ мнѣ совершенно извѣстно, потому что я присутствовалъ при разсказѣ; Успенскій только вставилъ его въ рамку, опредѣлившую и заглавіе: «Развеселить тоску». Половой Успенскаго тоже мягкій, деликатный человѣкъ, какъ и Николай Чикильдѣевъ. Но, во-первыхъ, у этого полового вскрыта его «подлинная человѣческая суть» и его «горькое каторжное существованіе простого рабочаго человѣка». Во-вторыхъ, отношенія этого полового къ деревнѣ прямо противоположны тѣмъ, которыя мы видимъ у Чикильдѣева: онъ только и мечтаетъ о томъ, какъ бы, домаявшись еще года два въ половыхъ, поселиться въ деревнѣ, жизнь которой рисуется ему идиллическими красками. Въ-третьихъ, наконецъ, Успенскій не то, что г. Чеховъ, который, записавъ нѣсколько своихъ наблюденій, даетъ имъ исчерпывающее заглавіе «Мужики», а затѣмъ перейдетъ, можетъ быть, къ «Черному монаху» или къ водевилю «Медвѣдь». Успенскій подлинно пристально и вдумчиво вглядывался въ деревенскую жизнь. Онъ зналъ, какая это сложность и сложность. Зналъ, что подлинный разсказъ полового объ его идиллическихъ деревенскихъ отношеніяхъ не исчерпываетъ этой сложности, въ которой есть и горе, и мракъ, и ужасъ, какъ есть они и въ жизни городского рабочаго человѣка.

VI *).

О совѣсти г. Минскаго, страхѣ смерти и жаждѣ безсмертія. - О нашихъ умственныхъ теченіяхъ за полвѣка. — О новыхъ словахъ и «Новомъ Словѣ». - О рѣчи проф. Свѣтлова. - О г. Волынскомъ и скандалистахъ вообще.

«Слова сами по себѣ обладаютъ какою-то притягательною, какъ бы накликающею силой... И бѣда, если творецъ системы обладаетъ живою фантазіей и образнымъ слогомъ! Тогда его мысль совсѣмъ стала рабой своихъ рабовъ: чуть только она рождается, на нее, беззащитную, со всѣхъ сторонъ нападаютъ образы, сравненія, берутъ ее въ плѣнъ и влекутъ по прямому направленію, оглушая своимъ звономъ».

Такъ говоритъ г. Минскій («При свѣтѣ совѣсти. Мысли и мечты о цѣли жизни». Изданіе второе, 1897 г., стр. 126—127). И нельзя съ нимъ не согласиться, тѣмъ болѣе, что мудрено найти «рабу своихъ рабовъ» болѣе законченную, мысль, болѣе беззащитную отъ нападающихъ на нее образовъ и сравненій, болѣе оглушенную ихъ звономъ, чѣмъ мысль г. Минскаго. Само по себѣ еще вовсе не бѣда, если «творецъ системы обладаетъ живой фантазіей и образнымъ слогомъ». О живой фантазіи и говорить нечего: она открываетъ мысли далекіе горизонты, и не только философская «система», а и крупные поступательные шаги въ области точныхъ наукъ немыслимы безъ участія воображенія. Образный слогъ,— даръ, конечно, гораздо менѣе цѣнный,—есть лишь одно изъ могущественныхъ орудій воздѣйствія на читателей и, въ качествѣ таковаго, несетъ съ собой добро или зло, смотря по содержанію излагаемаго, но самъ по себѣ остается силой. Недалеко ходить,—взять хоть бы этотъ прекрасный образъ «рабы своихъ рабовъ», только что рожденной, беззащитной мысли, на которую «со всѣхъ сторонъ нападаютъ образы, сравненія, берутъ ее въ плѣнъ и влекутъ по

*) Октябрь, 1897 г.

прямому направленію, оглушая своимъ звономъ». Этотъ образъ ярко и сильно характеризуетъ цѣлую группу литературныхъ явленій. Другое дѣло — самыя эти явленія; въ нихъ хорошаго мало. Разумѣется, нехорошо, если воздѣйствіе на читателей принимаетъ форму «оглушенія звономъ», и тѣмъ паче, если оглушенію подвергается самъ авторъ. А это послѣднее, къ сожалѣнію, именно и случилось съ г. Минскимъ въ книжкѣ «При свѣтѣ совѣсти».

Книжка эта вышла первымъ изданіемъ въ 1889 или 1890 году, и мнѣ тогда же пришлось писать объ ней. (Интересующіеся могутъ статью въ имѣющемъ скоро выйти VI томѣ «Сочиненій»). Если я теперь возвращаюсь къ г. Минскому, то только ради заграничнаго предисловія, которымъ онъ снабдилъ второе изданіе своей книжки, и еще ради одного пункта, котораго я не коснулся, говоря о первомъ изданіи.

Критика не особенно благосклонно встрѣтила трудъ г. Минскаго. Онъ пожелалъ выяснить причины этой неблагосклонности. Къ чести его надо сказать, что онъ не ищетъ ихъ въ «личномъ недоброжелательствѣ» критиковъ. Онъ нашелъ общую причину «враждебнаго равнодушія» и «глухого недовѣрія», съ которыми наша критика относится къ цѣлому разряду литературныхъ явленій, къ числу которыхъ относится и его, г. Минскаго, трудъ. Но тутъ же выясняется, что не только русская критика, а и все русское общество грѣшно этимъ грѣхомъ. Грѣхъ состоитъ во «враждебномъ отношеніи нашего общества къ вѣчнымъ вопросамъ разума и совѣсти». Причина же этого явленія лежитъ не въ какихъ-нибудь коренныхъ свойствахъ русскаго характера, а въ «историческихъ обстоятельствахъ, создавшихъ не внутреннюю, а внѣшнюю преграду между русскимъ сознаніемъ и вѣчными истинами философіи. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ широко развита общественная дѣятельность, гражданскія стремленія людей, находя исходъ наружу въ борьбѣ партій и классовъ, не обращаются во внутрь души, не занимаютъ въ ней святая святыхъ, которая остается открытой для идей вѣчныхъ, религіозныхъ и философскихъ. У насъ же эти гражданскія стремленія, не разрѣшаясь въ практической дѣятельности, обращаются во внутрь совѣсти, сами становятся какъ будто священными и мѣшаютъ доступу въ сознаніе другихъ идей и чувствъ, дѣйствительно вѣчныхъ и священныхъ». Какъ это ни странно звучитъ, но несомнѣнно, что сила, противодѣйствующая у насъ философскому и религіозному идеализму, есть ни что иное, какъ тотъ же идеализмъ, но только практическій, проповѣдующій, вмѣсто любви къ вѣчному началу жизни, любовь къ людямъ или, вѣрнѣе, любовь къ народу». («Предисловіе ко 2-му изданію. IV»). Въ числѣ прочихъ главнѣйшихъ «вѣчныхъ вопросовъ разума и совѣсти», «вѣчныхъ истинъ фило-

софіи» претерпѣлъ отъ этого нашего враждебнаго равнодушія и г. Минскій.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ чрезвычайно широкое основаніе для объясненія очень маленькаго факта: неблагосклоннаго отношенія критики къ произведенію г. Минскаго. Комфортабельно развалившись на этомъ широкомъ основаніи, маленькая жертва маленькаго факта г. Минскій съ презрительнымъ снисхожденіемъ обзираетъ окрестности: его не оцѣнили, да и не могли оцѣнить, и онъ очень хорошо понимаетъ, почему не могли, а потому великодушно прощаетъ. Онъ не дѣлаетъ исключенія даже для г. Волынскаго, который также неблагосклонно отозвался о трудѣ г. Минскаго въ журналѣ, часто украшаемомъ поэтическими произведеніями послѣдняго. Я не говорю, что критика г. Волынскаго отличается какими-нибудь особенными достоинствами, — напротивъ, это одно пустословіе, — но исходная точка этой критики никоимъ образомъ не укладывается въ приведенное обобщеніе г. Минскаго Кого-кого, а г. Волынскаго никто не рѣшится заподозрить во враждебномъ равнодушіи къ «вѣчнымъ истинамъ философіи» и въ частности къ философскому и религіозному идеализму». По этой части онъ горитъ словеснымъ пламенемъ, своею выспренностію, быть можетъ, даже превосходящимъ пламя самого г. Минскаго. И, однако, г. Минскому даже ни на минуту не приходитъ въ голову мысль поискать причины неблагосклоннаго отношенія критики въ самомъ произведеніи своемъ.

Читатель благоволитъ пересмотрѣть вышеприведенное разсужденіе г. Минскаго о «тѣхъ странахъ, гдѣ широко развита общественная дѣятельность». Въ этихъ странахъ, какъ мы видѣли, «цивическія стремленія людей», находя исходъ наружу въ борьбѣ партій и классовъ, не обращаются во внутрь души, не занимаютъ въ ней святая святыхъ, которая остается открытой для идей «вѣчныхъ, религіозныхъ и философскихъ». Фраза эта типична. У г. Минскаго мелькнула мысль, но, прежде чѣмъ она успѣла сложиться въ опредѣленную логическую форму, на нее, беззащитную, нападаютъ образы, сравненія и влекутъ по прямому направленію, оглушая своимъ звономъ. Автору съ соблазнительною образностью представляется, какъ «цивическія стремленія» уходятъ куда-то «наружу» и оставляютъ послѣ себя свободное, пустое пространство, которое и наполняется «вѣчными идеями». Едва ли нужно пространно доказывать, что это образъ совершенно фантастическій, которому не соотвѣтствуетъ и не можетъ соотвѣтствовать никакая дѣйствительность. Слова «исходъ наружу» влекутъ беззащитную мысль г. Минскаго къ представленію, напримѣръ, переполненнаго желѣзнодорожнаго вагона, въ которомъ онъ, г. Минскій, можетъ получить

мѣсто лишь тогда, когда кто-нибудь изъ лабораторіи [illegible] [illegible]ится наружу. И чтобы сорвать улыбающееся изъ вагона [illegible] сахара или вылѣзшей изъ конуры собаки, выпущенной изъ клѣтки птицы и т. д. [illegible] является сознанною мыслью, что для автора утрачивается всякая возможность подвергнуть ее логической и фактической провѣркѣ, онъ слушаетъ звонкую метафорической фразы. Въ дѣйствительности это надо понимать не такъ, какъ утверждаетъ слушающій г. Минскій, и даже, можно сказать, наоборотъ. «Физическія стремленія», получая возможность практическаго осуществленія, никуда «наружу» не выходятъ, а съ тѣмъ большею силою овладѣваютъ душой. Если же, съ другой стороны, представить себѣ страну, въ которой нѣтъ не только [illegible] физическихъ стремленій», но и вообще нѣтъ всего, въ отношеніи [illegible] стремленія отъ, конечно, должны загнить. Исторія можетъ указать немало примѣровъ большаго или меньшаго приближенія общества къ такому состоянію. И вотъ именно когда, за всѣмъ шумомъ исхода «наружу», физическія стремленія болѣе или менѣе [illegible], на обширномъ пространствѣ [illegible] разростаются разныя другія стремленія, въ томъ числѣ и къ тому, что г. Минскій называетъ «вѣчными истинами». Но, во-первыхъ, не къ нимъ однимъ, а и къ многимъ другимъ, гораздо менѣе благозвучнымъ вещамъ, напримѣръ, къ наживѣ, къ грубымъ наслажденіямъ и т. п. А во-вторыхъ, надо помнить чрезвычайную сложность человѣческихъ дѣлъ и отношеній, сложность, не допускающую слишкомъ простыхъ рѣшеній. Если спросить г. Минскаго, что больше было, напримѣръ, при возникновеніи и первыхъ шагахъ исламизма или при реформаціонномъ движеніи, — физическихъ стремленій или интересъ къ «вѣчнымъ вопросамъ разума и совѣсти»,—то онъ, я полагаю, затруднится отвѣтить.

Ab uno disce omnes. Если читатель не поддался слушанію звонкомъ фразъ г. Минскаго, то онъ легко можетъ открыть тутъ сто метафорами и прочей риторической одеждой либо нѣчто, прямо противоположное истинѣ, либо просто пустое мѣсто. Это, конечно, не можетъ считаться достоинствомъ книги, а въ связи съ этими находится нѣкоторое уже прямо недостоинство, недовѣренность.

Есть вещи, по отношенію къ которымъ никто и ни у кого не имѣетъ права требовать недовѣренности: запертъ человѣкъ,—и онъ, и никто не смѣетъ стучаться въ эту запертую дверь. Но если человѣкъ самъ отворяетъ передъ вами дверь настежь и усиленно приглашаетъ осмотрѣть внутреннее помѣщеніе, то вы естественно не хотите быть обманутыми, въ какой, въ самомъ дѣлѣ, стали вы мечтать, когда вы даже ни о чемъ не спрашивали? Не всегда, впрочемъ, въ подобныхъ случаяхъ можетъ идти рѣчь о сознатель-

ной неправдѣ. Носитель беззащитной мысли, оглушенный звономъ собственной фразы, часто невольно извращаетъ не только факты окружающей дѣйствительности, но и факты своего сознанія. Г. Минскій, напримѣръ, утверждаетъ слѣдующее: «Когда мы встрѣчаемъ тѣло сильное, легкое, соразмѣрное, т. е. во всѣхъ частяхъ одинаково цѣлесообразное, насъ потрясаетъ блаженство, смѣшанное съ грустью: мы готовы упасть ницъ и молиться не прекрасному тѣлу, а святынѣ міра, вѣчной цѣли мірозданія, символомъ которой кажется намъ прекрасное тѣло» (стр. 208). Это, конечно, неправда. Представимъ себѣ такую картину. Г. Минскій, желая отдохнуть отъ своихъ философскихъ пареній, поэтическихъ вдохновеній, міровыхъ скорбей и восторговъ, идетъ въ циркъ и видитъ тамъ превосходно сложеннаго акробата, обладающаго «тѣломъ сильнымъ, легкимъ, соразмѣрнымъ». И вдругъ г. Минскій впадаетъ въ экстазъ: его потрясаетъ блаженство, смѣшанное съ грустью, онъ падаетъ ницъ и молится святынѣ міра, вѣчной цѣли мірозданія, символомъ которой является для него прекрасное тѣло акробата. Признаюсь, я очень хотѣлъ бы полюбоваться такимъ зрѣлищемъ и уже предвкушаю эстетическое наслажденіе, которое получу при видѣ фигуры г. Минскаго въ моментъ колѣнопреклоненія, но сильно опасаюсь, что онъ никогда не доставитъ мнѣ этого удовольствія. Въ дѣйствительности онъ, конечно, никогда и не подумаетъ падать ницъ и проч. Онъ сказалъ всѣ эти якобы красивыя, а въ сущности просто смѣшныя слова въ состояніи оглушенія. Онъ не то, чтобы морочилъ своихъ читателей, а самъ не вѣдалъ, что говорилъ, и въ этомъ его оправданіе.

Не столь, повидимому, мягкаго отношенія заслуживаютъ нѣкоторыя другія частности книги г. Минскаго и ея общій планъ. По многимъ соображеніямъ, вдаваться въ изложеніе которыхъ не вижу теперь надобности, я не вѣрю показанію г. Минскаго, будто онъ въ своей книгѣ «снова проходитъ тотъ тернистый путь сомнѣній и внутренней борьбы, которымъ совѣсть въ дѣйствительности вела его душу». (XV). Для нашей цѣли, впрочемъ, безразлично, сознательно, или безсознательно фразерствуетъ г. Минскій, всегда ли онъ самъ оглушенъ звономъ своихъ образовъ, сравненій, метафоръ и проч., или—и намѣренно прибѣгаетъ къ нимъ для оглушенія читателей. Для насъ важно только то, что вся книга г. Минскаго представляетъ собою «слова, слова, слова въ разныхъ, чрезвычайно витіеватыхъ сочетаніяхъ, въ которыхъ, однако, не отразились ни подлинная жизнь, ни подлинное состояніе души автора, хотя онъ и обѣщалъ показать намъ послѣднюю «при свѣтѣ совѣсти».

Въ связи со всѣмъ этимъ находится еще одно обстоятельство:

безжалостная мысль, влекомая словами, естественно должна въ нихъ запутываться и впадать въ противорѣчія, которыя мы и встрѣчаемъ въ книгѣ г. Минскаго чуть не на каждой страницѣ. Не будемъ ходить далеко. Мы только что видѣли, что г. Минскій («мы») потрясается блаженствомъ, готовъ пасть ницъ и проч., при видѣ «тѣла сильнаго, легкаго, соразмѣрнаго, т. е. во всѣхъ частяхъ одинаково пѣлесообразнаго». Но на слѣдующей же (209) страницѣ узнаемъ, что «когда разумъ еще не понималъ розни между міромъ и мною», — «идеально прекраснымъ казалось тѣло, приспособленное къ физическимъ трудамъ и наслажденіямъ, хорошо упитанное, легкое и сильное... Намъ, наоборотъ, идеально прекрасными кажутся образы и звуки, отражающіе душевныя разлады, борьбу, разнообразность чувствъ, радость и страданіе, слитыя въ чувствѣ экстаза». Такимъ образомъ, «мы» 208-й страницы хотятъ чего-то, прямо противоположнаго тому, что нужно «намъ» 209-й, и мы рѣшительно не знаемъ, чего же собственно г. Минскому нужно. Это не мѣшаетъ ему, однако, тутъ же, безъ передышки заключить: «Понявъ тайну красоты, мы въ то же время постигли тайну искусства». Ну, конечно, поняли и постигли...

Но есть въ книгѣ г. Минскаго одинъ пунктъ, въ которомъ онъ несомнѣнно искрененъ. Это страхъ смерти.

Надо напомнить, что книга г. Минскаго состоитъ изъ трехъ частей, которыя, по его словамъ, «написаны въ разное время, съ большими промежутками, и не проникнуты какимъ-нибудь однимъ настроеніемъ, а относятся между собою, какъ полночь, предразсвѣтныя сумерки и день». Г. Минскій предупреждаетъ своихъ читателей, чтобы они не принимали мрачныхъ воззрѣній на жизнь, выраженныхъ въ первой части, за окончательное міросозерцаніе автора. Но, что касается страха смерти, то въ этомъ отношеніи г. Минскій одинаково настроенъ и въ полночь, и днемъ, и въ сумерки.

Въ первой части, между прочимъ, читаемъ: «Чтобы постигнуть истинное происхожденіе совѣсти, слѣдуетъ ни на мгновеніе не забывать, что въ душѣ есть только два кардинальныхъ чувства, управляющихъ всѣми остальными: мистическая любовь къ бытію и мистическій ужасъ небытія. Сознаніе бытія не только отрадно, но оно — источникъ всякой отрады, первѣйшее благо, крайняя цѣль всѣхъ стремленій. Такимъ же первичнымъ, безусловнымъ, всемогущимъ чувствомъ слѣдуетъ принять ужасъ небытія. Будь человѣкъ безсмертенъ, онъ не имѣлъ бы даже отдаленнѣйшаго понятія о совѣсти и воображалъ бы свое самолюбіе въ видѣ прекраснаго божества. Теперь же я презираю это самолюбіе, ибо сознаю, что люблю нѣчто, обреченное гнѣву, мраку, ничтожеству, вѣчному не-

бытію. Я знаю, что причина моего небытія таится ни въ чемъ иномъ, какъ въ моемъ же тѣлѣ, въ моемъ сердцѣ, которое въ эту минуту бьется для блаженства жизни и черезъ часъ, можетъ быть, будетъ разгонять по моимъ жиламъ смертельную отраву. Если бы меня привязали къ трупу и такъ заставили жить, всюду волоча его за собой, мнѣ бы не было тяжелѣе, чѣмъ теперь, когда я ощущаю трупъ въ себѣ, въ своей крови, въ мозгу, въ каждомъ атомѣ тѣла, вотъ этого теплаго, жизнерадостнаго тѣла, которое вскорѣ должно превратиться въ нѣчто холодное, влажное, зловонное, оскорбляющее свѣтъ, нестерпимое для чувства. Во имя любви къ бытію я долженъ любить палача своего бытія, могилу своего сознанія, долженъ потому, что только этотъ палачъ, это бренное, предательское тѣло даетъ мнѣ возможность непосредственно упиваться блаженствомъ жизни. Совѣсть ополчается на самолюбіе не во имя нравственнаго идеала, а во имя страха смерти» (24—25).

А въ третьей части, въ самомъ концѣ книги, находимъ слѣдующія краснорѣчивыя строки: «*Никакіе образы и сравненія, никакія сирены поэзіи и философіи не заворожатъ живую душу противъ ужаса смерти.* Черная, холодная, влажная, зловонная, она покрываетъ траурнымъ флеромъ красоту утра и прелесть вечера, опускаетъ каплю отравы въ чистую струю веселія, хрипнымъ дыханіемъ прерываетъ ласки влюбленныхъ, вырываетъ вѣнокъ изъ рукъ побѣдителя, безслѣдно стираетъ письмена мудрости и образцы искусства... (и т. д., и т. д.)... И, подобно отдѣльному организму, современемъ остынетъ солнце и придетъ день, когда земля, скрывшая наши трупы, сама превратится въ холодный трупъ... Ничто, ничто не сохранится отъ нашихъ мыслей, и дѣлъ, и чувствъ: ни добро, ни зло, ни слава, ни безславіе, ни разумъ, ни безуміе, ни подвиги, ни преступленія». (224—226).

Между этими тирадами изъ начала и конца книги, въ ней во множествѣ разсыпаны столь же яркія свидѣтельства ужаса и отвращенія, съ которыми г. Минскій относится къ смерти. Само собою разумѣется, что не краснорѣчивость ихъ убѣждаетъ меня въ ихъ искренности,—краснорѣчивъ г. Минскій всегда. Но дѣло въ томъ, что страхъ смерти слишкомъ общераспространенное чувство, чтобы кому-нибудь вздумалось имъ кокетничать. Черта эта была бы вовсе даже неинтересна, если бы не играла въ книгѣ г. Минскаго совершенно исключительной, все собою опредѣляющей роли. Мы видѣли, что страхомъ смерти обусловливается явленіе совѣсти: вы воздерживаетесь отъ поступка, который считаете дурнымъ, или угрызаетесь совѣстью, совершивъ такой поступокъ, исключительно потому, что боитесь смерти. Словесный фокусъ, при помощи котораго получается этотъ выводъ, для насъ теперь не интересенъ,- мы отмѣ-

чаемъ только роль страха смерти во всей концепціи г. Минскаго. Слѣдуетъ, болѣе, замѣтить, что г. Минскаго устрашаетъ не только смерть въ прямомъ смыслѣ слова, не только уничтоженіе его физическаго существа и прекращеніе въ немъ жизненнаго процесса, но и то забвеніе, въ которое всѣ его дѣла и мысли, его поэзія и проза погрузятся рано или поздно. Можетъ быть, это случится только тогда, когда остынетъ солнце, а можетъ быть и гораздо раньше. Это—вопросъ времени, очень мало трогающій г. Минскаго: онъ безсмертія жаждетъ... и, наконецъ, его достигаетъ. Дѣло въ томъ, что есть чувство, одно познаніе въ нашей душѣ не властно и ей—черной, холодной смерти. Это—познаніе не существующихъ мэоновъ и экстазъ, возбужденный ими (226). «Тотъ не безслѣдно промелькнулъ на землѣ или на другой звѣздѣ, кто выстрадалъ истину о небытіи мэоновъ, чья душа пробудилась священнымъ экстазомъ» (227).

Не входя въ разсмотрѣніе логическаго или, вѣрнѣе, словеснаго процесса, приведшаго къ этому результату, порадуемся за г. Минскаго и за всѣхъ, иже съ нимъ, если таковые съ нимъ есть. Они правы: умрутъ, какъ и всѣ мы, грѣшные, то есть перестанутъ существовать, но они, и только они, «не безслѣдно промелькнутъ на землѣ или на другой звѣздѣ» (либо и на другихъ звѣздахъ есть или могутъ быть ученики г. Минскаго). Мэоны не существуютъ, но мэонисты могутъ разсуждать о свойствахъ мэоновъ, ближайшей причинѣ и способѣ ихъ возникновенія: они могутъ идти далѣе и приблизиться къ «открытію разумной необходимости ихъ небытія». Правда, для этого открытія они должны допустить существованіе мэоновъ, то есть не существующихъ, а разъ мы допустили сіе мнѣніе, т. е. допустили нѣчто не существующее и непостижимое, мы должны знать наперетъ, что все, въ чемъ ни выразится это бытіе, будетъ состоять изъ внутренно непримиримыхъ противорѣчій и несообразностей (201). Но вѣдь это такіе пустяки, черезъ которые очень легко перешагнуть. Полное же достоинство мэонизма состоитъ едва ли не въ томъ, что онъ совсѣмъ ненуженъ. На этотъ счетъ г. Минскій выразился въ первомъ изданіи своей книжки съ ясностью, не оставляющею мѣста никакимъ сомнѣніямъ. Онъ говорилъ: «Если ученіе о мэонахъ кажется мнѣ истиннымъ, то, между прочимъ, потому, что оно само въ себѣ не заключаетъ какой-нибудь универсальной, всеисцѣляющей мудрости или святости, а, наоборотъ, *приводитъ къ собственному отрицанію*» и, указывая на науку, искусство, самолюбіе и аскетизмъ, какъ на четыре пути для достиженія святыни, *само себя устраняетъ, признаетъ ненужнымъ*» (стр. 249). Во второмъ изданіи слова: «приводитъ къ собственному отрицанію»—вычеркнуты, а слова: «само себя устраняетъ, признаетъ

знаетъ ненужнымъ · замѣнены словами: «само себя какъ бы устраняетъ» (стр. 217). Это выходитъ гораздо мягче, и человѣкъ, въ мышленіи котораго словесность играетъ такую первенствующую роль, какъ у г. Минскаго, можетъ на этомъ смягченіи успокоиться. Но подобныя маленькія словесныя хитрости не измѣняютъ, конечно, сути дѣла и не превращаютъ «ненужную» доктрину въ кому-нибудь нужную. Фактически вопросъ разрѣшается г. Минскимъ такъ: «Истинная жизнь», — жизнь человѣка, который «въ объятіяхъ смерти вмѣстѣ съ ужасомъ обрѣтаетъ блаженство и вмѣстѣ съ черною смертью обнимаетъ свѣтлое безсмертіе», — «эта истинная жизнь выражается не въ поступкахъ и словахъ, которые могутъ быть притворны, а во внутреннемъ содроганіи душевномъ, передъ неподкупнымъ судомъ совѣсти, черезъ мучительное отрицаніе несовершенствъ и пороковъ міра. Поэтому да будутъ они благословенны, страданія несовершеннаго міра! Да будетъ благословенно отсутствіе любви, истины, свободы! Да будутъ благословенны достовѣрныя знанія науки, хрупкіе образы искусства, безцѣльныя дѣла самолюбія и столь же безцѣльные подвиги самоотреченія,—эти четыре рода орудій, которыми человѣкъ высѣкаетъ изъ своей души спящій въ ней мистическій пламень!» (227—228).

Такимъ образомъ, изъ человѣческихъ дѣлъ,—великихъ и низменныхъ, благородныхъ и подлыхъ,—ничто не осталось безъ благословенія г. Минскаго: все прикрылъ собою «мэонизмъ», все разрѣшилъ, все уравнялъ, лишь подъ условіемъ «внутренняго содроганія душевнаго»... Можетъ быть, вслѣдствіе этого уравненія и нельзя усмотрѣть—куда, собственно, слѣдуетъ отнести книжки «При свѣтѣ совѣсти»: къ достовѣрнымъ ли знаніямъ науки или къ хрупкимъ образамъ искусства, къ безцѣльнымъ ли дѣламъ самолюбія или безцѣльнымъ же подвигамъ самоотреченія? Неизвѣстно даже, дѣйствительно ли содрогался» краснорѣчивый авторъ, сочиняя своихъ мэоновъ и смѣло пускаясь въ безбрежное море «внутренно непримиримыхъ противорѣчій и несообразностей». Я думаю, впрочемъ, что временами дѣйствительно содрогался, и именно тогда, когда думалъ о смерти. Ибо: «Необходимо отказаться отъ попытки придумать такія слова и обороты рѣчи, которые могли бы насъ убѣдить, будто смерть не страшна, и будто потомство или человѣчество способны насъ одарить какимъ-то безсмертіемъ, которымъ они сами не будутъ обладать... Никакіе образы и сравненія, никакія сирены поэзіи и философіи не заворожатъ живую душу противъ ужаса смерти» (224).

Г. Минскій старался *придумать* такія «слова и обороты рѣчи», такіе «образы и сравненія», которые избавили бы его отъ страха

смерти. Въ результатѣ этихъ стараний получилось нѣчто двойственное или раздвоенное: съ одной стороны придумать рѣшительно нельзя, а съ другой—какъ будто и можно, потому что вотъ «мистики» «въ объятіяхъ смерти вмѣстѣ съ ужасомъ обрѣтаютъ блаженство и вмѣстѣ съ черною смертью обнимаютъ свѣтлое безсмертіе».

Попробуемъ подойти къ тому же вопросу безъ столь изобиливой заботы о словахъ и оборотахъ рѣчи, образахъ и сравненіяхъ. А для этого и самый вопросъ долженъ быть поставленъ иначе. Прежде всего попробуемъ разобраться въ фактахъ.

Вѣрно ли, что «въ душѣ человѣческой есть только два кардинальныхъ чувства, управляющихъ всѣми остальными: мистическая любовь къ бытію и мистическій ужасъ небытія»? Эпитетъ «мистическій», какъ введенный исключительно для красоты слога, мы можемъ оставить совсѣмъ въ сторонѣ. Жажда жизни и страхъ смерти—явленія всѣмъ знакомыя и распространенныя. Если, сдѣлано, мы и признаемъ за ними характеръ общаго правила, то должны допустить существованіе многочисленныхъ исключеній. Недавняя тираспольская трагедія свидѣтельствуетъ, что при извѣстныхъ условіяхъ люди предпочитаютъ смерть жизни. Скажутъ, можетъ быть, что тираспольскіе самоубійцы, заживо погребая себя, все-таки расчитывали на жизнь, и именно на лучшую, блаженную жизнь по ту сторону земного существованія. Но, во-первыхъ, добровольно прекращаютъ жизнь не только люди, вѣрующіе въ жизнь загробную, да и для большинства вѣрующихъ, по крайней мѣрѣ, христіанъ, самоубійство есть грѣхъ, лишающій блаженства въ будущей жизни. Во-вторыхъ, жизнь физическую, объ которой только и говоритъ г. Минскій, герои тираспольской трагедіи, во всякомъ случаѣ, оборвали. Правда, эту физическую жизнь г. Минскій понимаетъ очень широко, прихватывая той же скобкой и жизнь въ памяти потомства. Но и это онъ дѣлаетъ неправильно. Въ немъ самомъ страхъ смерти, черной, холодной, зловонной и т. д. сочетается съ скорбью о забвеніи его стиховъ и прозы въ грядущихъ вѣкахъ. Но если онъ въ этомъ отношеніи не составляетъ очень большой рѣдкости, то не является и представителемъ общаго правила. Мы очень хорошо знаемъ, что есть люди, рискующіе и жертвующіе жизнью именно для того, чтобы оставить слѣды своихъ дѣлъ или идей въ исторіи. А съ другой стороны—не одна маркиза Помпадуръ, жадно ловящая блага жизни и всячески отмахивающаяся отъ смерти, исповѣдуетъ принципъ: après nous le déluge. Помнится Майковскаго Люцій:

Но смерти слава—намъ не въ прокъ!
И что за счастье, что когда-то

Укажетъ риторъ бородатый
Въ тебѣ для школьниковъ урокъ!
До тайнъ грядущихъ нѣтъ мнѣ дѣла'
И здѣсь ли кончу я свой вѣкъ
Иль будетъ жить душа безъ тѣла,
Все буду я—не человѣкъ!

Изъ всего этого и изъ многаго еще другого, что можно бы было здѣсь привести, слагается такая пестрая и сложная картина, которая никоимъ образомъ не покрывается слишкомъ простою формулою «двухъ кардинальныхъ чувствъ». Пусть они кардинальныя чувства, но, благодаря сложнымъ условіямъ, какъ личной, такъ и общественной жизни, они образуютъ такія сочетанія, которыя совершенно упущены изъ вида г. Минскимъ. А изъ этого слѣдуетъ что прежде, чѣмъ предпринимать трудъ придумыванія успокоительныхъ словъ и оборотовъ рѣчи, надо принять во вниманіе тѣхъ, которые въ этихъ успокоительныхъ словахъ вовсе не нуждаются, либо въ обоихъ отношеніяхъ, неправильно поставленныхъ у г. Минскаго за одну и ту же скобку, либо въ которомъ-нибудь одномъ изъ нихъ. Такихъ найдется нѣсколько категорій, и вотъ, изучивъ про каждую въ отдѣльности, мы узнаемъ, при какихъ условіяхъ одни боятся смерти физической и не безпокоятъ себя мыслью о памяти въ потомствѣ, другіе, напротивъ, идутъ на смерть, и именно ради приговора исторіи, третьи боятся и смерти, и забвенія, четвертые не боятся ни того, ни другого, пятые могли бы выразить свое отношеніе къ смерти знаменитымъ стихомъ Некрасова: «хорошо умереть, тяжело умирать» и т. д. Кромѣ главныхъ комбинацій, здѣсь найдется еще много высоко поучительныхъ оттѣнковъ. Само собою разумѣется, что я здѣсь не предприму такой работы. Ограничусь лишь однимъ изъ возможныхъ возраженій.

Память въ потомствѣ . . приговоръ исторіи . . .—какая мелочь! Такъ скажетъ, презрительно пожимая плечами, г. Минскій, скорбный взоръ котораго проникаетъ въ тотъ отдаленный моментъ жизни вселенной, когда не только вымретъ наше потомство, но и сама земля станетъ трупомъ, и солнце погаснетъ. И дѣйствительно, память о русскомъ философѣ г. Минскомъ едва ли будетъ продолжительна, а память о греческомъ философѣ Аристотелѣ живетъ тысячелѣтія: но не все ли это равно въ сравненіи съ вѣчностью, къ которой гяготѣетъ г. Минскій? Раньше, позже, больше, меньше... Озимандія велѣлъ изсѣчь на своей статуѣ надпись:

Я Озимандія, я—мощный царь царей!
Взгляните на мои великія дѣянья.
Владыки всѣхъ временъ, всѣхъ странъ и всѣхъ морей!

Прошли вѣка, никто Озимандию не помнитъ, его статуя разрушилась, ея обломки валяются въ лескахъ мертвой пустыни, гдѣ никому читать сохранившуюся гордую надпись. «Кругомъ нѣтъ ничего... Глубокое молчаніе... Пустыня мертвая... И небеса пусты вечно»... Г. Минскій, начертавшій на своемъ вѣку много горныхъ словъ, въ ротѣ того, напримѣръ, что «жрецы могутъ священный скорбитъ, поэтомъ, что и его статуя по прошествіи какихъ-нибудь нѣсколькихъ вѣковъ развалится. Собственно на скорбь, въ связи со скорбью о бренности тѣла, и побуждаютъ г. Минскаго то поднимать руки, то поднимать выше высокаго, то опускать руки, то выдумать ихъ. Изо всѣхъ этихъ трагическихъ или величественныхъ тѣлодвиженій самое интересное опусканіе рукъ. Достигнувъ познанія мировъ, мы уже можемъ спокойно заниматься чѣмъ намъ угодно, на все благословляетъ насъ г. Минскій. Но всякій, не достигшій этого познанія и остановившійся на томъ моментѣ, когда человѣкъ знаетъ, что не только онъ умретъ, а и тѣла его подлежатъ забвенію, — поражается неизлечимымъ недугомъ. Наступаетъ нравственная асфиксія: душѣ тяжело дышать: она медленно и какъ будто безпричинно угасаетъ: въ ней каждое чувство и каждое движеніе воли внутренно поражено, обезсилено, подточено равнодушіемъ къ жизни и ужасомъ смерти. Г. Минскій знаетъ это по личному опыту, онъ самъ былъ въ такомъ положеніи, пока не придумалъ мировъ. Съ нимъ лично мы не будемъ и спорить, не есть ли основаніе распространять этотъ личный опытъ на прочихъ всѣхъ людей?

Читатели «Русскаго Богатства» помнятъ, вѣроятно, тѣ страницы записокъ Нансена, гдѣ онъ «прощается» мысленно къ тому концу всѣхъ концовъ для всѣхъ земнородныхъ, который и г. Минскаго занимаетъ. Нансенъ не знакомъ съ мирами, не знаетъ, что настанетъ время, и земля сгорится въ прахъ, а задолго до этого будутъ забыты и норвежская полярная экспедиція, и самое имя Нансена. Онъ очень живописно говоритъ объ этомъ и, однако, не опускаетъ рукъ и продолжаетъ свое рискованное предпріятіе, не обнаруживая равнодушія къ жизни и ужаса смерти. Минутныя вспышки меланхоліи, отчаянія, страха не идутъ, разумѣется, въ счетъ. Въ общемъ, человѣкъ, твердо знающій то, что г. Минскому кажется источникомъ отчаянія, апатіи, бодро доводитъ до конца трудное и рискованное предпріятіе. Но Нансенъ не составляетъ въ этомъ отношеніи какого-нибудь рѣдкаго исключенія. Его эффектная фигура не должна заслонять для насъ тѣхъ многочисленныхъ дѣятелей на поприщахъ науки, искусства, практической дѣятельности, которые отлично знаютъ пугающую г. Минскаго истину, изъ которыхъ иные даже способствовали ея открытію, утвержденію

или распространенію, и которые, тѣмъ не менѣе, работаютъ до гробовой доски, не покладая рукъ. Что же даетъ этимъ людямъ силу добиваться истины, которая съ теченіемъ времени покроется, говоря словами покойнаго Ѳедора Шперка, «цѣломудріемъ тѣни», создавать «хрупкіе» образы и картины, стремиться къ осуществленію того или другого практическаго идеала, который смѣнится другимъ, имѣющимъ въ свое время также погибнуть въ пучинѣ небытія? А что даетъ намъ силу каждый день обѣдать, хотя мы твердо знаемъ, что эта поддержка бреннаго тѣла въ концѣ концовъ не предотвратитъ прекращенія жизненнаго процесса?—Инстинктъ голода, извѣстная непреоборимая потребность. Совершенно такая же непреодолимая потребность движетъ и Нансена и прочихъ людей, принимающихъ близко къ сердцу какую-нибудь задачу. Поэтому не перспектива смерти земли заставляетъ опускать руки, а, напротивъ, люди, у которыхъ почему-нибудь опустились руки, съ тревогою всматриваются въ этотъ тысячелѣтіями отдаленный отъ нихъ моментъ.

Вернемся къ предисловію г. Минскаго.

«Народолюбіе,—пишетъ г. Минскій,—составляетъ въ русской жизни такое явленіе, подобнаго которому нѣтъ и не было въ исторіи. Хотя въ другихъ странахъ народъ пользуется большими юридическими правами, чѣмъ у насъ, но истинное народовластіе существуетъ только въ Россіи, потому что только у насъ забота о судьбѣ деревни всецѣло властвуетъ надъ мыслями и чувствами интеллигенціи. За послѣдніе полвѣка у насъ или не было ни одного умственнаго теченія, которое бы не исходило изъ любви къ народу и къ нему не возвращалось. Разныя партіи различно понимаютъ народную душу, но сердцевиной всѣхъ ихъ ученій одинаково остается народолюбіе. Славянофилы выдавали свое ученіе о церкви и государствѣ за откровеніе народной мудрости и въ знакъ своей связи съ народомъ надѣвали кафтаны и мурмолки, но другое движеніе, противоположное славянофильскому, тоже ссылалось на идеалы деревни и также привело къ переодѣванію въ крестьянское платье и хожденію въ народъ. Слѣдовавшее затѣмъ морально-религіозное движеніе опять неминуемо привело къ мужицкому платью и къ завѣту пахать землю. Наконецъ, въ послѣднее время у насъ возникло нѣчто въ родѣ философскаго движенія. Но какъ пролитая вода непремѣнно потечетъ по естественному наклону почвы и скопится въ углубленіяхъ, такъ и философскія идеи у насъ не могли не направиться въ сторону народолюбія. Вмѣсто философіи общество занялось мнимо-философскимъ споромъ о законахъ экономическаго развитія въ примѣненіи къ судьбамъ русскаго народа... Только то ученіе

можетъ расчитывать у насъ на успѣхъ, которое, помимо всего прочаго, даетъ фактическія указанія, какъ лучше слиться съ народомъ и служить деревнѣ. И, ревниво оберегая свою историческую святыню, наша интеллигенція съ подозрѣніемъ смотритъ на всякую отвлеченную спорную мысль, боится философіи, эстетики и даже религіи, видитъ въ нихъ опасную помѣху, какое-то умственное баловство, способное развлечь молодые умы и отвлечь ихъ равнодушными къ неотложному и священному дѣлу. Пусть, мол, тамъ въ Европѣ такъ разсуждаютъ про себя наши народолюбцы — досужіе люди занимаются этими общностями, которыя могутъ быть рѣшены и такъ, и эдакъ: намъ некогда участвовать въ хроническомъ спорѣ о добрѣ и злѣ, о красотѣ и вѣчности, съ насъ достаточно того простого понимания добра и зла, которое вложено въ душу каждаго человѣка, была бы лишь охота слушаться этого естественнаго голоса и дѣло дѣлать. Изъ всѣхъ философскихъ ученій ближе къ землѣ матеріализмъ, поэтому будемъ матеріалистами. Всѣ же идеалисты и эстетики и религіозные мечтатели исправы уже тѣмъ, что они парятъ за облаками, въ худшемъ случаѣ они намъ кажутся измѣнниками общему дѣлу, а въ лучшемъ — иногда не полными калѣками.

Простите, читатель, эту длинную выписку. Я сдѣлалъ ее не для того, чтобы ловить г. Минскаго на произвольности терминологіи и сбивчивости мысли, какъ результатахъ необузданнаго краснорѣчія, не столько увлекательнаго, сколько увлекающаго самого автора. Мы посмотримъ на нарисованную имъ картину нашего умственнаго движенія за послѣдніе полвѣка исключительно съ фактической стороны.

Здѣсь прежде всего бросается въ глаза черта, не одному г. Минскому свойственная, а именно — узость кругозора при склонности считать его всеобъемлющимъ. У насъ очень часто маленькія личныя наблюденія обобщаются совершенно непомѣрно: человѣкъ, вниманіе котораго случайно остановилось на двухъ-трехъ «свѣтлыхъ явленіяхъ», не глядя по сторонамъ, жмурится, какъ отъ «дѣйствительнаго солнечнаго сіянія, человѣкъ, имѣющій общеніе съ нѣсколькими десятками людей извѣстнаго настроенія или образа мыслей, увѣренъ, что таково настроеніе или таковъ образъ мыслей всего общества. Эта умственная близорукость, соединенная съ увѣренностью въ прекрасномъ зрѣніи, есть у иныхъ, можетъ быть, и личная прирожденная черта, но въ общемъ она несомнѣнно воспитывается условіями русской жизни. Нѣкоторые оттѣнки русской мысли и русскаго настроенія или совсѣмъ не заявляютъ себя, благодаря разнымъ случайнымъ и внѣшнимъ обстоятельствамъ, или заявляютъ себя слишкомъ слабо сравнительно съ своимъ дѣйствительнымъ значеніемъ. Сплошь и рядомъ общество просто

молчитъ, — по равнодушію или по непривычкѣ, неумѣнію, невозможности высказаться. Если прибавить къ этому обрывистый ходъ нашей исторіи, вслѣдствіе котораго мы, вообще говоря, очень мало знакомы съ нашимъ недавнимъ, чуть не вчерашнимъ прошлымъ, то получается обширное поле для разнаго рода оптическихъ обмановъ, вызывающихъ и неосновательныя ликованія, и столь же неосновательныя огорченія.

Вышеприведенная картина нашего умственнаго состоянія за послѣдніе полвѣка есть въ значительной степени плодъ оптическаго обмана. Сосредоточивъ свое вниманіе на нашемъ «народолюбіи» или даже какомъ-то «народовластіи» и усмотрѣвъ именно въ немъ причину холоднаго или враждебнаго отношенія къ его книгѣ, г. Минскій уже никакихъ другихъ умственныхъ теченій за цѣлые полвѣка не видитъ. Ихъ, говоритъ, не было и нѣтъ: и славянофилы, и западники и т. д. Другое дѣло въ Европѣ: тамъ идетъ «хроническій споръ о добрѣ и злѣ, о красотѣ и вѣчности», и никто противъ этого «паренія за облаками» ничего не имѣетъ.—«Вѣчность»— дѣло особое, но и объ ней, а тѣмъ паче о добрѣ и злѣ и красотѣ, можно вести споры не только «за облаками», а и на землѣ. Что же касается собственно заоблачныхъ споровъ, то отрицательное къ нимъ отношеніе мы не сами выдумали, а получили въ готовомъ, вполнѣ разработанномъ видѣ изъ той же Европы. Тамъ именно долгій и мучительный опытъ, послѣ цѣлаго ряда неудачныхъ попытокъ вырваться за предѣлы человѣческой природы, ускромнилъ людей, убѣдилъ ихъ въ ограниченности нашихъ духовныхъ силъ и въ тщетѣ надеждъ проникнуть въ навѣки сокровенную сущность вещей. Правда, въ Европѣ есть «досужіе» люди, по выраженію г. Минскаго, которые продолжаютъ гордыя попытки обнять необъятное, но они есть и у насъ, хотя, конечно, въ гораздо меньшемъ числѣ, пропорціонально скудости нашей умственной производительности вообще: г. Минскій ихъ забываетъ. Но онъ забываетъ и еще кое-что, гораздо болѣе для насъ интересное...

«Пусть противники Михаила Никифоровича вспомнятъ могилу Грознаго, а пока пусть посторонятся: Катковъ опять оживаетъ въ своихъ передовыхъ статьяхъ».

Такъ патетически восклицаетъ гр. Комаровскій въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» по поводу изданія передовыхъ статей Каткова. «Новое Время» справедливо называетъ приведенныя слова «какимъ-то болѣзненнымъ бредомъ». При чемъ, въ самомъ дѣлѣ, тутъ могила Грознаго? Но возгласъ гр. Комаровскаго долженъ напомнить г. Минскому объ одномъ еще недавно весьма сильномъ умственномъ теченіи въ нашемъ обществѣ. Не думаю, чтобы противники Каткова очень встревожились изданіемъ его передовыхъ статей. На-

[illegible] ему развиться, не только как историческому документу, а и потому еще, что при этомъ раскрылся крайняя измѣнчивость взглядовъ знаменитаго политика. Это дѣльный дипломатъ, аристократическій [illegible] и дрессированный разнымъ вопросамъ. Одна въ чемъ Катковъ былъ всегда совершенно [illegible] и непоколебимо — это [illegible] исключенія [illegible]. Подобная интрига видѣлось ему во всемъ, что она не сторонилась въ нашихъ внутреннихъ дѣлахъ. Но и интриги финляндскія, прусскія, армянскія преслѣдовались имъ, если не тотъ часъ, то въ немъ [illegible] настойчивостью и неотвязчивостью, которая была одною изъ самыхъ главныхъ чертъ его характера. «Выраженіе [illegible] Каткова, [illegible] Леонтьева: «М. Н. Катковъ и его историческія заслуги». 1241. Несмотря на то, [illegible] вліяніе, которымъ въ свое время пользовался Катковъ, его имя отнюдь не всегда сопровождалось какимъ-нибудь общественнымъ почетомъ. Достаточно вспомнить строгую оцѣнку классическаго образованія. Но что касается ультраклерикальныхъ и грубо обрусительныхъ тенденцій Каткова, то онѣ [illegible], если [illegible], то укрѣпляли общественное мнѣніе, которое лишь въ самое послѣднее время начинаетъ [illegible]. А между тѣмъ [illegible] и низкая другая сторона дѣятельности Каткова не [illegible] изъ «народолюбія» и не «возвращались» къ нему.

Разъ [illegible] разговоръ о Катковѣ, я [illegible] [illegible] страницу изъ его біографіи, [illegible] [illegible] предъ своимъ [illegible], какъ Леонтьевъ, но [illegible] большія [illegible] и [illegible] любви [illegible]. Тонкій [illegible] ума и [illegible] [illegible].

Отмѣтимъ, что въ кругъ интересовъ Каткова не входило до 1856 г. изученіе политическихъ и юридическихъ наукъ. [illegible] Каткова [illegible] 1861 продолжается. Что же касается [illegible] Каткова [illegible] и [illegible] стремленій Европы, предпринятаго въ ту пору, когда онъ уже сталъ издателемъ журнала, то значеніе его, конечно, опредѣлялось условіями, въ которыхъ онъ происходило. Нельзя [illegible] [illegible] отъ изученія [illegible] [illegible] [illegible]

и политическаго строя. Онъ признавалъ въ нихъ не руководящіе для себя принципы, а только средства. Если средство оказывалось послѣ перваго примѣненія неудачнымъ, то онъ оставлялъ его и искалъ новую почву для новой проповѣди».

Это шатаніе мысли, эта игра юридическими и политическими идеями, какъ средствами для достиженія минутной цѣли, проистекающая отсюда беззастѣнчивость аргументаціи или простая замѣна ея грозными окриками—тоже оставили на рыхлой русской почвѣ свои слѣдъ даже до сего дня и составляютъ извѣстное, по своимъ послѣдствіямъ весьма важное умственное теченіе, совершенно, однако, упущенное изъ виду г. Минскимъ.

Нельзя, конечно, назвать сплошь фантастическимъ изложеніе исторіи нашего умственнаго развитія, сдѣланное г. Минскимъ. Въ немъ есть и подлинные, несомнѣнные факты, но, благодаря точкѣ зрѣнія автора, они являются въ разныхъ странныхъ ракурсахъ. Г. Минскій можетъ быть правъ, относя начало нашего «народолюбія» примѣрно за полвѣка назадъ. Приблизительно около этого времени идея освобожденія крестьянъ не только достаточно созрѣла въ сознаніи извѣстной части общества, но и получила нѣкоторую, очень, конечно, слабую возможность выразиться въ печати. Дѣло, однако, въ томъ, что и тогда существовали въ самомъ обществѣ отнюдь не «народолюбивыя» теченія, не прекращавшіяся и послѣ того, какъ освобожденіе стало фактомъ, не прекращающіяся и по сейчасъ. Затѣмъ надо принять во вниманіе, что крѣпостное право составляло основу всей нашей дореформенной жизни, паденіе которой неизбѣжно должно было отразиться на всѣхъ сторонахъ общественной жизни. И та или другая изъ этихъ реформированныхъ сторонъ,—правильный судъ, земское самоуправленіе и проч.,—могли казаться многимъ цѣннѣе, чѣмъ основная реформа. Не то, чтобы они ея не желали: напротивъ, они привѣтствовали ее съ искреннею радостію, но, главнымъ образомъ, въ виду тѣхъ дальнѣйшихъ реформъ, которыя неизбѣжно должны были за нею слѣдовать. Таковъ былъ тотъ же Катковъ, идеаломъ котораго въ первую пору его публицистической дѣятельности была тогдашняя свободная, но отнюдь не демократическая Англія (съ тѣхъ поръ и въ Англіи много воды утекло). Что касается славянофиловъ, то въ ихъ ученіи демократическіе элементы несомнѣнно были, но напрасно все-таки г. Минскій думаетъ, что они носили мурмолки и кафтаны въ качествѣ «народной» одежды,—это былъ «національный» костюмъ. Если же г. Минскій не хочетъ признавать этого различія, то онъ долженъ, по крайней мѣрѣ, признать, что время мурмолокъ и кафтановъ было вмѣстѣ съ тѣмъ временемъ горячихъ споровъ о вопросахъ религіозныхъ, богословскихъ, философскихъ. Западники и славянофилы

съ одинаковымъ увлеченіемъ отдавались этимъ спорамъ объ «общинностяхъ», о «добрѣ и злѣ, красотѣ и вѣчности». Напомню только характерный разсказъ Тургенева, приводимый во всѣхъ біографіяхъ Бѣлинскаго. Разсказавъ, какъ мучили Бѣлинскаго «философическіе вопросы о значеніи жизни, его отношеніяхъ людей другъ къ другу и къ Божеству, о происхожденіи міра, о безсмертіи души и т. п.», Тургеневъ продолжаетъ: «Искренность его дѣйствовала на меня, его огонь сообщался и мнѣ, важность предмета меня увлекала, но, поговоривъ часа два-три, я ослабѣвалъ, легкомысліе молодости брало свое... я думалъ о прогулкѣ, объ обѣдѣ, самъ жена Бѣлинскаго умоляла и мужа, и меня хотя немножко развлечь, хотя на время прервать эти пренія, напоминала ему предписаніе врача... но съ Бѣлинскимъ сладить было нелегко». «Мы не рѣшили еще вопроса о существованіи Бога,—сказалъ онъ мнѣ однажды съ горькимъ упрекомъ,—а вы хотите ѣсть!» (Сочиненія Тургенева, I, 25).

Все умственное теченіе, сказавшееся въ этомъ трогательномъ наивномъ восклицаніи Бѣлинскаго, осталось внѣ кругозора г. Минскаго. И многое другое еще. Съ теченіемъ времени острота вопросовъ, такъ занимавшихъ первыхъ славянофиловъ и западниковъ, сгладѣла. Позднѣе мы уже не встрѣчаемъ этой страстности, мучительной работы ума и чувства въ этомъ направленіи, переполнявшей даже дружескую переписку того времени цѣлыми философскими диссертаціями на отвлеченнѣйшія темы. Охлажденіе это находится въ прямой связи съ тѣмъ, что «дивическія стремленія» получали нѣкоторую возможность «выхода наружу». И эти «дивическія стремленія» несомнѣнно были сильно окрашены «народолюбіемъ». Но оставимъ всѣ эти термины г. Минскаго. (Нужно, впрочемъ, замѣтить, что «дивическія стремленія» взяты изъ жаргона дѣйствующихъ лицъ романовъ г. Боборыкина, а «народолюбіе» изобрѣтено покойнымъ Юзовымъ для уязвленія нѣкоторыхъ противниковъ «народничества»). Г. Минскій разумѣетъ очевидно тѣ общественныя идеи и чувства, которыя находились въ связи съ идеей и фактомъ освобожденія крестьянъ. Огромность этого событія, огромность его значенія для всей русской жизни требовала выработки широкаго, многосторонняго міросозерцанія, но и давала матеріалъ для такой выработки...

И напрасно г. Минскій думаетъ, что въ составѣ такъ называемыхъ «идей 60-хъ годовъ» не было ничего, кромѣ «народолюбія» и тѣмъ паче «идеаловъ деревни». Вопросы деревенской жизни естественно занимали выдающееся мѣсто въ литературѣ того времени, но слишкомъ многое въ ней какимъ образомъ не могло вмѣститься въ «идеалы деревни». Самое «направленіе» оцѣнки

ограничивалось деревней а распространялось на всѣ трудящіеся классы, среди которыхъ крестьянство составляло, конечно, громадное большинство. Но и множество другихъ теоретическихъ и практическихъ вопросовъ сплеталось съ идеей освобожденія. И не мудрено, что на первыхъ порахъ люди впадали въ частыя ошибки и увлеченія, предавались неосновательнымъ надеждамъ и т. п. Но все это были частности, которыя при дальнѣйшемъ нормальномъ ходѣ развитія сами собой сгладились бы. Зерно же тогдашнихъ идей жизнеспособно и доселѣ и будетъ жизнеспособно еще многіе и многіе годы. Но именно нормальнаго-то хода развитія судьба намъ и не дала. Первое значительное уклоненіе отъ правильнаго пути мы встрѣчаемъ уже во второй половинѣ 60-хъ годовъ въ видѣ эпидеміи увлеченія естествознаніемъ: то, что было дотолѣ лишь однимъ изъ элементовъ міросозерцанія, стало его основою: въ частности «народолюбіе» ушло на задній планъ, уступивъ мѣсто выработкѣ правилъ личнаго поведенія «мыслящихъ реалистовъ». При этомъ вопросы «о добрѣ и злѣ, о красотѣ и вѣчности» отнюдь не игнорировались «мыслящими реалистами»: напротивъ, они ими очень много занимались, и если ихъ рѣшенія не нравятся г. Минскому (не нравятся они и мнѣ), то изъ этого не слѣдуетъ, что ихъ не было. Мимоходомъ сказать, столь же неосновательно утверждаетъ г. Минскій будто «слѣдовавшее затѣмъ морально религіозное движеніе опять неминуемо привело къ мужицкому платью и къ завѣту пахать землю». Здѣсь разумѣется такъ называемое «толстовство». Но, какъ извѣстно, гр. Толстой лишь началъ «народолюбіемъ», а кончилъ пропагандою психической и физической гигіены, при чемъ хотя до мэоновъ не додумался, но всѣ вопросы, волнующіе г. Минскаго,—о верховной цѣли жизни, о страхѣ смерти, о вѣчныхъ истинахъ,—волнуютъ и гр. Толстого, и его недавно еще довольно многочисленныхъ послѣдователей.

Уже изъ этого видно, какъ неполна и одностороння картина нашихъ умственныхъ теченій за полвѣка, нарисованная г. Минскимъ. Но пойдемъ дальше.

«Почему мы отказываемся отъ наслѣдства?» «Въ чемъ главный недостатокъ наслѣдства 60—70 годовъ?» — Такъ характерно были озаглавлены двѣ статьи г. В. Розанова, напечатанныя въ 1891 г. въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Напоминаю эти заглавія именно ради ихъ характерности, потому что до самыхъ статей намъ здѣсь дѣла нѣтъ: какое «мы» включаетъ въ себѣ г. Розанова, это пусть останется безъ разсмотрѣнія. «Отказовъ отъ наслѣдства» и безъ того много. Начали «народники», еще въ 70-хъ годахъ. Покойный Гайдебуровъ, покойный Юзовъ, г. Н. Ч. и многіе другіе объявили, что наступила пора сказать «новое слово». Отказъ отъ

наслѣдства и провозглашение новаго слова были очень шумны и задорны, а состояло это новое слово въ томъ, что въ основу міросозерцанія былъ взятъ опять-таки одинъ изъ элементовъ «наслѣдства» — деревня, не только съ ея интересами, а и съ ея мнѣніями, а все это густо сдобрено узкимъ націонализмомъ. Затѣмъ послѣдовалъ новый отказъ отъ наслѣдства, подъ предводительствомъ гг. Абрамова и Дистерло, во имя «свѣтлыхъ явленій», «малыхъ дѣлъ», уваженія къ «дѣйствительности» и «панпеистическаго міросозерцанія». «Идеалы отцовъ и дѣдовъ идутъ мимо насъ безвольны», — писалъ одинъ изъ отказывающихся. Одновременно съ этимъ г. Волынскій началъ «тихую, робкую борьбу» во имя «новой мозговой линіи», какую борьбу повелъ уже потомъ съ полною развязностью. Въ области поэзіи отказы слѣдуютъ одинъ за другимъ. Изъ «Обзора нашей современной поэзіи», сдѣланнаго въ двухъ книжкахъ «Русскаго Богатства» (за августъ и сентябрь 1897 г.), читатель узналъ о двухъ самоновѣйшихъ отказахъ: г. Льова и г. М. М. Первый, «гордо презирая Некрасова и Надсона, въ особенности за «гражданскую скорбь», требуетъ «новаго слова» въ видѣ «вневременнаго «терпѣнія» поэзіи и «внушеній непостижимаго міроваго начала». Г. же М. М. отрекается отъ наслѣдства собственно потому, что «быстро выросъ, окрѣпъ и властно заявилъ о своемъ существованіи капитализмъ», и оттого «дни наши стали свѣтлѣе, радостнѣе».

Г. М. М. есть поэтическій представитель цѣлой школы, доселѣ имѣвшей лишь своихъ прозаиковъ, хотя многіе изъ нихъ обнаруживаютъ большую склонность къ лиризму, — только вотъ стихами до сихъ поръ не могли. Я сейчасъ кое-что скажу объ этой школѣ, а теперь вернемся на минуту къ г. Минскому, чтобы уже совсѣмъ покончить разговоръ объ немъ. Мы видѣли, что «у насъ и только у насъ», забота о судьбѣ деревни всецѣло властвуетъ надъ мыслями и чувствами интеллигенціи», что «идеалы деревни», «мужицкое платье» и «славѣть пахать землю», проходятъ черезъ всю нашу полувѣковую исторію, совершенно затирая собою вопросы философскіе. Мы видѣли также, сколь все это несправедливо, фактически невѣрно. Г. Минскій продолжаетъ: «Наконецъ, въ послѣднее время у насъ возникло нѣчто въ родѣ философскаго движенія. Но... вмѣсто философіи, общество занялось мнимо-философскими спорами о законахъ экономическаго развитія въ примѣненіи къ судьбамъ русскаго народа». Г. Минскій разумѣетъ здѣсь «палектическихъ матеріалистовъ» (почему я употребляю именно этотъ неуклюжій терминъ, читатель увидитъ ниже). Но ему должно быть извѣстно, что эти люди не желаютъ состоять ни въ какой преемственной связи съ прошлымъ и рѣшительно отказываются отъ наслѣдства; при этомъ не только объ «идеалахъ деревни» или «мужицкомъ платьѣ»

не можетъ быть рѣчи, но и будто бы всегда присущая русскимъ людямъ «забота о судьбахъ деревни» отступаетъ далеко на задній планъ. А затѣмъ, я не понимаю, почему г. Минскій утверждаетъ, что эти люди занимаются законами экономическаго развитія *«вмѣсто* философіи». Не «вмѣсто», а вмѣстѣ, рядомъ съ философіей. Правда, ихъ философскіе взгляды еще не вполнѣ выяснились: г. Струве тяготѣетъ къ новой нѣмецкой, такъ называемой критической философіи, гг. Бельтовъ и Каменскій воскрешаютъ гегеліанство, г. Туганъ-Барановскій... впрочемъ, объ немъ не знаю. Во всякомъ случаѣ, г. Минскій долженъ порадоваться, по крайней мѣрѣ, рѣшительному заявленію г. Каменскаго: «Метафизика опять начинаетъ привлекать къ себѣ русскіе умы» («Новое Слово», сентябрь, 98). Такъ что напрасно г. Минскій печалится: ликовать надо, какъ ликуютъ г. Каменскій, г. М. М., г. Льдовъ, г. Волынскій, гг. Абрамовъ и Дистерло, вообще всѣ, отказывающіеся отъ наслѣдства (только народники ликовать перестали). Но—замѣчательная черта—всѣ эти разнообразные ликующіе объединяются, кромѣ ликованія, еще чрезвычайною злобностью, съ которою они накидываются на наслѣдство. У этого любопытнаго явленія есть, разумѣется, свои причины, изученіемъ которыхъ, однако, я не могу уже заняться въ настоящей статьѣ. Ниже читатель найдетъ только нѣсколько образчиковъ и ликованія, и злобности.

Къ намъ неоднократно, устно и письменно, обращались съ вопросомъ, почему мы оставляемъ безъ возраженія многочисленныя выходки журнала «Новое Слово» противъ нашего журнала или его отдѣльныхъ сотрудниковъ (главнымъ образомъ, кажется, противъ пишущаго эти строки). Дѣйствительно, «Новое Слово» не то чтобы считало почему-нибудь нужнымъ представить своимъ читателямъ всестороннюю, хотя бы строгую, даже придирчивую критику нашихъ взглядовъ, нѣтъ, но оно при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, кстати и не кстати, щипается (болѣе подходящаго выраженія не нахожу), при чемъ охотно смѣшиваетъ насъ съ «народниками» и другими лицами, къ «Русскому Богатству» непричастными. И не то, чтобы такова была вообще манера «Новаго Слова», по отношенію ко всѣмъ собратамъ,—нѣтъ, только мы пользуемся такимъ исключительнымъ вниманіемъ почтеннаго журнала. Мы доселѣ воздерживались отъ полемики съ «Новымъ Словомъ», да и впредь не думаемъ заниматься ею спеціально, и менѣе всего, конечно, въ той формѣ, которую практикуетъ нашъ неутомимый антагонистъ. Къ такому воздержанію насъ побуждали разныя соображенія. Нѣкоторыя изъ нихъ я изложу.

Во-первыхъ, сплошь и рядомъ возражать было не на что: отвѣчать на щипки щипками или доказывать, что не было резона васъ

шинкать, — ребячество, которымъ мы, можетъ быть, и доставляли удовольствіе «Новому Слову», но для котораго у насъ нѣтъ ни времени ни охоты.

Затѣмъ, «Новое Слово» теперешней редакціи есть журналъ новый, и намъ казалось, что необходимо дать ему высказаться, выяснить свои взгляды, не вставляя ему на первыхъ же порахъ, по французской поговорѣ, палки въ колеса. Я лично еще недавно не уклонялся отъ полемики съ теперешними столпами «Новаго Слова». Но одно дѣло — написать статью въ чужомъ журналѣ или издать книжку, и другое дѣло — получить въ свое распоряженіе журналъ, обязанный періодически откликаться на разнообразные теоретическіе вопросы и практическія злобы дня. Естественно было подождать, чтобы журналъ выяснился, провѣрить свои основныя положенія на цѣломъ рядѣ явленій жизни, съ которыми ему, по необходимости, приходится имѣть дѣло. Разумнѣе стоило, конечно, молча протерпѣть хотя бы даже совершенно безсмысленные пинки, тѣмъ болѣе, что можно было надѣяться, что надоѣсть же, наконецъ, людямъ заниматься этимъ нетруднымъ, но мало полезнымъ дѣломъ.

Но «Новому Слову» не надоѣдаетъ. А что касается выясненія его физіономіи, то въ этомъ отношеніи едва ли почтенный журналъ подвинулся далеко впередъ.

Въ сентябрьской книжкѣ «Новаго Слова» напечатана статья г. Каменскаго «О матеріалистическомъ пониманіи исторіи», изъ которой я уже цитировалъ выше ликованіе по тому поводу, что «метафизика опять начинаетъ привлекать къ себѣ русскіе умы». Статья посвящена изложенію и разбору книги итальянскаго писателя Лабріолы, озаглавленной во французскомъ переводѣ, которымъ пользуется г. Каменскій, «Essais sur la conception matérialiste de l'histoire». Повидимому, книга эта очень интересная, но отчетъ г. Каменскаго едва ли даетъ надлежащее понятіе объ ней. Взять хотя бы слѣдующее: Г. Каменскій везде говоритъ о «діалектическомъ матеріализмѣ», послѣдовательнымъ, хотя въ частностяхъ и заблуждающимся, представителемъ котораго является Лабріола. И только изъ лаконическаго повстречнаго примѣчанія мы узнаемъ, что «Лабріола дѣлаетъ ему (діалектическому матеріализму) заимствованное у Энгельса названіе — *историческій* матеріализмъ». Изъ этого слѣдуетъ, кажется, заключить, что терминъ «діалектическій матеріализмъ» совершенно отсутствуетъ въ книгѣ Лабріолы. Конечно, имя вещи не мѣняетъ, но мы сейчасъ увидимъ, что г. Каменскій приводитъ примѣръ путаницы, связанной съ употребленіемъ того или другого прилагательнаго къ существительному «матеріализмъ». И тѣ читаетъ совершенно [illegible]

чѣмъ подмѣнивается одно прилагательное другимъ. Въ упомянутомъ лаконическомъ подстрочномъ примѣчаніи говорится, что названіе «историческій матеріализмъ» *заимствовано* у Энгельса, но значитъ ли это, что Лабріола прямо «заимствовалъ», съ указаніемъ источника, или это простое совпаденіе, а собственно «заимствованіе» есть догадка г. Каменскаго? Въ самой статьѣ г. Каменскаго ни однимъ словомъ не упоминается, есть ли въ книгѣ Лабріола страницы, посвященныя оцѣнкѣ исторической концепціи Маркса-Энгельса. Казалось бы, объ этомъ слѣдовало хоть вскользь упомянуть. Но г. Каменскій предпочитаетъ тратить время на щипки: «Г. Карѣевъ, который, какъ извѣстно, весьма усердно» и т. д. «Спросите любого народника или субъективиста»... Г. Михайловскій не однажды указывалъ»... «Однако, скажетъ намъ, пожалуй, г. Кудринъ»... «Г. Михайловскій сказалъ бы»... «Гг. Карѣевъ, Н. Михайловскій, С. Кривенко и прочіе умные и ученые люди»... «Достаточно напомнить, что, по мнѣнію г. Н. Михайловскаго и т. д... Изъ-за этихъ экскурсій книга Лабріола такъ и остается въ туманѣ. Но за то выясняется нѣчто другое.

Щипки г. Каменскаго отнюдь не причиняютъ той боли, на которую расчитаны, но нельзя имъ все-таки отказать въ чрезвычайной злобности, доводящей автора до шутовства. Остановлюсь на одной изъ выходокъ, направленныхъ лично противъ меня, не потому, чтобы она была ярче, характернѣе или типичнѣе другихъ, а потому, что ее трудно обойти желающему вникнуть въ одно чрезвычайно важное объясненіе г. Каменскаго: «Мы, можетъ быть, подали бы нашимъ субъективнымъ старичкамъ поводъ лишній разъ похихикать насчетъ того, что между сторонниками матеріалистическаго пониманія исторіи трудно отличить «настоящихъ» отъ «ненастоящихъ». Но мы бы отвѣтили субъективнымъ старичкамъ, что они «надъ собой смѣются». Человѣку, который самъ хорошо усвоилъ смыслъ философской системы, легко отличить истинныхъ ея послѣдователей отъ ложныхъ. Если бы гг. субъективисты дали себѣ трудъ продумать матеріалистическое объясненіе исторіи, то они знали бы, гдѣ настоящіе «ученики», а гдѣ самозванцы, всуе пріемлющіе великое имя» (стр. 97). Дальше идутъ еще разныя язвительности, но это уже повтореніе нѣкотораго язвительнаго вздора, изложеннаго еще г. Бельтовымъ.

«Субъективные старички»—это просто безсмысленное сочетаніе словъ, отнюдь не свидѣтельствующее о томъ, что г. Каменскій «далъ себѣ трудъ подумать». Но за то оно, въ связи со всѣмъ тономъ, какъ этой, такъ и другихъ статей г. Каменскаго, свидѣтельствуетъ, что онъ очень сердится, а это ему не полагается. Мы, «субъективные старички», равно, какъ и «субъективные юноши»,

не проникнуть сквозь, разрѣшимъ себѣ эту сложность. Но предъ-
витель учения, «справедливо гордящійся своею неумолимою объектив-
ностью» (выраженіе одного изъ сотрудниковъ «Новаго Слова»), вы-
ходится въ иномъ положеніи. Послушаемъ г. М—М., лѣвую матери-
алистическаго крыла партіи, говорящаго:

Случаемъ мы сердце тому покорить,
Что умъ называемъ красивымъ.

Научимся чувствомъ умъ покорять.

Г. Бельтовъ въ своей книжкѣ даже курсивомъ напечатал: «Ка-
тастрофа неизбѣжна: «На извѣстной стадіи экономическаго развитія
всякой страны въ головахъ ея интеллигенціи необходимо выростаютъ
извѣстныя галлюцинаціи». Быть по послѣдовательно. Къ сожалѣ-
нію ни г. Бельтовъ, ни г. Каменскій, ни другіе ихъ товарищи не обна-
руживаютъ этой послѣдовательности и, прививши имъ «чувство
умъ (?) покорять» въ вопросахъ чрезвычайной важности и сложности,
не могутъ безъ волненія отнестись даже къ такому мелкому
факту, какъ существованіе «Русскаго Богатства».

«Хихикалъ» ли я, когда доказывалъ, что «мальчики» и «ро-
манчики» — Нѣтъ, не хихикалъ, а теперь не собираюсь хихи-
кать, но разъясненія г. Каменскаго повергнутъ меня въ, можетъ
быть, одного меня, въ большое смущеніе. Г. Каменскій признаетъ,
что есть настоящіе и ненастоящіе, истинные и ложные или сомни-
тельные. Онъ даетъ и признаки тѣхъ и другихъ. Признаки, сроби-
рались въ статьѣ г. Каменскаго самыя хорошія и хранятся книги
Лаврова и многочисленныя его указанія по отдѣльнымъ, я не-
вѣдомъ узналъ собственныя признаки «настоящихъ». Достовѣрно только
что они — «субъективные» матеріалисты или «матеріалисты диалек-
тики». За то «ненастоящіе» или, по крайней мѣрѣ, одна изъ
группа, получаютъ вполнѣ ясное и точное опредѣленіе.

Есть человѣкъ — побѣдилъ тавлевъ, который не могъ плясать
танцовать иначе, какъ отъ печки. Такъ и г. Каменскій. О чемъ
бы онъ ни заговорилъ, онъ можетъ презрительно ляпнуть «ро-
мановъ» и «субъективистовъ», разумѣя подъ этими кличками
довольно неопредѣленныя ругательныя имена. Такъ и
отчета о книгѣ итальянскаго ученаго, онъ, какъ «мальчикъ
мой», толчетъ въ ожидъ г. Карѣевъ, проповѣдуетъ «хорошаго
народника или субъективиста», что такое экономическій матеріализмъ.
Онъ отвѣчаетъ: — это человѣкъ, признающій экономическому фак-
тору господствующее значеніе въ общественной жизни. Такъ
понимаетъ экономическій матеріализмъ наша «народная» и «обще-

висты. И надо признать, что люди, приписывающіе экономическому фактору господствующую роль въ жизни человѣческихъ обществъ, несомнѣнно существуютъ» («Новое Слово», сентябрь, 70). Но—читаемъ далѣе «между матеріалистами-діалектиками и людьми, которыхъ не безъ основанія можно назвать *экономическими* матеріалистами, лежитъ цѣлая пропасть» (77). «Подлинные и послѣдовательные матеріалисты не склонны всюду лѣзть съ экономическимъ факторомъ. Да и самый вопросъ о томъ, какой факторъ господствуетъ въ общественной жизни, кажется имъ неосновательнымъ вопросомъ. Неумѣстность вопроса о томъ, какой факторъ господствуетъ въ общественной жизни, стала очень замѣтной еще со времени Гегеля. А теперь «препираться объ относительномъ значеніи различныхъ соціально-историческихъ факторовъ могутъ только отсталые въ теоріи люди» (72). «Соціально-историческій факторъ есть *абстракція*, представленіе о немъ возникаетъ путемъ *отвлеченія* (абстрагированія). Благодаря процессу абстрагированія, различныя *стороны* общественнаго *цѣлаго* принимаютъ видъ обособленныхъ *категорій*, а различныя проявленія и выраженія дѣятельности общественнаго человѣка— мораль, право, экономическія формы и проч.—превращаются въ нашемъ умѣ въ особыя силы, будто бы вызывающія и обусловливающія эту дѣятельность, являющіяся ея послѣдними причинами» (74). Въ свое время точка зрѣнія господства того или другого историческаго фактора была полезна; но «она не выдерживаетъ теперь критики: она расчленяетъ дѣятельность общественнаго человѣка, превращая различныя ея стороны и проявленія въ особыя силы, будто бы опредѣляющія собою историческое движеніе общества» (75).

Ничего этого «народники и субъективисты» не знали, не понимали, а потому и не могли отличить «настоящихъ», которые суть «діалектическіе матеріалисты», отъ ненастоящихъ или самозванцевъ — «экономическихъ матеріалистовъ». Существуютъ и тѣ, и другіе, это безспорно, но —спрашиваетъ г. Каменскій—къ какому направленію принадлежатъ тѣ «ученики», «противъ которыхъ гг. Карѣевъ, Н. Михайловскій, С. Кривенко и прочіе умные и ученые люди еще недавно выступали такъ азартно, хотя и не такъ счастливо? Если мы не ошибаемся, «ученики» цѣликомъ стояли на точкѣ зрѣнія діалектическаго матеріализма. Почему же гг. Карѣевъ, Н. Михайловскій, С. Кривенко и прочіе умные и ученые люди приписывали имъ взгляды *экономическихъ* матеріалистовъ и громили ихъ за то, что они будто бы приписываютъ экономическому фактору преувеличенное значеніе» (77). Задавшись этимъ любопытнымъ вопросомъ, г. Каменскій, конечно, тутъ же и рѣшаетъ этотъ вопросъ въ смыслѣ глупости, невѣжества и недобросовѣстности

умныхъ и ученыхъ людей. Онъ, стало, противнитъ одно возраженіе, которое и парируетъ «ученыя» сами себя называя «экономическими матеріалистами». «Это такъ», говоритъ онъ. Но они никогда не связывали со словами «экономическій матеріализмъ» того представленія, которое связывается съ ними у нашихъ народниковъ и субъективистовъ. Достаточно напомнить, что, по мнѣнію г. Н. Михайловскаго, Луи Блана и г. Ю. Жуковскій были такими же «экономическими матеріалистами», какъ и нынѣшніе наши сторонники матеріалистическаго взгляда на исторію. Больше того смѣшеніе понятій идти не можетъ.

Итакъ, если люди называютъ себя экономическими матеріалистами, такъ изъ этого не слѣдуетъ, что они въ самомъ дѣлѣ «экономическіе матеріалисты. Надо понимать такъ, что они «идеалистическіе матеріалисты». Вотъ, если они «приписываютъ экономическому фактору господствующее значеніе въ общественной жизни; если они «склонны всюду дѣлать съ «экономическимъ факторомъ»; если они видятъ въ экономическомъ факторѣ «силу, будто бы опредѣляющую собою историческое движеніе общества, «будто бы вызывающую и обусловливающую дѣятельность общественнаго человѣка, являющуюся ея послѣднею причиною»;—вотъ въ такомъ случаѣ это дѣйствительно экономическіе матеріалисты, между которыми и «настоящими» лежитъ цѣлая пропасть, а если они при этомъ пристраиваются къ «великому имени», то они — самозванцы.

Я считаю это разъясненіе г. Каменскаго чрезвычайно важнымъ. Онъ торопится заявить, что «подлинные и послѣдовательные матеріалисты пришли къ этому убѣжденію вовсе не подъ вліяніемъ гг. народниковъ и субъективистовъ», потому что, дескать, еще «со времени Гегеля» и т. д. Но это и неважно. Даже лучше, если истина столь стара, но вѣдь старыя истины часто забываются и я увѣренъ, что для многихъ читателей «Новаго Слова» истина, провозглашенная г. Каменскимъ, окажется новостью или, по крайней мѣрѣ, неожиданностью. Правда, положительная сторона въ статьѣ г. Каменскаго нѣсколько туманна. Преслѣдуемый мыслью «необходимости уничтожить г. Карѣева, г. Кудрина, г. Кривенко», меня, онъ не удостоилъ хотя бы даже только упомянуть о роли «способовъ производства и формъ обмѣна», этомъ достаточно, кажется, важномъ пунктѣ въ матеріалистическомъ пониманіи исторіи. Но спасибо и за то, что дается г. Каменскимъ. Остается только примѣнить указанный имъ критерій.

Г. Каменскій утверждаетъ, что, по мнѣнію г. Н. Михайловскаго, Луи Блана и г. Ю. Жуковскій были такими же «экономическими матеріалистами», какъ и нынѣшніе наши сторонники матеріалистическаго взгляда на исторію. Это *неправда*, а такъ

мнѣнія *не высказывалъ*. Но такъ какъ Луи Блана и г. Жуковскаго я поминалъ въ своей прошлогодней полемикѣ съ г. Тугановъ-Барановскимъ, то г. Каменскій наводитъ меня на мысль приложить указанный имъ критерій именно къ г. Тугану-Барановскому.

Г. Туганъ-Барановскій есть одинъ изъ столповъ «Новаго Слова» и, въ качествѣ таковаго, долженъ считаться «настоящимъ «нынѣшнимъ нашимъ сторонникомъ матеріалистическаго взгляда на исторію». Но не только я его не уравнивалъ съ Луи Бланомъ и г. Жуковскимъ, а, напротивъ, указавъ, что, въ противность утвержденію г. Тугана-Барановскаго, «экономическій факторъ» былъ Луи Блану очень хорошо знакомъ, прибавилъ: «Я не хочу сказать, что Луи Бланъ былъ столь же одностороненъ и узокъ, какъ г. Туганъ-Барановскій» (Р. Б. 1896, № 1, стр. 137). Что же касается г. Жуковскаго, то я даже съ нѣкоторою подробностью указалъ на «разницу между его пониманіемъ (роли экономическаго фактора) и пониманіемъ г. Тугана-Барановскаго» (тамъ же, 151). Въ доказательство этой разницы я привелъ нѣчто изъ старыхъ статей г. Жуковскаго. А именно: указавъ на три элемента, «опредѣляющихъ въ каждое данное время гражданское сознаніе общества»,—юридическій, политическій и экономическій, г. Жуковскій продолжаетъ: юристы, политики и экономисты забываютъ, что «каждый изъ нихъ изучаетъ одну *только произвольно отвлеченную сторону общества*, которая можетъ быть обособлена въ видахъ удобства самаго изученія только условно и не имѣетъ реальной самостоятельности и, слѣдовательно, немыслима сама по себѣ, и имѣетъ этотъ смыслъ только въ общей связи съ другими». И далѣе: «Разсуждая надъ обществомъ чисто теоретически, можно *отвлекать* одну сторону отъ другой, можно выставить на видъ выводы и требованія одной какой либо *стороны*. Но было бы крайнимъ заблужденіемъ» и т. д.

Теперь, когда и г. Каменскій утверждаетъ, что «экономическій факторъ», подобно другимъ факторамъ, есть лишь «*отвлеченіе*», лишь одна изъ «*сторонъ* общественнаго цѣлаго», — я не знаю, куда онъ зачислитъ г. Жуковскаго — въ экономическіе или въ діалектическіе матеріалисты. Но, когда я имѣлъ дѣло съ г. Тугановъ-Барановскимъ, я его, какъ представителя экономическаго матеріализма, не смѣшивалъ съ г. Жуковскимъ. Я говорилъ только, что значеніе экономическаго фактора совсѣмъ не такая новость въ русской литературѣ, какъ утверждалъ г. Туганъ-Барановскій,—только понималось это значеніе 30 лѣтъ тому назадъ лучше, шире.

Да, скажетъ г. Каменскій, но «самый вопросъ о томъ, какой факторъ господствуетъ въ общественной жизни кажется имъ (настоящимъ) неосновательнымъ... Препираться объ относительномъ

значенія различныхъ соціально-политическихъ факторовъ могутъ только отсталые въ теоріи лица.

Свои взгляды на значеніе различныхъ общественныхъ факторовъ я высказывалъ неоднократно, и именно въ томъ смыслѣ, что ихъ выдѣленіе допустимо лишь условно, именно какъ отвлеченіе, требующее соотвѣтственныхъ поправокъ. Позволю себѣ привести лишь нѣсколько строкъ изъ одной своей старой статьи. Воздавъ должное Ог. Контту и Миллю за ту осторожность, съ которою они принимаютъ интеллектуальный факторъ за центральную нить исторіи, я отказался, однако, слѣдовать ихъ примѣру, хотя это есть вмѣстѣ съ тѣмъ примѣръ осторожности. Я писалъ: «Мы постараемся намѣтить главные пункты соціальной динамики, не прибѣгая къ удобному, но недостаточно гарантирующему отъ ошибокъ пріему выдѣленія одного какого-либо общественнаго элемента. Если есть возможность прослѣдить законы общественнаго прогресса на развитіи всего общества въ цѣломъ, не давая слишкомъ преобладающаго значенія развитію какого бы то ни было изъ его элементовъ, то отъ этого постановка общественныхъ вопросовъ можетъ только выиграть» (Сочиненія, т. I, 77). Это писано тоже есть малаго 30 лѣтъ тому назадъ, но съ тѣми же мыслями я приступилъ и къ бесѣдѣ съ г. Тугановымъ-Барановскимъ. Я никакого спеціальнаго фактора не бралъ въ свою защиту. Я указывалъ на многія логическія несообразности и извращенія фактовъ, въ которые впалъ г. Туганъ-Барановскій въ своихъ статьяхъ «Значеніе экономическаго фактора въ исторіи» и «Экономическій факторъ и идеи», но, собственно, что касается «факторовъ», я утверждалъ одно, и именно то самое, что утверждаетъ теперь г. Каменскій: нельзя приписывать экономическому какъ и всякому другому фактору «господствующее» или преобладающее значеніе: нельзя видѣть въ немъ силу, будто бы опредѣляющую собою историческое движеніе общества, являющуюся его послѣднею причиною.

Г. Туганъ-Барановскій, резюмируя свою первую статью, говоритъ, что онъ хотѣлъ представить полныя доказательства преобладающаго значенія экономическаго фактора («Міръ Божій», 1895, декабрь, 117). Во второй статьѣ онъ называетъ своимъ основнымъ положеніемъ «господствующее значеніе въ общественной жизни экономическихъ отношеній» (тамъ же, 1896, апрѣль, 270). Къ кому же относятся поученія г. Каменскаго? Кто виноватъ, если «народники и субъективисты» на вопросъ: что такое экономическій матеріализмъ, отвѣчаютъ: «это человѣкъ, приписывающій экономическому фактору господствующее значеніе въ общественной жизни». Или г. Туганъ-Барановскій есть самозванецъ?

Мнѣ хочется обратить вниманіе читателя еще на одну статью

«Новаго Слова», на напечатанную въ іюльской книжкѣ корреспонденцію изъ Сибири подъ заглавіемъ «Капиталъ идетъ!» Это нынѣ одинъ изъ модныхъ кликовъ. «Идетъ царь земли, капиталъ!» еще недавно восклицалъ въ лирическомъ восторгѣ одинъ публицистъ по тому случаю, что этотъ царь земли подозрѣвается въ скверной постройкѣ Архангельской желѣзной дороги,—заслуга, едва ли оправдывающая такой лиризмъ. Вотъ и идетъ, г. М. М., утверждаетъ, какъ мы видѣли, что «дни наши стали свѣтлѣе, радостнѣе», собственно потому, что «быстро выросъ, окрѣпъ и властно заявилъ о своемъ существованіи капитализмъ». Сибирская корреспонденція «Новаго Слова» выгодно отличается отъ этого лиризма тѣмъ, что, не смотря на свой маленькій размѣръ, даетъ достаточно яркую и содержательную картину того, что несетъ съ собою «царь земли, капиталъ».

Авторъ корреспонденціи, г. П—въ, говоритъ, что «капиталъ», конечно, и прежде былъ въ Сибири, но это не то, что теперешній, который «идетъ!» съ восклицательнымъ знакомъ. «До крѣпкаго подчиненія себѣ мѣстныхъ жителей, до правильно организованнаго господства въ странѣ» онъ еще тогда не додумался. «Совсѣмъ не такъ начинаетъ орудовать капиталъ теперь, капиталъ, который желаетъ завоевать въ Сибири богатый рынокъ, систематично и безъ остатка исчерпать ея природныя богатства и крѣпко подчинить своему владычеству все ея населеніе». «Едва ли, по мнѣнію г. П—ва, гдѣ можно такъ опредѣленно и ясно наблюдать всепобѣдное шествіе въ некультурную Сибирь капитала, какъ около строющейся Сибирской желѣзной дороги. Здѣсь его успѣхи и завоеванія поразительны: здѣсь онъ орудуетъ твердо и опредѣленно со всѣми неизбѣжными явленіями его господства». А именно: сибиряки расчитывали на большіе заработки при постройкѣ желѣзной дороги, но «не тутъ-то было».

«Капиталъ погналъ въ Сибирь десятки тысячъ рабочихъ изъ далекой Россіи. И вотъ явились къ намъ уже настоящіе покорные слуги капитала—россійскіе сѣрые мужички въ лаптяхъ и рваныхъ полушубкахъ, съ испитыми, блѣдными лицами, съ готовностью идти, куда пошлетъ капиталъ... Желѣзный законъ уравнялъ заработную плату до того предѣльнаго minimum'а, за которымъ начинается уже физическая невозможность работать. Въ этомъ отношеніи работы по постройкѣ моста черезъ Енисей, пожалуй, особенно характерны. За шестичасовую смѣну работы въ подводныхъ кессонахъ каждый рабочій получаетъ по 75 к. на своихъ харчахъ; при этомъ условія работы настолько тяжелы, что рѣдкій рабочій можетъ проработать сполна шесть часовъ, а за каждый недоработанный часъ изъ 75 к. дѣлаются вычеты пропорціонально общему количеству времени, котораго не могъ осилить рабочій изъ шестичасовой смѣны. Затѣмъ рѣдкій рабочій можетъ вынести работу въ кессонахъ, работая только по 6 часовъ въ сутки безпрерывно въ теченіе цѣлой недѣли. Большинство заболѣваетъ легочными болѣзнями и

на время отбрасывается вонь, пиные рабочие вовсе глохнут от разрыва за дубовиной перепонки под страшным давлением атмосферы внутри кессонов и остаются калеками на всю жизнь. Кажется, пример выразительнее и в комментариях не нуждается. Таким образом, первый и характерный признак господства капитала — беспомощные, оторванные от семьи и готовые нести непосильный труд за ничтожную плату рабочие — и в Сибири уже есть. («Новое Слово», июнь 1461)

Этим дело не кончается.

«Только что разлетел первые свистки локомотива, и в Сибирь нагрянула дикая орда капиталистов-промышленников. Всюду быстро разрастается торговля, создавая по городам и деревням массу новых магазинов и лавок. Казенные палаты уменьшают министерство финансов доходами, что торговые пошлины растут в Сибири непомерно быстро, уменьшаясь в каком-нибудь 3—4 года, и на основании этого поэты страны идеи о небывалом росте экономического благосостояния жителей Сибири, совершающемся под влиянием будто бы оживленных, которое внесла в сибирскую жизнь железная дорога, масса пришлых переселенцев, упорядочение лесного и земельного хозяйства и проч. и проч. По всей линии железной дороги, во время постройки, в каждом пикетном селении и даже прямо в лесу понастроены были сотни трактиров, ресторанов и просто хмельных лавок, а в пристанях к ним везут и всюду появляется вертепы разврата, в которых сибирячки деревенскія уже нашли позорный заработок. Появляется везде бильярды и, о чудо! трубы и неотесанный мужик сибирскій ловко щелкает теперь на зеленом инструменте красными и желтыми шарами. Не говорим уже о том безшабашном пьянстве, которое царит всюду вблизи «культурного» пути. И трудно решить, отчего такъ запили сибиряки: от той ли строительной суматохи, под влиянием ли новых людей, или просто от лютаго горя... Вернее всего, что от последняго» (тамъ же, стр. 147—148).

«Лютое горе... Кому горе, кому радость. Вот диалектически-материалистическая поэзия силы тоже самозванцы» в виду того, что идеи дня «стали отраднее и светлее», решительно провозглашает: «Давайте веселиться!» Потому что —

Так люди ливуть: их дѣлами
Слагается жизнь, но всегда
Идеть она тѣми шагами,
Что сдѣлать фатально могла

Сумѣемъ мы серце тому повѣрить
Что умъ непобѣдимымъ признаеть,
А слезы оставимъ любителямъ нити
Пускай себѣ льеть, кто льеть

О да, поэтъ, не будемъ плакать. Не наши матери, жены, сестры и дочери «нашли позорный заработокъ», а не мы ра[illegible] в кессонахъ. Тамъ плачутъ, конечно, но дѣло что до этого плакать...

Пусть не говорятъ, что все, сообщенное сибирскимъ корреспондентомъ «Новаго Слова», необходимо, неизбѣжно, какъ «характернѣйшіе признаки господства капитала», а «капиталъ идетъ!» и съ этимъ ничего не подѣлаешь. Все, что совершается, необходимо. Г. Бельговъ справедливо говоритъ, что и «благоглупости, возникающія въ головахъ русской интеллигенціи», необходимы. Однако, онъ сердится, что, конечно, тоже необходимо. «Капиталъ идетъ!» — это, несомнѣнно, но вопросъ въ томъ, какъ его встрѣтить. Пусть не говорятъ также о тѣхъ грядущихъ благахъ, которыя принесетъ съ собой дальнѣйшее развитіе капитализма. Не говоря о проблематичности этихъ благъ, надо же во что-нибудь цѣнить здоровье, жизнь, честь современниковъ, которые «до радостнаго утра» не доживутъ. Пусть не говорятъ, наконецъ, что и помимо капитализма у насъ много зла и тьмы,—объ этомъ никто не споритъ...

«Новому Слову» неизбѣжно предстоитъ пересмотрѣть свой багажъ, какъ относительно чисто теоретическихъ положеній отвлеченнаго характера (см. выше), такъ и относительно практическихъ выводовъ.

Въ Кіевской газетѣ «Жизнь и искусство» (№ 259, 19 сент.) напечатано слѣдующее:

12-го сентября въ одной изъ самыхъ вмѣстительныхъ аудиторій нашего университета состоялась вступительная лекція молодого профессора богословія, доктора богословія священника Свѣтлова, назначеннаго на вакантную каѳедру послѣ смерти профессора Ѳаворова. Присутствовали многіе профессора и многочисленная толпа студентовъ. Передаемъ вкратцѣ содержаніе лекціи, замѣчательной какъ въ научномъ, такъ и въ общественномъ отношеніи.

Восемь лѣтъ назадъ въ другомъ подобномъ учрежденіи (въ Нѣжинскомъ историко-филологическомъ институтѣ) молодому профессору выпало на долю счастье читать свою вступительную лекцію, предметомъ которой онъ избралъ привлекавшее тогда всеобщее вниманіе ученіе Льва Толстого о догматѣ, причемъ, вопреки толстовскому ученію, пытался доказать нужность догмата. Въ настоящее время антихристіанская реакція пошла дальше и пошатнула основы богословской науки въ полномъ ея объемѣ, доказывая ея несостоятельность и ненужность въ средѣ университетскихъ дисциплинъ. Какъ на примѣръ того, до какой степени распространенъ въ обществѣ такой взглядъ на богословскую науку, профессоръ указалъ на книжку петербургскаго профессора Н. И. Карѣева о выборѣ факультета, въ которой каждой наукѣ посвящено достаточное число страницъ, а о богословіи упомянуто только какъ о «внѣ факультетскомъ предметѣ», и упомянуто всего въ 2—3 строчкахъ, содержащихъ свѣдѣніе о томъ, что по богословію, дескать, требуется экзаменъ на первыхъ четырехъ семестрахъ.

Молодой богословъ поставилъ цѣлью своей лекціи доказать своимъ слушателямъ ложность взгляда на богословіе, какъ на внѣ факультетскій предметъ и показать, что безъ богословія университетъ потерялъ бы, такъ сказать, свой raison d'être, переставъ быть universitas totius scientiae. Богосло-

ве, по мнѣнію уважаемаго профессора, есть наука въ полномъ смыслѣ слова подобно всякой другой такой или точной наукѣ. Не оставляя прежнихъ мнѣній недоказанными за неимѣніемъ времени профессоръ въ настоящей лекціи подробно разобралъ чрезвычайно важную роль, которую, по его мнѣнію, должна взять на себя богословская наука въ университетѣ. Дѣло въ томъ, что въ настоящее время среди молодежи существуетъ все усиливающееся стремленіе къ самообразованію и выработкѣ цѣльнаго міросозерцанія. Но, съ одной стороны, безъ христіанскаго богословія никакое міросозерцаніе не имѣетъ ни цѣльности, ни силы, а съ другой стороны, безъ надлежащаго руководительства трудно выработать надлежащее, требуемое нашимъ временемъ міросозерцаніе. Кто же можетъ взять на себя такое руководительство въ университетѣ? Конечно, не профессоръ какой-нибудь отдѣльной частной науки; даже, по нѣкоторымъ причинамъ, не профессоръ всеобъемлющей, оздоровляющей корни и нити психофизической метафизики. Эту роль можетъ взять на себя только профессоръ богословія. Ораторъ не скрываетъ отъ себя, что эта роль чрезвычайно трудная, въ особенности въ наше время, когда пріобрѣли такое распространеніе и такую силу ученія ново-позитивистовъ и ново-матеріалистовъ, но онъ утѣшаетъ себя мыслью, что въ стѣнахъ нашего же университета онъ нашелъ дѣльнаго сотрудника, борющагося съ тѣмъ же врагомъ, въ лицѣ высокоталантливаго молодого профессора Георгія Ивановича Чельпанова. Восторженная публика наградила оратора продолжительными рукоплесканіями.

Съ своей стороны, мы можемъ порадоваться, что въ лицѣ своихъ молодыхъ представителей профессора признаютъ фактъ и законность стремленія молодежи къ самообразованію, и что тѣ же молодые представители университетской науки, мало-по-малу вытѣсняя отжившіе, старые элементы, въ борьбѣ съ этими элементами идутъ рука об-руку, не смотря на различіе своихъ спеціальностей, и такъ торжественно и открыто признаютъ свою солидарность.

Сообщеніе это и сопровождающія его замѣтки очень интересны, но они вызываютъ чрезвычайно много недоумѣній. Разумѣется надо радоваться, что профессора признаютъ фактъ и законность стремленія молодежи къ самообразованію. Но молодые профессора Свѣтловъ и Чельпановъ вытѣсняютъ отжившіе, старые элементы и борются съ ними. Что это значитъ? откуда вытѣсняютъ? Какъ? зачѣмъ? Можно бы было подумать, что какъ-то отжившіе, старые элементы откуда-то вытѣсняются собственно за то, что не признаютъ фактъ и законности стремленій молодежи къ самообразованію. Но въ лекціи проф. Свѣтлова есть прямое неодобрительное указаніе только на проф. Карѣева, который, можетъ быть, усердно въ ихъ русскихъ профессоровъ послужилъ идеѣ самообразованія. Значитъ, дѣло не въ томъ. Что касается самаго указанія на проф. Карѣева, то оно въ особенности возбуждаетъ недоумѣніе. Проф. Карѣевъ въ брошюрѣ о выборѣ факультета посвятилъ отъ силы двѣ-три страницы, въ которыхъ сообщаетъ, что по богословію требуется экзаменъ на первыхъ четырехъ семестрахъ. И вотъ фактъ преподносится проф. Свѣтловымъ, какъ иллюстрація антихристіан-

свои реакціи». Между тѣмъ, какъ извѣстно, въ русскихъ университетахъ нѣтъ богословскаго факультета, богословіе равно обязательно для филологовъ, юристовъ, естественниковъ, медиковъ, а потому при *выборѣ факультета* о богословіи и рѣчи быть не можетъ: его нельзя ни выбирать, ни не выбирать. И если отжившіе, старые элементы столь же виновны вообще, какъ въ данномъ случаѣ проф. Карѣевъ, то право я не знаю, слѣдуетъ ли радоваться ихъ «вытѣсненію» и замѣнѣ молодыми силами, столь легко обращающимися со словами: «антихристіанская реакція». Интересно было бы, далѣе, знать, что это за «профессоръ всеобъемлющей, оздоровляющей корни и нити психофизической метафизики»,—каѳедры такой нѣтъ—и кто собственно тѣ «ново-позитивисты и ново-матеріалисты», съ которыми проф. Свѣтловъ, вспомоществуемый проф. Челпановымъ, предполагаетъ бороться. Ничего этого мы не знаемъ. Знаемъ только, что «восторженная публика наградила оратора продолжительными рукоплесканіями»...

Въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» печатался, чуть не съ начала года, рядъ статей г. Волынскаго о Лѣсковѣ. Въ пятой статьѣ, напечатанной въ майской книжкѣ журнала, авторъ дошелъ до знаменитаго романа «Некуда», по поводу котораго позволилъ себѣ неприличіе, не въ первый уже, впрочемъ, разъ встрѣчающееся на страницахъ «Сѣвернаго Вѣстника».

Какъ извѣстно, романъ «Некуда» есть въ значительной своей части просто пасквиль, въ злобно окарикатуренныхъ образахъ котораго современники безъ труда узнавали подлинныхъ лицъ. Но и для людей, далекихъ отъ тѣхъ временъ, Лѣсковъ многое раскрылъ въ статьѣ (позднѣйшей) «Загадочный человѣкъ». Въ статьѣ этой, тоже переполненной злобной неправдой, даже не особенно внимательный читатель найдетъ ключъ ко всѣмъ главнымъ псевдонимамъ романа «Некуда». Главный герой романа есть Райнеръ, въ дѣйствительности Артуръ Бенни,—онъ-то и есть «загадочный человѣкъ». Подлинное имя героини романа, Лизы Бахаревой, скрыто подъ инициалами: «дѣвица К.», «М. Н. К.», «г-жа К.» Къ обоимъ этимъ лицамъ Лѣсковъ и въ романѣ, и въ статьѣ относится съ большою почтительностью, почти только ихъ однихъ и выдѣляя изъ моря изображенной имъ грязи. Кто не зналъ уже въ то время, когда романъ «Некуда» печатался впервые, что Райнеръ списанъ съ Артура Бенни, тотъ, во всякомъ случаѣ, узналъ это изъ статьи «Загадочный человѣкъ». Но оригиналъ Лизы Бахаревой и въ этой статьѣ остался скрытымъ подъ инициалами. Даже у Лѣскова, человѣка рѣдко беззастѣнчиваго, хватило деликатности на это. У г. Во-

[illegible] ся не хватило. Говоря о «Неизвѣстномъ», рецензентъ, кромѣ статьи «Загадочный человѣкъ», еще подозрѣниями г-жи Гончаровой-Пашковой и г. Бобрыкина. Чувствуется, что [illegible] милое фамильярное называетъ просто «Бобрыкинъ». Чувство, распространяется и Бенни, а потому сообщаетъ, что «дѣвица К. или «М. Н. К.» есть г-жа Коптева (или какъ тамъ еще просто «Коптева»).

М. Н. Коптева, живущая за границей, случайно узнала о этомъ безцеремонномъ обращеніи съ ея именемъ, именемъ живого человѣка и что она жива, какъ она мнѣ пишетъ, редакціи «Вѣстника» было извѣстно. Она обратилась въ редакцію съ предложеніемъ напечатать ея замѣтку по этому поводу, но редакція не пожелала исполнить эту просьбу, считая г-жу Коптеву тѣмъ, что въ отдѣльномъ изданіи произведенія г. Волынскаго ея имя будетъ вычеркнуто. Г-жа Коптева нашла, что это немножко мало, и просятъ напечатать ея письмо въ нашемъ журналѣ. Болѣе считаю исполнить желаніе г-жи Коптевой.

Для лицъ, совсѣмъ незнакомыхъ съ дѣломъ, не лишне можетъ быть будетъ замѣтить, что послѣ отъѣзда изъ Россіи Бенни жилъ въ Англіи, потомъ, кажется, въ Швейцаріи, затѣмъ состоялъ въ гарибальдійскомъ отрядѣ, раненъ въ битвѣ подъ Ментоной и отъ раны умеръ. Г-жа Толивѣрова, свидѣтельница его послѣднихъ дней, описала ихъ въ 1870 г. въ «Нивѣ», описала, какъ утверждаетъ г-жа Коптева, во многихъ подробностяхъ невѣрно, но имя г-жи Коптевой не было ею названо, такъ что инициативы этой безцеремонности всѣмъ приписываетъ г. Волынскому.

Вотъ записка г-жи Коптевой.

«Живу постоянно за границей съ большими годами, а не имѣю возможности слѣдить за русской литературой и только въ концѣ прошлаго лѣта получила изрѣзанную изъ «Вѣстника» 5-ю статью о Лермонтовѣ г. Волынскаго. Не знаю, могъ ли я появиться въ печати, будучи у меня много интересовъ и не потребовать на это моего согласія, объ Артурѣ Бенни и обо мнѣ. Вообще, я и прочла въ статьѣ, такъ какъ не могла не могу г. Волынскій говорить, что общественная дѣятельность въ Россіи Артура Бенни была неудачна, литературная — незначительна, и что его статьи доставили уже немалое русскихъ знакомыхъ. Зачѣмъ же пренебрегать его памятью и не отдать о немъ статьи полной истины и исправности? Волынскій говоритъ про Артура Бенни — его личной стороны не могъ знать, не знакомъ, и этимъ доказуетъ, что не имѣлъ никакого права так основательно говорить о личной жизни Артура Бенни, о его романѣ и о томъ, какъ онъ относился къ женщинамъ. Это вторженіе въ чужую личную жизнь и сплетни о ней доступны только своей болтливости и неосторожности. Что касается до меня, то еще менѣе имѣлось никакого права, потому что никакого дѣйствительного у меня не было, и почти еще живя за границей, я настоятельно требовала у матери, чтобы не [illegible]

печати могло быть только желаніе сплетнями о живомъ лицѣ придать скандальный интересъ статьѣ и тѣмъ привлечь больше читателей. Онъ могъ позволить себѣ это потому, что заступиться за меня и явиться въ редакцію требовать отчета некому.

Чтобы возстановить правду и исправить всѣ неточныя свѣдѣнія объ Артурѣ Бенни, мнѣ пришлось бы написать біографію его, чего я не сдѣлаю: для меня онъ не былъ загадкой вслѣдствіе его довѣрія, которымъ я не хочу злоупотреблять и послѣ его смерти. Ограничусь только опроверженіемъ разсказа г-жи Толивѣровой-Пѣшковой и замѣчаніемъ, что Артуръ Бенни писалъ не въ «Times'ѣ», а въ «Daily News» (разница!) и въ двухъ-недѣльномъ обозрѣніи, англійскаго названія котораго я не помню. О вкусахъ не спорятъ, но я желала бы оставить свое имя связаннымъ съ вымысломъ, на мой взглядъ, довольно пошлымъ, хотя г. Волынскій и восхищается имъ. То, что я слышала о литературной дѣятельности г. Волынскаго, побуждаетъ меня желать, чтобы онъ почтилъ память Артура Бенни молчаніемъ, а не похвалами. Не найдетъ ли онъ, чѣмъ занимать читателей «Сѣвер. Вѣстника» помимо сплетень о сердечныхъ отношеніяхъ неизвѣстныхъ имъ лицъ?

Я совсѣмъ разучилась писать по-русски, но и статья, на которую я отвѣчаю, не отличается особенно хорошимъ русскимъ языкомъ. Думаю поэтому, что русскіе читатели снисходительны, и что мой плохой слогъ также сойдетъ съ рукъ.

Осенью 1867 года я жила въ Гейдельбергѣ, куда ждала и Артура Бенни, вѣря его письмамъ, что его рана пустая, и что онъ скоро выздоровѣетъ. Его семья также не знала о его опасномъ положеніи: онъ боялся обезпокоить и огорчить насъ. Мотивъ, выставленный въ статьѣ г. Волынскаго — нежеланіе «предстать предъ любимымъ человѣкомъ въ своемъ жалкомъ безпомощномъ состояніи», этотъ мотивъ достоинъ тщеславной женщины, придумавшей его. Послѣднее письмо Артура Бенни и почеркомъ и особенными стараніями успокоить меня возбудили во мнѣ опасеніе — я телеграфировала ему и получила въ отвѣтъ депешу отъ доктора госпиталя св. Агаты: amputation de l'avant-bras droit trouvée nécessaire, va passablemet». Я депешей сообщила мое рѣшеніе пріѣхать въ Римъ и просила телеграфировать мнѣ о его состояніи въ Базель, первый этапъ этого тогда еще длиннаго пути. Эту депешу докторъ передалъ В. И. Я. и только изъ нея и онъ и г-жа Толивѣрова узнали о моемъ существованіи. Только по безпрестаннымъ вопросамъ Артура Бенни: который часъ и по просьбѣ его привезти меня прямо къ нему, когда я пріѣду, они могли заключить о томъ, какъ онъ ждалъ меня. Такъ говорили мнѣ въ Римѣ они оба и англійскій священникъ, навѣщавшій его. Я стою за эту дорогую мнѣ рѣдкую черту: этотъ человѣкъ до послѣдняго дыханія сохранилъ свою и въ то же время чужую тайну. Г-жа Толивѣрова не оцѣнила, не могла оцѣнить это молчаніе и уже въ 70-мъ году разсказывала въ «Недѣлѣ», какъ Артуръ Бенни цѣловалъ ея руки и показывалъ ей чужія письма. Клевета эта была бы возмутительна, если бъ не была безсознательна: онъ не былъ способенъ говорить съ посторонними о тѣхъ, кто былъ дорогъ ему. Въ Римѣ же г-жа Толивѣрова проговорилась мнѣ, что Бенни почти и не говорилъ съ ней. Г. Волынскій не замѣчаетъ противорѣчія между разсказомъ г-жи Толивѣровой и всѣми характеристиками Артура Бенни, которыя приводитъ въ своей статьѣ. Чтобы вѣрно передавать случившееся и вѣрно представлять человѣка, нужна прежде всего способность занятьcя этимъ человѣкомъ или событіемъ, а есть личности, всегда и вездѣ занятыя только собой. Вообще разсказы г-жи Толивѣровой и въ «Недѣлѣ» и въ статьѣ г. Волынскаго напоминаютъ разсказы меценатки-по-

мѣшанная въ любви Русинъ — такъ мѣтко охарактеризованные Тургеневъ.

Итакъ я пріѣхала въ Римъ на другой день послѣ смерти Артура Бенни и была принята на вокзалѣ г-жей Тонкѣровой. Но можно ли ей сказать, что я теперь разсуждала? Въ первый же вечеръ я отсчитывала пороки въ шахматы, и когда мы расходились, г-жа Тонкѣрова сказала мнѣ, что все время занимала общество разсказами о потерпѣвшихъ кораблекрушеніе. Такъ было и во всѣ дни проведенные мною въ квартирѣ В. И. Я съ г-жей Тонкѣровой. Я или говорила съ ней о постороннихъ предметахъ, или когда было не поэтому, просила ее оставить меня одну. Я пришла подумывать, чтобы говорить или писать о моемъ горѣ. Г. Вольнеръ и восемнадцатилѣтнюю, что я будто бы собирала огарки, оставшіеся въ комнатѣ Артура Бенни, укладывала ихъ въ мѣшечекъ на день и разставляла ихъ вечеромъ. Мнѣ кажется, что если бы я была способна заниматься въ то время такимъ вздоромъ, то ни за мой разсудокъ, ни за силу моего горя боялась бы. Признаюсь, я даже не понимаю смысла собиранія огарковъ, которыхъ, вѣроятно, и не было, такъ какъ можно предполагать, что комнаты бѣдныхъ даже и въ римскомъ госпиталѣ убираются. Собирать огарки мнѣ не пришлось и потому, что въ Римѣ я получила нѣсколько вещей Артура Бенни: мекленоръ, которымъ В. И. Я. доказывалъ мое право на дозволеніе этихъ вещей, портмоне съ оставшеюся мелочью, дневникъ, который Артуръ Бенни собственно для меня велъ по-русски, а не по-англійски, какъ прежде, и портретъ, сдѣланный для меня В. И. Я. съ мертваго лица, выраженіе котораго ясно говорило, какъ спокойно онъ умеръ. Г-жа Тонкѣрова нашла эти предметы слишкомъ обыденными и ей показалось интереснѣе придумать огарки. Кончаю заявленіемъ, что Артуръ Бенни никогда не былъ «въ тѣсной дружбѣ» съ Лѣсковымъ, лучшее доказательство то, что онъ остался для него «загадочнымъ человѣкомъ». Даже и жизни Бенни Лѣсковъ не зналъ, отчего цѣлыя страницы будто бы биографіи «загадочнаго человѣка» заняты разсказами о томъ, какъ будто бы онъ бывалъ, незнакомо, или неинтересными разговорами съ Пичиноренко. Въ этой богатой событіями жизни Лѣсковъ не нашелъ другого матеріала, такъ мало онъ зналъ его.

На этотъ разъ журналъ не публиковалъ ничего позорящаго г-жу Кошеву. Напротивъ, г. Волынскій со свойственною ему возвышенностью стиля говоритъ о «глубокомъ и нѣжномъ романѣ изъ жизни русскихъ нигилистовъ», о томъ, что «дѣвушка съ жесткимъ характеромъ и рѣзкимъ складомъ ума, который еще въ Россіи произвелъ на Бенни такое неизгладимое впечатлѣніе, здѣсь, передъ лицомъ смерти, вдругъ смирилась и раскрылась съ несжатенной глубоко человѣчной стороны» и т. п. Но, не касаясь вопроса о цѣнѣ похвалъ и любезностей г. Волынскаго, надо же понимать что сплетня все-таки остается сплетнею и что нельзя публично рыться въ душѣ живого человѣка и выволакивать изъ нея во всеобщее обозрѣніе свято хранимыя интимнѣйшія подробности чисто личной, частной жизни. Оскорбленіе, полученное еще недавно г-жей Гуревичъ, до извѣстной степени какъ бы закрыло съ вниманія общества душевныя страданія, мягко говоря, оскорбленнаго. Но надо же прислушать къ вниманію и изложеніе тѣхъ, которыхъ развязно ст. В.

лынскихъ доставляетъ вовсе не желательную для нихъ извѣстность...

Очевидно, «Сѣверный Вѣстникъ», истощивъ, какъ говорилось въ старину, силы въ борьбѣ съ равнодушіемъ публики, бьетъ на скандалъ. Оттого почтенный журналъ и свои литературныя обозрѣнія ведетъ «У Палкина», оттого въ немъ г. Льдовъ, ищущій для своей поэзіи «внѣвременнаго содержанія», въ прозѣ усердно занимается вполнѣ временными дрязгами. Можетъ быть, оно такъ и нужно, но я не понимаю, зачѣмъ эти люди называютъ себя идеалистами, символистами и т. п., когда они просто скандалисты?

VII

О народномъ [illegible] [illegible]
О странномъ [illegible] «Новости», о [illegible] [illegible]
[illegible] — Н. Н. [illegible] *).

[illegible] мнѣніи, было бы, вѣроятно [illegible] если бы существовало только два цвѣта — черный и бѣлый, или только двѣ страны свѣта, напримѣръ, сѣверъ и югъ, или только вертикальныя линіи и т. д. Въ этой фантастической [illegible] красокъ, линій, очертаній жить было бы гораздо скучнѣе, чѣмъ въ нашей теперешней пестротѣ и сложности, но зато гораздо легче было бы отрешиться. Наши предки называли всѣхъ иностранцевъ нѣмцами, и если бы не представленіе объ иностранцахъ, какъ о лицахъ единичнаго происхожденія языка, вѣроисповѣданія соотвѣтственно религіи, то, конечно, этнографія была бы чрезвычайно легкой наукой, равно какъ и языкознѣніе, исторія и пр. Но затѣмъ открылось, что среди «нѣмцевъ» есть и настоящіе нѣмцы-колбасники, и обнемеченные французы, и англоманы-шарманщики, и [illegible] англичане, и [illegible] французы-декоммуникаціи. Еще [illegible], что не всѣ нѣмцы колбасники, не всѣ англичане [illegible], не всѣ французы декоммуникаціи. Еще больше открылось, что не только между французами [illegible] живутъ люди весьма серьезные и глубокомысленные, и между англичанами [illegible] не что иное, какъ [illegible] и нѣмцы, итальянцы, испанцы, тѣмъ на [illegible] рѣзко [illegible] своими интересами, [illegible] и т. д. Каждый [illegible] направленіе этого [illegible] — «нѣмцы» [illegible] намъ, уже твердо знающимъ, что нѣмцы вовсе не колбасники по преимуществу, трудно судить. А если есть люди, находящіе особое [illegible] [illegible]

*) Ноябрь 1887 г.

ныхъ, которые этого напряженія, сознательно или безсознательно, избѣгаютъ. Отсюда стремленіе къ упрощенію дѣйствительности, къ сведенію ея красокъ, звуковъ, образовъ и картинъ къ малому числу, но рѣзко различныхъ элементовъ. Замѣтятъ, можетъ быть, что и процессъ, обратный тому, который мы сейчасъ видѣли, процессъ обобщенія, путемъ уловленія сходныхъ чертъ въ различныхъ предметахъ, также требуетъ значительнаго напряженія мысли. Это безспорно, какъ безспорно и то, что обобщеніе не значитъ упрощеніе дѣйствительности. Обобщеніе имѣетъ цѣлью найти нѣкоторое единство въ различныхъ предметахъ, не покушаясь на ихъ особенности, и открываетъ мысли болѣе широкіе горизонты, тогда какъ упрощеніе дѣйствительности эти горизонты суживаетъ. Въ этомъ узкомъ пространствѣ люди чувствуютъ себя лучше, увѣреннѣе, сложнѣйшія задачи представляются имъ чрезвычайно легкими, и любой Давъ можетъ стать Эдипомъ. Поэтому ихъ инстинктивно, помимо ихъ сознанія, тянетъ къ упрощенію дѣйствительности. Тотъ же результатъ получается и при простомъ незнакомствѣ съ рядомъ явленій, о которыхъ идетъ рѣчь, какъ оно и было съ нашими предками, когда они всѣхъ иностранцевъ считали нѣмцами. Наконецъ, къ тому же часто приводитъ игра страстей, управляющихъ ходомъ мысли «упростителей» помимо ихъ сознанія.

Возьмемъ какую-нибудь историческую личность. Возьмемъ Некрасова. Этотъ замѣчательный человѣкъ представляетъ собою чрезвычайно сложный переплетъ свѣта и тѣней: превосходный поэтъ, грѣшившій, однако, иногда очень грубыми стихотвореніями; пѣвецъ народа и всѣхъ обездоленныхъ, нажившій, однако, по предсказанію Бѣлинскаго, «капиталецъ»; яркій представитель и отчасти даже вождь извѣстнаго направленія, извлекавшій, однако, изъ своей лиры, по его собственнымъ словамъ, «невѣрные звуки» и т. д. Эта сложность ставитъ въ трудное положеніе умы несвѣдущіе, то есть недостаточно знакомые съ жизнью и дѣятельностью Некрасова, умы лѣнивые и неповоротливые, обѣгающіе всякую сложность, наконецъ, умы, обезоруженные страстью,—будь то любовь или ненависть. Въ извѣстной статьѣ Лѣскова «Загадочный человѣкъ» разсказывается о томъ, какъ разочаровался Артуръ Бенни въ нашемъ просвѣтительномъ движеніи вообще и въ нѣкоторыхъ особливо уважаемыхъ имъ людяхъ въ частности. Тутъ приводятся совершенно безсмысленныя сплетни о покойникахъ, Чернышевскомъ и Елисеевѣ, и затѣмъ Лѣсковъ продолжаетъ: «Но что уже совсѣмъ срѣзало Бенни, такъ это нѣкоторыя стихотворенія столь извѣстнаго поэта, Николая Алексѣевича Некрасова. Я говорю о тщательно изъятой Некрасовымъ изъ продажи книжечкѣ, носящей заглавіе «Мечты и звуки». Я уберегъ у себя эту рѣдкость нынѣш-

[illegible] времени, и Белинский зереварить не могъ этой книги» (Лѣсковъ, Сочиненія, VIII, 104). — Книжка «Мечты и звуки» была *издана* въ 1840 г. (значитъ, написана за годъ раньше, когда Некрасову было 19 лѣтъ, и состояла изъ двѣсти стихотвореній одинаковыхъ по содержанію и ребячески слабыхъ по формѣ. Бѣлинскій рѣзко отозвался о нихъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», при чемъ сдѣлалъ ставили не единственный въ казни крупный эстетическій промахъ: отказалъ юному автору, какъ поэту, во всякой способности. Суворинъ Жуковскій, къ которому сочувственный симпатіями Некрасовъ обратился за совѣтомъ, оказался въ этомъ случаѣ проницательнѣ великаго критика. Онъ предсказалъ юношѣ-поэту, что тотъ впослѣдствіи пожалѣетъ, если выпустить эту книжку, и посовѣтовалъ по крайней мѣрѣ, не выставлять имени. Книжка и была издана подъ инициалами Н. Н., а потомъ Некрасовъ, естественно недовольный этимъ дѣтскимъ лепетомъ, скупалъ и уничтожалъ книжки. Вотъ и вся исторія, которую Лѣсковъ разсказываетъ съ такими злорадными подчеркиваніями. Почему такая пустяковина, какъ «Мечты и звуки», могла уже совсѣмъ зрѣлаго Бѣлинскаго—трудно понять. Но дѣло въ томъ, что къ показаніямъ Лѣскова вообще слѣдуетъ относиться съ большою осторожностью, и можно сказать навѣрное, что разочарованія въ Некрасовѣ по крайней мѣрѣ, по поводу книжки «Мечты и звуки» Бѣлинскій никогда не переживалъ. Это—плодъ злобной фантазіи Лѣскова, который, однако, хорошо зналъ, что онъ дѣлаетъ, пуская свой пашъ по змѣиному. Онъ разсчитывалъ на наше позорное незнакомство съ нашимъ прошлымъ даже относительно популярнѣйшихъ писателей и потому смѣло представилъ обыкновеннѣйшую и невиннѣйшую исторію книжечки «Мечты и звуки», какъ какое-то злое или лицемѣрное дѣло, долженствующее провести линію непріятную черту на портретѣ Некрасова. Но на оригиналѣ этого портрета и безъ того есть подлинныя, не выдуманныя непріятныя черты, разлюція врагомъ, приводящія въ смущеніе друзей. Онъ самъ это понималъ и ясно выразилъ словами: «Ликуетъ врагъ, молчитъ въ недоумѣніи вчерашній другъ, качая головой». И вотъ, и врагъ, и другъ, отчасти по недостаточной гибкости ума, а отчасти ослѣпленные враждой или любовью, наровятъ «упростить» этотъ сложный образъ, выкроить этотъ портретъ одной какой-нибудь краской такъ легко, удобно. **Но это не будетъ портретъ Некрасова.**

Какъ ни оригинальна фигура Некрасова, но это все-таки сложная личность, и если въ ней многимъ разобраться такъ трудно, что они предпочитаютъ эти трудности обходить, то тѣмъ болѣе слѣдуетъ этого ожидать по отношенію къ вопросамъ объективной жизни. Здѣсь и невѣжа и сознательная [illegible] упрощенчества, [illegible]

гораздо больше. Позволю себѣ напомнить читателю одну маленькую рецензію, напечатанную въ журналѣ «Русское Богатство» (1896 г., № 6). Дѣло идетъ о переводной брошюрѣ Гельда «Фабрика и ремесло». Переводчикъ, г. Спасскій, предпринялъ эту работу въ видахъ борьбы съ «тѣмъ утопическимъ романтизмомъ, съ которымъ въ извѣстной части нашей русской экономической литературы обсуждается вопросъ о кустарной или домашней промышленности». Брошюра (собственно рѣчь) слѣдитъ за постепеннымъ сокращеніемъ сферы дѣйствія мелкаго производства и вытѣсненіемъ, въ Англіи и Германіи, ремесла фабрикой. Г. Спасскій очень почтительно относится къ рѣчи Гельда, «проникнутой стремленіемъ къ трезвому, лишенному утопизма анализу историческаго мѣста каждой формы». Это не мѣшаетъ ему, однако, «упрощать» мнѣнія нѣмецкаго ученаго. Такъ, Гельдъ называетъ ремесло «достойнымъ вниманія придаткомъ (ein achtungswerthes Anhängsel) крупной промышленности», а г. Спасскій переводитъ это мѣсто словами: «*не заслуживающій особаго вниманія* придатокъ», да еще печатаетъ эти слова курсивомъ, котораго въ подлинникѣ нѣтъ. Затѣмъ переводчикъ и совсѣмъ пропускаетъ одно мѣсто, гдѣ Гельдъ оговариваетъ, что совершеннаго вытѣсненія ремесла во всѣхъ отрасляхъ производства никоимъ образомъ ожидать нельзя. Не смотря на скромность этой оговорки, она показалась переводчику все-таки слишкомъ осложняющею дѣло. По этой же причинѣ и «достойное вниманія» для Гельда превращается для переводчика въ «незаслуживающее вниманія». Г. Спасскій считаетъ себя, по всей вѣроятности, «діалектическимъ матеріалистомъ» (я придерживаюсь послѣдняго mot d'ordre) и ведетъ борьбу съ «народничествомъ». Пониманіе и рѣшеніе вопросовъ общественной жизни значительно, конечно, облегчилось бы, если бы къ нимъ можно было относиться только съ «діалектически-матеріалистической» или «народнической» точки зрѣнія, и къ этой-то легкости тяготѣетъ г. Спасскій, безцеремонно устраняя даже незначительныя препятствія. Поведеніе его въ этомъ случаѣ можетъ показаться совершенно исключительнымъ, и я хотѣлъ бы надѣяться, что оно дѣйствительно таково. Но собственно стремленіе свести различныя направленія къ двумъ упомянутымъ рубрикамъ у насъ въ настоящее время чрезвычайно распространено: либо правовѣрные, либо гяуры.

Въ книгѣ «Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи» г. Струве, перечисливъ нѣсколько писателей, продолжаетъ (29): «Всѣмъ этимъ писателямъ присуща, правда, въ разной степени, вѣра въ возможность «самобытнаго развитія» Россіи. Эта вѣра объединяетъ писателей самаго различнаго склада, отъ г. Михайловскаго до г. Юзова, въ одно направленіе,

которому мы присвоиваемъ названіе народничества. А въ 50-строчномъ примѣчаніи на стр. 2 г. Струве пишетъ: «Мы хорошо знаемъ, что... г. Михайловскій не признаетъ своя народникомъ и *вполнѣ справедливо* считаетъ своя что г. В. В. и другихъ народниковъ par excellence. Тѣмъ не менѣе, *въ такомъ смыслѣ* онъ «народникъ» свой дѣйствительно принадлежитъ г. Струве».

Здѣсь мы имѣемъ, по крайней мѣрѣ, любопытную попытку смысла и объ условномъ пониманіи народничества, въ которое авторъ включаетъ знаменитостей «самаго различнаго склада», между прочимъ, и такихъ, которые «вполнѣ справедливо» не считаютъ свои народниками. Это хорошо, конечно, что авторъ злоупотребляетъ хорошимъ терминомъ съ оговоркой на счетъ его смысла, который онъ въ немъ вкладываетъ, но было бы еще лучше, если бы онъ не включалъ въ свою группу людей «самаго различнаго склада». Тѣмъ болѣе что въ весьма ограниченный приговоръ, на основаніи которого г. Струве возрѣзилъ «всѣ основанія», возможность самостоятельнаго развитія Россіи, причислены имъ писателямъ, по собственнымъ словамъ, въ разной степени. А если прибавить что нѣкоторые изъ нихъ, въ видѣ двусмысленности высказанныхъ, г. Струве въ кавычки словъ *самобытное* развитіе, вѣроятно ихъ не опредѣляютъ, то окажется, что г. Струве своими оговорками по малой мѣрѣ не способствовалъ выясненію понятія «народничества».

Если я въ смыслѣ г. Струве «народникъ», то «нѣтъ нуждъ» отрицать народничества, любимый Юзовъ, дерзкій, что я «одинъ изъ врагнѣйшихъ марксистовъ». «Основы народничества», 2-е изд. 1884 г., стр. 361). И это перекидываніе меня изъ одной крайности въ другую, тоже какъ и заявленіе не имѣющее чести принадлежать ни къ тому, ни къ другому, кажется мнѣ очень интереснымъ, какъ частный случай вышеупомянутаго тяготѣнія къ упрощенію дѣйствительности. Конечно, гораздо легче бороться противъ то или другое литературное явленіе одинъ изъ двухъ подобныхъ ярлыковъ, чѣмъ разобраться въ этомъ явленіи, если не сколько-нибудь сложно. Но очевидны и неудобства подобныхъ пріемовъ. Тѣмъ болѣе, что и самые ярлыки, выдѣляемые съ такою увѣренностью въ ихъ точности и опредѣленности, на самомъ дѣлѣ вовсе не такъ точны и опредѣленны.

Въ числѣ первыхъ замѣчаній Бакуниной г. Скабичевскій «Петровъ новѣйшей русской литературы» характеристика г. Евгенія Маркова заключается въ томъ, между прочимъ, обвиненіе «Въ противоположность Белинскому, который, сознавая, мѣрилъ русскую жизнь по мѣрилу «европейской культуры», Евгеній Марковъ смотритъ на все съ *европейской* точки зрѣнія, что и г.

вѣстной степени почвенникъ, проводящій ту мысль, что городская жизнь портитъ людей, нравственно калѣчитъ ихъ и растлѣваетъ, и лишь возвращеніе въ деревню или въ родную усадьбу, въ среду народа и на лоно природы, можетъ спасти человѣка, возстановить равновѣсіе его силъ и дать имъ благотворный исходъ». Въ третьемъ изданіи книги подчеркнутое мною слово «*народническая* точка зрѣнія» замѣнено словомъ «руссофильская точка зрѣнія». Сдѣлалъ ли эту поправку г. Скабичевскій motu proprio или подъ вліяніемъ указанія критики, но самый фактъ возможности или необходимости этой замѣны одного термина другимъ представляется мнѣ въ данномъ случаѣ чрезвычайно знаменательнымъ. Слово «народничество» у насъ въ такомъ ходу, что, казалось бы, должно покрывать собою вполнѣ опредѣленное содержаніе. И однако, вотъ историкъ новѣйшей русской литературы, въ продолженіе многихъ лѣтъ пристально слѣдящій за нашими умственными теченіями, поскольку они отражались въ литературѣ, счелъ нужнымъ, разъ употребивъ это слово, замѣнить его другимъ. О г. Марковѣ намъ много распространяться незачѣмъ. Это писатель, у котораго чего хочешь, того просишь. Собственно объ его отношеніи къ «народничеству» стоитъ отмѣтить развѣ только то, что, если не ошибаюсь, онъ изобрѣлъ и, во всякомъ случаѣ, охотно употребляетъ (я не знаю, что онъ теперь дѣлаетъ) презрительную кличку «мужиковствующіе». Не будемъ также останавливаться и на томъ, что «руссофильство» (если только г. Скабичевскій не производитъ его отъ имени Руссо!) вовсе не требуетъ проклятій городской жизни и возвращенія «въ среду народа и на лоно природы». По крайней мѣрѣ, намъ извѣстны весьма многіе руссофилы, совершенно чуждые подобныхъ идиллическихъ наклонностей. Вообще, Богъ съ нимъ, съ г. Марковымъ и его характеристикой. Насъ интересуетъ здѣсь только фактъ смутности представленій о «народничествѣ», не смотря на то, что объ немъ идутъ въ нашей литературѣ и внѣ ея постоянные разговоры.

За послѣднее время гг. «діалектическіе матеріалисты», чувствуя, повидимому, недостаточность ярлыка «народникъ», нѣсколько усложняютъ его и направляютъ свои громы на «народниковъ и субъективистовъ». Къ сожалѣнію, однако, они нигдѣ не разъясняютъ этого новаго ярлыка и едва ли даже не еще болѣе затемняютъ имъ то, съ чѣмъ хотятъ бороться. Нѣсколько болѣе, если не по отношенію къ «народничеству», то по отношенію къ «субъективизму» даетъ весьма благосклонный къ «діалектическому матеріализму» г. Филипповъ въ своемъ двухтомномъ сочиненіи «Философія дѣйствительности». Мнѣ еще придется, вѣроятно, вернуться къ этому произведенію, и здѣсь я ограничусь лишь нѣсколькими словами. При

этомъ я имѣю право говорить о себѣ, но не потому, чтобы я имѣлъ непремѣнно заинтересовать читателей своей особой, а потому, что такъ устроилъ г. Филипповъ. Отмѣтивъ, въ числѣ прочихъ соціологическихъ школъ, «субъективно-телеологическую теорію общественности» и назвавъ тремъ представителямъ ихъ—г. Кирѣева, Лестера Уорда и меня, г. Филипповъ останавливается затѣмъ преимущественно на мнѣ. Одни изъ моихъ взглядовъ онъ одобряетъ, другіе не одобряетъ, но особенно настаиваетъ на томъ, что я въ своихъ соціологическихъ работахъ вовсе не примѣняю «субъективнаго метода». Онъ говоритъ: Михайловскій сознается, что онъ выводитъ свое опредѣленіе прогресса изъ данныхъ объективной науки. Смѣну міросозерцаній Н. К. Михайловскій выводитъ изъ смѣны формъ конгерала, такъ что здѣсь объективный принципъ—раздѣленіе труда—опредѣляетъ психическое настроеніе членовъ общества, а не наоборотъ. Большаго не могли бы потребовать даже экономическіе матеріалисты, зрѣлищемъ которыхъ Н. К. Михайловскій въ недавнее время выступилъ самымъ рѣшительнымъ образомъ. («Философія дѣйствительности» II. 1106). Я дѣйствительно сознаюсь... Предпочиталъ бы, конечно, какое-нибудь другое выраженіе, потому что сознаваться можно только въ какомъ-нибудь грѣхѣ, преступленіи или ошибкѣ, а съ моей точки зрѣнія опираться на данныя объективной науки не только не составляетъ грѣха, преступленіе или ошибка, но, напротивъ того, обязательно. И если г. Филипповъ заставляетъ меня въ этомъ сознаваться, то это значитъ, мнѣ кажется, что онъ не совсѣмъ уяснилъ себѣ мой «субъективизмъ». Конечно, въ этомъ виноватъ, можетъ быть, я самъ, но и собственные взгляды г. Филиппова на «субъективизмъ» не ясны. Отрицая «субъективный методъ», онъ дѣлаетъ слѣдующія оговорки: «Отрицаніе субъективнаго *метода* не есть еще отказъ отъ всякой *субъективности*. Есть та глубокая, всеобъемлющая и тонкая субъективность—вѣра, на которомъ Бѣлинскій, не лишенный быть чуждымъ міру, не заставляетъ пропускать черезъ свою живую душу явленія внѣшняго міра. Нельзя любить и ненавидѣть по методу, тому же, повторяю, кремнѣ. Послѣднее, разумѣется, совершенно справедливо, но я и не предлагаю вовсе любить и ненавидѣть по методу, а было бы, можетъ быть, лучше, если бы г. Филипповъ не утруждалъ своего изложенія такой несомнѣнными истинами, а болѣе ясно опредѣлилъ бы ту «субъективность», о которой и онъ не отказывается. Фразы Бѣлинскаго какъ будто и не достаточно. Г. Филипповъ говоритъ далѣе: что я предлагаю нѣчто такое, больше чѣмъ не могли бы потребовать даже экономическіе матеріалисты, и, конечно, смѣшно, что я противъ подобныхъ въ недавнее время выступилъ самымъ рѣшительнымъ обра-

зомъ». Быть можетъ, справедливѣе было бы, если бы г. Филипповъ направилъ свое удивленіе въ другую сторону. Въ самомъ дѣлѣ, если я почти тридцать лѣтъ тому назадъ (г. Филипповъ цитируетъ статью 1869 г.) утверждалъ, что «смѣна формъ кооперацiи опредѣляетъ собою психическое настроеніе членовъ общества», то можно удивляться, что люди, ознакомившіеся съ этой истиной вчера, съ такимъ задоромъ уличаютъ меня въ ея незнаніи. А если г. Филипповъ дастъ себѣ трудъ немножко подумать, то онъ убѣдится, что мой субъективизмъ находится въ самой тѣсной связи съ этой истиной. Было бы очень соблазнительно остановиться на этомъ подольше, но на сей разъ я довольствуюсь указаніемъ на невыясненность многихъ идей, словесныя выраженія которыхъ находятся во всеобщемъ обращеніи, какъ хотячая монета.

«Діалектическій матеріализмъ» отнюдь не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія. «Мы не можемъ не признать,—говоритъ г. Струве,—что чисто философское обоснованіе этого ученія еще не дано, и что оно еще не справилось съ тѣмъ огромнымъ конкретнымъ матеріаломъ, который представляетъ всемірная исторія. Нуженъ, очевидно, пересмотръ фактовъ съ точки зрѣнія новой теоріи: нужна критика новой теоріи на фактахъ. Быть можетъ, многія односторонности и слишкомъ поспѣшныя обобщенія будутъ оставлены» («Критическія замѣтки по вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи», 16). И г. Булгаковъ «во избѣжаніе недоразумѣній считаетъ нужнымъ замѣтить, что онъ вовсе не считаетъ матеріалистическое пониманіе исторіи окончательно выработаннымъ и законченнымъ» («Новое Слово», октябрь, 45). Нельзя не привѣтствовать эти признанія, гарантирующія, повидимому, осторожность выводовъ и призывающія къ пересмотру фактовъ и критикѣ теоріи. Можно бы было поэтому не придавать большого значенія тѣмъ многочисленнымъ противорѣчіямъ, которыми переполнены произведенія различныхъ представителей «діалектическаго матеріализма», хотя бы противорѣчія эти касались наиболѣе коренныхъ вопросовъ. На нихъ можно бы было смотрѣть, какъ на choc des opinions, изъ котораго постепенно выработается истина. Вотъ, напримѣръ, г. Струве въ вышеупомянутой книжкѣ на разные лады и съ чрезвычайною настойчивостью развивалъ ту мысль, что «экономическій матеріализмъ просто игнорируетъ личность, какъ соціологически ничтожную величину», что роль личности въ исторіи равна нулю. Г. же Бельговъ напротивъ утверждаетъ: «Матеріалисты-діалектики далеки отъ того, чтобы сводить роль личности въ исторіи къ нулю: они ставятъ передъ личностью задачу, которую, употребляя обычный, хотя и неправильный терминъ, надо признать совершенно исключительно идеалистической» («Къ вопросу о развитіи

монистическаго взгляда на исторію», 231). А затѣмъ г. Струве объясняетъ, что и «нельзя спорить о томъ, играетъ ли личность какую-нибудь роль въ историческомъ процессѣ и имѣетъ ли она вообще реальное существованіе», что это вопросъ гносеологическій, и потому «разрѣшить его въ сущности не въ силахъ ни одна изъ существующихъ «философій исторіи», не исключая и такъ называемаго экономическаго матеріализма» («Новое Слово», октябрь, «Новыя книги», 92). Или вотъ, напримѣръ, г. Бельтовъ самымъ рѣшительнымъ образомъ настаиваетъ на «матеріалистическомъ монизмѣ», а г. Струве «вполнѣ подписывается подъ словами г. Милюкова: «для самаго экономическаго матеріализма связывать свою судьбу съ философскимъ матеріализмомъ и неудобно, и безполезно. Неудобно потому, что философскій матеріализмъ есть одинъ изъ самыхъ плохихъ видовъ монизма; между тѣмъ, экономическій матеріализмъ вполнѣ совмѣстимъ и съ иными монистическими воззрѣніями. Безполезно же потому, что «матеріальный» характеръ экономическаго фактора есть только кажущійся: на самомъ дѣлѣ явленія человѣческой экономики происходятъ въ той же психической средѣ, какъ и всѣ другія явленія общественности» (l. c.). Въ предыдущей книжкѣ «Русскаго Богатства» мнѣ пришлось остановиться на подобномъ же фактѣ: г. Туганъ-Барановскій считаетъ «экономическій факторъ» господствующимъ въ обществѣ и опредѣляющимъ собою историческій процессъ, а г. Каменскій объявляетъ этотъ взглядъ совершенно ложнымъ.

Повторяю, всѣ эти и многія другія подобныя противорѣчія не составляли бы большой бѣды, если бы гг. діалектическіе матеріалисты памятовали, что дѣло идетъ о доктринѣ, еще недостаточно обоснованной. Но, признавая фактъ этой необоснованности на словахъ, они на дѣлѣ говорятъ каждый свое отъ имени какъ бы цѣльнаго, сложившагося ученія и не вступаютъ въ обмѣнъ мыслей между собою, а или отмѣняютъ разъ высказанные взгляды путемъ декретовъ, или же валятъ съ больной головы на здоровую. Г. Бельтовъ тщился доказать, что матеріалистическій монизмъ есть единственное философское ученіе, соотвѣтствующее современному состоянію науки. Нельзя назвать его старанія очень удачными, но все же онъ старался, а г. Струве, не входя въ разсмотрѣніе этихъ стараній, просто декретируетъ съ еще чужими словами: «философскій матеріализмъ есть одинъ изъ самыхъ слѣпыхъ видовъ монизма». Г. Туганъ-Барановскій старался доказать преобладающее значеніе «экономическаго фактора». Опять-таки это не было перлы знанія и логики, но г. Каменскій, какъ мы видѣли, въ сущности, доказывая вздорность и «отсталость» взглядовъ г. Тугана-Барановскаго, валитъ отвѣтственность за нихъ на «народниковъ» и «эко-

ективистовъ», да еще съ удивительно яснымъ лбомъ замѣчаетъ: «дальше этого смѣшенія понятій идти не можетъ»...

Нѣтъ, я думаю, можетъ идти и дальше. Все зависитъ отъ прыткости и беззастѣнчивости, а эти качества очень быстро прогрессируютъ въ органѣ діалектическихъ матеріалистовъ. Въ октябрьской книжкѣ «Новаго Слова» г. Novus начинаетъ свою статью, озаглавленную «На разныя темы», заявленіемъ, что онъ «давно не бесѣдовалъ съ читателями въ непринужденной формѣ». Давно ли г. Novus занимается «непринужденными» бесѣдами и долго ли онъ оставлялъ безъ нихъ читателей «Новаго Слова», я, признаться, не справлялся, но что октябрьская его статья написана вполнѣ непринужденно,—это вѣрно. Непринужденность этой бесѣды доходитъ до того, что авторъ находитъ возможнымъ говорить о моихъ «наблюденіяхъ въ петербургскихъ и московскихъ трактирахъ». Откуда г. Novus получилъ свѣдѣнія объ этихъ моихъ наблюденіяхъ, я не знаю (въ статьѣ, которую г. Novus удостоилъ своимъ вниманіемъ, — о «Мужикахъ» г. Чехова,—я ссылался на литературные источники), но если бы эти свѣдѣнія были даже вполнѣ достовѣрны (а они совсѣмъ невѣрны), то пользованіе ими въ качествѣ полемическаго пріема заслуживаетъ, пожалуй, болѣе сильнаго эпитета, чѣмъ «непринужденный». И послѣ этого нечего уже, конечно, удивляться тому, что г. Novus оказывается неспособнымъ понять мотивы нашего долгаго воздержанія отъ полемики съ «Новымъ Словомъ». Онъ глумится надъ этимъ воздержаніемъ, иронически обѣщаетъ, что «марксисты послѣдуютъ благому примѣру, подаваемому писателями «Русскаго Богатства». «Впрочемъ, прибавляетъ онъ,—мои коллеги народъ ненадежный и того и гляди сорвутся съ добровольно надѣтой на себя цѣпи .—Кто у нихъ тамъ на цѣпи сидитъ и кто сорвался или сорвется съ цѣпи, этого г. Novus не сообщаетъ, но онъ настолько вдохновляется образами разныхъ сидящихъ на цѣпи и срывающихся съ цѣпи грозныхъ животныхъ, что видитъ единственную причину нашей полемической умѣренности по отношенію къ «Новому Слову»... въ страхѣ. «Русское Богатство» вообще труситъ вступить въ полемику съ «Новымъ Словомъ», а въ особенности я, пишущій эти строки, боюсь г. Novus'а. Какой, подумаешь, въ самомъ дѣлѣ страшный!

Левъ вырвался изъ клѣтки,
Быкъ съ цѣпи сорвался!...

Ахъ, j'en ai tant vu, всякихъ новусовъ и новиссимусовъ, j'en ai tant vu, и если бы это все были львы и быки... Впрочемъ, и въ настоящемъ случаѣ приходится говорить во множественномъ числѣ, о львахъ и быкахъ, а не о единственномъ Novus'ѣ. Въ октябрь-

ской книжкѣ «Русскаго Богатства» я говорилъ о причинахъ нашего воздержанія и возвращаться къ этому не буду. Что же касается спеціально мѣста ужаса перед грознымъ обликомъ сидящаго на цѣпи или сорвавшагося съ цѣпи г. Novus'а, то послѣдній видитъ его въ слѣдующемъ. Онъ писалъ о «Мужикахъ» г. Чехова, я тоже писалъ о нихъ, при чемъ полемизировалъ съ г. Novus'омъ, не называя его, однако, по имени,—очевидно, я боялся прогнѣвать г. Novus'а и сдѣлалъ такъ, чтобы полемика была и какъ будто ея не было. Въ дѣйствительности полемика несомнѣнно была, только не съ однимъ Novus'омъ. «Мужики» г. Чехова вызвали неумѣренные восторги не въ одномъ «Новомъ Словѣ», а въ очень многихъ органахъ печати, при чемъ и комментировался разсказъ въ смыслѣ противопоставленія города и деревни не однимъ г. Novus'омъ. Поэтому я вездѣ говорилъ не о *комментаторѣ*, а о *комментаторахъ*, никого изъ нихъ не называя по имени. И если это признакъ смятеннаго робостью духа, то я его обнаружилъ не передъ однимъ г. Novus'омъ. Но онъ, въ великолѣпномъ сознаніи своей грозной мощи, хочетъ быть единственнымъ... Этому великолѣпію вполнѣ соотвѣтствуетъ и окончаніе его статьи: «Ceterum censeo: въ «Мужикахъ» заключается глубокій общественный смыслъ, и потому, независимо отъ ихъ высокаго художественнаго достоинства, этотъ маленькій очеркъ замѣчательное литературное явленіе». Эта форма декрета такъ удобна, что и я могъ бы окончить подобнымъ же «ceterum censeo» противоположнаго содержанія; тѣмъ болѣе, что «непринужденность» г. Novus'а, его неспособность понять мотивы дѣйствій противниковъ, его комическая увѣренность въ своей силѣ,—все это не такія черты, которыя располагали бы къ бесѣдѣ съ нимъ. Но мнѣ все-таки хочется остановиться еще на двухъ-трехъ мѣстахъ его непринужденной статьи.

Разсказъ г. Чехова, какъ, вѣроятно, помнятъ читатели, оканчивается тѣмъ, что вдова и дочь полового Чикильдѣева просятъ милостыни подъ окнами деревенскихъ избъ: «Подайте милостыни, Христа ради». Въ связи съ этимъ концомъ я обратился къ «комментаторамъ» (а не исключительно къ г. Novus'у, какъ онъ думаетъ) съ такими словами: «Господа, подайте милостыню своего вниманія подлинной вдовѣ и сиротѣ подлиннаго рабочаго человѣка, гдѣ бы онъ ни работалъ, въ деревнѣ ли, въ городѣ ли, и не спинбайте лбами двухъ разрядовъ людей, жизнь которыхъ, въ разныхъ родахъ, но одинаково темна и скудна, одинаково требуетъ и одинаково заслуживаетъ участія». Отъ этихъ моихъ словъ г. Novus'а даже «нѣсколько покоробило», и онъ разражается длинной тирадой, въ которой можно усмотрѣть двѣ стороны. Во-первыхъ, его возмущаетъ «призывъ къ литературной филантропіи» («милостыня

вниманія»), при чемъ онъ щеголяетъ своимъ презрѣніемъ къ филантропіи вообще, цитируетъ Прудона и т. д. Если читатель сопоставитъ эту тираду съ напечатанной въ той же книжкѣ «Новаго Слова» статьей г. М. Б. «Памяти Н. А. Варгунина» и заключительными строками статьи г. П. Б. «Текущіе вопросы внутренней жизни», то убѣдится, что діалектическіе матеріалисты очень боятся слова «филантропія», но о самой филантропіи имѣютъ довольно смутныя понятія. Мнѣ здѣсь нѣтъ повода объ этомъ распространяться, такъ какъ я ни къ какой филантропіи не приглашалъ, и моя «милостыня вниманія» есть такая же метафора, какъ и, напримѣръ, засвидѣтельствованное г. Novus'омъ сидѣніе на цѣпи сотрудниковъ «Новаго Слова». Выше я воспользовался этой послѣдней метафорой, какъ метафорой, и это мое право, но я обнаружилъ бы крайнюю наивность, если бы, слѣдуя примѣру г. Novus'а, разразился по этому поводу патетическою рѣчью въ такомъ родѣ: «Сообщеніе почтеннаго сотрудника «Новаго Слова» повергло насъ въ ужасъ. Какъ! наканунѣ XX вѣка держать людей на цѣпи, когда еще въ прошломъ столѣтіи многіе филантропы возставали противъ такого варварства по отношенію даже къ страдающимъ умственнымъ разстройствомъ, но и тогда безопасныя для общества формы этихъ недуговъ, въ родѣ, напримѣръ, маніи величія, не вызывали столь жестокихъ мѣръ», и т. д. Проговоривъ такую рѣчь, я могъ бы, подобно Novus'у, самодовольно оглядывать слушателей: какой, дескать, я умный и какой передовой!... Сразу все понялъ!...

«Разъяснять общественный смыслъ того, что происходитъ въ дѣйствительной жизни, и того, что изъ этой дѣйствительной жизни отражается въ литературѣ, это наши, какъ говорятъ нѣмцы, verdammte (?) Schuld und Pflichtigkeit. На то мы и состоимъ въ литературномъ цехѣ. Пусть г. Михайловскій думаетъ, что это значитъ «сшибать лбами два разряда людей», но мы полагаемъ, что ничего такого литература не въ состояніи дѣлать; сшибаетъ лбами только жизнь, и на наше горе въ данномъ случаѣ жизнь производитъ это полезное дѣло съ непріятною для насъ медленностью. Итакъ, наша задача и обязанность разъяснять общественный смыслъ явленій жизни и литературы, а раздачу «милостынь вниманія» мы предоставляемъ г. Михайловскому и его единомышленникамъ. Филантропія «душеспасительное дѣло, но ни въ жизни, ни въ литературѣ мы не считаемъ ее общественной задачей». И т. д. въ нику «филантропамъ», не менѣе презрѣннымъ, чѣмъ «народники и субъективисты», но и не болѣе ихъ яснымъ для самого критика. Во всякомъ случаѣ, мое: «подайте милостыню вниманія» есть метафора, вызванная послѣдними строками разсказа г. Че-

хова и имѣющая цѣлью привлечь вниманіе читателей и критиковъ къ тѣмъ сторонамъ этого литературнаго явленія, которыя упущены комментаторами изъ вида. Я именно приглашалъ внимательнѣе отнестись къ смыслу разсказа и соотвѣтственныхъ явленій жизни. Правда, я не только «разъяснялъ», не только констатировалъ факты и обращался къ логической способности читателя, а выражалъ свои чувства. Не думаю, однако, чтобы это выходило изъ предѣловъ правъ и обязанностей «литературнаго цеха», ибо въ такомъ случаѣ пришлось бы исключить изъ литературнаго цеха много великихъ именъ. И даже гг. діалектическіе матеріалисты, «гордые своимъ неумолимымъ объективизмомъ», не только «разъясняютъ», а и волнуются горемъ и радостью, каковыя волненія стараются и читателямъ внушить. Вотъ и г. Novus сообщаетъ намъ о своемъ «горѣ» по тому поводу, что жизнь сшибаетъ людей лбами «съ непріятною для него медленностью». Послѣдовательный «неумолимый объективистъ», если бы таковой былъ возможенъ, сказалъ бы: пріятно вамъ или нѣтъ, горюете ли вы или радуетесь, а медленность извѣстнаго процесса столь же неизбѣжна, какъ и самый процессъ: «разъясняйте» эту медленность, а горя свои и непріятности оставьте при себѣ, ибо это не больше, какъ «милостыня вниманія». И, однако, г. Novus горюетъ и жалуется на непріятности. А г. С. Б. въ предыдущей, сентябрьской книжкѣ «Новаго Слова» идетъ еще дальше. Онъ говоритъ: «Одно дѣло признавать историческую неизбѣжность даннаго процесса или даннаго результата (въ данномъ случаѣ образованія землетѣльческой буржуазіи) и другое дѣло становиться въ извѣстное активное отношеніе къ этому процессу. Насколько вообще возможно такое активное отношеніе, мы, конечно, становимся не на сторону экспропріирующихъ, а экспропріируемыхъ» («Еще нѣсколько словъ по поводу неурожая»).

Я считаю это заявленіе не менѣе въ своемъ родѣ важнымъ, чѣмъ разъясненіе г. Каменскаго относительно теоріи «преобладанія экономическаго фактора». Не дальше, какъ годъ тому назадъ г. Туганъ-Барановскій, конечно, тоже гордый своимъ неумолимымъ объективизмомъ (кто имъ нынѣ не гордится?) изѣвался надъ мной въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Статьи г. Михайловскаго не помѣшали нашему капитализму подчинить себѣ самостоятельнаго производителя, интересы котораго такъ горячо, хотя и такъ неудачно, пытается защищать г. Михайловскій. Причина этой неудачи заключается въ томъ, что мой оппонентъ, забывъ объ экономическихъ законахъ, вообразилъ, будто жизнь всецѣло направляется идеалами «критически мыслящихъ личностей», тогда какъ эти идеалы вліяютъ на жизнь только въ томъ случаѣ, если они соотвѣтствуютъ осно-

мическимъ условіямъ даннаго историческаго момента и не вступаютъ въ конфликтъ съ направленіемъ экономическаго развитія» («Міръ Божій», апрѣль 1896 г., стр. 284). Соображая все вышесказанное, я могъ бы, съ подобающею мнѣ скромностью, отвѣтить г. Тугану-Барановскому такъ: многоуважаемый діалектическій матеріалистъ, вы находитесь во власти заблужденія: я никогда не «воображалъ, будто жизнь всецѣло направляется идеалами критически мыслящихъ личностей». Это ваше сочиненіе, столь же талантливое, какъ и все, что выходитъ изъ-подъ вашего пера. Но если вы подадите милостыню вниманія моимъ собственнымъ сочиненіямъ, то найдете въ нихъ, можетъ быть, то самое, что нашелъ г. Филипповъ: нѣчто такое, «больше чего не могли бы потребовать даже экономическіе матеріалисты». Что же касается вашего торжества по тому поводу, что мои статьи «не помѣшали нашему капитализму» и проч., ибо находились «въ конфликтѣ», то я долженъ признаться, что онѣ не помѣшали и многому другому. Радуюсь за васъ, незнакомаго съ горькимъ сознаніемъ конфликта, радуюсь отсутствію разлада между вашими идеалами и дѣйствительностью. Позволю себѣ, однако, сослаться на слова вашего товарища, г. С. Б.: неизбѣжность извѣстнаго процесса, даже если она вполнѣ доказана, не обязываетъ насъ ему содѣйствовать: напротивъ, насколько возможно, мы съ г. С. Б. будемъ ему противодѣйствовать, ибо «мы, конечно, становимся не на сторону экспропріирующихъ, а экспропріируемыхъ», то есть будемъ дѣлать то самое дѣло, которое вамъ кажется столь презрительнымъ.

Въ Москвѣ празднуется тридцатилѣтній юбилей литературной дѣятельности Н. Н. Златовратскаго. Тридцать лѣтъ не малый срокъ въ жизни каждаго человѣка и, можетъ быть, въ особенности писателя. Есть свои радости въ жизни писателя, но въ общемъ тернистъ и труденъ его путь. «Литература освѣтила ему жизнь, но она же напоила ядомъ его сердце»,—эта эпитафія героя щедринскаго разсказа «Похороны» приличествуетъ многимъ писателямъ, если только они заправскіе писатели, а не диллетанты, удѣляющіе литературѣ свои досуги, и не ремесленники, относящіеся къ ней исключительно съ точки зрѣнія построчной и полистной платы. Самый процессъ литературной работы, конечно, доставляющій извѣстное наслажденіе, часто бываетъ отравленъ сомнѣніемъ и недовольствомъ, ибо писатель сколько-нибудь значительный рѣдко бываетъ доволенъ результатомъ своей работы: въ его умѣ все это слагалось ярче, сильнѣе, стройнѣе. И это составляетъ иногда источникъ такихъ мученій, оцѣнить которыя можетъ только тотъ, кто

самъ испытывалъ ихъ. Но слово, сказанное писателемъ, только удовлетворить не только его самого, оно должно произвести извѣстное дѣйствіе,—непосредственно ли въ видѣ желаннаго практическаго результата или въ видѣ внушенія извѣстныхъ мыслей и чувствъ читателямъ. И здѣсь опять возможенъ рядъ колебаній, сомнѣній, разочарованій: слово можетъ оказаться гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и чѣмъ больше души вложилъ писатель въ свое слово, тѣмъ, понятно, горше этотъ отрицательный результатъ. Все это можетъ настигнуть и европейскаго писателя, но, конечно, въ гораздо большей степени русскаго, въ силу условій нашей печати и грубости нашего общественнаго мнѣнія. Если прибавить къ этому матеріальныя невзгоды и всякія случайности, вліяющія на судьбы русскаго писателя, то онъ окажется вполнѣ беззащитнымъ существомъ, жизнь котораго черезъ край переполнена тревогами...

Я вовсе не хочу идеализировать нашу писательскую среду. Безъ сомнѣнія, есть и такіе писатели, и даже очень много ихъ,—которымъ совершенно незнакомо недовольство собою, а также и такіе, которые уже потому не оказываются гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, что чутко прислушиваются откуда дуетъ вѣтеръ и сообразно съ этимъ налаживаютъ свои паруса. Но не объ нихъ теперь рѣчь, объ нихъ можно и забыть, когда говоришь о писателѣ въ родѣ Н. Н. Златовратскаго. Какъ талантливый художникъ, онъ не могъ, за свою тридцатилѣтнюю дѣятельность, не испытывать, хоть временами, разлада между образами и картинами, носившимися передъ его умственнымъ взоромъ, и ихъ окончательнымъ словеснымъ выраженіемъ на бумагѣ. А что касается разныхъ властныхъ или же модныхъ теченій, то достаточно въ этомъ отношеніи извѣстна стойкость г. Златовратскаго. Ужъ, конечно, онъ не побоится остаться гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, если судьба поставитъ его въ это трагическое для писателя положеніе. А если и перемѣнитъ когда-нибудь фронтъ, то навѣрное не потому, что это обѣщаетъ какія-нибудь выгоды или обезпечитъ популярность, а единственно потому, что послѣ мучительной внутренней ломки придетъ къ новымъ взглядамъ на жизнь.

Не хочу я также возбуждать въ читателѣ жалость къ представителямъ русской литературы. Много скорбнаго, обиднаго и прямо даже жалкаго въ ихъ положеніи, но въ настоящую минуту мы чествуемъ тридцатилѣтнюю дѣятельность одного изъ нихъ, и самый фактъ этого торжественнаго чествованія долженъ влить противоядіе въ тотъ «ядъ», которымъ литература «напоила его сердце». Нынѣ часто можно слышать мнѣніе, что пѣсня г. Златовратскаго спѣта, не только въ смыслѣ сокращенія, за послѣднее время, его литературной дѣятельности, которое можетъ быть объяснено чисто лич-

ными причинами (усталостью, болѣзнью), а и въ смыслѣ окончательнаго паденія того міросозерцанія, которому г. Златовратскій оставался вѣренъ всю свою многотрудную жизнь. Пусть такъ (я возвращусь къ этой темѣ ниже), но г. Златовратскій, во всякомъ случаѣ, зналъ счастье вольнаго союза съ «читателемъ-другомъ», счастье общенія съ внимательной и многочисленной аудиторіей. И разъ онъ удовлетворялъ запросамъ, конечно, не худшей части нашего общества, разъ онъ давалъ въ теченіе многихъ лѣтъ пищу ея уму и сердцу, онъ займетъ въ исторіи литературы навѣрное почетное мѣсто. Скажу прямо: міросозерцаніе г. Златовратскаго недостаточно широко для того, чтобы обнять жизнь въ ея многосторонности, но это не кладетъ ни малѣйшей тѣни на писателя, какъ писателя. Г. Златовратскій всю жизнь честно служитъ истинѣ, какъ онъ ее понимаетъ, онъ «дѣлъ своихъ цѣною злата не взвѣшивалъ, не продавалъ, не ухищрялся противъ брата и на врага не клеветалъ». И самое его упорство въ одностороннемъ освѣщеніи жизни имѣетъ свои достойныя уваженія стороны: искренность и мужество...

Если тридцать лѣтъ въ жизни отдѣльнаго человѣка—срокъ очень большой, то въ жизни общества это одно мгновеніе. Такъ обыкновенно говорятъ, да оно, пожалуй, такъ и есть, если смотрѣть на исторію, такъ сказать, съ высоты птичьяго полета. Но какъ въ жизни отдѣльнаго человѣка не всѣ мгновенія равны между собой, такъ и историческія мгновенія бываютъ особенно многозначительныя. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что послѣднія пережитыя нами тридцать лѣтъ принадлежатъ къ числу именно такихъ, особенно многозначительныхъ историческихъ мгновеній. Эти тридцать лѣтъ стоятъ цѣлаго вѣка, и хотя во многихъ отношеніяхъ мы нынѣ находимся совсѣмъ не такъ далеко отъ исходной точки, какъ можетъ показаться, хотя жизнь взяла многое назадъ изъ того, что дала или, по крайней мѣрѣ, обѣщала, но въ общемъ пройденъ все-таки большой путь. До такой степени большой, что мы часто забываемъ исходныя точки или даже просто не знаемъ ихъ.

Мы празднуемъ тридцатилѣтіе литературной дѣятельности г. Златовратскаго, потому что въ 1866 г. былъ напечатанъ въ «Искрѣ» его первый разсказъ «Падежъ скота». Но собственно какъ вполнѣ опредѣленная литературная физіономія, г. Златовратскій гораздо моложе. Послѣ ряда незначительныхъ очерковъ въ «Искрѣ», «Будильникѣ», «Недѣлѣ», г. Златовратскій обратилъ на себя вниманіе въ 1874 г. разсказомъ «Крестьяне присяжные». Но и въ этомъ талантливомъ разсказѣ онъ еще не былъ тѣмъ Златовратскимъ, какимъ онъ займетъ свое особенное, рѣзко опредѣленное мѣсто въ исторіи литературы. Этотъ Златовратскій вырисовывался лишь

постепенно. Поэтому, хотя его дѣятельность и началась въ 60-хъ годахъ, но было бы чисто фактическою ошибкою считать его типическимъ представителемъ міросозерцанія 60-хъ годовъ. И не въ хронологическомъ только отношеніи, а и въ отношеніи характера и направленія его творчества. Онъ никогда прямо, открыто не «отказывался отъ наслѣдства», но усвоилъ себѣ только одну его часть и односторонне разработалъ ее. За исключеніемъ одного пункта, о которомъ сказано будетъ ниже, односторонность эта, однако, совсѣмъ не такъ значительна, какъ принято думать. И хотя г. Златовратскій несомнѣнный «народникъ», но было бы грѣшно и несправедливо приписывать ему крайности нѣкоторыхъ теоретиковъ народничества. Когда теоретики пожелали формулировать свое «новое слово» (они такъ именно выражались), то прежде всего отказались отъ наслѣдства 60-хъ годовъ въ дѣлѣ пониманія значенія національности. Они возставали противъ «европейскихъ очковъ», настаивали на «самобытности» и доходили до послѣднихъ предѣловъ узкаго націонализма. Г. Златовратскій совершенно чуждъ этого теченія. Въ его «Деревенскихъ будняхъ» читаемъ, между прочимъ, слѣдующее. Приведя слова А. Н. Энгельгардта о нѣкоторомъ «тайничкѣ», имѣющемся въ мозгу каждаго русскаго мужика, г. Златовратскій пишетъ: «Существуетъ этотъ «тайничекъ» у всѣхъ мужиковъ, даже у богатыхъ собственниковъ, вовсе не потому, что они «русскіе мужики», и будетъ существовать, пока, дескать, мужикъ будетъ *русскій* мужикъ, а просто потому, что настоящая эпоха — эпоха критическая, переходная въ жизни русскаго мужика, эпоха, когда идетъ борьба за преобладаніе между старыми традиціями и новыми вѣяніями, между общиной и крайнимъ индивидуализмомъ. Кончится эта борьба въ пользу общины — и этому «тайничку» незачѣмъ будетъ существовать, потому что нечему будетъ скрываться въ тайнѣ. Кончится борьба въ пользу полнаго индивидуализма — кулакъ и собственникъ почувствуютъ свою настоящую силу, тогда и мужикъ, будь онъ самой чистой русской крови, потеряетъ всякое сознаніе о «тайничкахъ» и, въ охраненіи основъ индивидуальной собственности, явится такимъ «столпомъ», что утретъ носъ всякому нѣмцу... Если мы будемъ возлагать надежды на неувядаемость какого-то мистическаго «тайничка», пока мужикъ будетъ *русскій* мужикъ, и въ пользу этого тайничка пальцемъ не шевельнемъ, то намъ очень скоро придется убѣдиться, что и русскій богатый мужикъ знаетъ не хуже нѣмца, гдѣ раки зимуютъ» (Цитирую по только что вышедшему третьему изданію сочиненій Златовратскаго, II, 324—325).

Кромѣ очень ярко выраженнаго отрицательнаго отношенія къ мистической самобытности, мы видимъ въ этой цитатѣ еще одну

любопытную черту. Каковы бы ни были выводы г. Златовратскаго изъ его деревенскихъ наблюденій, но наблюдатель онъ замѣчательно добросовѣстный. И когда объ немъ говорятъ, какъ объ идеализаторѣ деревни, то упускаютъ обыкновенно изъ виду, что его идеализація отнюдь не побуждаетъ его закрывать глаза на отрицательныя съ его точки зрѣнія явленія деревенской жизни. Нынѣшніе развязные писатели, отказывающіеся отъ наслѣдства, приписываютъ себѣ открытіе процесса дифференцированія, происходящаго въ современной деревнѣ. Но и изъ нихъ болѣе свѣдущіе принуждены указывать на произведенія г. Златовратскаго, въ которыхъ двадцать лѣтъ тому назадъ этотъ процессъ былъ изображенъ съ неоставляющею мѣста сомнѣніямъ яркостью. Основная точка зрѣнія г. Златовратскаго состоитъ въ томъ, что деревня переживаетъ кризисъ, эпоху борьбы старыхъ и новыхъ началъ, при чемъ, хотя симпатіи его явно лежатъ на сторонѣ старыхъ (общинныхъ) началъ, онъ съ полнымъ безпристрастіемъ слѣдитъ за перипетіями борьбы, не предрѣшая ея исхода.

Перечитывая сочиненія г. Златовратскаго, и именно разсказъ «Городъ рабочихъ» (1888 г., т. I, 246—264), я невольно вспомнилъ вышеупомянутаго переводчика рѣчи Гельда, г. Спасскаго. Онъ навѣрное считаетъ себя «объективистомъ» и съ снисходительнымъ презрѣніемъ смотритъ на г. Златовратскаго, какъ на «романтика» и «утописта». Это не помѣшало ему, однако, прямо подѣлать Гельда. Прочтите же разсказъ романтика и утописта «Городъ рабочихъ», написанный на ту же тему—«ремесло и фабрика», и воздайте должное мужественной искренности и фактической правдивости автора. Правда, г. Златовратскій придаетъ часто тѣмъ или другимъ наблюденнымъ имъ фактамъ преувеличенное значеніе (см., напримѣръ, перечисленіе видовъ «общинной помочи» на стр. 341 и слѣд. второго тома), но онъ ничего не скрываетъ: факты остаются фактами, и читатель воленъ согласиться или не согласиться съ авторомъ въ ихъ оцѣнкѣ. Онъ не только апологетъ общинныхъ «устоевъ», но и правдивый лѣтописецъ ихъ разложенія. Поэтому, совершенно независимо отъ его принципіальной точки зрѣнія, вся фактическая часть его писаній заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія и глубокой благодарности всѣхъ интересующихся народною жизнью. Въ особенности въ этомъ отношеніи цѣнны очерки «Деревенскія будни», представляющіе прямо записки или дневникъ наблюдателя безъ всякихъ художественныхъ замысловъ.

Какъ художникъ, г. Златовратскій не нуждается въ похвалахъ. Его талантъ общепризнанъ, и такія произведенія, какъ «Крестьяне—присяжные», «Въ артели», а также многіе изъ позднѣйшихъ раз-

сказовъ всегда останутся въ числѣ украшеній русской литературы, хотя и не первостепенныхъ. Нельзя, къ сожалѣнію, то же сказать о самомъ большомъ его беллетристическомъ произведеніи, «Устояхъ», представляющихъ отчасти художественную обработку того же матеріала, который въ иной формѣ использованъ въ «Деревенскихъ очеркахъ». Въ «Деревенскихъ очеркахъ» г. Златовратскій неоднократно говоритъ о неудовлетворительности всѣхъ ранѣе произведенныхъ наблюденій и изслѣдованій народной жизни. Онъ не дѣлаетъ исключенія ни для свѣдѣній, полученныхъ «свѣдущими людьми», ни для личныхъ наблюденій и ихъ научной и беллетристической обработки, ни для «либеральныхъ и нелиберальныхъ», искреннихъ и лицемѣрныхъ «друзей народа», ни для «стражей» и противниковъ общины. Все это, по его мнѣнію, недостаточно серьезно и слишкомъ поверхностно. Это уже нѣкоторый, хотя и не формулированный, намекъ на отказъ отъ наслѣдства, сурово отозвавшійся прежде всего на самомъ г. Златовратскомъ. По нынѣшнему времени не лишнее будетъ замѣтить, что я отнюдь не проповѣдую культа предковъ, напротивъ, критическое отношеніе къ духовному наслѣдству необходимо, но нужно много разъ примѣрять прежде, чѣмъ отрѣзать себя отъ работы предшествующихъ поколѣній, ибо это, во всякомъ случаѣ, просто невыгодно, не говоря уже о несправедливости.

Между прочимъ г. Златовратскій говоритъ: «Сами художники, вышедшіе изъ интеллигенціи и берущіеся за сюжеты изъ народной жизни, должны, во имя добросовѣстности, измѣнить методы своихъ отношеній къ деревнѣ, основывая ихъ до сего времени *только* на непосредственныхъ впечатлѣніяхъ: они должны заняться такой же предварительной солидной подготовкой, какую имѣютъ солидный этнографъ и историкъ народной жизни. Иначе, повторяю, будетъ какъ было до сихъ поръ, — кое-какіе типики, сцены семейной жизни, построенныя на общихъ банальныхъ основахъ любви, ревности и проч. Но общаго смысла народной жизни, духа ея, который проходилъ бы черезъ всѣ типы, той неизгладимой идеи, которая проникаетъ каждый непосредственный индивидуумъ народной массы, отъ нихъ не ждите» (II, 297).

«Солидная подготовка», безъ сомнѣнія, всегда и во всякомъ дѣлѣ полезна, но что подъ нею разумѣетъ въ данномъ случаѣ г. Златовратскій не совсѣмъ ясно. Охотно вѣрю, что самъ онъ, приступая къ своимъ деревенскимъ наблюденіямъ, обладалъ подготовкой «солиднаго этнографа и историка народной жизни», но явныхъ слѣдовъ этой «солидной подготовки» въ его трудахъ не видно: двухъ, трехъ мимоходныхъ указаній въ такомъ родѣ, что община существовала не только у насъ, и т. д., конечно, недоста-

точно): они построены именно *только* на «непосредственныхъ впечатлѣніяхъ». Правда, презрительно относясь къ послѣднимъ, г. Златовратскій разумѣлъ, можетъ быть, первыя не продуманныя и не провѣренныя впечатлѣнія, и въ такомъ случаѣ онъ, конечно, правъ: правъ въ своемъ отрицаніи, правъ и въ томъ отношеніи, что самъ онъ наблюдалъ внимательно и относился къ своимъ наблюденіямъ вдумчиво. Но онъ былъ не одинъ и не первый на этомъ поприщѣ. У насъ безспорно было много грубыхъ и поверхностныхъ картинъ изъ народной жизни (радующимся обличенію деревенскаго идіотизма въ «Мужикахъ» г. Чехова можно напомнить, напримѣръ, Николая Успенскаго), но, съ другой стороны, достаточно указать на трепещущіе жизнью и вмѣстѣ съ тѣмъ проникнутые серьезною мыслью картины и образы Гл. Успенскаго. Не такъ, значитъ, «было до сихъ поръ», какъ это кажется г. Златовратскому. И въ своемъ стремленіи сказать непремѣнно новое слово, онъ впалъ въ ошибку, значительно повредившую художественной сторонѣ многихъ его произведеній, и въ особенности «Устоевъ». Требуя отъ другихъ уловленія «общаго смысла народной жизни, духа ея, который проходилъ бы черезъ всѣ ея типы, той неизгладимой идеи, которая проникаетъ каждый непосредственный индивидуумъ народной массы», г. Златовратскій въ дѣйствительности самъ не нашелъ этого единаго «духа», этой «идеи». Какъ добросовѣстный наблюдатель, онъ и констатировалъ борьбу двухъ «духовъ» или «идей»,—общиннаго и личнаго. Ею онъ занятъ и въ «Устояхъ». Но въ силу презрительнаго отношенія къ «кое-какимъ единичнымъ типикамъ, сценамъ семейной жизни, построенныхъ на общихъ банальныхъ основахъ любви, ревности и пр.», онъ далъ въ «Устояхъ» рядъ не столько живыхъ лицъ и подлинныхъ положеній, сколько схематическихъ фигуръ, долженствующихъ воплощать различные оттѣнки двухъ борющихся «духовъ». Поэтому, не смотря на интересный замыселъ «Устоевъ», въ этомъ обширнѣйшемъ изъ произведеній г. Златовратскаго столько анти-художественно подчеркнутаго, столько рѣжущаго мало-мальски чуткое ухо излишнею явностью намѣреній автора, столько сухой схематичности, что его даже читать трудно. Эта трудность еще увеличивается страннымъ художественнымъ капризомъ автора: нѣкоторыя страницы «Устоевъ» написаны полустихотворнымъ размѣромъ, который невольно скандируется при чтеніи.

Въ «Деревенскихъ будняхъ» огуломъ осуждаются всѣ бывшіе наблюдатели и изслѣдователи народной жизни. Въ «Устояхъ» наблюдатели и изслѣдователи сводятся лицомъ къ лицу съ народомъ, но уже не въ качествѣ только наблюдателей и изслѣдователей: это люди искренно или же на словахъ ищущіе сближенія съ народомъ,

очарованные великой правдой, хранящейся въ тайникахъ народной жизни, или же разочарованные въ ней. Впрочемъ, тема эта съ большею сосредоточенностью разрабатывается въ нѣкоторыхъ другихъ разсказахъ, въ особенности въ «Золотыхъ сердцахъ». Но на этотъ разъ для проникновенія въ народную жизнь требуется уже не солидная подготовка этнографа и историка, а нѣчто совсѣмъ иное, а именно, кажется, «вѣра сердца», какъ выражается одна изъ героинь «Золотыхъ сердецъ», прибавляя, впрочемъ: это несовсѣмъ точно, но еще нѣтъ названія, такъ какъ все это пока очень неопредѣленно». Вѣра сердца» и еще нѣчто, что мы сейчасъ увидимъ.

Въ глубинѣ народнаго духа, на самомъ днѣ, лежитъ вѣками сохраненная великая «правда жизни». Но надъ ней ходятъ волны, извнѣ притекающія и не только все прибывающія, но постепенно растворяющія и нижніе, глубокіе слои. Разные истомленные пустотою своей жизни, разочарованные и неудовлетворенные интеллигентные люди знаютъ, чуютъ или, по крайней мѣрѣ, наслышаны о народной правдѣ. Но, во-первыхъ, между ними самими много людей поверхностныхъ, неискреннихъ, несерьезныхъ, увлеченныхъ просто моднымъ теченіемъ «народолюбія» (мы говоримъ о прошедшемъ времени, читатель!), довольствующихся фразой, неспособныхъ вынести блеска народной правды и проч., и проч. А съ другой стороны, къ этой правдѣ нельзя добраться иначе, какъ столкнувшись предварительно съ наносными извнѣ притекшими волнами, въ которыхъ правды уже нѣтъ или если она имѣется лишь въ слабомъ растворѣ. Таковы рамки, въ которыя вставляетъ г. Златовратскій свои картины попытокъ сближенія съ народомъ, кончивающіяся обыкновенно неудачей. Рамки, на первый взглядъ, очень удобныя для автора, какъ правильнаго бытописателя. Въ самомъ дѣлѣ, ему незачѣмъ идеализировать виновныхъ сближенія съ народомъ, мало ли тамъ пустыхъ и слабыхъ людей; незачѣмъ идеализировать и окружную среду, — заранѣе извѣстно, что на тайной народнаго сокровища ходятъ извнѣ притекшія мутныя волны, въ которыхъ опять мало ли какая грязь можетъ оказаться. Но самое выгодное въ этихъ рамкахъ, кажется, то, что по той или по другой причинѣ, или по совокупности ихъ, эта кровища такъ никогда и не добирается. Не смотря однако на эту выгодную позицію, интеллигентные люди «Устоевъ» и «Золотыхъ сердецъ», вообще говоря, опять-таки не слишкомъ живые люди, сколько схематическія фигуры, вслѣдствіе чего дорогостоящій наблюдатель оказывается недостаточно правдивымъ художникомъ.

Остановимся на одномъ изъ дѣйствующихъ лицъ «Золотыхъ сердецъ», по имени, которое выдаетъ за героя сво-

гаетъ «воплощеніемъ вѣры сердца». Это нѣкто Башкировъ. Желая индивидуализировать этотъ образъ, оживить его, авторъ придалъ ему много, слишкомъ много оригинальныхъ до странности чертъ. Это совсѣмъ особенный человѣкъ уже по происхожденію своему,— онъ плодъ увлеченія юной помѣщичьей дочери дикимъ башкиромъ, атаманомъ разбойничьей шайки. Наружности онъ замѣчательно уродливой. Весь складъ его жизни, всѣ привычки, манеры—какія-то несуразныя. Окончивъ курсъ на медицинскомъ факультетѣ московскаго университета (всѣ пять лѣтъ пробылъ) онъ, однако, говоритъ страннымъ, не то что народнымъ, а какимъ-то супра-народнымъ языкомъ въ такомъ родѣ: «*Ничаво*, я теперь не уйду, я и самъ *изусталъ*». Но сердце у него доброе, прямо сказать, золотое сердце, и всѣ приданныя ему авторомъ оригинальныя черты еще болѣе оттѣняютъ его схематичность: вотъ человѣкъ, который, казалось бы, ничѣмъ не взялъ, ничего у него, кромѣ золотого сердца, нѣтъ. Есть, впрочемъ, и еще нѣчто — медицинскія знанія. Онъ охотно водится съ крестьянами и городскими простыми людьми и пользуется, въ свою очередь, ихъ расположеніемъ, но, повидимому, не столько въ качествѣ врача, сколько въ качествѣ золотого сердца. Началось это еще во времена студенчества, въ средѣ котораго Башкировъ тоже пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Такъ какъ онъ уже тогда слылъ знатокомъ народа, то кое-кто изъ товарищей пожелалъ имъ воспользоваться для нѣкоторыхъ особыхъ цѣлей. Произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Скажи, Башкировъ, ты вѣдь хорошо знаешь простой народъ?

— Чаво я знаю? Знаю Петра да Сидора. Вотъ чаво я знаю!

— Ну, да хотя этого Петра да Сидора изучилъ же ты? Вотъ они съ тобой сходятся, довѣряютъ тебѣ. Ты, значитъ, знаешь, чѣмъ можно добиться ихъ довѣренности, чѣмъ разрушить ту стѣну недовѣрія, которая существуетъ между нами и ими?

— Знаю,—протянулъ Башкировъ, хитро улыбнувшись.

— Въ чемъ же, въ чемъ штука?—вскрикнулъ обрадовавшійся юноша—трудно?

— Нѣтъ, ничего... лёгко!

— Легко?

— Не сумлявайся... лёгко.

— Ну такъ въ чемъ же штука-то?

— Штука-то?.. Быть нещщастнымъ!

Пріятель отчего-то переконфузился, а Башкировъ сталъ хладнокровно переобувать сапоги и молчалъ.

Однако и этотъ человѣкъ, и это «воплощеніе вѣры сердца», не смотря на свое знаніе ключа къ народной душѣ, не нашелъ сокровища. Объ этомъ можно судить по слѣдующему. Авторъ дважды сводитъ Башкирова, въ числѣ прочихъ «простыхъ людей», съ ка-

кими-то странниками, къ которымъ Башкировъ относится съ необыкновеннымъ почтеніемъ, что объ странникахъ оказывается никакого почтенія не заслуживающими плутами.

Между прочимъ, одинъ изъ этихъ плутовъ говоритъ объ *отрѣшеніи*, о пустынѣ. Подчеркнутое слово часто срывается съ устъ самыхъ разнообразныхъ дѣйствующихъ лицъ «Золотыхъ сердецъ» (частью и «Устоевъ»). Такъ не лишенный практичности, бойкій мужикъ Кузя бросаетъ мимоходомъ афоризмъ собственной философіи въ родѣ того, что «нельзя по настоящему времени судя, то самое лучшее — отрѣшиться, потому всѣхъ единственно какъ мамонъ и болѣе ничего» (III, 45). Но и начетчицы Павла и Секлетея, хозяйствовавшія, какъ заправскіе мужики, и принимавшія участіе во всѣхъ мірскихъ дѣлахъ, рѣшаютъ: «все сдать на міръ и отрѣшиться... будетъ ужь, пожили для міру». И когда ихъ спрашиваютъ, куда же онѣ пойдутъ, одна изъ нихъ отвѣчаетъ: «Пойдѣ путь не заказанъ тому, кто отрѣшился... Въ семь-то, милушка, и сила, что умѣй отъ куска, отъ жилища, отъ живота отрѣшиться, и будетъ вѣра твоя велика... Разучился человѣкъ отрѣшаться» (гл. 53, 54). Такъ ты, значитъ, рѣшилъ пойти, *отрѣшаться*? — спросилъ какъ-то особенно загадочно и задумчиво Мерзовъ у мѣшкика. — «Рѣшилъ, Петръ Петровичъ, отрѣшиться рѣшилъ», — отвѣчаетъ «умный мужикъ» (63). Про майорскую дочь, Катерину Егоровну, говорятъ: «Она, братъ, тоже сумѣетъ утечь, отрѣшиться... А въ этомъ — свѣтъ, свѣтъ!» (73).

Столь настойчиво вплетая слово «отрѣшиться» въ уста лицъ очень разнообразныхъ положеній, авторъ, очевидно, желаетъ особенно подчеркнуть его значеніе. Въ тѣсной связи съ этимъ находятся и выраженія «вѣра сердца», «золотыя сердца» и неоднократное противопоставленіе разными дѣйствующими лицами «ума» и «сердца». И здѣсь мы опять встрѣчаемся съ отзвукомъ отъ настроенія 60-хъ годовъ, который, впрочемъ, лично г. Златовратскимъ никогда не былъ заявленъ.

Желаніе «отрѣшиться» сопровождается у дѣйствующихъ лицъ г. Златовратскаго сознаніемъ грѣха и жаждою его искупленія или, по крайней мѣрѣ, покаянія. Это несомнѣнно одинъ изъ элементовъ міросозерцанія 60-хъ годовъ. Когда порвалась цѣпь великая и даже еще въ преддверіи къ этому историческому событію, въ моментъ крымской войны, обнаружившей многіе различные изъяны нашего общественнаго строя, значительная и притомъ лучшая часть русскаго общества была охвачена сознаніемъ грѣха и жаждою покаянія. Дѣло шло не только о коренномъ историческомъ грѣхѣ, который назывался крѣпостнымъ правомъ, а и объ всѣхъ многочисленныхъ отъ него производныхъ. Страстныя обличенія какъ об-

щихъ нашихъ, доживавшихъ свой вѣкъ порядковъ, такъ и отдѣльныхъ случаевъ насилія, неправосудія, грубости, невѣжества, словомъ всего, чѣмъ была такъ богата дореформенная Русь, — составляютъ самую яркую черту эпохи 60-хъ годовъ. Это какъ бы сама Россія каялась. Но и отдѣльныя личности, въ виду наплыва новыхъ идей и созиданія новаго порядка вещей, покаянно пересматривали свое прошлое и настоящее, «отрѣшаясь» отъ тѣхъ или другихъ привычекъ, того или другого образа жизни или общественнаго положенія. Гл. Успенскій очень тонко изобразилъ этотъ процессъ, окрестивъ его именемъ «болѣзни совѣсти». Замѣчательно однако, что Успенскій употребляетъ и другое, болѣе широкое названіе: «болѣзнь мысли». И, какъ я старался показать въ предисловіи къ сочиненіямъ Успенскаго, новая мысль вызывала работу не только уязвленной совѣсти, а и оскорбленной чести, рѣчь шла не объ обязанностяхъ только, но и о правахъ. Затѣмъ, тогдашняя мысль отличалась большою (быть можетъ, иногда даже чрезмѣрною) самоувѣренностью и никоимъ образомъ не согласилась бы уступить долю своей компетенціи «вѣрѣ сердца», но и не допускала противопоставленія «ума» и «сердца» какъ элементовъ, другъ другу по существу враждебныхъ. Точно также не согласилась бы она погнуться въ угоду чьимъ бы то ни было мнѣніямъ, въ томъ числѣ и мнѣніямъ народа, хотя интересы трудящихся классовъ занимали въ міросозерцаніи 60-хъ годовъ первенствующее мѣсто. Изученіе народнаго быта требовалось настоятельно, но «быть нещастнымъ» отнюдь не считалось хорошимъ для этого средствомъ. Если люди того времени и «отрѣшались», если они даже своего рода вериги надѣвали и тяжкія эпитеміи на себя налагали, то, во-первыхъ, не видѣли въ этомъ «нещастія», а во-вторыхъ, не потому, чтобы считали себя пустыми сосудами, которые должны наполниться живой водой народной правды. Напротивъ, они сами разсчитывали внести лучъ свѣта въ народную массу и пробудить ея дремлющее сознаніе.

Было бы долго и во многихъ отношеніяхъ неудобно припоминать тѣ преувеличенныя надежды на народную воспріимчивость и тѣ разочарованія, которыя затѣмъ послѣдовали. Во всякомъ случаѣ, какъ бы ни были неудачны нѣкоторыя страницы «Устоевъ» и «Золотыхъ сердецъ» г. Златовратскій старался уловить (и укрѣпить и обосновать) извѣстное подлинное теченіе, въ лицѣ другихъ писателей открыто разорвавшее связь съ идеями 60-хъ годовъ. Повторяю, я отнюдь не считаю это наслѣдіе чѣмъ-то неприкосновеннымъ, напротивъ, оно подлежитъ приращенію, обогащенію, какъ данными научнаго движенія, такъ и данными житейскаго опыта, для чего оно обладаетъ достаточною широтою и гибкостью; но от-

называться отъ него невыгодно, какъ это, между прочимъ, видно и изъ судьбы многихъ дѣйствующихъ лицъ произведеній г. Златовратскаго. «Будетъ ужъ, пожили для міру», — говорятъ бабы начетчицы, желающія «отрѣшиться» и удалиться, собственно говоря неизвѣстно куда, но, во всякомъ случаѣ, куда-то изъ міра, въ какую-то «пустыню». Въ простомъ народѣ это, какъ насъ учитъ исторія, нерѣдкое явленіе, но едва ли г. Златовратскій поступилъ правильно, приурочивъ его къ тому историческому моменту, которымъ онъ занятъ въ «Устояхъ» и «Золотыхъ сердцахъ», и поставивъ его въ неясную связь съ «отрѣшеніемъ» такъ называемыхъ интеллигентныхъ людей. Во всѣ тяжкія для народа времена изъ его среды выдѣлялись подвижники, удалявшіеся отъ грѣховнаго міра и спасавшіе душу въ удаленіи отъ мірскихъ дѣлъ. Они и находили въ томъ успокоеніе своей смущенной совѣсти. «Отрѣшеніе» интеллигентныхъ героевъ г. Златовратскаго имѣетъ совсѣмъ другой характеръ. Это «отрѣшеніе не только «отъ куска, отъ жилища, отъ живота», а и цѣликомъ отъ всего преемственно накопленнаго багажа, и жертва эта оказывается безполезною: все равно никто не добирается до великой народной правды, гдѣ-то глубоко на днѣ сокрытой. Припомните хоть конецъ «Устоевъ». Отрѣшившаяся Лиза Дрекалова пишетъ своему учителю Пугаеву: «Яня все навѣщаетъ меня. Вчера мы долго говорили. И отчего это такъ легко говорить съ нимъ? А вѣдь онъ такой же мужикъ, какъ и всѣ. Онъ только... Все еще не могу опредѣлить однимъ словомъ, кто онъ? Нѣтъ, это **не сынъ «земли», не «ратникъ труда», не подвижникъ «ума»... Онъ даже не все это вмѣстѣ, — онъ выше всего этого. Онъ царитъ надъ этимъ, безславный романтикъ! Мнѣ кажется, что исчезни изъ народа *это*, что такъ цѣлостно воплотилось въ Янѣ и отцѣ его Минѣ, безсильна будетъ оживить его и «земля», ибо власть ея обратится тогда въ страшную, могильную власть животнаго, хотя бы и мирнаго прозябанія, и власть «міра», община, ибо эта власть ея станетъ условною, мертвою формой, деспотически принижающей неоживленныя духомъ порыва личность, власть труда сдѣлается страшною властью машины, и наконецъ, самая власть «ума», власть интеллигенціи, превратится въ сухое, злое доктринерство или умственный деспотизмъ... И только одно *это*... А что такое *это* я не знаю, дорогой Пугаевъ, не знаю до сихъ поръ, но я вѣрю въ *это*, мало того, я чувствую его... всѣмъ существомъ своимъ. Значитъ, *оно* реально... Что изъ того, что я теперь не могу опредѣлить *это*? Это какое-то чувство, мечты, *это* гораздо глубоко»...**

Deo ignoto — такова надпись въ храмѣ божества г. Златовратскаго

скаго. Иногда ему кажется, что онъ, не въ примѣръ другимъ, разгадалъ великую истину, но большею частью онъ приноситъ лишь жертвы на алтарѣ этого невѣдомаго божества... Быть можетъ, разгадка проще, чѣмъ онъ думаетъ, быть можетъ, нѣтъ надобности «отрѣшаться» въ такой степени и въ такой формѣ, какъ его герои, но несомнѣнно, что онъ оказалъ русскому обществу большую услугу, въ теченіе многихъ лѣтъ привлекая его вниманіе къ деревенской жизни. При всемъ своемъ преклоненіи передъ никому невѣдомой тайной, онъ добросовѣстно изучалъ дѣйствительность. Но и помимо результатовъ, къ которымъ онъ пришелъ, нельзя не поставить ему въ заслугу самый фактъ многолѣтняго пристальнаго вниманія къ деревенской жизни. Нельзя не оцѣнить этого въ особенности теперь, когда можно услышать уже слишкомъ упрощенное рѣшеніе вопросовъ, занимавшихъ г. Златовратскаго въ теченіе всей его литературной дѣятельности: «идіотизмъ деревенской жизни» — и конецъ...

Простите, читатель: это я опять г. Novus'а вспомнилъ. Все въ той же вышеупомянутой непринужденной бесѣдѣ онъ, въ подтвержденіе своихъ мнѣній о «Мужикахъ» г. Чехова, вспоминаетъ, что Марксъ «не боялся и съ полнымъ правомъ не боялся писать объ «идіотизмѣ деревенской жизни и видѣлъ заслугу капитализма и буржуазіи въ разрушеніи этого идіотизма». Поэтому-то и онъ, г. Novus, считаетъ себя вправѣ говорить объ идіотизмѣ «мужиковъ», разрушаемомъ капитализмомъ и буржуазіей черезъ посредство «котлеты-марешаль» трактирнаго полового и омоченныхъ слезами «дондеже» его добродѣтельной жены... Г. Novus вообще любитъ повторять чужія слова, не соображаясь съ условіями, при которыхъ они были впервые сказаны. Такъ, въ мартовской непринужденной бесѣдѣ читаемъ: «Откровенно говоря, если бы я вѣрилъ въ фактъ упадка производительныхъ силъ Россіи подъ дѣйствіемъ процесса капиталистическаго развитія, то я бы или махнулъ на все рукой и сталъ бы жить въ свое удовольствіе, «пить кипрское вино и цѣловать красивыхъ женщинъ», или же... удавился бы». Вотъ какъ энергично! Надо, однако, замѣтить, что слова, поставленныя въ ковычкахъ, принадлежатъ Лассалю. Охотно вѣрю, что «кипрское вино и красивыя женщины» находятся всегда къ услугамъ г. Novus'а, но все-таки повтореніе Лассалевскаго выраженія производитъ въ его устахъ нѣсколько комическій эффектъ... Нельзя того же сказать объ «идіотизмѣ деревенской жизни». Это уже не смѣшно. Я не знаю, гдѣ именно у Маркса написаны эти грубыя слова, но давно извѣстно, что если Александръ Македонскій былъ великій герой, то стульевъ все-таки ломать не слѣдуетъ. Марксъ былъ вообще не-

разборчивъ въ выраженіяхъ, и, конечно, подражать ему въ этомъ отношеніи, по малой мѣрѣ, не умно. Но и я увѣренъ, что приведенное выраженіе у Маркса простая опечатка. И если поколѣніе, вмѣстѣ съ г. Златовратскимъ мучившееся надъ тяжкими вопросами деревенской жизни, приняло мало назрѣвшее горе, то горе—хотя и иное—и тому поколѣніе, которое возлагается на презрительномъ отношеніи къ «идіотизму деревенской жизни».

VIII.

О дѣлѣ г-жи Поповой и о Союзѣ писателей *).

Передо мной лежатъ двѣ брошюры: г. А. Попова—«Вопросъ о четырехъ нравственныхъ основаніяхъ предъ судомъ чести Союза русскихъ писателей» и г. К. Льдова—«Вонющее дѣло». Обѣ брошюры посвящены дѣлу бывшихъ сотрудниковъ «Новаго Слова» съ г-жею Поповой, разбиравшемуся судомъ чести Союза писателей. Г. Поповъ былъ въ этомъ дѣлѣ представителемъ г-жи Поповой и такъ и подписался подъ своей брошюрой: «Довѣренный бывшей издательницы «Новаго Слова» А. Поповъ». Г. Льдовъ не имѣетъ никакого непосредственнаго отношенія къ дѣлу. Какъ тотъ Пушкинскій рыцарь, «духомъ смѣлый и прямой»,

Онъ имѣлъ одно видѣнье,
Непостижное уму
И глубоко впечатлѣнье
Въ сердце врѣзалось ему.
Съ той поры, сгорѣвъ душою,

онъ написалъ о дѣлѣ г-жи Поповой три статьи въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», издалъ ихъ отдѣльной брошюрой съ прибавленіемъ четвертой, вновь написанной, въ концѣ которой задаетъ себѣ или читателямъ рядъ вопросовъ, и заключаетъ такъ: «Посильный отвѣтъ на эти вопросы не замедлитъ появиться въ слѣдующей брошюрѣ». Тогда, можетъ быть, г. Льдовъ и постигнетъ испепелившее его душу видѣніе, а до сихъ поръ онъ волнуется, негодуетъ, недоумѣваетъ—и ничего не понимаетъ. Но непостижное уму видѣнье неотступно преслѣдуетъ его, «и какъ громъ, его угроза поражаетъ»—онъ самъ хорошенько не знаетъ кого.

Я не намѣренъ входить во всѣ подробности дѣла бывшей издательницы «Новаго Слова» съ бывшими сотрудниками этого жур-

*) Декабрь, 1897 г.

нала, но считаю все-таки нужнымъ напомнить его въ самыхъ общихъ чертахъ.

О. Н. Попова пріобрѣла журналъ отъ г. Балашова въ 1895 г., а въ началѣ 1897 г. продала его г. Семенову. Въ этотъ промежутокъ времени между изобрѣтательницей, съ одной стороны, и сотрудниками, съ другой, зрѣли разныя недоразумѣнія, все обострившіяся, и, наконецъ, выяснилась полная невозможность совмѣстнаго участія въ дѣлѣ. Съ обѣихъ сторонъ предлагались разные выходы, между прочимъ, шли переговоры и о передачѣ журнала, на тѣхъ или другихъ условіяхъ, сотрудникамъ, во главѣ которыхъ стоялъ С. П. Кривенко, но ничего изъ этого не вышло, и, какъ уже сказано, г-жа Попова продала журналъ г. Семенову. Составъ редакціи и направленіе журнала рѣзко измѣнилось. Въ апрѣлѣ настоящаго года П. Абрамовъ и Скопиченкій, въ качествѣ уполномоченныхъ группою бывшихъ сотрудниковъ «Новаго Слова», обратились въ комитетъ Общества писателей съ заявленіемъ, предлагающимъ на разсмотрѣніе суда чести слѣдующіе четыре вопроса: 1) имѣла ли г-жа Попова нравственное основаніе продать журналъ, не предложивши сотрудникамъ взять его на тѣхъ же условіяхъ, на которыхъ онъ проданъ г. Семенову? 2) имѣла ли г-жа Попова нравственное основаніе скрывать отъ работавшихъ въ журналѣ группы писателей свое намѣреніе продать журналъ? 3) имѣла ли г-жа Попова нравственное основаніе продать журналъ, оказавшій работами лицъ одного направленія, лицамъ совсѣмъ другого направленія? 4) имѣла ли г-жа Попова нравственное основаніе, завязавъ переговоры съ г. Кривенко о передачѣ журнала и назначивъ срокъ для окончанія переговоровъ, будучи недовольна предложенными условіями и не сдѣлавъ желательныхъ ей измѣненій, приступить къ продажѣ журнала въ другія руки?

Суть чести, на которой измѣненнымъ г-жа Поповой дѣлаетъ А. Н. Поповъ, былъ, въ случаѣ продолженія дѣятельности времени, такъ же не въ полномъ составѣ. Правительственнымъ назначенъ тремя судьями: предсѣдательствовавшимъ В. Д. Спасовичемъ и членами—В. А. Маклаковымъ и П. П. Фатеевъ-ерь Флитомъ. Послѣдніе двое отказались г-жѣ Поповой нравственно исправно въ прежнемъ журналѣ «Новое Слово» во томъ видѣ, какъ это прежде совершилось, вмѣстѣ съ тѣмъ, они признаютъ значительность моральнаго потерпѣвшаго, значительнѣе уменьшенною перемѣною г-жи Поповой, а именно: 1) неоплаченной формою г-жи Поповой остается у нея весь тяжелый перенесенной ею болѣзни. 2) совершенной потери крупныхъ суммъ на изданіе журнала. 3) небольшой безпорядочности, понятному, возникшей отрицательной части изданія. 4) и незначительно измѣнилъ г-жа Попова отъ тѣмъ одного чи-

правленія будетъ держаться новая редакція «Новаго Слова», и могутъ ли принять участіе въ журналѣ прежніе сотрудники; 5) участія нѣкоторыхъ сотрудниковъ «Новаго Слова» въ «Недѣлѣ», хотя и не по спорнымъ между этими двумя журналами вопросамъ, въ такое время, когда журналы эти вели между собою полемику. На основаніи всѣхъ вышеизложенныхъ соображеній Судъ чести по большинству голосовъ опредѣлилъ: признать О. Н. Попову нравственно неправою въ томъ, что она продала журналъ «Новое Слово» лицамъ иного, хотя прогрессивнаго направленія, не исчерпавъ всѣхъ средствъ для продажи журнала своимъ прежнимъ сотрудникамъ, но неправота г-жи Поповой въ значительной мѣрѣ уменьшается перечисленными въ мотивахъ настоящаго приговора смягчающими вину ея обстоятельствами».

В. Д. Спасовичъ, хотя и подписавшій приговоръ, остался при особомъ мнѣніи, заключительныя строки котораго гласятъ: Членъ суда В. Спасовичъ, признавая, что О. Н. Попова не оказывается ни нарушившею по настоящему дѣлу какія бы то ни было нравственныя обязанности по отношенію къ жалобщикамъ Я. В. Абрамову и А. М. Скабичевскому, ни поступившею вопреки установившимся въ современной печати правиламъ и приличіямъ, полагаетъ жалобу гг. Абрамова и Скабичевскаго, какъ неосновательную, оставить безъ послѣдствій».

Тотчасъ по окончаніи дѣла г-жа Попова выбыла изъ Союза писателей, членомъ котораго была съ самаго его основанія, а затѣмъ г. Поповъ издалъ свою брошюру «Вопросъ о четырехъ нравственныхъ основаніяхъ». Въ брошюрѣ напечатаны, кромѣ предисловія и послѣсловія, — заявленіе гг. Абрамова и Скабичевскаго, представленное въ комитетъ Союза писателей для передачи въ судъ чести; рѣчь г. Попова на судѣ, приговоръ суда и особое мнѣніе г. Спасовича. Подъ брошюрой подписано: 30 мая 1897, а цензурная помѣтка: 23 іюня 1897. Въ августовской книжкѣ «Сѣвернаго Вѣстника» появилась первая громоносная статья г. Льдова, въ которой, между прочимъ, читаемъ: «Со времени выхода въ свѣтъ брошюры г. Попова по настоящее время, когда мы приступаемъ къ этой статьѣ, прошло три недѣли: между тѣмъ никакихъ указаній на фактическія неточности въ перепечаткѣ этихъ документовъ (обнародованныхъ въ брошюрѣ г. Попова) заявлено не было. Въ виду этого считаемъ возможнымъ опираться на данныя брошюры, какъ на матеріалъ вполнѣ основательный».

Основательность эта была однако поколеблена письмомъ В. А. Манасеина въ редакцію «Сына Отечества» (№ 212). В. А. Манасеинъ писалъ: «Въ брошюру г. Попова не вошли цѣликомъ ни показанія свидѣтелей по дѣлу, данныя ими по дѣлу, ни рѣчи

гг. Абрамова и Скабичевскаго, сказанныя ими послѣ свидѣтельскихъ показаній. Такимъ образомъ, свѣдѣнія, сообщенныя г. Поповымъ, далеко не полны. Всѣ члены суда гг. Спасовичъ, Фанъ-деръ-Флитъ и до ко времени появленія брошюры г. Попова разъѣхались, а потому и не могли свидѣться, чтобы сдѣлать какое-либо заявленіе по поводу этой брошюры сообща. Тѣмъ не менѣе, г. Маклаковъ не счелъ возможнымъ отказывать разъясненіе, по крайней мѣрѣ, одной изъ «неточностей» брошюры, а именно, «Г. Поповъ увѣряетъ, будто бы я на судѣ позволилъ себѣ «повелѣть» г. Кривенко на отвѣты. Не говоря уже о томъ, что для такого нарушенія самыхъ начальныхъ правилъ порядочности (которое, конечно, не могло бы быть допущено и предсѣдателемъ суда) не было никакого повода, такъ какъ до суда я рѣшительно ни въ какихъ (ни въ дружескихъ, ни во враждебныхъ) отношеніяхъ ни съ кѣмъ изъ тяжущихся не состоялъ, а нѣкоторыхъ изъ нихъ (въ томъ числѣ и г. Поповыхъ) даже ни разу въ жизни не видалъ, я самаго факта, заявленнаго г. Поповымъ, не было вовсе».

Письмо г. Маклакова вызвало вторую статью г. Львова, фельетоны г. Скабичевскаго, о томъ же дѣлѣ г-жи Поповой третью, анонимная замѣтка «Сына Отечества» — четвертую, а всѣ онѣ вмѣстѣ составили брошюру «Вопіющее дѣло». Остальная печать отнеслась къ дѣлу г-жи Поповой очень сдержанно. Только «Московскія Вѣдомости», «Міровые Отголоски», да г. Н. Энгельгардтъ въ «Новомъ Времени» (не считая «Сѣвернаго Вѣстника») заступились въ этомъ отношеніи одобреніе г. Львова, который патетически восклицаетъ въ своей брошюрѣ: «Статьи, вошедшія въ его брошюру, устанавливаютъ факты явнаго оклеветанія г-жи Поповой. Остается еще выяснить вопросъ болѣе важный въ общественномъ отношеніи: почему это произошло? и почему обращеніе г-жи Поповой къ суду общественнаго мнѣнія не вызвало единодушнаго взрыва негодованія, не вызвало даже отголоска?.. Что за *темныя, злыя силы* окружаютъ г. Львова, препятствуетъ выясненію правды, когда въ дѣло замѣшаны главари мнимо-передового направленія, давно уже окоченѣвшаго въ своей косности и своекорыстной нетерпимости? Чей властный перстъ держа приросшимъ органамъ русской печати, изъявъ изъ обсужденія вопросъ, во всякомъ случаѣ, касающійся ея насущнѣйшихъ интересовъ? Почему, въ самомъ дѣлѣ, только четыре періодическія изданія отважились пренебречь «либеральнымъ» изъятіемъ изъ сферы гласности процесса г-жи Поповой?.. Послѣдній отвѣтъ на эти вопросы не замедлитъ появиться въ слѣдующей брошюрѣ».

Тѣмъ временемъ происходило слѣдующее. 23 іюля въ засѣданіи комитета Союза писателей было доложено письмо гг. Скабичев-

скаго и Оболенскаго, въ которомъ они, указывая на брошюру г. Попова, находятъ ее по существу представляющею въ искаженномъ видѣ дѣло О. Н. Поповой съ бывшими сотрудниками «Новаго Слова», а въ той формѣ, въ которой она издана, могущею быть принятою за изданіе самого Союза и просятъ комитетъ заявить въ газетахъ, что означенная брошюра издана г. Поповымъ безъ вѣдома комитета и Суда чести». Комитетъ не счелъ возможнымъ удовлетворить просьбу гг. Скабичевскаго и Оболенскаго, такъ какъ брошюра подписана самимъ г. Поповымъ, и сомнѣній въ ея происхожденіи быть не можетъ. Выступать съ своимъ мнѣніемъ о брошюрѣ г. Попова комитетъ также не счелъ возможнымъ, такъ какъ подробности судоговоренія ему неизвѣстны. При этомъ, однако, не касаясь дѣла по существу, комитетъ «находитъ, что а) г-жа Попова, въ качествѣ члена Союза подчиняя свое дѣло рѣшенію Суда чести, обязана подчиняться и всѣмъ существующимъ на сей предметъ правиламъ, и прежде всего уставу Союза: б) § 28 устава допускаетъ печатаніе приговоровъ Суда чести только по просьбамъ сторонъ, обращеннымъ къ комитету, и съ разрѣшенія сего послѣдняго: в) что выходъ г-жи Поповой изъ состава Союза, когда дѣло ея уже было разсмотрѣно, не можетъ освобождать ее ни отъ одного изъ обязательствъ, принятыхъ ею на себя въ то время, когда она состояла членомъ Союза; и г) что въ виду этого г-жа Попова не имѣла права разрѣшать своему повѣренному, какимъ продолжаетъ себя называть авторъ брошюры, печатать таковую, что, по мнѣнію комитета, является со стороны г-жи Поповой неправильнымъ по отношенію къ Союзу поступкомъ». Это постановленіе комитета было прочитано въ ближайшемъ общемъ собраніи членовъ Союза писателей.

Затѣмъ въ газетахъ появились слѣдующіе документы.

Къ рѣшенію суда чести по дѣлу г-жи Поповой съ сотрудниками „Новаго Слова“.

Предсѣдатель комитета союза взаимопомощи русскихъ писателей П. Н. Исаковъ проситъ насъ напечатать письмо къ нему непремѣннаго члена суда чести при союзѣ К. К. Арсеньева и объясненіе В. Д. Спасовича по дѣлу г-жи Поповой съ сотрудниками «Новаго Слова».

I.

М. г. Петръ Николаевичъ. Судъ чести при союзѣ взаимопомощи русскихъ писателей, разсмотрѣвъ въ засѣданіи 28-го октября обвиненіе, взведенное въ брошюрѣ г. Попова на одного изъ членовъ суда чести по дѣлу г-жи Поповой съ гг. Абрамовымъ и Скабичевскимъ, В. А. Манасеина, въ предложеніи одному изъ свидѣтелей «наводящихъ» вопросовъ, проситъ предсѣдательствовавшаго по этому дѣлу, В. Д. Спасовича, изложить письменно тѣ обстоя-

ледствія судоговоренія, по поводу которыхъ возникло вышеозначенное обвиненіе.

Напечатанное, вслѣдствіе этого, заявленіе В. Д. Спасовича, подтвержденное третьимъ судьею, П. П. Фанъ-деръ-Флитомъ, суть чести въ засѣданіи 5-го ноября постановило перенести въ комитетъ союза съ просьбою принять мѣры къ отношенію его къ чести.

Исполняя это постановленіе суда, имѣю честь препроводить при семъ заявленіе В. Д. Спасовича, а также выписку изъ журнала засѣданія суда чести, 28-го октября.

Примите и пр. К. Арсеньевъ.

6-го ноября 1897 г.

II.

Въ сферѣ своей самостоятельности рассмотрѣнія писателя.

Въ апрѣлѣ и маѣ сего года въ судѣ чести С. В. Р. П. производилось дѣло по жалобамъ сотрудниковъ журнала „Новое Слово" Я. Абрамова и А. Скабичевскаго на бывшую издательницу этого журнала О. Н. Поповой, которой повѣреннымъ и представителемъ по дѣлу явился мужъ ея, полковникъ Поповъ. Сей послѣдній оставшись недоволенъ рѣшеніемъ суда чести 12-го мая и получивъ отъ меня, какъ предсѣдательствовавшаго на судѣ, копію сего рѣшенія, рѣшился эксплуатировать къ суду общественнаго мнѣнія и издалъ особую брошюру, въ которой хотя и помѣстилъ въ концѣ ея приговоръ суда чести, но предпослалъ ему свое собственное изложеніе процесса по документамъ, будто бы находящимся въ распоряженіи суда чести. На стр. отъ 12-й до 15-й брошюры, озаглавленной „Вопросъ о четырехъ нравственныхъ основаніяхъ передъ судомъ чести", Петербургъ, 1897 г., г. Поповъ помѣстилъ ту заключительную рѣчь предъ судомъ чести, которую онъ будто бы, произнесъ 9-го мая. Въ составѣ этой рѣчи имѣются, на стр. 24-й и 25-й, слѣдующія слова, направленныя противъ одного изъ членовъ суда, В. А. Манасеина, и содержащія необщепринятую оцѣнку его образа дѣйствій при дачѣ показанія на судѣ С. Н. Кривенко: „Послѣ ряда *наводящихъ* вопросовъ, предложенныхъ членомъ суда г. Манасеинымъ, онъ, г. Кривенко, уже обнаруживъ *колебаніе* и допускалъ возможность иного толкованія". Въ той же рѣчи на слѣдующей 26-й стр. брошюры, помѣщены слова, которыя усугубляютъ необщепринятое для В. А. Манасеина значеніе выраженія „наводящихъ", употребляемаго на стр. 25-й: „интересно было бы знать, рядомъ какихъ *наводящихъ* вопросовъ можно было бы довести г. Кривенко и въ этомъ случаѣ до *колебанія* имъ высказанного".

Въ качествѣ лица, предсѣдательствовавшаго на судѣ чести по дѣлу г-жи Поповой считаю своимъ заявить мой протестъ противъ брошюры напечатанной г. Поповымъ, и возразить: 1) противъ утверждаемаго имъ нахожденія въ судѣ документовъ, которые могли бы послужить къ разъясненію дѣла и 2) противъ приписываемаго брошюрой В. А. Манасеину необщепринятаго образа дѣйствій его на судѣ.

Судъ чести имѣлъ въ своемъ распоряженіи документы, представленные ему либо сторонами, либо вызываемыми свидѣтелями. Свидѣтельскія показанія сами, записанныя, они имѣются при дѣлѣ, но относительно невѣрной ихъ передачи въ приговорѣ не заявлено никѣмъ возраженія. Что касается доставленныхъ документовъ, судъ извлекъ изъ нихъ все то, что онъ счелъ относящимся къ дѣлу и помѣстилъ въ приговорѣ, самые же документы онъ возвратилъ тѣмъ лицамъ, отъ которыхъ они были получены и въ числѣ которыхъ имѣется и самъ г. Поповъ.

Что касается подробностей вопроса С. Н. Кривенко на судѣ, то судъ

г. Поповъ признаетъ въ брошюрѣ нижеслѣдующія обстоятельства. Г-жа Попова назначила окончательнымъ срокомъ для развязки вопроса о передачѣ журнала 1-е февраля. 24-го января г. Кривенко, имѣя въ виду выгодную комбинацію, просилъ отсрочки до 26-го (а потомъ и до 28-го) января. А. Поповъ отвѣтилъ ему письмомъ отъ 25-го января, что излишне говорить объ отсрочкѣ до конца января, когда срокъ назначенъ на 1-е февраля, противъ чего Кривенко не возражалъ на письмо. Въ приговоръ суда занесено (стр. 59 брошюры), что въ засѣданіи суда 29-го апрѣля Кривенко не могъ объяснить, имѣлъ ли онъ въ виду, когда писалъ свое письмо отъ 24-го января, отдалить срокъ развязки за 1-е февраля. Изъ сопоставленія этихъ обстоятельствъ вытекаютъ нижеслѣдующіе выводы:

1) что, такъ называемые г. Поповымъ, «наводящіе» вопросы были предлагаемы судомъ въ полномъ его составѣ. Предлагалъ ихъ, между прочимъ, и г. Манасеинъ, но они одинаково интересовали весь составъ суда, такъ какъ необходимы были въ виду страннаго и бросавшагося въ глаза обстоятельства, какъ могъ г. Кривенко, располагая болѣе дальнимъ срокомъ, хлопотать объ отсрочкѣ до момента, предшествующаго сроку болѣе дальнему, который несомнѣнно ему принадлежалъ;

2) что, коль скоро на вопросы суда г. Кривенко не далъ никакого отвѣта, то возможно ли говорить о томъ, что онъ «обнаружилъ колебаніе» или что онъ «допустилъ возможность иного толкованія». На письмо А. Попова Кривенко, не возражая, молчалъ, изъ каковаго молчанія г. Поповъ выводитъ, конечно, не толкованіе, а только заключеніе, что, должно быть, Кривенко соглашается. 29-го апрѣля на судѣ г. Кривенко объясненій не далъ, значитъ, одно и то же, что молчалъ. Изъ двухъ молчаній г. Кривенко можно дѣлать какія угодно заключенія, напримѣръ, что онъ не хотѣлъ или что онъ не могъ дать объясненіе усмотрѣнной судомъ несообразности, но нельзя никакъ установить, что онъ колебался или что разно одно и то же положеніе толковалъ, когда онъ никакого положенія и не ставилъ.

Г. Поповъ помѣщаетъ выраженіе о «наводящихъ вопросахъ» В. А. Манасеина въ рѣчи, якобы имъ произнесенной въ судѣ 9-го мая. Какъ предсѣдательствовавшій на судѣ, я заявляю, что ничего подобнаго г. Поповъ въ засѣданіи 9-го мая не произносилъ, что если бы эти слова были произнесены, то всѣ члены суда не потерпѣли бы такого оскорбительнаго порицанія, направленнаго противъ одного изъ нихъ, и либо потребовали бы, чтобы г. Поповъ взялъ свои слова назадъ и извинился, либо прекратили бы засѣданіе, устранивъ повѣреннаго стороны, очевидно, не понимавшаго, какъ держать себя на судѣ. Очевидно, что слова, относящіяся къ г. Манасеину, сочинены были авторомъ брошюры послѣ произнесенія судомъ приговора, вслѣдствіе чего она имѣетъ въ томъ видѣ, въ какомъ напечатана, значеніе не защитительной рѣчи, а апелляціи къ общественному мнѣнію, которую г. Поповъ счелъ цѣлесообразнымъ принести.

В. Спасовичъ.

Октября 30-го 1897 г.

Въ отвѣтъ на это разъясненіе В. Д. Спасовича, г. Поповъ помѣстилъ въ № «Новостей» отъ 25 ноября письмо въ редакцію, изъ котораго видно, что имъ была приготовлена записка, но читалъ онъ ее на судѣ въ сокращенномъ видѣ. «Въ настоящее время пишетъ г. Поповъ—не берусь возстановить, что было опущено и что прочтено полностью. Для существа дѣла не важно, къ какому

времени относится мое заявленіе о «навѣтящихъ вопросахъ», и не имѣю основаній утверждать, что высказанное мною по поводу вопросовъ, предложенныхъ членомъ суда В. А. Манассеинымъ г. С. Кривенко, могло относиться къ прочимъ гг. судьямъ. Были ли «бесѣдованія» или ихъ не было, имѣли ли нѣкоторые вопросы предложенные «свидѣтелю-обвинителю» г. Кривенко, характеръ навѣтящихъ вопросовъ или нѣтъ, — этимъ частностямъ процесса, вѣроятно, суждено остаться въ числѣ спорныхъ пунктовъ, и предоставимъ разрѣшить ихъ совѣсти участвовавшихъ въ судѣ лицъ. «Сочинять» ничего не сочинялъ ни до, ни послѣ произнесенія приговора, и изложилъ все согласно документамъ и тому, чему былъ очевидцемъ».

Г. Льдовъ счелъ нужнымъ заявить, что *ни разу въ жизни и никогда* скурсивъ г. Льдова) не только г-жи Поповой, но и г. Попова, не только г. Кривенко, но и г. Абрамова, не только г. Скабичевскаго, но и г. Щепотьева, не только г. Рубакина, но и гг. Поссе, Ярошкаго, В. и К. Тимирязевыхъ, Фавъ-деръ-Флита (стр. 77). Въ этомъ мы должны видѣть залогъ нелицепріятнаго отношенія г. Льдова къ дѣлу. Я долженъ сознаться, что *такихъ* залоговъ безпристрастія я, съ своей стороны, представить не могу. Напротивъ, почти всѣхъ дѣйствующихъ лицъ занимающей насъ исторіи я знаю болѣе или менѣе хорошо, а съ нѣкоторыми изъ нихъ былъ даже очень близокъ и стоялъ у одного съ ними дѣла. На это имѣются указанія и въ брошюрѣ г. Попова. Онъ пишетъ: «Скорбный листъ журнала «Новое Слово» необходимо начать съ воспоминаній о журналѣ «Русское Богатство», въ которомъ довѣрительница моя принимала участіе до пріобрѣтенія ею «Новаго Слова». Этимъ участіемъ О. И. Попова была обязана С. Н. Кривенко, приглашавшему ее въ число пайщиковъ «Русскаго Богатства». Весною 1895 г. недоразумѣнія среди участниковъ въ «Русскомъ Богатствѣ» достигли размѣровъ, вызвавшихъ кризисъ. Вопросъ о продолженіи сотрудничества С. Н. Кривенко былъ поставленъ ребромъ и разрѣшился его выходомъ изъ журнала» (стр. 12). Вмѣстѣ съ г. Кривенко изъ нашего журнала вышли и нѣкоторые другіе сотрудники, вышла и г-жа Попова, принимавшая въ журналѣ участіе въ качествѣ издательницы: сняла свою подпись и безъ всякаго спора полностію получила обратно затраченныя ею деньги. Такимъ образомъ, мы *одновременно* разстались и съ г-жей Поповой, и съ г. Кривенко, котораго г. Поповъ считаетъ главнымъ виновникомъ непріятностей, пережитыхъ г-жею Поповою. Думаю, что это гарантія нашего безпристрастія не менѣе значительная, чѣмъ незнакомство г. Льдова съ г. Кривенко и г-жею Поповой. Къ этому надо при-

бавить, что личныя мои добрыя отношенія съ г-жею Поповой не прерывались и съ выходомъ ея изъ «Русскаго Богатства», — не счелъ бы нужнымъ объ этомъ упоминать, если бы на эти добрыя отношенія не было указаній въ той же брошюрѣ г. Попова, объ чемъ мнѣ придется еще говорить.

Итакъ, я не имѣю никакихъ основаній класть лишнія гири на ту или другую чашку вѣсовъ суда чести, разбиравшаго дѣло г-жи Поповой и сотрудниковъ «Новаго Слова». Я отнюдь не заподозриваю и безпристрастіе г. Льдова, но то непостижное уму видѣнье, которое сожгло его душу, стоитъ между нимъ и истиной, заслоняя и извращая ее. Возражая В. А. Манасеину, г. Льдовъ пишетъ, что онъ вовсе не утверждалъ, будто «г. Поповъ совершенно вѣрно передалъ все, происходившее на судѣ». Г. Льдовъ знаетъ, что судопроизводство изложено г. Поповымъ «неполно», но то, что изложено изложено вѣрно. Такъ говоритъ теперь г. Льдовъ. Въ дѣйствительности онъ утверждалъ въ августовской статьѣ «Сѣвернаго Вѣстника» нѣчто гораздо большее, а именно: такъ какъ въ теченіе трехъ недѣль «никакихъ указаній на фактическія неточности» брошюры г. Попова не было, то мы «считаемъ возможнымъ опираться на данныя брошюры, какъ на матеріалъ *вполнѣ основательный*». Между тѣмъ, онъ неосноваленъ, этотъ матеріалъ. Не основаленъ уже въ силу своей неполноты. Свидѣтельскія показанія, равно какъ и рѣчи гг. Абрамова и Скабичевскаго, не напечатаны г. Поповымъ, и мы такъ и не знаемъ, что въ нихъ подтверждало или опровергало показанія самого г. Попова. Этого мало. Судъ чести нашелъ нужнымъ исправить лишь одну «неточность» брошюры г. Попова, именно ту, которая касалась одного изъ членовъ суда. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы въ брошюрѣ не было другихъ «неточностей». Все дѣлопроизводство мнѣ неизвѣстно, но мнѣ пришлось принять въ немъ нѣкоторое участіе, которое кажется г. Льдову даже очень значительнымъ. И въ мѣру моего участія я могу указать въ брошюрѣ г. Попова весьма существенныя неточности, наличность которыхъ, къ счастію, можетъ быть доказана при помощи документовъ, г. Поповымъ опубликованныхъ.

Я приведу цѣликомъ то мѣсто брошюры г. Льдова, въ которомъ онъ, опираясь на брошюру г. Попова, опредѣляетъ мою роль въ дѣлѣ:

Въ спискѣ свидѣтелей, приводимомъ г. Поповымъ на стр. 2-й брошюры, не упомянуто одно лицо, сыгравшее видную роль во время судопроизводства. Лицо это—г. Н. К. Михайловскій. На стр. 35-й брошюры г. Поповъ сообщаетъ, что судъ чести пригласилъ г. Михайловскаго, *въ качествѣ эксперта* (курсивъ г. Льдова), для опредѣленія различія въ направленіяхъ журнала «Новое Слово

при прежней и новой редакціяхъ. «Н. К. Михайловскій — говоритъ г. Поповъ — высказалъ мнѣніе и по существу дѣла. Передачу журнала лицамъ другого направленія г. Михайловскій призналъ неправильнымъ дѣйствіемъ, но совершеннымъ при обстоятельствахъ, уменьшающихъ вину г-жи Поповой. Нельзя, — добавляетъ г. Поповъ, — что такая предупредительность со стороны Н. К. Михайловскаго не могла входить въ кругъ дѣйствій экспертизы». Въ мотивированномъ приговорѣ (стр. 64-я) мы находимъ подтвержденіе этихъ словъ г. Попова, хотя тамъ г. Михайловскій названъ *экспертомъ, а свидѣтелемъ* (курсивъ мой. Н. М.). «По мнѣнію г. Михайловскаго, — говорится въ приговорѣ, — г-жа Попова, вѣроятно, не знала, какого направленія г. Семеновъ. Онъ (г. Михайловскій) полагаетъ, что передача журнала марксистамъ была дѣйствіемъ неправильнымъ, потому что существуетъ острая и принципіальная разница между народниками и марксистами, но онъ признаетъ, что имѣются и смягчающія вину О. Н. Поповой обстоятельства, заключающіяся во 1) въ объявленіи Поповой, предлагающемъ подписчикамъ возвратъ имъ подписныхъ денегъ за время до 1-го октября 1897 г.; во 2) въ нашихъ литературныхъ нравахъ, допускающихъ совмѣстное постоянное сотрудничество однихъ и тѣхъ же писателей въ журналахъ весьма различныхъ направленій; въ 3) наконецъ, въ томъ, что она не знала, какому собственно направленію принадлежитъ г. Семеновъ». Свойство мнѣнія, выраженнаго г. Михайловскимъ, совершенно соотвѣтствуетъ понятію объ экспертизѣ. Если къ этому присоединить *показаніе г. Попова, что онъ одна изъ сторонъ не вызвала г. Михайловскаго свидѣтелемъ* (курсивъ мой. Н. М.), выяснится съ еще большею наглядностью, что тутъ, въ самомъ дѣлѣ, на лицо не свидѣтельское показаніе, а экспертиза, да еще съ предрѣшеніемъ приговора. Приговоръ гг. Маньшина и Фавъ-эръ-Флита является ничѣмъ инымъ, какъ распространеннымъ повтореніемъ экспертизы г. Михайловскаго, а послѣдняя часть «особаго мнѣнія» г. Спасовича — ея опроверженіемъ» («Вѣстникъ Права», 20—21).

Не буду останавливаться на томъ, что въ мотивахъ приговора есть пункты, которые совершенно отсутствуютъ въ выраженномъ мною мнѣніи, которые были извѣстны суду, но не были и не могли быть извѣстны мнѣ («безкорыстная затрата крупныхъ суммъ на изданіе журнала», «нѣсколько безпорядочное, повидимому, веденіе сотрудниками хозяйственной части изданія»). Не буду останавливаться и на томъ, что, по г. Льву, «свойство мнѣнія, выраженнаго г. Михайловскимъ, совершенно соотвѣтствуетъ понятію объ экспертизѣ», а, по г. Попову, «такая предупредительность со стороны Н. К. Михайловскаго не могла входить въ кругъ дѣйствій

экспертизы». Гораздо интереснѣе упоминаемое г. Льдовымъ «показаніе г. Попова, что ни одна изъ сторонъ не вызвала г. Михайловскаго свидѣтелемъ». Такого показанія *нѣтъ* въ брошюрѣ г. Попова, какъ можетъ удостовѣриться каждый читатель: г. Льдовъ сочинилъ это показаніе. Вѣрно, однако, что на стр. 35-й своей брошюры г. Поповъ утверждаетъ, будто на судъ я былъ «приглашенъ въ качествѣ эксперта; и это есть неточность», влекущая за собой, какъ сейчасъ будетъ видно, довольно важныя послѣдствія.

Въ сохранившемся у меня приглашеніи предсѣдательствовавшаго на судѣ В. Д. Спасовича, помѣченномъ 5-мъ мая, значится: «Судъ чести союза взаимопомощи русскихъ писателей призналъ необходимымъ при разбирательствѣ дѣла между гг. Я. В. Абрамовымъ и А. М. Скабичевскимъ и г-жею О. Н. Поповою, съ другой стороны, спросить Васъ въ качествѣ *свидѣтеля*». Согласно съ этимъ, и въ приговорѣ суда, и въ особомъ мнѣніи г. Спасовича я называюсь «свидѣтелемъ», и только г. Поповъ называетъ меня «экспертомъ». Кѣмъ я былъ вызванъ,—одною изъ сторонъ или обѣими, или самимъ судомъ, натолкнутымъ ходомъ дѣла на необходимость выслушать мои свидѣтельскія показанія, я не знаю. Я отвѣчалъ на вопросы обѣихъ сторонъ и членовъ суда. Въ числѣ отвѣтовъ были и тѣ, которые приводитъ г. Поповъ, а за нимъ и г. Льдовъ, и которые, пожалуй, имѣютъ характеръ экспертизы. Но вѣдь вызванъ я былъ все-таки въ качествѣ свидѣтеля и давалъ свидѣтельскія показанія. Почему же объ нихъ умалчиваетъ г. Льдовъ? Можетъ быть, потому, что ему такъ нужно въ виду его собственной цѣли, а, можетъ быть, потому, что объ нихъ умалчиваетъ и г. Поповъ. Однако въ брошюрѣ послѣдняго можно найти указанія на тѣ вопросы, которые мнѣ задавались, какъ *свидѣтелю*.

Въ брошюрѣ цѣликомъ напечатано заявленіе гг. Абрамова и Скабичевскаго, поданное ими въ комитетъ Союза для передачи въ судъ чести. В [illegible], между прочимъ, читаемъ: «Недоумѣвая по поводу этой проц[illegible], противорѣчившей всѣмъ предыдущимъ переговорамъ, одинъ изъ сотрудниковъ, г. Оболенскій, 8 февраля поѣхалъ къ г. Попову и услышалъ отъ него, что относительно продажи журнала все рѣшено безповоротно. Затѣмъ г. Максимовъ счелъ необходимымъ, по личному своему побужденію, также съѣздить къ гг. Поповымъ съ цѣлью сдѣлать еще одну попытку предотвратить такой неожиданный исходъ дѣла; но и онъ услышалъ отъ гг. Поповыхъ, что все дѣло кончено безповоротно, и что они считаютъ свои дѣйствія правильными, въ виду того, что они дѣйствовали въ этомъ случаѣ будто бы по совѣту и съ одобренія писателя Н. К. Михайловскаго» (стр. 11). Въ мотивахъ приговора, также цѣликомъ напечатанныхъ г. Поповымъ, между прочимъ, говорится: «По во-

просу о томъ, держали ли Поповы въ тайнѣ свое намѣреніе продать журналъ г. Семенову, имѣются въ дѣлѣ слѣдующія данныя. Встрѣтивъ въ Союзѣ писателей Н. К. Михайловскаго, О. Н. Попова на вопросъ его о продажѣ, факта продажи не отрицала, но не считала эту продажу законченною. Того же числа, въ пятницу (7 февраля), зная, что уже разгласилось, что «Новое Слово» должно перейти къ марксистамъ, О. Н. Попова письменно обратилась къ Н. К. Михайловскому, какъ къ лицу особенно ею уважаемому, съ объясненіями о г. Семеновѣ, какъ о покупщикѣ журнала, который поѣхалъ теперь въ Москву и тогда (т. е. по возвращеніи) пріобрѣтетъ ли онъ журналъ или нѣтъ, дастъ отвѣтъ» (стр. 62—63). И далѣе: «Изъ показанія свидѣтеля Н. К. Михайловскаго оказывается, что 7-го февраля въ Союзѣ взаимопомощи О. Н. Попова пришла въ смущеніе на вопросъ его: точно ли она продаетъ журналъ марксистамъ, и отвѣчала, что г. Семеновъ не имѣетъ ничего общаго съ марксистами, что и подтверждала въ письмѣ Михайловскому того же числа (пятница 7 февраля)» (стр. 64). Наконецъ, въ особомъ мнѣніи В. Д. Спасовича, въ числѣ «обстоятельствъ въ пользу О. Н. Поповой», упоминается, что г-жа Попова «совсѣмъ не знала 4-го февраля, обязуясь продать журналъ г. Семенову, что онъ марксистъ; она была встревожена 7-го февраля, когда узнала о томъ въ союзѣ взаимопомощи, и писала подъ этимъ впечатлѣніемъ письмо къ Н. К. Михайловскому» (стр. 73).

Изъ всего этого видно, что мои *свидѣтельскія* показанія и представленное въ подтвержденіе ихъ письмо г-жи Поповой играли немаловажную роль въ дѣлѣ. Они были нужны для разъясненія показанія г. Максимова, слышавшаго отъ гг. Поповыхъ, что продажа журнала совершилась по моему совѣту и съ моего одобренія. Если бы этотъ фактъ на сутѣ подтвердился, то, конечно, это было бы еще однимъ мотивомъ для приговора въ пользу г-жи Поповой. Но ни въ приговорѣ, ни въ особомъ мнѣніи г. Спасовича этотъ мотивъ не указанъ. Значитъ, фактъ не подтвердился, но г. Поповъ въ своемъ изложеніи дѣла совсѣмъ обходитъ этотъ эпизодъ, хотя и упоминаетъ (стр. 29), что г. Максимовъ «желалъ получить свѣдѣнія отъ гг. Поповыхъ». Точно также обойдена въ изложеніи г. Попова и моя бесѣда съ О. Н. Поповой въ Союзѣ писателей 7-го февраля и ея письмо ко мнѣ отъ того же числа. А, между тѣмъ, обстоятельства эти, очевидно, имѣли для суда важное значеніе, ибо они неоднократно упоминаются и въ приговорѣ, и въ особомъ мнѣніи В. Д. Спасовича. Очевидно, далѣе, что, утверждая, что я былъ приглашенъ «въ качествѣ эксперта», г. Поповъ впадаетъ въ «неточность», а слѣдомъ за нимъ идетъ г. Льдовъ, игнорируя мои «свидѣтельскія показанія и уже прямо отъ себя сочиняя «показаніе

г. Попова, что ни одна изъ сторонъ не вызвала г. Михайловскаго свидѣтелемъ».

Повторяю, изъ всего дѣлопроизводства я знаю только ту долю, въ которой мнѣ лично пришлось участвовать. Но могутъ спросить,— почему же я такъ долго молчалъ о касающейся меня «неточности»? Пламенный г. Льдовъ уже черезъ три недѣли послѣ выхода въ свѣтъ брошюры г. Попова считалъ возможнымъ опираться на данныя брошюры, «какъ на матеріалъ вполнѣ основательный», потому что, дескать, никакихъ указаній на фактическія неточности не было. Почти столь же пламенный г. Quidam въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», по поводу вышеприведеннаго заявленія г. Спасовича о брошюрѣ г. Попова, говоритъ о «скандальномъ молчаніи суда чести». Судъ чести, какъ уже давно указалъ В. А. Манасеинъ, молчалъ по той простой причинѣ, что судьи (и, главнымъ образомъ, предсѣдательствовавшій по дѣлу г-жи Поповой г. Спасовичъ) отсутствовали. А мнѣ, въ свою очередь, казалось, что до того или иного отклика суда чести не слѣдуетъ касаться брошюры г. Попова, ибо только суду извѣстно дѣло во всѣхъ его подробностяхъ. Судъ чести нашелъ нужнымъ обратить вниманіе только на одинъ пунктъ брошюры, бросавшій незаслуженную тѣнь на одного изъ членовъ суда. Объ этомъ можно пожалѣть, хотя, съ другой стороны, нельзя не пожалѣть и судей, которымъ пришлось бы вновь пересматривать все дѣло. Но, и помимо необходимости выждать заключенія, къ которому придетъ судъ чести, я, признаюсь, и теперь съ большою неохотою взялся за перо, чтобы писать о дѣлѣ г-жи Поповой. Я думаю, всякій, кому дорого достоинство литературы, согласится съ тѣмъ, что лучше бы было, если бы это дѣло совсѣмъ не возникало. Я не о судѣ чести говорю,—онъ велъ себя безупречно, и этому ни мало не противорѣчитъ разногласіе судей. Что же касается поведенія обѣихъ сторонъ и ихъ взаимныхъ отношеній до суда, то я и теперь, по возможности, обойду его молчаніемъ. Тѣмъ болѣе, что и матеріалъ для обсужденія обо всемъ этомъ имѣется слишкомъ односторонній. Меня занимаютъ, главнымъ образомъ, тѣ общіе выводы изъ процесса г-жи Поповой, которые съ такою настойчивостью дѣлаются и развиваются г. Льдовымъ и «Московскими Вѣдомостями» подъ предлогомъ рыцарской защиты правды, потерпѣвшей въ лицѣ г-жи Поповой. «Дѣло г-жи Поповой еще не кончено», настойчиво утверждаютъ эти рыцари правды и, дѣйствительно, не даютъ кончиться, если не ему самому (оно давно кончено), то разговорамъ объ немъ. Я не надѣюсь, разумѣется, прекратить эти разговоры настоящей статьей, но, быть можетъ, мнѣ удастся пролить нѣкоторый свѣтъ на побудительныя причины рвенія, съ которымъ рыцари ухватились за дѣло г-жи Поповой.

Вернемся къ тѣмъ моимъ отвѣтамъ на вопросы сторонъ и членовъ суда, которымъ можетъ быть приписанъ характеръ экспертизы. Г. Льдовъ полагаетъ, что приговоръ есть лишь распространенное повтореніе моей экспертизы, а особое мнѣніе г. Спасовича — ея опроверженіе. О первой половинѣ этого предложенія я уже говорилъ: въ мотивахъ приговора приведены факты, которыхъ я не имѣлъ,—а отчасти и не могъ имѣть въ виду по незнакомству съ дѣломъ. Что же касается особаго мнѣнія г. Спасовича, то я рѣшительно не понимаю, какъ можно увидѣть въ немъ только «опроверженіе» высказанныхъ мною мнѣній. Всѣ три указанныя мною «въ пользу О. П. Поповой» обстоятельства г. Спасовичъ принялъ во вниманіе и только призналъ ихъ не «смягчающими», а «вполнѣ извиняющими» (Поповъ, 73). Едва ли это можетъ назваться опроверженіемъ. Въ полномъ согласіи съ выраженными мною общими соображеніями, г. Спасовичъ высказываетъ, однако, отличный отъ моего взглядъ на данный именно случай. Онъ пишетъ въ своемъ «особомъ мнѣніи»: «Литература, конечно, требуетъ, чтобы писатели были устойчивы въ своихъ убѣжденіяхъ, чтобы они ихъ не мѣняли нескрепно изъ-за личныхъ видовъ, чтобы они не переходили изъ одного лагеря въ другой, прямо ему враждебный, но это начало относится къ главнымъ, основнымъ теченіямъ, непримиримымъ между собою, а не къ разновидностямъ одного и того же теченія, расходящимся не въ цѣляхъ, которыя, можетъ быть, одинаковы, а въ путяхъ для достиженія этихъ цѣлей» (Поповъ, 72—73). И далѣе г. Спасовичъ выражаетъ мнѣніе, что направленія старой и новой редакціи «Новаго Слова» представляютъ собою именно такія «разновидности» одного и того же теченія. Стало быть, если бы г-жа Попова продала «Новое Слово» хотя бы, напримѣръ, г. Льдову, то и г. Спасовичъ нашелъ бы это дѣйствіе неправильнымъ вопросъ о формальномъ правѣ издательницы распоряжаться своею собственностью стоитъ внѣ спора. Г-нъ Льдовъ, опираясь на мнѣніе г. Спасовича, воздавая хвалу его логичности и добросовѣстности, иронизируетъ по адресу другихъ «литераторовъ, участвовавшихъ въ разбирательствѣ дѣла», такъ: «По ихъ мнѣнію, издатель, не желающій повергнуться осужденію въ гражданскомъ чести, не имѣетъ права отказаться отъ дальнѣйшаго веденія убыточнаго дѣла. Продать журналъ онъ можетъ только правовѣрному члену своего прихода, да и то собравъ тщательныя справки, нѣтъ ли какого-либо изъяна въ его profession de foi. Но мѣшаетъ въ такомъ случаѣ прибыль и къ авторитетной экспертизѣ. Союзъ, конечно, учредить бы и бюро для подобной экспертизы — если бы имѣлись какія-нибудь возможности найти хотя одинъ единомышленныхъ «высоко-царевитыхъ», и «глубоко-чтимыхъ» шу-

блицистовъ. Къ сожалѣнію, какъ разъ самые «именитые» изъ нихъ ни въ чемъ не сходятся другъ съ другомъ, — гдѣ одинъ говоритъ «да», другой говоритъ «нѣтъ» (Льдовъ, 43—44).

Г. Льдовъ ошибается. Оставляя въ сторонѣ вопросъ объ «именитости» того или другого изъ «литераторовъ, участвовавшихъ въ разбирательствѣ дѣла», всѣ они, насколько можно судить по брошюрѣ г. Попова, вполнѣ согласны относительно значенія того, что г. Льдовъ называетъ «приходами».

Разногласіе только въ подробностяхъ. Г. Спасовичъ считаетъ направленія старой и новой редакціи «Новаго Слова» лишь разновидностями одного и того же теченія, а, напримѣръ, сама г-жа Попова смотритъ на это дѣло иначе. Изъ приговора и изъ особаго мнѣнія г. Спасовича видно, что г-жа Попова, узнавъ о направленіи, которое долженъ принять журналъ въ рукахъ новой редакціи, «пришла въ смущеніе», «была встревожена» (Поповъ, 64, 73). Г. Поповъ, правда, протестуетъ противъ самой постановки вопроса о направленіи, но, во-первыхъ, и онъ опирается при этомъ на тотъ фактъ, что «редакція новаго состава до сихъ поръ не погрѣшила противъ интересовъ общественныхъ и не обнаружила ретроградности» (ib. 36); а во-вторыхъ, въ данномъ случаѣ гораздо важнѣе мнѣніе самой г-жи Поповой: она была «смущена», «встревожена». И это совершенно понятно. Г-жа Попова не просто издательница, берущаяся за литературное предпріятіе съ цѣлью полученія дохода. Судъ, близко ознакомившійся съ дѣломъ, призналъ «безкорыстную затрату г-жею Поповой крупныхъ суммъ на изданіе журнала». Въ журналѣ она принимала участіе не только капиталомъ безъ всякаго разсчета на доходъ, но и какъ сотрудникъ, а отчасти, повидимому, и какъ редакторъ. И во всей брошюрѣ г. Попова нѣтъ слѣда какихъ бы то ни было идейныхъ разногласій г-жи Поповой со старой редакціей «Новаго Слова»; она одного съ ней «прихода», какъ сказалъ бы г. Льдовъ. Она даже крѣпче держалась этого «прихода», чѣмъ нѣкоторые члены редакціи и ближайшіе сотрудники стараго «Новаго Слова». Г. Поповъ сообщаетъ, что она была недовольна сотрудничествомъ г. Абрамова за неразборчивость, съ которою тотъ участвуетъ въ органахъ различныхъ направленій, и негодовала на г. Оболенскаго за его участіе въ «Недѣлѣ»; негодовала, наконецъ, и на г. Кривенко за его равнодушное отношеніе къ этимъ «приходскимъ» непорядкамъ. Изъ совокупности этихъ данныхъ слѣдуетъ, что г-жа Попова никакимъ образомъ не можетъ стоять на точкѣ зрѣнія своего пламеннаго защитника, г. Льдова.

Въ вопросѣ о направленіи, поскольку онъ могъ интересовать судъ по дѣлу г-жи Поповой, «прогрессивность» и «ретроградность»,

мнѣ кажется, совсѣмъ не при чемъ. Я, по крайней мѣрѣ, смотрѣлъ на дѣло гораздо проще, когда излагалъ свое мнѣніе суду. Мнѣніе это напечатано г. Поповымъ, и здѣсь я приведу только ту иллюстрацію, которую предложилъ на усмотрѣніе суда. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ «объявленіяхъ» «Новаго Слова» значилось въ числѣ постоянныхъ сотрудниковъ почтенное имя г. Николая — она ся взяль для иллюстраціи это имя, какъ незамѣшанное въ судѣ, г. Николай — онъ не подписывалъ коллективнаго заявленія сотрудниковъ о выходѣ изъ журнала и держался, повидимому, совершенно въ сторонѣ отъ редакціонныхъ недоразумѣній), и читатель, подписывавшійся на «Новое Слово», разсчитывалъ получить статьи, между прочимъ, и г. Николая — она и людей, близкихъ ему по образу мысли. Но вотъ, въ одинъ прекрасный день читатель получаетъ книжку «Новаго Слова», въ которой не только нѣтъ того, что ему было обѣщано, но есть, напротивъ, въ высшей степени рѣзкое осужденіе взглядовъ г. Николая — она, равно какъ и прочихъ сотрудниковъ. Въ «прогрессивную» ли или «ретроградную» сторону подался при этомъ журналъ, это безразлично для тѣхъ двухъ послѣдствій, которыя неизмѣнно вытекаютъ изъ такой рѣзкой перемѣны. «Читатель-другъ» прямо обманутъ и оскорбленъ въ своихъ идейныхъ симпатіяхъ; читатель безразличный еще болѣе утверждается въ своемъ безучастіи къ различнымъ теченіямъ общественной мысли. И г-жа Попова, такъ сливавшаяся душою со старой редакціей, такъ ревниво оберегавшая этотъ «приходъ» и ради него именно предпринявшая журналъ, меньше, чѣмъ кто-нибудь, могла бы протестовать противъ выраженнаго мною на судѣ мнѣнія.

Но, признавъ продажу журнала при данныхъ условіяхъ поступкомъ непозволительнымъ, я счелъ долгомъ указать на обстоятельства, говорящія въ пользу г-жи Поповой. На первомъ мѣстѣ здѣсь стоитъ возвращеніе денегъ подписчикамъ. Если этимъ не устранялся грѣхъ относительно читателей безразличныхъ, то по крайней мѣрѣ читатели-друзья старой редакціи получили нѣкоторое удовлетвореніе. Затѣмъ г-жа Попова могла бы сослаться на пословицу: «съ волками жить — по волчьи выть». У насъ нынѣ до такой степени распространена между тоже самыми писателями прискорбная неразборчивость въ выборѣ органовъ печати для сотрудничества, что и г-жа Попова — все-таки не писатель по профессіи — могла ей заразиться. Третье соображеніе въ пользу г-жи Поповой состояло въ томъ, что она, можетъ быть, не знала, въ чьи именно руки переходитъ журналъ. Я выразилъ на судѣ эту мысль въ видѣ предположенія, а судъ, имѣвшій возможность ближе узнать всѣ подробности дѣла, пришелъ къ тому же счастливѣ рѣшительному заключенію. Г. Спасовичъ въ своемъ особомъ мнѣніи говоритъ: «совсѣмъ не надо

(Поповъ, 73), а гг. Манасеинъ и Фанъ-деръ-Флитъ говорятъ о «недостаточномъ знакомствѣ г-жи Поповой съ тѣмъ, какого направленія будетъ держаться новая редакція «Новаго Слова», и могутъ ли принять участіе въ журналѣ прежніе сотрудники» (75).

Итакъ, моя «экспертиза», во-первыхъ, вовсе не опровергается по существу особымъ мнѣніемъ г. Спасовича, а во-вторыхъ, находится въ полномъ согласіи съ образомъ мыслей самой г-жи Поповой, поскольку онъ выясняется брошюрой г. Попова.

Въ брошюрѣ г. Попова есть два загадочныя мѣста. На стр. 18 читаемъ: «Довѣрительница моя, «страстно, горячо любя дѣло, увлеклась только моральнымъ къ нему отношеніемъ» и, не имѣя ни съ чьей стороны предупрежденія, что лицамъ, занимающимъ «двойное положеніе», слѣдовало бы остерегаться вступать въ Союзъ русскихъ писателей, чтобы не создавать ни для себя, ни для кого другого «психологической путаницы», отзывчиво отнеслась къ злобѣ дня и вступила въ Союзъ въ числѣ учредителей».

Поставленныя здѣсь г. Поповымъ въ ковычки слова заимствованы имъ изъ письма г. Оболенскаго къ г-жѣ Поповой. До письма этого намъ нѣтъ дѣла, какъ и вообще до подробностей тѣхъ недоразумѣній, которыя существовали между г-жею Поповой и сотрудниками,—мы имѣемъ для этого слишкомъ недостаточный и односторонній матеріалъ. А то, что намъ въ данномъ случаѣ нужно, объясняется слѣдующими словами г. Попова. «Всѣ шансы на проявленія всякаго неудовольствія были не на сторонѣ моей довѣрительницы. Вступая въ Союзъ русскихъ писателей, она знала, что двойственность ея положенія (положенія издательницы-писательницы), отмѣченная г. Оболенскимъ, можетъ смутить и другихъ членовъ Союза, не допускающихъ предвзято никакихъ соглашеній между интересами издателя и писателя» (27).

Сопоставляя эти двѣ цитаты, читатель долженъ придти въ нѣкоторое недоумѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, знала г-жа Попова или не знала, что, въ качествѣ издательницы-писательницы, ее ждетъ въ Союзѣ какое-то особенное, и именно невыгодное положеніе? По второй цитатѣ выходитъ, что «знала», а по первой—что «не имѣла ни съ чьей стороны предупрежденія» на этотъ счетъ. Но загадочность обѣихъ цитатъ этимъ не исчерпывается. При чемъ тутъ вообще Союзъ писателей? За мнѣнія г. Оболенскаго, лично имъ выраженныя, правильны они или неправильны, Союзъ вовсе не отвѣтственъ. Далѣе, въ составѣ Союза есть не мало людей, занимающихъ «двойственное положеніе» издателей и писателей, такъ что и съ этой стороны по малой мѣрѣ странно противопоставлять г-жу Попову

Союзу или Союзъ г-жѣ Поповой. Г-жа Попова была до своего выхода изъ Союза такимъ же его членомъ, какъ и гг. Потовичъ, Суворинъ, Филипповъ, Гуревичъ, А. Острогорскій, кн. Ухтомскій и другіе издатели-писатели; какъ гг. Кривенко, Скабичевскій и прочіе сотрудники «Новаго Слова» старой редакціи, и какъ главные сотрудники «Новаго Слова» новой редакціи (гг. Поссе, Струве, Туганъ-Барановскій). Органъ Союза — суть чести не имѣлъ никакихъ основаній предпочитать интересы однихъ членовъ Союза интересамъ другихъ. Судьи чести суть изгранники общаго собранія, въ томъ числѣ и г-жи Поповой, и другихъ издателей-писателей, и представителей старой и новой редакціи «Новаго Слова». Конечно, и суть чести, подобно всякому другому суду, можетъ впасть въ ошибку. Но даже и въ этомъ случаѣ Союзъ, какъ цѣлое, не подлежитъ никакимъ нарѣканіямъ. Помимо автономнаго положенія, занимаемаго судомъ чести въ Союзѣ, въ этомъ смыслѣ можно, пожалуй, признать даже счастливымъ обстоятельствомъ разногласіе судей въ дѣлѣ г-жи Поповой: вѣдь г. Спасовичъ есть такой же представитель Союза, какъ и гг. Манасеинъ и Фанъ-деръ-Флитъ. Такимъ образомъ, намеки гг. Попова на какое-то «предвзятое» отношеніе Союза къ дѣлу г-жи Поповой лишены самомалѣйшей тѣни основательности.

А слѣдомъ за г. Поповымъ идутъ г. Льдовъ и «Московскія Вѣдомости». Здѣсь я позволю себѣ сдѣлать небольшое отступленіе собственно отъ дѣла г-жи Поповой.

Въ № 313 «Московскихъ Вѣдомостей» напечатана слѣдующая замѣтка, подписанная Quidam:

«Юмористическое учрежденіе, именующее себя *Союзомъ русскихъ писателей*, занялось обсужденіемъ вопроса, слѣдуетъ или не слѣдуетъ намъ заключать съ Франціей литературную конвенцію. Какъ тема для болтовни, это вопросъ такая тема. Отчего «союзникамъ» и не потолковать насчетъ конвенціи? Хотя большинство членовъ «Союза» принадлежитъ къ числу тѣхъ иксовъ и игрековъ, которые менѣе всего достойны названія писателей, хотя эти иксы и игреки на добрую половину являются счастливыми обладателями превосходныхъ, чисто еврейскихъ, фамилій, однако возможно, что и —

Кто нибудь пробалтается
Добрымъ словомъ.

«Короче говоря, противъ принципіальнаго обсужденія вопроса о конвенціи въ нѣдрахъ Союза возражать нѣтъ причины. Но «Союзъ» принципіальнымъ обсужденіемъ вопроса довольствоваться не хочетъ. Онъ заявляетъ съ полною откровенностью, что ему нужно во что бы то ни стало занять тутъ самую важную, первѣйшую позицію. Онъ уполномочиваетъ, кого слѣдуетъ, хлопотать, чтобы въ дѣлѣ заключенія и примѣненія конвенціи ему, Союзу, предоставили исключительныя права. Онъ будетъ посредникомъ, суперъ-арбитромъ, и ужъ не знаю кѣмъ и чѣмъ еще — въ сношеніяхъ русскихъ литераторовъ и издателей съ французами и французскихъ съ русскими

«Стремясь къ подобной узурпаціи, Союзъ, разумѣется, знаетъ, что дѣлаетъ. Хотя въ составъ его входитъ около трехсотъ человѣкъ, однако эта цифра далеко не представляетъ всей массы пишущихъ. Даже въ количественномъ отношеніи Союзъ не имѣетъ вида авторитетнаго учрежденія. Касательно качественнаго отношенія нѣтъ надобности и рѣчи поднимать. Заправилами Союза являются люди одной, рѣзко опредѣленной, литературной партіи. Какимъ же образомъ такой самозваный «Союзъ русскихъ писателей» можетъ претендовать на главенствующую роль въ дѣлѣ, обнимающемъ интересы дѣйствительно *всей* литературной братіи, безъ различія направленій? Мы находимся здѣсь предъ лицомъ не только крайне претенціознаго, но прямо-таки нахальнаго сборища. Это сборище, состоящее изъ либераловъ и радикаловъ, кричащихъ о свободѣ, независимости и прочихъ громкозвучащихъ для профановъ вещахъ, требуетъ для себя положенія безпримѣрнаго.

«Трудно сомнѣваться въ полномъ фіаско, которое неминуемо потерпитъ домогательство Союза. Однако, не характерны ли эти домогательства? Не показываютъ ли они, что наша «передовая» писательская группа все больше и больше распоясывается, становится все циничнѣе и циничнѣе въ своихъ требованіяхъ?

Возмущаться распоясанностью нашихъ «прогрессистовъ» я отнюдь не намѣренъ, потому что слишкомъ хорошо ихъ знаю. Они дѣйствуютъ, если угодно, съ полною логичностью. Было время, когда имъ удавалось добиваться успѣха улещиваніемъ и умасливаніемъ. Это время проходитъ. Значитъ, надо перемѣнить пріемъ и, вмѣсто улещиванія, брать напроломъ. Авось удастся.

«Дѣйствительно, чѣмъ рискуетъ «Союзъ» въ томъ случаѣ, если его домогательства провалятся? Да рѣшительно ничѣмъ! Наоборотъ, если домогательства увѣнчаются успѣхомъ, то выигрышъ останется крупный. Вѣдь посредничество «Союза» въ сношеніяхъ съ французскими авторами и книгоиздателями поставитъ въ зависимость отъ него рѣшительно весь нашъ прикосновенный къ литературѣ міръ. А Союзъ въ этомъ выгодномъ положеніи будетъ брать взятки... борзыми щенками. Драматурги даютъ уже эти взятки (припомните дѣло г. Щеглова), будутъ давать и романисты, и поэты, и ученые.

«Махинація тонкая и хорошо разсчитанная. Въ изобрѣтательности гг. прогрессистамъ отказать нельзя. Одно ихъ только, надо полагать, смущаетъ: *не разрѣшенное* еще дѣло г-жи Поповой. Ахъ, сколько оно имъ уже доставило непріятностей! Ахъ, сколько оно доставитъ еще въ будущемъ!!».

Непристойность этой замѣтки, нисколько, впрочемъ, не удивительная на столбцахъ «Московскихъ Вѣдомостей», не требуетъ доказательствъ. Но приходится указать на ея лживость. Лживо утверждаетъ мало почтенная московская газета, будто Союзъ «заявляетъ, что ему нужно, во что бы то ни стало, занять тутъ самую важную, нервѣйшую позицію», будто «онъ уполномочиваетъ, кого слѣдуетъ, хлопотать, чтобы въ дѣлѣ заключенія и примѣненія конвенціи ему, Союзу, предоставили исключительныя права»; будто онъ хочетъ быть посредникомъ, суперъ-арбитромъ въ сношеніяхъ русскихъ литераторовъ и издателей съ французскими и французскихъ съ русскими». Все это—неправда, и когда одна петербургская газет

сказала недѣлостью и второмъ сообщеніи г. Quidam, онъ въ № 319 «Московскихъ Вѣдомостей» необдуманно сослался на репортерскій отчетъ «Новаго Времени» объ одномъ изъ общихъ собраній Союза писателей. Свою первую замѣтку г. Quidam называетъ при этомъ «замѣткой о новыхъ притязаніяхъ Союза писателей, требовавшаго, чтобы ему, въ случаѣ заключенія конвенціи съ Франціей, была предоставлены права *единственнаго посредника* (курсивъ г-на Quidam) въ сношеніяхъ между иностранными и русскими писателями». А изъ отчета «Новаго Времени» г. Quidam прибѣгнулъ слѣдующія слова: «При этомъ намѣчались, какъ наиболѣе главные, пункты, чтобы коммисія въ случаѣ принятія конвенціи у насъ, въ Россіи, выработала *положеніе о томъ, что посредникомъ между иностранными и русскими писателями въ данномъ отношеніи является единственный въ Россіи «Союзъ писателей»*».

Послѣдній курсивъ тоже принадлежитъ г-ну Quidam, и если кто-нибудь вздумаетъ сравнить два его курсива, то безъ сомнѣнія, потребуется фокусническая ловкость, съ которою на его глазахъ единственный въ Россіи Союзъ писателей превращается въ «единственнаго посредника между иностранными и русскими писателями». Союзъ писателей пока, дѣйствительно, единственный въ Россіи, но это отнюдь не значитъ, что Союзъ домогается положенія единственнаго посредника. И если г. Quidam приставляетъ прилагательное «единственный» совсѣмъ не къ тому существительному, къ которому оно относится въ отчетѣ «Новаго Времени», то это свидѣтельствуетъ либо о слабости его собственнаго пониманія, либо о злонамѣренномъ разсчетѣ на слабость пониманія читателей. Предоставляю ему выбрать любое изъ этихъ объясненій. Но и помимо перетержки съ прилагательнымъ «единственный», г. Quidam совершенно напрасно ссылается на сообщеніе «Новаго Времени», которое, рискать, не вызвало со стороны комитета Союза никакихъ поправокъ или оговорокъ. Комитету и нечего было оговаривать или исправлять: изъ сообщенія «Новаго Времени» отнюдь не слѣдуютъ тѣ выводы, которые дѣлаетъ г. Quidam. Вопросомъ о конвенціи занимались два общихъ собранія членовъ Союза, а въ третьемъ (28 ноября) была избрана спеціальная коммисія для разработки вопроса. Заключенія своихъ коммисія еще не представила Союзу, который, слѣдовательно, никакихъ постановленій я не могъ еще сдѣлать. Въ общихъ же собраніяхъ говорилось разное, и за конвенцію и противъ нея. Говорилось, между прочимъ, и о возможности для Союза стать посредникомъ между русскими и иностранными писателями. Я лично, такой мысли не выражавшій, не вижу въ ней, однако, ничего преступнаго или «безпримѣрнаго», «нахальнаго» и даже думаю, что по отношенію, по крайней мѣрѣ, къ

своимъ членамъ Союзъ обязанъ будетъ взять на себя роль посредника, въ случаѣ заключенія конвенціи. Какъ бы то ни было, но Союзъ отвѣтственъ только за постановленія общаго собранія, а отдѣльныя мнѣнія, выражаемыя по тому или другому поводу членами Союза, на ихъ отвѣтственности и лежатъ. А такъ какъ до сихъ поръ по вопросу о конвенціи происходилъ лишь обмѣнъ мнѣніи между членами Союза, то всѣ разсужденія г. Quidam о домогательствахъ Союза суть поистинѣ вздоръ и нелѣпость.

Интересно, что и вторая замѣтка г. Quidam оканчивается напоминаніемъ о дѣлѣ г-жи Поповой. На этотъ разъ г. Quidam киваетъ въ сторону «Сына Отечества», въ числѣ сотрудниковъ котораго есть нѣсколько лицъ изъ бывшей редакціи «Новаго Слова», призвавшихъ г-жу Попову къ суду чести. Это еще понятно, но когда гг. Quidam и Льдовъ дѣлаютъ изъ г-жи Поповой какого-то козыря, которымъ побиваютъ Союзъ, то приходится только руками разводить. Г. Quidam называетъ Союзъ «сборищемъ, состоящимъ изъ либераловъ и радикаловъ, кричащихъ о свободѣ, независимости и прочихъ громкозвучащихъ для профановъ вещахъ». Допустимъ, что это опредѣленіе, своею нескладностью свидѣтельствующее о чрезвычайномъ волненіи чувствъ автора,—совершенно вѣрно. Но, вѣдь, г-жа Попова была однимъ изъ членовъ-учредителей Союза, слѣдовательно, тоже «кричала о громкозвучащихъ вещахъ». Жаловались на нее тоже кричащіе о громкозвучащихъ вещахъ, хотя она передала журналъ въ руки тоже членовъ Союза и, слѣдовательно, опять-таки кричащихъ о громкозвучащихъ вещахъ. Очевидно, что это умноженіе всѣхъ трехъ элементовъ задачи на равную величину криковъ о громкозвучащихъ вещахъ ничего объяснить не можетъ, а потому надо, казалось бы, оставить «громкозвучащія вещи» совсѣмъ въ сторонѣ. Однако, «Московскія Вѣдомости» усиленно напираютъ на эту сторону, да и г. Льдовъ энергически громитъ «гнилостное разложеніе» въ средѣ «либеральной», «передовой», «наиболѣе вліятельной» журналистики. Пусть такъ, но Союзъ — опять-таки тутъ не при чемъ.

До сихъ поръ я не упоминалъ еще объ одномъ органѣ Союза—комитетѣ. Быть можетъ, онъ велъ себя въ этомъ дѣлѣ какъ-нибудь не корректно. На это въ брошюрѣ г. Льдова есть довольно-таки не тонкій, но совершенно неосновательный намекъ. По окончаніи дѣла въ газетахъ появилось слѣдующее сообщеніе (г. Льдовъ приводитъ его изъ «Казанскаго Телеграфа»): «Судъ чести при Союзѣ писателей, подъ предсѣдательствомъ г. Спасовича, въ составѣ двухъ судей, разсматривалъ жалобу Скабичевскаго и Абрамова на бывшую издательницу «Новаго Слова» Попову, обвинявшуюся въ продажѣ ею изданія безъ окончательныхъ переговоровъ съ глав-

ными сотрудниками и бывшихъ сотоварищей. Двое судей зрителей Попова вышеуказанной, не заслуживающей снисхожденія. Предъявлено, сдѣлано при этомъ мнѣнія. Г. Львовъ неизвѣстенъ редактора этого сообщенія и мететъ громы въ неизвѣстнаго злоумышленника, пустившаго это сообщеніе въ оборотъ. Не будучи столь всезрителенъ или проницателенъ, какъ г. Львовъ, я не думаю, чтобы тутъ было какой умыселъ, но, конечно, сообщеніе составлено дурно и двусмысленно оно оставляетъ слишкомъ большой просторъ догадкамъ относительно характера особаго мнѣнія г. Сергѣевича, — можетъ быть, онъ отказался въ отношеніи смягчающихъ обстоятельствъ. Г. Львовъ интересуется вопросомъ, откуда же взялось это двусмысленное сообщеніе, и хотя предусмотрѣлъ оставшіяся на неизвѣстныхъ злоумышленникахъ, не принимаетъ при этомъ разъ, что появившееся сообщеніе сочинено само собою, такъ сказать, фактично, не волѣ стихій, есть какая-то участія чьей-либо предумышленной руки... а решенія суда перепечатываетъ изъ архивовъ Сената на столбцы всероссійской прессы (62—63). Спрашивается, почему г. Львовъ думаетъ, что решенія суда перепечатаны на столбцы всероссійской прессы изъ архивовъ Сената. Решенія были сообщены обѣимъ судившимся сторонамъ, у сторонъ есть, конечно, знакомые, интересующіеся этимъ дѣломъ, у этихъ знакомыхъ еще знакомые, и затѣмъ слѣдуетъ обыкновенная механика распространенія слуховъ, попадающихъ и въ печать. § 28 устава Сената повелѣваетъ: «Если примиреніе сторонъ не состоялось, суть тяжбы постановляетъ рѣшеніе, которое по желанію одной изъ сторонъ или обѣихъ можетъ быть опубликовано черезъ комитетъ, буде отъ полѣнія не найдетъ въ томъ препятствія». Ни одна сторона въ комитетъ не обращалась, и онъ совершенно справедливо отнесся къ обѣимъ, помимо него появившимся публикаціямъ, — неизвѣстнаго злоумышленника и г. Попова. О первомъ онъ не имѣлъ никакого сужденія, не имѣлъ бы его и о второмъ, если бы не вышеупомянутое ходатайство гг. Сабурчевскаго и Обнинскаго. Ходатайство это, какъ уже сказано, комитетъ отклонилъ, равно какъ и вообще отказался отъ выраженія какого бы то ни было мнѣнія о брошюрѣ г. Попова, такъ какъ подробности дѣла извѣстны лишь суду. Правда, комитетъ довелъ до свѣдѣнія общаго собранія, что признаетъ ненадлежащимъ поступкомъ опубликованіе г-жею Поповою въ газетахъ рѣшенія суда помимо комитета, а относительно злоумышленника никакого порицанія не выразилъ, на вызовъ этого неизвѣстнаго злоумышленника неизвѣстенъ даже проницательному г. Львову, и комитетъ рассчитывалъ получить отъ него совершенно справедливыя слѣдствія какъ § 28 параграфа сенатского устава и жи Попова, какъ чтобы Сенатъ

но вовсе не обязателенъ для меня, неизвѣстнаго злоумышленника, для котораго, подобно гг. Льдову, Quidam и проч., наши законы не писаны.

Г. Quidam пугаетъ Союзъ «*неразрѣшеннымъ*» дѣломъ г-жи Поповой. Нѣтъ, это дѣло разрѣшено, оно никакому перерѣшенію не подлежитъ и никакихъ «непріятностей» Союзу не принесетъ. Пусть даже бывшіе сотрудники «Новаго Слова» вполнѣ заслуживаютъ того освѣщенія, которое бросаетъ на нихъ брошюра г. Попова (я вовсе не выступаю ихъ адвокатомъ), это не имѣетъ никакого отношенія къ Союзу писателей. И конечно, г. Поповъ въ принципѣ совершенно правъ, говоря, что, «если бы даже престижъ нѣкоторыхъ членовъ Союза русскихъ писателей и могъ пострадать, то кто же рѣшился бы этихъ «нѣкоторыхъ» отождествлять со всѣми русскими писателями» (стр. 2). Правда, г. Quidam имѣетъ въ виду не всѣхъ русскихъ писателей, —въ высшемъ благородствѣ, напримѣръ, г. Льдова онъ также увѣренъ, какъ г. Льдовъ увѣренъ въ высшемъ благородствѣ г. Quidam'а — а только сконище кричащихъ о громкозвучащихъ вещахъ: ну, а этотъ народъ стоитъ внѣ закона, съ ними церемониться нечего. И вы понимаете, что дѣло г-жи Поповой есть для г. Quidam'а именно только козырь, которымъ онъ думаетъ побить «кричащихъ о громкозвучащихъ», будто бы овладѣвшихъ Союзомъ. И такъ какъ ему дѣла нѣтъ ни до здраваго смысла, ни до истины, ни даже до вѣрной передачи прилагательнаго «единственныя», то, надо думать, онъ еще много разъ осчастливитъ г-жу Попову своею защитой.

Не устанетъ и г. Льдовъ, какъ онъ уже и теперь сообщаетъ: насъ ждетъ еще, по крайней мѣрѣ, одна его брошюра, посвященная все тому же дѣлу г-жи Поповой. Но г. Льдовъ, даже превосходя г. Quidam'а пламенною энергіей своего краснорѣчія, вмѣстѣ съ тѣмъ осторожнѣе его въ одномъ отношеніи. Хотя и онъ говоритъ о виновности Союза и тѣхъ, которые «кричатъ о громкозвучащихъ вещахъ», но въ выраженіяхъ не столь опредѣленныхъ. Онъ не только laisse quelque chose à deviner, но, повидимому, и самъ еще не докопался до корня зла. Онъ говоритъ о какой-то «указкѣ властнаго эксперта», о какой-то «темной, лгущей силѣ, препятствующей выясненію правды», о какомъ-то «властномъ перстѣ, дерзко пригрозившемъ органамъ русской печати», словомъ, о какомъ-то «непостижномъ уму видѣньи», связанномъ съ Союзомъ и «кричащими», но не тождественномъ съ ними. Борьба съ этимъ видѣніемъ и составитъ содержаніе слѣдующей брошюры г. Льдова. Боюсь только, что къ тому времени дѣло г-жи Поповой до такой степени всѣмъ надоѣстъ, что и новый подвигъ г. Льдова не принесетъ ему лавровъ.

IX *).

Рождественская сказка г. Буквы. — Нечто о Некрасовѣ. — Запрещение «Новаго Слова».

Съ нѣкоторого времени въ нашихъ газетахъ, сначала столичныхъ, а затѣмъ и провинціальныхъ, завелся обычай заполнять рождественскіе номера разсказами, очерками, большею частью, фантастическаго содержанія. Совершенно условный характеръ этихъ произведеній ставитъ ихъ совсѣмъ особо въ литературѣ, и особый любопытно пересмотрѣть большую или меньшую ихъ коллекцію. Это былъ бы, можетъ быть, недурной матеріалъ для провѣрки высказаннаго когда-то Тургеневымъ мнѣнія о бѣдности современной нашей беллетристики фантазіей, «выдумкой». Я не возьмусь, однако, на себя эти задачи и остановлю вниманіе читателя только на двухъ изъ прочитанныхъ мною разсказовъ, такъ и зоологическимъ оверленно посвященнымъ и вовсе, такъ сказать, не рождественскимъ.

Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» напечатано нѣсколько рождественскихъ разсказовъ г. Буквы. Одинъ изъ нихъ называется «Концертъ съ приключеніемъ».

Въ годовщину смерти извѣстнаго пѣвца устроенъ былъ на рождественскихъ праздникахъ благотворительный литературно-музыкальный вечеръ. Публика собралась очень элегантная и нарядная, въ значительной части свѣтская. У подъѣзда хлопали каретныя дверцы, на площадкахъ лѣстницы ливрейная челядь укладывала на скамейки и подоконники горы дамскихъ ротонды, военныя шинели съ серебристыми бобровыми воротниками и мужскія шубы изъ легкихъ и теплыхъ мѣховъ; у входа въ залу шелковыя платья волновались и шуршали, въ воздухѣ растворялся смѣшанный ароматъ разныхъ сильныхъ экзотическихъ духовъ. Почти

*) Январь, 1898 г.

избранъ для вечера на праздникахъ глухой, безъ другихъ заманчивыхъ афишъ, и тутъ собралась публика итальянской оперы, французскихъ бенефисовъ, филантропическихъ увеселеній и церковныхъ «субботъ», разбавленная нѣкоторымъ контингентомъ солиднаго чиновничества и франтоватой учащейся молодежи». На эстрадѣ стоялъ бюстъ покойнаго поэта, окруженный оранжерейными растеніями и его портретъ на мольбертѣ. Но публика, повидимому, мало обращала на нихъ вниманія. Вяло и холодно встрѣтила она и перваго лектора, читавшаго характеристику поэта; вяло и холодно прослушала нѣсколько музыкальныхъ номеровъ. Распорядитель вечера былъ въ отчаяніи. Наступила очередь чтеца—«довольно извѣстнаго поэта», который долженъ былъ читать стихи знаменитаго покойника.

Чтецъ поднялся на эстраду и сталъ у каѳедры, лицомъ къ портрету на мольбертѣ. Запоздавшая въ антрактѣ публика еще усаживалась. Кто-то хрипло кашлялъ. Нѣсколько участвующихъ хлопками проводили поэта на эстраду. Хлопки были дружескіе, но вышли довольно жалкимъ нарушеніемъ холодной тишины, водворившейся въ залѣ. Поэтъ, чувствуя легкое стѣсненіе въ горлѣ, откашлялся. Сердце билось у него отъ волненія торопливыми, дробными сокращеніями и учащало дыханіе. Чтецъ началъ:

Умру я скоро. Жалкое наслѣдство,
О, родина, оставлю я тебѣ.
Подъ гнетомъ роковымъ провелъ я дѣтство
И молодость въ мучительной борьбѣ.

. . . . . .

Декламаторъ читалъ съ памяти. Онъ слушалъ упавшія, неровныя ноты своего голоса и смотрѣлъ въ упоръ на портретъ. И вдругъ на ходу чтенія, еще задолго до конца, поэтъ съ испугомъ замѣтилъ, что съ нимъ происходитъ нѣчто необыкновенное. Уста его механически воспроизводили давно знакомые стихи, но мысль и вниманіе поэта приковалъ къ себѣ портретъ. Отъ него исходила струя гипнотизирующаго воздѣйствія. Зала какъ-то и куда-то пропала, портретъ ожилъ. Онъ смотрѣлъ совсѣмъ матеріальнымъ, суровымъ, упрекающимъ взоромъ, лицо покойнаго стало рельефнымъ, отодвинулось отъ портретнаго фона, выступило изъ рамы, и чтецу показалось, что онъ слышитъ, прямо надъ своимъ ухомъ, чьи-то слабыя, очень слабыя, точно изъ-подъ водяной глуби выходящія, но раздѣльныя слова:

— Къ чему вы меня тревожите и передъ кѣмъ, для чего мои признанія бередите?

У декламатора помутилось въ глазахъ. Память ему измѣнила, горло сжалось судорогою. Поэтъ вдругъ остановился, внезапно оборвалъ неконченный стихъ, повторилъ его растеряннымъ, ученическимъ тономъ и умолкъ. Его кто-то дернулъ сзади за фрачную полу... Онъ потиралъ похолодѣвшую руку къ горячему лбу, съ нажимомъ провелъ ею отъ виска до виска, пробормоталъ какія-то несвязныя, пропавшія для слушателей слова и, съ недоумѣньемъ и съ испугомъ увидѣвъ передъ собою сплошную массу невѣдомыхъ лицъ, на которыхъ застыла ироническая улыбка, вызванная курьезнымъ приключеніемъ, пошатнулся назадъ и снопомъ упалъ въ обморокъ.

Это было напечатано въ Москвѣ 25 декабря и могло служить хорошимъ предзнаменованіемъ для литературно-музыкальнаго вечера въ память Тургенева и Некрасова, происходившаго въ Петербургѣ 27 декабря, въ двадцатую годовщину смерти Некрасова. По крайней мѣрѣ, я, признаюсь, шелъ на вечеръ, подъ впечатлѣніемъ «рождественской сказки» г. Буквы, въ очень пессимистическомъ настроеніи. Я хорошо помню дни 28 и 29 декабря 1877 г., когда квартира Некрасова осаждалась людьми всякаго званія и возраста: помню и холодный, зеленый день 30 декабря, день похоронъ поэта,—многочисленные вѣнки передъ гробомъ, безчисленную толпу за гробомъ, «надрывныя рыданія»... Помню неловкую сцену на могилѣ, когда Достоевскій, возлавая хвалу покойнику, поставилъ его непосредственно послѣ Пушкина и Лермонтова, а изъ толпы слушателей раздались крики: «нѣтъ, выше!»... Но вѣдь это двадцать лѣтъ тому было, а поэтому коротка наша память. И если двадцать лѣтъ тому назадъ пылкіе люди могли, въ моментъ энтузіазма скорби, ставить Некрасова, какъ поэта, выше Пушкина и Лермонтова; если такая величина, какъ Достоевскій, возлавалъ хвалу не только духу поэзіи Некрасова, а и «безсмертной красотѣ» нѣкоторыхъ его произведеній, то нынѣ такое ничтожество, какъ г. Льдовъ, съ спокойною увѣренностью пишетъ: «Каждое новое произведеніе Некрасова заучивалось наизусть молодежью, съ увлеченіемъ декламировалось въ интеллигентныхъ кругахъ и съ подмостковъ. Обаяніе его имени и дарованія водворилось столь властно, что казалось почти кощунствомъ и безумемъ оспаривать поэтическія достоинства модныхъ стихотвореній. Но прошло всего двадцать лѣтъ и отъ преклоненія этого почти не осталось слѣда»... Что, если правъ поэтъ «Сѣвернаго Вѣстника», и на литературномъ вечерѣ въ память Некрасова произойдетъ нѣчто подобное тому, что разсказано въ рождественской «сказкѣ» г. Буквы? Что, если участники вечера услышатъ знаменитый голосъ поэта: «Къ чему вы меня тревожите и передъ кѣмъ, для чего мои признанія бередите?»

И что мудренаго? Въ двадцать лѣтъ много воды утекло, «волна на волну набѣгала, волна погоняла волну»; много новыхъ звѣздъ загорѣлось на небѣ русской поэзіи,—загорѣлось и тухло; и какія то были по большей части горныя, самодовольныя звѣзды. Онѣ называли себя «пѣвцами неосѣ», а насъ «чернью скучной и презрѣнной» и утверждали, что «поцѣлуи поэта священны»; онѣ «любили себя, какъ Бога», и видѣли въ своихъ произведеніяхъ «вершенія непостижимо мирового начала»; онѣ «вѣщали свои зиждительныя и искусныя»... Что мудренаго, если забыта «бѣдная, вѣдреная муза мести и печали», и рыдающіе звуки какого-нибудь «Рыцаря на часъ» не вызовутъ отзвука въ сердцахъ слушателей...

Къ счастью, чортъ оказался не такъ страшенъ, какъ его намалевалъ г. Льдовъ, и горькая сказка г. Буквы не осуществилась въ дѣйствительности. Я пропустилъ первую половину вечера, посвященную Тургеневу, да и не особенно интересовался ею: горячіе споры о Тургеневѣ, о его достоинствахъ и недостаткахъ, значеніи и ошибкахъ, когда-то происходившіе на страницахъ нашей журналистики, давно прекратились. Тургеневъ есть общепризнанный великій художникъ, краса и гордость русской литературы. Не то Некрасовъ: вотъ г. Льдовъ и посейчасъ горитъ желаніемъ нанести оскорбленіе тѣни поэта, какъ поэта, а нѣсколько лѣтъ тому назадъ «Московскія Вѣдомости» произвели цѣлое слѣдствіе надъ нимъ, какъ человѣкомъ, причемъ къ дѣйствительнымъ его грѣхамъ прибавили цѣлую кучу злобной клеветы и вздорныхъ сплетенъ. И, принимая въ соображеніе все это въ совокупности,—и нашу позорно короткую память, и волны, набѣгающія на волны, и самодовольную гордость новыхъ звѣздъ, и злобу клеветы, и сплетни,—я былъ глубоко растроганъ видомъ зала кредитнаго общества въ двадцатую годовщину смерти Некрасова. По словамъ одной газеты, нѣкоторые номера вызвали «такую бурю среди публики, что стѣны кредитнаго общества дрожали, а стекла дребезжали». Это, конечно, гипербола, но если въ рождественской сказкѣ г. Буквы распорядитель концерта жалуется, что «давно не видалъ такой ледяной залы», то распорядитель вечера 27-го декабря навѣрное не часто видѣлъ «такую горячую залу»: громы аплодисментовъ, сіяющія восторгомъ лица, «внезапно хлынувшія слезы»... И если бы кому-нибудь почудился въ теченіе вечера замогильный голосъ поэта, такъ навѣрное не то сказалъ бы онъ, что въ сказкѣ г. Буквы, а послѣднее (буквально послѣднее) обращеніе къ Музѣ:

Пускай я много виноватъ,
Пусть увеличитъ во сто крать
Мои вины людская злоба —
Не плачь! завиденъ жребій нашъ,
Не наругаются надъ нами;
Межъ мной и честными сердцами
Порваться долго ты не дашь
Живому, кровному союзу!
. . . . . .

Среди газетныхъ замѣтокъ, посвященныхъ памяти Некрасова и по случаю двадцатой годовщины смерти Некрасова, я нашелъ двѣ, на которыхъ стоитъ остановиться.

Въ «Новомъ Времени» (24 дек.) напечатана статья г. А. Голубева «Памяти Николая Алексѣевича Некрасова». Авторъ разсказываетъ слѣдующее. Вскорѣ послѣ смерти Некрасова, онъ, г. Го-

любовь, взамѣнъ возвышенія имени своего князю, весь золотой доходъ съ которой былъ назначенъ на лучшее устройство людей, находящихся на мѣстѣ родины поэта и пользовавшихся его покровительствомъ. Вдругъ новыя земли предъявили претензіи къ г-ну Некрасову, но онъ въ 1882 г. умеръ, и г. Голубеву пришлось самому познакомиться съ упомянутой школой. Въ исторіи этой школы есть одинъ эпизодъ для меня важенъ, который я вслѣдъ передамъ подлинными словами г. Голубева.

«Родовая усадьба Некрасовыхъ расположена верстахъ въ 29-ти отъ Ярославля, по старому костромскому трактѣ, при деревнѣ Грѣшневѣ, крестьяне которой были крѣпостными Некрасовыхъ. Верстахъ въ 4-хъ отъ Грѣшневы лежитъ погостъ Абакумцево, гдѣ и находится приходская церковь. Въ Абакумцевѣ былъ священникомъ о. Іоаннъ Григорьевичъ Зыковъ, ранѣе жившій. Онъ часто бывалъ въ помѣстьи Некрасовыхъ, а Н. А. Некрасовъ не разъ предлагалъ ему завести школу. Она была устроена въ 1859 году, причемъ однимъ изъ крестьянъ было безплатно дано помѣщеніе для школы, а Н. А. Некрасовъ изъ своихъ средствъ давалъ отъ 50 до 70 руб. въ годъ. Учительствовалъ мѣстный дьячекъ, которому платилось по 5 руб. въ мѣсяцъ; въ школу ходило до 130 учениковъ, и это обѣщало прочное развитіе новому дѣлу. Но отъ какой помѣщицы Набоковой была вовсе не изъ числа лицъ, сочувствовавшихъ открывшейся школѣ, и принялась хлопотать, чтобы сына, мерчащаго ребятъ школою, изгнать, а мужика, давшаго помѣщеніе школѣ, выпороть. Прикрывъ школу деревенскій Набоковъ бурмистръ выбросилъ изъ помѣщичьей избы всѣ вещи. Ее отдали въ домъ дьячка, гдѣ она и существовала четыре года. О. Іоаннъ Зыковъ писалъ у Н. А. Некрасова, покровительства и защиты противъ притѣсненій школы Набоковою. Вотъ что отвѣчалъ ему Н. А. 9-го января 1861 г.:

«Почтенный отецъ Іоаннъ! По случаю нездоровья и по множеству собственныхъ дѣлъ, сосредоточившихся къ новому году, я не успѣлъ до сей поры ни написать г-жѣ Набоковой, ни подать просьбу въ директору ярославскихъ училищъ. Все это на дняхъ сдѣлаю, а вы не сомнѣвайтесь. Если вамъ нужны деньги, то тотчасъ вышлю. Душевно преданный Н. Некрасовъ».

Г. Голубевъ приводитъ еще два письма Некрасова къ священнику, изъ которыхъ видно, что набобъ поэтъ, разными способами помѣщавшій поэтъ, сердился, между прочимъ, и на директора ярославскихъ училищъ, не г-жу Набокову только не упоминаетъ. Конечно, право имѣла эта помѣщица не только «хлопотать» о томъ, чтобы «попа изгнали», а «мужика выпороть», но и посылать своего бурмистра для разгрома школы, — не-

понятно. Дальнѣйшая исторія школы такова: въ 1872 г. Некрасовъ принялъ званіе попечителя школы, и въ томъ же году она водворилась въ новомъ собственномъ помѣщеніи; въ 1873 г. земство приняло на себя расходы на учебныя пособія и жалованье учителю и законоучителю. Со смертью Некрасова школѣ покровительствовала его сестра, умершая, какъ сказано, въ 1882 г. Въ 1884 г. посѣтилъ школу г. Голубевъ и, познакомившись съ о. Іоанномъ Зыковымъ, направилъ вырученныя отъ продажи изданной имъ книжки деньги «въ полное распоряженіе этого замѣчательнаго и симпатичнаго пастыря, который съ горячею заботливостью и вниманіемъ относился къ сельской школѣ до конца дней своей жизни». Онъ умеръ въ 1892 г. При жизни о. Іоаннъ высказывалъ мечту о пріобрѣтеніи всего имѣнія Некрасовыхъ для образцовой народной школы. Онъ даже дѣлалъ попытки вести объ этомъ переговоры съ наслѣдниками, но не хватило средствъ. Между тѣмъ въ 1886 году имѣніе было пріобрѣтено ростовскимъ крестьяниномъ Титовымъ, который вблизи бывшей барской усадьбы, на самой трактовой дорогѣ, выстроилъ двухъ-этажный домъ съ кабакомъ и трактиромъ, назвавъ свое «заведеніе» «Раздольемъ». Появленіе титовскаго заведенія на мѣстѣ родины поэта возмущало о. Іоанна, но онъ все еще продолжалъ надѣяться, что въ Грѣшневѣ когда-нибудь будетъ устроено что-либо для истинной народной пользы, и въ ноябрѣ 1888 года онъ писалъ г. Голубеву, что «Раздолье» недолговѣчно, такъ какъ съ открытіемъ движенія по новой желѣзнодорожной линіи Ярославль-Кострома старый костромской трактъ закрытъ, и движенія по немъ не стало, а, слѣдовательно, и доходность «Раздолья», сомнительна.

Въ 1896 г. г. Голубевъ еще разъ побывалъ въ Абакумцевѣ и убѣдился, что со смертью о. Іоанна школа осиротѣла. «Пока—пишетъ онъ—кое-что исправлено и по желанію учительницы посланы нѣкоторыя пособія и книги, но какъ все это далеко отъ того, чтобы на мѣстѣ родины поэта возникла, наконецъ, дѣйствительно образцовая народная школа, съ читальнею, даже, быть можетъ, съ ремесленнымъ отдѣленіемъ, со школьнымъ огородомъ и чтобы школа эта называлась «Некрасовскою»!

Въ заключеніе г. Голубевъ выражаетъ надежду, что теперь, въ двадцатую годовщину смерти Некрасова, его замѣтка вызоветъ «серьезный починъ въ обществѣ для почтенія памяти Н. А. Некрасова созданіемъ Некрасовской школы на мѣстѣ родины поэта». Пріемъ пожертвованій могъ бы, по предложенію г. Голубева, взять на себя Литературный фондъ.

Если замѣтка г. Голубева въ «Новомъ Времени» указываетъ одинъ изъ путей, которымъ мы могли бы достойно почтить память

Некрасова, то статья г. Якушкина въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» отмѣчаетъ, правда мимоходомъ, одну въ высшей степени любопытную черту нравственной физіономіи покойнаго поэта. Статья эта представляетъ собою краткій біографическій очеркъ и бѣглую характеристику значенія Некрасова въ русской литературѣ, но въ ней есть одна высокоинтересная подробность. Г. Якушкинъ говоритъ:

«Совершенно не касаясь здѣсь личной характеристики Некрасова, я приведу однако еще одно[1] письмо поэта къ П. А. Ефремову, писанное еще до его болѣзни и вскрывающее одну черту его характера, которая, если не ошибаюсь, совершенно не отмѣчена въ печати. «Милый Петръ Александровичъ, словно что-то дорогое, потерянное нашелъ я, поговоривъ съ вами и получивъ ваше письмо. Въ жизни много люди терпятъ отъ излишней болтливости, а же часто терпѣть отъ противоположнаго качества, и очень радъ я благодаренъ собѣ, что отступилъ на этотъ разъ отъ своей привычки молчать».

Нельзя не пожалѣть, что П. А. Ефремовъ, разрѣшившій г. Якушкину воспользоваться этимъ письмомъ, не нашелъ возможнымъ опубликовать и тѣ обстоятельства, при которыхъ оно было написано, и что вообще есть близость представленъ не въ всѣхъ его подробностяхъ. Не указанъ даже годъ, къ которому относится письмо. Для выясненія образа Некрасова, котораго Достоевскій не даромъ назвалъ «загадочнымъ человѣкомъ», было бы въ высшей степени важно знать, почему въ данномъ случаѣ раскрылось это замкнутое сердце. Г. Якушкинъ не совсѣмъ правъ, говоря, что эта черта характера Некрасова совершенно не отмѣчена въ нашей печати. Достоевскій въ своей извѣстной статьѣ-некрологѣ, старательно вглядываясь во внутренній міръ Некрасова, писалъ, между прочимъ: «Мы знаемъ лишь стихи, но что мы знаемъ о внутренней борьбѣ его съ своимъ демономъ, борьбѣ несомнѣнно мучительной и всю жизнь продолжавшейся». Я не говорю о добрыхъ дѣлахъ Некрасова: онѣ его нигдѣ не публиковалъ, но они несомнѣнно были, не въ уже начинаетъ злоупотреблять объ гуманности, нѣжности его «практичной души». — Насъ не добрыя дѣла Некрасова теперь занимаютъ, а то, что тѣ-то въ глубинѣ души таившаяся и прорвавшая «привычку молчать» нѣжность, которая звучитъ въ приведенномъ письмѣ къ П. А. Ефремову; и даже не самая эта нѣжность, а грусть, съ которою она до крайности свойственна Некрасову, выказывается. Достоевскій въ той же статьѣ разсказываетъ случай, могшій еще въ 1845 г. Некрасовъ разговаривая

[1] Первое письмо не приведено, какъ ненужное. *П. М.*

нимъ о своемъ дѣтствѣ: онъ говорилъ «со слезами» и «съ силой умиленія» вспоминалъ о своей матери, играющей такую выдающуюся роль въ его поэзіи. Но это было въ очень молодые годы, когда «привычка молчать», хотя, повидимому, уже и складывалась, но еще, можетъ быть, не успѣла окрѣпнуть. Позволю себѣ сослаться на свои личныя воспоминанія, напечатанныя въ книжкѣ «Литература и жизнь» (1892 г.). Тамъ разсказано нѣсколько случаевъ, когда желаніе высказаться боролось въ Некрасовѣ съ привычкой молчать, и я пытался дать объясненіе тѣмъ гнетущимъ результатамъ этой борьбы, которыхъ мнѣ довелось быть свидѣтелемъ. Но, во-первыхъ, то были случаи очень экстренные, а во-вторыхъ, результатами борьбы Некрасовъ не могъ быть доволенъ, не могъ сказать, какъ въ письмѣ къ П. А. Ефремову: «очень радъ и благодаренъ себѣ, что отступилъ на этотъ разъ отъ своей привычки молчать». Въ этихъ случаяхъ ему хотѣлось, но не удавалось высказаться, онъ не находилъ словъ для яснаго выраженія своихъ мыслей и чувствъ. Поэтому, если г. Якушкинъ не совсѣмъ правъ, говоря, что сквозящая въ письмѣ къ П. А. Ефремову черта характера Некрасова совершенно незатронута въ печати, то она во всякомъ случаѣ далеко не вполнѣ выяснена, и упомянутое письмо представляетъ особенный психологическій интересъ.

Откуда же эта привычка молчать? и почему съ такимъ трудомъ преодолѣвалъ ее Некрасовъ, жившій постоянно на людяхъ, вращавшійся въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ общества?

Нѣкоторый намекъ на отвѣтъ или нѣкоторую долю объясненія можно найти въ упомянутомъ разсказѣ Достоевскаго: «Онъ говорилъ мнѣ тогда со слезами о своемъ дѣтствѣ, о безобразной жизни, которая измучила его въ родительскомъ домѣ, о своей матери: та сила умиленія, съ которою онъ вспоминалъ о ней, рождали и тогда предчувствіе, что если будетъ что-нибудь святое въ его жизни, но такое, что могло бы спасти его и послужить ему маякомъ, путевой звѣздой даже въ самыя темныя и роковыя мгновенія судьбы его, то ужъ, конечно, лишь одно это первоначальное дѣтское впечатлѣніе дѣтскихъ слезъ, дѣтскихъ рыданій вмѣстѣ, обнявшись *гдѣ нибудь украдкой, чтобъ не видали* (какъ разсказывалъ онъ мнѣ), съ мученицей матерью, съ существомъ, столь любившимъ его».— Подчеркнутыя мною слова указываютъ на обстоятельства, которыя, конечно, могли повліять на образованіе привычки затаивать въ себѣ мысли и чувства; тѣмъ болѣе, что мать и все связанное съ памятью о ней, до конца жизни тревожили воображеніе Некрасова. Но этого все-таки мало, это можетъ быть только однимъ изъ элементовъ, повліявшихъ на образованіе привычки, тяжелой, какъ для самого ея носителя, такъ и для окружающихъ.

Некрасовъ выступилъ на литературное поприще очень рано, лѣтъ семнадцати, и существующія изданія его сочиненій не даютъ и отдаленнаго понятія о количествѣ исполненной имъ работы. Кромѣ множества стиховъ, никогда не перепечатывавшихся, онъ, по собственному его показанію, написалъ на своемъ вѣку около 300 печатныхъ листовъ прозы. Тутъ были разсказы, повѣсти, рецензіи, критическія статьи, фельетоны. Все это писалось изъ-за куска хлѣба, иногда въ буквальномъ смыслѣ этого хлѣбнаго слова, и мудрено было бы видѣть во всемъ этомъ огромномъ багажѣ, справедливо погруженномъ въ Лету, плоды вдохновенія или напряженной идейной работы. Однако, не механическая же это все-таки работа была. Панаевъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что Бѣлинскій полюбилъ юнаго Некрасова «за его рѣзкій, нѣсколько ожесточенный умъ, за тѣ страданія, которыя онъ испыталъ такъ рано, добываясь куска насущнаго хлѣба, и за тотъ смѣлый практическій взглядъ не по лѣтамъ, который онъ вынесъ изъ своей тружеческой и страдальческой жизни». Надо думать, что въ свои многочисленныя скороспѣлыя писанія Некрасовъ вносилъ извѣстную долю своихъ «ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ»: эта необходимость съ раннихъ лѣтъ отдавать свои мысли и чувства бумагѣ, бесѣдуя не съ Иваномъ или Петромъ, отъ которыхъ можно ожидать немедленной реплики, возраженія, подтвержденія, вообще живого обмѣна мыслей, а съ безличною и невидимою массою читателей, естественно могла способствовать укрѣпленію привычки молчать. Я не хочу сказать, что люди, рано выступившіе на литературное поприще и много пишущіе, непремѣнно должны быть молчаливы и скрытны. Напротивъ, между ними есть не только очень говорливые, — это еще ничего не значитъ, — но и откровенные. Но при наличности другихъ способствующихъ условій письменное выраженіе мыслей и чувствъ несомнѣнно должно наносить нѣкоторый ущербъ ихъ словесному выраженію. А въ жизни Некрасова этихъ способствующихъ условій было много и помимо дѣтскихъ впечатлѣній, о которыхъ онъ разсказывалъ Достоевскому.

Вспоминая разговоры, слышанные имъ въ кружкѣ Бѣлинскаго, Некрасовъ говоритъ: «Я сознавалъ, что все это не то, что намъ нужно, но въ то же время *спорить съ ними не могъ*, потому что они знали гораздо больше меня, гораздо больше меня читали. Сознавая все больше и больше, что намъ нужно нѣчто иное, я началъ работать, учиться». Вѣрно или невѣрно понимать Некрасовъ «что намъ нужно», это вопросъ особый; важно для насъ то, что онъ «спорить не могъ», хотя и имѣлъ свои особыя мнѣнія и хотѣлъ бы ихъ высказать. Грустность сознанія не только въ томъ,

что онъ сравнительно съ собесѣдниками мало зналъ и читалъ и, слѣдовательно, не могъ свободно аргументировать на ихъ собственной почвѣ. Это вѣдь не были какіе-нибудь два враждебные лагеря. Некрасовъ всю жизнь благоговѣлъ передъ памятью Бѣлинскаго, признавалъ благотворность его вліянія и вспоминалъ о бесѣдахъ съ нимъ, какъ о «поученіи». Высокій авторитетъ учителя не мѣшалъ, однако, Некрасову видѣть, что учитель мало знаетъ то, что онъ, ученикъ, зналъ для своихъ лѣтъ даже слишкомъ хорошо—жизнь, и въ особенности изнанку, тѣневую сторону жизни. Иное, вынесенное имъ изъ этой жизни, изъ «грязной положительности», по выраженію Бѣлинскаго, онъ не посмѣлъ бы и предъявить такому «идеалисту и романтику», какъ опять-таки называлъ себя Бѣлинскій, подъ вліяніемъ котораго, если не складывалась, то переукладывалась его духовная физіономія. Онъ «не могъ спорить» не только по недостатку эрудиціи, а и потому еще, что, хотя онъ и сознавалъ свое въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ превосходство надъ собесѣдниками, но въ то же время подъ ихъ вліяніемъ въ немъ совершался процессъ, для него самого не вполнѣ ясный. И на этотъ разъ мы имѣемъ уже нѣчто большее, чѣмъ лишній шансъ для образованія «привычки молчать».

Въ романѣ «Три страны свѣта», написанномъ Некрасовымъ вмѣстѣ съ Панаевой, и именно въ той его части, которая несомнѣнно принадлежитъ перу Некрасова, есть очень любопытное психологическое замѣчаніе относительно свойствъ русскаго крестьянина, гораздо болѣе приложимое къ самому Некрасову. Въ дневникѣ героя читаемъ: «Труденъ доступъ къ его (русскаго крестьянина) сердцу. Онъ суровъ, неразговорчивъ, неохотно обнаруживаетъ свое чувство; глубоко запрятываетъ въ душу тяжелую кручину... Сердце его открывается не всякому и не вдругъ. Вотъ ужъ, кажется, ты довольно сблизился съ нимъ: онъ воленъ съ тобой въ обращеніи и за словомъ въ карманъ не ходитъ; ты думаешь, говоритъ онъ тебѣ всю подноготную... Погоди, *она у него самого не ясна, а ты не настолько расположилъ его къ себѣ и расшевелилъ, чтобы она у него выяснилась, облеклась въ слово*». Какъ характеристика цѣлаго класса, это, конечно, слишкомъ смѣлое обобщеніе. Кромѣ того, едва ли, вообще, основательна сквозящая въ цитатѣ увѣренность Каютина (герой «Трехъ странъ свѣта») въ какомъ-то тождествѣ «выясненія» мысли или чувства и «облеченія ихъ въ слово». Мы очень хорошо знаемъ, что есть люди, которымъ, даже при полной ясности мысли и чувства, трудно выразить ихъ словами (при чемъ инымъ трудно дается письменное изложеніе, а инымъ—словесное). Да и всякій навѣрное испытывалъ такія душевныя состоянія, которыя трудно поддаются сло-

весному выраженію, совсѣмъ независимо отъ степени ихъ ясности. Вообще слово, замыкая мысль и чувства въ извѣстныя условныя формы, далеко не всегда удовлетворяетъ говорящаго (и пишущаго) и есть такіе оттѣнки духовной жизни, надъ словеснымъ выраженіемъ которыхъ иногда тщетно бьются люди, высоко талантливые, далеко выше средней мѣры надѣленные даромъ слова. Съ другой стороны, припомнимъ характеристику знаменитаго Нумы Руместана. «Когда я не говорю, то и не думаю, наивно утверждалъ онъ, — и это была сущая правда. Слова не лились у него порожденныя мыслью, они, напротивъ, опережали ее, будили самую мысль своимъ машинальнымъ гуломъ. Его и самого удивляло и даже забавляло, что нерѣдко вырывались у него слова и идеи давно забытыя, которыя языкъ какъ будто случайно отыскивалъ, составляя изъ нихъ цѣлые ряды убѣдительныхъ доводовъ. Говоря, онъ замѣчалъ въ себѣ чувствительность, о существованіи которой даже и не подозрѣвалъ: онъ волновался при звукѣ собственнаго своего голоса, его нѣкоторыя интонаціи хватали его за душу, вызывали на глаза его слезы». Припомнимъ послѣднюю сцену романа, когда жена Руместана раздумываетъ надъ своимъ ребенкомъ: «Неужели и ты будешь торговать словомъ, не заботясь ни мало о его цѣнности, не думая о томъ, насколько твои рѣчи согласны съ твоими же мыслями, лишь бы ярко блестѣли онѣ и громче звучали?» Жена называетъ Руместана лжецомъ. Онъ, дѣйствительно, лжетъ на каждомъ шагу, и все-таки «лжецъ» слишкомъ грубое, слишкомъ «массовое» слово, чтобы имъ было справедливо характеризовать Руместана. Увлекаясь красивымъ звономъ своихъ рѣчей, онъ не то, что неискренъ въ каждую данную минуту: онъ именно только «не думаетъ о томъ, насколько его рѣчи согласны съ его же мыслями». И эта беззаботность много помогаетъ проявленію его природнаго дара краснорѣчія. По образному выраженію Додэ, на «краснорѣчіе Руместана размышленіе дѣйствовало, какъ сырость на фосфорныя спички». У него не мысли и чувства облекаются въ слово, а, напротивъ, слова вызываютъ вихрь мыслей и чувства, — странный процессъ, превосходно изображенный покойнымъ Додэ живьемъ, въ дѣйствіи. Есть, однако люди, рѣзко отличнаго отъ Нумы Руместана духовнаго склада, «словесности» которыхъ, какъ и ему, «размышленіе» становится поперекъ дороги, хотя по совершенно другимъ причинамъ. Оставимъ въ сторонѣ собственно ораторскій талантъ Нумы, для проявленія котораго, кромѣ наличности самого дарованія, опредѣляемаго темными пока для насъ физіологическими данными, нужны и другія условія, главнымъ образомъ, зрѣлище возбужденной или готовой къ возбужденію толпы слушателей. Нума и въ частныхъ сношеніяхъ съ людьми, не смотря на то, что много лжетъ,

легко, повидимому, предъявляетъ свою «подноготную», но собственно потому, что настоящей подноготной у него и нѣтъ. Представимъ же себѣ человѣка, у котораго эта подноготная есть, но, во-первыхъ, она очень сложна, а во-вторыхъ, человѣкъ этотъ хочетъ предъявить ее собесѣднику вполнѣ добросовѣстно. Легко можетъ быть, что именно вслѣдствіе этой добросовѣстности,—качества совершенно незнакомаго Нумѣ Руместану,—онъ будетъ слишкомъ много «размышлять», слишкомъ взвѣшивать свои слова, опасаясь ихъ огульностью и условностью ввести собесѣдника въ заблужденіе относительно многоразличныхъ оттѣнковъ своей сложной подноготной. Отсюда можетъ развиться даже нѣкоторое презрѣніе или, по крайней мѣрѣ, недовѣріе къ слову, какъ къ орудію слишкомъ грубому и ненадежному. А вдобавокъ «подноготная» можетъ быть и самому ея носителю не вполнѣ ясна, и нужно, какъ пишетъ Каютинъ, «настолько расположить его къ себѣ и расшевелить, чтобы она у него выяснилась» прежде, чѣмъ «облечься въ слово», если еще надлежащее, удовлетворяющее слово будетъ найдено.

Раздѣленное горе—полгоря, раздѣленная радость—двойная радость, сказалъ, кажется, Гете, и, вообще говоря, человѣку дѣйствительно свойственно сбавлять себѣ горя и прибавлять радости путемъ общенія. Не прочь былъ отъ такого облегченія и украшенія жизни и Некрасовъ, хорошо сознавшій, что «въ жизни многіе люди терпятъ отъ излишней болтливости, онъ же часто терпѣлъ отъ противоположнаго качества». Но вѣдь всякія есть горя и радости: есть такія, скрывать которыя отъ кого бы то ни было нѣтъ надобности, которыя можно, а иногда, пожалуй, и хочется предъявить хоть всему міру, пусть даже люди отнесутся съ насмѣшкой къ вашей радости и съ злорадствомъ къ вашему горю; но есть и такія, которыми нельзя дѣлиться съ первымъ встрѣчнымъ. Въ этихъ случаяхъ нужна извѣстная увѣренность въ родственности душъ, въ способности собесѣдника воспринять и восчувствовать ваше положеніе со всѣми его деталями,—иначе и говорить не стоитъ, ибо не только не убавится горе и не удвоится радость, а еще обида получится, обида и стыдъ за «бисеръ, разсыпанный передъ»... Я не кончаю подвернувшейся подъ перо цитаты, потому что совсѣмъ не непремѣнно «свиньи» тѣ, передъ кѣмъ въ такихъ случаяхъ разсыпается бисеръ. Можетъ быть, и «свиньи», а можетъ быть, напротивъ того, люди большого ума, истиннаго благородства и душевной чистоты, и все-таки неспособные вполнѣ откликнуться именно на *это* горе, на *эту* радость. Такъ называемые «непонятные» люди, рисующіеся своимъ презрѣніемъ къ толпѣ» и картинно кутающіеся въ бутафорскіе плащи Демона или Мефистофеля, навлекли на свои, иногда очень глупыя, головы много справедливыхъ на-

смѣшекъ. Но это (помимо глупости, конечно) умѣнье потому, что они рисуются и кутаются въ сутуфорные плащи. Будь ихъ положительно настоящими, поставьте, они заслуживали бы, конечно, не насмѣшекъ, а глубочайшаго сострадания, потому что воистину не дурно быть человѣку одному. И чтобы испытать это горькое положение одиночества, совсѣмъ не надо быть какимъ-нибудь умственнымъ или нравственнымъ великаномъ. Разумѣется, такой великанъ больше другихъ рискуетъ оказаться непонятнымъ и одинокимъ, хотя бы онъ былъ окруженъ всеобщимъ поклоненіемъ. Но и человѣкъ обыкновеннаго роста не застрахованъ отъ боли одиночества среди самыхъ разнообразныхъ сношеній со множествомъ людей, между которыми есть, можетъ быть, и великаны. Это дѣло случая. Сотни, тысячи встрѣтъ могутъ не наткнуть всего души на людей, передъ которыми раскроется сердце, и разверзутся уста, которымъ не стыдно и больно, а радостно пролѣить свою исповѣдную.

Некрасову навѣрно не часто выпадало на долю это счастіе, и не потому, что онъ былъ больной человѣкъ. Больной въ однихъ отношеніяхъ, совсѣмъ небольшой въ другихъ, онъ носилъ въ себѣ слишкомъ сложный и пестрый багажъ, чтобы на его жизненномъ пути могли часто попадаться люди, передъ которыми онъ могъ бы развернуть весь этотъ багажъ безъ опасенія встрѣтить недовѣріе или даже оскорбленіе. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ его свѣтскія и дѣловыя сношенія помимо чисто литературныхъ связи. Могъ ли онъ въ этой средѣ раскрыть тотъ уголокъ своей души, гдѣ, не смотря на что, свято хранилась настоящая, несомнѣнная любовь къ народу и подлинная боль за него? Конечно, нѣтъ. Кто бы ему тамъ повѣрилъ? Съ другой стороны, многіе ли изъ его литературныхъ друзей и ближнихъ могли охватить всю сложность этой «загадочной» натуры? Среди нихъ были люди большого ума, сильной воли, кристалически чистой души, и даже рѣдкое счастье выпадало на этой части Некрасову въ теченіе его жизни, но многими своими сторонами онъ имъ былъ до такой степени чужой, что понять его они не могли, частію именно благодаря своимъ достоинствамъ. Они ему прощали (и то не всегда, да не всегда онъ, конечно, и заслуживалъ прощенія, какъ первый простилъ Бѣлинскій, предсказавшій, что «Некрасовъ наживетъ капиталецъ». Но прощали не потому, что понимали, а ради его таланта и литературныхъ заслугъ вообще. Напомнимъ, что съ Бѣлинскимъ и его кружкомъ Некрасовъ «не могъ спорить», и не могъ не потому только, что ему не доставало эрудиціи, а и потому, что не посмѣлъ бы онъ предъявить этимъ людямъ свою исповѣдную. Достоевскій очень вѣрно понялъ *часть* этой исповѣдной, но уже послѣ смерти Некрасова. Въ неоднократно уже упомянутой статьѣ-некрологѣ онъ писалъ:

«Милліонъ—вотъ демонъ Некрасова! Что-жъ, онъ любилъ такъ золото, роскошь, наслажденія и, чтобы имѣть ихъ, пускался въ «практичности»? Нѣтъ, скорѣе это былъ другого характера демонъ: это былъ самый мрачный и унизительный бѣсъ. Это былъ демонъ гордости, жажды самообезпеченія, потребности оградиться отъ людей твердою стѣной и независимо, спокойно смотрѣть на ихъ злость, на ихъ угрозы. Я думаю, этотъ демонъ присосался къ сердцу ребенка, ребенка пятнадцати лѣтъ, очутившагося на петербургской мостовой, почти бѣжавшаго отъ отца. Робкая и гордая молодая душа была поражена и уязвлена, покровителей искать не хотѣла, вонти въ соглашеніе съ этой чуждой толпою людей не желала... Это была жажда мрачнаго, угрюмаго объединеннаго самообезпеченія, чтобы уже не зависѣть ни отъ кого». Далѣе Достоевскій объясняетъ, что все же это былъ низкій демонъ, недостойный такой «одаренной души», какъ Некрасовъ, который и не въ богатствѣ могъ бы найти гарантію независимости. Послѣднее, конечно, вѣрно, но демонъ Некрасова былъ много цвѣтнѣе, чѣмъ его нарисовалъ мрачный геній Достоевскаго. Некрасовъ не былъ корыстолюбивъ, но въ богатствѣ видѣлъ не только гарантію независимости, хотя, конечно, и это было. Послѣ унизительнѣйшихъ положеній, испытанныхъ имъ въ юности, онъ захотѣлъ независимости, но вмѣстѣ съ тѣмъ послѣ голодныхъ, въ буквальномъ смыслѣ голодныхъ дней, онъ захотѣлъ дней сытости, а затѣмъ довольства, роскоши. Онъ самъ признавалъ, что «жизнь любилъ, къ ея минутнымъ благамъ прикованный привычкой и средой». Не хуже Достоевскаго зналъ онъ, что жажда жизни, полной многогранной многоцвѣтной жизни, приняла въ немъ форму низкаго бѣса, зналъ, терзался, но сладить съ бѣсомъ не могъ. Что же касается его одиночества и «жажды мрачнаго, угрюмаго объединеннаго самообезпеченія», то я напомню читателю одно, почему-то рѣдко вообще вспоминаемое, но въ высшей степени замѣчательное его стихотвореніе 1860 года:

. . . . . одинокій, потерянный
Я, какъ въ пустынѣ стою,
Горько не кличетъ мой голосъ увѣренный
Душу родную мою.
Нѣтъ ея въ мірѣ. Тѣ дни миновалися,
Какъ на призывы мои
Чуткіе сердцемъ друзья отзывалися,
Слышалось слово любви.
Кто виноватъ—у судьбы не допросишься,
Да и не все ли равно?
У моря бродишь,—„не вѣрю, не бросишься!“
Вкрадчиво шепчетъ оно:
„Гдѣ тебѣ? *Дружбы, любви и участия*
Ты еще жаждешь и ждешь.

Гдѣ тебѣ, гдѣ тебѣ! — ты не безъ счастья
Ты не безъ ласки живешь...
Видишь, разсѣялась туча туманная,
Звѣздочки вышли, горятъ?
Всѣ на тебя, одна безнадежная,
Ласковымъ взоромъ глядятъ".

Обратите вниманіе на этотъ гордый начальный аккордъ: поэтъ одинокъ, какъ въ пустынѣ, но ему никого и не нужно, онъ не кличетъ родной души. Однако, пожалуй, только потому, что и нѣтъ въ мірѣ такой души. Подозрительно, во всякомъ случаѣ, что это одиночество приводитъ его къ морю съ какими-то невеселыми мѣлями; только вотъ море не вѣритъ: «не бросайтесь», и именно потому, что «дружбы любви и участія ты еще жаждешь и ждешь». Затѣмъ скорбно-ироническій финалъ: да у тебя есть и счастье, и ласка «звѣзды на тебя ласково смотрятъ... Эти переливы одного настроенія въ другое хорошо отражаютъ двойственность, съ которою Некрасовъ относился къ своему одиночеству. Пожалуй, ему и никого не нужно было, онъ самъ себѣ довлѣетъ и согласенъ отгородиться отъ всѣхъ людей, но и тоска же въ этомъ одиночествѣ, дружбы, любви и участія хочется, да нѣтъ ихъ... Подноготная ему самому неясна, и нѣтъ людей, которые «настолько бы расположили его къ себѣ, растревожили, чтобы она у него выяснилась, облеклась въ слово». Собственная подноготная была несомнѣнно неясна Некрасову. Азбуку морали, называющую низкаго бѣса низкимъ, онъ, конечно, зналъ, но какъ уживается этотъ бѣсъ съ высокими порывами свѣтлаго духа, съ любовью ко всѣмъ несчастнымъ, униженнымъ и оскорбленнымъ, съ любовью и жаждою любви?.. Судьба не дала Некрасову отвѣта на этотъ мучительный вопросъ, можетъ быть, потому, что, окруживъ его всякими и пряными, и возвышенными людьми, не дала ему встрѣтиться съ родной душой. Отсюда привычка молчать и горькая тоска, прерываемая попытками высказаться, выложить душу, иногда, можетъ быть, и удачными, какъ въ исповѣдно ясномъ диалогѣ съ П. А. Ефремовымъ, по большей частью, вѣроятно, неудачными, какъ тѣ запутанныя предсмертныя покаянныя рѣчи, о которыхъ я писалъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Единственнымъ люкомъ, черезъ который выходило на бѣлый свѣтъ нѣчто изъ этой темной глубины, была литература, поэзія. Въ ней Некрасовъ былъ и одинъ самъ съ собой, и въ то же время со множествомъ невѣдомыхъ людей. Тѣмъ дороже должно быть намъ эта поэзія...

Когда я хотѣлъ обратить вниманіе читателей на *свои* рождественскія сказки, напечатанныя въ газетахъ, я не ожидалъ, что одна сказка г. Бунины заведетъ меня какъ слѣпого въ сторону всего

не рождественскихъ размышленій о Некрасовѣ. Мѣста для другой сказки (г. Мамина) уже не остается, и я откладываю ее до слѣдующаго раза. А теперь, не отходя отъ Некрасова, приведу напечатанную въ «Степномъ Краѣ» замѣтку г. Мельшина, кстати же имѣющую нѣкоторое отношеніе къ нашему журналу:

«Въ майской книжкѣ «Русскаго Богатства» г. Гриневичъ вспоминаетъ, что въ студенческой читальнѣ петербургскаго университета, въ концѣ 70-хъ годовъ, висѣлъ за стекломъ автографъ Некрасова, представлявшій стихи, не вошедшіе ни въ одно изъ собраній сочиненій знаменитаго поэта. Это были стихи, посвященные Некрасовымъ студенческой депутаціи, которая приходила къ нему, кажется осенью 77 года (когда онъ лежалъ уже на смертномъ одрѣ), со словами привѣта отъ горячо любившей его молодежи. Въ 1882 году студенческая читальня была закрыта, и драгоцѣнный автографъ поэта исчезъ неизвѣстно куда. Къ счастію, не смотря на наступившія съ тѣхъ поръ новыя времена съ ихъ новыми птицами и новыми же пѣснями, былая любовь къ поэзіи музы «мести и печали» еще не исчезла въ нашемъ обществѣ и, конечно, сохранилось не мало поклонниковъ Некрасова, которые помнятъ наизусть упомянутые стихи. Одно изъ такихъ лицъ, пожелавшее остаться неизвѣстнымъ, прислало ихъ мнѣ, и я спѣшу подѣлиться съ читателями «Ст. Края» этой цѣнной находкой, имѣющей, какъ мнѣ кажется, не одно библіографическое значеніе. Вотъ эти коротенькіе стихи:

Вамъ, мой даръ цѣнившимъ и любившимъ,
Вамъ, ко мнѣ участье заявившимъ
Въ черный годъ простертый надо мной,
Посвящаю трудъ послѣдній мой.
Я завѣту русскаго народа
Вѣренъ: „въ горѣ жить —
Некручинну быть“—
И, больной, работаю полгода.
Я трудомъ смягчаю свой недугъ:
Ты не будешь строгъ, читатель—другъ!

«Въ Правительственномъ Вѣстникѣ» напечатано: Министры внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и юстиціи и оберъ-прокуроръ св. синода, на основаніи примѣчанія къ статьѣ 148 устава о ценз. и печ., св. зак. т. XIV, изд. 1890 г., въ совѣщаніи 10-го декабря постановили совершенно прекратить изданіе журнала «Новое Слово», выходящаго въ свѣтъ въ С.-Петербургѣ».

Постановленія этого рода объявляются безъ мотивовъ, и мы не знаемъ ни того, почему къ «Новому Слову» примѣнена эта окончательная кара, ни того, что именно, какая струя въ прекращен-

номъ журналѣ вызвала споръ. Не вдаваясь ни въ какія предположенія на этотъ счетъ, можно только надѣяться, что нѣкоторые свои взгляды сотрудника превращеннаго журнала получатъ возможность развивать въ другихъ органахъ печати. Каковы бы ни были мотивы приведенныхъ постановленій, мы, писатели, не можемъ не сѣтовать объ уходѣ Софрата, хотя бы и противника. Потерять при этихъ условіяхъ противника въ своемъ родѣ не менѣе тяжело, чѣмъ потерять союзника. Во всякомъ случаѣ, только что вступивъ въ полемику съ нѣкоторыми взглядами, высказавшимися на страницахъ «Новаго Слова», мы теперь вынуждены временно отказаться отъ темъ, представляющихъ высокій интересъ.

X [illegible].

Рождественская сказка г. Мамина.—Будущность цивилизаціи. Вырожденіе и прогрессъ.—Дарвинизмъ и ничшеанство.

За мной остался отъ прошлаго раза рождественскій разсказъ г. Мамина. Онъ называется «Послѣдніе огоньки. Святочная фантазія» и напечатанъ въ рождественскомъ (25 дек.) номерѣ «Русскихъ Вѣдомостей».

Дѣйствіе происходитъ на какомъ-то архипелагѣ, много вѣковъ спустя послѣ нашего времени. За двѣ тысячи лѣтъ до того момента, къ которому относится разсказъ, произошло крушеніе европейской цивилизаціи. Давно уже всѣ европейскія государства превратились въ военные лагери, и прогрессирующая наука снабжала ихъ все новыми орудіями вражды и истребленія. Между прочимъ, прогрессировало и воздухоплаваніе, «уничтожившее, какъ увѣряла наука, всякія этнографическія границы, національные интересы и всякую расовую обособленность». Такъ говорила наука, а вышло нѣчто другое. Благодаря новому открытію (въ области воздухоплаванія), вся старая Европа очутилась въ огнѣ. Утонченное рабство давно уже носилось въ воздухѣ и разрѣшилось цѣлымъ рядомъ ужасныхъ катастрофъ. Романскія, англо-саксонскія и славянскія расы превзошли другъ друга въ братской ненависти, и жестокая цивилизація рухнула сама собой, раздавленная собственной жестокостью. Послѣдній ударъ, нанесенный Европѣ желтолицыми варварами, былъ только неизбѣжнымъ результатомъ всей европейской политики. Да, Европа нѣсколько сотъ лѣтъ учила желтыя расы искусству истребленія, пока ученики не примѣнили свои знанія на ней самой. Это былъ настоящій потокъ варварства, хлынувшій на Европу во всеоружіи послѣднихъ словъ науки». Варвары превратили Европу въ пустыню, а затѣмъ ее, одичалую, заросшую лѣсомъ, купили у нихъ американскіе милліардисты и превратили въ огром-

*) Февраль 1898 г.

ный охотничий парк. Жалкие остатки европейцев выселились из «архипелага», где желтолицые рѣшили оставить их в покоѣ, пусть они постепенно вымрут сами собой, это — самая страшная казнь: желтолицый да не прикоснется к этой обѣлицей твари, обреченной на вымирание». И действительно, обѣлицые стали вымирать, «расплачиваясь за всѣ грѣхи своих предков, точно они несли проклятие в своей крови и в своих нервах». Правители архипелага, это была теократия, тщетно старались поддержать жизненныя силы населения. Они ввели «брачное право», в силу которого браки разрѣшались только лицам, свободным от физических недостатков, могущих вредно отозваться на потомствѣ: за каждого ребенка матери выдавалось премия, а отцу пожизненная пенсія, браки совершались только весной, потому что наука доказала преимущество этого времени года для счастливых браков, и весеннее время было объявлено національным праздником.

Одинъ изъ такихъ праздниковъ и описываетъ сказка «Послѣдніе огоньки». Я не буду пересказывать эту часть «святочной фантазіи», сдѣланную съ обычнымъ мастерствомъ автора, — меня занимаетъ собственно замыселъ сказки, эта попытка фантазіи заглянуть въ далекую даль будущей исторіи. Скажу только, что праздникъ выходитъ невеселый. Ко всѣмъ бѣдамъ жителей архипелага присоединяется еще одна: дѣвушки отказываются выходить замужъ, потому что «боятся материнскихъ мукъ и не хотятъ разставаться со своей дѣвичьей красотой». Нѣкоторые изъ жителей архипелага въ отчаяніи взываютъ: «если бы намъ хоть капельку желтой крови». Другіе заговариваютъ о необходимости силой закона принудить дѣвушекъ выходить замужъ...

Существуетъ цѣлая литература попытокъ художественной фантазіи заглянуть въ темную даль грядущаго, и уже самое обиліе ихъ свидѣтельствуетъ о законности этого рода произведеній. Да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, отнять у человѣка желаніе и надежду преодолѣть завѣсу отдаленнаго будущаго настолько, чтобы перешагнуть предѣлы научнаго предвидѣнія и наполнить открывающуюся перспективу живыми, конкретными образами и картинами. Это желаніе такъ же естественно, какъ естественны грубыя ошибки при попыткахъ его исполненія, слишкомъ узкъ обширное поприще для произвола открывается при этомъ. Не могъ избѣгнуть такихъ ошибокъ или недосмотровъ и г. Маминъ, тѣмъ болѣе, что произведеніе его есть не какой-нибудь глубоко обдуманный трудъ, а наскоро и безъ претензіи написанная рождественская сказка, или же неудачный отрывокъ. Нѣтъ надобности останавливаться на этихъ ошибкахъ и недосмотрахъ, они слишкомъ очевидны. Обыкновенно авторы подобныхъ произведеній берутъ какія-нибудь «основныя по-

ражающія ихъ черты современной дѣйствительности и либо представляютъ себѣ ихъ въ дальнѣйшемъ, все усиливающемся развитіи, либо, напротивъ, провидятъ ихъ исчезновеніе. И въ концѣ концовъ, авторы не столько проникаютъ въ будущее, сколько откликаются на злобу дня, на тревоги современности. Получаются, независимо отъ степени талантливости авторовъ, либо хвалебные гимны нѣкоторымъ чертамъ современности, какъ зародышу свѣтлаго будущаго, которымъ необходимо лишь дальнѣйшее безпрепятственное развитіе, либо сатира во имя извѣстнаго современнаго идеала, либо, наконецъ, та или другая комбинація гимна и сатиры. Сообразно этому, фантастическія гаданія о будущемъ принимаютъ оптимистическій или пессимистическій характеръ. Въ сторону оптимизма гаданія разрѣшаются наиболѣе часто, удовлетворяя естественной склонности людей къ мечтаніямъ о прекращеніи тѣхъ или другихъ золъ и воцареніи добра на землѣ. Тутъ, рядомъ съ болѣе или менѣе «проникновенной» сатирой на современность, мы видимъ часто благородные порывы къ высокимъ общественнымъ идеаламъ, которые являются такимъ образомъ, какъ бы отдаленными свѣтящимися точками, имѣющими свою цѣну въ качествѣ идеала, хотя бы путь къ нему и остался неизвѣстнымъ. Но за послѣднее время въ этого рода произведеніяхъ широкій размахъ фантазіи какъ-то съуживается, мельчаетъ, размѣнивается. Ослѣпленные небывалымъ развитіемъ техники во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности, творцы новѣйшихъ утопій часто слишкомъ сосредоточиваютъ свое вниманіе именно на этой чертѣ нашего времени. Черта это безспорно очень яркая, но не только свѣта, что въ этомъ окошкѣ. Мы узнаемъ, напримѣръ, что черезъ двѣсти, пятьсотъ, тысячу, двѣ тысячи лѣтъ (скупиться на сроки въ такихъ случаяхъ нечего) пространство окажется побѣжденнымъ въ несравненно большей степени, нежели теперь: что изъ Парижа въ Пекинъ можно будетъ попасть въ нѣсколько часовъ; или что, пожалуй, и совсѣмъ не нужно будетъ тратить время на это путешествіе, такъ какъ при помощи уже существующаго, но поддающагося усовершенствованію телефона можно будетъ переговариваться на любомъ разстояніи, а при помощи еще несуществующаго телефона можно будетъ и видѣть другъ друга на тысячныхъ разстояніяхъ. И т. п. При этомъ и люди становятся другъ къ другу благосклоннѣе, чѣмъ нынѣ, но формы общественныхъ отношеній измѣняются, въ сущности, очень мало. Я не говорю, конечно, что таковы всѣ новѣйшія беллетристическія гаданія о будущемъ, но во всякомъ случаѣ вѣра въ благодѣянія техническаго прогресса занимаетъ въ нихъ всегда очень видное, а иногда и исключительно преобладающее мѣсто.

Совсѣмъ иначе поставлено дѣло въ святочной фантазіи г. Ма-

мина. Техническій прогрессъ является у него, если не причиной, то однимъ изъ условій крушенія европейской цивилизаціи, вмѣстѣ съ вырожденіемъ европейскаго населенія и свирѣпой національной враждой. Какъ на чешуйчатыя перемѣны этой сказочной фантазіи, какъ на одностороннее освѣщеніе ею далекаго будущаго, она можетъ заставить призадуматься и насъ, мало знакомыхъ явленіямъ современности. Она, подобно всѣмъ оптимистическимъ гаданіямъ о будущемъ, лишь проводитъ въ это будущее извѣстную логическую линію отъ нѣкоторыхъ дорогихъ автору, произвольно выбранныхъ признаковъ современности, но лучшія эти достойны вниманія, да и не одного г. Мамина занимаютъ.

Безъ всякаго сомнѣнія, желѣзныя дороги лучше проселочныхъ, электрическое освѣщеніе лучше лучины, скорострѣльное ружье лучше пращи, механическій станокъ лучше ручного и т. д. Но этимъ еще не рѣшается вопросъ о соціальной роли техническаго прогресса. Для многихъ, конечно, тутъ и вопроса никакого нѣтъ: рядъ частныхъ практическихъ цѣлей достигается быстрѣе и лучше, а этого достаточно. Но, не говоря уже о разныхъ нетрезвыхъ существующимъ порядкомъ вообще, такой, напримѣръ, спокойный и умѣренный мыслитель, какъ Дж. Ст. Милль, пишетъ: «До сихъ поръ еще сомнительно, облегчили ли хотя одному человѣку трудъ для насущнаго хлѣба всѣ наши механическія изобрѣтенія. Они дали возможность большему числу людей жить тою же тяжелою отрѣзвою жизнью и большему числу фабрикантовъ съ товарищами обогащаться. Они увеличили удобства жизни среднихъ классовъ, но они еще не начали производить въ человѣческой судьбѣ тѣ великія перемѣны, къ совершенію которыхъ назначены они своей сущностью и своей будущностью» (Основанія политической экономіи 1865, II, 279). «Сущность» техническаго прогресса состоитъ въ побѣдахъ ума и энергіи мыслителей и изобрѣтателей надъ силами природы. Что же касается его «будущности», то Милль ставитъ ее въ зависимость отъ условій чисто соціальнаго характера: справедливыя сбереженія и предусмотрительность въ цѣлѣ размноженія не имѣющими ничего общаго съ техническимъ прогрессомъ какъ таковымъ, а могущими ему содѣйствовать и не содѣйствовать. Чрезвычайно осторожный и отнюдь не склонный къ пессимизму изслѣдователь положенія рабочихъ на нашихъ фабрикахъ говоритъ: «Всматриваясь во всѣ подробности фабричной жизни въ теченіе многихъ лѣтъ, мы искали, искали всѣми силами, хотя бы какую-нибудь черту, которая дала бы возможность сказать, что шагъ впередъ противъ эксплуатаціи нашей деревни, — не на нашли ничего». (Е. М. Кочетовъ, «Фабрика, что она такъ называемая и что она у насъ». Изд. 2-е, 1897, стр. 255). Наше

замѣтить, что, по заявленію г. Дементьева, онъ «не приметъ упрека въ желаніи возвратиться къ старому, въ оплакиваніи «добраго стараго времени» съ его патріархальными отношеніями, за которыми скрывалось столько печальнаго, дикаго. Было бы слишкомъ наивно желать, а тѣмъ болѣе предполагать возможность возвращенія къ первобытнымъ формамъ производства съ ручнымъ трудомъ и остановки быстраго распространенія машиннаго производства» (тамъ же). Положительной части изслѣдованія г. Дементьева мы касаться не будемъ, отмѣтимъ только, что она состоитъ въ разсчетѣ не на дальнѣйшій прогрессъ техники, а на извѣстныя «общественныя реформы». Въ этой области авторъ считаетъ себя недостаточно компетентнымъ, но, будучи хозяиномъ въ своей спеціальности, онъ въ результатѣ долгаго и кропотливаго изслѣдованія, рѣшительно утверждаетъ, что фабричный трудъ ведетъ за собой вырожденіе, «физическую и нравственную гибель».

Въ святочной фантазіи г. Мамина мы тоже встрѣчаемъ вырожденіе, но оно тамъ постигаетъ не одну какую-нибудь группу, а все европейское населеніе, при чемъ авторъ оставляетъ насъ въ неизвѣстности относительно причинъ вырожденія. Мы знаемъ только, что населеніе это «точно несло проклятіе въ своей крови и въ своихъ нервахъ», точно духъ жизни отлетѣлъ отъ него. Нѣсколько больше узнаемъ о мѣрахъ, тщетно принимаемыхъ теократическимъ правительствомъ архипелага для поддержанія жизненныхъ силъ населенія. Но объ этомъ потомъ.

Г. Маминъ провидитъ новое нашествіе варваровъ въ Европу и разгромъ ея цивилизаціи, руководясь очевидно тою общею мыслію (если бы онъ захотѣлъ ее формулировать), что характеръ результатовъ техническаго прогресса существенно зависитъ отъ свойствъ общественной среды, въ которой они дѣйствуютъ. По его предположенію, европейцы въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ являли варварамъ лишь образцы насилія, жестокости, коварства, да передавали имъ послѣдніе результаты техническаго прогресса. И вотъ эти варвары, оставаясь варварами во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, но вооруженные всѣми «послѣдними словами науки» въ ея техническихъ приложеніяхъ, воспользовались ими для разгрома Европы. Логически, въ этомъ предположеніи нѣтъ ничего невѣроятнаго, и нѣкоторымъ европейскимъ ученымъ приходили въ голову подобныя же мысли. Скандальное поведеніе европейскихъ насадителей цивилизаціи въ колоніяхъ достаточно извѣстно, и, конечно, ничего, кромѣ ненависти, сдерживаемой страхомъ, возбудить въ туземцахъ не можетъ. Съ другой стороны, усвоить послѣдніе результаты техники, совсѣмъ не продѣлавъ той работы ума и энергіи, которая имъ предшествовала, можетъ, конечно, и варваръ. И такъ какъ онъ, этотъ

варваръ, не подвергался, въ предположеніи г. Мамина, тому процессу вырожденія, который подготовилъ крушеніе Европы, то при столкновеніи съ европейцемъ онъ, владѣя одинаковымъ съ нимъ оружіемъ борьбы, окажется сильнѣе. При этомъ чуждыхъ ему элементовъ европейской цивилизаціи, — нашихъ преданій, историческихъ памятниковъ, сокровищъ науки и искусства, онъ не пощадитъ.

Но еще задолго до крушенія цивилизаціи Европа переживетъ рядъ страшныхъ катастрофъ на почвѣ національной вражды. И тутъ опять сказывается скептицизмъ автора по отношенію къ благодѣяніямъ техническаго прогресса. Между прочимъ, послѣдніе успѣхи воздухоплаванія, на которые теоретическая наука возлагала особенныя надежды въ смыслѣ укрѣпленія или установленія добрыхъ международныхъ отношеній, оказались на дѣлѣ орудіемъ вящшей взаимной ненависти и вражды. Предсказаніе это ясно навѣяно послѣдними событіями въ европейской жизни. Было время, и сравнительно еще очень недавно, когда мыслители утверждали, что мирная промышленная дѣятельность вытѣснитъ войну изъ европейскаго обихода и если не внутри государствъ, то въ международныхъ отношеніяхъ наступитъ миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе. Мыслители считали это несомнѣннымъ, по крайней мѣрѣ, для наиболѣе цивилизованныхъ странъ Европы. Жизнь опрокинула эти теоретическія выкладки рядомъ кровавыхъ войнъ, изъ которыхъ одна надолго превратила Европу въ нѣчто вродѣ военнаго лагеря. И нынѣ уже не такъ увѣренно звучатъ голоса, пророчествующіе, что мирная промышленная дѣятельность вытѣснитъ войну, а на технику возлагаются совершенно новыя надежды: она доведетъ истребительность орудій войны до такого совершенства, что никто не отважится воевать. Это ужъ, если можно такъ выразиться, надежда отчаянія...

Кромѣ увѣренности въ прекращеніи вооруженныхъ столкновеній между государственно-организованными общественными единицами существуетъ не менѣе твердая увѣренность въ приближающемся мирѣ и единеніи различныхъ національностей, какъ въ предѣлахъ даннаго государства, такъ и за предѣлами его. Казалось, духъ національной нетерпимости и фанатизма отлегаетъ отъ настрадавшейся изъ-за него Европы, замѣняясь уже не смутными космополитическими мечтами какого-нибудь «оратора человѣческаго рода», Анахарсиса Клоца, а чѣмъ-то вполнѣ реальнымъ: духовныя перегородки, раздѣляющія эллина и іудея и всякъ сущій въ Европѣ языкъ, становится все тоньше, прозрачнѣе и проницаемѣе для взаимнаго пониманія и сочувствія; международныя выставки, общества, съѣзды, конгрессы, договоры сближаютъ людей на почвѣ со-

щей работы: улучшенные пути сообщенія облегчаютъ въ небывалой до сихъ поръ степени личныя сношенія съ людьми разныхъ національностей; всесильная мода стираетъ яркія краски національныхъ особенностей въ нравахъ, одеждѣ и проч.; наука вырабатываетъ истины, равно обязательныя для людей всѣхъ національностей и быстро дѣлающіяся достояніемъ цѣлаго міра. Словомъ, все ведетъ, если не къ уничтоженію національныхъ особенностей (а отчасти и къ нему), когда-то служившихъ источникомъ взаимной чуждости, то къ примиренію съ ними. И позволительно было думать, что, по крайней мѣрѣ, внѣ военнаго времени Европа покончила съ національной враждой. Это не какая-нибудь слащаво-идиллическая картина, гдѣ царятъ исключительно добрыя чувства и вполнѣ отсутствуетъ борьба интересовъ и взглядовъ. Но центръ борьбы предполагался окончательно перемѣщеннымъ изъ сферы національныхъ отношеній въ сферу отношеній классовыхъ. Оказывается,—это была иллюзія. Не говоря о мелочахъ въ родѣ, напримѣръ, кровавыхъ столкновеній итальянскихъ рабочихъ съ французами и т. п., и останавливаясь лишь на томъ, что дѣлается въ эту минуту во Франціи и въ Австріи, мы видимъ, что мрачный демонъ національной вражды не отлетѣлъ, не умеръ. Достаточно ничтожнаго повода, чтобы онъ, гдѣ-то притаившійся, объявился во всемъ своемъ жестокомъ и безсмысленномъ безобразіи и наложилъ печать позора на столь гордый своими успѣхами конецъ XIX вѣка. Г. Маминъ пророчествуетъ этому демону слишкомъ многая лѣта, но онъ во всякомъ случаѣ живъ и, очевидно, не завтра умретъ.

Что касается вырожденія, то, какъ уже сказано, г. Маминъ не указываетъ ближайшимъ образомъ его причинъ; если не считать одною изъ таковыхъ истребительныя войны. Мѣры, практикуемыя или проектируемыя для предотвращенія дальнѣйшаго вырожденія, также не даютъ указаній на его причины. Въ проектѣ находятся «хоть бы капелька желтой крови» и принудительные браки; въ дѣйствіи — брачное право, предоставленное исключительно здоровымъ и сильнымъ людямъ, пенсіи и преміи за дѣтей, установленіе опредѣленнаго времени года для совершенія браковъ.

Можетъ быть, иному изъ читателей эти подробности святочной фантазіи г. Мамина покажутся особенно странными. Въ самомъ дѣлѣ, новѣйшая исторія представляетъ собою процессъ раскрѣпощенія, освобожденія личности отъ многоразличныхъ узъ, доставшихся ей въ наслѣдство отъ прошлыхъ вѣковъ. Было время, когда, по выраженію одной русской свадебной пѣсни, браки заключались «по господскому приказанію, по мірскому приговору». Мыслимо ли нѣчто подобное не только въ далекомъ будущемъ, а и теперь, когда раздаются голоса уже о чрезмѣрной свободѣ личности распоря-

жаться своею судьбою, даже, рискать, до полной разнузданности. И однако фантазія г. Мамина вовсе не такъ далеко отлетѣла отъ переживаемаго нами историческаго момента, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Разговоры о премяхъ и пенсіяхъ за дѣторожденіе не разъ возникали во Франціи, озабоченной слабымъ приростомъ или даже неподвижностью своего населенія, равно какъ теперь же есть не мало женщинъ, которыя «боятся материнскихъ мукъ и не хотятъ разставаться съ своей дѣвичьей красотой». Проекты «брачнаго права» и воспрещенія браковъ людямъ, страдающимъ болѣзнями, способными передаваться по наслѣдству, также нерѣдко возникаютъ въ цивилизованныхъ странахъ. А нѣкоторые современные проекты огражденія человѣческаго рода отъ вырожденія своею рѣшительностью далеко превосходятъ то, что, по предсказанію г. Мамина, станетъ закономъ черезъ двѣ слишкомъ тысячи лѣтъ. Авторъ книги «Die Aristocratie des Geistes als Lösung der socialen Frage» (1894) предлагаетъ слѣдующій проектъ систематическаго соціальнаго подбора въ дарвинистскомъ смыслѣ. Во-первыхъ, всѣ вредные члены общества, разнаго рода дегенераты, порочные и проч. должны быть сосредоточены въ спеціально имъ уступленныхъ городахъ, гдѣ имъ будутъ даромъ предоставлены спиртные напитки въ какомъ угодно количествѣ и гдѣ, вмѣстѣ съ кабаками, ихъ быстро покончатъ публичные и игорные дома. Такимъ образомъ они проведутъ послѣдніе годы жизни съ пріятностью въ ихъ вкусѣ, а общество избавится отъ зловредныхъ элементовъ, угрожающихъ всей его будущности. Во-вторыхъ, остальные, полезные члены общества должны быть раздѣлены на двѣ замкнутыя касты: представителей умственнаго труда и труда физическаго, которые будутъ постоянно совершенствоваться въ направленіи ихъ спеціальныхъ функцій... Вотъ веселенькая утопія, далеко болѣе рѣшительная, чѣмъ мрачная фантазія г. Мамина.

На этомъ мы и разстанемся съ г. Маминымъ, поблагодаривъ его за попытку освѣтить будущее съ такой стороны, съ какой рѣдко къ нему подходятъ. Нужна извѣстная смѣлость, чтобы нарисовать подобную утопію на изнанку, ибо люди вообще не любятъ мрачныхъ предсказаній,—одни, потому что имъ и безъ того плохо живется, другіе, напротивъ, потому, что имъ живется весело. При томъ же вызвать дешевые упреки въ хулѣ на науку и культуру столь же легко, какъ и пѣть этимъ прекраснымъ вещамъ дешевую хвалу.

Нынѣшнее поколѣніе читателей едва ли можетъ себѣ представить съ полною ясностью то увлеченіе естествознаніемъ, которымъ передовое русское общество было проникнуто въ половинѣ шести-

десятыхъ годовъ. Я, можетъ быть, не ошибусь, сказавъ, что кульминаціоннымъ пунктомъ, вершиной этого увлеченія нынѣшнимъ читателямъ представляется знаменитый, часто поминаемый совѣтъ Писарева Щедрину писать популярныя статьи по естественнымъ наукамъ. Это, дѣйствительно, очень характерный эпизодъ, гораздо даже болѣе характерный, чѣмъ кажется на первый взглядъ. Съ одной стороны, совѣтъ давался такому таланту, какъ Щедринъ, правда, еще не развернувшемуся во всю свою мощь, но уже и тогда достаточно, казалось бы, крупному: значитъ, великія же упованія возлагались на естествознаніе, если считалось разумнымъ принести ему въ жертву такую крупную литературную силу. Съ другой стороны, совѣтъ давался человѣку, никогда никакою отраслью естественныхъ наукъ не занимавшемуся: значитъ, для изложенія истинъ естествознанія достаточно доброй воли и хорошаго слога, умѣнья владѣть перомъ: садись и излагай. Я слыхалъ отъ одного спеціалиста математика мнѣніе, что человѣкъ, не знающій дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія, не можетъ быть хорошимъ преподавателемъ ариѳметики. Это, конечно, преувеличеніе, болѣе или менѣе свойственное спеціалистамъ вообще. Но все-таки приглашать въ преподаватели химіи или физіологіи человѣка, никогда ими не занимавшагося, довольно легкомысленно; тѣмъ легкомысленнѣе, что естествознаніе признавалось въ то же время нѣкоторымъ ключемъ отъ всѣхъ ключей, разрѣшавшимъ всѣ вопросы жизни. И этотъ-то драгоцѣннѣйшій ключъ стоитъ такъ дешево... Были, конечно, исключенія. Русская наука знаетъ не мало почтенныхъ именъ естествоиспытателей, кристализовавшихся изъ тогдашняго броженія, смотрѣвшихъ на свою задачу, какъ на великое, но зато и трудное дѣло. Но общій характеръ массового увлеченія поражаетъ именно этою двойственностью: съ одной стороны фанатическаго благоговѣнія передъ естествознаніемъ, а съ другой—какого-то фамильярнаго, панибратскаго къ нему отношенія. Таковъ былъ общій фонъ, въ которомъ знаменитый совѣтъ Писарева является лишь отдѣльнымъ маленькимъ узоромъ.

Въ наше время отъ этого увлеченія не осталось и слѣда. Естествознаніе уступило свое первенствующее мѣсто другимъ группамъ идей и фактовъ. Мы относимся къ нему съ почтеніемъ, но это именно только холодное почтеніе: «храмъ оставленный—все храмъ», но въ немъ уже не молятся. Оно обратилось въ предметъ спеціальныхъ изслѣдованій, и попытки основать въ немъ цѣльное міросозерцаніе, охватывающее прошедшее, настоящее и будущее, сущее и долженствующее существовать, становятся рѣдкостью. Да и то отъ нихъ вѣетъ подчасъ какою-то фальшью и неискренностью. Объ одной изъ такихъ попытокъ я бесѣдовалъ съ читателями «Рус-

скаго Богатства» въ апрѣльской книжкѣ 1896 г. Разумѣю книгу г. Антоновича «Чарльзъ Дарвинъ и его теорія». Воздавъ должное какъ высокимъ личнымъ качествамъ Дарвина, такъ и его великимъ заслугамъ въ области естествознанія, авторъ пожелалъ, кромѣ того, связать теорію Дарвина съ нѣкоторыми нравственно-политическими идеями, съ философіей общественныхъ отношеній. Но приступаетъ онъ къ этой задачѣ какъ-то бокомъ и, въ сущности, ничего не говоритъ, кромѣ того, что теорія Дарвина, съ одной стороны, и извѣстные соціологическіе взгляды, съ другой, находятся между собою какъ въ принципіальной, такъ и фактической связи. Онъ утверждалъ именно, что, во-первыхъ, демократическіе идеалы получили въ теоріи Дарвина новую поддержку, и что, во-вторыхъ, если бы этого не было, если бы теорія Дарвина благопріятствовала буржуазной конкурренціи и эксплуатаціи и своекорыстной плутократіи, то общественные представители этихъ элементовъ и ихъ естественные защитники и покровители встрѣтили бы теорію съ распростертыми объятіями и съ шумными криками одобренія, чего, какъ извѣстно, на дѣлѣ не было, а было совсѣмъ противоположное». Оба эти положенія предъявлены г. Антоновичемъ вполнѣ голословно, а второе, кромѣ того, и фактически невѣрно. Въ упомянутой статьѣ 1896 г. я привелъ цѣлый рядъ лицъ (въ томъ числѣ и такихъ, къ которымъ г. Антоновичъ относится съ большимъ почтеніемъ, — Летеръ, Геккель, Штраусъ, Ройет, видящихъ въ теоріи Дарвина ученіе, «благопріятствующее буржуазной конкурренціи и эксплуатаціи», и однако «встрѣтившихъ ее съ распростертыми объятіями и шумными криками одобренія», рѣшительно протестующихъ противъ законности связи дарвинизма съ соціально-демократическими идеалами и соотвѣтственнымъ пониманіемъ исторіи. На эту любопытную страницу литературы предмета г. Антоновичъ не только закрылъ глаза, а даже отрицалъ ея существованіе.

Мнѣ представляется теперь случай вернуться къ этой темѣ, но считаю нужнымъ прежде всего оговориться относительно предѣловъ задачи. Я не берусь теперь рѣшать по существу вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ дарвинизма — съ одной стороны и демократическихъ идеаловъ и соотвѣтственнаго пониманія исторіи — съ другой. Я хочу лишь привлечь вниманіе читателей къ нѣкоторымъ явленіямъ литературы и жизни, къ которымъ у насъ вообще относятся на манеръ г. Антоновича, — не хотятъ ихъ видѣть. (Это не мѣшаетъ хотя бы тому же г. Антоновичу валить съ больной головы на здоровую и поражать своими громами тѣхъ, кто, по его мнѣнію, закрываетъ глаза на дѣйствительность).

Вышеупомянутая книга «Die Aristocratie des Geistes als Lösung der socialen Frage» въ подлинникѣ мнѣ неизвѣстна. Я цитировалъ

ее по книгѣ французскаго ученаго Лапужа (G. Vacher de Lapouge) «Les selections sociales» (1896). Лапужъ—рѣшительный сторонникъ примѣненія дарвинизма или, какъ онъ большею частью предпочитаетъ выражаться, «селекціонизма» (отъ selection—подборъ) къ соціологіи. Онъ говоритъ: «Формулируя принципъ борьбы за существованіе и подбора, Дарвинъ произвелъ переворотъ не только въ біологіи и философіи природы: онъ преобразовалъ и политическую науку. Обладаніе этимъ принципомъ позволило понять законы жизни и смерти націи, ускользавшіе отъ умозрѣній философовъ. Мощный геній Дарвина придалъ огромную силу идеямъ Ламарка и Спенсера, раскрывъ механизмъ, которымъ совершается развитіе органическаго міра... вплоть до человѣка... въ которомъ міръ сознаетъ самъ себя. Трансформизмъ и соціологія до Дарвина были, можно сказать, подобны Пигмаліоновой статуѣ или тѣламъ, готовымъ къ жизни, но въ которыхъ жизнь еще не течетъ. Эволюція получила характеръ очевидной истины только тогда, когда стало возможнымъ понять, какъ она совершается, и побѣды принципа подбора было достаточно, чтобы покорить почти всѣ умы ученію эволюціи. Въ наукахъ біологическихъ идея Дарвина нашла наиболѣе непосредственныя и наиболѣе громкія примѣненія, и скоро стали смѣшивать трансформизмъ съ дарвинизмомъ, который есть лишь теорія подбора. Селекціонизмъ разрѣшаетъ извѣстное число капитальныхъ вопросовъ трансформизма, но не сливается съ послѣднимъ. Всѣ вопросы, касающіеся первоначальнаго возникновенія полезныхъ и вредныхъ измѣненій, находятся внѣ вѣдѣнія селекціонизма. Поэтому сфера его дѣйствія въ зоологіи и ботаникѣ не безгранична: она, напротивъ того, не имѣетъ границъ въ соціологіи. Это положеніе, для многихъ читателей неожиданное, не есть парадоксъ: въ соціологіи, или употребляя старое и лучшее выраженіе Аристотеля, въ политической наукѣ, эволюція есть почти исключительно дѣло подбора. Если эта истина не достигла еще степени очевидности, то потому, что доказательства находятся въ рукахъ антропологовъ и игнорируются соціологами» (стр. 1—2).

Мысль о томъ, что подборъ, ограниченный въ животномъ и растительномъ мірѣ другими факторами эволюціи, исключительно господствуетъ въ человѣческомъ обществѣ, получаетъ нѣкоторое поясненіе въ 3-й главѣ книги. Здѣсь Лапужъ устанавливаетъ различіе между измѣненіями, вызываемыми вліяніемъ среды, и тѣми, которыя производятся подборомъ. Первыя онъ называетъ «коллективными», вторыя—«селективными». Представимъ себѣ, что какая-нибудь общая причина производитъ въ цѣломъ населеніи быстрое или медленное измѣненіе къ лучшему или къ худшему,—это будетъ коллективное измѣненіе. Если же какая-нибудь часть населенія полу-

частъ возможность вытѣснить, замѣстить собою другую, слабо размножающуюся или вовсе не дающую потомства, то это будетъ селективное измѣненіе: оно коснулось лишь извѣстнаго числа индивидовъ и сдѣлало ихъ болѣе способными или менѣе способными къ конкурренціи съ остальными. Наглядно разницу между коллективными и селективными измѣненіями можно себѣ представить, сопоставивъ картину ржаного поля, гдѣ всѣ стебли растутъ параллельно и приблизительно равномѣрно, съ картиной уголка лѣса, гдѣ одни деревья пускаютъ во всѣ стороны могучія вѣтви, а другія задерживаются въ ростѣ и гибнутъ. Нарисовавъ эти двѣ картины, Лапужъ продолжаетъ разсуждать о противоположности обоихъ родовъ измѣненій, о сравнительной быстротѣ дѣйствія тѣхъ и другихъ. Но затѣмъ оказывается, что коллективное развитіе совсѣмъ не существуетъ въ человѣческомъ обществѣ. «Я не знаю—говоритъ Лапужъ—ни одного примѣра коллективной эволюціи въ исторіи, и если только что предположилъ ея возможность, то лишь для рѣзкаго опредѣленія противоположности между коллективною и селективною эволюціей. Въ дѣйствительности только послѣдняя имѣетъ мѣсто въ исторіи, а можетъ быть и въ біологіи» (84). Еще далѣе (97—99) узнаемъ, что и въ области біологіи «почти всегда, чтобы не сказать всегда», эволюція совершается исключительно только путемъ селективныхъ измѣненій, то есть путемъ подбора.

Итакъ въ области біологическихъ явленій сфера дѣйствія подбора ограничена другими факторами, тогда какъ въ явленіяхъ общественной жизни подборъ царитъ безраздѣльно: правда, здѣсь можно различить коллективныя и селективныя измѣненія, но существуютъ только послѣднія, да и въ біологіи, собственно говоря, **нѣтъ другихъ путей развитія, кромѣ подбора.**

Тѣмъ не менѣе, точка зрѣнія, съ которой Лапужъ разсматриваетъ явленія общественной жизни, интересна, а нѣкоторые частные его выводы заслуживаютъ особеннаго вниманія.

«Основное положеніе дарвинистской соціологіи, символъ вѣры «селекціонистской школы» состоитъ въ слѣдующемъ: «Постоянно измѣняя составъ народовъ, подборъ выводитъ на сцену новые слои и подготовляетъ въ нѣдрахъ самихъ массъ явленія, опредѣляющія жизнь и смерть, ростъ и упадокъ націй». Подъ «составомъ» народовъ здѣсь разумѣется собственно антропологическій составъ или, какъ чаще выражается Лапужъ, расовый. Конечно, говоритъ онъ, одними антропологическими данными нельзя объяснить всю исторію, но раса является основнымъ, первенствующимъ факторомъ эволюціи, далеко превосходящимъ по своему значенію всѣ остальные. Надо только помнить, что антропологическій составъ населенія извѣстной страны отнюдь не составляетъ чего-нибудь разъ на-

всегда даннаго. Историки обыкновенно не принимаютъ этого элемента въ соображеніе и разсуждаютъ такъ, какъ будто извѣстный народъ самъ себѣ равенъ на всемъ протяженіи своего существованія: лишь изрѣдка дѣлаютъ они поверхностную оговорку о вырожденіи. На самомъ дѣлѣ историческій процессъ гораздо сложнѣе. Въ данную минуту въ составѣ народа могутъ быть такіе этническіе элементы, которые позволяютъ ему совершить такое-то дѣло или претерпѣть такую-то невыгоду; сто лѣтъ тому назадъ этихъ элементовъ не было, черезъ сто лѣтъ ихъ, можетъ быть, опять не будетъ. Это есть дѣло подбора, сопутствующаго каждому сколько-нибудь крупному общественному явленію и опредѣляющему его истинное значеніе. На всѣхъ путяхъ жизни двигателемъ является подборъ сильныхъ и плодовитыхъ и гибель слабыхъ и безплодныхъ или мало плодовитыхъ. Но при этомъ силу сильныхъ надо понимать въ условномъ, спеціально дарвинистскомъ смыслѣ слова. Это не абсолютная какая-нибудь сила или совершенство, а зависящая отъ совокупности обстоятельствъ времени, мѣста и образа дѣйствія. Сильный есть синонимъ не лучшаго, а наиболѣе приспособленнаго къ даннымъ условіямъ, каковое приспособленіе можетъ потребовать не величія, благородства, ума, а напротивъ, ничтожества, низости, тупости. Да и то нужно еще, чтобы физическія или психическія свойства, опредѣлившія торжество побѣдителей, были способны къ наслѣдственной передачѣ и чтобы сами побѣдители были достаточно плодовиты для укрѣпленія на болѣе или менѣе долгое время результатовъ своей побѣды. Есть у Лапужа и другое мѣрило силы или совершенства, которое онъ однако ближайшимъ образомъ не опредѣляетъ. Онъ лишь, вслѣдъ за Гальтономъ, говоритъ объ «евгенизмѣ», наслѣдственно благородныхъ чертахъ ума и главнымъ образомъ характера, а также физической силы и красоты. Но въ дѣйствительномъ ходѣ историческаго процесса побѣда «евгеническихъ» семействъ или родовъ (возможныхъ въ каждой расѣ хотя, повидимому, есть и расы евгеническія) есть частный случай.

Съ этой точки зрѣнія Лапужъ разсматриваетъ нѣкоторые историческіе моменты, значеніе скрещиванія и метизаціи, условія современной европейской жизни, милитаризма, значеніе религіозныхъ вѣрованій и т. д. Я не могу представить здѣсь не только всѣ его выводы, но даже многіе изъ интереснѣйшихъ, и остановлюсь лишь на нѣсколькихъ, собственно для уясненія точки зрѣнія автора.

Въ центральной Африкѣ идетъ непрестанная междуплеменная бойня. Вся жизнь населяющихъ центральную Африку негритянскихъ племенъ проходитъ въ кровавыхъ экспедиціяхъ за рабами и добычей и внезапныхъ нападеніяхъ, обращающихъ побѣдителей въ

побѣжденныхъ. Кровь негровъ льется рѣкой, рабы увозятся стадами на продажу, а иной разъ и на мясо. Цѣлыя области опустошаются, цѣлыя племена исчезаютъ, оставляя по себѣ слѣды лишь въ видѣ рабовъ, разбросанныхъ по племенамъ побѣдителей. Нужна необыкновенная плодовитость негритянокъ для исполненія этого невѣроятнаго поглощенія человѣческихъ жизней. Но эта плодовитость столь велика, что Африка станетъ страшною опасностью для цивилизаціи, когда тамъ водворятся мирная жизнь и наша простѣйшая техника (nos arts les plus simples). Оттуда выйдутъ варвары будущаго, не благородной расы варвары, какъ германцы, а возможные истребители цивилизаціи» (212).

Къ этому финалу цивилизаціи Лапужъ подходитъ еще и съ другой стороны. По его соображеніямъ количество непосредственныхъ жертвъ войны въ теченіе пяти тысячъ лѣтъ цивилизаціи равняется $2^1/_2$ милліардамъ. Это, конечно, очень произвольное соображеніе, но для новѣйшаго времени мы имѣемъ болѣе точныя данныя. Войны Революціи стоили французамъ 1.800.000 жизней, а прочимъ европейскимъ народамъ — 2.500.000; войны Имперіи — 2.600.000 французамъ и 3.500.000 прочихъ. Такимъ образомъ, въ теченіе двухъ десятилѣтій война убила около 10 милліоновъ людей. Затѣмъ послѣдовало сорокъ лѣтъ сравнительно мирнаго житья, въ теченіе которыхъ въ мелкихъ войнахъ убито около 250.000. Но третья четверть нашего вѣка опять отмѣчена рядомъ кровавыхъ войнъ, — крымская, американская междуусобная, прусско-австрійская, французскія экспедиціи въ Мексику и Китай, франко-германская, русско-турецкая, англійскія войны въ Африкѣ и Азіи. И опять милліоны убитыхъ, не считая умершихъ отъ усталости, отъ болѣзней въ госпиталяхъ, отъ истощенія при осадѣ крѣпостей и т. д. Не смотря на эти ужасающія цифры, современныя войны, сравнительно рѣдкія и быстро оканчивающіяся, вырываютъ меньшую часть всего населенія, чѣмъ неустанныя войны дикарей. Но значитъ ли это, что мы приближаемся къ вѣчному миру? Лапужъ не видитъ никакихъ основаній для положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Онъ говоритъ: «Каждая нація, для упроченія своего будущаго, стремится раздавить другія, цѣною самыхъ тяжелыхъ жертвъ. Отсюда эти таможенныя войны, эти неслыханныя вооруженія, превращающія Европу въ обширный лагерь, отсюда эти постоянныя изысканія, порождающія чудеса въ искусствѣ истребленія, прогрессъ котораго превосходитъ всякій другой. Уже народы чувствуютъ, что у нихъ мало земли для растущаго населенія, и необходимость заставляетъ ихъ искать новыхъ территорій. Они жадно ищутъ ихъ по всему земному шару и вездѣ натыкаются на другіе народы. Сила распространенія нѣкоторыхъ расъ и окончательный

захватъ странъ, удобныхъ для колонизаціи, фатально возвратятъ людей къ древнему способу войнъ, войнъ безпощаднаго истребленія... Всѣ формулы спиритуалистической философіи о братствѣ людей разлетятся, когда политика будущаго заставитъ ихъ смотрѣть другъ на друга, какъ на приматовъ, жизнь которыхъ сама по себѣ не болѣе священна, чѣмъ жизнь быка или барана. Тогда начнется рѣзня между желтыми, бѣлыми, черными, великія націи исчезнутъ, и побѣдители удобрятъ землю костями побѣжденныхъ. Счастливы сильные и плодовитые, будущее принадлежитъ имъ! (325—326).

Читатель благоволитъ подождать съ оцѣнкой этой мрачной картины: Лапужъ еще не окончилъ своей рѣчи.

Кто же эти «сильные и плодовитые», которые «счастливы»? Не касаясь вліянія военнаго подбора у дикарей и въ древности, посмотримъ на современность. Отъ солдатъ требуется извѣстный минимумъ физическихъ качествъ: ростъ, объемъ груди, состояніе зрѣнія, слуха, отсутствіе болѣзней. Эти-то лучшіе экземпляры націи и имѣютъ наиболѣе шансовъ оказаться въ числѣ милліонныхъ жертвъ войны, тогда какъ малорослые, узкогрудые, хроническіе больные и проч. остаются дома и получаютъ лишніе шансы оставить подобное имъ потомство. Такимъ образомъ война жжетъ, такъ сказать, свѣчку съ двухъ концовъ: съ одной стороны устраняетъ лучшихъ, дѣйствительно сильныхъ, а съ другой даетъ просторъ наслѣдственному укрѣпленію физическихъ изъяновъ. Но и вооруженный миръ, до послѣдней степени напрягая всѣ силы Европы, дѣйствуетъ въ свою очередь истощающимъ образомъ. «Позволительно спросить себя, отвѣтствуютъ ли же всѣ эти жертвы результатамъ, не вносятъ ли экономическія тяжести свою долю въ подборъ слабыхъ и не кончится ли дѣло разгромомъ истощенной разоренной Европы въ тотъ день, когда произойдутъ столкновенія, въ сравненіи съ которыми франко-германская война покажется дѣтской забавой. Какъ бы ни надувались (auront beau s'enfler) Франція и Германія, онѣ окажутся слабыми передъ колоссальными націями, которыя ставятъ ужасъ грядущаго вѣка. Было бы благоразумнѣе сберегать силы теперь и соединить ихъ потомъ, чтобы обезпечить свое существованіе черезъ сто лѣтъ (242).

Какъ сейчасъ увидимъ, Лапужъ не разъ еще возвращается къ пророчеству разгрома европейской цивилизаціи новыми варварами. Какъ бы мы ни относились къ этому предвидѣнію, но относительно пагубнаго значенія войны едва ли существуютъ большія разногласія. Тѣ или другія частныя цѣли, требующія войны для своего осуществленія (напримѣръ, идея «реванша» во Франціи), могутъ увлекать массы, и даже до умопомраченія, но что война, какъ

война, есть страшное бѣдствіе, въ этомъ мало кто сомнѣвается. Это во всякомъ случаѣ не казовый конецъ европейской цивилизаціи. Возьмемъ какое-нибудь другое явленіе современной общественной жизни.

Возьмемъ современный «урбанизмъ», какъ выражается Лапужъ стремленіе къ переселеніямъ изъ деревень въ города, придающее цивилизаціи столько блеска. Съ точки зрѣнія Лапужа это явленіе отнюдь не утѣшительное, чреватое большими бѣдствіями. Городское населеніе Франціи поднялось съ 24,4% въ 1846 г. до 37,4 въ 1891. Въ настоящее время оно равняется 15 милліонамъ и по разсчетамъ Тюркана охватитъ въ 1920 г. половину всего населенія Франціи, если что-нибудь не измѣнитъ демографическаго движенія. Въ Англіи притягательная сила городовъ, повидимому, клонится къ уменьшенію, но она уже охватила почти половину всего населенія. Далѣе, въ составѣ городского населенія число дѣтей и стариковъ ниже нормальной пропорціи. По вычисленіямъ Ланна, въ городахъ съ населеніемъ свыше 30.000 число лицъ между 20 и 40 годами достигаетъ 37,6%, а во всей Франціи — 29,8. Въ нѣкоторыхъ городахъ процентъ поднимается до 40, 49 и даже 51%. Это объясняется приливомъ въ города наиболѣе дѣятельныхъ, энергичныхъ элементовъ, но собственно рождаемость населенія большихъ городовъ настолько слаба, что оно не въ состояніи было бы держаться на одномъ уровнѣ, если бы не этотъ приливъ силъ со стороны. Каковы же результаты этого положенія вещей? Надо замѣтить, что Лапужъ исходитъ изъ спеціально антропологической точки зрѣнія, не всегда однако имъ выдерживаемой, и, между прочимъ, много говоритъ о расовыхъ отличіяхъ, какъ они опредѣляются отношеніемъ между продольнымъ и поперечнымъ діаметромъ черепа. Такъ и въ настоящемъ случаѣ онъ видитъ въ результатѣ «урбанизма» подтвержденіе «закона» нѣмецкаго антрополога Аммона, который гласитъ: «въ тѣхъ областяхъ, гдѣ существуетъ брахицефалическій типъ, онъ имѣетъ тенденцію сосредоточиваться въ деревняхъ, а долихоидный типъ—въ городахъ». Я избѣгаю въ своемъ изложеніи мыслей Лапужа этихъ спеціально краніометрическихъ подробностей, такъ какъ и безъ нихъ дѣло ясно. Въ подтвержденіе своихъ соображеній о значеніи «урбанизма» Лапужъ ссылается на замѣчательное изслѣдованіе П. Якоби «Etudes sur la sélection dans ses rapports avec l'hérédité chez l'homme» (1881; часть этой работы была когда-то напечатана по-русски въ журналѣ «Знаніе»); но, говоритъ онъ, Якоби, повидимому, не подозрѣвалъ антропологическаго значенія указанныхъ имъ явленій. Между тѣмъ, почти все, что хочетъ въ данномъ случаѣ сказать Лапужъ, совершенно ясно сказано у Якоби. Это именно

слѣдующее. Дѣятельные элементы деревни, ищущіе простора, желающіе пробиться впередъ, уходятъ изъ деревень въ города, и тамъ либо погибаютъ, влача жалкую жизнь, либо устраиваются благополучно, но въ деревню возвращаются лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Въ городахъ они женятся, производя потомство, въ умственномъ отношеніи высшее, чѣмъ ихъ деревенскіе современники, такъ какъ они представляютъ сливки своего общества, и этотъ высшій уровень поддерживается новыми пришельцами и новыми браками слѣдующаго поколѣнія: деревня же тѣмъ временемъ, отдавая городу свои лучшія силы, обѣднѣетъ энергичными, дѣятельными, умственно превышающими средній уровень людьми. Если вставить въ это соображеніе, куда слѣдуетъ, брахицефаловъ и долихоцефаловъ, то и получится «законъ» Аммона. Лапужъ на этомъ, однако, не останавливается и отмѣчаетъ еще сравнительно слабую рождаемость горожанъ, при томъ слабость, все растущую: долихоцефалическія, будемъ такъ говорить, сливки деревенскаго населенія, переселяясь изъ поколѣнія въ поколѣніе въ большіе центры, тамъ даютъ лишь немногочисленное подобное имъ потомство, тогда какъ остающіеся на мѣстѣ представители брахицефалическаго типа размножаются сравнительно быстро. Съ теченіемъ времени этотъ процессъ долженъ истощить всякую націю, особенно, если принять въ соображеніе, что притягательная сила большихъ центровъ не пропорціональна ихъ потребностямъ. Приливъ силъ извнѣ часто превышаетъ спросъ на нихъ и отсюда масса всякаго рода неудачниковъ и паразитовъ. «Изъ всѣхъ бичей, которые называются соціальными подборами — регрессивными! — самый сильный есть городской подборъ. Результатъ плутократіи и роскоши, auri sacra fames стягиваютъ людей въ города. Урбанизмъ уничтожаетъ все, что намъ осталось жизненнаго послѣ цѣлыхъ вѣковъ невыгодныхъ подборовъ. Мы уже потеряли почти всѣ наши долихобѣлокурые элементы, и вотъ теперь исчезаютъ ихъ метисы и лучшіе изъ брахицефаловъ. Во Франціи, да и на всемъ континентѣ Европы близокъ часъ, когда останутся лишь ограниченные и инертные остатки мертвыхъ націй, жалкіе остатки, которые станутъ добычей непредвидѣнныхъ побѣдителей. Такъ погибъ эллинскій міръ, такъ погибнетъ и вся цивилизація, если человѣкъ не захочетъ воспользоваться великою силою наслѣдственности, которая представляетъ нынѣ принципъ смерти, но изъ котораго наука, это провидѣніе нашего времени, можетъ извлечь спасеніе и жизнь» (408).

Прежде, чѣмъ обратиться къ тѣмъ средствамъ, которыя наука, по мнѣнію Лапужа, можетъ указать для предотвращенія тѣхъ золъ, которыя она же намъ раскрываетъ, осмотримся еще немного въ

сихъ раскрытіяхъ. Я остановился пока только на двухъ пунктахъ книги Лапужа, — на военномъ и городскомъ подборѣ, отчасти, признаться, заинтересованный тѣмъ, что въ этихъ его разсужденіяхъ повторяется мотивъ святочной фантазіи г. Мамина (разгромъ цивилизаціи варварами), а отчасти потому, что нѣкоторыхъ другихъ пунктовъ нахожу удобнѣе коснуться ниже. Думаю, однако, что и теперь теоретическая точка зрѣнія Лапужа достаточно ясна. Она вполнѣ заслуживаетъ названія дарвинистской точки зрѣнія, если разумѣть, какъ справедливо разумѣетъ и Лапужъ, подъ дарвинизмомъ, главнымъ образомъ, теорію подбора. Признавая подборъ его основною пружиной, которая управляетъ всѣмъ ходомъ историческаго процесса, Лапужъ вовсе не отрицаетъ вліянія другихъ факторовъ. Онъ говоритъ лишь, что эти вліянія или ничтожны, въ концѣ концовъ, или получаютъ значеніе въ зависимости отъ того, какъ и въ какой мѣрѣ результаты ихъ подхватываются и направляются подборомъ. И это, конечно, совершенно согласно съ теоріей Дарвина. Правда, выводы Лапужа своимъ мрачнымъ колоритомъ какъ будто противорѣчатъ оптимистическому заключенію знаменитой книги Дарвина: «Изъ вѣчной борьбы, изъ голода и смерти прямо слѣдуетъ самое высокое явленіе, какое мы можемъ себѣ представить, а именно возникновеніе высшихъ формъ жизни». Но впослѣдствіи дарвинизмъ сдѣлалъ много уступокъ изъ своего оптимизма, а самъ Дарвинъ, на вопросъ Ляйелля о паденіи эллинской цивилизаціи, отвѣчалъ такъ: «Этотъ фактъ былъ бы рѣшительнымъ затрудненіемъ для доктрины Ламарка о необходимомъ прогрессированіи, раздѣлявшейся и авторомъ «Vestiges»; но для моей точки зрѣнія, по которой прогрессированіе зависитъ отъ условій, это вовсе не возраженіе и вполнѣ гармонируетъ съ другими фактами прогрессированія въ структурѣ другихъ животныхъ. Потому что въ государствѣ при анархіи, деспотизмѣ или дурномъ управленіи, или также послѣ вторженія варваровъ, конечно, возьмутъ перевѣсъ насиліе, сила или жестокость, а не разумъ» (цитирую по книгѣ г. Антоновича, стр. 33 и слѣд.). Лапужъ, совершенно соглашаясь съ основною мыслью этой цитаты, не ограничился бы такимъ общимъ выраженіемъ ея. «Насиліе, сила, жестокость» сами по себѣ для него вовсе не страшныя или гибельныя вещи: надо еще знать, какъ отражаются они на различныхъ элементахъ населенія, какимъ изъ нихъ они даютъ просторъ путемъ приспособленія и размноженія и какіе, напротивъ, стѣсняются ими и выкидываются за бортъ. Въ этомъ смыслѣ и написана глава «Древняя Греція и соціальный подборъ» (409—442). Древняя Греція поднялась на историческомъ горизонтѣ блестящимъ метеоромъ, благодаря крови населенія, его высокому антропологическому типу, но какъ метеоръ

же и исчезла, благодаря дѣйствію метизаціи, подбора военнаго, городского, политическаго, которые довели націю до умственнаго и нравственнаго истощенія.

Таковъ, повидимому, ходъ развитія каждаго историческаго народа, съ тою лишь разницей, что одни быстрѣе, другіе медленнѣе пробѣгаютъ фатальный кругъ. Для зарожденія историческаго народа требуется появленіе въ данной соціальной средѣ высшихъ этническихъ элементовъ, способныхъ направлять и вести за собой массы. До сихъ поръ это были обыкновенно пришлые завоеватели, но, говоритъ Лапужъ, теоретически допустимъ и соотвѣтственный внутренній подборъ «евгеническихъ» родовъ или семей. Пока эти представители евгенизма безпрепятственно размножаются, передавая потомкамъ свои высокія качества, и стоятъ во главѣ народа, онъ процвѣтаетъ. Но по достиженіи высшаго блеска и развитія начинается обратное движеніе, регрессъ, вызываемый разными видами неблагопріятнаго соціальнаго подбора. Изучая послѣдній, мы приходимъ къ самымъ пессимистическимъ заключеніямъ. Такъ было, такъ и будетъ. Какъ погибли древнія цивилизаціи, такъ погибнетъ и современная европейская. Сумма знаній и матеріальная мощь будутъ накопляться, но человѣкъ будетъ терять свою цѣнность, и грандіозныя мечты утопистовъ разобьются объ ничтожество нашихъ потомковъ. Мечтательный сантиментализмъ нашихъ отцовъ видѣлъ въ наукахъ пророчицъ грядущаго совершенства или счастія. Въ дѣйствительности науки пророчатъ совсѣмъ иное. Астрономія учитъ насъ бренности отдѣльныхъ міровъ, въ томъ числѣ и земли, которая задолго до своего собственнаго конца станетъ необитаемою. Палеонтологія развертываетъ передъ нами картину гибели цѣлаго ряда могучихъ и высоко развитыхъ существъ. Для нѣкоторыхъ палеонтологія представляется особенно выразительною свидѣтельницею неустаннаго прогресса жизненныхъ формъ на землѣ. Это иллюзія Эволюція совершается не въ одномъ какомъ-нибудь направленіи и въ частности не непремѣнно въ направленіи къ совершенству, какъ мы себѣ его представляемъ. Она движетъ формы жизни разными путями въ разныя стороны и нерѣдко назадъ, въ сторону регресса или даже прекращенія. Мало того, Лапужъ считаетъ возможнымъ установить «законъ быстраго истребленія наиболѣе совершенныхъ». Исчезнувшія высокія формы жизни отступили не передъ высшими, а побѣждены какими-нибудь ничтожными, но сильными своимъ ничтожествомъ врагами, — микробами, паразитами. Такъ и въ человѣческомъ обществѣ. Нѣтъ никакого основанія предполагать, что въ борьбѣ одолѣваетъ высшій, лучшій въ какомъ бы то ни было отношеніи. Пошлость и ничтожество могутъ служить за-

лѣтомъ успѣха, а величіе — причиной пораженія. Это мы и видимъ въ дѣйствительности.

Но намъ обѣщано, что наука, раскрывающая картину все возрастающаго зла, укажетъ и средство излѣченія, обративъ явленіе подбора и наслѣдственности въ противоядіе. Средство это состоитъ въ «систематическомъ подборѣ», который, конечно, не задержитъ міроваго процесса и грядущей гибели нашей планеты, но можетъ на неопредѣленно долгое время парализовать губительное дѣйствіе безсистемнаго, не руководимаго наукой соціальнаго подбора.

Здѣсь мы вернемся немножко назадъ, къ предъидущимъ главамъ книги Лапужа, трактующимъ о различныхъ видахъ соціальнаго подбора, — подборѣ политическомъ, религіозномъ, нравственномъ и проч. Мы, впрочемъ, не будемъ близко держаться изложенія Лапужа и въ короткихъ словахъ передадимъ его общую мысль, не стѣсняясь даже его фактическими иллюстраціями.

Гоненіе на гугенотовъ стоило Франціи около милліона трудолюбиваго и даровитаго населенія, и эта цифра далеко не выражаетъ всей потери, потому что къ ней надо прибавить отчасти вѣроятное, отчасти дѣйствительное потомство этого милліона убитыхъ, изгнанныхъ и бѣжавшихъ. Это былъ подборъ, и, пожалуй, систематическій подборъ, такъ какъ систематически устранялись или ставились въ неблагопріятныя условія представители извѣстнаго рода несогласно мыслящихъ, чѣмъ косвенно какъ бы выдавалась премія согласно мыслящимъ, совершенно независимо отъ какихъ бы то ни было ихъ другихъ признаковъ. Въ политической жизни народовъ это — не рѣдкое явленіе. Въ мрачныя времена Тиверія и Нерона, путемъ казней, ссылокъ, конфискацій имущества, выбрасывались за бортъ или ставились въ тяжелыя жизненныя условія такъ называемые «подозрительные». Въ числѣ ихъ были люди большихъ дарованій, энергіи, люди съ возвышенной душой, трудно мирившіеся съ существующимъ порядкомъ, люди твердаго характера и недюжиннаго ума. Если подобные люди устраняются въ теченіе многихъ лѣтъ изъ года въ годъ, то это, понятно, должно отразиться на общемъ уровнѣ націи пониженіемъ. И это можно бы было назвать настоящимъ систематическимъ подборомъ, но подъ послѣднимъ Лапужъ разумѣетъ нѣчто иное, а именно систематическій же подборъ, основанный на указаніяхъ науки. Зачатки его онъ видитъ въ нѣкоторыхъ древнихъ законодательствахъ, воспрещавшихъ браки съ представителями низшихъ расъ или низшихъ классовъ, и въ нѣкоторыхъ утопіяхъ. Однако научный селекціонизмъ сталъ возможнымъ лишь со времени изслѣдованій Дарвина. Дѣло это новое и мало

еще загадочнаго, проблематическаго въ томъ освѣщеніи, которое селекціонистская точка зрѣнія бросаетъ на наши житейскія дѣла. Одно несомнѣнно для Лапужа: какъ всѣ установившіеся взгляды на фактическій ходъ явленій общественной жизни, такъ и субъективная ихъ оцѣнка подлежатъ радикальному пересмотру. Мы ничего не поймемъ ни въ исторіи, ни въ текущей дѣйствительности, пока не примемъ въ соображеніе дѣйствія соціальнаго подбора, а это дѣйствіе сказывается на каждомъ шагу, въ концѣ концовъ налагая свою печать на всѣ результаты политическаго, экономическаго, правового, нравственнаго развитія. Вмѣстѣ съ тѣмъ селекціонизмъ установляетъ новое мѣрило добра и зла какъ въ области общественнаго блага, такъ и въ области личной нравственности, а затѣмъ отваживается указать рядъ практическихъ мѣропріятій, долженствующихъ уврачевать раны, наносимыя человѣчеству соціальнымъ подборомъ. Говорю «отваживается», потому что, дѣйствительно, нужна большая отвага, чтобы предъявить нѣкоторыя изъ этихъ указаній, съ нашей теперешней точки зрѣнія возмутительныхъ. Лапужъ очень хорошо знаетъ это, но утѣшаетъ себя тѣмъ, что мѣрило добра и зла уже не разъ мѣнялось въ исторіи, а потому и то, что нынѣ считается добромъ, можетъ по прошествіи извѣстнаго времени оказаться зломъ, и наоборотъ. Въ предисловіи Лапужъ говоритъ, что читатель найдетъ въ концѣ его книги полный (до весны 1895 г.,—прибавляетъ онъ для большей точности) обзоръ литературы научнаго селекціонизма. Въ дѣйствительности, этотъ обзоръ далеко не полонъ, но любопытно отмѣтить характеристику этой литературы, дѣлаемую Лапужемъ: «ученія жесткія и грубыя (rudes et brutales), но положительныя и плодотворныя, способныя открыть намъ будущее».

Дѣло въ томъ, что Европа переживаетъ нѣкоторый нравственный кризисъ: ходячая, полученная по преданію мораль отживаетъ свой вѣкъ, а новая, «научная» и именно «селекціонистская», еще не сложилась окончательно и только вырабатывается и потому здѣсь возможны разныя колебанія и разногласія. Въ общемъ вся селекціонистская литература преслѣдуетъ двойную задачу: изысканіе способовъ 1) устраненія зловредныхъ элементовъ изъ общества, 2) усовершенствованія высшихъ элементовъ. Одинъ изъ проектовъ этого рода, предложенный авторомъ книги «Die Aristocratie des Geistes etc.», мы видѣли. Лапужъ одобряетъ этотъ планъ, находя его очень остроумнымъ. «Я охотно вѣрю, говоритъ онъ, что если бы во Франціи былъ городъ, въ которомъ спиртные напитки давались бы даромъ, то всѣ алкоголики сосредоточились бы тамъ, какъ собираются садовыя улитки на капустный листъ, смазанный мыломъ. Родительскія чувства очень слабы у всѣхъ дегенерантовъ:

половой актъ есть для нихъ дѣло только наслажденія». Поэтому при извѣстныхъ условіяхъ (Лапужъ входитъ въ подробности), они охотно останутся бездѣтными и реформа могла бы произойти à l'amiable, полюбовно (486). Но это, повидимому, не такъ удобоисполнимо, какъ остроумно, хотя бы уже потому, что и кромѣ алкоголиковъ есть понижающіе уровень расы элементы, которые въ кабакъ-городъ не пойдутъ: страдающіе разными наслѣдственно передаваемыми болѣзнями, многіе преступники и порочные. Какъ быть съ ними? Прежде всего надлежитъ воспитывать общественное мнѣніе въ смыслѣ долга передъ человѣческимъ родомъ. Это долгъ превыше всѣхъ законовъ и всякой морали, ибо вѣчны и неотмѣнимы только законы подбора. Надо стараться вообще изгнать ту сантиментальную филантропію, въ силу которой мы оказываемъ покровительство слабымъ и больнымъ. Затѣмъ, въ частности, желательно, чтобы больные и слабые сами сознали свою обязанность оставаться бездѣтными, а «евгеники» получили возможность, ничѣмъ не стѣсняясь, производить какъ можно больше дѣтей. Распространеніе этихъ идей поведетъ за собой учрежденіе частныхъ обществъ, преслѣдующихъ цѣли усовершенствованія человѣческой породы: это выработаетъ соотвѣтственные нравы, которые отразятся наконецъ и на законодательствѣ. Законодательству Лапужъ вообще усваиваетъ въ будущемъ чрезвычайно дѣятельную роль и, возставая противъ демократическаго принципа равенства, неоднократно говоритъ любезности по адресу соціализма, собственно потому, что представляетъ себѣ соціалистическій идеалъ въ видѣ строго регламентированнаго общества. Въ направленіи регламентаціи онъ доходитъ до предположенія, что въ недалекомъ, можетъ быть, будущемъ придется ввести обязательную полевую службу, на подобіе воинской повинности, конечно, для «евгениковъ»...

Характерны разсужденія Лапужа о смертной казни. Оговорившись, что понятія о преступномъ дѣяніи измѣнчивы, онъ замѣчаетъ, однако, что въ настоящемъ преступникъ долженъ быть поставленъ въ невозможность вредить обществу, а въ будущемъ — лишенъ возможности оставить потомство, ибо всегда есть вѣроятность, что и въ немъ есть дремлющіе задатки преступности. Подозрительны даже его ближайшіе родственники, вся его семья. Поэтому вполнѣ научно поступали древнія законодательства, привлекавшія къ отвѣтственности въ важныхъ случаяхъ всю семью преступника. «Христіанство и философы ввели идею личной отвѣтственности, необходимое слѣдствіе спиритуалистической теоріи». Во всякомъ случаѣ «устраненіе преступныхъ элементовъ путемъ смертной казни, летальнаго рабства и другими средствами спи-

щало общество отъ потомства безчисленныхъ порочныхъ индивидовъ». Въ Америкѣ образовались общества, требующія кастраціи для сифилитиковъ и преступниковъ. Лапужъ находитъ, что въ этихъ проектахъ есть нѣчто достойное вниманія (il y a du bon), но полагаетъ, что можно обойтись и безъ такой крайней мѣры. Онъ предлагаетъ за распространеніе сифилиса наказывать тюрьмой на срокъ, достаточный для выздоровленія или обезвреживанія заключеннаго, и штрафомъ въ пользу зараженнаго. А затѣмъ должны быть воспрещены браки сифилитикамъ, а также и преступникамъ, которымъ, впрочемъ, остаются еще каторжныя работы и смерть—«рѣшеніе вѣрное, экономное и энергически селективное» (321—324).

Я затрудняюсь входить въ детали нѣкоторыхъ курьезнѣйшихъ проектовъ Лапужа и другихъ селекціонистовъ. Приведу еще только свидѣтельство его вѣры въ безграничную силу «научнаго систематическаго подбора»: можно бы было создать общество, въ которомъ были бы расы музыкантовъ, гимнастовъ, натуралистовъ, рыбаковъ, земледѣльцевъ, кузнецовъ. Это было бы легче той задачи, которую рѣшила природа у муравьевъ, термитовъ, пчелъ и медузъ. Наконецъ тріумфъ политики состоялъ бы въ созданіи путемъ подбора, общества оптимистовъ, всегда всѣмъ довольныхъ: проблема общаго счастія была бы рѣшена, и я даже не вижу возможности другихъ рѣшеній, потому что кругъ нашихъ желаній растетъ вмѣстѣ съ кругомъ нашихъ знаній, и человѣкъ чувствуетъ себя тѣмъ несчастнѣе, чѣмъ, повидимому, менѣе имѣетъ причинъ быть несчастнымъ» (474).

Многое изъ приведеннаго можетъ показаться читателямъ по малой мѣрѣ страннымъ. Какъ бы мы ни относились, однако, къ воззрѣніямъ Лапужа, не забудемъ его предупрежденія, что мы имѣемъ дѣло съ совершенно новымъ міровоззрѣніемъ, которому, по его мнѣнію, принадлежитъ будущее, хотя оно уже и теперь имѣетъ многихъ представителей. Онъ вовсе и не думаетъ согласовать свои взгляды съ какою бы то ни было существующею системою воззрѣній. Онъ желаетъ построить новую, «селекціонистскую» соціологію и новую, селекціонистскую этику, исходя изъ принциповъ теоріи Дарвина, которую разумѣетъ, если не исключительно, то главнымъ образомъ, какъ теорію подбора. Онъ поэтому не приметъ возраженій, исходящихъ изъ какой-нибудь другой точки зрѣнія. Критикѣ надлежитъ, во-первыхъ, подвергнуть разсмотрѣнію исходную точку Лапужа, теорію подбора, какъ главнѣйшаго фактора соціальной эволюціи, при чемъ окажется нужнымъ опредѣлить и характеръ, и границы естественнаго подбора въ біологіи; а во-вторыхъ, оцѣнить степень логичности выводовъ Лапужа изъ основныхъ посылокъ, при чемъ несостоятельность того или другого отдѣльно взятаго

вывода или даже цѣлаго ряда ихъ еще не компрометируетъ исходной точки.

Какъ уже сказано, въ концѣ своей книги Лапужъ даетъ весьма неполный обзоръ «селекціонистской» литературы. Обзоръ гораздо болѣе полный читатель найдетъ въ книгѣ Тилле (Alexander Tille) «Von Darwin bis Nietzche» (1895), но по отношенію къ частной области. Произведеніе Тилле имѣетъ подзаглавіе—«Ein Buch Entwicklungsethik», «книга эволюціонной этики». Въ предисловіи авторъ поминаетъ, между прочимъ, и Лапужа, но не считаетъ возможнымъ останавливаться на его и нѣкоторыхъ другихъ писателей работахъ по «дарвинистской *соціологіи*». Это, говоритъ онъ, обширная тема, могущая составить предметъ особой работы, а самъ онъ ограничивается областью «эволюціонной *этики*». Вышеизложенная книга Лапужа вышла позже книги Тилле, который зналъ лишь нѣкоторыя отдѣльныя ея главы, печатавшіяся въ разныхъ научныхъ журналахъ съ 1886 года. Если бы онъ зналъ всю книгу Лапужа, онъ несомнѣнно ввелъ бы ее въ свой обзоръ. Мы видѣли, что Лапужъ говоритъ о кризисѣ морали въ средѣ современной европейской цивилизаціи, объ томъ, что одни, ходячія, этическія воззрѣнія теряютъ въ ней свой кредитъ, а другія, «научныя», еще только складываются подъ вліяніемъ теоріи развитія и въ частности дарвинизма. Это одна изъ основныхъ мыслей книги Тилле, при чемъ и характеръ, и самыя наименованія двухъ этическихъ теченій въ изложеніи обоихъ писателей совпадаютъ.

Было бы не трудно, говоритъ Тилле, дедуктивно вывести изъ принциповъ эволюціи новую этическую систему, но онъ не хочетъ этимъ заниматься. Онъ предпочитаетъ разсмотрѣть, какія измѣненія должна произвести теорія эволюціи въ существующей этикѣ, что въ послѣдней, подъ вліяніемъ новыхъ научныхъ горизонтовъ, можетъ остаться неприкосновеннымъ и что должно уступать мѣсто новымъ нравственнымъ нормамъ. Этическія воззрѣнія не представляютъ собою чего-нибудь неподвижнаго. Неизмѣнно въ нихъ лишь требованіе согласія между убѣжденіями и дѣйствіями. Когда Аристотель защищалъ рабство или Кальвинъ сжигалъ на кострѣ Сервета, они дѣйствовали согласно своимъ убѣжденіямъ и, слѣдовательно, по своему нравственно, но убѣжденія постоянно измѣняются въ исторіи, и то, что считалось нравственнымъ когда-то, можетъ оказаться глубоко безнравственнымъ нынѣ. Дѣйствіе, направленное къ тому, чтобы сдѣлать людей счастливѣе, можетъ оказаться совершенно противоположнымъ направленному къ тому, чтобы сдѣлать ихъ сильнѣе и умнѣе. Но оба они могутъ быть нравственны, каждое съ своей точки зрѣнія, и именно первое будетъ «демократическо-

гуманно нравственно», а второе — «эволюціонно нравственно». Между этими двумя точками зрѣнія естественно возникаетъ борьба. Напримѣръ, старое, отживающее міровоззрѣніе ничего не имѣло противъ браковъ чахоточныхъ. Оно считало ихъ нравственными. Но въ общее сознаніе уже начинаетъ пробиваться скептическое отношеніе къ подобнымъ бракамъ, въ виду ихъ гибельнаго вліянія какъ на потомство, такъ и на самихъ брачущихся. И недалеко время, когда они будутъ признаны прямо безнравственными. Прислушиваясь къ біенію пульса жизни, которое сказывается въ тысячѣ мелочей, въ родѣ салоннаго разговора, газетной статьи, беллетристическаго разсказа и т. п., мы убѣждаемся въ существованіи легкихъ, но постоянно повторяющихся передвиженій нравственныхъ понятій въ извѣстную сторону, и именно «въ сторону упраздненія мечты о равенствѣ всѣхъ людей и вниманія къ фактамъ наслѣдственности; въ цѣломъ они опредѣляются естествознаніемъ и въ особенности ученіемъ о развитіи (16). «Великое счастіе для культурнаго человѣчества, что эволюція при посредствѣ естественнаго подбора въ борьбѣ за существованіе открыта все-таки во-время, прежде, чѣмъ утвердились всѣ практическіе выводы изъ идеала всеобщаго равенства» (19). Эволюціонное ученіе не знаетъ равныхъ людей, оно знаетъ лишь сильныхъ и слабыхъ, здоровыхъ и больныхъ, высоко и низко развитыхъ, а нравственнымъ идеаломъ съ его точки зрѣнія является подъемъ, усовершенствованіе человѣческой породы путемъ борьбы и подбора.

Не входя въ подробныя сравненія взглядовъ Лапужа и Тилле, замѣчу, что послѣдній гораздо оптимистичнѣе смотритъ на роль соціальнаго подбора (какъ и на роль естественнаго подбора въ біологіи) и предлагаетъ гораздо болѣе мягкіе проекты общественныхъ реформъ при помощи «систематическаго» подбора. Они, впрочемъ, и не входятъ въ задачу Тилле. Лишь мимоходомъ говоритъ онъ о желательности воспрещенія браковъ людямъ, страдающимъ наслѣдственными болѣзнями, и возстаетъ (какъ и Лапужъ) противъ дѣйствующаго наслѣдственнаго права. Вообще же онъ ограничивается областью морали, и здѣсь слѣдитъ за борьбою между «демократически-гуманною» моралью и моралью «эволюціонною», въ сущности тою самою, которую Лапужъ называетъ селекціонистскою или научною.

Теорія Дарвина властно отозвалась не только въ области его спеціальныхъ изслѣдованій, но и далеко за ея предѣлами, въ томъ числѣ и въ области этики. Но здѣсь мы встрѣчаемъ крайнее разнообразіе мнѣній и выводовъ. Въ противоположность тому, что произведено теоріей Дарвина въ біологіи, въ этикѣ (да и вообще въ обществознаніи) подъ ея вліяніемъ, собственно говоря, ника-

кого коренного переворота до сихъ поръ не произошло. Мы имѣемъ огромную литературу дарвинистской соціологіи, но если присмотрѣться къ ней ближе, то увидимъ, что люди самыхъ разнообразныхъ нравственно-политическихъ убѣжденій тянутъ дарвинизмъ въ свою сторону или, говоря иначе, одинаково стремятся связать съ нимъ свою доктрину. Соціаль-демократъ Бебель утверждаетъ, что «дарвинизмъ есть въ высшей степени демократическая наука» (Die Frau und der Socialismus, 195) и что изъ него логически вытекаетъ требованіе «равныхъ и благопріятныхъ условій существованія» для всѣхъ людей. Но Бебель знаетъ, что есть и иные взгляды, къ которымъ примыкаютъ многіе естествоиспытатели и которые онъ формулируетъ такъ: «Дарвинизмъ, наоборотъ, аристократическое ученіе, такъ какъ онъ учитъ, что высшая форма и болѣе сильный видъ уничтожаютъ въ природѣ низшую форму и болѣе слабый видъ». Соціаль-демократъ Каутскій говоритъ, что «теперешняя этика является плодомъ дарвинизма» («Очерки и этюды», Спб. 1895, стр. 21), но этотъ плодъ оказывается настолько невыясненнымъ, что Каутскій пишетъ: «Въ какія бы естественно-научныя мантіи ни драпировались господа манчестеріанцы, сколько бы въ руку имъ ни трубили даже знаменитые естествоиспытатели, будто война всѣхъ противъ всѣхъ имѣетъ свое основаніе въ самой природѣ, будто устраненіе ея остановило бы дальнѣйшее развитіе человѣчества; съ какимъ бы пренебреженіемъ они ни относились ко всякимъ попыткамъ устранить войну всѣхъ противъ всѣхъ, называя ихъ «сантиментальными», — они этимъ только доказываютъ, какъ ограниченно, какъ поверхностно поняли они ученіе о борьбѣ за существованіе» (12). Во всякомъ случаѣ существуетъ длинный рядъ буржуазныхъ писателей, въ числѣ которыхъ есть дѣйствительно знаменитые естествоиспытатели, — дѣлающихъ изъ теоріи Дарвина выводы, прямо противоположные тѣмъ, къ которымъ приходятъ Бебель, Каутскій и др. К этому противоположному теченію оказываетъ значительную поддержку новѣйшее обостреніе дарвинизма—ученіе Вейсмана. Есть даже попытки сближенія дарвинизма съ нѣкоторыми сторонами ученія знаменитаго апологета феодально-аристократическаго режима, де-Местра (см. Paulhan «Joseph de Maistre et sa philosophie», 1893, p. 158). Быть можетъ, эта разногласица и побудила Лабріола (соціаль-демократа) протестовать противъ «политическаго и соціальнаго дарвинизма, который уже давно эпидемически захватилъ умы многихъ мыслителей и еще болѣе адвокатовъ и декламаторовъ соціологіи» (Essais sur la conception matérialiste de l'histoire, 1897, p. 139). Воздавая должное заслугамъ Дарвина въ біологіи и въ дѣлѣ укрѣпленія общей идеи эволюціи, Лабріола склоненъ совершенно отрицать значеніе теоріи

Дарвина для соціологіи. «Наше ученіе не должно быть смѣшиваемо съ дарвинизмомъ», говоритъ онъ (146). «Не должно быть смѣшиваемо», это такъ и достаточно поучительно для людей, полагающихъ, что дарвинизмъ и извѣстныя соціальныя ученія едино суть. Но, въ связи съ нѣкоторыми другими явленіями новѣйшей соціологической литературы, можно опасаться что здѣсь сквозитъ желаніе слишкомъ ужъ отгородить общественныя науки отъ естествознанія и свести собственно соціальное значеніе послѣдняго на роль поставщика техническихъ открытій и усовершенствованій. Эта реакція противъ увлеченія біологическими аналогіями и прямыхъ перенесеній истинъ естествознанія въ соціологію можетъ зайти слишкомъ далеко. Не годится, какъ говорятъ нѣмцы, выплескивать изъ ванны, вмѣстѣ съ водой, и ребенка. Впрочемъ, Лабріола съ своимъ открытымъ и рѣзкимъ рѣшеніемъ «не смѣшиваться съ дарвинизмомъ», сколько мнѣ извѣстно, составляетъ исключеніе. Ученіе Дарвина нанесло одинъ изъ рѣшительныхъ ударовъ традиціоннымъ взглядамъ на мѣсто человѣка въ природѣ, и это привлекло къ нему всѣхъ свободомыслящихъ, какъ бы ни разнились ихъ кровныя убѣжденія по другимъ пунктамъ. И теорія Дарвина не примиряетъ ихъ по этимъ другимъ пунктамъ, хотя всѣ они желаютъ связать свои взгляды съ ученіемъ многодумнаго старца, имя котораго гремитъ по всему міру. Спеціалисты біологи вносятъ свои поправки и дополненія въ теорію Дарвина, но, когда рѣчь заходитъ о вопросахъ нравственно-политическихъ, рѣдко кто отваживается, признавая огромныя заслуги «генеральнаго буржуа-натуралиста» (выраженіе покойнаго Ножина, давно уже мною приведенное), свободно отнестись къ его теоріи. Компетенція дарвинизма въ соціологіи признается въ слишкомъ общихъ, расплывающихся чертахъ и оказывается принятою на вѣру. Не столько даже опредѣленный ходъ мыслей, сколько трудно уловимое настроеніе часто побуждаютъ говорящихъ и пишущихъ на эту тему сваливать въ одну кучу дарвинизмъ и тѣ или другія соціальныя ученія. Въ грубой конечно, формѣ это настроеніе можетъ быть выражено такъ: дарвинизмъ непогрѣшимъ, такое-то соціальное ученіе тоже непогрѣшимо, значитъ они должны совпадать. И въ этомъ направленіи можно наконецъ дойти до очевидной фактической неправды, какъ дошелъ до нея г. Антоновичъ, утверждая, что «общественные представители буржуазной конкурренціи и эксплуатаціи не относились къ теоріи Дарвина «съ распростертыми объятіями и шумными одобреніями». Нѣтъ, именно такъ относились и относятся, и на писанія этого рода не слѣдуетъ трусливо закрывать глаза или отрицать ихъ существованіе...

Обратимся къ Тилле. Уже самое заглавіе его книги показы-

вдетъ, что, по его мнѣнію, съ Дарвина началось въ области этики что-то важное новое, что получило свое завершеніе въ Ничше. И дѣйствительно, тридцатилѣтній періодъ 1859—1890 г. Тилле рекомендуетъ будущему историку, какъ время постепенной выработки новой, «эволюціонной» этики. Дарвинъ положилъ ей фактическія основанія, но онъ былъ слишкомъ «демократъ», чтобы вывести изъ этихъ основаній всѣ надлежащія слѣдствія. Въ біологіи онъ понималъ вещи правильно. Онъ признавалъ, что, если не всѣ зародыши извѣстнаго вида выживаютъ, то это главнымъ образомъ потому, что они не равны между собой, не равноцѣнны для вида: выживаютъ сильные, гибнутъ слабые. Въ этомъ и состоитъ естественный подборъ, постепенно совершенствующій видъ, чему способствуетъ и половой подборъ, при которомъ опять-таки одолѣваетъ въ борьбѣ за самку сильнѣйшій и гибнетъ слабѣйшій. Извѣстно, что Дарвинъ, всю жизнь признавая огромное значеніе подбора въ процессѣ органической эволюціи, очень колебался въ его сравнительномъ значеніи рядомъ съ другими факторами: случайными индивидуальными отклоненіями, вліяніемъ среды, вліяніемъ упражненія и неупражненія органовъ. Но не эти колебанія останавливаютъ на себѣ вниманіе Тилле. Онъ не доволенъ тѣми смутными, недоговоренными рѣчами, которыя Дарвинъ велъ о подборѣ въ обществѣ. Онъ то отрицалъ, то признавалъ, и при томъ въ различной мѣрѣ, роль соціальнаго подбора. Въ развитіи общественныхъ инстинктовъ онъ очень умалялъ роль подбора, приписывая ихъ укрѣпленіе главнымъ образомъ наслѣдственной передачѣ въ ряду поколѣній. Да и въ общественныхъ инстинктахъ онъ придавалъ значеніе преимущественно тому, что современная мораль называетъ добродѣтелью: любовь къ ближнимъ, снисхожденіе къ слабымъ, покровительство имъ. Онъ говоритъ, напримѣръ, что «за исключеніемъ случаевъ, касающихся самого человѣка, едва ли найдется кто-либо настолько невѣжественный, чтобы позволить худшимъ животнымъ размножаться». Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ утверждаетъ, что «мы должны безропотно переносить несомнѣнно вредныя послѣдствія переживанія и размноженія слабыхъ». Онъ не можетъ «не сожалѣть о быстротѣ, съ которою размножается человѣчество», но тутъ же прибавляетъ, что сожалѣніе это, можетъ быть, и неразумно. Все это представляется Тилле результатомъ или отраженіемъ происходившей въ Дарвинѣ внутренней борьбы между основаніями новой морали, положенными имъ самимъ, и тѣмъ гуманно-демократическимъ духомъ, которымъ онъ былъ еще проникнутъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи Тилле проводитъ передъ читателемъ рядъ писателей и ученыхъ, болѣе или менѣе способствовавшихъ, по его мнѣнію, установленію эволюціонной этики: Спенсеръ, Лесли

Стефенъ, Гексли, Уоллесъ, Вундтъ, Вильямсъ, Геккель, Бюхнеръ, малоизвѣстный нѣмецкій поэтъ Іорданъ, Раденгаузенъ. Но всѣ они лишь болѣе или менѣе приближались къ истинѣ, лишь съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ расчищали путь къ ней, ибо они все-таки были отравлены ядомъ демократически-гуманныхъ идеаловъ. Въ концѣ концовъ, ихъ усиліями низвергнута такъ долго царившая идея равенства и равноправія всѣхъ людей, брошенъ надлежащій свѣтъ на вредъ покровительства слабымъ, больнымъ, немощнымъ, но они не отдѣлались все-таки отъ «любви къ ближнему», несовмѣстимой съ послѣдовательно проведеннымъ дарвинизмомъ, и не оцѣнили всего великаго и благодѣтельнаго значенія борьбы за существованіе. Честь окончательнаго установленія «Новаго идеала» (такъ называется послѣдняя глава книги Тилле) и основъ эволюціонной этики принадлежитъ Фридриху Ницше...

Недавно вышла въ русскомъ переводѣ хорошая книжка Риля «Фридрихъ Ницше, какъ художникъ и мыслитель». Въ ней, между прочимъ, читаемъ: «Возрастающее вліяніе Ницше, въ особенности на молодежь, объясняется главнымъ образомъ обаяніемъ его рѣчи, которая дѣлаетъ этого необычайнаго писателя птицеловомъ, завлекающимъ неопытныя души въ свои сѣти» (стр. 27). У насъ пока еще нѣтъ этого увлеченія, да и Ницше мало извѣстенъ, хотя мнѣ уже не разъ случалось наблюдать тамъ и сямъ слѣды его вліянія. Но мы живемъ умственными эпидеміями и, быть можетъ, слѣдующею же эпидеміей будетъ ницшеанство. Собственно отъ «обаянія рѣчи» Ницше мы гарантированы слабымъ знаніемъ иностранныхъ языковъ, а въ переводѣ, какъ бы онъ хорошъ ни былъ, красота рѣчи, по малой мѣрѣ, ослабляется. Да и не такъ уже сплошь обаятельна рѣчь Ницше. Напротивъ, великолѣпный, истинно художественный языкъ часто уступаетъ въ его сочиненіяхъ мѣсто непріятному многоглаголанію и вычурности. Но дѣло въ томъ, что своимъ возрастающимъ вліяніемъ Ницше обязанъ отнюдь не главнымъ образомъ красотѣ рѣчи. Онъ нащупалъ или угадалъ нѣкоторые подлинные пульсы современной жизни.

Что европейская цивилизація переживаетъ нѣкоторый кризисъ этическихъ понятій, это несомнѣнно. И какъ мыслитель, и какъ художникъ (Риль очень вѣрно указалъ въ самомъ заглавіи своей книжки, что на Ницше необходимо смотрѣть съ этихъ двухъ сторонъ), то есть и путемъ размышленій, и путемъ художественнаго воспріятія Ницше уловилъ и самый фактъ этого кризиса, и тѣ ростки чего-то новаго, что въ разныхъ мѣстахъ и съ разною силою пробивается изъ-подъ почти уже безжизненной пелены старыхъ воззрѣній. Но ростки пробиваются въ разныхъ мѣстахъ и имъ самимъ придется вступить въ борьбу между собою. Этого не усмо-

трѣлъ Ничше, вслѣдствіе чего вся его этика проникнута коренным противорѣчіемъ, перед которымъ меркнутъ его многочисленныя частныя противорѣчія.

Ничше самъ себя называлъ «имморалистомъ», и такъ какъ одно изъ самыхъ характерныхъ его сочиненій называется «Jenseits von Gut und Böse»: такъ какъ, далѣе, онъ признавалъ за нѣкоторыми, выдающимися людьми право переступать установившіяся границы добра и зла, то было выведено заключеніе, что онъ отрицаетъ всякую мораль. Это глубоко несправедливо. «Jenseits von Gut und Böse» значитъ не «по ту сторону добра и зла» вообще, а «по ту сторону добраго и злого» или, еще лучше, «доброты и злости». Ничше не видѣлъ нравственнаго блага въ добротѣ, но это не мѣшало ему предъявлять своимъ послѣдователямъ весьма строгія моральныя правила.

Что касается его отношенія къ дарвинизму, то оно было крайне двусмысленно. Въ Unzeitgemässe Betrachtungen, расправляясь съ Давидомъ Штраусомъ, онъ, между прочимъ, упрекаетъ его за то, что тотъ строилъ передъ историческими выводами дарвинистской этики. А одинъ изъ афоризмовъ въ Götzen Dämmerung носитъ характерное заглавіе Anti-Darwin. Вообще же онъ очень рѣдко говоритъ о теоріи Дарвина и нигдѣ не обнаруживаетъ признаковъ пристальнаго ея изученія, превышающаго тѣ общія объ ней понятія, какія имѣются у каждаго образованнаго человѣка. Тѣмъ не менѣе его этика вполнѣ заслуживаетъ названія эволюціонной, такъ какъ онъ отрицаетъ неподвижность нравственныхъ нормъ. Тилле, которому непремѣнно нужно сдѣлать изъ Ничше заключительное звено преемственной цѣпи, начинающейся Дарвиномъ, очень наивно разсказываетъ, что именно «зналъ» Ничше о происхожденіи видовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ готовъ даже умалить значеніе своего героя, высказывая совершенно вѣрную мысль, что тридцать лѣтъ тому назадъ, то есть до Дарвиновыхъ работъ, Ничше не могъ бы сдѣлать свое «открытіе». Это, конечно, вѣрно, но не потому лишь, что Чарльзъ Дарвинъ расчистилъ почву для «эволюціонной морали», а и потому, что тридцать лѣтъ тому назадъ сама жизнь не выбрасывала тѣхъ ростковъ, которые угадалъ Ничше.

Если, однако, этика Ничше заслуживаетъ названія эволюціонной, потому что онъ признавалъ измѣнчивость нравственныхъ нормъ, то въ подробностяхъ его взгляды на происхожденіе этихъ нормъ заключаютъ въ себѣ очень мало научнаго. Тилле, какъ и всѣ ничшеанцы, высоко цѣнитъ сопоставленіе «морали господъ» и «морали рабовъ», сдѣланное учителемъ [1]. Но дѣло въ томъ, что это не только

[1] За болѣе подробнымъ изложеніемъ взглядовъ Ничше читатель благо-

сопоставленіе или классификація», какъ говоритъ Тилле, а и исторія. Какъ же она происходила? Гдѣ-то, когда-то жили могучіе богатыри отважные, сильные, жизнерадостные, войнолюбивые, жестокіе, жаждавшіе наслажденій, но не бѣжавшіе и страданій, «злые» — раса прирожденныхъ «господъ». И столкнулись они съ прирожденными же «рабами», слабыми, трусливыми, умѣренными и аккуратными—«добрыми». Господа, конечно, побѣдили рабовъ, но затѣмъ, неизвѣстно когда, рабы въ свою очередь побѣдили господъ, нравственно побѣдили, заразивъ ихъ своими слабостями. И съ тѣхъ поръ воцарилась мораль рабовъ, предписывающая умѣренность, снисхожденіе къ слабымъ, любовь къ ближнему, признаніе сильныхъ и слабыхъ равноцѣнными. Таковъ конкретный ходъ эволюціи нравственности, послѣдовательной смѣны нравственныхъ нормъ. Въ дѣйствительности это, конечно, просто фантастическая сказка.

Нашему времени предстоитъ возстановить мораль господъ (она же, значитъ, мораль «селекціонистская» или «научная»), произвести «переоцѣнку всѣхъ цѣнностей», признать «доброту» зломъ, а «злость» добромъ, упразднить любовь къ ближнему и замѣнить ее «любовью къ дальнему». Дальніе это наше потомство, будущее человѣчество, которое станетъ болѣе совершеннымъ, если мы откажемся отъ покровительства слабымъ и дадимъ ходъ сильнымъ. И такимъ образомъ явится новая раса «смѣющихся львовъ», для созданія которыхъ можно и даже должно обыкновенныхъ людей частію просто растоптать, а частію держать въ приличествующемъ имъ состояніи рабства. Это «сверхъ-человѣки»—и человѣчность, «гуманность» имъ не указъ. Ничше называлъ себя «аристократическимъ радикаломъ» и предлагалъ созданіе, путемъ подбора, «касты», которая управляла бы объединенной Европой», такъ какъ ему казалось, что объединеніе Европы близко. Любопытно, въ связи съ этимъ, одно замѣчаніе Тилле. Онъ находитъ, что торжество господской морали и выработка «сверхъ-человѣковъ» возможны только на національной почвѣ. Онъ говоритъ: «Ничше былъ наполовину чужой своему народу и никогда не могъ примириться съ расцвѣтомъ политическаго интереса въ новой германской имперіи. Національная политика представлялась ему чѣмъ-то узкимъ». Въ этомъ Тилле видитъ единственный изъянъ въ ученіи Ничше! Въ этомъ отношеніи,—говоритъ онъ,—Ничше еще не переросъ гуманныхъ идей: онъ думалъ служить непосредственно человѣчеству» (241).

Въ одномъ мѣстѣ своей Morgenröthe Ничше характеризуетъ современное состояніе европейской цивилизаціи словами: «мораль-

---

волитъ обратиться къ моимъ замѣткамъ въ №№ 8, 11 и 12 «Русскаго Богатства» за 1894 годъ.

ное международствіе» и говоритъ объ отсутствіи какихъ-нибудь общепризнанныхъ идеаловъ. Тутъ онъ не ждетъ сколько-нибудь близкаго водворенія морали господъ. Но самая мысль объ этой морали, навѣрно навѣяна, между прочимъ, явленіями текущей жизни. При всякомъ крахѣ установившихся этическихъ понятій (а исторія знаетъ такіе крахи, когда старое отжито, а новое не нажито, являются люди, сбрасывающіе съ себя всякія нравственныя узы, дерзающіе на все, даже безъ лицемѣрія тайны и даже хвастая своимъ презрѣніемъ къ тому, что «чернь», толпа считаетъ нравственнымъ. Въ этомъ смыслѣ всѣ эти разные декаденты, эгоисты, оккультисты, сосиняющіе мистицизмъ съ кроваво-грязнымъ развратомъ, struggle forlifer'ы, эстеты, попадающіе въ тюрьму за противоестественные пороки, — представляютъ собою знаменіе времени. Но когда Максъ Нордау ставитъ Ничше за одну скобку со всѣмъ этимъ безпардоннымъ людомъ, онъ совершаетъ грубую несправедливость. Ничше, напротивъ, желалъ облагородить это знаменіе времени и указать, кто именно и во имя чего, по его мнѣнію, имѣетъ право презирать толпу, ея вѣрованія, идеалы, ходячую мораль. Какъ бы мы ни возмущались его дѣленіемъ человѣчества на прирожденныхъ господъ и прирожденныхъ рабовъ, онъ не призналъ бы всѣхъ этихъ грязныхъ людей господами. Онъ видѣлъ, что есть люди, которымъ тѣсно въ данныхъ предѣлахъ, но полагалъ, что раздвинуть эти предѣлы можно только ради высокой цѣли усовершенствованія человѣческаго типа и только для тѣхъ, кто способенъ приблизиться къ этому типу. И хотя его Заратустра называетъ себя «врагомъ добрыхъ и справедливыхъ» и «другомъ злыхъ», но на дѣлѣ онъ очень добрый, мягкій и самоотверженный человѣкъ.

Какъ бы то ни было, аристократическій идеалъ Ничше разбивается объ другой устой его ученія, который опять-таки является отраженіемъ текущей дѣйствительности. Если Ничше радуетъ сердце Тилле своимъ аристократическимъ идеаломъ и въ частности тѣмъ, что есть возможность прикрыть его научною мантіей естественнаго или соціальнаго «подбора», то съ другой стороны Тилле тщательно обходитъ нѣкоторыя любопытныя разсужденія Ничше о «приспособленіи». Въ Morgenröthe читаемъ: «Нынѣ каждый, повидимому, доволенъ, когда слышитъ, что общество стоитъ на пути приспособленія индивида ко всеобщимъ потребностямъ и что счастье и, вмѣстѣ съ тѣмъ, жертва индивида состоитъ въ томъ, чтобы чувствовать себя полезнымъ членомъ или орудіемъ цѣлаго. Современники колеблются въ выборѣ этого цѣлаго, — должно ли имъ быть существующее или еще имѣющее возникнуть государство, или нація, или объединеніе народовъ, или небольшія хозяйственныя общежитія. На этотъ счетъ существуетъ нынѣ много сомнѣній, борьбы полной

возбужденія и страсти; но удивительно единодушіе, съ которымъ отъ «я» (ego) требуется самоотреченіе въ формѣ приспособленія къ цѣлому, устанавливающему кругъ правъ и обязанностей. Сознательно или безсознательно, люди стремятся ни больше, ни меньше, какъ къ полному преобразованію, и именно ослабленію, даже уничтоженію индивидуума» (127). Ничше рѣшительно протестуетъ противъ такого приспособленія личности къ какому бы то ни было стоящему надъ нимъ цѣлому. По его мнѣнію, «зрѣлый плодъ общественнаго древа есть верховный индивидуумъ, себѣ лишь равный, отъ нравственности нравовъ (Sittlichkeit der Sitte) освобожденный, автономный, сверхнравственный (übersittlich) индивидуумъ» (Zur Genealogie der Moral).

Я уже не имѣю достаточно времени и мѣста, чтобы перечислить всѣ тѣ по истинѣ громадныя жертвы, которыя Ничше приноситъ на алтарь «верховнаго, себѣ лишь равнаго индивидуума», автономной, мыслящей, чувствующей и дѣйствующей личности. Упомяну лишь, что ради ея достоинства онъ согласенъ скорѣе на ея гибель, чѣмъ на ея приспособленіе, и неоднократно любуется картиной трагическаго конца личности, противопоставляющей себя стихійному ходу вещей. Спрашивается, почему же эта самая личность должна подчиниться, стать орудіемъ того цѣлаго, которое займется выработкой «сверхъ-человѣковъ»? Ясно, что это два непримиримыя теченія.

Я боюсь, что все вышеизложенное вызоветъ въ читателѣ недоумѣніе въ виду пестроты содержанія и бѣглости изложенія. Но буду счастливъ, если недоумѣніе разрѣшится раздумьемъ, если мнѣ удалось обратить вниманіе читателя на такія явленія литературы и жизни, на которыхъ онъ не останавливался.

XI.

Опроверженіе г. Захарьина-Якунина. — „Что такое искусство?“ — статья г. Л. Н. Толстого. — Эстетическіе взгляды Федорова и Эннекена. — Герои и толпа въ искусствѣ. — Четыре художественныя выставки.

Въ февральской книжкѣ «Русскаго Богатства» было напечатано, на основаніи 139 статьи устава о цензурѣ и печати, «Опроверженіе» г. Захарьина-Якунина. Опроверженія этого рода должны быть напечатаны безъ всякихъ измѣненій въ ближайшемъ номерѣ журнала, на томъ же мѣстѣ и тѣмъ же шрифтомъ, какъ и опровергаемая статья, и безъ всякихъ возраженій въ томъ же номерѣ.

Въ точности исполнивъ всѣ эти требованія закона, мы можемъ теперь, спустя мѣсяцъ, вернуться къ «Опроверженію».

Г. Захарьинъ настаиваетъ почему-то на анонимности рецензіи его стихотворенія: «анонимная статья», «анонимный рецензентъ», «анонимный г. критикъ», «г. анонимъ», опять «анонимный рецензентъ» и еще разъ «анонимный рецензентъ». Можетъ быть, это шестикратное, на пространствѣ одной странички, упоминаніе анонимности рецензіи есть дѣло случайности, но мы считаемъ все-таки нужнымъ отмѣтить, что анонимности въ данномъ случаѣ не слѣдуетъ придавать какое-нибудь особенное значеніе. Всѣ статьи или, вѣрнѣе, замѣтки, печатающіяся въ библіографическомъ отдѣлѣ нашего журнала, — анонимны. И это не потому, конечно, чтобы именно въ этомъ отдѣлѣ сотрудники «Русскаго Богатства» имѣли надобность или желаніе прятаться, а просто потому, что размѣры рецензій слишкомъ незначительны и авторы рецензій не придаютъ значенія своему авторству. Если бы рецензентъ нашелъ нужнымъ полнѣе развить свои мысли о поэтическихъ произведеніяхъ г. Захарьина и поэтому рѣзче выразить свою собственную индивидуальность въ болѣе обширной статьѣ, онъ, вѣроятно, подписался бы.

Что касается той части «Опроверженія» г. Захарьина, въ ко-

торой содержится дѣйствительно опроверженіе, то нужно пожалѣть, что поэтъ не обратилъ вниманія на одно замѣчаніе рецензента. А именно рецензентъ пишетъ: «Справедливо гордясь тѣмъ, что его книга выходитъ уже 4-мъ изданіемъ, онъ (г. Захарьинъ) прежде всего сообщаетъ намъ драгоцѣнное библіографо-историческое свѣдѣніе, что первое изданіе появилось въ 83-мъ году, и, къ сожалѣнію, умалчиваетъ почему-то (должно быть, изъ скромности) лишь о количествѣ экземпляровъ всѣхъ 4-хъ изданій». Г. Захарьинъ, какъ видно изъ рецензіи, столь охотно сообщаетъ всякаго рода библіографическія свѣдѣнія, касающіяся его произведеній, что отсутствіе данныхъ о количествѣ изданныхъ экземпляровъ составляетъ даже пробѣлъ, какъ въ предисловіи къ его стихотвореніямъ, такъ и въ «Опроверженіи». А если бы г. Захарьинъ прежде, чѣмъ прибѣгать къ главному управленію по дѣламъ печати для понужденія насъ напечатать его опроверженіе, обратился къ намъ, то мы указали бы ему единственно вѣрный и безспорный способъ «опроверженія», которое и напечатали бы безъ всякаго сторонняго понужденія. Мало вѣроятно, чтобы четыре изданія, изъ которыхъ первое появилось въ 1883 г., а послѣднее въ 1896 г. (13 лѣтъ), были фотографически тождественны. И если бы г. Захарьинъ показалъ, что въ теченіе 13 лѣтъ онъ прибавилъ къ своимъ «Грезамъ и пѣснямъ» хоть одно, самое незначительное стихотвореніе или, наоборотъ, хоть одно вынулъ изъ перваго изданія: если бы онъ указалъ на разницу въ форматѣ или шрифтѣ изданій или хоть на одну опечатку, исправленную въ послѣдующихъ изданіяхъ или, наоборотъ, вновь вкравшуюся,—рецензенту оставалось бы только признать, что высказанное имъ подозрѣніе не можетъ относиться къ г. Захарьину.

Въ «Опроверженіи» г. Захарьина есть нѣчто и кромѣ опроверженія. Онъ пишетъ: «Г. анонимный рецензентъ распространился не только о моей книжкѣ, но и обо мнѣ лично—въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Изъ естественнаго чувства деликатности, столь чуждаго самому г. Захарьину»... «Намъ стыдно за него» (за меня то-есть) и т. д.»

На этомъ пунктѣ г. Захарьинъ вовсе не опровергаетъ рецензента, да и какое же тутъ можетъ быть предъявлено опроверженіе? Но г. Захарьинъ не только не опровергаетъ, а и не сообщаетъ, къ чему именно относится «чувство деликатности» и «стыдъ» рецензента. Это обязываетъ насъ возстановить въ памяти читателя соотвѣтственныя мѣста рецензіи, тѣмъ болѣе, что ими затрогивается любопытный общій вопросъ искусства и художественной критики:

«Давно уже не испытывали мы болѣе удручающаго чтенія, какъ чтеніе «Пѣсни о погибшемъ сынѣ». Мы вполнѣ, конечно, вѣримъ

тому, что утрата любимаго сына была для г. Захарьина невыносимо тяжкимъ испытаніемъ, и тѣмъ не менѣе... тѣмъ не менѣе... намъ вчужѣ стыдно за него. Стыдно, что на «базаръ житейской суеты» онъ вынесъ такіе интимные, такіе завѣтные факты и черты своей семейной жизни, чувства и мысли, которыя каждый маломальски чуткій человѣкъ бережно таитъ въ глубинѣ души отъ самыхъ порой близкихъ ему людей. Правда, даже очень крупные поэты, великаны-поэты, нерѣдко намъ описываютъ дѣйствительно пережитыя ими событія и чувства, но какъ они это дѣлаютъ? Какъ *настоящіе* поэты. *Свое личное* они умѣютъ воплощать въ образы *общіе* и тѣмъ дѣлаютъ его для всѣхъ интереснымъ и поэтичнымъ. У г. же Захарьина, какъ мы, надѣемся, успѣли убѣдить читателей, нѣтъ ни искорки поэтическаго таланта. Глубоко трогательный эпизодъ своей жизни онъ описываетъ съ раболѣпною буквальностью, не поступаясь ни одной черточкой, ни одной мелочью, и у читателя получается такое же впечатлѣніе, какъ если бы онъ увидѣлъ какого-нибудь почтеннаго знакомаго въ ночномъ колпакѣ и засаленномъ домашнемъ халатѣ».—И далѣе: «Изъ естественнаго чувства деликатности, столь чуждаго самому г. Захарьину, мы пройдемъ молчаніемъ страницы, посвященныя описанію смерти и похоронъ. Повторяемъ, тяжело читать это, тяжело говорить объ этомъ».

Читатель видитъ, что правъ или неправъ нашъ рецензентъ, но его мысли о «стыдѣ» и «чувствѣ деликатности» не имѣютъ ровно никакого отношенія къ предмету «опроверженія» г. Захарьина. Я лично думаю, что рецензентъ во всякомъ случаѣ правъ, утверждая, что «свое личное» г. Захарьинъ не умѣетъ «воплощать въ образы общіе и тѣмъ дѣлать его для всѣхъ интереснымъ и поэтичнымъ», и что у него «нѣтъ ни искорки поэтическаго таланта». Припомнимъ, напримѣръ, разсказъ г. Захарьина о томъ, какъ онъ съ супругой, въ виду болѣзни сына, рѣшили—

Взять доктора для помощи ему
(Хотя прошло уже почти четыре года,
Какъ въ нашемъ домѣ не было врача,
И мы всегда ихъ избѣгали видѣть)
И вотъ вошелъ къ намъ въ домъ съ значкомъ ученымъ,
Дающимъ право убивать людей,
Врачъ неспособный, съ страшнымъ самомнѣньемъ
Равнявшимся невѣжеству его.
Сталъ шарлатанъ лѣчить. Онъ ежедневно
Прописывалъ различныя лѣкарства
И ни одно изъ нихъ не помогало
Затѣмъ мы стали замѣчать болѣзнь
Другую—тифъ вдругъ появился
Открылось уже потомъ, что докторъ

Самъ перенесъ къ намъ въ домъ заразу эту:
Имѣлъ онъ двухъ своихъ дѣтей больныхъ—
И развозилъ болѣзнь по паціентамъ...

Далѣе г. Захарьинъ разсказываетъ, какъ «шарлатанъ изслѣдовалъ, стучалъ и слушалъ распаренное тѣльце, снявъ повязки... И мальчикъ былъ простуженъ — началъ кашлять. Болѣзнь въ немъ новая явилась — пневмонія». И т. д., и т. д. Развѣ, въ самомъ дѣлѣ, это поэзія? Конечно, нѣтъ. И не потому только, что форма стихотворенія груба, неуклюжа, а и потому, что за этими протокольными подробностями совершенно скрывается то «общее», что могло бы быть вложено въ подобное стихотвореніе. И г. Захарьинъ самъ, повидимому, чувствовалъ, что въ обнародованіи его «Пѣсни о погибшемъ сынѣ» есть что-то не ладное. Онъ писалъ: «Не для чужихъ слагаю пѣсню эту, а только лишь для близкихъ мнѣ людей: для тѣхъ, кто зналъ несчастнаго страдальца иль слышалъ о мученіяхъ его». Правда, онъ прибавляетъ: «или для тѣхъ, кто въ жизни потерялъ, подобно мнѣ, возлюбленнаго сына». Но и это расширеніе сферы воздѣйствія «Пѣсни о погибшемъ сынѣ» совершенно незаконно. Можетъ быть тѣ, кто зналъ бѣднаго мальчика (въ семьѣ его звали «Колюхенъ»), и растрогаются стихотвореніемъ, но оно навѣрное не тронетъ вообще людей, имѣвшихъ несчастіе потерять ребенка. Между ними и своимъ горемъ г. Захарьинъ воздвигъ непроницаемую перегородку изъ множества чисто личныхъ чертъ и подробностей. Я не читалъ «Пѣсни о погибшемъ сынѣ», какъ и «Грезъ и пѣсенъ» г. Захарьина вообще, но и того, что приведено нашимъ рецензентомъ достаточно, чтобы судить о характерѣ «Пѣсни», а рецензентъ еще, «изъ естественнаго чувства деликатности», былъ очень умѣренъ. Мы узнаемъ, напримѣръ, что «Колюхенъ» желалъ быть похороненнымъ съ музыкой, что онъ негодовалъ на «этихъ евреевъ», мучившихъ Христа, и боялся позабыть за время болѣзни французскій языкъ:

Какъ *тихо* по-французски? какъ *бульваръ*?
Спросилъ онъ мать однажды: я забылъ.

Все это до такой степени лично и такъ всего этого много, что «Пѣсня о погибшемъ сынѣ» заслуживаетъ упрека, по малой мѣрѣ, въ художественной безтактности которой художнику стыдиться, конечно, слѣдуетъ. Ибо что такое искусство?

«Что такое искусство?» — Такъ называется статья гр. Л. Н. Толстого, появившаяся первоначально въ московскомъ журналѣ философіи и психологіи, а затѣмъ въ отдѣльномъ изданіи («Посредника»). Въ эту минуту у меня въ рукахъ только первый выпускъ этого изданія, но и то, что въ немъ содержится, достойно

[illegible] внимания и глубокое на серьезные размышления. Да и какъ могло бы быть иначе? Великій художникъ знаетъ себя существенѣ... Да и не въ сомнѣніи эпремнаго большинства читателей гр. Толстой, такъ хорошо выраженномъ въ предсмертномъ письмѣ Тургенева, графъ проявилъ свою прежнюю художественную дѣятельность, хотя и теперь тратитъ всѣ время отъ времени художественными произведеніями. Онъ искусствѣ занятъ онъ и раньше, но это было прямолинейнѣе и не тонко, что и теперь позволительно бы было скептическое отношеніе къ его отвѣту на вопросъ: что такое искусство? Быть можетъ, продолженіе статьи и сдѣлаетъ этотъ скептицизмъ... — за гр. Толстого нисколько нельзя поручиться, слишкомъ капризны хотя его мысли и смѣны его настроеній, — но первый выпускъ, во всякомъ случаѣ, содержитъ въ себѣ нѣчто значительное и цѣнное. Нѣкоторая безпорядочность мысли, свойственная всѣмъ философскимъ произведеніямъ гр. Толстого, часть своя знать и тѣмъ ровно какъ и нѣкоторая излишняя самоувѣренность, не разъ уже ставившая графа въ неловкое его славы положеніе до открытія открытыхъ Америкъ до человѣка, презрительно относящагося къ вещамъ, конечно презрѣнія не достойнымъ. Одна изъ странностей гр. Толстого состоитъ въ увѣренности, что у него нѣтъ предшественниковъ, кромѣ Конфуція, Будды и другихъ, вѣками и тысячелѣтіями отдаленныхъ отъ насъ авторитетовъ. Черта эта проглядываетъ и въ статьѣ. Что такое искусство? Но на счетъ разъ гр. Толстой далъ себѣ, по крайней мѣрѣ, трудъ просмотрѣть нѣкоторыя книги, касающіяся предмета его статьи, и нашелъ между ними кое-что «хорошее», «очень интересное» и даже «очень хорошее». Онъ приводитъ длинный рядъ предложенныхъ разными философами и учеными опредѣленій красоты и искусства. Правда, большинство этихъ опредѣленій онъ беретъ изъ вторыхъ рукъ изъ книгъ нѣмца Шопенгауера и англичанина Найтъ и даже Шопенгауеръ, въ которомъ видѣли нѣкогда алфу и омегу мудрости, цитируетъ не первоисточникъ? Въ ними этими опредѣленіями гр. Толстой болѣе или менѣе нетвердъ и даетъ свое собственное, какъ ему кажется, совершенно новое. Это не совсѣмъ вѣрно. Я не знакомъ со всѣмъ обширнѣе литературою предмета, но, какъ читатель увидитъ, въ сознаніи буду указать нѣкоторые пробѣлы въ обзорѣ гр. Толстого, пропуски нѣкоторыхъ эстетическихъ взглядовъ, въ которыхъ онъ могъ бы найти подтвержденіе своему отвѣту на вопросъ: что такое искусство? Но графъ подтвержденій не любитъ, онъ все самъ... Это не мѣшаетъ однако отвѣту быть въ высокой степени интереснымъ.

Гр. Толстой начинаетъ съ указанія на то, какое огромное мѣсто въ нашемъ обществѣ занимаетъ искусство и какихъ оно огромныхъ

денегъ стоитъ. Художественныя академіи, выставки, консерваторіи, драматическія школы, театры, романы, повѣсти, стихи. Но не только все это денегъ стоитъ, денегъ и разнообразнаго усиленнаго труда. Гр. Толстой вспоминаетъ, какъ онъ однажды присутствовалъ на репетиціи какой-то оперы. «Трудно видѣть болѣе отвратительное зрѣлище», говоритъ онъ. Не говоря о безсмысленности сюжета, его поразила невидная для публики закулисная сторона приготовленій къ спектаклю: начальство, дирижеръ оркестра, режиссеръ мучили актеровъ и музыкантовъ, заставляя ихъ десять разъ повторять недававшіяся имъ движенія и звуки, мучились сами и злобно ругались. «Слова: «ослы, дураки, идіоты, свиньи», обращенныя къ музыкантамъ и пѣвцамъ, я слышалъ въ продолженіе часа разъ сорокъ». «Вся эта гадкая глупость изготовляется не только не съ доброй веселостью, не съ простотой, а со злобой, съ звѣрской жестокостью. Говорятъ, что это дѣлается для искусства, а что искусство есть очень важное дѣло. Но правда ли, *что это искусство* и *что искусство* есть такое *важное дѣло*, что ему могутъ быть принесены такія жертвы? Вопросъ этотъ особенно важенъ потому, что искусство, ради котораго приносятся въ жертву труды милліоновъ людей и самыя жизни человѣческія *и главное, любовь между людьми*, это самое искусство становится въ сознаніи людей все болѣе и болѣе чѣмъ-то неяснымъ и неопредѣленнымъ... Искусство, поглощающее огромные труды народа и жизнеи человѣческихъ и *нарушающее любовь между ними*, не только не есть нѣчто ясное и твердо опредѣленное, но понимается такъ разнорѣчиво своими любителями, что трудно сказать, что вообще разумѣется *подъ искусствомъ и въ особенности хорошимъ, полезнымъ искусствомъ*, такимъ, во имя котораго могутъ быть принесены тѣ жертвы, которыя ему приносятся».

Остановимся немного на этихъ словахъ. «Великій писатель русской земли», какъ красиво назвалъ гр. Толстого Тургеневъ, великій, какъ художникъ, какъ тонкій наблюдатель внѣшняго и внутренняго, душевнаго міра и какъ творецъ образовъ и картинъ необычной яркости и силы. Это не мѣшаетъ ему крайне небрежно обращаться съ русскимъ языкомъ. Въ этомъ большой бѣды, конечно, нѣтъ, но иногда небрежность языка является у гр. Толстого отраженіемъ нѣкоторой безпорядочности мысли. Прошу читателя обратить вниманіе на подчеркнутыя въ только что цитированной страницѣ слова: Брань, которою театральное начальство осыпало пѣвцовъ, музыкантовъ, танцовщицъ (мелкую сошку, потому что съ г. Фигнеромъ и съ г-жей Кшесинской такъ не обращаются, конечно), свидѣтельствуетъ, что извѣстный родъ искусства нарушаетъ любовь между людьми». Это заставляетъ думать, что между теат-

ральнымъ начальствомъ и театральной мелкой сошкой была любовь и только вотъ репетиция или вообще театръ нарушилъ этотъ будто бы основной фонъ человѣческихъ отношеній. Въ томъ позволительно, конечно, сомнѣваться. Далѣе гр. Толстой хочетъ отвѣтить на вопросъ, совершенно ясно и прекрасно поставленный: что такое искусство? Но уже въ самомъ приступѣ къ отвѣту на этотъ вопросъ подъ дождь обложился другими, его затемняющими: есть ли именно опера, изображенная авторомъ въ комическомъ видѣ, искусство? есть ли искусство (и на чемъ разъ искусство вообще) важное дѣло? что слѣдуетъ разумѣть подъ искусствомъ и въ особенности хорошимъ, полезнымъ искусствомъ? Сбитые въ одну безпорядочную кучу въ самомъ приступѣ къ дѣлу, эти вопросы и читателя путаютъ, и заставляютъ сомнѣваться, что и въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ вылетитъ въ свой отвѣтъ на свой же коренной вопросъ мною подчеркнутый, то невыгодно отразится на всей его работѣ. Это и случилось съ гр. Толстымъ. Но въ самомъ мѣстѣ онъ даетъ ничѣмъ не затемненное и по истинѣ превосходное опредѣленіе искусства, которое я и приведу теперь же:

«Вызвать въ себѣ разъ испытанное чувство и, вызвавъ его въ себѣ, посредствомъ движенія, линій, красокъ, звуковъ, образовъ, выраженныхъ словами, передать это чувство такъ, чтобы другіе испытали то же чувство, — въ этомъ состоитъ дѣятельность искусства. Искусство есть дѣятельность человѣческая, состоящая въ томъ, что одинъ человѣкъ сознательно, извѣстными внѣшними знаками передаетъ другимъ испытываемыя имъ чувства, а другіе люди заражаются этими чувствами и переживаютъ ихъ».

Повторяю, это опредѣленіе превосходно и при томъ столь ясно, что если бы гр. Толстой напечаталъ только его, безъ всякой даже аргументаціи, то, повидимому, оставалось бы его лишь приложить къ дѣлу критики... ну хотя бы «Пѣсни о потопшемъ сынѣ» г. Захарьина-Якунина: не смотря на то, что чувства г. Захарьина облечены въ стихотворную форму, его пѣснь не заслуживаетъ названія художественнаго произведенія, потому что не способна заразить этими чувствами другихъ; а неспособна потому-то и потому-то.

Но гр. Толстой не ограничился приведеннымъ опредѣленіемъ. Онъ комментируетъ его. Онъ предпосылаетъ ему обширное вступленіе, которымъ мы сейчасъ займемся, а впереди насъ ждетъ еще продолженіе статьи, за достоинства котораго есть основанія опасаться.

*) Я не привожу этого комическаго описанія шествія людей въ желтыхъ башмакахъ съ фальтовыми алебардами на плечахъ, человѣка, «нараженнаго въ какого-то турка, который, странно раскрывъ ротъ, пѣлъ: «а невѣсту сопровожа-а-аю», и т. п. Напомню только что въ четвертой части «Войны и мира» есть подобное же описаніе какой-то оперы.

Въ опредѣленіи искусства мы встрѣчаемъ чрезвычайное разнообразіе у разныхъ мыслителей и ученыхъ, въ томъ числѣ и спеціалистовъ по эстетикѣ. Что же касается «средняго человѣка», то онъ «твердо убѣжденъ въ томъ, что всѣ вопросы искусства очень просто и ясно разрѣшаются признаніемъ красоты, содержаніемъ искусства: для средняго человѣка кажется яснымъ и понятнымъ то, что искусство есть производство красоты, и красотою объясняются для него всѣ вопросы искусства». Но если его спросить, «что такое сама красота?» — то онъ окажется въ затрудненіи отвѣтить. Да и мыслители и ученые опять же очень на этотъ счетъ разногласятъ. Приведя длинный рядъ разныхъ опредѣленій красоты, гр. Толстой раздѣляетъ ихъ на двѣ группы: одни — объективныя опредѣленія, другія — субъективныя. Но затѣмъ оказывается слѣдующее: «Красотой въ смыслѣ субъективномъ мы называемъ то, что доставляетъ намъ извѣстное наслажденіе. Въ объективномъ же смыслѣ красотой мы называемъ нѣчто абсолютно совершенное и признаемъ его таковымъ только потому, что получаемъ отъ проявленія этого абсолютно совершеннаго извѣстнаго рода наслажденіе, такъ что объективное опредѣленіе есть не что иное, какъ только иначе выраженное субъективное. Въ сущности, и то и другое пониманіе красоты сводится къ получаемому нами извѣстнаго рода наслажденію, т. е., что мы признаемъ красотою то, что намъ нравится». Отсюда гр. Толстой заключаетъ, что опредѣленіе искусства должно быть установлено совершенно помимо понятія о красотѣ. Вся существующая эстетика безъ толку бьется около этого пункта. Будь она достойна названія науки, она должна бы была «опредѣлить свойства и законы искусства или прекраснаго, если оно есть содержаніе искусства, или свойство вкуса, если вкусъ рѣшаетъ вопросъ объ искусствѣ и о достоинствѣ его, и потомъ, на основаніи этихъ законовъ, признавать искусствомъ тѣ произведенія, которыя подходятъ подъ эти законы, и отвергать тѣ, которыя не подходятъ подъ нихъ». Но современная эстетика видитъ свою задачу наоборотъ въ томъ, чтобы, «разъ признавъ извѣстныя произведенія хорошими, потому что они вамъ нравятся, составить такую теорію искусства, по которой всѣ произведенія, которыя нравятся извѣстному кругу людей, вошли бы въ эту теорію».

Можно удивляться, что, говоря о безуспѣшности построенія теоріи искусства на понятіи красоты и вкуса, гр. Толстой не прибѣгъ къ пріему, очень обычному въ его философскихъ произведеніяхъ. Если бы можно было опросить всѣ полтора милліарда населенія земного шара, то, конечно, подавляющее его большинство — всѣ эти эскимосы, зулусы, австралійцы, краснокожіе, готтентоты, даже китайцы, японцы и проч. не найдутъ красоты ни въ какой-

[illegible] нѣтъ полной прекраснѣйшей красоты, ни въ первыхъ [illegible] искусствъ. Авторитетъ [illegible] въ своихъ лучшихъ эстетическихъ чувствахъ. Гармонія [illegible] Апполона Бельведерскаго и отсутствіемъ въ [illegible] кольца или [illegible], я готовъ [illegible] [illegible], что [illegible] Венеры Милосской [illegible] [illegible] шире. И гр. Толстой могъ бы, по своему обыкновенію, [illegible] сказать: «Что [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Фидія, Рафаэля, Бетховена, Шекспира — одно же основаніе имѣютъ, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

не обошелъ книги Фехнера, онъ, можетъ быть, не сказалъ бы съ такою увѣренностью, что «объясненія того, почему одно нравится одному и не нравится другому, и наоборотъ, нѣтъ и не можетъ быть» (стр. 38 изданія «Посредника»). У Фехнера онъ нашелъ бы многія высоко интересныя указанія именно въ томъ смыслѣ, что «законы вкуса» могутъ и должны быть установлены. Не очень, надо думать, презрительно отнесся бы гр. Толстой и къ той высшей инстанціи, въ которую Фехнеръ предлагаетъ передавать споры о вкусахъ. По мнѣнію Фехнера, принципъ этой инстанціи очень простъ, почти до очевидности, и только примѣненіе его часто очень трудно. Дѣло, говоритъ онъ, идетъ не о томъ, нравится ли вамъ что-нибудь или не нравится, то-есть даетъ или не даетъ непосредственное наслажденіе, это фактъ вкуса,—а о томъ, *хорошо* ли, что это вамъ нравится, а то не нравится, то есть соотвѣтствуетъ ли вашъ вкусъ благу, счастію человѣчества (256). Таковъ общій принципъ и, повторяю, Фехнеръ очень хорошо понимаетъ трудность его практическаго примѣненія къ отдѣльнымъ конкретнымъ случаямъ споровъ о вкусахъ. Съ другой стороны, однако, вкусы не такъ ужъ капризны, какъ кажется, въ особенности, когда они захватываютъ болѣе или менѣе значительное число людей. Напримѣръ, нашимъ предкамъ нравились огромные парики, на нашъ теперешній вкусъ нелѣпые и безобразные. Говорятъ, что эта мода возникла изъ желанія плѣшиваго короля скрыть свою лысину. Если бы парикъ надѣлъ какой-нибудь мужикъ, то никто не обратилъ бы на это вниманія и во всякомъ случаѣ не стали бы подражать ему, а тутъ случилось иное. Сначала придворные люди стали подражать просто изъ лести, не видя въ чудовищномъ парикѣ ничего хорошаго: но постепенно къ этому дикому украшенію люди привыкли, а затѣмъ съ нимъ ассоціировалось представленіе знатности, могущества, величія, и въ связи съ этимъ люди вошли во вкусъ париковъ, парики стали нравиться. Такимъ же образомъ объясняется то, что китайцамъ нравятся уродливо маленькія ноги женщинъ, толстые животы мужчинъ, длинные ногти мандариновъ. Толстыми брюхами китайцы надѣляютъ даже своихъ боговъ, какъ идеальной формой тѣла, и если китайцу показать статую Аполлона Бельведерскаго, то онъ найдетъ, что это какой-то несчастный и безобразный проходимецъ весьма низкаго происхожденія, который не имѣетъ возможности жить въ свое удовольствіе и долженъ много бѣгать. Такимъ образомъ вкусъ, хотя бы на первый взглядъ и самый капризный, не есть что-нибудь, выскакивающее изъ цѣпи причинъ и слѣдствій и изъ общей связи явленій общественной и личной жизни. Онъ возникаетъ и исчезаетъ, измѣняется подъ вліяніемъ вполнѣ опредѣленныхъ, хотя иногда трудно уловимыхъ условій. Вкусы европейца и китайца,

четвертой XV и четвертой XIX столѣтія нѣмецкаго сюрта и нѣмецкаго крестьянина всѣ эстетическіе законы въ смыслѣ законности ихъ пребыванія при извѣстныхъ условіяхъ и въ томъ смыслѣ, что они есть непосредственно желаніе или жажда, кольцо въ носу невольницы доставляетъ ему такое же эстетическое удовольствіе, какъ вязь рыцарскаго брюха китайцу, какъ извѣстные костюмы намъ и т. д. Изъ этой своего рода равнодѣйствующей и безспорности всѣхъ вкусовъ не слѣдуетъ, однако, что нѣтъ мѣрила достоинства вкусовъ, надо только его искать гдѣ-нибудь внѣ сферы самихъ вкусовъ. И мы можемъ смѣло осуждать вкусы, напримѣръ, китайцевъ, такъ какъ слишкомъ маленькія ноги, пышныя брюха непомѣрно длинные ногти подлежатъ осужденію съ точки зрѣнія нѣкоторыхъ несомнѣнныхъ благъ, хотя бы здоровья. Конечно, эти блага, составляющія высшую инстанцію для оцѣнки вкусовъ, не всегда столь несомнѣнны и въ свою очередь подлежатъ разсмотрѣнію, но это уже другой вопросъ. А такъ какъ въ число условій, опредѣляющихъ вкусы данной эпохи, даннаго народа или класса, входитъ воспитаніе и общественное мнѣніе то возможна не только оцѣнка вкусовъ, а и исправленіе ихъ, направленіе ихъ въ «хорошую» сторону. Та агитація, которая нынѣ ведется по поводу корсетовъ и другихъ подробностей дамскаго туалета, если реформа женскихъ костюмовъ осуществится, послужитъ наглядным примѣромъ того, какъ, по совсѣмъ не эстетическимъ мотивамъ здоровья, удобства и проч., измѣняются вкусы: по всей вѣроятности нарождающимся поколѣніямъ будутъ нравиться совсѣмъ не тѣ женскіе облики, какіе нравятся намъ. Во всякомъ случаѣ Фехнеръ, рекомендуя чрезвычайную осторожность въ оцѣнкѣ различныхъ вкусовъ, все-таки считаетъ себя вправѣ сказать, что «вкусъ цѣлыхъ эпохъ и націй можетъ быть признанъ въ томъ или другомъ отношеніи дурнымъ, и всеобщность вкуса въ данную эпоху или въ данной націи еще не рѣшаетъ вопроса о его достоинствѣ» (261).

Объ эстетикѣ гр. Толстой знаетъ. Протестуя противъ «художественнаго канона», въ который эстетики включаютъ то, что имъ нравится, и отметаютъ то, что имъ не нравится, онъ замѣчаетъ: «Какъ будто никогда не было въ исторіи эпохъ, въ которыя въ извѣстныхъ, исключительныхъ кругахъ людей не было принимаемо и одобряемо должное, безобразное, безсмысленное искусство, не оставившія никакихъ слѣдовъ и совершенно забытыя впослѣдствіи». Разница одна лишь между Фехнеромъ и гр. Толстымъ, на что у перваго мы видимъ сомнѣнія, по которымъ онъ можетъ или, по крайней мѣрѣ, хотѣлъ различать хорошіе и дурные вкусы (смѣшно Geschmack Фехнеръ часто говоритъ Gefallen und Missfallen, что нравится и не нравится); гр. же Толстой такихъ сомнѣній не имѣетъ.

Вернемся къ его вышеприведенному превосходному, но требующему дополненія опредѣленію искусства. Подходитъ онъ къ нему слѣдующимъ образомъ. «Для того, чтобы точно опредѣлить искусство, надо прежде всего перестать смотрѣть на него, какъ на средство наслажденія, а разсматривать искусство, какъ одно изъ условій человѣческой жизни. Разсматривая же такъ искусство, мы не можемъ не увидѣть, что искусство есть одно изъ средствъ общенія людей между собой. Всякое произведеніе искусства дѣлаетъ то, что воспринимающій вступаетъ въ извѣстнаго рода общеніе съ производившимъ или производящимъ искусство и со всѣми тѣми, которые одновременно съ нимъ прежде или послѣ его воспринятія или воспримутъ то же художественное впечатлѣніе.. Дѣятельность искусства основана на томъ, что человѣкъ, воспринимая слухомъ или зрѣніемъ выраженія чувства другого человѣка, способенъ испытывать то же самое чувство, которое испыталъ человѣкъ, выражающій свое чувство. Дѣятельность искусства основана «на способности людей заражаться чувствами другихъ людей». Но, «если человѣкъ заражаетъ другого и другихъ прямо, непосредственно своимъ видомъ или производимыми имъ звуками въ ту самую минуту, какъ онъ испытываетъ чувство, заставляетъ другого человѣка зѣвать, когда ему самому зѣвается, или смѣяться, или плакать, когда самъ чему-либо смѣется или плачетъ, или страдаетъ, то это еще не есть искусство. Искусство начинается тогда, когда человѣкъ съ цѣлью передать другимъ людямъ испытанное имъ чувство снова вызываетъ его въ себѣ и извѣстными внѣшними знаками выражаетъ его». Чувства самыя разнообразныя, очень сильныя и очень слабыя, очень значительныя и очень ничтожныя, очень дурныя и очень хорошія, если только они заражаютъ читателя, зрителя, слушателя, составляютъ предметъ искусства». Затѣмъ слѣдуетъ окончательное опредѣленіе искусства, которое гр. Толстой печатаетъ курсивомъ, дабы сосредоточить на немъ наше вниманіе. Я уже привелъ его выше, но рекомендую читателю вновь внимательно перечитать его,— оно стоитъ того, чтобы въ него вдуматься. Мы имѣемъ здѣсь ясную, точную формулу, не оставляющую мѣста никакимъ сомнѣніямъ. Но непосредственно вслѣдъ за этой формулой встрѣчаемъ такую фразу: искусство не есть то-то или то-то (перечисляются различныя опредѣленія) «главное—не есть наслажденіе, а есть необходимое для жизни и для движенія *къ благу отдѣльнаго человѣка и человѣчества* средство общенія людей, соединяющее ихъ въ однихъ и тѣхъ же чувствахъ» (46). Откуда взялась эта прибавка? Она отнюдь не вытекаетъ изъ формулы. Авторъ вѣдь только что пояснилъ намъ, что «чувства самыя разнообразныя, *очень значительныя и очень ничтожныя, очень дурныя и очень хорошія* если только они зара-

какую читаешь, грязной, грязной [illegible] произведенье искусства. Во самом дѣлѣ, произведенія [illegible] Lagerlöf «La lobe devant les [illegible]», Desprès «Dela contagion morale», Abby «La [illegible]» [illegible] указывали на [illegible] романовъ и [illegible] романтическихъ [illegible], въ которыхъ [illegible] [illegible] и т. п. Вредность [illegible] состоитъ въ томъ, какъ это [illegible], что они [illegible] и [illegible] и [illegible]. [illegible] [illegible] преступленія. По точномъ мнѣніи формулы гр. Толстого, это безвредные романы и драмы суть произведенія искусства, да и едва ли кто отнесетъ имя въ семъ титулѣ, какъ бы никто мы ихъ ни дѣлали, но, уже конечно, никто не увидитъ въ нихъ средствителей необходимаго для жизни и для движенія къ одному отдѣльному человѣку и человѣчеству средства общенія людей, соединяющаго ихъ въ связяхъ и тѣхъ же чувствахъ. А между тѣмъ выкинуть ихъ за бортъ корабля искусства мы, на основаніи формулы гр. Толстого, не имѣемъ никакого права. Формула эта уравниваетъ всѣ произведенія искусства ихъ сознательною заразительностью, и если допускаетъ мѣрило совершенства, то исключительно количественное. Мы видѣли, что, по мнѣнію гр. Толстого, цѣлыя эпохи можетъ господствовать ложное, безобразное, безсмысленное искусство, не оставившее никакихъ слѣдовъ и совершенно забытое впослѣдствіи. Эпитеты «ложное, безобразное, безсмысленное» — совершенно неумѣстны съ точки зрѣнія формулы гр. Толстого, объединяющей всѣ произведенія искусства единственнымъ признакомъ — заразительностью. И если онѣ, тѣ или другія художественныя произведенія называетъ безсмысленными и безобразными, то дѣлаетъ эту оцѣнку на основаніи какихъ-то другихъ принциповъ, намъ неизвѣстныхъ, быть можетъ просто потому, что эти произведенія ему не нравятся, а вѣдь онъ это мѣрило рѣшительно отвергъ. Другое дѣло, если произведенія искусства не оставили никакихъ слѣдовъ и совершенно забыты впослѣдствіи... Но это же мѣрило только количественное: одни художественныя произведенія «заражаютъ» большое количество читателей, зрителей, слушателей, другія — меньшее, одни — только современниковъ, другія оказываютъ свое заразительное дѣйствіе гдѣ-то выше. Указаній на возможность какихъ бы то ни было другихъ критеріевъ для разсѣнки произведеній искусства — нѣтъ въ формулѣ гр. Толстого. Онъ ихъ кладетъ гдѣ-нибудь внѣ этой формулы и, по всей вѣроятности, будетъ искать ихъ тамъ же, гдѣ искалъ ихъ Фехнеръ. Да онъ уже и теперь идетъ по слѣдамъ Фехнера. Тотъ видитъ высшую инстанцію для разсудка сперва въ вкусахъ въ состояніи

или несоотвѣтствіи ихъ «благу, счастію человѣчества». гр. же Толстой указываетъ, хотя и непослѣдовательно, на «благо отдѣльнаго человѣка и человѣчества», какъ на рѣшающій моментъ въ опредѣленіи достоинства художественнаго произведенія.

Фехнеръ, говоря о томъ, какъ складываются вкусы, упоминаетъ о психической заразѣ, но дѣлаетъ это мимоходомъ, а въ одномъ мѣстѣ говоритъ даже, что это явленіе не имѣетъ большого значенія для предмета его книги. Статья гр. Толстого показываетъ, напротивъ, какое огромное значеніе имѣетъ психическая заразительность въ вопросахъ искусства. Вполнѣ признавая заслугу нашего великаго художника, надо, однако, замѣтить, что онъ не первый обратилъ вниманіе на эту въ высшей степени важную сторону дѣла, и не совсѣмъ правъ, утверждая, что доселѣ никѣмъ ничего не было сдѣлано въ этомъ направленіи. Не говоря объ отдѣльныхъ замѣчаніяхъ, мимоходомъ высказываемыхъ въ разныхъ сочиненіяхъ, посвященныхъ общему вопросу о психической заразѣ, подражаніи и проч. (я обратилъ бы вниманіе заинтересованнаго читателя, напримѣръ, на главы объ искусствѣ въ книгѣ Рамбоссона Phénomènes nerveux intellectuels et moraux, leur transmission par contagion. 1883), я укажу на одно спеціально эстетическое сочиненіе, основные принципы котораго весьма близки къ нѣкоторымъ пунктамъ статьи гр. Толстого, а вмѣстѣ съ тѣмъ примыкаютъ и къ изложенному взгляду Фехнера. Говорю о книгѣ Эннекена (Hennequin. La critique scientifique, 1888: если не ошибаюсь, есть русскій переводъ). Мы сейчасъ къ ней обратимся, а теперь попробуемъ поближе присмотрѣться, какъ къ самой формулѣ гр. Толстого, такъ и къ тѣмъ комментаріямъ, которыми онъ ее сопровождаетъ.

Искусство не есть то-то, не есть и то-то, а «главное—не есть наслажденіе». Не будемъ придираться къ неточности этой фразы и будемъ въ ней видѣть лишь выраженіе желанія, если не совсѣмъ упразднить, то умалить роль наслажденія въ искусствѣ. И дѣйствительно, въ формулѣ гр. Толстого нѣтъ и помину о наслажденіи, изъ чего, однако, не слѣдуетъ, чтобы, развертывая эту формулу для истолкованія конкретныхъ фактовъ, мы не встрѣтились съ наслажденіемъ. Гр. Толстой думаетъ, что люди, «считающіе цѣлью искусства наслажденіе», подобны дикарямъ, для которыхъ «цѣль и назначеніе пищи въ наслажденіи, получаемомъ отъ принятія ея». Разумѣется, «цѣль и назначеніе» пищи не въ наслажденіи, а въ поддержкѣ организма, но наслажденіе есть несомнѣнно проводникъ къ этой цѣли, при томъ наслажденіе двоякое: во-первыхъ, вкусовое,—даже вегетаріанцы, издавая свои кулинарныя руководства, указываютъ, что рекомендуемая ими пища, кромѣ всего прочаго, вкусна, если ее приготовить такъ-то и такъ-то; во-вторыхъ, наслажде-

ніе удовлетворяемой потребности. Если бы можно было себѣ представить организмъ, не знающій, по крайней мѣрѣ, этого послѣдняго наслажденія, то онъ во всякомъ случаѣ не долго прожилъ бы, какъ не долго просуществовалъ бы родъ человѣческій, если бы, по какимъ-нибудь причинамъ, исчезло наслажденіе половою актомъ. Точно также и въ искусствѣ. Формула гр. Толстого совершенно вѣрна, но дѣло въ томъ, что проводникомъ заразительности художественныхъ произведеній является все-таки наслажденіе, и опять-таки двоякое: во-первыхъ, эстетическое, а во-вторыхъ, то особое, очень сложное, часто жуткое и граничащее со страданіемъ наслажденіе, которое мы испытываемъ, сочувственно переживая чужую жизнь или какіе-нибудь отдѣльные ея моменты. Эстетика экспериментальной психо-физической школы указываетъ на извѣстныя сочетанія линій, красокъ, звуковъ, эстетическая оцѣнка которыхъ заложена въ устройствѣ нашей нервной системы и органовъ чувствъ. Насъ физіологически отталкиваютъ одни изъ этихъ сочетаній и привлекаютъ другія. И это, конечно, одно изъ условій, съ которыми художественное произведеніе должно считаться при преслѣдованіи цѣли, указываемой гр. Толстымъ. Оно не достигнетъ этой цѣли, не заразитъ слушателей, зрителей, читателей, не проведя ихъ черезъ этотъ, если позволительно такъ выразиться, эстетическій коррпдоръ. Извѣстно, что въ далекой древности не только поэзія, подходящая подъ формулу гр. Толстого, какъ и всякое другое искусство, а и законодательство, и правила морали, и практическія руководства по разнымъ отраслямъ дѣятельности излагались ритмической и отчасти даже риѳмованной рѣчью, остатки чего мы и нынѣ видимъ въ пословицахъ. Но съ теченіемъ времени ритмъ и риѳма, то есть извѣстныя эстетически дѣйствующія сочетанія звуковъ, оказались нужными только для поэзіи, именно потому, что они составляютъ условія, облегчающія зараженіе читателя и слушателя извѣстными чувствами. Законодательства, правила морали, практическія руководства сами по себѣ, въ этихъ формахъ не нуждаются, такъ какъ они нѣчто предписываютъ, дѣйствуютъ на волю преимущественно чрезъ посредство разума, а не непосредственно заражаютъ чувствами.

Въ маленькомъ этюдѣ Спенсера о «граціозности» кратко, но ясно указаны физіологическія условія того наслажденія, которое мы испытываемъ при видѣ граціозныхъ тѣлодвиженій и позъ. Здѣсь, вмѣстѣ съ эстетическими условіями заразы, мы имѣемъ уже и самую заразу: мы безсознательно переживаемъ ту пріятную легкость, съ которою искусный танцоръ или конькобѣжецъ совершаетъ извѣстныя движенія, и отраженнымъ образомъ сами испытываемъ эту пріятную легкость. Но это случаи очень элементарныя и именно

по своей элементарности мало что объясняющій въ задачахъ искусства. Хорошо исполненное живописное изображеніе, напримѣръ, человѣка, наслаждающагося отдыхомъ, или счастливой пары влюбленныхъ и т. п., конечно, можетъ возбудить пріятное чувство, которымъ и хотѣлъ художникъ заразить зрителя. Это не удивительно. Но какъ уживается художественное наслажденіе рядомъ съ отрицательными чувствами страданія, укаса, отвращенія, негодованія, которыми заражаютъ насъ художники слова, кисти, рѣзца, звука? Это очень сложный и спорный вопросъ, который я не думаю разрѣшать. Я хотѣлъ бы лишь подойти къ нему съ точки зрѣнія формулы гр. Толстого.

Помните знаменитый монологъ Гамлета:

Не дивно-ли: актеръ, при тѣни страсти,
При вымыслѣ пустомъ, былъ въ состояньи
Своимъ мечтамъ всю душу покорить:
Его лицо отъ силы ихъ блѣднѣетъ:
Въ глазахъ слеза дрожитъ и млѣетъ голосъ,
Въ чертахъ лица отчаянье и ужасъ
И весь составъ его покоренъ мысли.
И все изъ ничего—изъ-за Гекубы!
Что онъ Гекубѣ, что она ему?
Что плачетъ онъ о ней? О, еслибъ онъ,
Какъ я, владѣлъ порывомъ къ страсти,
Чтобъ сдѣлалъ онъ? Онъ потопилъ бы сцену
Въ своихъ слезахъ и страшными словами
Народный слухъ бы поразилъ, преступныхъ
Въ безуменство бы повергъ, невинныхъ въ ужасъ,
Незнающихъ привелъ бы онъ въ смятенье,
Исторгъ бы силу изъ очей и слуха.

Гамлетъ ошибается, думая, что ему недостаетъ только силы характера и мужества («А я? презрѣнный, малодушный рабъ»... «Я голубь мужествомъ») для того, чтобы сказать потрясающее «слово за короля, надъ чьимъ вѣнцомъ и жизнью совершено проклятое злодѣйство». Ему для этого недостаетъ художественнаго дарованія. И въ томъ же монологѣ, рѣшаясь приступить «къ дѣлу», онъ начинаетъ съ обращенія къ помощи актеровъ же:

Гм! слышалъ я, не разъ преступныхъ душу
Такъ глубоко искусство поражало,
Когда они глядѣли на актеровъ,
Что признавалися они въ злодѣйствахъ.

Поэтъ, изобразившій страданія Гекубы, и актеръ, усугубившій это изображеніе своей декламаціей, переживали скорбь жены убитаго Пріама, и хотя это была отраженная скорбь, но такъ какъ актеръ «своимъ мечтамъ всю душу покорилъ» и «весь составъ

его некоренъ мысли, не скорбь, получается нечто какое физическое выражение настоящей, неподдѣльной отдѣльности лица, подлинныхъ, неподдѣльныхъ боль и проч., и хотя, далѣе, онъ переживаетъ скорбь, но въ самомъ фактѣ этого переживанія и этой передачи зрителямъ и слушателямъ — испытывается нѣкоторое своеобразное наслажденіе. То же самое происходитъ и со зрителями и слушателями, которымъ поетъ и актеръ внушаетъ скорбныя чувства, заражаютъ духъ скорбью: скорбь отраженная, но несомнѣнная: переживается скорбь, но вмѣстѣ съ тѣмъ получается наслажденіе. То же и въ другихъ искусствахъ, съ тою лишь разницей, что собственно въ драматическомъ искусствѣ эффектъ усиливается еще всѣмъ видомъ театральнаго зала, всею совокупностью сочувствующихъ, сострадающихъ, сорадующихся зрителей: этимъ облегчается процессъ психической заразы. Кто не испытывалъ мучительнаго наслажденія при чтеніи большинства произведеній Достоевскаго? Силою своего жестокаго таланта этотъ человѣкъ заставляетъ насъ переживать ужаснѣйшія, мучительнѣйшія положенія, и однако мы испытываемъ при этомъ наслажденіе. Самъ Достоевскій объяснилъ бы эту странную двоякость своими извѣстными двумя афоризмами: «человѣкъ боится отъ природы и *любитъ* быть мучителемъ», «человѣкъ до страсти *любитъ* страданіе». Это, однако, ничего не объясняетъ, ибо мы знаемъ, что есть художники, вдохновляющіеся свѣтлыми, радостными, веселыми образами и картинами и внушающіе намъ соотвѣтственныя чувства. Очевидно, объясненіе, чтобы быть правильнымъ, исчерпывающимъ, должно охватить и эти, очень многочисленные случаи. Это разъ. А во-вторыхъ, и самые афоризмы Достоевскаго, въ такой общей формѣ, суть несомнѣнно плоды больного сердца и эксцентрическаго ума. Безспорно есть люди, испытывающіе наслажденіе при видѣ чужого страданія, наслажденіе самодовлѣющее, чуждое мотивовъ мести, личной злобы и т. п. Но это — единицы, исключенія, подлежащія вѣдѣнію психіатріи. Есть и люди, жаждущіе страданій, но это или опять-таки психіатрическіе субъекты, или же страданіе для нихъ является средствомъ потушить еще большія страданія, причиняемыя имъ, напримѣръ, чувствомъ грѣховности. Вообще же говоря, человѣкъ ищетъ наслажденія и бѣжитъ страданія. Надо только помнить сложность человѣческой души, сложность ея реагированія на явленія жизни,—жизни и искусства.

Спрашивается, какое же такое наслажденіе можетъ нас перечитывать мучительнѣйшія страницы Достоевскаго, слушать похоронный маршъ или горькую пѣснь «надтреснутаго рыдания», смотрѣть, какъ надрывается «бурлак» на картинѣ Рѣпина или какъ готовятся къ казни «стрѣльцы» на картинѣ Сурикова, присутство-

вать при перевоплощеніи страданій Дездемоны или Гекубы? И что тянетъ самихъ художниковъ къ переживанію всѣхъ этихъ скорбей, мученій, страданій? Я не говорю теперь о физіологическихъ условіяхъ, въ силу которыхъ извѣстныя сочетанія линій, звуковъ, красокъ, свѣта и тѣни ласкаютъ наши нервы и органы слуха и зрѣнія. Есть очевидно еще нѣчто, чарующее насъ въ приведенныхъ случаяхъ. Что же это такое? Гекуба страдала, а поэтъ и актеръ, вдохновляющіеся этимъ страданіемъ, наслаждаются перевоплощеніемъ этого страданія: страдаютъ, мучаются собственнымъ мученіемъ они, напротивъ, тогда, если имъ, по ихъ убѣжденію, не удалось достаточно ярко выразить страданіе Гекубы, достаточно проникнуться имъ. Зритель, слушатель, читатель тоже переживаютъ скорбь Гекубы, наслаждаются перевоплощеніемъ этого страданія и, наоборотъ, если не страдаютъ, то по крайней мѣрѣ испытываютъ непріятное чувство, если художникъ не достаточно полно и ярко выразилъ страданіе.

Мы никогда не выйдемъ изъ этого противорѣчія, если не признаемъ, что переживаніе чужой жизни, чужого настроенія, какъ бы всасываніе его въ себя *можетъ* само по себѣ быть наслажденіемъ, которое и лежитъ въ основѣ искусства, какъ для художника, такъ и для зрителя, слушателя, читателя. Я подчеркнулъ слово «*можетъ* быть наслажденіемъ». Сила психической заразительности сказывается во множествѣ явленій, какъ обыденной личной, такъ и общественной жизни. Особенность ея въ искусствѣ точно опредѣляется формулой гр. Толстого, но еще лучше однимъ изъ его комментаріевъ къ ней: «если человѣкъ заражаетъ другого или другихъ прямо, непосредственно своимъ видомъ или производимыми имъ звуками въ ту самую минуту, какъ онъ испытываетъ чувство... то это еще не есть искусство: искусство начинается тогда, когда человѣкъ, съ цѣлью передать другимъ людямъ испытанное имъ чувство, снова вызываетъ его въ себѣ и извѣстными внѣшними знаками выражаетъ его». Но здѣсь-то и важенъ тотъ элементъ наслажденія, отъ котораго гр. Толстой хочетъ отгородить искусство. Въ жизни дѣйствительной мы радуемся чужой радости и сострадаемъ чужому страданію (вообще говоря, то есть, при отсутствіи встрѣчныхъ мотивовъ зависти, мести и проч.), именно потому, что заражаемся этими настроеніями и испытываемъ сами наслажденіе или же страданіе. Видъ страданій Гекубы въ дѣйствительной жизни и переживаніе ихъ наслажденія не даютъ. Напротивъ, мы испытываемъ при этомъ только большее или меньшее страданіе, которое и стремимся такъ или иначе прекратить: или просто отходимъ, чтобы не видѣть страданія, или стараемся лаской, сочувствіемъ утѣшить, или, если это возможно, удалить самую причину

страшнія. Но то въ театрѣ. Въ театрѣ мы понимаемъ, насколько вдумываемся мастерство переживанія чужихъ страданій и страдаемъ, если актеръ играетъ его дурно, если онъ нарушаетъ цѣльность скорбящаго образа какимъ-нибудь, напримѣръ, комическимъ штрихомъ, который самъ по себѣ могъ бы насъ заставить улыбнуться. Самы мы не играемъ роли, но настолько ясно переживаемъ изображаемую на сценѣ жизнь, что подобныя штрихи насъ коробятъ. Иллюзія должна быть полная, но это вовсѣ не иллюзія, иначе мы или бросились бы между Отелло и Дездемоной, чтобы предупредить убійство, или убѣжали бы изъ театра, чтобы не быть свидѣтелемъ его. Нѣчто въ томъ родѣ, впрочемъ, бываетъ. Есть люди очень наивные или очень нервные, для которыхъ произведеніе искусства и собственная жизнь ихъ какъ бы сливаются въ одно цѣлое, и тогда искусство себѣ для меня дорогаетъ быть для нихъ источникомъ наслажденія въ тѣхъ случаяхъ, когда сюжетъ произведенія окрашенъ скорбью, страданіемъ, ужасомъ. Извѣстно, что простые люди часто вмѣшиваются въ хотя бы какія трамы громогласно указываютъ, напримѣръ, герою, гдѣ спрятался злодѣй, или выражаютъ одобреніе игрѣ актера, то есть не искусству, а однородным чувствамъ или удачно исполненной хитрости и т. п. Это именно потому, что граница между жизнью и искусствомъ для нихъ затушевывается. Это тоже переживаніе чужой жизни и какъ бы скорбь въ нѣкоторыхъ случаяхъ только скорбь, только страданіе, почти не осложненное художественнымъ наслажденіемъ. Вотъ почему такъ часто дѣти, а иногда и взрослые, не любятъ читать «печальныя исторіи», хотя бы и въ высокой степени художественно изложенныя.

Сама искусство есть само по себѣ совершенно, не вѣдающая ни добра, ни зла. Гр. Толстой ошибается, утверждая, что искусство «не есть наслажденіе, а есть необходимое для жизни и для движенія къ благу отдѣльнаго человѣка и человѣчества средство общенія людей, соединяющее ихъ въ однихъ и тѣхъ же чувствахъ». Искусство не есть наслажденіе,— эти два понятія не покрываютъ другъ друга, однако наслажденіе есть необходимое условіе искусства. Но искусство и не *есть* «необходимое для движенія къ благу отдѣльнаго человѣка и человѣчества средство общенія». Что оно таковымъ *можетъ быть*, что это желательно, это другой вопросъ. Это вопросъ принципа, а фактъ тотъ, что искусство «объединяетъ» людей въ очень различныхъ по своему нравственному достоинству чувствахъ. Если Гамлетъ припоминаетъ случаи, когда «преступныхъ душу такъ глубоко искусство поражало, что признавался они въ злодѣйствахъ», если, другими словами, искусство можетъ будить совѣсть и внушать добрыя или великодушныя чувства, то

бываетъ и наоборотъ, что искусство пробуждаетъ или питаетъ звѣрскіе инстинкты.

Изъ многихъ примѣровъ, приводимыхъ вышеуказанными французскими психіатрами, укажу на одинъ. Знаменитый юный убійца цѣлаго семейства Троманъ (увѣковѣченный для русскихъ читателей Тургеневскимъ описаніемъ его казни), по его собственному показанію, зачитывался бульварными уголовными романами и увлекался ихъ кровожадными героями (Moreau, Le monde des prisons; Aubry, La contagion du meurtre). Очень плохи эти романы, но они во всякомъ случаѣ оказались достаточно сильными, чтобы заразить Тромана. — Много лѣтъ тому назадъ я читалъ въ «Новомъ Времени» рождественскую сказку г. Вагнера (Кота Мурлыки). Не помню ни названія сказки, ни большинства ея чрезвычайно тщательно разработанныхъ подробностей, но полученное отъ нея впечатлѣніе врѣзалось неизгладимо. Помнится, какая-то еврейка необычайной красоты и огромнаго богатства, въ видахъ посрамленія или даже искорененія христіанства, должна родить сына отъ какого-то русскаго князя. При этомъ какое-то особенное значеніе имѣли родословныя древа дѣйствующихъ лицъ: выходило какъ-то, что по различнымъ вычисленіямъ и пророчествамъ мудрецовъ сліяніе кровей, текущихъ въ жилахъ князя и еврейки, должно дать плодъ, грозный для христіанства. Чары красоты еврейки, развертываемыя ею въ одуряющей роскошной обстановкѣ, начинаютъ овладѣвать княземъ. Но въ послѣднюю минуту еврейка требуетъ, чтобы князь снялъ съ своей шеи крестъ (тоже какой-то особенный) и наступилъ на него ногой. Передъ этимъ требованіемъ князь съ ужасомъ отступаетъ, и все предпріятіе еврейки рушится, потому что зачатіе таинственнаго ребенка должно произойти именно въ опредѣленную минуту (помнится, когда бьетъ полночь), иначе будетъ поздно. Еврейка разражается проклятіями... Не знаю, какое впечатлѣніе произвела бы на меня эта сказка теперь, но тогда я былъ пораженъ. Въ художественномъ смыслѣ сказка превосходна (или казалась мнѣ такою тогда); тщательная разработка деталей, гармонія частей, чувство мѣры, не смотря на фантастичность фабулы и восточную роскошь красокъ, постепенность, съ которою развертывается дѣйствіе,—какъ-то льстиво, но цѣпко захватывали душу и навязывали ей художественное наслажденіе, хотя я сознавалъ отвратительность тенденціи сказки. Я увѣренъ (или былъ тогда увѣренъ), что сказка эта, талантливо, «проникновенно» прочитанная вслухъ передъ толпой простого народа, и въ особенности въ рождественскую ночь, способна была бы вызвать крикъ: «бей жидовъ!» и соотвѣтственные поступки.

Читателю можетъ показаться, что два послѣдніе примѣра про-

тиворѣчатъ вышесказанному о предѣлахъ заразы или внушенія въ искусствѣ. «Искусство начинается тогда, когда человѣкъ, съ цѣлью передать другимъ людямъ испытанное имъ чувство, снова вызываетъ его въ себѣ и извѣстными внѣшними знаками выражаетъ его». Искусство выражаетъ не непосредственныя чувства, а отраженныя, и всякое хорошее произведеніе искусства даетъ иллюзію, возможно полную по условіямъ данной отрасли искусства, но все-таки иллюзію. И мы это знаемъ. Поэтому-то мы, при всемъ сочувствіи къ ужасному положенію Дездемоны, не заступаемся за нее, и тѣмъ паче не раскланиваемся передъ превосходно написаннымъ портретомъ нашего знакомаго и т. п. Если, однако, этимъ объясняется двоякое чувство художественнаго наслажденія и вмѣстѣ страданія при видѣ горестныхъ или ужасныхъ положеній воспроизводимыхъ искусствомъ, то вышеупомянутый Эннекенъ идетъ уже слишкомъ далеко въ своемъ разграниченіи реальныхъ и художественныхъ впечатлѣній. Послѣднія, по его мнѣнію, потому пріятны даже при непріятныхъ или тяжелыхъ зрѣлищахъ, что даютъ лишь слабое, легкое возбужденіе, не причиняющее настоящаго страданія и не вызывающее никакого дѣйствія, никакого поступка съ нашей стороны. Это не совсѣмъ такъ. Мы не вмѣшиваемся въ непосредственно происходящее передъ нами дѣйствіе (да и то, какъ мы видѣли, съ очень нервными или наивными людьми это бываетъ), но чувства, внушенныя намъ искусствомъ, могутъ разрѣшиться извѣстнаго рода дѣйствіями, поступками, совершаемыми подъ давленіемъ этихъ чувствъ. Это мы и видимъ въ біографіи Тренмана, въ извѣстной эпидеміи самоубійства, вызванной Гетевскимъ Вертеромъ, въ цѣломъ рядѣ явленій русской жизни, когда мы стремились копировать Печорина или потомъ Базарова, наконецъ, и въ гипотетическомъ случаѣ — чтенія вслухъ зрѣлищъ толпѣ простого народа сказки г. Вагнера. Эннекенъ долженъ лучше всякаго другого понимать это. Установивъ въ началѣ книги приведенное различіе между реальными и художественными эстетическими впечатлѣніями, подчеркнувъ, что «эстетическое волненіе есть бездѣйственная форма объясненнаго волненія» (L'émotion esthétique est une forme inactive de l'émotion ordinaire, 31), Эннекенъ, приближаясь къ концу своего изслѣдованія, вноситъ слѣдующую «поправку»: «Волненіе, вызываемое произведеніемъ искусства, не разрѣшается непосредственно дѣйствіемъ и этимъ отличается отъ сильныхъ реальныхъ волненій. Но, имѣя въ самомъ себѣ цѣль и не производя немедленно практическихъ слѣдствій, оно съ теченіемъ времени вызываетъ таковыя, и очень важныя» (203). За развитіемъ этой мысли, которая послѣ сказаннаго и безъ того понятна, мы слѣ-

дить не будемъ, а обратимся къ нѣкоторымъ другимъ сторонамъ эстетической теоріи Эннекена.

Основная мысль Эннекена состоитъ въ томъ, что, подобно гр. Толстому (вѣрнѣе было бы сказать, что гр. Толстой дѣлаетъ это подобно Эннекену), онъ видитъ въ искусствѣ средство зараженія читателя, зрителя, слушателя, — внушенія (suggestion) имъ извѣстныхъ чувствъ. Но онъ понимаетъ, что достиженіе этой цѣли искусствомъ немыслимо безъ элемента художественнаго наслажденія. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи рѣшающимъ моментомъ является вкусъ. Въ искусствѣ,—говоритъ онъ,—нѣтъ критерія, который позволялъ бы расцѣнивать произведенія, одинаково волнующія, одинаково совершенныя въ смыслѣ экспрессіи. Но «книги, статуи, картины, музыкальныя произведенія существуютъ не одни въ пустомъ мірѣ. Если вѣрно, что образы и чувства, внушаемые этими произведеніями, оставляютъ слѣдъ въ душѣ человѣка, нравственныя качества котораго не безразличны для ему подобныхъ; если вѣрно, что эти образы и чувства вліяютъ на природу и силу души, — съ общественной точки зрѣнія нельзя признать всѣ произведенія искусства равнозначительными для блага даннаго общества или, беря предметъ шире, человѣчества» (207—8; затѣмъ слѣдуетъ ссылка на Vorschule der Aesthetik Фехнера).

Спрашивается, каковы, такъ сказать, количественные предѣлы зараженія чувствами, вложенными художникомъ въ свое произведеніе? Сотни тысячъ людей читаютъ французскіе уголовные бульварные романы и любуются соотвѣтственными театральными спектаклями, но не все же это Тропманы, хотя онъ, конечно, и не одинъ, и быть можетъ у очень многихъ изъ этихъ читателей и зрителей шевелятся звѣрскіе инстинкты, не разрѣшающіеся дѣйствіемъ. Эстетическіе вкусы этихъ людей удовлетворяются грубыми, на болѣе тонкій вкусъ прямо безобразными формами бульварныхъ романовъ и драмъ; но, кромѣ того, въ наслѣдственныхъ или благопріобрѣтенныхъ по извѣстнымъ условіямъ жизни душевныхъ свойствахъ этихъ людей должно быть нѣчто предрасполагающее къ воспринятію извѣстныхъ чувствъ. Это нѣчто можетъ всю жизнь оставаться въ потенціальномъ состояніи, не обнаруживаясь внѣшнимъ образомъ, но можетъ, такъ сказать, обласканное художественнымъ наслажденіемъ, вспыхнуть цѣлымъ пожаромъ. Въ нашемъ второмъ примѣрѣ, гипотетическомъ, дѣло яснѣе. Здѣсь мы имѣемъ группу людей, наивныхъ и грубыхъ, воспитанныхъ въ извѣстныхъ предразсудкахъ и антипатіяхъ, каковыми и подготовлена бурная вспышка съ кулачной расправой. Людей, иначе обставленныхъ всѣми условіями жизни, сказка г. Вагнера не заразитъ.

Эннекенъ и настаиваетъ на томъ, что у художника и его поклонниковъ, почитателей (admirateurs), то есть людей, которыхъ онъ заражаетъ своими произведеніями, должна быть нѣкоторая общая почва. Художникъ, совершенно чуждый какъ эстетическимъ вкусамъ, такъ и чувствамъ и наклонностямъ извѣстной группы людей, не произведетъ на нее никакого впечатлѣнія, хотя бы въ другой общественной средѣ волновалъ зрителей, слушателей, читателей до глубины души. Художникъ есть самъ продуктъ извѣстной среды, изъ чего однако не слѣдуетъ, чтобы его роль была совершенно пассивна. Напротивъ, художникъ властно привлекаетъ къ себѣ тѣ «массы», которыя способны заразиться его творчествомъ, воспринять тѣ чувства, которыя онъ внушаетъ. Художникъ часто самъ создаетъ «среду» своихъ почитателей, внушая имъ свои чувства.

Въ концѣ книги Эннекенъ дѣлаетъ набросокъ исторической теоріи, въ силу которой исторія есть взаимодѣйствіе выдающихся личностей — героевъ, вождей и массъ. Онъ горячо протестуетъ противъ столь же «ложнаго», какъ и «легко воспринимаемаго» положенія, «отдѣляющаго одинъ отъ другого оба элемента, которыми совершается каждое историческое событіе, — вождей и массы, — и дающаго перевѣсъ послѣднему надъ первымъ» (189). Насъ не интересуетъ здѣсь историческая теорія Эннекена, да и у него она является какъ бы придаткомъ къ эстетической теоріи. Она служитъ ему лишь для поясненія послѣдней путемъ параллели между историческими «героями» и художниками, съ одной стороны, толпою, «массами» и почитателями художника — съ другой. Было бы однако очень рискованно придавать титулъ героя всякому художнику, хотя бы и имѣющему большій или меньшій кругъ почитателей. По крайней мѣрѣ, надо въ этомъ разобраться и условиться. Можно, пожалуй, уподобить историческому герою, властно ведущему толпу за собой, всякаго талантливаго художника, живописца, поэта, актера, музыканта, пѣвца, внушающаго зрителямъ, слушателямъ и читателямъ извѣстныя чувства и въ этомъ смыслѣ властвующаго надъ ними. Но можно требовать отъ героя въ искусствѣ и большаго, такой яркой оригинальности, которая вызвала бы не только почитателей, проникающихся его образами и картинами, но еще «толпу» въ другомъ смыслѣ, — многочисленныхъ подражателей, иногда высоко талантливыхъ, которые въ свою очередь чаруютъ слушателей, читателей, зрителей. Такими героями, напримѣръ, въ русской литературѣ были Пушкинъ и Гоголь.

Приближеніе весны въ Петербургѣ ежегодно бываетъ отмѣчено какимъ-то пароксизмомъ художественныхъ наслажденій. Еще не успѣваютъ закрыться двери театровъ, какъ уже начинаются художественныя выставки, число которыхъ ростетъ съ каждымъ годомъ, потомъ концерты, еще концерты, еще выставки. И всѣ концерты и выставочные залы полнымъ полны, да и внѣ ихъ, на улицѣ, дома, въ гостяхъ, въ газетахъ вы сталкиваетесь съ отголосками пережитыхъ художественныхъ впечатлѣній: идутъ разговоры о собственномъ нашемъ г. Фигнерѣ и чужестранныхъ знаменитыхъ концертантахъ, объ англійской выставкѣ, финляндской, передвижной, академической. Что это значитъ? Дѣйствительно ли мы, петербуржцы, такъ жаждемъ художественныхъ наслажденій въ смыслѣ переживанія чужой жизни? Спустимся немножко съ этихъ высотъ чистой теоріи и посмотримъ на нѣкоторыя осложненія того интереса къ искусству, который мы только что въ минувшій сезонъ обнаружили.

Я не былъ на выставкѣ картинъ англійскихъ художниковъ, но вотъ что читаемъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» объ эффектѣ, произведенномъ этой выставкой въ Москвѣ. Выставка «пользуется очень большимъ успѣхомъ у публики. За недѣлю ея пребыванія въ Москвѣ администрація выставки получила входной платы 2,616 р. Посѣтителей за это время перебывало до 4,000 человѣкъ. Картинъ продано пока всего пять на сумму 12,000 руб., что съ пріобрѣтенными въ Петербургѣ картинами составитъ болѣе 80 нумеровъ. Въ настоящее время большинство выдающихся полотенъ уже распродано. Выставка особенно усердно посѣщается по вечерамъ, отъ 7-ми до 11-ти часовъ, когда играетъ цыганскій оркестръ І. Риго, красиво и съ огнемъ исполняющій преимущественно Штраусовскій репертуаръ. Въ эти часы залы совершенно переполнены, что значительно затрудняетъ осмотръ выставленныхъ произведеній. Много мѣшаетъ также электрическое освѣщеніе, благодаря которому значительно мѣняется колоритъ масляныхъ картинъ и совершенно пропадаютъ акварели. Не совсѣмъ удачно освѣщены и нѣкоторыя картины въ верхнихъ рядахъ».

Вдумайтесь въ эту замѣтку. Сравнительно недавно народился новый видъ искусства или, по крайней мѣрѣ, новое сочетаніе старыхъ художественныхъ элементовъ,—мелодекламація. Мнѣ не удавалось присутствовать при хорошемъ исполненіи, но я могу себѣ представить, что этотъ родъ искусства способенъ производить сильное и цѣльное впечатлѣніе, если, разумѣется, кромѣ хорошаго исполненія, текстъ читаемаго произведенія и сопровождающая его музыка совпадаютъ въ тонѣ; потому что если, напримѣръ, разсказъ Горбунова будетъ сопровождаться музыкальнымъ мотивомъ, напоми-

кающимъ похоронный маршъ, такъ ничего хорошаго изъ этого не выйдетъ. Быть можетъ, возможны сочетанія музыки и съ живописью. Но когда на выставкѣ картинъ съ разнообразнѣйшими сюжетами играетъ цыганскій оркестръ Рито, то чѣмъ красивѣе и чѣмъ съ большимъ огнемъ онъ исполняетъ Штраусовскій репертуаръ, то тѣмъ нелѣпѣе долженъ оказаться результатъ выставки. Хорошо исполненный вальсъ Штрауса очень пріятно послушать. Но, заразившись бьющимъ изъ этого вальса весельемъ, какъ могу я заразиться, какъ могу я тутъ же воспринять вложенное художникомъ въ пейзажъ настроеніе тишины, грусти, одиночества? И наоборотъ: проникнувшись настроеніемъ кающейся Магдалины, какъ могу я слушать вальсъ? Скажутъ, можетъ быть, что вѣдь и на выставкѣ имѣются картины на разнообразные сюжеты: веселый жанръ рядомъ съ тихимъ пейзажемъ, трагической сценой, портретомъ, nature morte. Это такъ. Но вѣдь я могу сосредоточить свое вниманіе на любой изъ этихъ картинъ въ теченіе любого времени, тогда какъ звуки вальса сопровождаютъ меня неотступно и не могутъ не раздваивать впечатлѣніе. А между тѣмъ вотъ залы переполнены именно въ тѣ часы, когда играетъ цыганскій оркестръ и когда, вдобавокъ, благодаря электрическому освѣщенію значительно мѣняется колоритъ масляныхъ картинъ и совершенно пропадаютъ акварели. Ясно, что публика — не говорю, конечно, вся — толпится на выставкѣ не затѣмъ, чтобы проникаться настроеніями художниковъ и переживать изображенную ими жизнь: не ради художественнаго наслажденія, а если и ради художественнаго, то самаго низменнаго сорта: «ублажить кристаль очей» красивыми пятнами и линіями, благо это не мѣшаетъ въ то же время насыщать и органъ слуха красивыми звуками. И это, можетъ быть, еще наивысшій мотивъ для многихъ: сами по себѣ картины, безъ вальса, *надо* смотрѣть, потому что такова мода, потому что всѣ смотрятъ, потому что нельзя же хлопать ушами въ салонѣ, когда говорятъ о такой-то **картинѣ или такой-то статуѣ.**

Ну, а художники? Изъ того, что публика смотритъ на картины, по безсмертному выраженію Гоголя, «ковыряя въ носу», не слѣдуетъ, что эти картины не суть произведенія искусства. Онѣ только слабо исполняютъ свою функцію или, можетъ быть, совсѣмъ не исполняютъ ея, какъ, такъ называемые, рудиментарные, зачаточные органы. Причина такого положенія вещей можетъ лежать и въ публикѣ, и въ художникахъ, и въ обоихъ вмѣстѣ. Художники и публика не находятъ другъ друга. Явленіе, — параллельное тому, которое выражено въ знаменитой горькой фразѣ Щедрина «писатели пописываютъ, читатели почитываютъ». Публика даже съ чрезвычайною охотою смотритъ картины, но эти обзоры выставокъ составляютъ

для нея просто развлеченіе, подогрѣтое модой, а не то средство общенія съ душою художника, объ которомъ говорятъ Эннекенъ и гр. Толстой. Картины, повидимому, и покупаются въ значительномъ числѣ, но не смотрятъ ли на нихъ покупатели просто какъ на украшеніе своихъ кабинетовъ, гостиныхъ, столовыхъ?

Пойдемте на выставку «русскихъ и финляндскихъ художниковъ». Я долженъ предупредить читателя, что отнюдь не беру на себя роли эстетическаго судьи. Подобно всѣмъ смертнымъ, я не лишенъ чувства красоты, но не съумѣю объяснить, почему то-то мнѣ кажется красивымъ, а то-то—некрасивымъ, или даже вообще почему одно мнѣ нравится, а другое не нравится. Техническихъ знаній, нужныхъ для полной оцѣнки произведеній живописи, какъ живописи, я не имѣю. Но думаю, что ихъ не имѣетъ и подавляющее большинство посѣтителей выставки. Я —одинъ изъ этого большинства, только памятующій вышесказанное о задачахъ и предѣлахъ искусства.

Итакъ, мы на выставкѣ русскихъ и финляндскихъ художниковъ. Вотъ три номера, выставленныхъ г. Боткинымъ. Въ каталогѣ выставки они записаны такъ:

47. Три женскихъ силуэта. Опытъ декоративнаго мотива въ желтыхъ тонахъ. 1200 р.
48. Женскій силуэтъ } могутъ служить проектомъ для вышивки шерстью по 500 р.
49. Женскій силуэтъ }

Уже сама эта запись свидѣтельствуетъ, что художникъ преслѣдовалъ цѣли украшенія квартиры, а не искусства въ смыслѣ передачи зрителямъ извѣстнаго настроенія, внушенія имъ извѣстныхъ чувствъ. Конечно, и предметъ украшенія можетъ наводить на тѣ или другія чувства, хотя, напримѣръ, подушку, вышитую шерстью по проекту г. Боткина, всего естественнѣе подложитъ себѣ подъ бокъ или подъ голову, лежа на диванѣ. Но дѣло въ томъ, что и въ душѣ художника вы ничего не усмотрите, кромѣ желанія написать три (а можетъ быть и болѣе) картины «въ желтыхъ тонахъ». На желтомъ фонѣ три нагія женщины въ разныхъ позахъ, желтаго же, но болѣе блѣднаго цвѣта, среди какихъ-то желтыхъ же, только очень темныхъ растеній.

Мѣстомъ жительства г. Боткина показанъ въ каталогѣ Парижъ, и можно бы было думать, что женская нагота, le nu, играющая такую выдающуюся роль въ произведеніяхъ французскихъ живописцевъ, увлекла и нашего художника. Но и женская нагота, повидимому, сравнительно мало занимала его. На всѣхъ трехъ его

картинахъ мы имѣемъ именно «силуэты», лишенные рельефа, а кромѣ того натура осѣдляется и равномѣрностью желтаго цвѣта. Такъ написаны «три силуэта», потомъ одинъ силуэтъ и еще одинъ силуэтъ. Передъ однимъ изъ этихъ одиночныхъ силуэтовъ я долго стоялъ въ недоумѣніи: что это такое? какъ будто и женщина, а какъ будто и чортъ знаетъ что. На желтомъ фонѣ желтая нагая женщина цвѣтомъ поблѣднѣе среди желтыхъ растеній цвѣтомъ потемнѣе. Но волосы женщины художникъ написалъ тѣмъ же темно-желтымъ цвѣтомъ, что и растенія, и закрылъ ими спереди лицо и грудь женщины, такъ что волосы смѣшиваются съ листьями растеній, и вы долго не можете понять, что же значитъ эта нижняя часть женскаго тѣла, обрывающаяся кверху какимъ-то темно-желтымъ неправильной формы пятномъ. Все это вмѣстѣ составляетъ такой странный капризъ художника, который едва ли во многихъ возбудитъ пріятныя эстетическія впечатлѣнія, не говоря уже о болѣе широкихъ задачахъ искусства.

Желтыя голыя женщины г. Боткина стоятъ особнякомъ на выставкѣ русскихъ и финляндскихъ художниковъ. Я хочу сказать, что ни сплошь желтыхъ, ни сплошь синихъ и проч. картинъ на ней больше нѣтъ. Но столь же, повидимому, необъяснимыхъ художественныхъ капризовъ очень много. До такой степени много, что, насмотрѣвшись на эти чудныя (не чудныя, читатель) картины, вы съ особеннымъ удовольствіемъ останавливаетесь не только на картинѣ г. Эдельфельда «Похороны ребенка», но и на гораздо болѣе слабой «Улицѣ въ Москвѣ въ XVII в.» г. Рябушкина. Если я сопоставляю эти двѣ картины, то вовсе не для сравненія ихъ между собою и вообще не для того, чтобы объ нихъ распространяться. На всякой другой выставкѣ онѣ вовсе не такъ бы бросались въ глаза: обыкновенныя житейскія сцены, обыкновенные люди, обыкновенными пріемами и обыкновенными красками написанные. Но на выставкѣ русскихъ и финляндскихъ художниковъ — «тамъ чудеса, тамъ лѣшій бродитъ, русалка на вѣтвяхъ сидитъ». Разумѣю не только сюжеты, а и изображаемые предметы, и пріемы изображенія, и краски. Безсмыслица здѣсь споритъ съ безобразіемъ.

Скажутъ, это новые пути въ искусствѣ. Прежде, чѣмъ поближе посмотрѣть на нихъ, позвольте мнѣ разсказать два анекдота. Но къ одному изъ нихъ мнѣ хочется сдѣлать еще приступъ.

Только что умеръ И. И. Шишкинъ, «лѣсной царь», какъ его называли, работы котораго есть и на нынѣшней передвижной выставкѣ. Но на ней есть, кромѣ того, и превосходный портретъ Шишкина, работы г. Ярошенко. Глядя на него, въ особенности подъ впечатлѣніемъ смерти Шишкина, невольно вспоминается другой, старый, тоже превосходный портретъ покойнаго пейзажиста,

работы Крамского. Тамъ вы видите могучаго, полнаго силъ человѣка, стоящаго, опершись на палку, въ полѣ. При немъ ящикъ съ красками и зонтикъ, и по спокойной позѣ, по спокойной вдумчивости глазъ, устремленныхъ вдаль,—надо думать, на лѣсъ, который онъ сейчасъ будетъ писать, — вы чувствуете, что это полный хозяинъ этого лѣса и своего дѣла. Тутъ, на портретѣ г. Ярошенко,— то же красивое, но уже блѣдное, усталое лицо, обрамленное сѣдыми волосами и длинной сѣдой бородой: Шишкинъ сидитъ въ креслѣ, устало наклонивъ голову и опершись на колѣна руками, держащими палитру, кисти, муштабель...

Однажды мнѣ пришлось быть въ обществѣ, въ которомъ было нѣсколько художниковъ, въ томъ числѣ Шишкинъ. Это было давно, когда въ нашей музыкѣ прокладывались какіе-то новые пути, и разговоръ зашелъ, между прочимъ, о новой оперѣ. Совершенно незнакомый съ этой оперой, да и о новыхъ путяхъ зная лишь по наслышкѣ, такъ какъ они тогда гремѣли, — я чувствовалъ однако фальшь, неискренность въ чрезмѣрно восторженныхъ отзывахъ нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ: чуялось что-то подогрѣтое, а не настоящее горячее. Шишкинъ рѣзко выразилъ свое несогласіе съ этими похвалами. «Да вы сколько разъ видѣли эту оперу?»— спросили его. —«Какъ сколько? одинъ». Ну вотъ то-то и есть, а ее надо прослушать двадцать разъ, вотъ какъ я».—«Двадцать разъ?!— негодующе воскликнулъ Шишкинъ,—да будь я не Иванъ Иванычъ, а Болванъ Болванычъ, если и во второй разъ пойду слушать эту ерунду!»—Можетъ быть, Шишкинъ былъ не правъ въ своей оцѣнкѣ оперы, а правы были восторженные хвалители. Но Шишкинъ былъ искренеиъ, а хвалители—что чувствовалось подогрѣвали себя въ угоду моднымъ «новымъ путямъ». Если не ошибаюсь, эти пути теперь брошены и во всякомъ случаѣ болѣе не гремятъ..

Второй анекдотъ я слышалъ отъ другихъ. При одномъ талантливомъ художникѣ, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и остроумный человѣкъ, зашла рѣчь о новыхъ путяхъ въ искусствѣ, выражающихся въ стремленіи возродить наивную живопись старыхъ мастеровъ. По комнатѣ ползалъ ребенокъ, у котораго рубашенка задралась совсѣмъ кверху, и онъ былъ почти совсѣмъ голенькій. Остроумный художникъ сказалъ, что всякому овощу свое время, что и наивность была въ свое время хороша, когда соотвѣтствовала всему тогдашнему складу мыслей, чувствъ, вѣрованій. «Вотъ вѣдь, — прибавилъ онъ, указывая на ползающаго ребенка, — какъ мила эта наивность, ну, а если бы мы всѣ такъ, задравши рубахи, забѣгали, то это была бы просто гадость».

Оба эти анекдота вспомнились мнѣ по поводу выставки русскихъ и финляндскихъ художниковъ. Здѣсь представлены новые пути, и

многіе этими новыми путями восторгаются, но восторги эти кажутся мнѣ неискренними (многіе, впрочемъ, чуть что не отплевываются), а новые пути, вообще говоря, состоятъ именно въ той наивности, которая, задравъ рубаху, самодовольно прогуливается. Я не хочу этимъ сказать, что на этой выставкѣ царитъ неприличіе въ нравственномъ смыслѣ. Напротивъ, въ этомъ отношеніи ни за что не зацѣпится самое строгое пуританское чувство. Мы видѣли, что голыя желтыя женщины г. Боткина по возможности не похожи на голыхъ женщинъ. А затѣмъ, не говоря уже о какихъ-нибудь скабрезныхъ сюжетахъ, «le nu», самое скромное, можно сказать совсѣмъ отсутствуетъ на выставкѣ. Скитъ, правда, на акварели г. Энкеля «Поэма», голый человѣкъ съ необыкновенно глупой физіономіей на берегу какого-то пруда и держитъ въ рукахъ лиру, а къ нему подплываютъ черные лебеди; но его нагота чрезвычайно похожа на трико. Тотъ же г. Энкель выставилъ картину «Адамъ и Ева». Натурой художнику служили благообразный бесѣдовый, а можетъ быть тщательно выбритый и во всякомъ случаѣ коротко остриженный финнъ и хорошенькая, лукаво улыбающаяся чухоночка, и г. Энкель былъ вѣренъ натурѣ; но почему это Адамъ и Ева, а не просто благообразный финнъ и хорошенькая чухоночка — неизвѣстно. Можно бы было думать, что это аллегорія или символъ. Повидимому, взятъ моментъ соблазна Евою Адама, хотя съ рѣшительностью этого сказать нельзя въ виду нѣсколько тупой неопредѣленности выраженія лица Адама. Въ такомъ случаѣ художникъ хотѣлъ сказать, что вотъ, дескать, это вѣчная исторія, повторяющаяся и въ Финляндіи. Однако, Адамъ и Ева изображены безъ одежды, чего, какъ говоритъ мужикъ въ «Плодахъ просвѣщенія» гр. Толстого, «клеймáть не позволяетъ дѣлать на нашемъ сѣверѣ». Но любопытно, что объ отсутствіи одежды на Адамѣ и Евѣ свидѣтельствуетъ только одна рука и верхняя часть груди Адама. Картина срѣзана внизу такъ, что туловища Адама не видать, а у Евы, которая ростомъ пониже, видна даже только одна голова.

Итакъ, припоминая анекдоты о ребенкѣ съ задранной рубашенкой, я вовсе не имѣлъ въ виду указать на какую-нибудь нескромность гг. русскихъ и финляндскихъ художниковъ. Это надо понимать въ томъ смыслѣ, что то, что приличествуетъ дѣтскому возрасту, не годится для великовозрастныхъ. О прокладывающихъ новые пути въ живописи можно часто услышать, что они не гонятся за правдою въ смыслѣ воспроизведенія дѣйствительности, какъ она есть: для нихъ важно настроеніе, овладѣвающее художникомъ и передаваемое имъ зрителю. Казалось бы, чего же лучше? Точной копіей съ дѣйствительности даннаго момента произведеніе искусства никогда не можетъ, да и не должно быть. Художникъ вноситъ въ него нѣчто

свое.—свое пониманіе и настроеніе. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы реальная дѣйствительность была извращаема и намѣренно уродуема. Посмотрите на эти деревья въ большинствѣ пейзажей на выставкѣ русскихъ и финляндскихъ художниковъ. Такъ рисуютъ дѣти и вообще неумѣлые или бездарные люди, но рисуютъ отъ чистаго сердца, прилагая всѣ старанія приблизиться къ природѣ, а здѣсь вы видите намѣреніе изобразить нѣчто ни съ чѣмъ несообразное. Конечно, притворяться, что не умѣешь рисовать, когда въ самомъ дѣлѣ не умѣешь,—очень легко, а потому людямъ бездарнымъ на этихъ новыхъ путяхъ, что называется, лафа. Это мы и въ поэзіи видимъ. Риѳма, ритмъ, правда, смыслъ,—чтобъ сочетать все это, нужно особенное дарованіе, которое не стѣснялось бы этими условіями, а, напротивъ, черпало бы изъ нихъ силу для воздѣйствія на читателя. Ну, а если ничего этого не нужно на новыхъ путяхъ, такъ не нужно и поэтическаго таланта. Но вѣдь не все же бездарности фигурируютъ на выставкѣ русскихъ и финляндскихъ художниковъ. Напротивъ, тутъ навѣрное есть талантливые люди, и тѣмъ прискорбнѣе видѣть, какъ они себя уродуютъ въ угоду модной художественной тенденціи. Тенденція эта въ общемъ отрицательнаго характера: реакція противъ реализма. Не вполнѣ, но въ значительной степени эта тенденція характеризуется стихотвореніемъ г-жи Гиппіусъ:

Стремлюсь къ тому, чего я не знаю,
Не знаю...
И это желанье не знаю откуда
Пришло, откуда.

. . . . . .

О, пусть будетъ то, чего не бываетъ,
Никогда не бываетъ.

. . . . . .

Мнѣ нужно то, чего нѣтъ на свѣтѣ,
Чего нѣтъ на свѣтѣ.

Эта тенденція, какъ имѣющая свои глубокіе корни въ условіяхъ современной общественной жизни, заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. Но не слѣдуетъ преувеличивать ея значенія. Оно очень ослабляется тѣмъ обстоятельствомъ, что движеніе становится моднымъ и потому неискреннимъ: людямъ кажется, что *поза* человѣка, которому нужно то, «чего нѣтъ на свѣтѣ» и «чего не бываетъ, никогда не бываетъ», очень красива, и они охотно принимаютъ эту позу, не испытывая въ дѣйствительности соотвѣтственныхъ чувствъ. И нужна смѣлость Шишкина, чтобы въ извѣстныхъ кругахъ сказать: «Будь я не Иванъ Ивановичъ, а Болванъ Болвановичъ, если пойду еще разъ смотрѣть эту ерунду!» Какъ бы то ни было однако, а мы видимъ цѣлый

рядъ художественныхъ произведеній, въ которыхъ искренно или не искренно отражается тяготѣніе къ тому, чего не бываетъ, никогда не бываетъ. Къ этой общей цѣли художники подходятъ съ разныхъ сторонъ: то изображаютъ событія, какихъ не бываетъ, то пишутъ деревья, какихъ нѣтъ на свѣтѣ, то пускаютъ въ ходъ краски, не соотвѣтствующія дѣйствительности, то комбинируютъ реальныя черты съ невозможными. Спрашивается, какое же «настроеніе» внушается всѣмъ этимъ зрителю?

На выставкѣ, о которой идетъ рѣчь, есть нѣсколько картинъ г. Эдельфельда. По правдѣ сказать, этому талантливому художнику какъ будто и не мѣсто въ такой компаніи: слишкомъ онъ для нихъ простъ и ясенъ, слишкомъ приверженъ къ тому, что и есть, и что бываетъ. И, напримѣръ, его упомянутая уже картина «Похороны ребенка» вызываетъ вполнѣ опредѣленное настроеніе грусти. Но вотъ его же картина «Магдалина». Стоитъ Христосъ въ бѣлой одеждѣ, съ выраженіемъ кротости на лицѣ, какъ его обыкновенно пишутъ, только выраженіе это не ярко, можетъ быть потому, что Христосъ стоитъ въ профиль. Словомъ, Христосъ традиціонный, ничѣмъ не выдѣляющійся изъ безчисленныхъ изображеній Спасителя. Передъ нимъ на колѣняхъ, простирая къ нему руки и съ полными слезъ глазами стоитъ Магдалина. Скорбь грызущей совѣсти, можетъ быть уже облегченная этими слезами и надеждой на прощеніе, передана очень сильно. А такъ какъ г. Эдельфельдъ, къ счастію, не щеголяетъ ни намѣренною неправильностью рисунка, ни нелѣпостью красокъ, ни другими подобными вздорами, мѣшающими зрителю войти въ данное положеніе, пережить преображенную жизнь, то между зрителемъ и художникомъ и зрителемъ и кающеюся Магдалиною возникаетъ то осложненное художественнымъ наслажденіемъ общеніе, которое составляетъ конечную задачу искусства. Одна бѣда: эта прекрасно написанная Магдалина, въ противоположность Христу, вполнѣ современна. Это — современная типичная чухонка въ кофточкѣ и современномъ костюмѣ вообще. Зачѣмъ это? Конечно, и современная финская, какъ и всякая другая грѣшница можетъ испытывать чувства скорби и покаянія и надежды искупленія совершенно такъ же, какъ Магдалина, и точно такъ же выражать ихъ. Но одно изъ двухъ: или Магдалина должна быть современна Христу, а не намъ, или Христосъ долженъ ей явиться въ видѣніи, въ мечтѣ, пожалуй въ видѣ художественнаго произведенія, скульптурнаго или живописнаго. Я знаю, что г. Эдельфельдъ не первый прибѣгаетъ къ этому сочетанію евангельскихъ чертъ съ современными.—у французовъ уже есть подобныя картины. Но это не мѣшаетъ быть этому новому пути въ живописи ложнымъ, по той простой причинѣ, что онъ разбиваетъ цѣльность

впечатлѣнія. Такъ и хочется разрѣзать картину г. Эдельфельда пополамъ.

Минуя картину г. Нестерова «Чудо», хотя она могла бы дать поводъ для интересныхъ соображеній о поддѣлкѣ подъ наивность, отмѣтимъ цѣлыи рядъ иллюстрацій къ сказкамъ: эпизодъ изъ «Калевалы» г. Бломстеда, два эпизода изъ нея же г. Галена, рядъ иллюстрацій къ бретонскимъ сказкамъ г. Лансере, иллюстраціи къ сказкамъ «Царь Салтанъ» и «Русланъ и Людмила» г. Малютина. Здѣсь уже самымъ сюжетомъ художники наталкиваются на то, чего нѣтъ на свѣтѣ и чего не бываетъ. И надо отдать справедливость гг. художникамъ: они вполнѣ пользуются этимъ благопріятнымъ поводомъ. Оно какъ будто и законно въ этомъ случаѣ. Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ эпизодовъ изъ «Калевалы», вдохновившихъ г. Галена: «Ужасная Лоухи обратилась въ страшнаго орла и, преслѣдуя славнаго Вейнемойнена, похитителя сокровища Сампо, сѣла на мачту его ладьи. Подъ крыльями у нея сто ратниковъ, а на хвостѣ тысяча. Послѣ ужасной битвы Вейнемойненъ обломалъ чудовищу крылья и ратники упали въ воду. Орелъ съ ужаснымъ шумомъ ухватился послѣднимъ оставшимся когтемъ за Сампо и столкнулъ его въ пучину моря». Соотвѣтственно этому и въ картинѣ столько чудовищнаго и безобразнаго, что даже смотрѣть скверно. Въ условіяхъ сказки художники находятъ какъ будто законный просторъ для якобы наивности сюжета, аляповатости формъ и красокъ, безобразія рисунка. Однако это лишь до извѣстной степени законно. Примитивное народное творчество, создавая всѣхъ этихъ «ужасныхъ Лоухи» съ тысячами ратниковъ на хвостѣ и т. п., совсѣмъ не было столь увѣрено, что такъ «не бываетъ», сколь увѣрены въ этомъ мы. Къ настроенію, даваемому наивной вѣрой въ возможность ужасныхъ Лоухи, для насъ нѣтъ возврата. Потому такъ и трудны поддѣлки подъ примитивное творчество, и трудность эта отнюдь не преодолѣвается механическимъ воспроизведеніемъ подробностей сказки и простымъ нагроможденіемъ ужасовъ на ужасы и безобразій на безобразія.

Но то сказка. А вотъ не угодно ли полюбоваться, напримѣръ, на «Августъ» г. Сомова. Ни цвѣтомъ, ни формами ни на что не похожій пейзажъ, среди котораго написано какое-то небольшое водное пространство,—не то лужа, не то прудокъ, а немного въ сторонѣ сидитъ человѣкъ, мужчина, вытянувъ ноги и выпрямивъ станъ, точно аршинъ проглотилъ; лицо его ровно ничего не выражаетъ, даже чувства неловкости его позы: на колѣняхъ у него лежитъ женщина, ничкомъ, вытянувшись вдоль его ногъ; ей тоже было бы очень неловко такъ лежать, если бы это была натура, а не картина. Почему это «Августъ»? и что это такое вообще? Уло-

вить настроеніе художника невозможно, кромѣ развѣ того, что ему хочется написать нѣчто такое, «чего не бываетъ», или по крайней мѣрѣ *какъ* не бываетъ. И зритель отходитъ отъ картины съ единственнымъ результатомъ: да, такъ не бываетъ... Можетъ быть эта пустынность тоскливо монотоннаго пейзажа, этотъ безжизненный прудокъ, эти неловкія позы двухъ людей, въ которыхъ тоже нѣтъ жизни,—можетъ быть все это должно внушать зрителю чувство тоски. Можетъ быть, но то тоска, отъ которой вы отворачиваетесь, къ сочувственному къ ней отношенію не ведетъ васъ художественное наслажденіе...

Уйдемте куда-нибудь съ этой выставки. Пойдемте на ея прямую противоположность,—передвижную. Здѣсь мы увидимъ только то, что есть, что бываетъ и именно какъ бываетъ. Когда-то это было тоже новое теченіе, долго подготовлявшееся условіями нашей жизни и, наконецъ, прорвавшееся съ шумомъ и блескомъ. Кто былъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ въ Петербургѣ, тотъ помнитъ волненія, вызванныя первыми передвижными выставками: и «гузовые» восторги г. Стасова, и негодованіе другихъ критиковъ, и собственныя впечатлѣнія зрителей. Въ прошломъ году въ Москвѣ началъ выходить альбомъ передвижныхъ выставокъ за 25 лѣтъ. Къ сожалѣнію, у меня подъ руками только первый выпускъ этого изданія, а то стоило бы хоть слегка пройтись по этой четверти вѣка художественныхъ воспоминаній. Новизна состояла именно въ намѣреніи изображать дѣйствительность, какъ она есть, освободившись отъ условныхъ формъ академическаго искусства и отъ блескихъ отъ жизни темъ. Съ тѣхъ поръ много воды утекло, и можно услышать мнѣніе, что передвижники отжили свой вѣкъ, при чемъ отчасти возрождаются и тѣ упреки, которые имъ дѣлались въ самомъ началѣ.

Было бы слишкомъ долго рыться въ старыхъ газетныхъ и журнальныхъ статьяхъ, но у меня записанъ въ высшей степени характерный отзывъ критика «Русскаго Вѣстника» о картинѣ г. Рѣпина «Бурлаки», которая, хотя появилась и не на передвижной выставкѣ, но вполнѣ соотвѣтствовала духу ея. Критикъ писалъ: «Бурлаки сильно отзывались стихотвореніями г. Некрасова и явно били на гражданскій смыслъ. Но, помимо этого недостатка, картина отличалась самыми положительными достоинствами. Группа бурлаковъ выдѣлялась превосходнымъ пятномъ на огромномъ холстѣ.. Громадный поволжскій пейзажъ, необыкновенно грудный по своей пустынности, служитъ превосходнымъ фономъ для этой сбившейся въ кучу толпы». Итакъ «гражданскій смыслъ»—вотъ недостатокъ: «превосходное пятно на превосходномъ фонѣ»—вотъ достоинство. Это было написано въ 70-хъ годахъ, но и въ послѣднее время вы

могли услышать нѣчто подобное. Критики и зрители этого сорта требуютъ отъ картины превосходныхъ пятенъ на превосходномъ фонѣ. Превосходное, конечно, превосходно. Но, стараясь по возможности приблизиться къ этому техническому превосходству (въ общемъ никто не упрекнетъ ихъ въ небрежной работѣ), передвижники думали, что насытить кристалъ очей превосходными пятнами—еще не значитъ взять съ искусства все, что оно можетъ и должно дать; что эти превосходныя пятна должны служить проводниками для передачи настроенія художника зрителю, для внушенія ему извѣстныхъ чувствъ. Представители этого теченія дѣйствовали искренно и сознательно, тогда какъ критики, исповѣдывавшіе исключительный культъ превосходныхъ пятенъ, либо находились во власти недоразумѣнія, либо сознательно лгали. Въ сущности, они протестовали только противъ того, что они называли «*гражданскимъ* смысломъ», и если бы они встрѣтили въ картинѣ то, что они называли «патріотическимъ» настроеніемъ,—они бы ничего не имѣли противъ и находили бы вполнѣ законнымъ *такое* воздѣйствіе на зрителей при посредствѣ превосходныхъ пятенъ. Это и въ литературѣ было. «Русскій Вѣстникъ» и подобные ему органы громили тенденціозные романы во славу чистаго искусства и въ то же время восторгались тенденціознѣйшими романами Болеслава Маркевича, г. Авсѣенко и т. п. Подъ видомъ борьбы съ тенденціей за чистое искусство шла, въ сущности, борьба съ одной тенденціей за другую. Задачи искусства можно бы было съ этой точки зрѣнія совсѣмъ въ сторонѣ оставить и обмѣниваться рѣчами «о любви къ отечеству и народной гордости».

Такъ оно отчасти и было. Передвижники обличались въ томъ, что они выбираютъ для художественнаго воспроизведенія скорбныя, темныя стороны русской жизни и обходятъ свѣтлыя; въ томъ, далѣе, что они «провоняли искусство полушубкомъ» и тѣмъ заслонили отъ общества болѣе высокія, болѣе тонкія тревоги и радости такъ называемыхъ культурныхъ классовъ. Въ совокупности этихъ чертъ и состоитъ «инкриминируемый гражданскій смыслъ», а отсюда уже идетъ нить къ упреку въ ущербѣ, нанесенномъ красотѣ, какъ единственному предмету искусства. О недоразумѣніи или сознательной лжи, связаннымъ съ этимъ послѣднимъ пунктомъ обвиненія, я сейчасъ говорилъ. Прибавлю еще одно замѣчаніе: и въ тѣхъ случаяхъ, когда художникъ, повидимому, ничего, кромѣ красоты, не преслѣдуетъ, онъ все-таки желаетъ нѣчто внушить зрителю, а именно свой восторгъ передъ красотой—женскаго тѣла, пейзажа, изящнаго или богатаго наряда. Такъ что и здѣсь художникъ не избѣгаетъ общаго закона искусства. Нужно правду сказать, что произведеній этого характера мало бывало на передвижныхъ выставкахъ. Бывали

нарядные костюмы сёла ли не исключительно ради ихъ нарядности, но ихъ было во всякомъ случаѣ мало, и не они давали тонъ выставкамъ. Голаго женскаго тѣла что-то и совсѣмъ не помню. Пейзажей было много и съ каждымъ годомъ все больше, но за то же и красоты въ нихъ было много. Стоитъ только вспомнить имена Шишкина, Бѣлкова, Лучовскаго, посмотрѣть ихъ пейзажи и на нынѣшней выставкѣ, да сравнить съ пейзажами на выставкѣ русскихъ и финляндскихъ художниковъ, чтобы понять, что такое настоящая красота. Надо, однако, замѣтить, что пейзажи, какъ я старался объяснить въ другомъ мѣстѣ, есть символъ и одно изъ условій одиночества. И кромѣ художественнаго наслажденія, чрезъ посредство его, пейзажъ внушаетъ зрителю спокойное, радостное, скорбное — смотря по обстоятельствамъ — чувство одиночества. Такъ называемой *частой* красоты хорошо написанный пейзажъ не даетъ и не можетъ дать. Это, впрочемъ, мимоходомъ. Вернемся къ упрекамъ въ «гражданскомъ смыслѣ».

Упреки эти частію совершенно нелѣпы: частію фактически невѣрны. Послушать ихъ, такъ пришлось бы признать, что изображеніе свѣтлыхъ сторонъ русской жизни лишено гражданскаго смысла или же представляетъ собою гражданское безсмысліе. Да оно дѣйствительно такъ и есть, если подъ любовью къ отечеству разумѣется исключительно восхваленіе его и устраняется скорбь о его бѣдахъ и язвахъ. А что касается «полушубка» и противопоставленія его такъ называемымъ культурнымъ классамъ, то развѣ этотъ полушубокъ идеализировался, напримѣръ, въ «Разлѣтѣ» г. Максимова, въ его же «Приходѣ колдуна на свадьбу» и проч., проч..— всего не упомнишь. Да и если полушубокъ бросался въ глаза на передвижныхъ выставкахъ, такъ вовсе не потому, что имъ исчерпывалось ихъ содержаніе, а только потому, что до нихъ онъ не считался достойнымъ художественнаго произведенія. Во имя жизни и правды они ввели его, и въ этомъ, конечно, ихъ великая заслуга.

Говорятъ, что передвижники утратили свою raison d'être, какъ обособленная группа. Они внесли нѣчто въ русское искусство, и это нѣчто не составляетъ уже теперь ихъ исключительной принадлежности: въ свою очередь и они у другихъ кое-чѣмъ позаимствовались, утратили яркость своей обособленности, и теперь ничто не мѣшало бы имъ слиться съ другими художественными учрежденіями и обществами. Указываютъ въ частности на то, что жанръ, составлявшій прежде центръ тяжести передвижныхъ выставокъ, на нынѣшней выставкѣ находится въ умаленіи, количественномъ и качественномъ, тогда какъ на академической выставкѣ, гдѣ онъ прежде почти отсутствовалъ, равно какъ на выставкѣ С.-Петербургскаго

общества художниковъ» жанръ представленъ, если и не блестяще, то, по крайней мѣрѣ, обильно. Было бы интересно сравнить жанры этихъ двухъ выставокъ съ жанрами передвижниковъ, но у меня и безъ того остается слишкомъ мало времени и мѣста. Я остановлюсь лишь на тѣхъ элементахъ упомянутыхъ двухъ выставокъ, которыхъ нѣтъ на передвижной: нѣтъ, и, думается, не можетъ быть, или, по крайней мѣрѣ, появившись по какимъ-нибудь случайнымъ посторонним обстоятельствамъ, они шли бы въ разрѣзъ ея духу и производили бы впечатлѣніе диссонанса.

«Христіанская Дирцея въ циркѣ Нерона» г. Семирадскаго (на выставкѣ «С.-Петербургскаго общества художниковъ»). Это огромное полотно, составляющее «гвоздь» выставки, вызвало столько печатныхъ и устныхъ разговоровъ, что къ нему страшно приступиться. А пожалуй что и не страшно, потому что отзывы крайне противорѣчивы. Въ каталогѣ говорится слѣдующее:

Сюжетъ картины заимствованъ изъ сказаній Климента Римскаго и Гигина. Эпизодъ появленія на аренѣ цирка неукротимаго быка съ привязанной къ нему молодой христіанской дѣвушкой долженъ былъ напомнить собой такую же казнь, какой подвергалась миѳическая царица Дирцея по приговору пасынковъ ея, Амфіона и Цета. Привязанная къ быку веревками, перевитыми цвѣтами, а къ рогамъ волосами, дѣвушка казалась безжизненной отъ испытанныхъ ею ужаса, стыда и физическихъ страданій. Животное истекаетъ кровью, умерщвленное гладіаторами (bestiarii), назначенными для звѣриной травли. Зрѣлище окончено. Нерона снесли на арену въ раззолоченныхъ носилкахъ нумидійскіе невольники. Въ сопровожденіи своего любимца, префекта преторіанцевъ, жестокаго и развратнаго Тигелина и нѣсколькихъ приближенныхъ, Неронъ подошелъ къ своимъ жертвамъ, любуясь необычайностью и прелестью пластики воспроизведенной имъ миѳологической группы.

Картина повѣшена такъ, что близко подойти къ ней нельзя, и я, по близорукости, не могъ разсмотрѣть выраженія лица мученицы. Пусть она дѣйствительно «кажется безжизненной отъ испытаннаго ею ужаса, стыда и физическихъ страданій». Но превосходно выписанная, со множествомъ «превосходныхъ пятенъ», картина и вся безжизненна. Не говоря о стоящихъ на вытяжку нумидійскихъ невольникахъ и другихъ стражникахъ съ ничего не выражающими тупыми лицами, «жестокій и развратный Тигелинъ» стоитъ опустя голову и въ полъ-оборота къ зрителю, а Неронъ... въ описаніи картины сказано, что онъ «любуется», но, признаюсь, я ничего не усмотрѣлъ на этомъ лицѣ. За то мнѣ кажется несомнѣннымъ, что самъ художникъ «любуется необычайностью и прелестью пластики воспроизведенной имъ миѳологической группы». Самъ художникъ любуется тѣмъ, чѣмъ любовался Неронъ, тоже своего рода художникъ, но жестокій и безумный властитель, для

удовлетворенія своихъ эстетическихъ потребностей не залумавшихся надругаться надъ этой несчастной дѣвушкой. Неужели же есть что-нибудь родственное въ душахъ этого безумнаго звѣря и нашего художника? Картина г. Семирадскаго напомнила мнѣ бывшую на одной изъ недавнихъ академическихъ выставокъ картину г. Новоскольцева изъ временъ Ивана Грознаго. Въ домѣ опальнаго боярина хозяничаютъ опричники. Центръ картины занимаетъ обнаженная дѣвушка, дочь боярина, надъ которой только что звѣрски надругались опричники. Отецъ боярышни сидитъ связанный, а опричники, увѣренные въ своей безнаказанности, тутъ же, въ присутствіи — не помню уже трупа или только «кажущейся безжизненности» дѣвушки, — весело пируютъ. Какой сюжетъ! Какая страшная, потрясающая тема, и какъ тяжелъ сюжетъ зритель, прикованный, не смотря на свой ужасъ, къ картинѣ художественнымъ наслажденіемъ переживанія этого самаго ужаса!.. Но ничего подобнаго зритель не испытываетъ. «Сердце въ томъ не убѣдится, что не отъ сердца говорится». Г. Новоскольцевъ «любуется» необычайностью и предметью пластики воспроизведенной имъ quasi-исторической сцены, какъ *могли бы* любоваться ими опричники (*могли бы*, потому что на картинѣ они даже не обращаютъ вниманія на тѣло рукъ своихъ). Что же, — возродилась въ г. Новоскольцевѣ душа звѣря опричника? Конечно, нѣтъ. Опричнику доставляло наслажденіе борьба, драка, разрушеніе, кровь, а г. Новоскольцевъ усмотрѣлъ въ разгромленной комнатѣ такой чистенькій, аккуратный безпорядокъ и вообще такъ убралъ и вымылъ всѣ слѣды борьбы, что для ужаса не осталось никакого повода. Поклонники чистой красоты скажутъ, что въ семъ-то и состоитъ достоинство картины, такъ какъ въ ней нѣтъ «грязнаго» сюжета, а есть «красивыя» (хорошо-хорошія — въ данномъ случаѣ слишкомъ сильное слово) пятна. Но тутъ не затѣмъ, чтобы грязные сюжеты — мало ли другихъ мотивовъ для изображенія красоты женскаго тѣла. У нѣкоторыхъ французскихъ художниковъ заклеймлять позоромъ — разгушивать женщинамъ натруженныя до тѣла. Это безсмысленно, такъ «не бывало», но это не оскорбляетъ насъ въ такой мѣрѣ, какъ холодное и лживое трактованіе звѣрскаго преступленія. Оно холодно и лживо потому, что нельзя себѣ представить, чтобы дѣвушка на картинѣ г. Новоскольцева не сопротивлялась, чтобы ее просто раздѣли, не взяли ее на одной изъ пирушекъ, не обагрили ея дѣвственнаго тѣла на одной капелькѣ крови, и не получили въ ней очередь какъ-то и прежнихъ своихъ гостей и подобныхъ опричники такіе чистенькіе, такіе сытенькіе, такіе бодрые и довольные на нихъ — въ ночной, не такъ сутуленькіе въ ходѣ не обовшивѣлые... Вотъ почему картина холодна и лжива. И что въ ней не критикъ х-

лодно и лживо произведеніе г. Семирадскаго. Г. Семирадскій, какъ и Неронъ, «любуется необычайностью и прелестью пластики воспроизведенной имъ сцены». Но г. Семирадскій не Неронъ, и потому его Дирцея столь же цѣла и невредима, какъ боярышня г. Новооскольцева, и столь же мало на аренѣ цирка слѣдовъ безпорядка и борьбы. По этой же причинѣ и его Неронъ не выражаетъ на своемъ лицѣ того особаго жестокаго удовольствія, ради котораго онъ затѣялъ воспроизведенія миѳа о Дирцеѣ. Голыхъ женщинъ, самыхъ красивыхъ, Неронъ могъ имѣть сколько угодно и любоваться ими вволю, а въ данномъ случаѣ ему нужно было красивое тѣло въ особенной, кровавой обстановкѣ: ея нѣтъ на картинѣ, нѣтъ и отраженія ея на лицѣ Нерона...

Не смотря на выдающуюся талантливость г. Семирадскаго, его «Дирцея» была бы неумѣстна на передвижной выставкѣ, представляла бы собой диссонансъ на ней, какъ теперь, хотя и по другой причинѣ, представляетъ диссонансъ картина г. Нестерова «Благовѣщеніе». Евангельскія темы не разъ и прежде занимали передвижниковъ. Достаточно вспомнить «Христа въ пустынѣ» Крамского, рядъ картинъ Ге и проч. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ художники старались вложить *свое* настроеніе и *свое* пониманіе въ изображеніе того или другого евангельскаго эпизода. Это пониманіе могло быть ошибочнымъ, но это настроеніе было искренно, свое. Г. же Нестеровъ вотъ уже нѣсколько лѣтъ старается выразить не свое, а чужое, примитивно наивное настроеніе. И глядя на его «Благовѣщеніе», я опять-таки вспомнилъ два вышеприведенные анекдота. А, впрочемъ, я слышалъ, какъ одинъ изящнѣйшій кавалерійскій офицеръ, остановившись передъ картиной г. Нестерова, обратился къ своей спутницѣ, тоже очень изящной и нарядной дамѣ, съ восклицаніемъ: «Ah, que c'est beau!..

Передвижная выставка уже не производитъ нынѣ того впечатлѣнія, какое производила когда-то. Частію потому, что кое-какія ея спеціальныя черты дѣйствительно до извѣстной степени перестали быть спеціальными и усвоены другими учрежденіями и обществами. Этимъ передвижники могутъ только гордиться. Но есть и другія, печальныя стороны дѣла. Знамя передвижныхъ выставокъ остается неприкосновеннымъ, но нѣкоторые сильные носители этого знамени покончили свое земное поприще, а «иные ему измѣнили» и — не скажу «продали кисти свои», но отошли въ сторону. А на смѣну имъ нарождается что-то мало большихъ силъ (такимъ казался, напримѣръ, г. Богдановъ-Бѣльскій, таковъ несомнѣнно есть г. Касаткинъ). На нынѣшней выставкѣ преобладающую роль играютъ пейзажи, между которыми есть истинно превосходные: не говоря уже о послѣднихъ произведеніяхъ Шишкина,

Везувій г. Ярошенко, Осеннее утро г. Мясоѣдова, «Передъ вечеромъ» г. Волкова, и въ особенности изумительный «Тихій вечеръ» г. Дубовскаго, — вотъ вѣдь тоже «желтые тоны», вѣрнѣе: золотые, а посмотрите, что значитъ писать не модель для вышивки шерстью, а подлинное пережитое впечатлѣніе, воспроизведенное для внушенія его же зрителю... Однако, пейзажъ самъ по себѣ не есть что-нибудь характерное, какъ ради живописи, для передвижной выставки. Онъ лишь въ послѣдніе годы сталъ завоевывать себѣ относительно большее мѣсто, въ ущербъ жанру и исторической живописи. Тамъ — въ жанрѣ и исторической живописи — жизнь и жажда жизни, здѣсь — въ пейзажѣ — удаленіе отъ жизни и жажда покоя. Любопытно: г. Мясоѣдовъ, когда-то блестящій жанристъ, лишь изрѣдка обращавшійся къ пейзажу, на одной изъ предъидущихъ выставокъ далъ картину «Вдали отъ міра», — одинокій монахъ въ лѣсу или въ полѣ; а на нынѣшней выставкѣ г. Мясоѣдовъ уже исключительно пейзажистъ, ушелъ въ лѣсъ, въ поле, «вдали отъ міра». Недостаетъ, чтобы неистощимый, кипящій жизнью г. В. Маковскій ушелъ «вдали отъ міра»: его жанровъ на нынѣшней выставкѣ и меньше прежняго, и какъ-то они случайны, анекдотичны. Что это значитъ: личная усталость, или наша оскудѣлая жизнь не даетъ достаточнаго возбужденія?

Читатель пробѣжалъ не обзоръ четырехъ художественныхъ выставокъ. Я этой претензіи не имѣлъ и обошелъ многое, достойное въ разныхъ отношеніяхъ вниманія. Я не говорилъ объ огромномъ и вполнѣ безобразномъ «декоративномъ панно» г. Врубеля «Утро» на выставкѣ русскихъ и финляндскихъ художниковъ, о картинѣ г. Рубо «Живой мостъ» (у академиковъ), представляющей разительный примѣръ несоотвѣтствія за сердце хватающаго сюжета съ холодностью исполненія; объ очень интересныхъ, хотя и загадочныхъ маленькихъ сеніяхъ г. Котарбинскаго и его же нисколько не интересной огромной «Оргіи» и проч., и проч. Я хотѣлъ лишь нѣсколькими примѣрами иллюстрировать вышеизложенныя теоретическія положенія о задачахъ и предѣлахъ искусства.

XII *)

Еще объ искусствѣ и гр. Толстомъ.—Справка о Некрасовѣ.

Въ прошлый разъ я выразилъ удивленіе, что гр. Толстой, говоря о различіи вкусовъ и понятій о красотѣ, не прибѣгъ къ своему обычному пріему quasi-математическаго подсчета: дескать, принявъ въ соображеніе все полутора-мильярдное населеніе земного шара, надо признать, что мы, такъ называемые образованные люди, ничтожная горсть, составляющая такую-то долю всего человѣчества, не имѣемъ права считать свои вкусы и понятія о красотѣ единственно вѣрными. Я поторопился удивляться. Въ только что появившемся окончаніи статьи гр. Толстого («Вопросы философіи и психологіи») мы находимъ этотъ пріемъ.

Гр. Толстой пишетъ:

«Мы такъ привыкли наивно считать не только кавказскую породу самой лучшей породой людей, но и англо-саксонскую расу, если мы англичане или американцы, и германскую, если мы нѣмцы, и славянскую, если мы русскіе, что мы, говоря о нашемъ искусствѣ, вполнѣ убѣждены, что наше искусство есть не только истинное, но и лучшее и единственное искусство. Но вѣдь наше искусство не только не есть единственное искусство, но даже не есть искусство всего христіанскаго человѣчества, а только искусство очень малаго отдѣла этой части человѣчества. Можно было говорить о народномъ—еврейскомъ, греческомъ, египетскомъ, и теперь можно говорить о китайскомъ, японскомъ, индійскомъ искусствѣ, общемъ всему народу. Такое общее всему народу искусство было въ Россіи до Петра и было въ европейскихъ обществахъ до XIII, XIV вѣковъ; но съ тѣхъ поръ, какъ люди высшихъ классовъ европейскаго общества, потерявъ вѣру въ церковное ученіе, не приняли истиннаго христіанства и остались безъ всякой вѣры,—нельзя уже говорить объ искусствѣ высшихъ классовъ христіанскихъ народовъ, подразумѣвая подъ этимъ все искусство. Съ тѣхъ поръ, какъ высшія сословія христіанскихъ народовъ потеряли вѣру въ церковное христіанство, искусство высшихъ классовъ отдѣлилось отъ искусства всего народа, и стало два искусства, искусство народное и искусство господское. И потому

*) Апрѣль 1898 г.

отвѣть на вопросъ о томъ такимъ образомъ мнѣ кажется то, чтобъ человѣчество прожило извѣстный періодъ времени безъ настоящаго искусства, замѣняя его искусствомъ, служащимъ одному наслажденію, состоитъ въ томъ, что прожило безъ истиннаго искусства не все человѣчество и даже не значительная часть его, а только высшіе классы христіанскаго европейскаго общества, и то очень сравнительно короткій періодъ времени, отъ начала возрожденія и реформаціи до послѣдняго времени. Не только двѣ трети человѣческаго рода, всѣ народы Азіи, Африки живутъ и умираютъ, не имѣя этого единственнаго высшаго искусства, но, мало того, въ нашемъ христіанскомъ обществѣ едва ли одна сотая всѣхъ людей пользуется тѣмъ искусствомъ, которое мы называемъ *нашимъ* искусствомъ; остальные же 9,99 нашихъ же европейскихъ народовъ поколѣніями живутъ и умираютъ въ напряженной работѣ, никогда не вкусивъ этого искусства, которое при томъ такого, что, если бы они и могли воспользоваться имъ, то ничего не поняли бы изъ него (стр. 17—19)

Вложенную въ эту цитату мысль гр. Толстой еще не разъ повторяетъ, развиваетъ, иллюстрируетъ примѣрами, а въ заключеніи статьи онъ сообщаетъ, что уже пятнадцать лѣтъ «не переставая думалъ объ томъ предметѣ», то есть объ искусствѣ. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что каждая строка этого новаго произведенія нашего великаго художника, каждое отдѣльное положеніе, каждый иллюстрирующій примѣръ наилучше обдуманы, какъ въ фактическомъ, такъ и въ логическомъ отношеніи. Къ сожалѣнію, это далеко не такъ въ дѣйствительности. Начнемъ хотя бы съ этихъ двухъ третей человѣческаго рода или 9,99 европейцевъ. Что они доказываютъ? что они могутъ доказать въ данномъ случаѣ? Двѣ трети человѣческаго рода, всѣ народы Азіи, Африки живутъ и умираютъ не-христіанами, часто не имѣя ни малѣйшаго понятія о христіанствѣ или же относясь къ нему враждебно: это не мѣшаетъ, скажу, гр. Толстому быть искреннимъ христіаниномъ, а вѣдь и среди европейцевъ найдется не мало людей, понимающихъ христіанство не такъ, какъ понимаетъ его гр. Толстой. Въ этѣ мнѣніи ссылки на большое или малое количество согласно или несогласно мыслящихъ ровно ничего не доказываютъ, и даже одинъ человѣкъ вправѣ считать себя единственнымъ въ цѣломъ мірѣ обладателемъ истины, пока ему не докажутъ, что онъ заблуждается. Если современное искусство цивилизованныхъ людей стоитъ на ложномъ пути, то это надо доказать, а умаленіе на азіатскомъ и африканскомъ континентѣ и на 9,99 европейцевъ — не доказательство. Да и представляетъ свой статистическій примѣръ гр. Толстой очень сомнительно. Въ самомъ дѣлѣ, «прежде болѣ истиннаго искусства не все человѣчество и даже не значительная часть его, а только высшіе классы христіанскаго европейскаго общества, и то очень сравнительно короткій періодъ времени: отъ начала возрожденія и реформаціи до послѣдняго времени». Знаетъ ли гр. Толстой, что истинное искусство, которое суще-

вало до возрожденія и реформаціи, было близко, дорого и понятно азіатскимъ и африканскимъ народамъ и всѣмъ ста сотымъ европейцевъ? Конечно, нѣтъ. Но возразятъ, можетъ быть — искусство всѣхъ временъ и народовъ гр. Толстой противополагаетъ искусству указаннаго сравнительно малаго историческаго періода и ничтожной горсти человѣчества въ томъ смыслѣ, что только это послѣднее искусство «служитъ одному наслажденію». Именно въ этомъ смыслѣ оно и есть «господское искусство», тогда какъ искусство древне-еврейское, греческое, египетское, современное китайское, японское, индійское, русское до Петра, европейское до XIII, XIV вѣка, — все это искусства «народныя»: въ этомъ и состоитъ объединяющая ихъ черта, каковы бы ни были ихъ различія въ другихъ отношеніяхъ.

Гр. Толстой излагаетъ, какъ свои мысли, такъ и подтверждающіе или якобы подтверждающіе ихъ факты съ такою ошеломляющею увѣренностью, что объ искусствѣ японскомъ, индійскомъ, китайскомъ, египетскомъ, которыя онъ, вѣроятно, глубоко изучилъ, я не рѣшаюсь говорить, да и очень ужъ далеко отъ насъ все это. Другое дѣло русская исторія, которую мы все-таки всѣ немножко знаемъ или, по крайней мѣрѣ, должны знать. Но надо остановиться еще на нѣкоторыхъ общихъ положеніяхъ гр. Толстого.

«Всегда во всякое время и во всякомъ человѣческомъ обществѣ есть общее всѣмъ людямъ этого общества религіозное сознаніе того, что хорошо и что дурно, и это религіозное сознаніе и опредѣляетъ достоинство чувствъ, передаваемыхъ искусствомъ. И потому у всѣхъ народовъ всегда искусство, передававшее чувства, вытекающія изъ общаго людямъ этого народа религіознаго сознанія, признавалось хорошимъ и поощрялось: искусство же, передававшее чувства, несогласныя съ этимъ религіознымъ сознаніемъ, признавалось дурнымъ и отрицалось: все же остальное огромное поле искусства, посредствомъ котораго люди общались между собою, не оцѣнивалось вовсе и отрицалось только тогда, когда оно было противно религіозному сознанію своего времени» (6—7).

Итакъ, основою для сужденія о художественныхъ произведеніяхъ «всегда», «во всѣ времена», «у всѣхъ» служило религіозное сознаніе. Есть, однако, «огромное поле искусства», независимое отъ религіознаго сознанія, для котораго никакого мѣрила не было и нѣтъ: оно «не оцѣнивалось вовсе». Что это значитъ? Кѣмъ не оцѣнивалось? Если, напримѣръ, русскіе люди поютъ пѣсню «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ», не имѣющую никакого отношенія къ религіозному сознанію, то не свидѣтельствуетъ ли уже самый фактъ ея распространенности, что она «оцѣнивается»? и оцѣнивается именно на основаніи даваемаго ею наслажденія.

«Высшія сословія среднихъ вѣковъ по отношенію къ религіи очутились въ томъ же положеніи, въ которомъ находились образованные римляне передъ появленіемъ христіанства, т. е. не вѣрили болѣе въ то, во что вѣрилъ народъ; сами же не имѣли никакого вѣрованія, которое могли бы поставить на мѣсто отжившаго и потерявшаго для нихъ значеніе языческаго ученія. И вотъ среди этихъ-то людей стало выростать искусство, расцѣниваемое уже не по тому, насколько оно выражаетъ чувства, вытекающія изъ религіознаго сознанія людей, а только потому, насколько оно красиво; другими словами, насколько оно доставляетъ наслажденіе» (8—9).

Что искусство возрожденія противопоставляло средневѣковому аскетическому идеалу наслажденіе,—это вѣрно, но чтобы оно «расцѣнивалось» *только* по тому, насколько оно доставляетъ наслажденіе,—не вѣрно, ибо задача его состояла не только въ томъ, чтобы непосредственно давать наслажденіе, а и въ томъ, чтобы отстаивать права человѣка на наслажденіе и бороться съ противными теченіями и, слѣдовательно, внушать очень разнообразныя положительныя и отрицательныя чувства. А кромѣ того, вѣдь и тогда, какъ «всегда», «вездѣ», «у всѣхъ», существовало огромное поле искусства, независимое отъ религіознаго сознанія и, по мнѣнію гр. Толстого, «нецѣниваемое вовсе», а въ дѣйствительности, конечно, оцѣниваемое, и не иначе, какъ по степени даваемаго имъ наслажденія.

Съ этимъ гр. Толстой, пожалуй и согласился бы. Но дѣло въ томъ, что «для огромнаго большинства всего рабочаго народа наше искусство, недоступное ему по своей дороговизнѣ, чуждо ему еще и по самому содержанію, передавая чувства людей, удаленныхъ отъ свойственныхъ всему большому человѣчеству условій трудовой жизни. То, что составляетъ наслажденіе для человѣка богатыхъ классовъ, непонятно, какъ наслажденіе, для рабочаго человѣка и не вызываетъ въ немъ никакого чувства или вызываетъ чувства совершенно обратныя тѣмъ, которыя оно вызываетъ у человѣка праздного и пресыщеннаго. Такъ, напр., чувства чести, патріотизма, влюбленія, составляющія главное содержаніе теперешняго искусства, вызываютъ въ человѣкѣ трудовомъ только недоумѣніе и презрѣніе или негодованіе» (21).

Эта тирада крайне интересна, какъ характерное для гр. Толстого загроможденіе вѣрной мысли совершенно произвольными положеніями и противорѣчіями. Гр. Толстой беретъ «человѣка богатыхъ классовъ» и «рабочаго человѣка» вообще, внѣ какихъ бы то ни было другихъ опредѣленій. Значитъ, взаимное непониманіе чужихъ наслажденій есть вездѣ, гдѣ существуютъ богатые классы и рабочіе люди. Существуютъ таковые, напримѣръ, и въ Китаѣ, кото-

рому гр. Толстой усваиваетъ, однако, «народное» искусство, то есть не расщепленное на собственно народное и «господское». А между тѣмъ мы знаемъ, что въ китайскихъ романахъ (есть французскіе, а можетъ быть и другіе переводы) «влюбленіе» играетъ роль ни чуть не меньшую, чѣмъ въ европейскомъ романѣ. Но Богъ съ ней, съ китайщиной, я не хотѣлъ объ ней говорить. Гораздо интереснѣе было бы узнать, почему гр. Толстой полагаетъ, что «чувства чести, патріотизма, влюбленія вызываютъ въ трудовомъ человѣкѣ (скажемъ русскомъ) только недоумѣніе и презрѣніе или негодованіе». Свое собственное міросозерцаніе сегодняшняго дня, міросозерцаніе совершенно исключительное, гр. Толстой съ изумительною и ничѣмъ не оправдываемою смѣлостію приписываетъ всѣмъ «трудовымъ людямъ». Слова «честь и «патріотизмъ допускаютъ очень различныя толкованія, и потому не будемъ лучше ихъ касаться. Напомню только одно старое сообщеніе самого гр. Толстого, еще изъ тѣхъ временъ, когда онъ не исключительно изъ себя мудрствовалъ, а имѣлъ уваженіе къ живой жизни, любилъ ее и любовно наблюдалъ. Это именно въ одной изъ старыхъ педагогическихъ статей сообщеніе о томъ, какъ крестьянскіе ребятишки, дѣти «трудовыхъ людей», а отчасти и сами уже трудовые люди восторгались разсказами о войнѣ 12-го года, въ особенности тѣмъ именно, что Кутузовъ наконецъ «окорачилъ» Наполеона. «Патріотизмъ» есть слово очень затасканное и многосмысленное. Гр. Толстой поднялся или считаетъ себя поднявшимся надъ всѣми видами патріотизма на высоту общечеловѣческихъ идеаловъ и потому закрываетъ глаза на разнообразныя, благородныя и узко злобныя проявленія патріотизма, которыхъ будто бы совсѣмъ нѣтъ среди «рабочихъ людей». Точно также обращается онъ и съ «честью», но опять-таки это слово допускаетъ различныя толкованія. Нельзя того же сказать о «влюбленіи»,—понятіи, казалось бы, слишкомъ ясномъ, опредѣленномъ и общечеловѣческомъ, чтобы его можно было перетолковывать вкривь и вкось. Гр. Толстой, конечно, давно пересталъ «влюбляться», да и самую любовь объявилъ чѣмъ-то «неестественнымъ». И вотъ это свое личное настроеніе, опредѣляемое частью возрастомъ, а частью надменнымъ презрѣніемъ къ жизни, онъ безъ всякихъ колебаній навязываетъ «народу», «рабочимъ людямъ». Русскій народъ (какъ и всякій другой) распѣваетъ множество пѣсенъ о любви; русскій народъ сочинитъ такія даже страшныя картины «влюбленія», какъ извѣстные «заговоры на любовь», напримѣръ: «какъ всякъ человѣкъ не можетъ жить безъ хлѣба безъ соли, безъ питья, безъ ѣжи, такъ бы не можно жить рабѣ Божіей (такой-то) безъ меня раба; сколь тошно жить рыбѣ на сухомъ берегу безъ воды студеныя, и сколь тошно младенцу

безъ матери, а матери безъ дитяти, столь бы тошно было рабѣ Божіей безъ меня раба» и т. д.; или: «Поите вы, семь вѣтровъ буйныхъ, соберите тоски тоскучія со вдовъ, сиротъ и маленькихъ ребятъ, со всего свѣта бѣлаго, понесите къ красной дѣвицѣ (такой-то) въ ретивое сердце: просѣките булатнымъ топоромъ ея ретивое сердце, посадите въ него тоску тоскучую, сухоту сухотучую, въ ея кровь горячую, въ печень, въ составы, чтобы красная дѣвица тосковала и горевала по такомъ-то» и т. д. А гр. Толстой хочетъ насъ увѣрить, что «чувство влюбленія вызываетъ въ народѣ только недоумѣніе или презрѣніе и негодованіе». И это одно изъ основаній, по которымъ народу непонятно наше искусство...

Но нарѣть вѣдь, по мнѣнію гр. Толстого, и вообще ищетъ въ искусствѣ не наслажденія, а исключительно чувствъ, внушаемыхъ религіознымъ сознаніемъ. Такъ оно есть теперь, такъ оно было и для всѣхъ русскихъ людей до Петра. Можно подумать, что это пишетъ какой-нибудь заѣзжій иностранецъ, никогда не слыхавшій ни одной веселой русской пѣсни, никогда не видавшій деревенскаго хоровода, въ которомъ сочетаются лирика, драма и балетъ. Что же касается до-Петровской Россіи, то о какомъ собственно религіозномъ сознаніи, какъ источникѣ искусства, идетъ рѣчь? Безъ сомнѣнія наша иконопись, церковное пѣніе, духовная поэзія, церковная архитектура тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ христіанскимъ религіознымъ сознаніемъ въ его византійской формѣ; но, не говоря уже о томъ, что всѣмъ этимъ не исчерпывается древне-русское искусство, извѣстно, что проповѣдникамъ христіанскаго идеала долго пришлось бороться съ остатками языческаго религіознаго сознанія. При этомъ книжники заходили, въ своихъ эстетическихъ требованіяхъ, далеко за предѣлы христіанскаго идеала. Владиміръ «Красное Солнышко» остался въ народной памяти не только, какъ просвѣтитель Россіи христіанствомъ, но и какъ человѣкъ, любившій жизнь, веселье, наслажденіе, искусство, поэзію, пѣніе, музыку. Въ былинахъ онъ, напримѣръ, такъ награждаетъ «скомороха»:

За твою игру за великую
За утѣхи твои за пѣсенныя
Безъ мѣрушки пей зелено вино,
Безъ расчету получай золоту казну.

Впослѣдствіи «игра великая» и «утѣхи пѣсенныя» стали подвергаться гоненію, не менѣе стремительному, чѣмъ то, которому подвергаетъ ихъ нынѣ гр. Толстой, но болѣе блестящему. Нарѣть, какъ бы памятуя, что его первый дѣвичь, поетъ и музыканетъ, колдуньевическій Баянъ, былъ «Велесовъ внукъ», какъ его называетъ «Слово о полку Игоревѣ», не прочь былъ сочетать искусство съ «гаданіемъ»

языческихъ обрядовъ и вѣрованій, а книжники утверждали его въ той мысли, что все жизнерадостное, веселое, всякое наслажденіе въ искусствѣ есть нѣчто предосудительное и христіанству противное. Уже лѣтописецъ Несторъ полагаетъ, что «дьяволъ льститъ трубами и скомрахи, гусльми и русалья». Въ другомъ документѣ читаемъ: «Не подобаетъ христіанамъ игръ бѣсовскихъ играти, еже есть прыганье, гуденье, пѣсни мірскія и жертвы идольскія». Въ XVI вѣкѣ псковичи обличались въ такомъ времяпровожденіи въ ночь на Ивана Купалу: «Мало не весь градъ зміятетца (возмятется) и бубны, и сопѣла, и гудѣніемъ струннымъ, и всякими неподобными играми, сатанинскимъ плесканіемъ и плясаніемъ, и того ради двигнется и возстанетъ всяка непріязненнаго угодія, яко въ поруганіе и въ безчестіе рождеству Предтечеву и въ насмѣхъ и укоризну дни его. Стучатъ бубны и гласятъ сопѣлы и гудятъ струны; женамъ же и дѣвамъ плесканіе и плясаніе, главамъ ихъ покиваніе, устамъ ихъ непріязненъ кличъ и вопль всескверныя пѣсни бѣсовскія; хребтамъ ихъ вихляніе и ногамъ ихъ скаканіе и топтаніе». Въ Стоглавѣ говорится, что въ Троицкую субботу «по селамъ и по погостамъ сходятся мужи и жены на жальникахъ и плачутся по гробамъ съ великимъ кричаніемъ и егда начнутъ играти скоморохи и гудцы и прегудницы, они же отъ плача преставше, начнутъ скакати и плясати и въ ладони бити и пѣсни сатанинскія пѣти». Въ XVII вѣкѣ прямо запрещаются домры, сурны, гудки, гусли, хари и всякіе гудебные бѣсовскіе сосуды». Запрещаются, конечно, потому, что, по мнѣнію властей, были слишкомъ распространены. И такихъ свидѣтельствъ о до-Петровской Россіи можно бы было привести еще много.

Ясно, что народъ и до Петра, какъ и послѣ него, не только не отрицалъ наслажденія въ искусствѣ, а напротивъ, искалъ его, съ чѣмъ усердно, но тщетно боролись властные книжники во имя аскетическаго идеала. И гр. Толстой не можетъ сказать, что это грубое, конечно, но все-таки искусство, и при томъ народное искусство «не оцѣнивалось вовсе». Нѣтъ, очень оцѣнивалось, одною частью населенія—положительно, другою—рѣзко отрицательно. Могутъ возразить, что оно оцѣнивалось тѣми и другими не по тому, насколько оно доставляло наслажденіе, а по тому, насколько оно выражало чувства, вытекающія изъ религіознаго сознанія—языческаго съ одной стороны и христіанскаго съ другой. Здѣсь есть доля истины, но не слѣдуетъ вѣдь забывать и то признаваемое самимъ гр. Толстымъ «огромное поле искусства», независимое отъ религіознаго сознанія, которое будто бы «не оцѣнивалось вовсе». И во всякомъ случаѣ невѣрно, значитъ, то положеніе гр. Толстого, что «*всегда, во всякое время и во всякомъ человѣческомъ обществѣ*

есть *общее всѣмъ людямъ* этого общества религіозное сознаніе того, что хорошо и что дурно». До-Петровская Россія, на которую гр. Толстой указываетъ, какъ на одинъ изъ примѣровъ, подтверждающихъ это правило, являетъ собою напротивъ одинъ изъ рѣзкихъ случаевъ его опроверженія. Тутъ-то именно мы и видимъ борьбу двухъ религіозныхъ сознаній, языческаго и христіанскаго, и своеобразное отраженіе этой борьбы на судьбахъ искусства, которое отраженіе отнюдь не укладывается въ теоретическія рамки, придуманныя гр. Толстымъ.

Гр. Толстой много говоритъ о христіанскомъ смиреніи и кротости, объ уваженіи къ мнѣніямъ $^{9}/_{10}$ или $^{99}/_{100}$ или вообще очень большой доли человѣчества. Вотъ, напримѣръ, какъ онъ говоритъ о себѣ въ подстрочномъ примѣчаніи на стр. 105: «Представляя образцы искусства, которое я считаю лучшимъ, я не придаю особеннаго вѣса своему выбору, такъ какъ я, кромѣ того, что недостаточно свѣдущъ во всѣхъ родахъ искусства, принадлежу къ сословію людей съ извращеннымъ ложнымъ воспитаніемъ вкусомъ. И потому могу, по старымъ усвоеннымъ привычкамъ, ошибаться, принимая за абсолютное достоинство то впечатлѣніе, которое произвела на меня вещь въ моей молодости. Называю же я образцы произведеній того и другого рода (мы сейчасъ увидимъ, что разумѣетъ гр. Толстой подъ двумя родами *хорошаго* искусства) только для того, чтобы больше уяснить свою мысль, показать, какъ я при непоколебимомъ своемъ взглядѣ понимаю достоинство искусства по содержанію. При томъ еще долженъ замѣтить, что свои художественныя произведенія я причисляю къ области дурного искусства, за исключеніемъ разсказа «Богъ правду видитъ», желающаго принадлежать къ первому роду, и «Кавказскаго плѣнника», принадлежащаго ко второму».

Приведя нѣсколько образчиковъ современной декадентской поэзіи, блистающей полной безмысленностью, и признавая эту безмысленность, гр. Толстой въ смиреніи своемъ не рѣшается, однако, осудить декадентское искусство: не имѣю, говоритъ, права. Нельзя, по его мнѣнію, «причислять произведенія этого искусства къ безвкусному безумію». Такое отношеніе къ новому искусству совершенно неосновательно, потому что, во-первыхъ, это искусство все болѣе и болѣе распространяется и уже завоевало себѣ зверское мѣсто въ обществѣ,—такое же, какое завоевалъ себѣ романтизмъ въ 30-хъ годахъ, во-вторыхъ, и главное, потому, что если можно судить такъ о произведеніяхъ позднѣйшаго, такъ называемаго декадентскаго, искусства только потому, что мы ихъ не понимаемъ,

то вѣдь есть огромное количество людей—весь рабочій народъ, да и многіе изъ нерабочаго народа, которые точно также не понимаютъ тѣ произведенія искусства, которыя мы считаемъ прекрасными: стихи нашихъ любимыхъ художниковъ: Гете, Шиллера, Гюго, романы Диккенса, музыку Бетховена, Шопена, картины Рафаэля, Винчи и др.» (стр. 43—44).

Не смотря однако на всѣ эти аллюры смиренія и уваженія къ чужому мнѣнію, едва ли найдется много людей, которые могли бы соперничать съ гр. Толстымъ въ надменной самоувѣренности и нетерпимости. Самый деспотическій произволъ, безпощадный и жестокій, господствуетъ во всѣхъ его новѣйшихъ произведеніяхъ. Ему ничего не стоитъ любое явленіе жизни, какъ бы оно ни было значительно, изломать, изогнуть, совсѣмъ упразднить въ угоду своей капризной мысли. Ни логичность доказательства, ни фактическая достовѣрность для него не обязательны, и было бы гораздо лучше, если бы онъ открыто отказался отъ той и другой и излагалъ свои мысли и чувства въ видѣ афоризмовъ въ повелительномъ наклоненіи, лирическихъ стихотвореніи и т. п. Искусство, имѣющее въ виду наслажденіе, «должно быть признано дурнымъ искусствомъ, которое не только не должно быть поощряемо, но должно быть изгоняемо, отрицаемо и презираемо (стр. 106).—такова, собственно, основная мысль гр. Толстого. И рѣшительность этого тона будитъ въ вашей памяти образъ Савонаролы, не остановившагося передъ публичнымъ всесожженіемъ предметовъ искусства,—картинъ, музыкальныхъ инструментовъ и проч. Но у гр. Толстого нѣтъ власти Савонаролы, а простымъ изліяніемъ своихъ личныхъ чувствъ, чувствъ человѣка, въ свое время взявшаго отъ жизни все, что можно взять, а затѣмъ отрекшагося отъ наслажденія, -онъ не довольствуется. И вотъ онъ мысленно совершаетъ насиліе надъ фактами исторической и современной дѣйствительности, обрекаетъ ее на своего рода всесожженіе. Онъ, повидимому, чрезвычайно демократически приглашаетъ насъ прислушаться къ голосу $^{9}/_{10}$ или $^{99}/_{100}$ человѣчества и смириться передъ этимъ многомилліоннымъ голосомъ. На самомъ же дѣлѣ это его личный голосъ и онъ, подобно Людовику XIV, утверждавшему, что l'état c'est moi, могъ бы сказать: $^{99}/_{100}$ человѣчества -это я. Если бы однако Людовикъ XIV не ограничился своимъ афоризмомъ, а вздумалъ поддерживать его логической и фактической аргументаціей, то, конечно, помимо прямой неправды, запутался бы еще и въ противорѣчіяхъ. Съ гр. Толстымъ это тѣмъ болѣе должно было случиться, что онъ не открыто заявилъ: человѣчество, за исключеніемъ ничтожной горсти, это я, а, такъ сказать, тайно положилъ эту мысль въ основаніе своего разсужденія.

Естественное дѣло, что, при такомъ настроеніи гр. Толстого, онъ можетъ разрѣшить себѣ многое, что безусловно воспрещаетъ другимъ. Такъ, онъ рѣшительно возстаетъ противъ художественной критики. «Одинъ мой пріятель, говоритъ онъ, — выражая отношеніе критиковъ къ художникамъ, получилъ опредѣлилъ его такъ: критика — это глупые, разсуждающіе объ умныхъ. Опредѣленіе это какъ ни односторонне, неточно и грубо, все-таки заключаетъ доли правды и несравненно справедливѣе того, по которому критики будто бы объясняютъ художественныя произведенія... Если произведеніе хорошо какъ искусство, то, независимо отъ того, нравственно оно или безнравственно, чувство, выражаемое художникомъ, передается другимъ людямъ. Если оно передалось другимъ людямъ, то они испытываютъ его, и всѣ толкованія излишни. Если же произведеніе не заражаетъ людей, то никакія толкованія не сдѣлаютъ того, чтобы оно стало заразительно» (61). Далѣе идутъ разсужденія о **томъ, что критика не только безполезна, но и вредна.**

Опредѣленіе пріятеля гр. Толстого вполнѣ вѣрно... для тѣхъ случаевъ, когда критикуемый художникъ уменъ, а его критикъ глупъ. Это, конечно, бываетъ, но бываетъ и иначе, а если принять въ соображеніе тѣ наиболѣе интересные случаи, когда и художникъ, и его критикъ оба умны, то становится даже трудно понять, зачѣмъ гр. Толстой привелъ односторонне, грубое и неточное опредѣленіе своего пріятеля. Или, можетъ быть, это надо понимать такъ, что самая задача критиковать художественное произведеніе есть глупость, при томъ вредная, въ которой могутъ иногда провиниться и умные люди? Въ такомъ случаѣ, въ число этихъ умныхъ людей надо занести и гр. Толстого, обѣ статьи его переполнены критическими сужденіями о художественныхъ произведеніяхъ. Правда, не всегда эти сужденія заслуживаютъ названія критическихъ. Напримѣръ, гр. Толстой недоволенъ критиками, восхвалявшими «трубы, лики, безмысленныя произведенія древнихъ грековъ: Софокла, Эврипида, Эсхила, въ особенности Аристофана или новыхъ — Данте, Тассо, Мильтона, Шекспира, въ живописи — всего Рафаэля, всего Микель-Анджело съ его подъ-мнимымъ страшнымъ судомъ; въ музыкѣ — всего Баха и всего Бетховена съ его послѣднимъ періодомъ» (64). Конечно, противопоставить этому сонму критиковъ «трубы, лики, безмысленныя» — не значитъ впасть въ глупость критики, но въ этой глупости преобладаетъ мотивы сужденія. Но гр. Толстой не всегда отличается такими лаконическими и мотивированными критическими. Такъ, онъ весьма подробно критикуетъ оперы Вагнера, неоднократно объясняетъ художественныя достоинства библейскаго разсказа объ Іосифѣ, легенды Сакіа Муни и т. д., не говоря уже объ общихъ критическихъ за-

мѣчаніяхъ о предѣлахъ и задачахъ искусства, объ истинномъ искусствѣ и поддѣлкахъ подъ него и т. д., и т. д. Да и вообще вся статья гр. Толстого есть не что иное, какъ иллюстрируемое примѣрами руководство къ художественной критикѣ. Но худо ли, хорошо ли это руководство, а пользоваться имъ никто не можетъ, подъ страхомъ попасть въ число глупыхъ людей, ибо quod licet Jovi, non licet bovi, что можетъ дозволить себѣ гр. Толстой, то непозволительно для остального человѣчества...

Очень жалѣть объ этомъ едва ли слѣдуетъ, ибо хотя нѣкоторыя критическія замѣчанія и наставленія гр. Толстого и заслуживаютъ вниманія, но въ общемъ (какъ это можно было предвидѣть уже и по первой части) статья его отличается чрезвычайною произвольностью и запутанностью.

Возвращается гр. Толстой и къ тому прекрасному общему опредѣленію искусства, которое я привелъ въ мартовской книжкѣ «Русскаго Богатства»,—на этотъ разъ съ новыми комментаріями. Онъ пишетъ: «заразительность есть несомнѣнный признакъ искусства, степень заразительности есть и *единственное* (курсивъ мой) мѣрило достоинства искусства. *Чѣмъ сильнѣе зараженіе, тѣмъ лучше искусство, какъ искусство, не говоря объ его содержаніи, т. е. независимо отъ достоинства тѣхъ чувствъ, которыя оно передаетъ* (курсивъ гр. Толстого). Искусство же дѣлается болѣе заразительно вслѣдствіе трехъ условій: 1) большей или меньшей особенности, оригинальности, новизны того чувства, которое передается; 2) вслѣдствіе большей или меньшей ясности передачи этого чувства, и 3) вслѣдствіе искренности художника, т. е. большей или меньшей силы, съ которой художникъ самъ испытываетъ чувство, которое передаетъ» (89). Изъ дальнѣйшаго толкованія перваго изъ этихъ трехъ пунктовъ оказывается, что «воспринимающій испытываетъ тѣмъ большее *наслажденіе* (мой курсивъ), чѣмъ особеннѣе, новѣе то состояніе души, въ которое онъ переносится, и потому тѣмъ охотнѣе и сильнѣе сливается съ нимъ». Правило это, очевидно, подлежитъ большимъ ограниченіямъ или не должно быть выражено въ столь безусловной формѣ. Очень особенное, совсѣмъ новое состояніе души едва ли способно съ легкостью передаваться. На этомъ вѣдь основано и то соображеніе гр. Толстого, въ силу котораго наше искусство, воплощающее слишкомъ исключительныя чувства, должно отскакивать отъ народа, какъ отъ стѣны горохъ. Во всякомъ случаѣ, дальнѣйшимъ развитіемъ своей формулы искусства гр. Толстой приведенъ къ необходимости включить наслажденіе въ число условій заразительности художественнаго произведенія. И если бы онъ съ самаго начала, въ своей исходной точкѣ и открыто призналъ наслажденіе необходимымъ элементомъ искусства, а не противопоста-

влялъ ихъ одно другому, то избѣгнулъ бы многихъ заблужденій и противорѣчій. Implicite признаніе это заключается уже въ разсужденіяхъ гр. Толстого о рѣзкой разницѣ между наслажденіями высшихъ и низшихъ классовъ. Но такъ какъ оно заключается именно только implicite, то и не помогло автору свести концы съ концами. И торчатъ эти концы въ разныя стороны, такъ что не знаешь, за который изъ нихъ ухватиться, чтобы распутать весь клубокъ.

Мы только что видѣли, что степень заразительности есть *единственное* мѣрило достоинства искусства. Затѣмъ мы видѣли, что требуется отъ художника для достиженія этой заразительности оригинальность, ясность, искренность. На этомъ основаніи узнаемъ, между прочимъ, слѣдующее: «Пушкинъ пишетъ свои мелкія стихотворенія, Евгенія Онѣгина, Цыганъ, свои повѣсти и это все разнаго достоинства произведенія, но все произведенія истиннаго искусства. Но вотъ онъ, подъ вліяніемъ ложной критики, восхваляющей Шекспира, пишетъ Бориса Годунова, разсудочно-холодное произведеніе, и это произведеніе критики восхваляютъ и ставятъ въ образецъ, и являются подражанія подражаніямъ: Мининъ — Островскаго, Царь Борисъ — Толстого и др.» (стр. 63).

Почему критика, восхвалявшая и восхваляющая Шекспира, есть ложная критика? Почему «Борисъ Годуновъ» есть подражаніе Шекспиру? Почему это подражаніе предпринято подъ вліяніемъ критики, а не въ силу собственнаго, хотя бы и ложнаго, взгляда Пушкина? Почему «Борисъ Годуновъ» есть разсудочно-холодное произведеніе? — Съ этими вопросами нельзя обращаться къ гр. Толстому. Въ своемъ презрѣніи къ критикѣ, какъ къ совершенно глупому занятію, онъ не критикуетъ, а вѣщаетъ, изрекаетъ немотивированные, безапелляціонные приговоры, и sit pro ratione voluntas. Удовольствуемся положительнымъ приговоромъ, — тоже немотивированнымъ и безапелляціоннымъ: поэзія Пушкина, за исключеніемъ «Бориса Годунова» и можетъ быть еще чего-нибудь, есть «истинное искусство». Но вотъ, перевертываемъ нѣсколько страницъ и читаемъ: «Когда вышли 50 лѣтъ послѣ смерти Пушкина и одновременно распространились въ народѣ его дешевыя сочиненія, и ему поставили въ Москвѣ памятникъ, я получилъ больше десяти писемъ отъ крестьянъ съ вопросами о томъ, почему такъ возвеличили Пушкина? На-дняхъ еще заходилъ ко мнѣ изъ Саратова грамотный мѣщанинъ, очевидно сошедшій съ ума на этомъ вопросѣ и идущій въ Москву для того, чтобы обличить духовенство за то, что они содѣйствовали постановкѣ «маманиа» господину Пушкину» (стр. 113). И гр. Толстой совершенно понимаетъ положеніе «такого человѣка изъ народа», какъ сошедшій съ ума грамотный мѣщанинъ

изъ Саратова. Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ, заинтересовавшись Пушкинымъ, по случаю поставленія ему «манамента», этотъ человѣкъ узнаетъ, что Пушкинъ «не былъ богатырь или полководецъ, но былъ частный человѣкъ и писатель». Отсюда «онъ дѣлаетъ заключеніе, что Пушкинъ долженъ былъ быть святой человѣкъ и учитель добра, и торопится прочесть или услыхать его жизнь и сочиненія. Но каково же должно быть его недоумѣніе, когда онъ узнаетъ, что Пушкинъ былъ человѣкъ больше чѣмъ легкихъ нравовъ, что умеръ онъ на дуэли, т. е. при покушеніи на убійство другого человѣка, что вся заслуга его только въ томъ, что онъ писалъ стихи о любви, часто очень неприличные». Все это сумасшедшій мѣщанинъ изъ Саратова и тотъ десятокъ крестьянъ, который письменно обращался къ гр. Толстому, узнали, конечно, не отъ него, ибо онъ-то знаетъ, что поэзія Пушкина (за исключеніемъ «Бориса Годунова») есть «истинное искусство»; а это въ устахъ гр. Толстого—большое, многозначительное слово...

Дѣло въ томъ, что заразительность есть единственное мѣрило достоинства искусства, какъ искусства, и это еще не рѣшаетъ вопроса о достоинствѣ тѣхъ чувствъ, которыя оно передаетъ. Поэтому «истинное», «хорошее» искусство, въ которое художникъ вложилъ и оригинальность, и ясность, и искренность, и которое обладаетъ высокой степенью заразительности, можетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ дурнымъ искусствомъ по характеру внушаемыхъ имъ чувствъ. Но гр. Толстому не хочется принять этотъ естественно вытекающій изъ его точки зрѣнія выводъ. Длиннымъ рядомъ разсужденій, между которыми есть и очень цѣнныя, и,—да проститъ мнѣ великій художникъ,—совершенно вздорныя, онъ старается доказать, что не нравящееся ему искусство (тутъ и Шекспиръ, и какой-нибудь Малларме) не обладаетъ настоящею заразительностью. Другой столь же длинный рядъ разсужденій, который мы отчасти видѣли, ведетъ его къ заключенію, что «всегда, вездѣ, во всѣ времена, у всѣхъ народовъ» истинное искусство заражало чувствами, вытекающими изъ религіознаго сознанія. Нынѣ оно должно руководствоваться христіанскимъ религіознымъ сознаніемъ, такъ какъ только при этомъ условіи оно можетъ быть всенародно, всепонятно, всемірно. Однако читатель, уже готовый согласиться съ гр. Толстымъ, вдругъ съ изумленіемъ встрѣчаетъ въ числѣ всенародныхъ, всепонятныхъ, всемірныхъ произведеній японскую живопись (стр. 105) или Иліаду и Одиссею (47). Но вѣдь Японія не просвѣщена еще свѣтомъ христіанства и, стало быть, въ ея искусствѣ не можетъ отражаться христіанское религіозное сознаніе, равно какъ и въ Иліадѣ и Одиссеѣ. А между тѣмъ послѣднія, принадлежа, по словамъ гр. Толстого, къ «хорошему, высшему искусству», «передаютъ очень высо-

кія чувства, вполнѣ понятныя всѣмъ теперь, образованнымъ и необразованнымъ». Какія же это «высокія чувства»? Всѣ мы очень хорошо знаемъ, что Илиада и Одиссея переполнены мотивами «влюбленія, чести, патріотизма», которые гр. Толстой объявляетъ недостойными искусства, какъ исключительные и лишь ничтожной горсти людей понятные. Почему же они въ Иліадѣ и Одиссеѣ становятся всѣмъ понятными и высокими? Почему? Да просто потому, что гр. Толстой такъ хочетъ.

Трудно, да, признаюсь, и скучно слѣдить за всѣми этими произвольными скачками и противорѣчивыми изворотами мысли. Перейдемъ поскорѣе къ окончательнымъ выводамъ, которые окажутся не такъ ужъ страшны и узки, какъ можно бы было ожидать.

Вполнѣ истинное искусство, то есть соединяющее въ себѣ и заразительность, и возвышенность передаваемыхъ имъ чувствъ, и приличествующее нашему времени, раздѣляется на два отдѣла: 1) искусство, передающее чувства, «вытекающія изъ религіознаго сознанія положенія человѣка въ мірѣ, по отношенію къ Богу и ближнему, искусство религіозное въ тѣсномъ смыслѣ этого слова»; 2) искусство, передающее чувства, которыя доступны всѣмъ людямъ всего міра — искусство «житейское», всенародное» (стр. 100 и слѣд.). Этими двумя отдѣлами исчерпывается «хорошее» искусство нашего времени. Но каждый изъ нихъ дѣлится въ свою очередь на два подотдѣла: высшій и низшій. Высшее религіозное искусство «прямо и непосредственно передаетъ чувства, вытекающія изъ любви къ Богу и ближнему», низшее «передаетъ чувства отвращенія, негодованія, презрѣнія къ явленіямъ, противнымъ любви къ Богу и ближнему». Высшее «житейское» искусство «доступно и понятно людямъ всего міра всегда и вездѣ», — это «всемірное искусство»; низшее «доступно и понятно всѣмъ людямъ только одного мѣста и времени — «всенародное искусство». Къ числу «житейскихъ» чувствъ, рекомендуемыхъ гр. Толстымъ для передачи при помощи искусства, онъ относитъ «чувства веселья, умиленія, бодрости, спокойствія и т. п.». А такъ какъ искусству разрѣшаются также и «чувства отвращенія, негодованія, презрѣнія», то получается довольно обширная скала чувствъ, изъ которыхъ иныя не имѣютъ никакого отношенія къ какому бы то ни было религіозному сознанію, иныя трудно согласимы съ строгопонятнымъ христіанскимъ сознаніемъ (Христосъ, вѣдь, училъ любить и прощать, а не отвращаться, негодовать и презирать), наконецъ, еще иныя, напримѣръ, веселье, довольно трудно отгрешить отъ наслажденія, которое гр. Толстой такъ старательно изгонялъ. Все это объединяется исключительно личнымъ вкусомъ гр. Толстого. И какъ бы въ подтвержденіе этого онъ безъ всякихъ мотивовъ указываетъ образцы «хорошаго» искусства:

ства всѣхъ четырехъ подотдѣловъ: хороши, говоритъ, Misérables В. Гюго, хорошъ «почти» весь Диккенсъ, хороши жанры Кнауса, Вотье, хороша японская живопись. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ гр. Толстой, впрочемъ, обставляетъ свои приговоры доказательствами. Такъ онъ считаетъ однимъ изъ высшихъ образцовъ всемірнаго искусства разсказъ объ Іосифѣ прекрасномъ и въ частности эпизодъ съ женой Пентефрія, на томъ основаніи, что «все это чувства (т. е. надо думать, чувства и Іосифа, и жены Пентефрія) доступныя и русскому мужику и китайцу, и африканцу, и ребенку, и старому, и образованному, и необразованному» (103). Боюсь, что весьма многіе китайцы и африканцы совершенно не оцѣнятъ поведенія Іосифа, а ребенокъ, настоящій ребенокъ, ничего не пойметъ во всемъ эпизодѣ...

Таковъ трудъ гр. Толстого, который онъ, по его словамъ, обдумывалъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ. Его неясность, произвольность и противорѣчивость тѣмъ прискорбнѣе, что, во-первыхъ, онъ содержитъ въ себѣ нѣкоторыя отдѣльныя очень цѣнныя мысли, а во-вторыхъ, затрогиваетъ тему, имѣющую въ настоящее время острый практическій интересъ.

Въ настоящее время вполнѣ выяснилась потребность рабочаго люда въ широко поставленныхъ художественныхъ развлеченіяхъ, выяснилась и готовность интеллигенціи служить удовлетворенію этой потребности. Наши театры, музыка, пѣніе, поэзія на нашихъ глазахъ перестаютъ быть исключительнымъ достояніемъ высшихъ классовъ, и очевидно мы находимся лишь въ самомъ еще началѣ этого движенія. Спрашивается, какую же роль сыграетъ тутъ наше искусство? Гр. Толстой рѣшительно отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: никакой или же очень вредную: наше искусство слишкомъ мелко и извращенно, слишкомъ переполнено исключительными чувствами, слишкомъ служитъ наслажденію и совершенно непонятно рабочему люду: если же, — говоритъ онъ, — намъ удастся пріобщить народъ къ своему искусству, то это только и будетъ значить, что мы извратили народъ, уподобили его себѣ. Таковъ холодно-догматическій отвѣтъ на практическій вопросъ дня. Предъявляя его, гр. Толстой не справляется съ фактами, а гнетъ, ломаетъ и упраздняетъ ихъ въ угоду своего догмата. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что современное наше, какъ и европейское, искусство содержитъ въ себѣ много нелѣпаго и постыднаго и исключительнаго и лживаго. Но есть и иныя струи въ современномъ искусствѣ. И по истинѣ поразительна та холодная отвлеченность отъ жизни, съ которою гр. Толстой, напримѣръ, относя къ «хорошему» искусству дѣйствительно прекрасные жанры Кануса и Вотье и едва ли многимъ извѣстную японскую живопись, молча проходитъ мимо русскаго жанра,

не одинъ десятокъ лѣтъ существующаго и представляющаго образецъ высокаго достоинства. Но самое поразительное то, что гр. Толстой даже, повидимому, не поинтересовался узнать, какъ же относится рабочій людъ къ тѣмъ довольно многочисленнымъ опытамъ приобщенія народа къ нашему искусству, которые уже сдѣланы и дѣлаются. Допустимъ, что эти опыты должны оправдать песимистическій взглядъ гр. Толстого и показать, что наше искусство или непонятно народу или развращаетъ его. Но вѣдь, казалось бы, для самого гр. Толстого должно быть любопытно фактически въ немъ убѣдиться, — убѣдиться или разубѣдиться. Однако, гр. Толстой даже ни единымъ словомъ не обмолвился объ этихъ опытахъ. Да и зачѣмъ ему опыты и наблюденія, когда онъ и безъ того есть сосудъ, безусловную истину вмѣщающій...

Въ январьской книжкѣ «Русскаго Богатства» я перепечаталъ изъ «Сѣвернаго Края» замѣтку г. Мельшина объ одномъ изъ предсмертныхъ стихотвореній Некрасова, собственноручный списокъ котораго былъ подаренъ студентамъ петербургскаго университета самимъ поэтомъ. Автографъ висѣлъ въ студенческой читальнѣ, но потомъ куда-то исчезъ. Оказалось, однако, что послѣднее невѣрно. Оказалось также, что память объ этомъ маленькомъ предсмертномъ подаркѣ поэта сохранилась у многихъ тогдашнихъ студентовъ, какъ и списки самого стихотворенія. Кто-то прислалъ такой списокъ г. Мельшину, который и напечаталъ его. По этому поводу я получилъ нѣсколько писемъ, подтверждающихъ вѣрность списка, а двое изъ корреспондентовъ сообщаютъ, кромѣ того, что студенческая депутація, поднесшая Некрасову, по случаю его тяжкой болѣзни адресъ, получила отъ него въ подарокъ не одно, а два стихотворенія. Оба корреспондента сообщаютъ совершенно тождественные списки обоихъ стихотвореній, изъ чего можно заключить, что ихъ дѣйствительно было два. Многимъ весь этотъ эпизодъ можетъ показаться слишкомъ незначительнымъ, чтобы стоило къ нему возвращаться. Но съ другой стороны, есть вѣдь людяи дѣло хранятъ у себя подлинники стихотвореній и при первомъ представившемся случаѣ заявляютъ свою благодарную память поэту. Да и наконецъ, разъ заинтересовавшись этимъ разговоромъ, надо его кончить. И конечно, не я одинъ подобнаго профессора С. О. Ольденбурга получилъ слѣдующее сообщеніе:

«Автографъ — списокъ мнѣ уважаемый профессоръ — вмѣстѣ съ книгами студенческой библіотеки перешелъ въ университетскую библіотеку, гдѣ онъ и хранился. Стихи, какъ увидите изъ сообщаемаго ниже списка, не посвящены студенческой депутаціи, а должны

были составить посвященіе читателямъ, предполагавшееся для сборника стихотвореній поэта подъ заглавіемъ «Въ черные дни». Оригиналъ написанъ на листѣ обыкновенной писчей бумаги, карандашомъ, въ двѣ строфы. Онъ помѣщенъ подъ стекломъ, туда же вложенъ билетикъ, на которомъ написано чернилами (не рукой Некрасова): «Автографъ Н. А. Некрасова, подаренный имъ студентамъ С.-Петербургскаго университета».

Изъ сообщенной мнѣ проф. Ольденбургомъ точной копіи съ автографа дѣйствительно ясно видно, что это — черновикъ первой страницы предполагавшагося къ печати сборника стихотвореній подъ заглавіемъ: «Въ черные дни». Вотъ эта страница:

ВЪ ЧЕРНЫЕ ДНИ [1])
Новыя стихотворенія Н. А. Некрасова
(1874—1877 гг.).
Изданіе съ портретомъ автора
Типографія А. Кр. [2]).
1877

другая страница

Посвящаю моимъ друзьямъ-читателямъ [3])
Посвященіе.
Вамъ мой даръ любившимъ и цѣнившимъ
Вамъ ко мнѣ участье заявившимъ [4])
Въ черный годъ, простертый надо мной [5])
Посвящаю трудъ послѣдній мой!
Я примѣру русскаго народа
Вѣренъ: «*въ горѣ жить*
Некручинну быть».
И больной работаю полгода,
Я трудомъ смягчаю свой недугъ:
Ты не будешь строгъ читатель-другъ!
Н. Некрасовъ.

Спб. 1 февраля 1877 года.

[1]) Подчеркнуто два раза. [2]) Зачеркнуто. [3]) Сбоку приписка «крупно» и слова «моимъ друзьямъ-читателямъ» подчеркнуты два раза. [4]) Вмѣсто «заявившимъ» стояло сперва, а потомъ зачеркнуто: «сохранившимъ». [5]) Сперва стояло, потомъ зачеркнуто: «до моей годины роковой».

Сборникъ «Въ черные дни» не состоялся и вмѣсто него вышелъ извѣстный сборникъ «Послѣднія пѣсни». Что касается другого стихотворенія («Смолкли честные, доблестно павшіе»), о которомъ мнѣ пишутъ двое изъ корреспондентовъ и которое, очевидно, тоже предназначалось для «Черныхъ дней», то подлинникъ его, надо думать, затерялся въ чьихъ-нибудь частныхъ рукахъ.

XIII *).

Бѣлинскій драматургъ.

Бѣлинскій драматургъ... Такая тема многимъ покажется странною, въ особенности въ день чествованія памяти великаго критика. Двѣ драмы Бѣлинскаго — «Дмитрій Калининъ» и «Пятидесятилѣтняя дѣвушка или странная болѣзнь» — представляютъ собою нѣчто очень слабое. Онѣ могутъ служить лишнимъ подтвержденіемъ той истины, что человѣкъ, обладающій тонкимъ пониманіемъ художественной правды и красоты, прямо жадный на ощущеніе этой правды и красоты, можетъ оказаться совершенно безсильнымъ самъ воплотить ихъ въ образы и картины.

Въ ранней молодости, собственно въ дѣтствѣ, въ гимназіи, Бѣлинскій писалъ стихи и, какъ онъ потомъ иронически выражался, «почиталъ себя опаснымъ соперникомъ Жуковскаго». Но уже вскорѣ по поступленіи въ университетъ онъ такъ отвѣчалъ на предложеніе дать стихотвореніе для готовившагося къ печати альманаха: «Въ сердцѣ моемъ часто происходятъ движенія необыкновенныя, душа часто полна чувствами и впечатлѣніями сильными, въ душѣ рождаются мысли высокія, благородныя, — хочу ихъ выразить стихами и не могу! Тщетно трудясь, бросаю перо. Имѣю пламенную, страстную любовь ко всему изящному, высокому, имѣю душу пылкую и при всемъ томъ не имѣю таланта выражать свои чувства и мысли легкими, гармоническими стихами. Рифма мнѣ не дается и, не покоряясь, смѣется надъ моими усиліями: выраженія не укладываются въ стопы, и я нашелся принужденнымъ приняться за смиренную прозу». Такимъ образомъ въ то время Бѣлинскій отказывался только отъ стихотворства и лишь лѣтъ, примѣрно, черезъ десять убѣдился, что ему «не дается» художественное творчество вообще. Плодомъ его иллюзій въ этомъ направленіи и были двѣ упомянутыя

*) Читано въ публичномъ засѣданіи Союза писателей 10 мая 1898 г.

драмы, составляющія, не считая дѣтскихъ стиховъ, все его художественное наслѣдство.

Скудное наслѣдство!—скажутъ многіе. Да такъ сказалъ бы и самъ Бѣлинскій. Въ предисловіи къ «Дмитрію Калинину» онъ называетъ это произведеніе «первымъ несвязнымъ лепетаніемъ младенца, первымъ, незрѣлымъ произведеніемъ пера неопытнаго, несмѣлаго». А когда въ 1839 г. вторая его драма, «Пятидесятилѣтній дядюшка», была поставлена на московской сценѣ, въ «Московскомъ Наблюдателѣ», конечно, съ вѣдома и согласія самого Бѣлинскаго, было сказано, между прочимъ, слѣдующее: «Пьеса имѣла большой успѣхъ и могла бы имѣть еще большій, если бы неопытность автора въ знаніи сцены и убійственная растянутость пьесы не повредили дѣлу. Содержаніе пьесы такъ просто, что и разсказать нечего; взято оно изъ помѣщичьяго быта; эффектовъ, по крайней мѣрѣ кровавыхъ, нѣтъ; конецъ самый «благополучный» — двѣ свадьбы вдругъ. Многія положенія очень интересны и изложены съ одушевленіемъ и увлекательностью; но тѣмъ не менѣе пьеса ни съ которой стороны не относится къ сферѣ искусства, какъ творчества».

Тѣмъ не менѣе, когда Союзъ писателей сдѣлалъ мнѣ честь предложеніемъ принять участіе въ чествованіи памяти Бѣлинскаго, я, послѣ недолгаго колебанія, остановился именно на его драмахъ. Художественной критикѣ нечего съ ними дѣлать, но въ нихъ ярче и сконцентрированнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, сказались нѣкоторыя коренныя черты «неистоваго Виссаріона». Слишкомъ извѣстны колебанія Бѣлинскаго въ взглядахъ на явленія литературы и жизни. Но было въ немъ нѣчто и непоколебимое, пронесенное имъ отъ колыбели литературной колыбели до могилы. И это нѣчто вполнѣ отражается въ двухъ его драмахъ.

Приведенный отзывъ «Московскаго Наблюдателя» о «Пятидесятилѣтнемъ дядюшкѣ» не совсѣмъ вѣренъ въ томъ смыслѣ, что драма эта отнюдь не столь «проста» по содержанію и лишена эффектовъ. Правда, эффектовъ кровавыхъ, которыми изобилуетъ «Дмитрій Калининъ», въ ней дѣйствительно нѣтъ. Во всякомъ случаѣ обѣ драмы, при всемъ своемъ различіи, имѣютъ нѣчто общее прежде всего въ характерѣ центральныхъ фигуръ. И молодой Дмитрій Калининъ, и пятидесятилѣтній Николай Матвѣевичъ Горскій — пылкія натуры, стремительно реагирующія на всѣ впечатлѣнія, быстро мѣняющія свое настроеніе и ярко выражающія его громоносными рѣчами, рѣзкими жестами, безумными поступками. Оба они то и дѣло разражаются бурными монологами, то и дѣло «съ бѣшенствомъ вскакиваютъ», «рвутъ на себѣ волосы» и т. п., а Калининъ еще, кромѣ того, совершаетъ нѣсколько убійствъ. Эпиграфъ къ третьей картинѣ «Дмитрія Калинина» взятъ изъ Озерова и гласитъ:

Ахъ, не гони меня, гони мои то чувства,
Которыхъ утрешь не знаетъ искусства,
Гони ей тѣнь изъ моей пылкой души
Презрѣнье ко всему и къ себѣ и къ любви.

Сами, герои обѣихъ драмъ суть своего рода чудовища. Висаріоны по натурѣ, поставленные въ разныя условія и, отъ старости, отсутствію художественнаго воспитанія въ натурѣ, дремучіе и подчеркнутые мѣстами даже до карикатурности. И хотя Калининъ есть хвастунъ и кровосмѣситель (несознательный), а Николай Матвѣичъ Горскій есть мелкій взяточникъ, старше своего автора, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что обѣихъ ихъ Бѣлинскій вылепилъ съ самого себя.

Не только изобразилъ онъ ихъ своею неистовою, искреннею до
и въ волнующія ихъ мысли и чувства вложилъ вѣчно свое горячее
затушевывое. Ихъ различіе не въ нѣхъ или другихъ
состояніи и потребностяхъ, а въ немногихъ основныхъ нотахъ.

Мы не коснемся географическаго значенія обѣихъ драмъ, ни того, какъ отразился на судьбѣ автора Дмитрій Калининъ, ни того, что въ жизни Бѣлинскаго послужило горькимъ для основы «Пятидесятилѣтняго юношки». Не будемъ припоминать и весь сложный и запутанный ходъ развитія фабулы обѣихъ драмъ. Для нашей цѣли достаточно нѣсколькихъ моментовъ.

У богатаго домѣщика Лѣнинскаго есть жена, двое сыновей, дочь Софья и пріемышъ Дмитрій Калининъ. Оффиціально есть пріемышъ есть сынъ умершаго брѣтственнаго друга Лѣнинскаго, но въ самомъ дѣлѣ онъ незаконный сынъ самого домѣвладѣльца, что однако, открывается только въ самомъ концѣ драмы, послѣ смерти Лѣнинскаго. И для злобы и для любви Дмитрій находитъ обильную пищу въ домѣ Лѣнинскихъ. Онъ любитъ всѣхъ обитателей, кромѣ, частію въ виду исключительнаго положенія Дмитрія, а частію въ виду его высокихъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ, относится къ нему съ особенною нѣжностью лишь Софья, не подозрѣвая, что она его сестра и видя въ ней лишь блещущую красотой, умомъ и отсутствіемъ души дѣвушку, ненавидитъ жену и сыновей Лѣнинскаго. Эти грубые, нелѣпые, невѣжественные, жестокіе люди гнетутъ своихъ крѣпостныхъ и на каждомъ шагу, въ отсутствіи старика Лѣнинскаго, оскорбляютъ Дмитрія. Вотъ какъ онъ разсказываетъ объ этомъ своему пріятелю Сурскому: «Передъ я втайнѣ плакалъ, но при нихъ всегда казался довольнымъ, хотя сердце мое стѣснялось, хотя душа страдала. Я не хотѣлъ показать имъ, что ихъ толпы для меня чувствительны. Вотъ все, они еще болѣе разгражались и, наконецъ, изобрѣли новый способъ мученія: стали называть меня... рабомъ!.. (Стремительно схватываетъ ста-

канъ, наполненный виновъ, разомъ осушаетъ оный и со злобою опрокидываетъ на столъ). О, какое убійственное, какое ужасное дѣйствіе производило на мою душу это слово! Оно было для меня остріемъ кинжала, гибельнымъ жаломъ змѣя, которое, уязвляя мое сердце, пожирало его ядовитымъ огнемъ!» И. т. д., и т. д.

Мы можемъ не идти дальше. Мы дошли, если не до фактическаго, то до духовнаго центра драмы, до того магическаго слова, которое, неоднократно повторяясь въ драмѣ, всякій разъ дѣйствуетъ на Дмитрія, какъ ударъ хлыста, и смыслъ котораго составляетъ источникъ всѣхъ его злоключеній. Слово это—рабъ.

«Дмитрій Калининъ» представляетъ собою рѣзкій протестъ противъ крѣпостного права. Не удивительно, что драма не могла появиться въ свое время, на рубежѣ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, въ печати,—но, нельзя не удивляться, нельзя не любоваться двадцатилѣтнимъ юношей авторомъ, который за тридцать лѣтъ до освобожденія крестьянъ кипѣлъ такимъ бурнымъ негодованіемъ противъ вѣковой неправды.

Дѣло не въ личной трагической судьбѣ Дмитрія Калинина, не въ ней одной, по крайней мѣрѣ. Юный авторъ проводитъ передъ нами рядъ картинъ возмутительнаго насилія и жестокости, и влагаетъ въ уста Дмитрія такой, напримѣръ, монологъ:

«Неужели эти люди для того только родятся на свѣтъ, чтобы служить прихотямъ такихъ же людей, какъ и они сами?.. Кто далъ это гибельное право - однимъ людямъ порабощать своей власти волю другихъ, подобныхъ имъ существъ, отнимать у нихъ священное сокровище свободу? Кто позволилъ имъ ругаться правами природы и человѣчества? Господинъ можетъ, для потѣхи или для разсѣянія, содрать шкуру съ своего раба; можетъ продать его, какъ скота; вымѣнить на собаку, на лошадь, на корову, разлучить его на всю жизнь съ отцомъ, съ матерью, съ сестрами, съ братьями и со всѣмъ, что для него мило и драгоцѣнно!.. Милосердый Боже, отецъ человѣковъ! отвѣтствуй мнѣ: Твоя ли премудрая рука произвела на свѣтъ этихъ змѣевъ, этихъ крокодиловъ, этихъ тигровъ, питающихся костями и мясомъ своихъ ближнихъ и пьющихъ, какъ воду, ихъ кровь и слезы?»

Иной скажетъ, что это напыщенная риторика, навѣянная Шиллеровскими «Разбойниками». Но не забудемъ, что это писано двадцатилѣтнимъ юношей и при томъ семьдесятъ лѣтъ тому назадъ. И если форма выраженія здѣсь навѣяна, то не навѣяны мысли и чувства, вложенныя въ эту форму. Ихъ Бѣлинскій сохранилъ до конца дней своихъ. Въ знаменитомъ, можно сказать, уже предсмертномъ письмѣ къ Гоголю онъ писалъ:

«Вмѣсто того, чтобы учить во имя Христа и церкви варвара-

помѣщика наживать отъ крестьянъ больше денегъ, ругая ихъ «неумытыми рылами», вы или знали бы ему, что его крестьяне — его братья о Христѣ, и какъ братъ не можетъ быть рабомъ своего брата, то онъ и долженъ или дать ему свободу, или хотя по крайней мѣрѣ пользоваться трудами крестьянъ какъ можно льготнѣе для нихъ, сознавая себя въ ложномъ отношеніи къ ихъ положенію. А выраженіе: «эхъ ты, неумытое рыло!» да у какого Поздрева, у какого Собакевича подслушали вы его, чтобы передать міру, какъ великое открытіе въ пользу и назидаціе мужиковъ, которые и безъ того потому и не умываются, что, повѣривъ своимъ барамъ, себя не считаютъ за людей!... Проповѣдникъ кнута, апостолъ невѣжества, поборникъ обскурантизма и мракобѣсія, панегиристъ татарскихъ нравовъ, что вы дѣлаете? Взглянуть себѣ подъ ноги, вѣдь вы стоите надъ бездною!

Мы, здѣсь присутствующіе, собравшіеся почтить память Бѣлинскаго, такъ далеко ушли отъ крѣпостныхъ временъ и нравовъ, что склонны, можетъ быть, умалять значеніе терзаній и протестовъ благороднѣйшихъ изъ нашихъ духовныхъ предковъ. Что жъ, дескать, было и быльемъ поросло!.. Не думаю, чтобы поросло быльемъ все, на что обрушивался Бѣлинскій хотя бы въ томъ же письмѣ къ Гоголю. Достаточно привести хоть слѣдующія строки: «Самые живые современные національные вопросы Россіи теперь уничтоженіе крѣпостного права и отмѣненіе тѣлеснаго наказанія, введеніе по возможности строгаго выполненія тѣхъ законовъ, которые уже есть»...

Но я долженъ быть краткокъ и не буду останавливаться дольше на взглядахъ Бѣлинскаго на рабство въ смыслѣ крѣпостного права. Для него слово «рабъ» имѣло гораздо болѣе широкое значеніе.

Извѣстна трогательная переписка Бѣлинскаго съ его невѣстой, впослѣдствіи женой, Марьей Васильевной Орловой. Здѣсь онъ все тотъ же «неистовый Виссаріонъ» «и въ злобѣ и въ любви». Между прочимъ, онъ звалъ невѣсту изъ Москвы въ Петербургъ, чтобы тамъ и обвѣнчаться, а она уклонялась отъ этого, ссылаясь на обычаи, приличія, родственныя отношенія и настаивала на томъ, чтобы свадьба состоялась въ Москвѣ. За это онъ ее назвалъ «esclave», полагая, очевидно, смягчить французскимъ словомъ мысль объ ея рабствѣ. Это не мѣшаетъ ему тутъ же «неистовствовать»: «Всего хуже, всего ужаснѣе, — это покориться обычаямъ шутовскимъ и подлымъ, профанирующимъ святость отношеній, въ какія мы готовы вступить съ вами, обычаямъ, которые я презираю и ненавижу по принципу и по натурѣ моей. У дядюшки обѣдъ! Будь проклятъ всѣ обѣды, всѣ дядюшки и всѣ тетушки и всѣ чиновники съ ихъ гнусными обычаями». А когда она упорствуетъ и даже соглашается принять титулъ «esclave», онъ пишетъ: «Причина тому votre esclavage

ваша московская боязнь того, что скажутъ о васъ люди, которыхъ вы въ душѣ презираете и не любите, но передъ мнѣніемъ которыхъ вы подлете. Это срамно и грѣхъ. Это преступленіе передъ Богомъ и совѣстью. Скажу болѣе: это низко и недостойно васъ». Среди трогательно нѣжныхъ изліяній въ любви, этотъ взрывъ негодованія производитъ особенно сильное впечатлѣніе.

Такими же взрывами негодованія по адресу именно этого рода es. Iavage переполнена драма «Дмитрій Калининъ». Тутъ совершенно независимо отъ крѣпостныхъ, юридически рабскихъ отношеній, мы имѣемъ еще рядъ бурныхъ протестовъ противъ рабства мысли и чувства. И здѣсь лежитъ ключъ къ пониманію всего Бѣлинскаго. Вся его литературная дѣятельность, вся его обширная переписка, вся, наконецъ, жизнь его проникнуты этой борьбой съ рабствомъ во имя достоинства человѣческой личности.

Какъ далеко за предѣлы юридическаго рабства раздвигалъ онъ это ненавистное ему явленіе, видно изъ слѣдующаго.

Въ одномъ изъ писемъ къ Станкевичу онъ кается въ двухъ своихъ недостаткахъ, въ самолюбіи и чувственности. Послѣдней онъ не придаетъ большого значенія, за то очень огорчается своимъ самолюбіемъ, собственно потому, что—пишетъ онъ—«оно овладѣло мною совершенно, сдѣлало меня своимъ рабомъ».—Великій покойникъ оклеветалъ себя. Но не въ этомъ дѣло. Съ его точки зрѣнія рабомъ является всякій, кто допустилъ овладѣть собою какой-нибудь одной сторонѣ своего существа, одной умственной складкѣ или одной страсти въ ущербъ полнотѣ жизни. Это не отрицаніе страсти—слишкомъ было бы это не къ лицу неистовому Виссаріону,—это отрицаніе узости, ограниченности, односторонности, односторонняго подавленія личности ея же собственными элементами. На борьбѣ личности съ ея собственными элементами и построена вторая драма Бѣлинскаго.

Съ 50-лѣтнимъ Горскимъ случилось несчастіе: онъ влюбился въ свою 20-лѣтнюю воспитанницу, которая преисполнена къ нему наилучшихъ почтительнѣйшихъ чувствъ, но любитъ его молодого племянника. Дѣло запутывается разными плохо мотивированными недоразумѣніями. «Неистовый», не смотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, Горскій бурно переходитъ отъ стыда запоздалой страсти къ неутомимой жаждѣ счастія, отъ мученій ревности и отчаянія къ надеждѣ. Авторъ видимо сочувствуетъ «дядюшкѣ», и если вы всмотритесь въ особенности въ тѣ сцены, въ которыхъ дядюшка гнѣвается на самого себя, то увидите, что причина этого гнѣва есть дѣйствительная или кажущаяся готовность стать рабомъ то слѣпой страсти, то условнаго, не признаваемаго имъ самимъ нравственнаго долга.

Если Бѣлинскій какъ чутко относился къ рабству, такъ сказать, внутреннему, то тѣмъ острѣе ненавистно ему рабство, хотя бы и не юридическое, перед внѣшними силами, — перед обычаями, преданіями, предразсудками, перед тѣмъ, что станетъ говорить княгиня Марья Алексѣевна, перед общественнымъ мнѣніемъ. Мы уже это видѣли въ «Дмитріи Калининѣ» и въ перепискѣ съ невѣстой. Такова же его отношенія къ авторитетамъ въ области мысли. Говоря объ одномъ петербургскомъ кружкѣ, онъ выразился такъ: «не желанные, а хожены». Онъ никогда не отказывался воздать должную дань уваженія тому или другому авторитету и даже часто, не пылкости своей, преувеличивалъ въ томъ отношеніи, но никогда не былъ холопомъ разума. Повелительное значеніе изреченія «magister dixit» для него не существовало, его критическая мысль была всегда на сторожѣ и не разъ жестоко расправлялась съ недавними кумирами.

Въ жизни Бѣлинскаго былъ, какъ извѣстно, періодъ «примиренія съ дѣйствительностью», съ гнусною россійскою дѣйствительностью, какъ онъ потомъ выражался. И тогда онъ писалъ, между прочимъ: «Правда, мы еще не имѣемъ правъ, мы еще рабы, если угодно, но это оттого, что мы еще должны быть рабами». Но до какой степени онъ и въ это время былъ не рабъ, видно хотя бы изъ его страстной реплики Панаеву по поводу одной изъ «примирительныхъ» статей. «Я знаю, меня назовутъ льстецомъ, подлецомъ, скажутъ, что я кувыркаюсь перед властями. Пусть ахъ. Я не боюсь открыто и прямо высказывать мои убѣжденія, что бы обо мнѣ ни думали... Да, это мои убѣжденія. Я не стыжусь, я горжусь ими... Противъ убѣжденій никакая сила не заставитъ меня написать ни одной строчки... Клянусь вамъ, что меня нельзя подкупить ничѣмъ! Мнѣ легче умереть съ голоду, — я и безъ того рискую скоро умереть каждый день, — чѣмъ потерять свое человѣческое достоинство, унизить себя передъ тѣмъ, бы то ни было или продать себя».

Это не въ деньгахъ, разумѣется, — объ этомъ смѣшно и говорить, я не въ «кувырканьи перед властями», — и это слишкомъ элементарно. Но есть двѣ силы, перед которыми часто пасуютъ люди, не способные ни продаваться, ни кувыркаться». Это, во-первыхъ, сила авторитета, это, во-вторыхъ, сила общественнаго мнѣнія. Бѣлинскій признавалъ обѣ эти силы, но никогда не работоспособствовалъ перед ними, не бѣжалъ отъ труда и страданія оригинальной мысли и не заискивалъ перед общественнымъ мнѣніемъ. Когда онъ выстрадалъ — именно выстрадалъ свое примиреніе съ дѣйствительностью, онъ не убоялся того, что его назовутъ льстецомъ, подлецомъ и т. п. «Что мнѣ бросаетъ мнѣніемъ толпы

ками чортъ знаетъ кого?» говорилъ онъ Панаеву,—хотя совсѣмъ не «чортъ знаетъ кто» были люди, возмущенные «Бородинской годовщиной». А когда спала съ глазъ Бѣлинскаго завѣса и авторитетъ, способствовавшій «примиренію», Гегель, не выдержалъ новаго напора критики. — Бѣлинскій объявилъ: «Судьба субъекта, индивидуума, личности важнѣе судебъ всего міра и здравія китайскаго императора (то есть гегелевской Allgemeinheit)... Благодарю покорно, Егоръ Ѳедорычъ (Гегель), кланяюсь вашему философскому колпаку...» И въ другомъ письмѣ: «Проклинаю мое стремленіе къ примиренію съ гнусной дѣйствительностью! Да здравствуетъ великій Шиллеръ, благородный адвокатъ человѣчества, яркая звѣзда спасенія, эмансипаторъ общества отъ кровавыхъ предразсудковъ преданія! Для меня теперь человѣческая личность выше исторіи, выше общества, выше человѣчества».

Въ этихъ страстныхъ словахъ Бѣлинскій нашелъ самого себя. Эта личность, не желающая быть рабомъ исторіи, общества, человѣчества, и есть самъ Бѣлинскій отъ перваго проблеска сознанія до послѣдняго дыханія, отъ «Дмитрія Калинина» до послѣдней написанной имъ строчки. Это его основной фонъ, на которомъ его нетерпѣливый умъ и безпокойное сердце рисовали, подъ вліяніемъ разныхъ условій, разные, подчасъ затемняющіе его узоры. .

Боюсь, что, по краткости отведеннаго мнѣ времени, я не могъ достаточно характеризовать всю яркость этого основного фона всей жизни и дѣятельности Бѣлинскаго. Приведу еще одно мѣсто изъ его переписки: «Кто на вопль и судорожное сжатіе личности смотритъ свысока, какъ на отпаденіе отъ общаго, тотъ или мальчикъ, или эгоистъ, или дуракъ, — а мнѣ тотъ и другой и третій равно несносны...»

Послѣднимъ шагомъ въ развитіи Бѣлинскаго была идея выработки соціальныхъ условій, способствующихъ не порабощенію личности, а ея расцвѣту.

Насколько я могу прозрѣвать въ даль грядущаго, — это идея вѣчная. И потому — вѣчное вѣчному — вѣчная память неистовому Виссаріону!

XIV.

Памяти Н. А. Ярошенко *).

25 іюня скончался Николай Александровичъ Ярошенко. Не знаю въ точности, сколько ему было лѣтъ (примѣрно около 50-ти), но скончался онъ во всякомъ случаѣ слишкомъ рано, полный силъ. Правда, онъ былъ давно боленъ (говорили о горловой чахоткѣ), но умеръ скоропостижно, и болѣзнь, если и подтачивала его сильный организмъ, то внѣшнимъ образомъ давала себя знать лишь однимъ чувствительнымъ неудобствомъ: въ послѣдніе годы у него сталъ пропадать голосъ, и это очень стѣсняло его въ обществѣ, а онъ былъ человѣкъ общественный по преимуществу. И вотъ, все кончено. Это большая потеря не только вообще для русскаго искусства и въ частности для товарищества передвижныхъ выставокъ, котораго свѣтлыхъ преданій онъ былъ наиболѣе энергическимъ хранителемъ. Съ его смертью всѣ знавшіе его теряютъ, по малой мѣрѣ, умнаго, остроумнаго, разносторонняго и высоко развитаго собесѣдника. Для многихъ онъ, конечно, имѣлъ несравненно большее значеніе. Въ особенности слѣдуетъ это сказать о молодыхъ, начинающихъ художникахъ, къ услугамъ которыхъ всегда были умъ, художественное чутье и опытность покойнаго.

Мы, писатели, должны въ особину помянуть Николая Александровича. Со многими изъ насъ онъ былъ близокъ. Смерть Гаршина, несчастіе, постигшее Гл. Ив. Успенскаго, болѣе мелкія бѣды, какъ и радости другихъ — вызывали его горячее участіе. И, напримѣръ, изданный по смерти Гаршина литературно-художественный сборникъ едва ли бы состоялся безъ энергическаго участія Ярошенка. Любилъ покойный и портреты литераторовъ писать. Портреты Кавелина, Плещеева, Салтыкова, Успенскаго, гр. Л. Толстого, В. С. Соловьева занимаютъ видное мѣсто въ ряду его произведеній. Послѣдняя его работа, еще неизвѣстная публикѣ, есть портретъ В. Г.

*) 1898 г., іюль.

Короленка. Писалъ онъ и мой портретъ, при чемъ мнѣ пришлось близко наблюдать нѣкоторыя подробности его отношенія къ своему дѣлу, о чемъ, впрочемъ, скажу ниже по другому поводу.

Въ пестрой сутолокѣ жизни судьба рѣдко сталкиваетъ насъ съ такими цѣльными законченными и въ то же время, такъ сказать, многогранными натурами, какою былъ Ярошенко. Едва ли найдется сколько-нибудь значительная область жизни или мысли, которою онъ не интересовался бы въ большей или меньшей степени. И эта рѣдкая между художниками жадность на работу сознанія не мѣшала свободѣ его художественнаго творчества, въ которомъ неизбѣжно много безсознательнаго. Это былъ въ полномъ смыслѣ *мыслящій художникъ*, — подчеркиваю и существительное, и прилагательное, потому что было бы несправедливо подчеркнуть одно изъ нихъ. Боюсь быть непонятымъ: не геніальный художникъ былъ покойный, но въ предѣлахъ своихъ художественныхъ силъ, — конечно, очень большихъ — онъ являетъ собою рѣдкій образецъ равновѣсія цѣлей и средствъ. Его иногда упрекали въ извѣстной тенденціозности и вообще въ перевѣсѣ мысли, задачи произведенія надъ исполненіемъ. Быть можетъ, это и вѣрно относительно первыхъ его картинъ («Литовскій замокъ», «Невскій проспектъ ночью»), нѣсколько аскетически сухихъ. Но чѣмъ дальше, тѣмъ больше отдѣлывался онъ отъ этой боязни заслонить роскошью красокъ и образовъ смыслъ картины, отъ этой скупости на художественныя средства для достиженія жизненной цѣли. И этотъ процессъ развитія очень характеренъ для Ярошенка: онъ расправлялъ крылья по мѣрѣ того, какъ они росли, и никто не можетъ сказать, какой силы достигъ бы онъ, если бы судьба подкосила его не въ 1898 г., а десятью, двадцатью годами позже. Одно можно сказать навѣрное: искусство, какъ ни дорого оно ему было, никогда не стало бы для него самодовлѣющею цѣлью. Не хуже кого бы то ни было чувствовалъ онъ красоту «красивыхъ пятенъ», эффектнаго освѣщенія и т. п., но пускалъ ихъ въ ходъ не ради ихъ самихъ, и это-то ставилось ему въ вину. Въ частности его упрекали въ томъ, что онъ выбиралъ преимущественно мрачные сюжеты и страдалъ тѣмъ, что у насъ иронически называется совсѣмъ не смѣшными словами: «гражданская скорбь». Упрекъ заѣзженный и уже потому нелѣпый, что бросающіе его обыкновенно ничего не имѣютъ противъ «гражданской радости». Но относительно Ярошенка упрекъ этотъ требуетъ и фактической поправки. Не говоря о такихъ отнюдь не мрачныхъ картинахъ, какъ «Спѣвка», или «На качеляхъ», стоитъ напомнить наиболѣе популярное произведеніе покойнаго — «Повсюду жизнь», гдѣ художникъ съумѣлъ уловить улыбки радости и умиленія на лицахъ пассажировъ арестантскаго вагона. Художественное произ-

[illegible] для Ярошенка прежде всего [illegible] произведеніемъ дѣйствительности въ ея [illegible] чертахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сужденіемъ объ этой дѣйствительности, — сужденіемъ, выраженнымъ образно, художественно и, слѣдовательно, доставляющимъ эстетическое наслажденіе, при посредствѣ котораго сужденіе художника должно передаваться зрителю. Сознательно стоя на этой точкѣ зрѣнія, уравновѣшивавшей элементы правды, эстетическіе и, если угодно, гражданскіе, Ярошенко велъ неустанную борьбу сначала съ академической эстетикой, а затѣмъ и нахлынувшей въ послѣднее время декадентской волной. Борьбу эту онъ велъ, во-первыхъ, своимъ примѣромъ, непосредственными вкладами въ русское искусство; во-вторыхъ, дѣятельнымъ участіемъ въ товариществѣ передвижныхъ выставокъ, душою котораго онъ уже давно сталъ; въ-третьихъ, наконецъ, — устнаго пропагандою, для которой у него были всѣ данныя. Высоко образованный, глубоко убѣжденный, обладавшій при томъ своеобразно прекраснымъ даромъ слова, онъ сдѣлалъ для русскаго искусства гораздо больше, чѣмъ это можетъ казаться людямъ, не знавшимъ его лично. Въ большомъ и разнородномъ обществѣ онъ не былъ разговорчивъ, но въ кругу близкихъ знакомыхъ и товарищей по профессіи онъ былъ истинно блестящій собесѣдникъ.

Года два или три тому назадъ я провелъ лѣто въ Кисловодскѣ въ одномъ домѣ съ Ярошенко, въ томъ самомъ домѣ, гдѣ онъ и умеръ. За все время моего пребыванія въ Кисловодскѣ постоянные хозяева едва ли хоть одинъ день оставались безъ посѣтителей, въ числѣ которыхъ было нѣсколько молодыхъ художниковъ. Разговоръ естественно часто заходилъ объ искусствѣ въ его общихъ началахъ и въ его техникѣ, о различныхъ художественныхъ школахъ, о томъ или другомъ художникѣ, о той или другой картинѣ объ этюдѣ, только что написанномъ однимъ изъ молодыхъ художниковъ, и т. п. И, слушая умныя, тонкія, но твердыя, кремнистыя, но дѣятельно остроумныя рѣчи Ярошенко, я не могъ не жалѣть, что есть человѣкъ не владѣетъ перомъ или почему нибудь не хочетъ пробовать къ нему для изложенія своихъ мыслей.

Но по дѣлу Ярошенко мало писалъ. Кромѣ отдѣлокъ, онъ писалъ «Стадо овецъ въ развалинахъ храма» и картину «Искушеніе Іуды». И я видѣлъ, съ какою тщательностью работалъ онъ, будто бы преисполненнымъ исполненіемъ человѣкъ. Развалины древняго храма были нарисованы раньше, съ натуры, во время странствованій въ закавказскихъ горахъ.—Ярошенко не могъ [illegible] малый [illegible] и трудная [illegible] въ горы. Теперь онъ [illegible] [illegible] въ развалины [illegible] стадо овецъ. И вотъ, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

художникъ: онъ привелъ къ себѣ во дворъ съ базара десятка полтора овецъ, долго бился, располагая ихъ въ разныя группы, снялъ съ этихъ группъ нѣсколько фотографій, зарисовалъ ихъ себѣ въ альбомъ и только послѣ этого рѣшился вставить ихъ въ картину. Но гораздо больше занимало его «Искушеніе Іуды». Это былъ его первый и единственный опытъ разработки евангельскаго сюжета, и въ высшей степени характеренъ мотивъ, по которому онъ, какъ я имѣю основаніе думать, остановился на Іудѣ, этомъ вѣковѣчномъ символѣ измѣны и предательства. Когда я увидѣлъ первый маленькій набросокъ углемъ «Искушенія Іуды», меня поразило отсутствіе типическихъ еврейскихъ чертъ въ лицахъ фарисеевъ, соблазняющихъ Искаріота. Конечно, отъ этого эскиза, задачей котораго было лишь намѣтить общій планъ картины, нельзя было и ожидать деталей, но дѣло-то въ томъ, что намеки на детали какъ будто были и въ еле намѣченныхъ лицахъ нѣкоторыхъ изъ фарисеевъ-соблазнителей мелькало какъ будто что-то знакомое. Я выразилъ художнику свое недоумѣніе: «Это такъ, шутка,—отвѣчалъ онъ, улыбаясь,—это вотъ такой-то, это такой-то». И онъ назвалъ нѣсколько художниковъ, выбывшихъ изъ товарищества передвижныхъ выставокъ по соображеніямъ, имѣвшимъ мало общаго съ искусствомъ... Само собою разумѣется, что въ картинѣ не осталось потомъ и слѣда этой «шутки». Ярошенко исключительно для себя «шутилъ», для собственнаго удовлетворенія, но эта шутка даетъ возможность заглянуть въ душу художника, въ скрытые отъ зрителя житейскіе потайники его творчества. Измѣна тому дѣлу, которое онъ считалъ святымъ, оскорбляла, возмущала его, и эти чувства настойчиво требовали для себя художественнаго выраженія. Но, разъ остановившись на образѣ Іуды, Ярошенко уже предоставилъ свободное теченіе творческому процессу, который привелъ его къ моменту, кажется, никѣмъ еще не эксплоатированному. Іуда много разъ вдохновлялъ художниковъ всѣхъ временъ и народовъ, при чемъ выбирался обыкновенно одинъ изъ двухъ моментовъ, — знаменитый предательскій поцѣлуй или же раскаяніе, приведшее Искаріота къ самоубійству. Ярошенко поступилъ иначе. Ни поцѣлуй, ни раскаяніе не входили въ составъ той измѣны, которая въ дѣйствительности натолкнула его на мысль объ Іудѣ, и его творчество направилось совсѣмъ въ другую сторону. Іуда былъ для него прежде всего чувственный и потому легко поддающійся соблазну, но вмѣстѣ съ тѣмъ и нерѣшительный человѣкъ. А эти двѣ черты могли выступить съ особенною яркостью именно въ той обстановкѣ, какая дана въ картинѣ Ярошенка: фарисеи соблазняютъ Іуду доводами изъ писанія, соображеніями житейскими, деньгами. Первоначально въ картинѣ еще выглядывала изъ-за занавѣса женщина,

блѣдно-розовое облачко, но затѣмъ Ярошенко почему-то (я не могъ добиться почему) уничтожилъ этотъ оригинальный намекъ. Такимъ образомъ, въ основѣ «Искушенія Іуды» несомнѣнно лежитъ генеза съ характеромъ «гражданской скорби», но свободный процессъ творчества поднялъ ее до степени высокой художественной задачи. Къ сожалѣнію, въ картинѣ мало движенія, да и слишкомъ ужъ трудную задачу задалъ себѣ художникъ собственно лицомъ Іуды, на которомъ должна отражаться сложная душевная борьба.

Было бы крайне желательно, чтобы передвижники, такъ много обязанные покойному и такъ много потерявшіе съ его смертью, устроили выставку и издали альбомъ его произведеній. Его многолѣтняя и разнообразная художественная дѣятельность составляетъ одну изъ самыхъ свѣтлыхъ страницъ исторіи русскаго искусства, и если умеръ Ярошенко, то не должна умирать память объ этомъ художникѣ-мыслителѣ, объ этомъ человѣкѣ, которому ничто человѣческое не было чуждо.

XV *)

О г. Максимѣ Горькомъ и его герояхъ.

Года три тому назадъ въ разныхъ журналахъ стали появляться разсказы, подписанные новымъ въ литературѣ именемъ: Максимъ Горькій. Они читались съ интересомъ, отъ нихъ вѣяло чѣмъ-то свѣжимъ, но частію потому, что многіе изъ нихъ печатались въ мало распространенныхъ изданіяхъ, частію вслѣдствіе разбросанности ихъ вообще, трудно было составить себѣ опредѣленное представленіе о литературной физіономіи новоявленнаго писателя. Могло даже возникать сомнѣніе, обладаетъ ли еще онъ какою-нибудь опредѣленною физіономіей и не есть ли онъ одно изъ тѣхъ мимолетныхъ явленій, какихъ много въ современной литературѣ: появится новый авторъ, съ повѣстью или разсказомъ, представляющими извѣстный интересъ въ смыслѣ оригинальности замысла или художественности исполненія, какъ будто обѣщающими что-то и въ будущемъ, но затѣмъ очень скоро оказывается что у автора только и хватило пороху на одинъ, на два разсказа. Всегда, разумѣется, были въ литературѣ подобныя мимолетныя явленія, но нынѣ что-то особенно много стало случайныхъ гостей: побесѣдовали они съ вами разъ, другой, и, пожалуй, вы заинтересовались ихъ бесѣдой, и не дурно съ ними время провели, но затѣмъ они выбываютъ изъ круга вашихъ знакомыхъ, да такъ, что точно ихъ и на свѣтѣ никогда не было, и помянуть ихъ нечѣмъ. Иные, правда, еще пытаются удержаться и не безъ гордости говорятъ, подобно Ипполиту Островскаго: «Коль скоро я пришелъ»... Но читатель съ грустью припоминаетъ реплику Ахова: «Коль скоро ты пришелъ, столь скоро ты и уйдешь»... Это одно изъ проявленій современнаго литературнаго, скажу больше,—современнаго житейскаго оскудѣнія вообще. Оскудѣнію этому есть вполнѣ уловимыя причины, говорить о которыхъ теперь трудно. Объ нихъ разскажетъ въ свое время исторія.

*) Сентябрь 1898 г.

Но каковы бы ни были причины, а печальный фактъ остается фактомъ, и не удивительно, если люди, любовно слѣдящіе за русской литературой, встрѣчаютъ заинтересовавшаго ихъ новаго автора съ нѣкоторымъ скептицизмомъ: можно ли разсчитывать на сколько-нибудь продолжительное общеніе съ нимъ? есть ли у него за душой что-нибудь прочное, не измышливающееся въ угоду времени?

Скептицизмъ этотъ былъ естественъ и относительно г. Максима Горькаго. Не скажу, чтобы онъ былъ устраненъ и теперь, когда разсказы г. Горькаго, частію погребенные въ такихъ литературныхъ могилахъ, какъ «Сѣверный Вѣстникъ», да и вообще раскиданные, собраны и изданы отдѣльно. Но во всякомъ случаѣ два томика его разсказовъ представляютъ собою нѣчто вполнѣ опредѣленное, при томъ такое, что можетъ доставить и художественное наслажденіе, и пищу для размышленія, что можно не только съ удовольствіемъ читать, но и перечитывать, и что помянется исторіей литературы, хотя бы г. Максимъ Горькій уже ничего болѣе не написалъ.

Г. Горькій разрабатываетъ если не совсѣмъ новый, но очень мало извѣстный рудникъ,—міръ босяковъ, босой команды, золотарствъ. Въ отличіе отъ своихъ предшественниковъ, которыхъ, впрочемъ, было всего одинъ, два, да и обчелся, и которые занимались этимъ своеобразнымъ міромъ мимоходомъ и между прочимъ, онъ отдаетъ ему все свое вниманіе и весь свой незаурядный талантъ. Міръ — дѣйствительно въ высокой степени достуживающій вниманія, какъ по своей благодарной для художника, живописной эрѣлости, такъ и по своему общественному значенію. Это — чанды европейской цивилизаціи. Подобно чандамъ они живутъ внѣ кастовыхъ строя и состоятъ частію изъ людей строго воспрещенныхъ пеналъ-Пановъ, между представителями трехъ высшихъ кастъ, частію изъ потомковъ тѣхъ, за преступленія или по какимъ-нибудь другимъ причинамъ выброшенныхъ изъ своей касты, частію, наконецъ, изъ поверженныхъ потомковъ обнищавшихъ семействъ. Наши чанды, то, что въ западной Европѣ называется Lumpenproletariat, у насъ сходны, матерьяльно, будучи такими же отверженцами общественными, сами по себѣ, порывами различныхъ сословныхъ дѣлъ имѣютъ, однако, совершенно иное происхожденіе. Не говоря уже о западной Европѣ, и у насъ въ Россіи не только нѣтъ сословнаго строя, но и сословныя перегородки постоянно стираются и теряютъ свое значеніе. Сынъ дворянина и мѣщанина или крестьянина и дворянки можетъ, конечно, попасть въ ряды босяковъ, но не по рожденію, а по какому-нибудь другому обстоятельству, какое и чистокровнаго дворянина, какъ и чистокровнаго мужика, можетъ ввести въ эти ряды. Такое право принадлежитъ не преступ-

леніе тоже не обязательно ввергаетъ людей въ «золотыя роты». Наконецъ и о какой-нибудь національной особности босяковъ не можетъ быть рѣчи. И тѣмъ не менѣе они, подобно индійскимъ чандаламъ, стоятъ внѣ общественнаго строя, и даже наиболѣе демократическія европейскія партіи презрительно сторонятся отъ Lumpenproletariat'a. Онѣ имѣютъ на то свои резоны. Босяки отъ всѣхъ береговъ отстали, но ни къ которому не пристали, ни въ какіе регулярные кадры не устанавливаются, никакой партійной или классовой дисциплинѣ не поддаются. Правда, г. Горькій готовъ видѣть въ нихъ особый классъ. Это—говоритъ онъ: люди, «которыхъ давно пора считать за классъ и которые вполнѣ достойны вниманія, какъ сильно алчущіе и жаждущіе, очень злые и далеко не глупые» (II, 26). Что босяки вполнѣ достойны вниманія, это несомнѣнно, и г. Горькій, показавшій намъ ихъ въ цѣломъ рядѣ картинъ и образовъ, можетъ по праву гордиться тѣмъ дѣломъ, которое онъ дѣлаетъ. Но не потому, однако, достойны вниманія босяки, что они «сильно алчутъ и жаждутъ, очень злы и далеко не глупы». Это признаки слишкомъ общіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и слишкомъ индивидуальные. Какъ и a priori можно было бы сказать, какъ и изъ разсказовъ г. Горькаго видно, есть между босяками и совсѣмъ не очень злые, а даже очень добрые, есть, конечно, и глупые: всякіе есть. Достойны они вниманія, какъ общественное явленіе, при томъ все ростущее. Но чтобы босяки составляли или могли составить «классъ»,—въ этомъ позволительно сомнѣваться, хотя бы на основаніи показаній самого г. Горькаго, съ которыми мы сейчасъ познакомимся.

Остановимся на одномъ изъ лучшихъ разсказовъ г. Максима Горькаго, озаглавленномъ по прозвищу героя «Челкашъ». Кстати же онъ стоитъ первымъ въ первомъ томѣ. Разсказъ этотъ былъ напечатанъ въ «Русскомъ Богатствѣ», но я считаю нужнымъ напомнить читателямъ нѣкоторыя его подробности, быть можетъ позабытыя, тѣмъ болѣе, что въ общей связи съ другими разсказами г. Горькаго «Челкашъ» получаетъ особенное значеніе.

Дѣло происходитъ въ большомъ приморскомъ южномъ городѣ въ родѣ Одессы или Севастополя. Разсказъ открывается описаніемъ мѣста дѣйствія. Г. Горькій любитъ подобныя описанія и большой мастеръ на нихъ. Особенно ему удаются марины и степные пейзажи, между которыми есть истинно превосходные. Но описаніе, которымъ начинается «Челкашъ», не принадлежа къ числу лучшихъ, имѣетъ за то нѣкоторое принципіальное значеніе, давая отправную точку для сужденія о многомъ изъ того, что занимаетъ г. Горькаго: и можетъ быть не случайно описаніе это попало на первыя же страницы перваго тома. Я приведу его цѣликомъ:

Потемнѣвшее отъ подвалой въ гавани пыли, голубое южное небо хмуро, жаркое солнце тускло смотритъ въ зеленоватое море — точно сквозь тонкую сѣрую вуаль. Оно не можетъ отразиться въ водѣ, то и дѣло разсѣкаемой ударами весель, пароходныхъ винтовъ — глубокими, острыми клиньями турецкихъ фелюгъ и другихъ парусныхъ судовъ, бороздящихъ по всѣмъ направленіямъ тѣсную гавань, въ которой закованныя въ гранитъ свободныя волны моря, подавленныя громадными тяжестями, сдавливаемыя по ихъ хребтамъ, бьются о борта судовъ, о берега, бьются и рвутся, всѣ‌ѣнныя ударами, загрязненныя разнымъ хламомъ.

Звонъ якорныхъ цѣпей, грохотъ сдѣланной у вагоновъ, полно‌звучныхъ грузъ, металлическій вонъ желѣзныхъ листовъ, отдаваемо‌го падающихъ на камень мостовой, глухой стукъ дерева, пребезжаніе извозчичьихъ телѣгъ, свистки **пароходовъ, то пронзительно рѣзкіе, то глухо ревущіе, крики грузчиковъ,** матросовъ и тамо‌женныхъ надсмотрщиковъ, — всѣ эти звуки сливаются въ оглушительную симфонію труда‌ щаго дня и нерѣшительно вздымаясь столпъ въ небѣ надъ гаванью, какъ бы болѣе вспыть выше и исчезнуть въ немъ, а въ нимъ взымаются съ земли все новыя и новыя волны то глухія, рокочущія и сурово сотрясающія все кругомъ, то рѣзкія, гремящія, разрывающія **уши и пыльный знойный воздухъ.**

Гранитъ, желѣзо, мостовая гавани, суда и люди — все вдаетъ мощными звуками бѣшено страстнаго гимна Меркурію. Но голоса людей — эти стенанія въ немъ — слабы и смѣшны. И если люди, первоначально роднившіе — этотъ шумъ, смѣшны и жалки: ихъ фигурки пыльныя, рваныя, горбатыя, согнутыя подъ тяжестью товаровъ, лежащихъ на ихъ спинахъ, подъ тяжестью заботы, гонящей ихъ то туда, то сюда, въ тучахъ пыли, въ морѣ зноя и звуковъ, такъ ничтожны и малы по сравненію съ окружающими ихъ желѣзными колосами, грузами товаровъ, гремящими вагонами и всѣмъ, что они создали **Созданное ими поработило и обезличило ихъ.**

Стоя подъ парами, тяжелые гиганты-пароходы то свистѣли, то пищали, то какъ-то глубоко вздыхали, и въ каждомъ рожденномъ ими звукѣ чудилась насмѣшливая нота ироническаго презрѣнія къ сѣрымъ, пыльнымъ фигуркамъ людей, копошавшихъ по ихъ палубамъ и наполнявшихъ ихъ глубокіе трюмы продуктами своего рабскаго труда. До сего смѣшны были длинныя вереницы грузчиковъ, таскавшихъ на себѣ пудовъ хлѣба и сгружавшихъ его въ желѣзные животы судовъ для того, чтобы заработать нѣсколько фунтовъ того же хлѣба для своего желудка, къ несчастію людей, не желѣзнаго и чувствующаго боли голода. Рваные, потные, отупѣвшіе отъ усталости, шума и зноя люди и машины, блестѣвшія на солнцѣ породистой и безмятежностью машины, созданныя ими людьми, машины, которыя, въ концѣ концовъ, приводились въ движеніе все-таки не паромъ, а мускулами и кровью своихъ творцовъ — въ томъ сопоставленіи была цѣлая поэма жестокой и холодной иронии.

Шумъ подавлялъ, пыль, раздраивая ноздри, слѣпила глаза, зной жегъ тѣло и изнурялъ его, и все кругомъ — здания, люди, мостовая, — казалось, напряженнымъ, назрѣвшимъ, готовымъ прорваться, терзающимъ терпѣніе, готовымъ разразиться какой-то грандіозной катастрофой, взрывомъ, за которымъ въ освѣженномъ имъ воздухѣ будетъ дышаться свободно и легко, на землѣ воцарится тишина, а этотъ пыльный шумъ, оглушительный, раздражающій нервы, доводящій до гоголиваго бѣшенства нелѣпость, и въ городѣ, на морѣ **въ небѣ станетъ тихо, ясно, славно... Но это только казалось. Это казалось** потому, что человѣкъ еще не усталъ надѣяться на лучшее, и желаніе чувствовать себя свободнымъ не умерло въ немъ.

Изъ этой цитаты видно, что г. Горькій не принадлежитъ къ числу тѣхъ оптимистовъ, которыхъ радуетъ промышленный прогрессъ, какъ таковой. Въ нарисованной имъ грандіозной и мрачной картинѣ есть только одинъ свѣтлый лучъ, да и то скорѣе намекъ на лучъ: «человѣкъ еще не усталъ надѣяться на лучшее, и желаніе чувствовать себя свободнымъ не умерло въ немъ». Это-то желаніе и это чувство г. Горькій и улавливаетъ въ своихъ босякахъ. Но не только къ промышленному прогрессу, а — въ связи ли съ нимъ или независимо отъ него — и къ другимъ сторонамъ цивилизаціи нашъ авторъ относится весьма скептически. Въ разсказѣ «Въ степи», между прочимъ, читаемъ: «Я хочу быть только правдивымъ, и не въ моихъ интересахъ быть грубымъ. Я знаю, что люди становятся все мягче душой въ наши высоко-культурные дни, и, даже когда берутъ за глотку своего ближняго съ явною цѣлью удушить его, такъ стараются сдѣлать это съ возможною любезностью и съ соблюденіемъ всѣхъ приличій, умѣстныхъ въ этомъ случаѣ. Опытъ собственной моей глотки заставляетъ меня отмѣтить этотъ прогрессъ нравовъ, и я съ пріятнымъ чувствомъ увѣренности подтверждаю, что все развивается и совершенствуется на этомъ свѣтѣ. Въ частности этотъ замѣчательный процессъ вѣско подтверждается ежегоднымъ ростомъ тюремъ, кабаковъ и домовъ терпимости» (II, 327—328). И г. Горькій держитъ своихъ героевъ неизмѣнно по близости отъ тюремъ, кабаковъ и домовъ терпимости.

Таковы два устоя босяцкой жизни, какъ намъ ее рисуетъ г. Максимъ Горькій: свободолюбіе съ одной стороны, кабаки, тюрьмы, дома терпимости, вообще «порочность» — съ другой.

Гришка Челкашъ — «старый травленый волкъ, хорошо знакомый гаваньскому люду, какъ заядлый пьяница и ловкій, смѣлый воръ» (I, 3). Но просто пьяница и воръ не удостоился бы вниманія г. Горькаго, — мало ли ихъ! Пьяница и воръ можетъ вызывать къ себѣ презрѣніе, въ лучшемъ случаѣ сожалѣніе и другія подобныя сочетанія презрительно снисходительныхъ и брезгливыхъ чувствъ. Челкашъ не таковъ. «Пьяница и воръ» — это только одна сторона его души и жизни. Есть въ немъ еще многое другое, что не только не унижаетъ его, а даже создаетъ ему нѣкоторый поэтическій ореолъ и высоко поднимаетъ его надъ уровнемъ не только обыкновенныхъ пьяницъ и воровъ, но и многихъ честныхъ и трезвыхъ людей. Такъ, «онъ, воръ и циникъ, любилъ море; его кипучая, нервная натура, жадная на впечатлѣнія, никогда не пресыщалась созерцаніемъ этой темной широты, безкрайной и мощной» (19). Уже это показываетъ, что Челкашъ не о единомъ хлѣбѣ думаетъ, не о хлѣбѣ и водкѣ только. И не даромъ онъ такъ любитъ именно

море съ его широкимъ просторомъ: его душѣ особенно родственъ этотъ просторъ. Онъ смѣлъ, великодушенъ, преисполненъ чувства собственнаго достоинства, никому не позволитъ наступить ему на босую ногу, и тѣ французскія сочетанія металла, дерева и пара, которыя г. Горькій изобразилъ въ началѣ разсказа, никоимъ образомъ не могли бы похвалиться, что они дорисовали, обезличили Челкаша.

Всѣ эти качества Челкаша развертываются передъ читателемъ въ одномъ эпизодѣ. Челкашъ затѣялъ рискованное предпріятіе, комбинацію воровства съ продажей контрабандного товара, съ которымъ ему одному не справиться. Но нѣтъ рукой нѣтъ привычнаго къ такому дѣлу помощника, и Челкашъ беретъ съ собой въ товарищи случайно встрѣченнаго, проходящаго молодого мужика Гаврилу. Парень шелъ домой къ себѣ въ деревню съ жатвицы, заработки были плохи, и Гаврила, не совсѣмъ понимая въ чемъ дѣло, согласился на предложеніе Челкаша. При исполненіи предпріятія онъ, добродушный и глуповатый деревенскій парень, вновь натрусился, вызывая то насмѣшки, то гнѣвные окрики Челкаша, а затѣмъ произошла слѣдующая сцена при дѣлежѣ добычи. Операція принесла пятьсотъ с-рокъ рублей, изъ которыхъ сорокъ Челкашъ отдѣлилъ Гаврилѣ, дрожащаго, ловящимому, и еще прибавилъ. Но Гаврилу, при видѣ радужныхъ бумажекъ, обуяла жадность, —на эти огромныя для него деньги, заработанныя въ одну ночь, онъ у себя въ деревнѣ какъ бы устроился! а Челкашъ вѣдь ихъ просто пропьетъ! — И Гаврила униженно страстно молитъ Челкаша отдать ему всю добычу. Молитъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ будто и отнять покушается, потому что неожиданнымъ движеніемъ валитъ Челкаша на землю.

— На, сволочь, жри! — гаркнулъ Челкашъ, дрожа отъ возбужденія, острой жалости и ненависти къ этому жадному рабу. И, бросивъ деньги, онъ зачувствовалъ себя героемъ. Удальство свѣтилось въ его глазахъ. Гаврила сталъ опять же униженно благодарить. Челкашъ слушалъ его визгъ, вопли, смотрѣлъ на его сіявшее, изможденное жалкой радостью лицо и чувствовалъ, что онъ, вотъ этотъ гуляка, оторванный отъ всего въ жизни, никогда не станетъ такимъ жалкимъ, низкимъ, не обманщикомъ себя. Никогда не станетъ такимъ! И эта мысль и ощущеніе, наполняя его сознаніемъ своей свободы и силы, удерживали его около Гаврилы на пустынномъ морскомъ берегу. Но когда Гаврила, въ порывѣ восторга, признается, что онъ хотѣлъ убить Челкаша, лишь рѣшается отобрать деньги. Предлагаетъ драку. Челкашъ, пораженный камнемъ въ затылокъ, падаетъ. Гаврила проситъ прощенія и дрожащими, обольщенными его деньгами. Челкашъ, сжавъ, презрительно [illegible]

его взять добычу, оставляя себѣ лишь одну радужную, и случайные товарищи расходятся..

Таковъ босякъ Гришка Челкашъ. Въ сравненіи съ добродушнымъ, работящимъ и глуповатымъ мужикомъ Гаврилой онъ, воръ и пьяница, есть настоящій герой и рыцарь чести. Онъ, въ освѣщеніи г. Горькаго, имѣетъ полное право смотрѣть сверху внизъ на этого «жаднаго раба». И критики, недавно восторгавшіеся посредственнымъ разсказомъ г. Чехова собственно потому, что въ немъ «мужики» своимъ «деревенскимъ идіотизмомъ» выгодно оттѣняютъ фигуры трактирнаго лакея и горничной меблированныхъ комнатъ, уже за одно это униженіе мужика—такая теперь мода—высоко оцѣнятъ г. Максима Горькаго. Я тоже цѣню, какъ галантъ г. Горькаго, такъ и употребленіе, которое онъ изъ него дѣлаетъ, но по нѣсколько инымъ соображеніямъ.

Повидимому, глубокое презрѣніе къ мужику и къ деревенскому житью, презрѣніе, сопровождаемое даже ненавистью, свойственно не одному Гришкѣ Челкашу, а вообще излюбленнымъ героямъ г. Горькаго. Такъ въ разсказѣ «Мальва» удалой золоторотецъ Сережка называетъ мужиковъ «землѣдами тупорылыми» и «кротами таракановичами», а объ одномъ изъ дѣйствующихъ лицъ отзывается такъ: «Мнѣ онъ не по душѣ... деревней отъ него воняетъ, а я запаха этого не терплю» (II, 109, 110—112). Сама Мальва презрительно говоритъ, что въ деревнѣ «какъ въ ямѣ—и темно, и тѣсно» (85). Сережка же такъ поясняетъ свою мысль въ другомъ мѣстѣ: «Я, видишь ты, всѣхъ мужиковъ не люблю... они сволочи! Они прикинутся сиротами, имъ и хлѣба даютъ и... все!.. У нихъ вонъ земство есть и оно все для нихъ дѣлаетъ... Хозяйство у нихъ, земля, скотъ... Я у земскаго доктора кучеромъ служилъ, насмотрѣлся на нихъ... потомъ бродяжилъ по землѣ много. Придешь, бывало, въ деревню, попросишь хлѣба — цапъ тебя! Кто ты, да что ты, да подай паспортъ.. Бивали сколько разъ... То за конокрада примутъ... то просто такъ... Въ холодную сажали... Они ноютъ да притворяются, но жить могутъ, у нихъ есть зацѣпка—земля. А я что противъ нихъ?» (117). Въ «Бывшихъ людяхъ» ненавидитъ мужиковъ нѣкій Тяпа. «Каждый разъ, когда въ ночлежкѣ являлся какой-нибудь свѣжій экземпляръ человѣка, вытолкнутаго нуждой изъ деревни, Тяпа при видѣ его впадалъ въ тоскливое озлобленіе и безпокойство. Онъ преслѣдовалъ этого несчастнаго ѣдкими насмѣшками, съ злымъ хрипомъ выходившими изъ его горла; онъ натравливалъ на него какого-нибудь злющаго босяка, грозилъ, наконецъ, собственноручно избить и ограбить его ночью и почти всегда добивался того, что запуганный и растерявшійся мужикъ исчезалъ изъ ночлежки и уже больше не являлся въ ней». Въ газетѣ Тяпа

читалъ о томъ, что въ такой-то деревнѣ градомъ побило хлѣбъ, а въ другой — сгорѣло тридцать дворовъ, а въ третьей — блоха отравила свою семью, — все, что принято писать о деревнѣ и что рисуетъ ее только несчастной, глупой и злой. Тяпа читалъ все это глухо и мычалъ, выражая этими звуками, быть можетъ, сострадание, быть можетъ, удовольствие» (II, 200, 201). Емельянъ Пилыч, «мѣщанинъ-голоштанникъ», какъ онъ самъ себя называетъ, грозитъ «дворянамъ отъ сохи» разными непріятностями. Онъ мечтаетъ открыть кабакъ и съ нѣкоторымъ даже сладострастіемъ представляетъ себѣ, какъ онъ будетъ грабить мужика: «Мужика бы этого, черноземеннаго барина — ахъ ты! грабь! дери шкуру! выворачивай на изнанку. Придетъ, стоимѣнится — «Емельянъ Павлычъ, дай въ долгъ стаканчикъ!» — А что?.. Въ долгъ! Не даемъ въ долгъ! — Емельянъ Павлычъ, будь милосердъ! — Изволь, буду: вези деньгу, шкаликъ дамъ. Ха-ха-ха! Я бы его, чорта тугопузаго, провялилъ!» (II, 276).

Такимъ образомъ босякъ, представитель городской культуры, является антагонистомъ деревенскаго мужика и, какъ ни низко стоитъ самъ онъ въ обществѣ, смотритъ на мужика сверху внизъ и имѣетъ, повидимому, для этого достаточныя основанія. Но прежде, чѣмъ дѣлать изъ этого какіе-нибудь выводы, прежде, чѣмъ радоваться или горевать, или искать подтвержденія той или другой излюбленной теоріи, посмотримъ, какъ относится босякъ къ представителямъ другихъ сословій или классовъ, напримѣръ, къ купцамъ.

Аристидъ Кувалда, одинъ изъ «бывшихъ людей» и нѣкоторымъ образомъ глава ихъ или, по крайней мѣрѣ, приставодержатель, дѣлаетъ такое опредѣленіе: «Что есть купецъ? Разсмотримъ это недѣйное и грубое явленіе. Прежде всего каждый купецъ — мужикъ. Онъ является изъ деревни и по истеченіи нѣкотораго времени дѣлается купцомъ. Для того, чтобы сдѣлаться купцомъ, нужно имѣть деньги. Откуда у мужика могутъ быть деньги? Какъ извѣстно, онѣ не являются отъ трудовъ праведныхъ. Значитъ, мужикъ такъ или иначе мошенничалъ. Значитъ, купецъ — мошенникъ-мужикъ... О, если бъ я писалъ въ газетахъ!.. о, я показалъ бы его въ настоящемъ видѣ, я бы показалъ, что онъ только животное, временно исполняющее должность человѣка. Я понимаю его! Онъ? Онъ грубъ, онъ глупъ, не имѣетъ вкуса къ жизни, не имѣетъ представленія объ отечествѣ и ничего выше пятака не знаетъ» (II, 207, 208).

Правда, Аристидъ Кувалда — отставной ротмистръ и дворянинъ, и можно, пожалуй, подумать, что его ненависть къ купцамъ есть нѣчто исключительное. Но его дворянское прошлое, какъ и прошлое другихъ его разношерстныхъ товарищей, давно былью поросло. Онъ принадлежитъ къ числу «изгнанныхъ изъ жизни, рва-

ныхъ, пропитанныхъ водкой и злобой, ироніей и грязью» (211). Мало того, благодаря нѣкоторому образованію, недюжинному уму и ораторской способности, Аристидъ Кувалда, пользующійся въ своей средѣ огромнымъ авторитетомъ, можетъ логически выразить и болѣе или менѣе ясно формулировать бродящія въ душахъ золоторотцевъ инстинкты и чувства. Вотъ, напримѣръ, одна изъ бесѣдъ Аристида Кувалды съ братіей:

— Какъ бывшій человѣкъ (говоритъ Кувалда), я долженъ смарать въ себѣ всѣ чувства и мысли, когда-то мои. Это, пожалуй, вѣрно. Но чѣмъ же я и всѣ вы—чѣмъ же вооружимся мы, если отбросимъ эти чувства?

— Вотъ ты начинаешь говорить умно, поощряетъ его учитель.

— Намъ нужно что-то другое, другія воззрѣнія на жизнь, другія чувства... намъ нужно что-то такое новое, ибо и мы въ жизни новость...

— Несомнѣнно намъ нужно это,—говоритъ учитель.

— Зачѣмъ, — спрашиваетъ Конецъ, — не все ли равно, что говорить и думать? Намъ недолго жить... мнѣ сорокъ, тебѣ пятьдесятъ, моложе тридцати нѣтъ среди насъ. И даже въ двадцать долго не проживешь такой жизнью.

— И какая мы новость, — усмѣхается Объѣдокъ,—гольтепа всегда была.

— И она создала Римъ,—говоритъ учитель.

— Да, конечно, — ликуетъ ротмистръ, — Ромулъ и Ремъ, развѣ они не золоторотцы? И мы, придетъ нашъ часъ, создадимъ...

— Нарушеніе общественной тишины и спокойствія,— перебиваетъ Объѣдокъ. Онъ хохочетъ, довольный собой. (210).

Мы еще вспомнимъ нѣкоторыя подробности этой знаменательной бесѣды, а пока замѣтимъ, что среди «бывшихъ людей» есть всякіе—и мужики, и дворяне, и интеллигенція, и городскіе, и деревенскіе жители, и всѣмъ имъ «нужно что-то другое, другія воззрѣнія на жизнь, другія чувства, нужно что-то такое новое». И если Мальва находитъ, какъ мы видѣли, что въ деревнѣ, «какъ въ ямѣ,— и темно, и тѣсно» то вотъ, напримѣръ, босякъ Коноваловъ говоритъ автору: «Совсѣмъ напрасно ты, Максимъ, въ городахъ трешься. И что тебя къ нимъ тянетъ? Тухлая тамъ жизнь и тѣсная. Ни воздуху, ни простору, ничего, что человѣку надо». (II, 61). «Настроили люди городовъ, домовъ, собрались тамъ въ кучи, накостятъ землю, задыхаются, тѣснятъ другъ друга... Хорошая жизнь!» И только послѣ убѣдительной реплики товарища, Коноваловъ съ сожалѣніемъ соглашается, что «для зимы города дѣйствительно нужны... тутъ ужъ ничего съ ними не подѣлаешь» (63). Въ деревнѣ, какъ въ ямѣ,— и темно и тѣсно. Но вотъ и городской рабочій, сапожникъ Орловъ говоритъ тѣми же словами: «Сижу въ ямѣ и шью» (I, 263), «сижу вотъ въ ямѣ и все работаю, и ничего у меня нѣтъ» (266); «хоть на чердакъ забирись, все же въ ямѣ будешь... не квартира яма... жизнь яма» (268). И въ итогѣ своей карьеры и своихъ раз-

мышлений о жизни Орловъ говоритъ: «Противно все — города, деревни, люди разныхъ калибровъ... тьфу!» (332).

Итакъ, герои г. Горькаго не къ одному мужику относятся презрительно и ненавистно, и деревня и городъ равно вызываютъ въ нихъ недобрыя и вообще отрицательныя чувства. Мало того, если вы внимательно прочтете тою же «Челкашу», то увидите, что къ презрѣнію, которое босякъ питаетъ къ Гаврилѣ, примѣшивается странное сочетаніе зависти и сочувствія. Одиннадцать лѣтъ тому назадъ Гришка Челкашъ самъ былъ деревенскимъ мужикомъ, и въ разговорѣ съ Гаврилой онъ чувствовалъ свою обвѣянную примиряющей, ласковой струей родного воздуха, донесшаго съ собой до его слуха и ласковыя слова матери, и солнечныя рѣчи исконнаго крестьянина-отца, много забытыхъ звуковъ и много сочнаго запаха матушки-земли, только-что оттаявшей, только-что вспаханной и только-что покрытой изумруднымъ шелкомъ озими... И онъ чувствовалъ свою сонливость, увѣшнемъ, жалкимъ и одинокимъ, вырваннымъ и выворошеннымъ навсегда изъ того порядка жизни, въ которомъ выработалась та кровь, что течетъ въ его жилахъ» (I, 34). Любопытно также, что нашъ авторъ колеблется въ опредѣленіи тѣхъ чувствъ, съ которыми другой ненавистникъ мужика, Тяпа, вычитываетъ въ газетѣ «непріятныя извѣстія о деревнѣ («быть можетъ сострадание, быть можетъ удовольствіе»). Тяпа тамъ посылаетъ одного изъ «бывшихъ людей» въ деревню: «шелъ бы ты въ деревню... кросился бы тамъ въ учителя или въ писаря... и были бы сыты, и провѣтрился бы. А то чего маешься?» (II, 206).

Изъ всего этого видно, что задача г. Горькаго лежитъ гдѣ-то въ сторонѣ отъ грубаго противопоставленія деревни и города. Его образы и картины разные читатели могутъ разумѣется, истолковывать различно, смотря по степени своего пониманія, а можетъ быть и тенденціозности. Одинъ можетъ подчеркнуть для себя,—а если онъ не просто читатель, а и критикъ, то и для другихъ,— одну сторону дѣла, другой другую. Эти односторонніе освѣщенія могутъ быть очень остроумны и представлять особый интересъ въ томъ или другомъ смыслѣ. Но любопытно знать и мнѣнія самого наблюдателя-автора, хотя для насъ вовсе не обязательно съ этими мнѣніями соглашаться. Но въ двухъ томахъ разсказовъ г. Горькаго есть, кажется, только одно мѣсто, гдѣ авторъ прямо отъ себя какъ будто сопоставляетъ деревню и городъ. А именно: «Быть можетъ порядочный человѣкъ культурнаго класса и выше такого же человѣка изъ мужиковъ, но всегда порочный человѣкъ изъ города неизмѣримо гаже и грязнѣе порочнаго человѣка деревни» (II, 199). Но и это мнѣніе, конечно интересное,—въ качествѣ итога сравнительныхъ наблюденій,— очень далеко отъ подмѣнного сопоставленія

мужика-земледѣльца и городского жителя вообще или, какъ у насъ недавно еще до тошноты часто повторяли, «деревенской и городской культуры». Г. Горькій сравниваетъ не вообще деревенскихъ и городскихъ жителей, а лишь опредѣляемыхъ извѣстными нравственными признаками—«порядочности» и «порочности», при чемъ относительно «порядочныхъ» выражается сомнительно: «быть можетъ». Да и вообще все это мимоходомъ брошенное замѣчаніе не имѣетъ большого значенія для основной темы г. Горькаго, разрабатываемой въ большинствѣ его разсказовъ. *Всѣ* его излюбленные герои «порочны», близки къ тюрьмамъ, кабакамъ и домамъ терпимости, всѣ, какъ деревенскіе, такъ и городскіе. Если, напримѣръ, городскіе «бывшіе люди» «охотно, много и скверно говорили о женщинахъ», то, во-первыхъ, одинъ изъ ихъ же среды — «учитель»—сердился, «если очень ужъ пересаливали», а во-вторыхъ, и бывшій мужикъ Челкашъ—«циникъ». Если въ разсказѣ «Дѣло съ застежками» бывшій мужикъ Мишка, къ негодованію своего необузданнаго товарища Семки, способенъ растрогаться чтеніемъ, то и городской человѣкъ Коноваловъ ему въ этомъ отношеніи не уступитъ. Все это оттѣнки, подробности, хотя и подлежащія сложенію въ общія правила и вычитанію исключеніи, но имѣющія мало значенія для главной темы г. Горькаго. Важно, что всѣ эти чандалы, отъ какого бы общественнаго слоя они ни откололись, будучи отверженцами изъ отверженцевъ и сами сознавая свою «порочность», считаютъ себя вправѣ свысока относиться ко всему окружающему и въ какихъ-то отношеніяхъ дѣйствительно имѣютъ это право.

Характеризуя только что упомянутаго Мишку («Дѣло съ застежками»), г. Горькій говоритъ, что онъ «типичнѣйшій мечтатель-мужикъ, излюбленный персонажъ писателей-народниковъ, такъ много говорившихъ о немъ и позабывшихъ разсказать, какъ онъ, этотъ типъ, вымираетъ, постепенно отравляемый суровой жизнью, которая никогда не благоволила мечтателямъ, ни мало не нуждается въ нихъ и всегда предпочитаетъ здоровыя руки слабой головѣ» (II, 167). Кого бы ни разумѣлъ здѣсь почтенный авторъ подъ писателями-народниками, — вообще ли писателей, черпавшихъ свои темы изъ народнаго быта и съ особеннымъ интересомъ приглядывавшихся къ мужицкой жизни, или же народниковъ, такъ сказать, принципіальныхъ, идеализировавшихъ мужика и «устои» его жизни,— онъ во всякомъ случаѣ неправъ: фактически неправъ, утверждая, что писатели эти позабыли разсказать, какъ вымираетъ «мечтатель». Это было бы нетрудно доказать многочисленными примѣрами, но такая экскурсія въ сторону недавней исторіи нашей ли-

литературы слишкомъ отвлекла бы насъ отъ г. Горькаго, да и не нужна она для нашей цѣли. Г. Горькій не рѣшается заполнить указанный имъ якобы пробѣлъ. Онъ даетъ рядъ фигуръ, уже отвергнутыхъ «суровой жизнью», и все это «мечтатели»: мечтатели-поэты или мечтатели-философы, быть можетъ, слишкомъ поэты и философы. И глядя на нихъ, приходится признать, что наша жизнь не нуждается не только въ «слабыхъ головахъ», предпочитая имъ «здоровыя руки». Тутъ еще не было бы ничего удивительнаго или вниманія достойнаго. Здоровыя руки, конечно, предпочтительнѣе слабой головы, какъ маленькій каменный домъ предпочтительнѣе большого чернаго таракана. Удивительно то, что отвергнутые жизнью мечтатели г. Горькаго въ большинствѣ случаевъ совсѣмъ не слабыя головы (г. Горькій считаетъ даже возможнымъ, какъ мы видѣли, объединить ихъ общимъ признакомъ: «далеко не глупы»), и руки у большинства ихъ тоже здоровыя, а они все-таки отверженцы. Отчего же это такъ выходитъ?

Есть, впрочемъ, у г. Горькаго одинъ совершенно безрукій герой — Михаилъ Антонычъ въ разсказѣ «Тоска». Объ немъ узнаемъ отъ него самого, что онъ перепробовалъ множество профессій: былъ часовымъ дѣлъ мастеромъ, пѣвчимъ, смазчикомъ на желѣзной дорогѣ, приказчикомъ у лѣсоторговца, торговалъ роговыми издѣліями и, наконецъ, гдѣ-то на фабрикѣ въ пьяномъ видѣ попалъ въ приводный ремень, которымъ ему и оторвало обѣ руки. Тутъ мы имѣемъ, по крайней мѣрѣ, указаніе на причину, окончательно выбившую человѣка изъ строя. Но и то надо сказать, что и прежде этого печальнаго случая Михаилъ Антонычъ почему-то не могъ приспособиться ни къ одной изъ перепробованныхъ имъ профессій, да и въ приводный ремень попалъ пьяный, можетъ быть, конечно, и случайно, а можетъ быть и какъ привычный уже пьяница. Вообще г. Горькій чрезвычайно скупъ на разъясненіе тѣхъ условій, при которыхъ «суровая жизнь» выпихиваетъ за бортъ его героевъ; и даже когда болѣе или менѣе подробно разсказываетъ ихъ біографію, то обрываетъ ее на самомъ интересномъ мѣстѣ. Вотъ, напримѣръ, Гришка Челкашъ. Онъ вспоминаетъ свое прошлое. «Онъ успѣлъ посмотрѣть себя ребенкомъ, свою деревню, свою мать, краснощекую, пухлую женщину съ добрыми сѣрыми глазами, отца рыжебородаго гиганта съ суровымъ лицомъ, видѣлъ себя женихомъ и видѣлъ жену, черноглазую Анфису, съ длинной косой, полную, мягкую, веселую; снова себя красавцемъ гвардейскимъ солдатомъ; снова отца, уже сѣдого и согнутаго работой, и мать, морщинистую, осѣвшую къ землѣ; посмотрѣлъ и картину встрѣчи его деревней, когда онъ возвратился со службы; видѣлъ и то, какъ гордился передъ всей деревней отецъ своимъ

Григорьемъ, усатымъ, здоровымъ солдатомъ, ловкимъ красавцемъ...» (I, 33, 34). Все это только вступленіе къ жизни босяка, но г. Горькій ставитъ многоточіе и затѣмъ ограничивается темнымъ намекомъ на какія-то «ошибки». Въ чемъ состояли эти ошибки, такъ и остается неизвѣстнымъ, но достовѣрно, что голова у Челкаша не слабая, а руки здоровыя. Изъ біографіи удалого золоторотца Сережки (въ «Мальвѣ») только и извѣстно, что онъ мѣщанинъ города Углича и «вездѣ бывалъ, скрозь прошелъ всю землю». А если г. Горькій кое-гдѣ и намѣчаетъ исходный моментъ босячества, то довольствуется общими выраженіями въ родѣ того, что «нужда загнала» или «запилъ», — просто запилъ, да и все тутъ. Это слишкомъ неопредѣленно. Нужда то медленно и постепенно захватываетъ людей своими цѣпкими когтями, то настигаетъ ихъ внезапно, безъ предостереженій, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ подбираясь съ очень разныхъ сторонъ; а «запиваютъ» люди, кромѣ нужды, еще и по многимъ другимъ, разнообразнымъ, при томъ часто случайнымъ, не поддающимся обобщенію причинамъ. Попробуемъ обратиться за разъясненіемъ не къ г. Горькому, а къ самимъ его героямъ.

Я уже замѣтилъ, что большинство этихъ героевъ поэты и философы, поэты, по крайней мѣрѣ, въ душѣ и философы, по крайней мѣрѣ, по склонности осмысливать и обобщать явленія жизни. Г. Горькій утверждаетъ даже, что «каждый человѣкъ, боровшійся съ жизнью, побѣжденный ею и страдающій въ безжалостномъ плѣну ея грязи, болѣе философъ, чѣмъ самъ Шопенгауеръ, потому что отвлеченная мысль никогда не выльется въ такую точную и образную форму, въ какую выльется мысль, непосредственно выдавленная страданіемъ» (II, 29). Г. Горькій не даромъ говоритъ не только о точной, а и объ образной формѣ и, надо думать, не случайно выбралъ именно Шопенгауера, этого мыслителя-художника, для сравненія съ своими героями. Его излюбленные персонажи, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ не удается точно формулировать свои мысли, выражаютъ ихъ картинно, художественно, образно. До какой степени картинно и образно, что читателя невольно беретъ сомнѣніе, — возможно ли, правдиво ли это? Въ знаніи той среды, которую онъ описываетъ, г. Горькому никоимъ образомъ отказать нельзя: подлинная правда чувствуется какъ въ общей концепціи его произведеній, такъ и во множествѣ житейскихъ подробностей, которыхъ нельзя выдумать, сочинить. Но иногда, читая рѣчи и размышленія его босяковъ, поневолѣ вспоминаешь его собственную оцѣнку босяцкихъ словесныхъ автобіографій, «въ которыхъ ужасная, душу потрясающая правда фантастически перепутывалась съ самою наивною ложью» (II, 29). Конечно, «ложь» въ данномъ случаѣ слиш-

комъ грубое слово по отношенію къ столь почтенному писателю, но рѣчь идетъ не о сознательной какой-нибудь лжи. Да и босяцкую ложь надо тоже понимать. Кроткій и ко всѣмъ, кромѣ себя, снисходительный Коноваловъ, на вопросъ одного изъ товарищей босяковъ — не вѣришь? — отвѣчаетъ: «Нѣтъ, вѣрю... Какъ можно не вѣрить человѣку? Даже если видишь — вретъ, опять вѣрь ему. Т. е. слушай и старайся понять почему онъ вретъ? Иной разъ вранье-то лучше правды объясняетъ человѣка... Да и какую мы всѣ про себя правду можемъ сказать? Самую пакостную... А соврать можно хорошо... Вѣрно? — Вѣрно», соглашается разсказчикъ (II, 30). Г. Горькій разсказываетъ про своихъ героевъ ужасные, истинно душу потрясающую правду, не скрывая ни одной изъ чертъ ихъ многоразличной порочности, но вышеприведенное убѣжденіе въ ихъ превосходствѣ надъ Шопенгауеромъ заставляетъ его вплетать въ ихъ головы мало вѣроятныя мысли, а въ ихъ уста мало вѣроятныя рѣчи. Языкъ его босяковъ до крайности не характеренъ, напоминая собою превосходный языкъ самого автора, только намѣренно и невыдержанно испорченный, и то же можно сказать, по крайней мѣрѣ отчасти, объ ихъ философіи. Вы понимаете, что старуха Изергиль можетъ выражаться, напримѣръ, такъ: «Однажды гроза грянула надъ лѣсомъ и зашептали деревья глухо и грозно; а стало въ лѣсу такъ темно, точно въ немъ собрались сразу всѣ ночи, сколько ихъ было на свѣтѣ съ той поры, какъ онъ родился» (II, 318). Эта двѣтистая рѣчь, эти оригинально красивые эпическіе образы, можетъ быть, и умѣстны въ устахъ старухи Изергиль въ виду ея восточнаго происхожденія. Безрукій Михаилъ Антонычъ философствуетъ въ такомъ родѣ: «О чемъ разсуждать, когда существуютъ законы и силы? И какъ можно имъ противиться, ежели у насъ всѣ орудія въ умѣ нашемъ, а онъ тоже подчиненъ законамъ и силамъ? Вы понимаете? Очень просто. Значитъ, живи и не колебнися, а то тебя сейчасъ же разрушатъ въ прахъ силы, состоящія изъ собственныхъ твоихъ свойствъ и измѣренія и изъ движенія жизни! Это называется философія дѣйствительной жизни... Понятно? (I, 123). Прочитавъ эти и многія другія рѣчи старухи, вы чувствуете явную ненависть къ автору, которая проявляется, когда тамъ, что безрукій — съ умѣющими людьми вести по этамъ дѣламъ бесѣды — сталкивается съ мнѣніями священнослужителями церкви; если обозначенное выражается, что эти «законы и силы» суть «слова, которыя онъ произносилъ съ какимъ-то особеннымъ нетерпѣніемъ, и повторялъ, какъ молитвы, во имя которыхъ врагъ ли былъ ему, или... (прислушайте автора). Но если въ этихъ случаяхъ вы находите лишь не вѣроятность самыхъ происхожденій Изергиль и въ томъ, что безрукій выходитъ у

«умнѣйшихъ людей» словъ, которыхъ хорошенько не понимаетъ, то въ другихъ — и, къ сожалѣнію, многихъ — случаяхъ босяки г. Горькаго безмѣрно щеголяютъ красотою рѣчи и философскимъ пареніемъ безъ всякихъ оправданій... Мѣстами ихъ размышленія и разговоры звучатъ такой фальшью, что просто больно и обидно читать. Таковы, напримѣръ, очень лестныя для нашего брата-писателя, но дѣланные, слащавые разговоры о «Подлиповцахъ» Рѣшетникова и о «психологіи сочинителей» въ разсказѣ «Коноваловъ», да и многое другое еще. Образчиковъ приводить не буду, тѣмъ болѣе, что ниже, по другимъ поводамъ, придется вѣроятно цитировать кое что изъ подобныхъ непріятныхъ страницъ.

Если отрѣшимся, по возможности, отъ разныхъ ненужныхъ и фальшивыхъ украшеній и не будемъ требовать отъ босяковъ, чтобы они превосходили Шопенгауера точностью и образностью выраженія своихъ мыслей, то увидимъ слѣдующее. Босяки несчастны и иногда съ грустью вспоминаютъ свое прошлое, когда они такъ или иначе стояли въ общемъ строѣ жизни. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они у г. Максима Горькаго какъ будто не столько вышвырнуты изъ этого строя какими-нибудь внѣшними, объективными условіями, сколько сами ушли изъ него, добровольно, побуждаемые жаждою свободы, наилучше для нихъ удовлетворяемою бродячей жизнью. «Въ босяки бы лучше уйти, — говоритъ сапожникъ Орловъ,—тамъ хоть голодно, да свободно, иди куда хочешь! Шагай по всей землѣ!» (I, 266). «Люблю я, другъ, эту бродяжную жизнь,—разсуждаетъ отставной солдатъ въ разсказѣ «Въ степи». — Оно и холодно, и голодно, но свободно ужъ очень. Нѣтъ надъ тобой никакого начальства... самъ ты своей жизни хозяинъ. Хоть голову себѣ откуси: никто тебѣ слова не можетъ сказать... Хорошо... Наголодался я за эти дни, назлился, а вотъ теперь лежу, смотрю въ небо... Звѣзды мигаютъ мнѣ, ровно говорятъ: ничего, Лакутинъ, ходи знай по землѣ и никому не поддавайся» (II, 336, 337). «Родился я, слышь, подъ заборомъ и помру подъ нимъ,—говоритъ Кузька Косякъ въ «Тоскѣ»— Судьба такая. Но сѣдые волосы вдоль да поперекъ шляться буду... А на одномъ мѣстѣ скучно мнѣ» (I, 87). Старый цыганъ Макаръ Чудра учитъ автора или лицо, отъ имени котораго ведется разсказъ: «Ходи и смотри, насмотрѣлся, лягъ и умирай, вотъ и все!» Всякій человѣкъ, ведущій иной образъ жизни, есть, по мнѣнію Макара, «рабъ, какъ только родился, и во всю жизнь рабъ». «Иди, иди, и все тутъ,—продолжаетъ поучать Макаръ.— Долго не стой на одномъ мѣстѣ, чего въ немъ? Вонъ какъ день и ночь вѣчно бѣгаютъ, гоняясь другъ за другомъ вокругъ земли, такъ и ты бѣгай отъ думъ про жизнь, чтобы не разлюбить ее... Похаживай да посматривай кругомъ себя, вотъ и тоска не возьметъ никогда» (I, 234,

235). Удалецъ Сережка излагаетъ такую программу жизни: «Ничего не будемъ дѣлать... гулять будемъ по землѣ» (II, 101), и героиня разсказа, Мальва, ставитъ Сережкѣ въ большое достоинство, что онъ «вездѣ бывалъ, скрозь прошелъ всю землю». Коноваловъ отказывается жениться по слѣдующимъ основаніямъ: «Первое дѣло у меня запой, во-вторыхъ, нѣтъ у меня никакого тому, въ третьихъ, я есть бродяга и не могу на одномъ мѣстѣ жить» (II, 35). Сказочный Ларра (имя это, по объясненію старухи Изергиль, значитъ «отверженный, выкинутый вонъ») «ходитъ, ходитъ повсюду... все ищетъ, ходитъ, ходитъ» (II, 300).

Я не скуплюсь на выписки изъ разсказовъ г. Горькаго, не только не смотря на ихъ однообразіе, а даже именно въ виду этого однообразія. Авторъ имѣетъ право требовать особеннаго вниманія къ такимъ многократно повторяющимся мотивамъ, очевидно играющимъ значительную роль въ кругѣ его наблюденій. Да и читатель, можетъ быть не замѣтившій или пропустившій ихъ безъ вниманія въ отдѣльныхъ разсказахъ г. Горькаго, когда они печатались въ журналахъ, теперь естественно подчеркиваетъ и суммируетъ ихъ для себя.

Что же говорятъ намъ только-что сдѣланныя выписки? Что это за новѣйшіе Агасферы, которымъ какою-то неумолимою внѣшнею или внутреннею силою дано предписаніе: ходи! ходи! ходи!? Агасферы не Агасферы, но невольно приходитъ въ голову, что это если не отголосокъ кочевого быта, то прямое наслѣдіе или продолженіе нашей старой «вольницы», тѣхъ «гулящихъ» удальцовъ, не менѣе героевъ г. Горькаго прикосновенныхъ къ тюрьмамъ и кабакамъ, которые еще въ прошломъ столѣтіи слагались временами въ яркое и громкое общественное явленіе и которые, однако, никогда не считались и не могли считаться «классомъ». А вѣдь г. Горькій полагаетъ, что его героевъ «пора считать за классъ». А Аристидъ Кувалда, главный философъ этого якобы класса, утверждаетъ, что онъ составляетъ «новость въ жизни». Въ чемъ же новость? Г. Горькій, къ сожалѣнію, даетъ своими разсказами не особенно много матеріаловъ для отвѣта на этотъ вопросъ.

Ядовитый скептикъ Объѣдокъ возражаетъ Аристиду Кувалдѣ, что совсѣмъ они не новость, потому что «гольтепа всегда была». Всегда не всегда, но «гольтепа», движимая непосѣдливостью и удальствомъ и склонная къ «нарушенію общественной тишины и спокойствія», дѣйствительно не новость. Припоминая, однако, фигуры старорусской «гольтепы», «голи кабацкой» и всякой «вольницы», мы припоминаемъ и указанія исторіи не только на внутренніе психологическіе, субъективные моменты удальства и непосѣдливости, но и на внѣшнія обстоятельства, вызывавшія или со-

провождавшія эти мотивы. Гнетъ только еще слагавшагося государства, требовавшаго часто непосильныхъ жертвъ, всеобщая неурядица и безправіе, сосѣдство полудикихъ кочевниковъ, внезапнымъ налетомъ сметавшихъ цѣлыя населенія,—вотъ нѣкоторыя изъ условій, способствовавшихъ образованію общей «движущейся почвы», по выраженію историка, на которой выростала и вольница. А затѣмъ, когда государство, наконецъ, «прикрѣпило» населеніе, гнетъ крѣпостного права явился въ свою очередь стимуломъ для бѣгства съ насиженнаго мѣста и сопряженныхъ съ этимъ бѣгствомъ приключеній. Все это давно миновалось, и нынѣ должны быть на лицо совершенно иныя, дѣйствительно новыя внѣшнія условія, способствующія выработкѣ «гольтепы». Но г. Горькій намъ ихъ не показалъ, быть можетъ, «позабылъ объ нихъ разсказать». Относительно безъимянной голытьбы или «рядовыхъ босяковъ», какъ въ одномъ мѣстѣ выражается г. Горькій, еще можно найти нѣкоторыя, слишкомъ общія и неопредѣленныя указанія въ родѣ того, что «нужда загнала»; но, не говоря уже о томъ, что этого слишкомъ мало, мы и такихъ указаній не получаемъ относительно, такъ сказать, именованныхъ чиселъ его разсказовъ, относительно его главныхъ героевъ. Всѣ они какъ будто не отъ нужды бѣгутъ изъ разныхъ «ямъ», а, напротивъ, сами лѣзутъ на рожонъ нужды, хотя ищутъ, конечно, не ея, а воли,—«свободно ужъ очень». Они даже не столько отверженные, сколько отвергшіе. Къ нѣкоторымъ изъ нихъ можно бы было даже примѣнить лермонтовское обращеніе къ «тучкамъ»:

...вамъ наскучили нивы безплодныя...
Чужды вамъ страсти и чужды страданія;
Вѣчно холодныя, вѣчно свободныя,
Нѣтъ у васъ родины, нѣтъ вамъ изгнанія.

Согласитесь, что это немножко слишкомъ красиво и поэтично для циниковъ, воровъ и пьяницъ. Но если въ самой глубинѣ явленія, занимающаго г. Горькаго, подъ толстымъ слоемъ грязи, и заключается нѣчто подобное, то не исключительно же только скуку наводили «нивы безплодныя», по крайней мѣрѣ, на тѣхъ, которые нѣкогда орошали эти нивы своимъ потомъ. А г. Горькій до такой степени скупъ насчетъ указаній этого рода, что даже «голодающіе» вслѣдствіе неурожаевъ мелькаютъ у него всего раза два на протяженіи всѣхъ разсказовъ, да и то гдѣ-то совсѣмъ вдали, не въ дѣйствіи, а въ разговорахъ дѣйствующихъ лицъ. Положимъ, что голодовки отъ неурожаевъ, какъ и другія стихійныя бѣдствія, не «новость» на Руси и, можетъ быть, поэтому, не удостоились вниманія нашего автора. Но вотъ грандіозно мрачная картина подавле-

нія человѣка его собственнымъ созданіемъ, которое начинается разсказъ «Челкашъ». Какъ бы ни увѣряли насъ нѣкоторые неофиновательные люди, что мы чуть не сравнялись съ Англіей въ дѣлѣ промышленнаго прогресса, но вѣдь это они разсказываютъ «обманъ своего сердца», по выраженію пророка Іереміи. Означенная картина есть у насъ новость, не сегодняшняго или вчерашняго дня, конечно, но настолько новость, что связанныя съ нею явленія жизни мы вправѣ считать исторически новыми. Естественно было бы ожидать, чтобы г. Горькій, нарисовавъ свою грандіозную картину, связалъ съ нею судьбу своихъ героевъ. Ничего такого мы, однако, не получаемъ. А между тѣмъ пути воздѣйствія промышленнаго прогресса въ его современныхъ формахъ на образованіе Lumpenproletariat'а хорошо извѣстны. Прогрессъ этотъ «освобождаетъ» разныхъ Челкашей, Тянь и проч. отъ земли и отъ другихъ «путъ и узъ», стоняетъ ихъ къ нѣсколькимъ центрамъ, изъ которыхъ, однако, періодически выталкиваетъ часть ихъ, иногда цѣлыми массами, на улицу въ качествѣ безработныхъ; а изъ послѣднихъ, подъ вліяніемъ разныхъ неблагопріятныхъ условій, главнымъ образомъ условій городской жизни, съ царящею въ ней сутолокой и необузданной конкурренціей, съ ея соблазнами, возбуждающими аппетитъ безъ возможности его удовлетворенія, — осѣдаютъ босяки. Со стороны этого-то процесса, оставленнаго, однако, г. Горькимъ безъ малѣйшей иллюстраціи, его персонажи представляютъ собою, дѣйствительно, новое явленіе. Къ нимъ примыкаютъ, съ одной стороны, деревенскіе люди, сорванные съ корня стихійными бѣдствіями, а съ другой — разные неудачники изъ болѣе высокихъ слоевъ общества, не приспособившіеся по какимъ бы то ни было причинамъ къ условіямъ жизни, въ которой родились или для которой готовились.

Но нужно не только, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ источниковъ происхожденія героевъ г. Горькаго. Нужда въ значительной степени и ихъ психологія, что уже гораздо лучше раскрывается въ произведеніяхъ нашего автора. Какъ ни неистово и бурно пережигала жизнь старая русская вольница и голь кабацкая, но уже одно то, что она сливалась временами въ цѣлыя шайки, даже въ огромныя ватаги, то осѣдавшія гдѣ-нибудь на привольи въ далекихъ краяхъ и «кланявшіяся» московскому государю цѣлыми обществами, то входившія въ составъ своеобразныхъ военныхъ обществъ, какова была Запорожская Сѣчь, то нарушавшія покой всего государства, — одно это свидѣтельствуетъ о ея способности къ организаціи и дисциплинѣ. Совсѣмъ иное представляетъ герой г. Горькаго.

Герои г. Горькаго крайніе индивидуалисты. Любовь къ удѣлю-

щее замѣчаніе автора. Описывая постройку мола въ Ѳеодосіи, онъ разсказываетъ: «Въ Россіи голодали, и голодъ согналъ сюда представителей чуть не всѣхъ охваченныхъ несчастіемъ губерній. Они дѣлились на маленькія группы, стараясь держаться землякъ къ земляку, и только космополиты-босяки сразу выдѣлялись и своимъ независимымъ видомъ, и костюмами, и особымъ складомъ рѣчи изъ людей, еще находившихся во власти земли, лишь временно порвавшихъ съ нею связь, оторванныхъ отъ нея голодомъ и не забывшихъ о ней. Они были во всѣхъ группахъ: и среди вятичей, и среди хохловъ, всюду чувствуя себя на своемъ мѣстѣ» (II. 54). Это «всюду на своемъ мѣстѣ», надо, однако, понимать только въ отрицательномъ смыслѣ, въ томъ смыслѣ, что «нѣтъ у нихъ родины, нѣтъ имъ изгнанія». Пожалуй, и Сережка въ разсказѣ «Мальва», когда ему предсказали Сибирь, отвѣтилъ: «ухъ, страшно!» и «искренно расхохотался». Герои г. Горькаго вездѣ на своемъ мѣстѣ только потому, что нигдѣ у нихъ своего мѣста нѣтъ. «Нѣтъ для меня на землѣ ничего удобнаго! Не нашелъ я себѣ мѣста!»—говоритъ Коноваловъ (II. 63). Люди эти порвали всѣ старыя общественныя связи и не нажили никакихъ новыхъ. Самыя пылкія ихъ мечты лишены какого бы то ни было общественнаго характера и пропитаны индивидуализмомъ. Тотъ же Коноваловъ такъ разсказываетъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него чтеніемъ «Робинзона»: «Интересно страхъ какъ! Очень мнѣ понравилась книга; такъ бы туда къ нему и поѣхалъ. Понимаешь, какая жизнь? Островъ, море, небо—ты одинъ себѣ живешь, и все у тебя есть и совершенно ты свободенъ! Тамъ еще дикій былъ. Ну, я бы дикаго утопилъ,—на кой чортъ онъ мнѣ нуженъ, а? Мнѣ и одному не скучно» (II, 58). Мальва мечтаетъ: «Иной разъ сѣла бы въ лодку и въ море! Далеко-о! И чтобы никогда больше людей не видать (II, 116). Челкашъ, въ минуту душевнаго размягченія нахлынувшими на него деревенскими воспоминаніями, рисуетъ себѣ мужика какимъ-то своего рода тоже Робинзономъ, «королемъ на своей землѣ», «хозяиномъ самому себѣ», у котораго все свое—домъ, курица, яблоко. «Король вѣдь? такъ ли?» воодушевленно закончилъ Челкашъ длинный перечень крестьянскихъ преимуществъ и правъ и почему-то запамятовалъ объ обязанностяхъ» (I. 32). Челкашъ запамятовалъ не только объ обязанностяхъ, но и о людяхъ, при томъ не только о начальствѣ въ его административныхъ, военныхъ, финансовыхъ функціяхъ, но и о родственникахъ, сосѣдяхъ, товарищахъ; его мужикъ-«король» одинокъ какъ перстъ. «Я отверженъ, — говоритъ Аристидъ Кувалда.—значитъ, я свободенъ отъ всякихъ путъ и узъ. Значитъ, я могу наплевать на все!» (II, 234).

Всѣ общественныя отношенія, въ которыя вступаютъ герои

1. Горькаго, случайны и кратковременны. Работники они плохіе, не потому, чтобы были неспособны къ труду, а потому, что не считаютъ для себя обязательными какіе бы то ни было договоры (см. напр. «Дѣло съ застежками»), да и бродяжническій инстинктъ не даетъ засиживаться на одномъ мѣстѣ. И не только съ работодателями, а и съ своимъ братомъ они чрезвычайно легко порываютъ свои связи. Челкашъ, какъ мы видѣли, прихватываетъ себѣ въ товарищи перваго встрѣчнаго Гаврилу и тотчасъ по окончаніи операціи они расходятся въ разныя стороны, чтобы уже никогда въ жизни болѣе не встрѣчаться. Въ разсказѣ «Въ степи» «студентъ» тайно отъ двухъ своихъ товарищей грабитъ и убиваетъ встрѣчнаго путника и затѣмъ безслѣдно исчезаетъ. И если одинъ изъ покинутыхъ товарищей, «солдатъ», очень строго осуждаетъ этотъ поступокъ «студента», то не по существу.

Въ высшей степени характерны отношенія героевъ г. Горькаго къ женщинамъ. Но прежде, чѣмъ перейти къ нимъ, остановимся на мрачной, истинно страшной картинѣ времяпровожденія золоторотцевъ въ разсказѣ «Бывшіе люди». Тутъ изображено нѣкоторое, болѣе или менѣе постоянное гнѣздо босяцкое,—«ночлежка», въ которой изо дня въ день встрѣчаются другъ съ другомъ одни и тѣ же люди, связанные долгой привычкой, одинаковостію положенія и взаимнымъ пониманіемъ.

И вдругъ среди нихъ вспыхнула звѣрская злоба, пробуждалось одиночество людей загнанныхъ, измученныхъ своей суровой судьбой. Или ощущалась близость того неумолимаго врага, который всю жизнь ихъ превратилъ въ одну жестокую нетѣпость. Но этотъ врагъ былъ неуловимъ, ибо невидимъ. И тогда они били другъ друга, били жестоко, звѣрски били и снова, помирившись, напивались, пропивали все, что могъ принять въ залогъ нетребовательный Вавиловъ. Такъ въ тупой злобѣ, въ тоскѣ, сжимавшей ихъ сердца въ невѣдѣніи исхода изъ этой подлой жизни, они проводили дни осени, ожидая еще болѣе суровыхъ дней зимы. Иногда, вдругъ отчаянное, удалое веселье вскипало въ трактирѣ: пѣли, плясали, хохотали и на нѣсколько часовъ становились похожими на безумныхъ. И потомъ опять входили въ тупое, равнодушное отчаяніе и сидѣли за столами трактира въ копоти камня, въ табачномъ дымѣ, угрюмые, оборванные, лѣниво переговаривались другъ съ другомъ, слушая торжествующій вой вѣтра и думая о томъ, какъ бы напиться водки, напиться до безчувствія. И всѣ были глубоко противны каждому, и каждый таилъ въ себѣ безсмысленную злобу противъ всѣхъ» (II, 221—222).

Вотъ что таится въ центрахъ современной цивилизаціи, вотъ какъ живетъ нашъ Lumpenproletariat, гдѣ современные европейскіе чанцалы, которые откалываются отъ всѣхъ слоевъ общества вездѣ, гдѣ «грохотъ, желѣзо, мостовая, люди,—все дышетъ мощными звуками общаго страстнаго гимна Меркуріевъ». Было время,—еще недавно,—что разные проницательные люди предсказывали

разгромъ европейской цивилизаціи ордами новыхъ, внутреннихъ варваровъ—рабочаго пролетаріата, которому, дескать, чужды всѣ высшія блага, достигнутыя вѣками прогресса. Можно съ увѣренностью сказать, что это пророчество, имѣвшее за себя нѣкоторую вѣроятность десятки лѣтъ тому назадъ, не сбудется. Европейскіе рабочіе, составляя общепризнанный классъ и правомѣрно участвуя въ общей жизни своихъ странъ, имѣютъ свою положительную задачу и примыкаютъ къ преемственной культурной работѣ, какъ бы ни отличался ихъ общественный идеалъ отъ идеаловъ другихъ классовъ. Но процессъ общественнаго дифференцированія не останавливается на выдѣленіи рабочаго пролетаріата и, не говоря о другихъ осложненіяхъ, въ центрахъ цивилизаціи копится Lumpenproletariat. Здѣсь уже мы не видимъ никакого общественнаго идеала, никакой сколько-нибудь прочной солидарности, все разсыпается на самодовлѣющіе, ничѣмъ не спаянные атомы, передъ которыми нѣтъ положительной, творческой задачи и которые, какъ говоритъ Объѣдокъ, могутъ «создать только нарушеніе общественной тишины и спокойствія. «Особливые мы будемъ люди и ни въ какой порядокъ не включаемся», — философствуетъ Коноваловъ. Этимъ чандаламъ, конечно, ничто изъ благъ цивилизаціи не можетъ быть дорого, и рѣшеніе Пушкинскаго Фауста — «все утопить» — было бы имъ вполнѣ понятно. Ихъ и посѣщаютъ подобныя мечты. Такъ Мальва, выразивъ желаніе убѣжать далеко въ море и никогда больше людей не видѣть, прибавляетъ: «А иной разъ такъ бы каждаго человѣка завертѣла, да и пустила волчкомъ вокругъ себя... Избила бы весь народъ. И потомъ бы себя страшною смертью». Такъ бывшій сапожникъ Орловъ скорбитъ, что онъ «никакого геройства не совершилъ». «А и по сю пору, — продолжаетъ онъ, — хочется мнѣ отличиться на чемъ-нибудь... Раздробить бы всю землю въ пыль или собрать шайку товарищей и жидовъ перебить... всѣхъ до одного! Или вообще что-нибудь этакое, чтобы встать выше всѣхъ людей и плюнуть на нихъ съ высоты... И потомъ внизъ тормашками съ высоты и... и въ дребезги!» (I, 332). «Зло въ глазахъ этихъ людей имѣло много привлекательнаго», — замѣчаетъ г. Горькій отъ себя (II, 230). Это не значитъ, что то были все злые люди. Напротивъ, прямо злыхъ, кажется, и совсѣмъ нѣтъ въ коллекціи г. Горькаго, а многимъ изъ его персонажей свойственны черты добродушія и великодушія, и на добрыя дѣла они способны. Емельянъ Пиляй идетъ на убійство и грабежъ, а кончаетъ спасеніемъ дѣвушки (вслѣдъ за чѣмъ, впрочемъ, совершаетъ безсмысленнѣйшій уличный скандалъ). Коноваловъ, единственно ради добраго дѣла, извлекаетъ изъ дома терпимости проститутку (изъ чего, впрочемъ, въ концѣ концовъ ничего путнаго не выходитъ). Да и Мальва

вовсе не злая женщина. Но въ ожиданіи случая «избить весь народъ», она хотѣла бы хоть домъ поджечь, — «вотъ суматоха была бы!» (II, 117), а затѣмъ, сообща съ удалымъ Сережкой придумываетъ планъ (и приводитъ его въ исполненіе) стравить отца съ сыномъ, собственно потому, что «потѣшно будетъ». На лицѣ Сережки «не было замѣтно ни злобы, ничего, кромѣ добродушной и немножко озорной улыбки», когда онъ убѣждалъ Мальву: «Ты подумай... развѣ не пріятно смотрѣть, какъ изъ-за тебя люди ребра другъ другу ломаютъ? Изъ-за однихъ только твоихъ словъ... двинула ты языкомъ разъ, два и готово!.. Эхъ, ежели бы я красивой женщиной былъ! Такую бы я на семъ свѣтѣ заваруху завелъ!» (118). Словомъ, они готовы сдѣлать всякую пакость ближнему, и не по злу, а такъ, для утѣшенія своего *я*, надъ всѣмъ и всѣми возвышающимся. Это даже не индивидуалисты, а, выражаясь моднымъ, но по нынѣшнему времени, очевидно, нужнымъ терминомъ — «эгоисты». Орловъ заявляетъ своей женѣ Матренѣ, что ему жениться не слѣдовало бы, а лучше бы идти въ босяки. «Такъ иди,— говоритъ Матрена,—а меня отпусти на волю». Но Орловъ ее за эти слова прибилъ «безпощадно»... Одно дѣло самъ онъ и другое дѣло—его жена...

Но этотъ эпизодъ уже ввелъ насъ въ область отношеній героевъ г. Горькаго къ женщинамъ.

XVI *).

Еще о г. Максимѣ Горькомъ и его герояхъ.

Разсказы г. Максима Горькаго обратили на себя общее вниманіе. Объ нихъ говорятъ, пишутъ и, кажется, всѣ болѣе или менѣе признаютъ за авторомъ и дарованіе, и оригинальность темъ. Однако, «болѣе или менѣе», и если одни, напримѣръ, восторгаясь писаніями г. Горькаго вообще, подчеркиваютъ господствующіи будто бы въ нихъ художественный тактъ, то другіе — и, надо признаться, съ гораздо большимъ правомъ — утверждаютъ, что именно художественнаго такта ему и не хватаетъ.

Интересенъ отзывъ литературнаго обозрѣвателя «Русскихъ Вѣдомостей», г. П—т. Отъ почтеннаго критика не укрылась часто впадающая въ фальшь идеализація г. Горькимъ его излюбленныхъ персонажей. Но мнѣ, кажется, что представленная критикомъ общая схема этой идеализаціи не совсѣмъ вѣрна. Лермонтовская царица Тамара была «прекрасна, какъ ангелъ небесный, какъ демонъ,—коварна и зла». Такой же контрастъ между внѣшностью и внутреннимъ содержаніемъ представляютъ собою, по мнѣнію критика, и персонажи г. Горькаго, «только съ обратнымъ математическимъ знакомъ». Тамъ, гдѣ у Тамары стоитъ плюсъ, у босяковъ г. Горькаго—минусъ, и обратно. Внѣшній обликъ и, такъ сказать, внѣшняя сторона поведенія босяковъ — безобразны: они грязны, пьяны, грубы, неряшливы, но за то коварство и злоба Тамары замѣнены у чандаловъ г. Горькаго «стремленіемъ къ добру, къ истинной нравственности, къ большей справедливости, къ заботѣ объ уничтоженіи зла». Въ этомъ-то контрастѣ à la Тамара на выворотъ и заключается главный интересъ дѣйствующихъ лицъ разсказовъ г. Горькаго. Чтобы вполнѣ понять мысль критика, надо обратить вниманіе на его сопоставленіе босяковъ г. Горькаго съ

*) Октября 1898 г.

героемъ драмы Жана Ришпена «Le chemineau». Герой этотъ есть «прежде всего рыцарь свободы». Оковы общества, семьи, какихъ бы то ни было привязанностей къ мѣсту, домашнему очагу, однимъ и тѣмъ же впечатлѣніямъ одной и той же страсти — ненавистны ему. Изъ всѣхъ сильныхъ чувствъ у него постоянно живетъ только одно — любовь къ передвиженіямъ, къ волѣ, къ простору полей, большихъ дорогъ, безпредѣльныхъ пространствъ и постоянныхъ измѣненій». Не сила обстоятельствъ создала изъ него блуждающаго оборванца, сегодня отдающагося одному занятію, завтра остающагося безъ дѣла, полуголоднаго и безпріютнаго: по собственной волѣ онъ «взялъ свою судьбу» и сдѣлалъ изъ себя бродягу по принципу («Русскія Вѣдомости» № 170). Эту черту мы знаемъ и въ чанцалахъ г. Горькаго: и имъ, какъ мы видѣли въ прошлый разъ, не «силою обстоятельствъ», по крайней мѣрѣ, эти обстоятельства остаются въ туманѣ, — а какимъ-то внутреннимъ голосомъ предписано, какъ Агасферу: ходи, ходи, ходи! Но, судя по изложенію г. Н—т, герой драмы Ришпена (мнѣ она, къ сожалѣнію, неизвѣстна) совершенно чуждъ другой сторонѣ ихъ быта и психологіи, — той сторонѣ, которая ставитъ ихъ въ тѣсное соприкосновеніе съ «тюрьмами, кабаками и домами терпимости». По словамъ критика, «le chemineau — не запганный бродяга, къ которому подозрительно относятся лица, вступающія съ нимъ въ сношеніе, не нищій, получающій подаяніе и злобою отвѣчающій на презрѣніе другихъ. Какъ истинный рыцарь, онъ благороденъ, смѣлъ и откровененъ: двери каждаго дома открыты для него, потому что его умъ, таланты, выдающіяся достоинства дѣлаютъ изъ него превосходнаго работника, общаго благодѣтеля, устранителя золъ и надежнаго покровителя слабыхъ». Не таковы, какъ мы видѣли, пьяные, циничные, всѣми презираемые герои г. Горькаго. Въ связи съ этимъ находится и другое различіе: le chemineau гуляетъ по бѣлому свѣту бодрый и жизнерадостный, а въ босякахъ г. Горькаго это настроеніе замѣняется постояннымъ безпокойствомъ, затаенной тоской, скрытой заботой, находящей исходъ въ пьянствѣ. Въ концѣ концовъ, г. Н—т, возвращаясь къ контрасту между безобразной внѣшностью и красивымъ внутреннимъ міромъ, говоритъ, что въ отношеніи этого внутренняго міра герои г. Горькаго распадаются на три разновидности: въ однихъ преобладаетъ исканіе истины и невозможность найти ее, въ другихъ — дѣятельное стремленіе къ водворенію справедливости на землѣ, въ третьихъ — разъѣдающій скептицизмъ. Все это вмѣстѣ взятое лишаетъ ихъ жизненности и правдивости, хотя и не въ такой мѣрѣ, въ какой лишенъ этихъ качествъ chemineau Ришпена. Таковъ конечный выводъ г. Н—т.

При всемъ остроуміи и соблазнительной законченности этой критики, я не могу съ нею вполнѣ согласиться. Герои г. Горькаго много философствуютъ, слишкомъ много, и въ этихъ ихъ философствованіяхъ, часто превращающихъ ихъ изъ живыхъ, отъ себя говорящихъ людей въ какіе-то фонографы, механически воспроизводящіе то, что въ нихъ вложено, — въ этихъ философствованіяхъ можно дѣйствительно иногда усмотрѣть намеки на указанныя три категоріи. Но большинство ихъ, да и общій ихъ характеръ никакъ въ эти категоріи не затиснешь. Да и самая противоположность между внѣшностью и внутреннимъ міромъ едва ли можетъ быть въ данномъ случаѣ установлена съ такою ясностью и опредѣленностью, какъ въ Лермонтовской Тамарѣ. Тамъ дѣло дѣйствительно ясно и просто: прекрасна тѣломъ, коварна и зла душой, и отсюда вытекаетъ все остальное, со включеніемъ эстетическаго эффекта. Въ данномъ случаѣ свѣтъ и тѣни, располагающіеся по мнѣнію критика, просто въ обратномъ порядкѣ, на самомъ дѣлѣ гораздо сложнѣе. Прежде всего рѣчь здѣсь не о тѣлѣ идетъ и вообще не о наружности въ буквальномъ смыслѣ слова. Герои г. Горькаго не Квазимодо какіе-нибудь. Если, напримѣръ, Сережка довольно таки безобразенъ, то Коноваловъ чуть не красавецъ, и, читая описаніе его наружности, я невольно вспомнилъ фразу изъ какого-то французскаго романа: «онъ обнажилъ свою руку, мускулистую, какъ рука кузнеца, и бѣлую, какъ рука герцогини». Или Кузька Косякъ: «онъ стоялъ въ свободно сильной позѣ: изъ-подъ разстегнутой красной рубахи видна была широкая, смуглая грудь, дышавшая глубоко и ровно, рыжіе усы насмѣшливо пошевеливались, бѣлые частые зубы сверкали изъ-подъ усовъ, синіе, большіе глаза хитро прищурились» (I, 90). Это, конечно, не пара Тамарѣ, не «ангелъ небесный», но въ своемъ родѣ очень все-таки красиво. Старуха Изергиль и сама когда-то была красавицей, и очень цѣнитъ красоту. Она увѣрена даже, что «только красавцы могутъ хорошо пѣть» (II, 306) и что «красивые всегда смѣлы» (317). Безобразна внѣшняя обстановка босяковъ, но и то не совсѣмъ вѣрно, потому что г. Горькій часто помѣщаетъ ихъ на морѣ и въ степи и вмѣстѣ съ ними восторгается красотою открывающихся при этомъ горизонтовъ. А кабаки, публичные дома, ночлежки, конечно, безобразны, равно какъ и лохмотья, въ которые облечены босяки вмѣсто «парчи и жемчуга» царицы Тамары, но вѣдь иначе они и не были бы босяками. А во всемъ остальномъ слишкомъ трудно провести пограничную линію между внѣшностью и внутреннимъ міромъ. Кабаки, тюрьмы, дома терпимости — безспорно внѣшность, но почему внѣшность то, что къ нимъ приводитъ и въ нихъ совершается? почему внѣшность — пьянство, цинизмъ, злоба, драки? Правда, изъ-за всего

этого у г. Горькаго часто выглядываетъ нѣчто иное, что приподнимаетъ босяковъ: но съ какой точки зрѣнія можно отнести ну хоть, напримѣръ, ограбленіе и убійство «студентомъ» прохожаго столяра («Въ степи»), — къ «исканію истины» или къ «стремленію водворить справедливость на землѣ» или къ «разъѣдающему скептицизму»? Дѣло въ томъ, что взгляды босяковъ г. Горькаго на нравственность и справедливость не имѣютъ ничего общаго со взглядами, исповѣдуемыми огромнымъ большинствомъ современниковъ. Недаромъ Аристидъ Кувалда говоритъ, что онъ долженъ «смарать въ себѣ всѣ чувства и мысли», воспитанныя прежнею жизнью, и что «намъ нужно что-то другое, другія воззрѣнія на жизнь, другія чувства, нужно что-то такое новое». Эти люди стоятъ на точкѣ «переоцѣнки всѣхъ цѣнностей» и jenseits von gut und böse, какъ сказалъ бы Ницше.

Столь обаятельная личность, какою Ришпенъ изобразилъ своего chemineau, естественно притягиваетъ къ себѣ женскія сердца, и онъ не отказывается отъ радостей любви. Но, повинуясь инстинкту бродяги, онъ оставляетъ одну за другою осчастливленныхъ имъ женщинъ, хотя и «съ болью въ сердцѣ». Подъ старость, утомленный терніями жизни, онъ попадаетъ въ то мѣсто, гдѣ двадцать слишкомъ лѣтъ тому назадъ онъ любилъ одну дѣвушку и былъ любимъ. Плоть этой любви, до сихъ поръ не изжитой, сталъ уже взрослымъ парнемъ, и бродягу манитъ перспектива отдыха въ кругу семьи, у постояннаго очага. Но, послѣ нѣкотораго колебанія, онъ «съ рыданіями» уходитъ куда глаза глядятъ, и драма оканчивается словами: va, chemineau, chemine! Этимъ мелодраматическимъ концомъ, въ сущности просто комическимъ, подчеркивается присутствіе въ бродягѣ того внутренняго, почти мистически властнаго голоса, который обрекаетъ его на существованіе Агасфера.

Босяки г. Горькаго, хотя и не обладаютъ достоинствами Chemineau, но тоже очень счастливы въ любви. Правда, по показанію автора, они на эту тему много врутъ, хвастаютъ, и скверно хвастаютъ, но, напримѣръ, Коновалову онъ безусловно вѣритъ. А у того «ихъ», то есть женщинъ, «много было разныхъ». И оставлялъ онъ ихъ не потому, чтобы узы любви сами собою обрывались съ той или другой стороны, и не потому, чтобы манила новая любовь, а въ силу того же мистическаго внутренняго приказа, какой и Chemineau не давалъ усѣсться. Разница однако въ томъ, что герои г. Горькаго порываютъ узы любви безъ колебаній и безъ «sanglots». Самый чувствительный изъ нихъ, Коноваловъ, только впадаетъ при разставаніи въ нѣкоторую грусть и меланхолію, но и то потому, что ему, при его чувствительности, жалко покидаемую, жалко *ея* горя и слезъ, а самъ онъ ни мало не колеблется въ выборѣ между

домашнимъ очагомъ и бродяжничествомъ. Былъ у Коновалова романъ съ богатой купчихой Вѣрой Михайловной, прекраснѣйшей женщиной: все шло прекрасно, шло бы и дальше такъ же хорошо, «кабы не планета моя»,—говоритъ Коноваловъ:— все-таки ушелъ отъ нея — потому тоска! тянетъ меня куда-то». Въ другой разъ Коноваловъ, по той же чувствительности своего сердца, помогъ одной проституткѣ выбраться изъ публичнаго дома. Но когда дѣвушка поняла это въ такомъ смыслѣ, что онъ возьметъ ее жить съ нимъ «въ родѣ жены», то, при всемъ своемъ къ ней расположеніи, Коноваловъ даже испугался: «я есть бродяга и не могу на одномъ мѣстѣ жить». Но Коноваловъ все-таки хоть груститъ при разставаньи. А вотъ какъ утѣшаетъ свою возлюбленную Кузька-Косякъ, уходя—безъ какой-нибудь особенной надобности—на Кубань: «Э, Мотря! Многія меня ужъ любили, со всѣми я распрощался, и ничего себѣ—повыходили замужъ да позакисли въ работѣ! Встрѣтишь иной разъ, посмотришь—своимъ глазамъ вѣры нѣтъ! Да развѣ это онѣ тѣ самыя, которыхъ я цѣловалъ да миловалъ? Ну-ну! Одна другой вѣдьмистѣй. Нѣтъ ужъ, Мотря, не мнѣ на роду писано жениться, да, дурашка, не мнѣ. Волю мою ни на какую жену, ни на какія хаты не смѣняю... На одномъ мѣстѣ скучно мнѣ». Случайно подслушавшій этотъ разговоръ хозяинъ Кузьмы, мельникъ Тихонъ Павловичъ,—объ которомъ у насъ еще будетъ рѣчь,—говоритъ ему, что нехорошо онъ съ дѣвками поступаетъ: «ежели, къ примѣру, ребенокъ? бывало вѣдь, а?»—«Чай, бывало: кто ихъ знаетъ»,—отвѣчаетъ Кузьма и на дальнѣйшія замѣчанія мельника о «грѣхѣ» возражаетъ: «Да вѣдь ребята-то, поди-ка, однимъ порядкомъ родятся, что отъ мужа, что отъ прохожаго». Мельникъ напоминаетъ о разницѣ въ данномъ случаѣ между положеніемъ мужчины и положеніемъ женщины, и Кузьма на это уже не даетъ прямого отвѣта, а «серьезно и сухо» говоритъ: «Коли покрѣпче подумать, такъ выходитъ, что какъ ни живи, все грѣшно! И такъ грѣшно, и вотъ этакъ грѣшно. Сказалъ — грѣшно, промолчалъ — грѣшно, сдѣлалъ грѣшно и не сдѣлалъ — грѣшно. Рази тутъ разберешь? Въ монастырь, что ли, идти? Чай, неохота».—«Легкая, веселая твоя жизнь,—замѣчаетъ съ нѣкоторою смѣсью зависти и уваженія мельникъ...

Такую же легкую и веселую жизнь ведутъ и нѣкоторыя героини г. Горькаго. Старуха Изергиль разсказываетъ, «какъ она любила». Ей было пятнадцать лѣтъ, когда она сошлась съ какимъ-то черноусымъ «рыбакомъ съ Прута», но онъ ей скоро надоѣлъ и она ушла съ рыжимъ бродягой гуцуломъ: гуцула повѣсили (за что Изергиль сожгла хуторъ доносчика); она полюбила немолодого уже турка и жила у него въ гаремѣ, изъ котораго убѣжала съ сыномъ турка; затѣмъ слѣдовали полякъ, венгерецъ, опять полякъ, еще полякъ,

мелдаванинъ... Мальва, героиня разсказа, озаглавленнаго ея именемъ, живетъ съ рыбакомъ Василіемъ, заигрываетъ и кокетничаетъ съ его сыномъ Яковомъ и, наконецъ, перессоривъ отца съ сыномъ, сходится съ удалымъ забулдыгой Сережкой, съ которымъ, судя по нѣкоторымъ признакамъ, и раньше была одно время близка...

Мальва — фигура чрезвычайно любопытная, и намъ тѣмъ болѣе надо на ней остановиться, что едва ли не во всѣхъ женщинахъ г. Горькаго есть, такъ или иначе, немножко Мальвы. Это тотъ самый женскій типъ, который мелькалъ передъ Достоевскимъ въ теченіе чуть не всей его жизни: сложный типъ, тоже находящійся jenseits von gut und böse, такъ какъ къ нему рѣшительно непримѣнимы обычныя понятія о добромъ и зломъ—одна изъ варьяцій на сочетаніе двухъ знаменитыхъ тезисовъ Достоевскаго: «человѣкъ рѣшетъ отъ природы и любитъ быть мучителемъ», «человѣкъ до страсти любитъ страданіе». Мужскія варьяціи на эту тему, какъ бы ни были онѣ исключительны и болѣзненны, часто поражаютъ у Достоевскаго своею яркостью и силой, но женскія—въ «Игрокѣ», въ «Идіотѣ», въ «Братьяхъ Карамазовыхъ»—рѣшительно ему не удавались. Всѣ эти Полины, Грушеньки, Настасьи Филипповны и проч. оставляютъ васъ въ какомъ-то недоумѣніи, хотя Достоевскій сводитъ иногда даже по двѣ представительницы этого загадочнаго типа (Настасья Филипповна и княжна Аглая въ «Идіотѣ», Грушенька и Катерина Ивановна въ «Братьяхъ Карамазовыхъ»). Вы только чувствуете, что у автора былъ какой-то сложный замыселъ, съ которымъ, однако, не справился его жестокій талантъ. И не даромъ наша критика, много занимавшаяся женскими типами Тургенева, Гончарова, Толстого, Островскаго, обходила молчаніемъ женщинъ Достоевскаго: это въ художественномъ смыслѣ наименѣе интересный пунктъ его мрачнаго творчества. Мальва г. Горькаго принадлежитъ къ этому же типу, но она яснѣе, понятнѣе загадочныхъ женщинъ Достоевскаго. Я, конечно, далекъ отъ мысли сравнивать изобразительную силу г. Горькаго съ мощью одного изъ истинно великихъ художниковъ, и дѣло здѣсь не въ силѣ г. Горькаго, а въ той грубой и сравнительно простой средѣ, въ которой выросла и живетъ его Мальва и благодаря которой ея психологія элементарнѣе, яснѣе, сохраняя, однако, тѣ же типическія черты, которыя тщетно старался уловить Достоевскій.

Одинъ русскій философъ раздѣлялъ женщинъ на «змѣистыхъ» и «коровистыхъ». Въ этой не лишенной остроумія юмористической классификаціи Мальвѣ нѣтъ мѣста (какъ, впрочемъ, и многимъ другимъ женскимъ типамъ). О сходствѣ съ коровой не можетъ быть и рѣчи: для этого Мальва слишкомъ жива, гибка и изворотлива, да и нѣтъ на ней той всегдашней печати материнства, которая

лежитъ на коровѣ. Со змѣей же мы привыкли соединять представленіе о чемъ-то красивомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ неизмѣнно злобномъ. А Мальва вовсе не неизмѣнно злобная женщина, да и вообще въ ней нѣтъ ничего неизмѣннаго. Вся она состоитъ изъ переливовъ одного настроенія или чувства въ другое, часто противоположное, но быстро переходящее, при чемъ сама она не могла бы не только опредѣлить причины этихъ переливовъ, но даже указать ихъ границы, моменты перехода одного настроенія или чувства въ другое. И если нужно искать для нея зоологической параллели, которая бы выпуклѣе представила ея основныя черты, я сказалъ бы, что она, какъ и загадочныя героини Достоевскаго, напоминаетъ собой кошку. Та же привлекательность, объясняющаяся сочетаніемъ силы и мягкости (собственно Мальва, циничная и грязная, привлекательна только для героевъ г. Горькаго и въ людяхъ съ болѣе тонкими требованіями вызвала бы, конечно, совсѣмъ иныя чувства; но я говорю о типѣ, оставляя пока въ сторонѣ спеціально босяцкія черты); та же лукавая изворотливость и ловкость, та же самостоятельность и всегдашняя готовность къ самозащитѣ иногда бѣгствомъ, но иногда открытымъ и упорнымъ сопротивленіемъ, переходящимъ и въ наступленіе; та же игривая ласковость и нѣжность, незамѣтно переливающаяся въ озлобленіе, съ которымъ кошка, играючи, придерживаетъ ласкающую ее руку передними лапами, а задними царапаетъ и зубами грызетъ; ради этой смѣси ощущеній, она, какъ и кошка, сама вызываетъ извѣстную примѣсь жестокости, и даже до боли, къ ласкѣ...

Я вспоминаю, что Гейне поставилъ въ преддверіи своей «Книги пѣсенъ» женскаго сфинкса,—существо съ женской головой и грудью и съ львинымъ туловищемъ и львиными, то есть преувеличенными кошачьими когтями. И этотъ сфинксъ въ одно и то же время счастливитъ и мучитъ поэта, ласкаетъ и терзаетъ когтями:

Umschlang sie mich, meinen armen Leib
Mit den Löwentatzen zerfleischend.
Entzückende Marter und wonniges Weh,
Der Schmerz wie die Lust unermesslich!
Die weilen des Mundes Kuss mich beglückt,
Verwunden die Tatzen mich grasslich... *)

*) Въ переводѣ М. Л. Михайлова:

Вотъ замерла и меня обняла,
Когти мнѣ въ тѣло вонзая.
Сладкая мука! блаженная боль!
Нѣга и скорбь безъ предѣла!
Райскимъ блаженствомъ поитъ поцѣлуй,
Когти терзаютъ мнѣ тѣло.

Читатель, который можетъ быть только что возмутился не только вышеприведеннымъ юмористическимъ раздѣленіемъ женщинъ на змѣистыхъ и коровистыхъ, но и моимъ уподобленіемъ извѣстнаго человѣческаго типа кошкѣ, теперь, пожалуй подумаетъ: съ какой стати подниматься въ высоты Гейневской поэзіи по поводу какой-то отверженной, грубой Мальвы? Не слишкомъ ли это много чести для нея? Можетъ ли она сама ощущать и въ другихъ возбуждать тѣ тонкіе оттѣнки сложныхъ душевныхъ движеній, которые описаны Гейне? Я думаю, однако, что читатель не сказалъ бы этого, если бы у насъ шла рѣчь о Грушенькѣ «Братьевъ Карамазовыхъ» или Настасьѣ Филипповнѣ «Идіота», а между тѣмъ фактически вѣдь это продажныя женщины, хотя имъ и доступны высшія колебанія и тяготѣнія. Но всякому своя слеза солона. Да и наконецъ, повторяю, не объ Мальвѣ собственно въ эту минуту и рѣчь. Несмотря на грязь, въ которой она купается, въ ней живутъ нѣкоторыя черты душевной жизни, которыми занимались люди высокаго ума и сильнаго художественнаго дарованія, но которыя доселѣ мало изучены и недостаточно ясны. Черты эти сводятся главнымъ образомъ къ неопредѣленности границъ между наслажденіемъ и страданіемъ, которыя мы привыкли рѣзко противопоставлять одно другому, вслѣдствіе чего вкладываемъ слишкомъ абсолютный смыслъ въ ходячее положеніе: человѣкъ ищетъ наслажденія и бѣжитъ страданія. Мрачный геній Достоевскаго стремился вывернуть этотъ афоризмъ на изнанку, придавая ему въ этомъ вывороченномъ видѣ столь же безусловный смыслъ. Это ему не удалось, конечно, но и многими своими образами и картинами, и своимъ собственнымъ примѣромъ, характеромъ своего творчества, онъ далъ блестящія иллюстраціи той entzückende Marter и того wonniges Weh, той смѣси страданія и наслажденія, которая несомнѣнно существуетъ. Вопросъ это слишкомъ обширный и сложный, чтобы трактовать его въ замѣткахъ объ очеркахъ и разсказахъ г. Максима Горькаго, и мы подойдемъ теперь прямо къ Мальвѣ. Въ талантѣ г. Горькаго нѣтъ ни силы, ни жестокости, ни безстрашія Достоевскаго, но за то онъ вводитъ насъ въ среду, гдѣ не стѣсняются въ словахъ и жестахъ, поютъ откровенныя пѣсни, ругаются крѣпкими словами, походя дерутся и гдѣ поэтому извѣстныя душевныя движенія получаютъ осязательное, почти животное выраженіе.

Мальва живетъ съ рыбакомъ Василіемъ. Василій — пожилой мужикъ, покинувшій для заработковъ пять лѣтъ тому назадъ деревню, гдѣ у него остались жена и дѣти. Живетъ онъ съ Мальвой весело, но внезапно является къ нимъ его сынъ, Яковъ, взрослый уже парень, съ которымъ Мальва тотчасъ же начинаетъ

заигрывать. Дѣлаетъ она это, не только не стѣсняясь присутствіемъ своего любовника, но еще поддразнивая его, и разговоръ кончается тѣмъ, что Василій ее жестоко бьетъ.

«Она, не ахнувъ, молчаливая и спокойная, упала на спину, растрепанная, красная и все-таки красивая. Ея зеленые глаза смотрѣли на него изъ-подъ рѣсницъ и горѣли холодной грозной ненавистью. Но онъ, отдуваясь отъ возбужденія и пріятно удовлетворенный исходомъ своей злобы, не видалъ ея взгляда, а когда съ торжествомъ и презрѣніемъ взглянулъ на нее,—она тихонько улыбалась. Сначала чуть-чуть дрогнули ея полныя губы, потомъ вспыхнули глаза, на щекахъ ея явились ямки, и она засмѣялась». Затѣмъ Мальва ластится къ Василію, увѣряетъ его, что она довольна его побоями, а что дразнила его, «такъ вѣдь это я нарочно... пытала тебя,- и, успокоительно усмѣхнувшись, она прижалась къ нему плечомъ. А онъ покосился въ сторону шалаша (гдѣ оставался сынъ) и обнялъ ее.—Эхъ ты... пытала! Чего пытать? Вотъ и допыталась.--Ничего, увѣренно сказала Мальва, щуря глаза. Я не сержусь... вѣдь любя побилъ? А я тебѣ за это заплачу... Она въ упоръ посмотрѣла на него, вздрогнула и, понизивъ голосъ, повторила: ахъ, какъ заплачу!»

Простодушный Василій видитъ въ этомъ обѣщаніи нѣчто для себя пріятное, но читатель можетъ догадываться, что Мальва затаила злобу и месть. Мальва и дѣйствительно дѣлаетъ большую непріятность Василію: ссоритъ его съ сыномъ и доводитъ дѣло до того, что онъ уходитъ домой, въ деревню. Но планъ этотъ она задумываетъ уже позже, по совѣту забулдыги Сережки, а передъ тѣмъ у нея происходитъ съ этимъ Сережкой такой разговоръ. Она сообщила Сережкѣ, что ее прибилъ Василій; Сережка подивился,—какъ это она далась. Кабы захотѣла, не далась бы,--возразила она съ сердцемъ.—Такъ что же ты?—Не захотѣла.—Крѣпко, значитъ, любишь сѣдого кота?—насмѣшливо сказалъ Сережка и обдалъ ее дымомъ своей папиросы.—Ну дѣла! а я было думалъ, что ты не изъ такихъ.—Никого я васъ не люблю, снова уже равнодушно говорила она, отмахиваясь рукой отъ дыма. Врешь, поди-ка? - Для чего мнѣ врать?--спросила она, и по ея голосу Сережка понялъ, что врать ей, дѣйствительно, не для чего.—А ежели ты его не любишь, какъ же ты ему позволяешь бить тебя? -серьезно спросилъ онъ.—Да развѣ я знаю? Чего ты пристаешь?»

Герои г. Горькаго вообще много дерутся, часто и бабъ своихъ бьютъ. Самые умѣренные изъ нихъ въ этомъ отношеніи совѣтуютъ: «никогда не слѣдуетъ бить беременныхъ женщинъ по животу, по груди и бокамъ... бей по шеѣ или возьми веревку и по мягкимъ мѣстамъ» (II, 219). И бабы не всегда протестуютъ противъ этихъ

правилъ. Жена Орлова говоритъ мужу: «очень ужъ ты по животу и по бокамъ больно бьешь... хотя бы ногами-то не билъ» (I, 265). Бываетъ, однако, и такъ, что прекрасный полъ переходитъ въ наступленіе. Въ числѣ «бывшихъ людей» есть старикъ Симцовъ, необыкновенно счастливый на амурныя похожденія: онъ «всегда имѣлъ двухъ-трехъ любовницъ изъ проститутокъ, содержавшихъ его по два и три дня кряду на свои скудные заработки. Онѣ часто били его, но онъ относился къ этому стоически—сильно избить его онѣ почему-то не могли, можетъ быть, жалѣючи» (II, 235). Но кто бы кого ни билъ у г. Горькаго,—мужчина женщину или женщина мужчину,—а эти физическія упражненія и сопровождающія ихъ озлобленіе, обида, страданіе, боль такъ или иначе оказываются въ какой-то связи съ лаской, любовью, наслажденіемъ. И, читая описанія этихъ битвъ, поневолѣ вспомнишь героя «Записокъ изъ подполья» Достоевскаго и его изреченія: «Иная дама чѣмъ больше любитъ, тѣмъ больше ссоры съ мужемъ затѣваетъ: такъ вотъ, люблю, искать, очень и изъ любви тебя мучаю, а ты чувствуй»... «Знаешь ли, что изъ любви нарочно человѣка мучить можно». Или: «Любовь-то и состоитъ въ добровольно-дарованномъ отъ любимаго предмета правѣ надъ нимъ тиранствовать». Оттого-то «Игрокъ» и Полина, какъ и многія другія пары Достоевскаго, никакъ не могутъ разобраться: любятъ они другъ друга или ненавидятъ, какъ не знаетъ и Мальва, любитъ она или ненавидитъ Василія. Но у Достоевскаго люди «тиранствуютъ» и «мучатъ» другъ друга утонченно, при помощи разныхъ кусательныхъ словъ, мучительнаго давленія на воображеніе и проч., а здѣсь, у г. Горькаго, просто дерутся. Эта грубая форма не только, однако, не мѣшаетъ проявленіямъ того же перепутанія наслажденія со страданіемъ, но даже особенно ярко подчеркиваетъ его. Не одна Мальва поразниваетъ мужа или любовника до драки, за которою слѣдуютъ нѣжныя ласки. Вотъ и Матрена, жена Орлова («Супруги Орловы»): «Побои озлобляли ее, но же доставляло ей великое наслажденіе, возбуждая всю ея душу, и она, вмѣсто того, чтобы двумя словами утишить его ревность, еще болѣе подзадоривала его, улыбаясь ему въ лицо странными улыбками. Онъ бѣсился и билъ ее, безпощадно билъ». А потомъ, когда злобы, достаточно насыщенныя, утихали въ немъ, и его брало раскаяніе, «онъ пробовалъ заговаривать съ женой и допытываться, зачѣмъ она его дразнила. Она молчала, но она знала зачѣмъ, знала, что теперь ее, злостную и оскорбленную, ожидаетъ отъ ласки страстныя и нѣжныя ласки примиренія. За это она готова была ежедневно платить сколько въ злостныхъ бокахъ. И она знала, что отъ одного только разсвѣта жалости, прежде чѣмъ мужъ успѣлъ прикоснуться къ ней» (I, 267).

Сюда же относятся слѣдующіе, напримѣръ, случаи. Когда Коноваловъ объявилъ своей любовницѣ, Вѣрѣ Михайловнѣ, что онъ больше съ ней жить не можетъ, потому что его «тянетъ куда-то», она сначала стала кричать, ругаться, потомъ примирилась съ его рѣшеніемъ, а на прощанье—разсказываетъ Коноваловъ — обнажила мнѣ руку по локоть, да какъ вцѣпится зубами въ мясо! Я чуть не заоралъ. Такъ цѣлый кусокъ и выхватила почти... недѣли три болѣла рука. Вотъ и сейчасъ знакъ цѣлъ» (II, 13). Старуха Изергиль разсказываетъ про одного изъ своихъ многочисленныхъ любовниковъ: «Былъ онъ такой печальный, ласковый иногда, а иногда, какъ звѣрь, ревѣлъ и дрался. Разъ ударилъ меня въ лицо. А я, какъ кошка, вскочила ему на грудь, да и впилась зубами въ щеку... Съ той поры у него на щекѣ стала ямка, и онъ любилъ, когда я цѣловала ее» (II, 304).

Старуха Изергиль называетъ свою жизнь «жадной жизнью» (II, 312). Буквально то же самое говоритъ въ разсказѣ «На плотахъ» одно изъ дѣйствующихъ лицъ про Марью: «жадна жить» (I, 63). Такъ же характеризуется и Мальва и др. Но таковы не только женщины г. Горькаго. И у Челкаша «натура жадная на впечатлѣнія» (I, 19), и Кузька-Косякъ учитъ: «жить надо и такъ, и эдакъ,—во всю чтобы» (I, 88). И т. д. Этимъ объясняется многое. Этимъ прежде всего снимается мистическій покровъ съ внутренняго голоса, предписывающаго неустанное бродяжество. Въ условіяхъ жизни героевъ г. Горькаго вездѣ «тѣсно», вездѣ «яма», какъ они безпрестанно, даже нѣсколько надоѣдливо однообразно, повторяютъ. Является желаніе, если не расширить и углубить сферу впечатлѣній, то мѣнять ихъ въ пространствѣ, и даже до того, что хоть хуже, да иначе. А если и это почему-нибудь невозможно, то оказывается необходимость искусственнаго возбужденія. Дается оно, конечно, пьянствомъ, но не однимъ пьянствомъ. Достойна вниманія отмѣтка г. Горькаго о чувствахъ избиваемой жены Орлова: «побои озлобляли ее, зло же доставляло ей великое наслажденіе, *возбуждая всю ея душу*». Вся душа Матрены Орловой требуетъ работы, хотя бы и мучительной, лишь бы жить «во всю». Эта потребность всесторонней душевной дѣятельности, покупаемой цѣною примѣси страданія къ наслажденію, интересно иллюстрируется разсказомъ «Тоска». Это—«страничка изъ жизни одного мельника».

Мельникъ Тихонъ Павловичъ не босякъ какой-нибудь. Онъ богатъ, пользуется уваженіемъ и почетомъ и наслаждается «ощущеніемъ своей сытости и здоровья». Но вдругъ онъ съ чего-то загрустилъ: тоска обуяла, скука, совѣсть за разные кулацкіе успѣхи на-

чала угнетать. И Тихонъ Павловичъ сталъ вспоминать съ какого это времени на него нашло. Былъ онъ въ городѣ и наткнулся на похороны, въ которыхъ его поразила смѣсь бѣдности съ торжественностью: много вѣнковъ, много провожатыхъ. Оказалось, что хоронятъ писателя, и на могилѣ его одинъ изъ провожавшихъ сказалъ рѣчь, которая растревожила Тихона Павлыча. Ораторъ, воздавая хвалу почившему, говорилъ, что онъ былъ не понятъ при жизни потому что «засыпали мы наши души хламомъ повседневныхъ заботъ и привыкли жить безъ души» и т. д. Краснорѣчіе ли оратора, особенности ли обстановки похоронъ или еще что-нибудь повліяло, но съ этихъ поръ Тихона Павлыча засосала тоска, тяжелое раздумье о своей «засыпанной хламомъ повседневныхъ заботъ душѣ». Затѣмъ Тихонъ Павлычъ нечаянно подслушалъ вышеприведенный разговоръ своего работника Кузьки Косяка съ дѣвушкой Матрей и самъ имѣлъ съ Кузькой бесѣду, въ которой старался сохранять видъ «нравоучительный и чинный», но въ душѣ завидовалъ «легкой жизни» веселаго собесѣдника. Заговорилъ было Тихонъ Павлычъ съ женой на тему о душѣ, заваленной хламомъ: та посовѣтовала въ церковь что-нибудь пожертвовать, сироту въ домъ взять, за докторомъ послать, но все это не удовлетворяло мельника. Онъ рѣшилъ ѣхать въ сосѣднее село Ямки къ школьному учителю, который еще недавно обличилъ въ газетѣ одну его кулацкую каверзу. Кузька совѣтуетъ ему иное: «вы бы, хозяинъ, поѣхали въ городъ, да и кутнули тамъ во всю: вотъ вамъ и помегло бы». Однако, мельникъ даже нѣсколько обижается этимъ совѣтомъ и ѣдетъ къ учителю. Но тотъ, больной и желчный, не можетъ вникнуть въ состояніе души обличеннаго имъ кулака и понять его безсвязныя рѣчи. Мельникъ ѣдетъ въ городъ, безсознательно исполняя совѣтъ босяка Кузьки, и тамъ, въ городѣ, закучиваетъ. Всѣ подробности этой оргіи для насъ не интересны, и нѣкоторыя изъ нихъ надо припомнить.

Грязный трактиръ. Разные пьяные, прощаные люди. Собираются пѣть, музыка есть — гармоника. И вотъ какъ одинъ изъ компаніи учитъ гармониста: «Нужно начинать съ грусти, чтобы привести душу въ порядокъ, заставить ее прислушаться... Она чувствительна къ грусти... Понимаете? Вотъ вы ей сейчасъ и какую-нибудь «Лучинушкой», къ примѣру, или «Заходило солнце красное» — она и пріостановится, замретъ. А тутъ вы ее хватайте съ разу «Чобтами» или «Во лузяхъ», да съ дробью съ пламенемъ, съ плясомъ, чтобы ожгло! Ожгете ее, она и встрепенется! Тутъ и пошло все въ дѣйствіе. Тутъ ужъ начнется прямо бѣшенство, чего-то хочется и ничего не надо! *Тоска и радость* — такъ все и запрыгетъ радугой...» — Запѣли... Описаніе собственно этого пѣнія (I, 128—133)

принадлежитъ къ числу лучшихъ страницъ въ обоихъ томахъ разсказовъ г. Горькаго. Здѣсь нѣтъ и тѣни той фальши и тѣхъ досадныхъ нарушеній мѣры вещей, которыя слишкомъ часто оскорбляютъ и эстетическое чувство читателей, и ихъ требованіе правды. Изъ знакомыхъ мнѣ изображеній эффекта пѣнія съ этими страницами можно поставить рядомъ «Пѣвцовъ» Тургенева, и за г. Горькаго не стыдно будетъ отъ этого сравненія. И вы понимаете, что пьяный трактиръ дѣйствительно затихъ при звукахъ этой пѣсни и что мельникъ дѣйствительно «давно уже неподвижно сидѣлъ на стулѣ, низко свѣсивъ на грудь голову и жадно вслушиваясь въ звуки пѣсни. Они снова будили въ немъ тоску, но теперь къ ней примѣшивалось что-то ѣдко-сладкое, щекочущее сердце... Было что-то жгучее и щиплющее во всѣхъ этихъ ощущеніяхъ—оно было въ каждомъ изъ нихъ и, соединяясь, образовало въ душѣ мельника странную *сладкую боль*, точно большая, давившая его сердце льдина таяла, распадаясь на куски, и они кололи его тамъ, внутри».

«Сладкая боль»!—вѣдь это буквально гейневскія entzückende Marter и wonniges Weh («сладкая мука, блаженная боль» въ переводѣ М. Л. Михайлова). Она одновременно счастливитъ и мучитъ мельника, и это состояніе онъ старается выразить отрывистыми восклицаніями: «Братцы! Больше не могу! Христа ради, больше не могу!» «Душу мою пронзили! Будетъ—тоска моя! Тронули вы меня за больное сердце, то есть часу у меня такого не было еще въ жизни! «Тронули вы мнѣ душу и очистили ее. Чувствую я теперь себя—ахъ, какъ! Въ огонь бы полѣзъ».

Послѣ четырехъ дней безобразнаго кутежа Тихонъ Павловичъ возвращается домой мрачный, недовольный. Авторъ въ эту именно минуту покидаетъ его, не сообщая ничего о его дальнѣйшей судьбѣ, но можно догадываться, что, вернувшись домой, онъ вернулся и къ прежнему образу жизни, лишь изрѣдка вспоминая мгновенья мучительно-сладкихъ ощущеній, пережитыхъ имъ по рецепту босяка Кузьки...

Таковы окольные пути, которыми «жадные жить» герои г. Горькаго добываютъ нужныя имъ полноту и разнообразіе впечатлѣній. Пути эти, очевидно, должны быть поставлены отдѣльно отъ пьянства, хотя и соприкасаются съ нимъ, — Матрена Орлова не въ пьяномъ видѣ дразниваетъ своего мужа до взаимнаго озлобленія, въ которомъ находитъ, однако, источникъ нѣкоторой «сладкой боли». Но и самое пьянство этихъ людей, помимо его скотски-грубыхъ проявленій, можетъ получить то объясненіе, которое Тургеневъ влагаетъ въ уста Веретьеву въ «Затишьѣ»: «Посмотрите-ка вонъ на эту ласточку... Видите, какъ она смѣло распоряжается своимъ

маленькимъ тѣломъ, куда хочетъ, туда и бросить! Вонъ взвилась, вонъ ударилась книзу, даже взвизгнула отъ радости, слышите? Такъ вотъ я для чего пью,—чтобы испытать тѣ самыя ощущенія, которыя испытываетъ эта ласточка. Швыряй себя куда хочешь, несись куда вздумается...»

Пойдемъ дальше. Чтобы «швырять себя куда хочешь и нестись куда вздумается» въ пьяномъ видѣ, то есть мысленно облетать міры фантазіи и дѣйствительности, требуется только водка. Но, чтобы реально шагать съ мѣста на мѣсто по всей землѣ, какъ этого хотятъ герои г. Горькаго, нужна свобода. Не свобода передвиженія только, засвидѣтельствованная законнымъ документомъ, подлежащими властями выданнымъ, а свобода отъ всякихъ постоянныхъ обязанностей, отъ всякихъ узъ, налагаемыхъ существующими общественными отношеніями, происхожденіемъ, принадлежностью къ извѣстной группѣ, законами, обычаями, предразсудками, правилами общепринятой морали и т. д. Мы и видимъ, что герои г. Горькаго всѣ отличаются свободолюбіемъ въ этомъ широчайшемъ, безграничномъ смыслѣ. Макаръ Чудра объявляетъ рабомъ всякаго, кто не бродитъ по землѣ, куда глаза глядятъ, а усаживается на мѣстѣ и такъ или иначе пускаетъ корни: такой человѣкъ «рабъ, какъ только родился и во всю жизнь рабъ». Для «жаднаго на впечатлѣнія» Челкаша Гаврила есть «жадный рабъ», и Челкашу обидно, что этотъ рабъ смѣетъ по своему «любить свободу, которой не знаетъ цѣны, и которая ему не нужна». Значитъ, есть жадность и жадность. Жадный Гаврила, набравъ рекетъ, зарется въ свою деревенскую «яму», а жадный Челкашъ сейчасъ же размѣняетъ эти деньги на острыя и разнообразныя впечатлѣнія сѣвера и юга, востока и запада. На всякаго рода границы, какъ географическія, такъ и моральныя, реальныя и идеальныя, эти отверженные или, вѣрнѣе, какъ я уже говорилъ, отвергнувшіе смотрятъ сверху внизъ, съ высоты своего «жаднаго житья», какъ на нѣчто, уязвляющее «я», до неприличности. Правда, нѣкоторые изъ нихъ иногда съ грустью и даже съ умиленіемъ вспоминаютъ о своемъ прошломъ, когда они еще входили въ составъ того или другого опредѣленнаго общественнаго цѣлаго и сознательно или безсознательно хотя мирились съ его распорядкамъ, но это настроеніе посѣщаетъ ихъ рѣдко и не надолго, и вернуться къ прошлому они все равно не хотятъ и не могутъ. Въ настоящемъ ихъ ничто не объединяетъ въ какое-нибудь прочное, постоянное цѣлое. «Народъ... онъ огромный, но я ему чужой и онъ мнѣ чужой... Есть въ чемъ трагедія моей жизни»— говоритъ «учитель» въ «Бывшихъ людяхъ» (II, 205). Образцы отношеній къ другимъ общественнымъ умамъ мы уже въ зрѣлыхъ разъ видѣли и дальше опять встрѣтимъ. Для «нихъ» все что

проистекаетъ трагедія, для другихъ комедія или даже водевиль, какъ для Кузьки Косяка, но это дѣло темперамента и суть отношеній отъ этого не измѣняется.

Иные изъ героевъ г. Горькаго временами какъ будто «грядущаго града взыскуютъ», но это только разговоры, одна словесность, при томъ нисколько для нихъ не характерная. Гораздо болѣе свойственные имъ идеалы и мечты сводятся, какъ мы видѣли, къ полному отчужденію отъ людей, полному отсутствію «града» въ смыслѣ какого бы то ни было общежитія, или къ совершенно особому виду отношеній, о которомъ сейчасъ поговоримъ подробнѣе, или же, наконецъ, къ планамъ всеобщаго разрушенія. Замѣчательно однообразіе, съ которымъ (какъ и многое другое) высказываютъ эти планы люди г. Горькаго, въ другихъ отношеніяхъ, казалось бы, очень различные. Такъ—мы видѣли,—Мальва «избила бы весь народъ, и потомъ себя страшною смертью». Такъ Орловъ мечтаетъ «отличиться на чемъ-нибудь», хотя бы даже «раздробить всю землю въ пыль», «вообще что-нибудь этакое, чтобы встать выше всѣхъ людей и плюнуть на нихъ съ высоты и потомъ внизъ тормашками – и въ дребезги!» А вотъ еще Аристидъ Кувалда: «Мнѣ—говоритъ онъ,—было бы пріятно, если бъ земля вдругъ вспыхнула и сгорѣла или разорвалась бы въ дребезги. Лишь бы я погибъ послѣдній, посмотрѣвъ сначала на другихъ» (II, 234). Погибнуть, совершивъ нѣчто большое, огромное, грозное, не справляясь съ существующей моральной оцѣнкой или даже вопреки ей, — такова мечта.

Но, кромѣ житія на манеръ Робинзона (при чемъ и Пятницы не надо и его можно за ненадобностью убить) и плановъ всеобщаго разрушенія, у героевъ г. Горькаго есть и еще одна мечта, быть можетъ самая интересная. Они «жадны жить», для чего имъ нужна безграничная свобода и никому и ничему они не согласны подчиняться. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы каждый изъ нихъ въ отдѣльности не хотѣлъ и другихъ подчинять. Напротивъ, въ подчиненіи и порабощеніи другихъ они находятъ особое наслажденіе. Челкашъ «наслаждался, чувствуя себя господиномъ другого» Гавриллы. Онъ «наслаждался страхомъ парня и тѣмъ, что вотъ какой онъ, Челкашъ, грозный человѣкъ». Онъ «наслаждался своей силой, которой онъ поработилъ этого молодого, свѣжаго парня». Оттого-то и Орловъ мечтаетъ «встать выше всѣхъ людей» и сдѣлать имъ всѣмъ огромную пакость. Но встать выше людей можно не только пакостью, а и благодѣяніемъ. И тотъ же Орловъ одно время былъ одолѣваемъ «жаждою безкорыстнаго подвига», — вотъ по какимъ мотивамъ: «Онъ чувствовалъ себя человѣкомъ особыхъ свойствъ. И въ немъ забилось желаніе сдѣлать что-то такое, что обратило

бы на него вниманіе всѣхъ, всѣхъ поразило бы и заставило убѣдиться въ его правѣ на «самочувствіе» (I, 303). Поневолѣ опять и опять вспоминаешь Достоевскаго съ его Ставрогинымъ, который не зналъ разницы между величайшимъ подвигомъ самоотверженія и какимъ-нибудь звѣрскимъ дѣломъ, и съ его многочисленными иллюстраціями наслажденія властью, мучительствомъ, тиранствомъ. Жажда благороднаго подвига сказалась въ Орловѣ, когда онъ вмѣстѣ съ Матреной поступилъ на службу въ холерную больницу. Но и тамъ ему скоро показалось «тѣсно», и это мѣсто болѣзни, печали и воздыханія, поманившее его радостью любовнаго труда, оказалось «ямой». Въ кратковременный же періодъ увлеченія мечтой о подвигѣ онъ разсуждалъ, напримѣръ, такъ: «То есть, если бы эта холера да преобразилась въ человѣка... въ богатыря... хоть въ самого Илью Муромца, — сцѣпился бы я съ ней! Или на смертный бой! Ты сила, и я, Гришка Орловъ, сила,—ну, кто кого? И придушилъ бы я ее и самъ бы легъ. Крестъ надо мной въ полѣ и надпись: «Григорій Андреевъ Орловъ. Спасъ Россію отъ холеры». Больше ничего не надо». — Но когда ему показалось «тѣсно», онъ опять принялся за Матрену, постоянно переходя отъ страстныхъ ласкъ къ жестокой дракѣ. Однажды, напримѣръ, онъ было «подлеза»-женѣ,—покорно выслушалъ ея упреки и призналъ, что не хорошо дѣлаетъ, что дерется. Но на другой же день раскаяся въ этомъ душевномъ движеніи и «принялъ съ опредѣленнымъ намѣреніемъ поѣсть жену. Вчера, во время столкновенія, она была сильнѣе его, онъ это чувствовалъ и это унижало его въ своихъ глазахъ. Непремѣнно нужно было, чтобы она опять подчинилась ему, онъ не понималъ почему, но твердо зналъ—нужно».

Подобныя же черты читатель найдетъ и въ другихъ герояхъ и героиняхъ г. Гарьлаго. И, какъ бы проникаясь этимъ настроеніемъ своихъ созданій, самъ авторъ отъ себя кладетъ въ одномъ мѣстѣ слѣдующую психологическую резолюцію: «Какъ бы низко ни палъ человѣкъ, онъ никогда не лишаетъ себѣ въ поклоненіи почувствовать себя сильнѣе, умнѣе, хотя бы даже сдѣлае своего ближняго» (II, 211).

Я написалъ: «какъ бы проникаясь настроеніемъ своихъ созданій». Въ дѣйствительности можетъ быть совершенно наоборотъ: не авторъ, увлеченный самымъ процессомъ творчества, проникается настроеніемъ своихъ героевъ, а, напротивъ, авторъ творитъ людей по своему образу и подобію, вкладывая въ нихъ нѣчто свое задушевное. Въ данномъ случаѣ только что приведенная авторская резолюція показываетъ, что какъ бы мы ни старались не смѣшиваться въ безличности г. Гарьлаго, мы ихъ не поймемъ и въ частности

не оцѣнимъ степени ихъ подлинности, пока не приглядимся къ самому г. Горькому.

До сихъ поръ мы видѣли босяковъ, можетъ быть и подкрашенныхъ, но во всякомъ случаѣ реальныхъ. Но въ собраніи очерковъ и разсказовъ г. Горькаго есть и такіе, въ которыхъ изображаются босяки, такъ сказать, отвлеченные, очищенные или даже иносказательные, аллегоріи и символы босячества. Таковы въ первомъ томѣ «Пѣсня о соколѣ» и то, что Макаръ Чудра разсказываетъ про Лойка Зобара и Радду, а во второмъ—разсказъ «О чижѣ, который лгалъ, и о дятлѣ любителѣ истины» и то, что старуха Изергиль разсказываетъ про Данка. Герои этихъ разсказовъ — существа фантастическія или полу-фантастическія — столь же вольнолюбивы и жадны жить, какъ и заправскіе босяки въ освѣщеніи г. Горькаго, но совершенно чужды другой стороны реальной босяцкой жизни,—міра тюремъ, кабаковъ и домовъ терпимости. Понятно, какой интересъ представляютъ эти отвлеченныя, фантастическія существа для уразумѣнія точки зрѣнія автора. Та скорбь и то отвращеніе, которыя онъ часто не можетъ сдержать при описаніи пьянства, грубости, цинизма, дракъ реальныхъ босяковъ, при этомъ естественно отпадаютъ и мы можемъ разсчитывать получить въ чистомъ видѣ то, что поднимаетъ отверженцевъ надъ общимъ уровнемъ, какъ въ ихъ собственныхъ глазахъ, такъ и въ глазахъ автора.

Начнемъ съ разсказа Макара Чудры про Лойка Зобара и Радду. Это разсказываетъ старый цыганъ о молодыхъ цыганѣ и цыганкѣ, и разсказъ его блещетъ роскошью восточныхъ красокъ, гиперболическихъ сравненій, сказочныхъ подробностей, но я долженъ признаться, что онъ производитъ на меня впечатлѣніе неудачной подѣлки. Дѣло, впрочемъ, теперь не въ этомъ. Зобаръ — красавецъ писаный, при томъ смѣлъ, уменъ, силенъ, вдобавокъ поэтъ и играетъ на скрипкѣ такъ, что когда въ таборѣ, къ которому принадлежала Радда, въ первый разъ услыхали, еще издали, его музыку, то произошло слѣдующее: «Всѣмъ намъ,—разсказываетъ Чудра,—мы чуяли, отъ той музыки захотѣлось чего-то такого, послѣ чего и *жить ужъ не нужно было* или, коли жить, такъ *царями надъ всей землей*». Характерно уже это «или-или»: или ничто, небытіе, или вершина вершинъ. Но Макаръ Чудра можетъ испытывать это настроеніе во всей полнотѣ только въ минуты экстаза, вызваннаго чудодѣйственною музыкой. Другое дѣло Зобаръ. И Радда ему подъ пару: она тоже писаная красавица, тоже умна, сильна, смѣла. Естественное дѣло, что когда судьба сталкиваетъ молодого человѣка и молодую дѣвушку такихъ исключительныхъ и многоразличныхъ достоинствъ,—между ними возгорается любовь со всѣмъ радужнымъ

блескомъ страсти и нѣжности. Зобаръ и Радда дѣйствительно полюбили другъ друга, но, какъ и у реальныхъ босяковъ г. Горькаго, любовь ихъ до боли колюча,—даже до смерти. Радда—та же Мальва, только поднятая на нѣкоторую поэтическую высоту. Отношенія начинаются съ того, что Зобаръ, привыкшій «играть съ дѣвушками, какъ кречетъ съ утками», получаетъ отъ Радды жесткій и язвительный отпоръ. Она зло издѣвается надъ нимъ, но онъ или провидитъ подъ этимъ издѣвательствомъ нѣчто иное, или ужъ очень въ себѣ увѣренъ, а только, при всемъ честномъ народѣ, обращается къ ней съ такой рѣчью: «Много я вашей сестры видѣлъ, это много! А ни одна не тронула моего сердца такъ, какъ ты. Эхъ, Радда, полонила ты мою душу! Ну, что же? Чему быть, такъ то будетъ, и нѣтъ такого коня, на которомъ отъ самого себя ускакать можно бы было. Беру тебя въ жены передъ Богомъ, своей честью, твоимъ отцомъ и всѣми этими людьми. Но смотри, волѣ моей не перечь, я все-таки свободный человѣкъ и буду жить такъ, какъ я хочу!» И съ этими словами подошелъ къ Раддѣ, «стиснувъ зубы и сверкая глазами». Но Радда вмѣсто отвѣта свалила его на земь, ловко захлестнувъ ему за ногу «ременное кнутовище», а сама смѣется. Зобаръ, пристыженный и огорченный, ушелъ въ степь и тамъ замеръ въ мрачномъ раздумьи. Черезъ нѣсколько времени къ нему подошла Радда. Онъ схватился было за ножъ, но она пригрозила разбить ему голову пистолетной пулей и затѣмъ объяснилась въ любви. «Однако, говоритъ, «волю-то я, Лойко, люблю больше тебя: а безъ тебя мнѣ не жить, какъ не жить и тебѣ безъ меня: такъ вотъ я хочу, чтобъ ты былъ моимъ и душой, и тѣломъ». «Все равно, какъ ты ни вертись, я тебя одолѣю», «продолжаетъ она и требуетъ, чтобы онъ завтра же «покорился» и выразилъ эту покорность внѣшними знаками публично, передъ всѣмъ таборомъ поклонился бы ей въ ноги и поцѣловалъ ей руку. Зобаръ на другой день является и держитъ передъ таборомъ рѣчь, въ которой объясняетъ, что Радда любитъ свою волю больше, чѣмъ его, а онъ, напротивъ, любитъ Радду больше, чѣмъ волю, и потому согласенъ на поставленныя ею условія, но—говоритъ—«остается попробовать, такое ли у Радды мой крѣпкое сердце, какимъ она мнѣ его показывала». Съ этими словами онъ вонзаетъ ножъ въ сердце Радды, и она умираетъ, «улыбаясь и говоря громко и внятно:—Прощай, богатырь Лойко Зобаръ! Я знала, что ты такъ сдѣлаешь». Выходитъ затѣмъ отецъ Радды и убиваетъ Зобара, не убиваетъ, такъ сказать, почтительно, какъ уплачиваютъ долгъ уважаемому кредитору.

Такова любовь въ тѣхъ фантастическихъ, такъ сказать, надземныхъ сферахъ, гдѣ герои г. Горькаго являются очищенными отъ всего, чѣмъ грязнитъ ихъ міръ кабаковъ, домовъ терпимости и не-

ремъ. Пролита кровь, но не въ какой-нибудь пьяной дракѣ и не изъ корыстныхъ видовъ: г. Горькій такъ обставилъ дѣло, что кровь Радды проливается съ ея согласія и она умираетъ «улыбаясь» и воздавая хвалу убійцѣ, а ея отецъ и Зобаръ просто—одинъ отдаетъ, а другой получаетъ долгъ. Зобаръ и Радда жадны жить. Какъ въ королѣ Лирѣ «каждый вершокъ—король», такъ и въ нихъ каждый вершокъ жить хочетъ. Поэтому они хотятъ быть совершенно свободными, а любовь, они чувствуютъ, уже урѣзываетъ эту свободу: «смотрѣлъ я—говоритъ Зобаръ—этой ночью въ свое сердце и не нашелъ мѣста въ немъ старой вольной жизни моей». Если любовь съ ихъ точки зрѣнія и не совсѣмъ совпадаетъ съ опредѣленіемъ героя Достоевскаго («добровольно дарованное отъ любимаго предмета право надъ нимъ тиранствовать»), то во всякомъ случаѣ элементъ господства, преобладанія, власти играетъ въ ней существенную роль. А такъ какъ Зобаръ и Радда равноцѣнны, то задача покоренія оказывается невозможною, и они на этой невозможности погибаютъ. Но они не уклоняются отъ этой погибели и не жалѣютъ о ней.

Не жалѣетъ о своей погибели и соколъ въ «Пѣснѣ о соколѣ». Онъ расшибся падая съ высоты на камень (а потомъ въ море), но на вопросъ ужа презрительно и гордо отвѣчаетъ: «Да, умираю!.. Я славно пожилъ... Я много прожилъ... Я храбро бился... И видѣлъ небо. Ты не увидишь его такъ близко... Эхъ, ты, бѣдняга!» Заинтересованный этими словами, ужъ въ мѣру своихъ силъ тоже попробовалъ было подняться къ небу, но «рожденный ползать—летать не можетъ», и ужъ разсуждаетъ: «Такъ вотъ въ чемъ прелесть полетовъ въ небо! Она—въ паденьи... Смѣшныя птицы! Земли не зная, на нея тоскуя онѣ стремятся высоко въ небо и ищутъ жизни въ пустынѣ знойной. Тамъ только пусто. Тамъ много свѣта, но нѣтъ тамъ пищи и нѣтъ опоры живому тѣлу». И т. д. Однако пѣсня или сказка («Пѣсня о соколѣ» есть будто бы народная крымско-татарская пѣсня-сказка) не согласна съ ужомъ и поетъ хвалу жадному жить, свободному соколу: «О, смѣлый соколъ! Ты, жившій въ небѣ, безкрайномъ небѣ, любимецъ солнца! О, смѣлый соколъ, нашедшій въ морѣ, безмѣрномъ морѣ, себѣ могилу! Пускай ты умеръ! Но въ пѣснѣ смѣлыхъ и сильныхъ духомъ всегда ты будешь призывомъ громкимъ къ свободѣ, къ свѣту!»

Чижъ («О чижѣ, который лгалъ, и о дятлѣ-любителѣ истины»), чижъ—не соколъ. Онъ птица маленькая и слабокрылая. Однако у него хватило силы и смѣлости смутить на нѣкоторое время птицъ своей рощи пѣснями о свободѣ, просторѣ, призывами «впередъ». Но ученый дятелъ скоро отвратилъ отъ него общественное мнѣніе, доказавъ птицамъ, что путь, предлагаемый чижомъ, полонъ опас-

ностей и ни къ чему хорошему привести не можетъ. Бѣдный чижъ, оставленный всѣми, горько задумался. «Я солгалъ, да, я солгалъ, потому что мнѣ неизвѣстно, что тамъ за рощей, но вѣдь вѣрить и надѣяться такъ хорошо! Я же только и хотѣлъ пробудить вѣру и надежду — и вотъ почему я солгалъ... Онъ, дятелъ, можетъ быть и правъ, но на что нужна его правда, когда она камнемъ гнется на крылья и не позволяетъ высоко взлетать на небеса?» Чижъ предпринялъ ни больше, ни меньше, какъ возбудить въ птицахъ увѣренность, что «мы не должны уставать и должны всегда бороться и все побѣдить, чтобы оправдать самихъ себя въ своихъ глазахъ, чтобы имѣть право сказать: все прошедшее, настоящее и будущее — это мы, а не слѣпая сила стихій». Онъ былъ тоже жаденъ жить, этотъ маленькій чижъ. Дятелъ же отстаивалъ противоположный тезисъ: «всѣ мы — не болѣе, какъ только крошечные факты, подтверждающіе грандіозный фактъ мудрости и мощи природы, которой мы должны подчиняться, какъ дѣти подчиняются матери». Чижъ былъ жаденъ жить, но слабъ и не съумѣлъ парировать аргументы дятла, и толпа отхлынула отъ него и оставила его въ мрачномъ одиночествѣ. А авторъ резюмируетъ всю исторію такъ: «Чижъ благороденъ, но не имѣетъ вѣры и поэтому нищъ духомъ, дятелъ благоразуменъ, но пошлъ. А птицы-слушатели отзывчивы лишь потому, что любопытны, но они въ сущности черствы сердцемъ и мелки, мелки, позорно мелки»...

Черствы сердцемъ и мелки, позорно мелки не только птицы той рощи, которую было взбудоражилъ чижъ и усмирилъ дятелъ. Старуха Изергиль разсказываетъ такую легенду. — Гдѣ-то, когда-то жили какіе-то люди. Нахлынуло на нихъ тяжкое племя и отѣснило въ глухой, дремучій, болотистый лѣсъ. Но тяжко пришлось людямъ: назадъ идти нельзя, — тамъ сильные и злые враги, а впереди лѣсъ все дремучѣе, болота все непроходимѣе. Стали люди болѣть, умирать. Уже хотѣли идти къ врагу, а привести ему въ даръ себя и волю свою, и никто ужь, запуганный смертью, не боялся рабской жизни. Но среди этой запуганной толпы былъ Данко. Изергиль особенно напираетъ на его красоту и мѣтость, — должно быть онъ былъ похожъ на Лейкъ-Зобра. Данко взялся вести своихъ товарищей по несчастію. Не то, чтобы онъ зналъ какія-нибудь безопасныя или удобныя дороги, вѣдь, единственно, на что онъ ссылался, это то, что должно же быть у этого проклятаго лѣса гдѣ-нибудь конецъ, потому что вѣдь всему на свѣтѣ бываетъ конецъ. Но онъ заявилъ это такою увѣренностью, что въ сердцахъ слушателей запрыгали надежды, и они пошли за Данко. Но лѣсъ становился все гуще, мрачнѣе, люди стали роптать и, наконецъ, даже грозить Данку смертью. Потерявшіе надежду и

этимъ презрѣннымъ людямъ овладѣли Данкомъ, «и вотъ его сердце вспыхнуло яркимъ огнемъ желанія спасти ихъ и вывести на легкій путь... И вдругъ онъ разорвалъ руками себѣ грудь и вырвалъ изъ нея свое сердце и высоко поднялъ его надъ головой. Оно же пылало такъ ярко, какъ солнце, и ярче солнца, и весь лѣсъ замолчалъ, освѣщенный этимъ факеломъ великой любви къ людямъ, а тьма разлетѣлась отъ свѣта его и тамъ, глубоко въ лѣсу, дрожащая, пала въ гнилой зѣвъ болота». Руководимые этимъ факеломъ люди прошли сквозь лѣсъ въ степь, но тутъ Данко, «кинувъ радостный взоръ на развернувшуюся передъ нимъ свободную землю», умеръ. «Люди же, радостные и полные надеждъ, не замѣтили смерти его и не видали, что еще пылаетъ рядомъ съ трупомъ Данка его смѣлое сердце. Только одинъ осторожный человѣкъ замѣтилъ это и, боясь чего-то, наступилъ на гордое сердце ногой. И вотъ оно, разсыпавшись въ искры, угасло»...

Данко совершаетъ подвигъ самопожертвованія, при чемъ оказываетъ одинокимъ сначала впереди смущенной толпы, потомъ одинокимъ передъ разъяренной толпой, потомъ опять одинокимъ впереди толпы обнадеженной, спасенной и неблагодарной. Ларра (это имя, по объясненію старухи Изергиль, значитъ «отверженный, выкинутый вонъ») тоже одинокъ въ толпѣ соплеменниковъ, но онъ не совершаетъ подвига самопожертвованія. Напротивъ... Ларра — сынъ орла и похищенной имъ женщины. Орелъ умеръ («когда онъ сталъ слабѣть, то поднялся въ послѣдній разъ высоко на небо и, сложивъ крылья, тяжело упалъ оттуда на острые уступы горъ»), его невольная жена вернулась къ своему племени съ 20-лѣтнимъ сыномъ, сильнымъ, гордымъ и смѣлымъ красавцемъ, опять-таки въ родѣ Зобара или Данка. Онъ сразу всталъ въ дурныя отношенія къ старѣйшинамъ племени, отказавшись имъ повиноваться и объявивъ, что «такихъ, какъ онъ, нѣтъ больше». Затѣмъ онъ подошелъ къ одной красивой дѣвушкѣ и обнялъ ее; она его оттолкнула, а онъ — «ударилъ ее и, когда она упала, всталъ ногой на ея грудь, всталъ такъ, что изъ ея устъ кровь брызнула къ небу и она вздохнула тяжко, извилась змѣей и умерла». Его связали и хотѣли казнить, но сначала попытались добиться, зачѣмъ онъ убилъ дѣвушку. Онъ отказался отвѣчать связанный, а когда его развязали, сказалъ слѣдующее: «Я, можетъ быть, самъ не вѣрно понимаю то, что случилось. Я убилъ ее потому, мнѣ кажется, что меня оттолкнула она; а мнѣ было нужно ее». Изъ дальнѣйшаго разговора выяснилось, что «онъ считаетъ себя первымъ на землѣ и что, кромѣ себя, онъ не видитъ ничего. Всѣмъ даже страшно стало, когда поняли, на какое одиночество онъ обрекалъ себя. У него не было ни племени, ни матери, ни подвиговъ, ни скота, ни жены, и онъ не хо-

дѣлъ ничего этого. И когда поняли это, то мудрѣйшій изъ старѣйшинъ племени придумалъ ему страшное наказаніе: «Наказаніе ему въ немъ самомъ! Пустите его, пусть онъ будетъ свободенъ. Вотъ его наказаніе». Юноша весело ушелъ и сталъ жить «свободный, какъ отецъ его; но его отецъ не былъ человѣкомъ, а этотъ былъ человѣкъ». Онъ былъ ловокъ, силенъ, хищенъ, жестокъ: онъ приходилъ время отъ времени къ людямъ и бралъ все, что ему нужно было. Въ него стрѣляли, но стрѣлы «не могли пронизать его тѣла, обвитаго невидимымъ человѣку покрываломъ высшей кары». Многіе, многіе годы жилъ онъ такъ, но наконецъ это ему надоѣло. «Нельзя всегда наслаждаться,—потеряешь цѣну наслажденію и захочется страдать». Онъ и пошелъ къ людямъ съ этою цѣлью, но они не тронули его, онъ покушался убить себя, но смерть не брала его. «Въ глазахъ его было столько тоски, что можно было бы отравить ею всѣхъ людей міра. И такъ съ той поры остался онъ одинъ, свободный и ищущій смерти. И вотъ онъ ходитъ, ходитъ повсюду»...

Лойко Зобдръ, Радда, Соколъ, Чижъ, Данко, Ларра,—вотъ вся портретная галлерея идеальныхъ, очищенныхъ отъ грязи босяковъ г. Горькаго. Что это именно они,—преображенные Челкаши, Мальвы, Кувалды, Косяки и проч.,—въ этомъ едва ли кто-нибудь усомнится. Мы видимъ въ нихъ ту же «жадность жить»: то же стремленіе къ ничѣмъ не ограниченной свободѣ: то же фатальное одиночество и отверженность, при чемъ не легко установить,—отверженные они или отвергнувшіе: ту же высокую самооцѣнку и желаніе первенствовать, покорять, находящія себѣ оправданіе въ выраженномъ или молчаливомъ признаніи окружающихъ: то же тяготѣніе къ чему-нибудь чрезвычайному, пусть даже невозможному, за чѣмъ должна послѣдовать гибель: ту же жажду наслажденія, соединенную съ готовностью какъ причинить страданія, такъ и принять его: ту же неуловимость границы между наслажденіемъ и страданіемъ.

Но это не трафареты, а варьянты, иногда, въ отдѣльныхъ чертахъ, даже слишкомъ близкіе между собою, иногда расходящіеся довольно далеко, но во всякомъ случаѣ, такъ сказать, вращающіеся около одной оси. Если, напримѣръ, Орловъ сегодня мечтаетъ о спасеніи Россіи отъ холеры цѣною собственной жизни, а завтра объ изгнаніи «всѣхъ до единаго жидовъ», или даже о разрушеніи всей земли въ пыль,—то въ коллекціи очищенныхъ босяковъ подвигъ самопожертвованія представляетъ Данко, а злодѣйство—Ларра: но не смотря на эту разницу и тѣ, и другіе являются имъ въ нѣкоторомъ родѣ горсти силы и красоты. Если

Чижъ слабокрылъ и вообще слабъ самъ, то онъ все же зоветъ другихъ къ свободѣ, простору и, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время покоряетъ сердца призывомъ птицъ къ великому дѣлу. Если Коноваловъ находитъ ненужнымъ присутствіе даже Пятницы на островѣ Робинзона, а Ларрѣ одиночество досталось въ видѣ страшной кары, то съ теченіемъ времени Коноваловъ, надо думать, пожалѣлъ бы, что убилъ «дикаго», хотя бы уже потому, что оказался бы въ «ямѣ»; а Мальвѣ, тоже мечтающей объ одиночествѣ, люди навѣрное понадобились бы, чтобы «вертѣть» ими. Съ другой стороны, Ларра далеко не сразу почувствовалъ боль и скорбь одиночества: онъ наслаждался имъ «не одинъ десятокъ длинныхъ годовъ», и вернулся онъ къ людямъ потому, что его потянуло къ страданію. Въ цѣломъ получается нѣчто смутное, загадочное, какъ бы еще только прорѣзывающееся и, повидимому, оправдывающее претензію Аристида Кувалды... мы новость въ исторіи, намъ нужны новыя воззрѣнія на жизнь...

Появленію такихъ ли, сякихъ ли «новыхъ людей», не въ видѣ одинокихъ ласточекъ, которыя весны не дѣлаютъ, а въ видѣ цѣлаго «класса», какъ это утверждаетъ относительно своихъ босяковъ г. Горькій, должно соотвѣтствовать извѣстное измѣненіе общественныхъ условій. Но послѣ всего сказаннаго, едва ли есть какая-нибудь надобность доказывать, что герои г. Горькаго «класса» не составляютъ, какъ въ силу неопредѣленности ихъ положенія, такъ и въ особенности въ силу проникающаго все ихъ существо индивидуализма, исключающаго возможность прочной группировки. Это, однако, еще ничего не говоритъ противъ ихъ «новости». Но мы видѣли, что г. Горькій даже не коснулся тѣхъ внѣшнихъ, объективныхъ условій, которыя дѣйствительно только въ наше время создаютъ босяковъ; что, вслѣдствіе этого, его «новые» босяки по происхожденію ничѣмъ не отличаются отъ старыхъ гуляющихъ людей и голи кабацкой и даже напоминаютъ собою времена кочевого быта. Это подтверждается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ рядахъ героевъ г. Горькаго есть настоящіе кочевники, ничѣмъ собственно изъ нихъ рѣзко не выдѣляясь. Зобаръ, Радда, Данко, Ларра существа фантастическія или, по крайней мѣрѣ, легендарныя; поэтому ихъ, пожалуй, и нельзя брать въ счетъ, хотя и то уже достойно вниманія, что эти созданія фантазіи помѣщены въ условія кочевого быта. Но Изергиль, Макаръ Чудра— цыгане, изъ тѣхъ, которые «шумною толпой по Бессарабіи кочуютъ», то есть настоящіе, живые кочевники, насколько они удержались въ условіяхъ современной европейской жизни. А между тѣмъ ихъ мысли, чувства, поступки въ общемъ совершенно тѣ же, что у Мальвы, Гришки, Кузьки-Косяка и проч. Значитъ, какая

же это «новость»? Это, напротивъ, нѣчто очень старое, давно пережитое исторіей, лишь кое-гдѣ сохранившееся въ урѣзанномъ видѣ и не имѣющее никакой связи со вступительной картиной разсказа «Челкашъ», гдѣ «гранитъ, желѣзо, дерево, мостовая гавань, суда и люди,—все дышетъ мощными звуками бѣшено-страстнаго гимна Меркурію».

Если, однако, «новость» героевъ г. Горькаго ни единою чертою не оправдана съ точки зрѣнія ихъ происхожденія, пережитаго ихъ историческаго процесса, то, какъ я уже говорилъ, въ ихъ психологіи есть нѣчто дѣйствительно новое. Но въ такомъ случаѣ можно ожидать, что въ психологію кочевниковъ Изергиль Макара Чудры и ихъ отраженій въ мірѣ фантазіи и легенды, есть Зобара, Ларры и проч., авторъ ввелъ нѣкоторыя произвольныя, не соотвѣтствующія дѣйствительности черты. Такъ оно и есть.

Слово «чандалы», подвернувшееся мнѣ для обозначенія нашихъ босяковъ и европейскаго Lumpenproletariat'a, наводитъ на нѣкоторыя любопытныя сближенія. Существуетъ мнѣніе, что цыгане суть потомки индійскихъ чандаловъ, когда-то выселившихся или выселенныхъ изъ родины. Чандалы же индійскіе суть отверженцы разныхъ кастъ, цементированные національнымъ элементомъ туземнаго, до-арійскаго населенія и затѣмъ строгими постановленіями суровыхъ индусскихъ законовъ и обычаевъ. Дѣйствительно ли цыгане ихъ потомки, или нѣтъ, но они во всякомъ случаѣ представляютъ собою отверженное (или отвергнувшее) *племя*, распадающееся, какъ и всѣ кочевники, не непосредственно на индивидуальные атомы, а на орды, таборы, роды, семьи. Сообразно этому, свобода и свободолюбіе кочевого человѣка представляютъ собою нѣчто очень относительное: онъ съ трудомъ переноситъ ограниченія, налагаемыя условіями цивилизованной жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпко стиснутъ тѣми общественными единицами, въ составъ которыхъ входитъ. Объ цыганской вольной жизни мы имѣемъ совершенно фантастическія представленія, основанныя главнымъ образомъ на разныхъ «цыганскихъ романсахъ». Въ дѣйствительности, цыганъ и особенно цыганка находятся въ полной власти своего таборъ, что сохранилось даже въ тѣхъ цыганскихъ «хорахъ», которые даютъ намъ свои концерты; и не только находятся во власти, но и не тяготятся этими узами, покуда остаются настоящими, типическими цыганами. Кочевникъ любитъ свободу, но совсѣмъ не такую и не такую, какъ современный босякъ, и обратно — какой-нибудь Кузька-Косякъ или Сережка или Коновалъ при всей своей склонности къ бродяжеству, почувствовалъ бы себя очень плохо въ таборѣ, въ которомъ такъ хорошо живется Макарѣ Чудрѣ, тоже исповѣдующій принципъ вѣчнаго странничества. Кочевникъ

бродяжитъ цѣлой ордой, таборомъ, стадомъ, съ которымъ связанъ самыми тѣсными узами, а Сережка и Кузька бродяжатъ въ одиночку и никакихъ узъ не знаютъ или не хотятъ знать. Въ этомъ и состоитъ ихъ «новость», но не только въ этомъ.

Слово «чандалы» наводитъ еще на одну справку. Выше были указаны нѣкоторыя точки соприкосновенія г. Горькаго съ Достоевскимъ. А въ 1894 г., излагая на этихъ же страницахъ съ нѣкоторою подробностію ученіе Фр. Ницше, я отмѣтилъ подобныя же точки соприкосновенія съ Достоевскимъ—несчастнаго нѣмецкаго мыслителя. Указывалъ я и на необыкновенное уваженіе, съ которымъ Ницше относился къ нашему художнику, знакомому ему, повидимому, только по «Запискамъ изъ мертваго дома». Въ одномъ изъ своихъ сочиненій («Götzen Dämmerung»), восторгаясь силою психологическаго анализа, съ которою Достоевскій проникаетъ въ душу обитателей Мертваго Дома, Ницше говоритъ о «чувствѣ чандала», чувствѣ «ненависти, мести и возстанія противъ всего существующаго», каковое чувство, дескать, живетъ въ душѣ каждаго сильнаго человѣка, не нашедшаго себѣ мѣста въ современномъ «покорномъ, посредственномъ, кастрированномъ обществѣ».

Думаю, что читатель не затруднится усмотрѣть это чувство въ герояхъ г. Горькаго. Но соблазнительная возможность сближенія съ идеями Ницше идетъ гораздо дальше. Предупреждаю, что я отнюдь не думаю доказывать, что свое освѣщеніе жизни г. Горькій заимствовалъ у Ницше,- онъ нигдѣ о немъ не упоминаетъ (хотя нашелъ же случай упомянуть, напримѣръ, о Шопенгауерѣ) и, можетъ быть, совсѣмъ не знакомъ съ нимъ. Но тѣмъ интереснѣе совпаденіе, свидѣтельствующее о томъ, что извѣстныя идеи носятся въ воздухѣ, не только кристализуясь въ видѣ все растущаго множества поклонниковъ Ницше въ Европѣ, но вотъ и у насъ прорѣзывающихся самостоятельно, не говоря о людяхъ, прямо заимствующихъ свой свѣтъ отъ Ницше. Во всякомъ случаѣ Ницше со всѣмъ своимъ нравственно-политическимъ ученіемъ не былъ бы чужимъ среди философствующихъ босяковъ г. Горькаго.

Начать съ того, что одиночество играетъ въ соображеніяхъ Ницше не меньшую роль, чѣмъ въ мечтахъ и въ жизни босяковъ г. Горькаго. Ницше слагаетъ настоящіе гимны одиночеству и даже предлагаетъ установить новую научную дисциплину: рядомъ съ наукой объ обществѣ, Gesellschaftslehre,—науку объ одиночествѣ, Einsamkeitslehre. Но одиночество не только драгоцѣнно и, какъ таковое, составляетъ законный предметъ мечтаній: оно неизбѣжно для всякаго сильнаго человѣка, такъ какъ любая общественная форма требуетъ отъ него уступокъ хоть какой-нибудь части его *я*.

и онъ на подобныя уступки согласиться, по самой своей природѣ, не можетъ [1]).

Но, кромѣ сильныхъ, существуетъ и слабые, охотно подчиняющіеся многоразличнымъ стѣсненіямъ свободы, то и для сильныхъ Einsamkeitslehre не исключаетъ участія въ Gesellschaftlehre,— не потому, чтобы одиночество было невозможно. Нѣчто не знаетъ ничего лучшаго, какъ погибнуть на великомъ и невозможномъ; и не потому, чтобы одиночество доставляло страданія. Нѣчто готовъ принять страданіе, и высшее наслажденіе для него состоитъ въ борьбѣ со всѣми ея положительными и отрицательными законами; но главнымъ образомъ потому, что въ сильныхъ живетъ Wille zur Macht, «воля къ власти», какъ у насъ буквально переводятъ. Эта жажда власти, могущества есть, по мнѣнію Нѣчто, главный двигатель исторіи и тѣсно связана съ однимъ изъ коренныхъ свойствъ человѣческой природы,— жестокостью: видѣть страданія доставляетъ удовольствіе, причиненіе страданія доставляетъ еще большее удовольствіе; такова жестокій, но старый и могущественный законъ (Genealogie der Moral). Аскетическая практика самоистязанія въ ея свирѣпыхъ формахъ имѣетъ тотъ же источникъ: за отсутствіемъ или недостаткомъ другихъ, индійскій фанатикъ и т. п. терзаетъ свое собственное тѣло и при томъ наслаждается своимъ превосходствомъ надъ тѣми, кто не въ силахъ это дѣлать. Слабость, трусость, лицемѣріе часто заслоняютъ эти коренныя свойства человѣческой природы и въ настоящее время у цивилизованныхъ народовъ создали «мораль рабовъ» въ противоположность «морали господъ», которую нѣкогда исповѣдывали сильные, жизнерадостные, жестокіе, чувственные, властные люди,— великолѣпныя, жаждущія побѣды и добычи животныя. То было время торжества красоты, силы, время «первыхъ» властителей, не изнѣженныхъ разумнымъ, гнилымъ и мертвящей рефлексіей [2]).

[1]) Когда Ладру спросили, зачѣмъ онъ убилъ дѣвочку (ея видѣлъ), онъ отвѣтилъ, она отговаривала меня, а мнѣ было нужно ея... Но развѣ онъ не могъ сказать ему — Развѣ ты посмотрелъ только своими Я вижу, что каждый человѣкъ имѣетъ свою только рѣчь, руки и ноги, а видитъ онъ животными женщинами, домами и многимъ еще... Ему сказали, что это, что за все, что человѣкъ борется, онъ платитъ собой, своимъ умомъ и своей свободой и жизнью. А онъ отвѣчалъ: что онъ хотѣлъ покупить себя дѣвочкой. (Горькій. II, 297—298).

[2]) Горькій въ своемъ «Нѣчто» разумѣется со всякимъ горячимъ сердцемъ. Такъ и всему бы и не о Любкѣ и Ладрѣ. И. М. и о подобной фантазіи, основной столько красивую и сильную легенду, о старцѣ, въ которой были герои и поэтъ, и о [illegible] времени, объемлемомъ [illegible] пѣсни и [illegible] собственной, [illegible] [illegible] — [illegible] [illegible] [illegible]

Нынѣ торжествуетъ «мораль рабовъ», въ основаніи которой лежитъ кротость, смиреніе, покорность, умѣренность и аккуратность, не воздѣйствіе на обстоятельства, а подчиненіе имъ. Но временами прокидываются экземпляры прирожденныхъ «господъ», которымъ принадлежитъ будущее. Они суть прообразы «сверхъ-человѣка», имѣющаго наслѣдовать землю. Въ настоящее же время они суть чандалы, отверженные или отвергнувшіе носители чувствъ мести и ненависти ко всему существующему, не уживающіеся въ тѣхъ, если угодно, «ямахъ», которыя имъ предлагаются существующими условіями, и населяющіе Мертвый Домъ Достоевскаго. Но этотъ исходъ не единственный, это только случай побѣды прирожденнаго «господина» рабскимъ обществомъ; возможенъ и противоположный исходъ, когда чандалъ, преступившій всѣ законы и всю мораль рабскаго общества, становится его дѣйствительнымъ господиномъ: таковъ былъ Наполеонъ. (Напомню, что и для Раскольникова въ «Преступленіи и наказаніи», считавшаго себя необыкновеннымъ изъ ряда вонъ выходящимъ человѣкомъ, имѣющимъ право «преступить», Наполеонъ былъ идеаломъ).

Я не думаю, конечно, излагать здѣсь всѣ взгляды Ницше и оставляю въ сторонѣ многое, очень многое, въ томъ числѣ подробности о «сверхъ-человѣкѣ», о проповѣди «любви къ дальнему» взамѣнъ «любви къ ближнему» и т. п. Все это не имѣетъ своей параллели въ произведеніяхъ г. Горькаго. Для насъ интересна здѣсь только психологія чандаловъ. И, полагаю, никто не усомнится признать разительное сходство ея съ психологіей героевъ г. Горькаго. Кто, какъ не Ницшевскіе прирожденные господа этотъ Челкашъ въ противоположность рабу Гаврилѣ, Соколъ въ противоположность Ужу, Кузька-Косякъ въ противоположность мельнику, Данко въ противоположность всему табору, удалецъ Сережка въ противоположность разной деревенщинѣ, даже отчасти Чижъ въ противоположность Дятлу, или Макаръ Чудра, который учитъ автора: «Что-жъ, онъ родился затѣмъ, что ли, чтобы поковырять землю, да и умереть, не успѣвъ даже могилы себѣ выковырять? Вѣдома ему воля? Жизнь степная понятна? Говоръ морской волны веселитъ ему сердце? Эге! Онъ рабъ какъ только родился и во всю жизнь рабъ».

Отмѣчу нѣкоторыя любопытныя детали. Ницше рекомендовалъ (въ «Morgenröthe») всѣмъ, кому тѣсно въ Европѣ и кто, конечно, чувствуетъ себя «господиномъ», удаляться въ дикія мѣста и тамъ основывать новыя государства, становясь во главѣ ихъ. Ницше, какъ сообщаютъ его біографы, и самъ одно время мечталъ о подобной роли. Не напоминаетъ ли это читателю мысленное переселеніе Коновалова на островъ Робинзона? Хотя Коноваловъ устра-

нялъ оттуда даже Пятницу, но, какъ я уже говорилъ, по всей вѣроятности, скоро пожалѣлъ бы объ этомъ. По крайней мѣрѣ, Мальва мечтаетъ или жить далеко въ морѣ въ полномъ одиночествѣ и, слѣдовательно, никому не подчиняться, или «завертѣть бы каждаго человѣка, да и пустить волчкомъ вокругъ себя», то есть себѣ подчинить.

Мы видѣли, что босяки г. Горькаго не особенно мягко относятся къ своимъ дамамъ и бьютъ ихъ. А Ларра, осужденный на одиночество, приходилъ брать у своихъ соплеменниковъ силкомъ «скотъ, дѣвушекъ, все, что хотѣлъ». Значитъ, присутствіе женщинъ не нарушало его одиночества, женщина въ счетъ не идетъ. Для Ницше женщина «низшая и опасная игрушка», высшей мечтою которой должна быть надежда родить сверхъ-человѣка. А мудрая старушка совѣтуетъ Заратустрѣ: «если ты идешь къ женщинѣ, не забудь захватить кнутъ». Но, конечно, и мудрая старушка, и самъ Заратустра сдѣлали бы исключеніе, напримѣръ, для Раллы, которая, будучи прирожденной «госпожей», столь же мало способна подчиниться Зобару, какъ и онъ ей.

Еще одно—и послѣднее—мелкое замѣчаніе, оправдать которое предоставляю самому читателю: кто читалъ статью Ницше «Vom Nutzen und Nachtheil der Historie für das Leben», тотъ можетъ принять разсказъ г. Горькаго о Чижѣ и Данкѣ чуть не за художественный комментарій къ этой статьѣ...

Что изъ всего этого слѣдуетъ? Прежде всего то, что больной нѣмецкій мыслитель-художникъ, произведенія котораго переполнены странностями, противорѣчіями, произвольными положеніями и выводами, но тѣмъ не менѣе высокообразованный и высокодаровитый, а нѣкоторые утверждаютъ даже геніальный, что этотъ мыслитель-художникъ можетъ занять мѣсто среди русскихъ Челкашей, Сережекъ, Кузекъ и прочихъ грубыхъ, пьяныхъ, преступныхъ, невѣжественныхъ героевъ г. Горькаго. Это не такъ странно, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Съ одной стороны, самъ Ницше различаетъ чандаловъ—обитателей Мертваго Дома и чандаловъ—Наполеоновъ, при чемъ различіе это устанавливаетъ не по существу, а по случайностямъ судьбы тѣхъ и другихъ; съ другой стороны, и въ коллекціи г. Горькаго есть не только Сережки и Кузьки, а и облитые поэтическимъ ореоломъ Зобары, Данки, Соколы, Ларры. Наконецъ, мы имѣемъ еще промежуточное звено въ лицѣ многихъ героевъ Достоевскаго, каковы не только обитатели Мертваго Дома, приближающіеся къ Сережкамъ и Челкашамъ, а и Ставрогины, Раскольниковы и проч., приближающіеся къ Зобарамъ, Ларрамъ, Наполеонамъ.

Повторяю, я отнюдь не утверждаю, что на г. Горькаго имѣлъ

вліяніе Ничше, и склоненъ, напротивъ, думать, что это именно совпаденіе, а не сознательное усвоеніе или безсознательное подражаніе. Вліяніе Достоевскаго можетъ быть достовѣрнѣе. Но во всякомъ случаѣ мы имѣемъ трехъ писателей, весьма различныхъ, повидимому, и по совокупности образа мыслей, и по степени таланта, и по формѣ работы, но сосредоточившихъ свое вниманіе на однихъ и тѣхъ же явленіяхъ душевной жизни, весьма мало изученныхъ. И, повидимому, эти явленія становятся все ярче, замѣтнѣе, потому что вотъ, по крайней мѣрѣ, въ Европѣ они нашли себѣ теоретическое обоснованіе и апологію въ ученіи Ничше.

Надо, однако, замѣтить, что физіономія Ничше представляетъ собою нѣчто чрезвычайно сложное и противорѣчивое, въ виду чего въ Европѣ, несомнѣнно переживающей нынѣ нѣкоторый духовный кризисъ, имъ интересуются, желаютъ опереться на него или причислить его къ своимъ люди чрезвычайно различныхъ направленій. Не говорю о тѣхъ, кто гонится за всякой новинкой, какова бы она ни была, лишь бы это было хронологически «послѣднее слово», и кого ни къ чему не обязываетъ это послѣднее слово, изъ котораго они, впрочемъ, и корысти никакой не извлекаютъ, а такъ себѣ, какъ перо на шляпѣ носятъ. Но вотъ, напримѣръ, нравственно распущенные люди, люди sans foi ni loi пожелали опереться на «имморализмъ» Ничше: и совершенно напрасно, потому что хотя онъ и самъ называлъ себя «имморалистомъ», но, въ сущности, онъ настоящій моралистъ, при томъ очень строгій, только его мораль рѣзко отличается отъ нынѣ общепризнанной. Въ Европѣ все растетъ разочарованіе въ общественныхъ формахъ, выработанныхъ ея исторіей, и не только реальныхъ, но и въ тѣхъ грядущихъ формахъ, которыя вырабатываются различными соціалистическими системами. Однимъ изъ плодовъ этого разочарованія является анархизмъ. Нѣкоторые изъ исповѣдующихъ анархизмъ и привѣтствовали Ничше. Они имѣли для этого нѣкоторое основаніе въ той части его ученія, которая безпощадно разрушаетъ всѣ, какъ реальныя, такъ и идеальныя общественныя формы, дескать, стѣсняющія и урѣзывающія личность, а также и еще кое въ чемъ. Но, узнавъ объ этомъ, Ничше вложилъ въ уста своему Заратустрѣ такія слова: «Есть люди, проповѣдующіе мое ученіе о жизни: и въ то же время это проповѣдники равенства и тарантулы. Я не хочу, чтобы меня смѣшивали съ этими проповѣдниками равенства». И дѣйствительно, трудно найти большаго ненавистника идеи равенства, чѣмъ Ничше. Его ученіе аристократическое durch und durch, какъ говорятъ нѣмцы. О рабочихъ онъ выражается такъ: «побралъ бы ихъ чортъ и статистика»; къ толпѣ, партіи, большинству, множеству, массамъ, народу онъ относится съ величайшимъ презрѣ-

ніемъ, не примыкая, однако, ни къ одному изъ существующихъ аристократическихъ теченій и, напротивъ, громя наличныя аристократіи рода и капитала. Однако, и въ этомъ отношеніи есть въ европейской литературѣ явленія, которыя можно поставить въ связь съ ученіемъ Ницше. Это, во-первыхъ, нѣкоторые отроги дарвинизма (какъ читатель могъ видѣть хотя бы изъ недавней нашей бесѣды о книгѣ «Von Darwin bis Nietzsche»). Это, во-вторыхъ, рядъ если не прямо аристократическихъ, то во всякомъ случаѣ анти-демократическихъ толкованій вопроса о «герояхъ и толпѣ» *). Наконецъ, и нѣкоторые декаденты не безъ основанія признаютъ Ницше своимъ, хотя должны бы это дѣлать съ большими оговорками.

Все это я говорю, какъ вообще въ виду растущаго у насъ интереса къ ученію Ницше **), такъ въ частности для убѣжденія читателя въ томъ, что усвоеніе той или другой стороны этого ученія, а тѣмъ болѣе совпаденіе съ одной изъ нихъ, отнюдь не обязательно влечетъ къ принятію всего Ницше. Въ данномъ случаѣ у насъ рѣчь идетъ, главнымъ образомъ, о нѣкоторыхъ темныхъ явленіяхъ душевной жизни, которыя въ нашей литературѣ разрабатывались Достоевскимъ совершенно самостоятельно и раньше Ницше; при чемъ общее міровоззрѣніе Достоевскаго рѣзко отличается отъ міровоззрѣнія Ницше и во многихъ отношеніяхъ даже прямо противоположно: если бы Ницше зналъ всего Достоевскаго, то, конечно, не отзывался бы объ немъ съ такою восторженностью, какъ теперь.

Что касается г. Максима Горькаго, то онъ еще слишкомъ молодъ (разумѣю, конечно, литературную молодость) и недостаточно опредѣлился, чтобы можно было судить, какъ объ его общемъ міровоззрѣніи, такъ и объ его дальнѣйшей литературной карьерѣ. Его талантливость, наблюдательность и оригинальность не подлежатъ сомнѣнію. Но все это можетъ въ будущемъ и расцвѣсть пышнымъ цвѣткомъ, и если не изсякнуть, то затеряться въ погонѣ за психологическими тонкостями, въ своего рода психологической гастрономіи, презирающей здоровое и питательное и ищущей остраго

---

*) Вопросъ этотъ очень занимаетъ европейскую литературу. Не говоря объ извѣстныхъ и русскимъ читателямъ сочиненіяхъ Тарда, Сиеле, Лебона, то и дѣло появляются на эту тему новыя книги и журнальныя статьи.

**) Въ самое послѣднее время, кромѣ журнальныхъ статей, появились: Алоизъ Рилль и Г. Зиммель, «Фридрихъ Ницше» (очеркъ Рилля появился и раньше, въ другомъ изданіи); Германъ Тюрекъ, «Философія эгоизма» (сокращенный и довольно произвольный переводъ отрывка изъ книги «Der gesunde Mensch»); «Графъ Л. Н. Толстой и Фридрихъ Ницше. Очеркъ философско-нравственнаго ихъ міровоззрѣнія», проф. Б. Г. Щетлова.

пряная, рѣдкаго и исключительнаго. Конечно, и рѣдкое вполнѣ достойно нашего вниманія тѣмъ болѣе, что оно часто оттѣняетъ собою и, слѣдовательно, уясняетъ общіе душевные процессы. Но психологическіе гастрономы, къ числу которыхъ и Достоевскій принадлежалъ, склонны, во-первыхъ, придавать исключительному слишкомъ общее значеніе, а, во-вторыхъ, искусственно и произвольно составлять разныя пикантныя комбинаціи.

«Декаденты—тонкіе люди. Тонкіе и острые, какъ иглы, они глубоко вонзаются въ неизвѣстное». Это говоритъ у г. Горькаго одинъ изъ героевъ разсказа «Ошибка» (II, 350). Я до сихъ поръ не касался этого страннаго разсказа, стоящаго особнякомъ въ двухъ томикахъ г. Горькаго, но ясно указывающаго, мнѣ кажется, на тѣ опасности, которыя грозятъ автору на его дальнѣйшемъ литературномъ пути. Декаденты (конечно, искренніе, потому что есть и просто ломающіеся, ради интересной позы) желали бы быть подобны тонкимъ и острымъ иглами, глубоко вонзающимся въ неизвѣстное, но въ дѣйствительности закутываютъ туманомъ и извращаютъ вычурностью часто даже вполнѣ извѣстное. И вотъ этотъ-то туманъ и эта вычурность вмѣсто искомой тончайшей правды грозятъ и г. Горькому. Онъ можетъ считать себя неотвѣтственнымъ за приведенную хвалу декадентамъ, потому что высказываетъ ее психически-больной Кириллъ Ивановичъ Ярославцевъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ Ярославцеву, такъ и другому дѣйствующему лицу, тоже психически-больному Марку Даниловичу Кравцову, приписаны мысли и настроенія, общія всѣмъ босякамъ г. Горькаго (хотя и Ярославцевъ, и Кравцовъ не босяки) и очевидно очень занимающія автора. Тутъ и «человѣкъ, къ жизни не причастный и отъ нея отторгнутый», и жажда подвига и афоризмъ: «жалость и жестокость! да вѣдь это два совершенно однородныя слова»; и желаніе «вывести вонъ изъ жизни всѣхъ тѣхъ людей, которые, не смотря на свои пятна, все-таки самые свѣтлые люди жизни», и предложеніе «выйти за границы жизни въ песчаныя необитаемыя пустыни», и т. д. Сомнѣваюсь, чтобы спеціалистъ психіатръ нашелъ картины болѣзни Ярославцева и Кравцова соотвѣтствующими дѣйствительности; думаю, что это совершенно произвольная психіатрія. А вмѣстѣ съ тѣмъ не выясняются и такъ занимающія г. Горькаго мысли и настроенія, потому что двое сумасшедшихъ, конечно, могутъ только запутать дѣло.

Остановимся хоть на одномъ пунктѣ. «Жалость и жестокость — два совершенно однородныя слова», и Ярославцеву «удивительно, какъ это до сей поры никто не замѣчалъ, что это синонимы по смыслу». Это одна изъ варьяціи на тему о границахъ наслажденія

и страданія. Но вотъ какъ иллюстрируетъ свой афоризмъ Ярославцевъ. Однажды въ деревнѣ онъ былъ свидѣтелемъ слѣдующей сцены: телка упала въ оврагъ и сломала себѣ переднія ноги: собралась толпа: она стояла вокругъ телки и больше съ любопытствомъ, чѣмъ съ состраданіемъ, наблюдала за ея движеніями и слушала ея стоны; подошелъ кузнецъ Матвѣй и, обругавъ «дурацьемъ» «любующихся» на страданія телки, ударилъ ее по головѣ желѣзной полосой и тѣмъ прекратилъ страданія. Ярославцевъ заключаетъ: «Вотъ онъ какъ жалѣлъ, этотъ Матвѣй! Можетъ быть онъ такъ же бы поступилъ и съ человѣкомъ безнадежно больнымъ. Морально это или не морально? Во всякомъ случаѣ это сильно, прежде всего сильно и потому оно морально и хорошо. Я люблю хорошее, и это морально; я слабъ и, значитъ, я хорошъ! Вотъ какъ!» — Я уже не говорю о полной безмыслицѣ послѣднихъ словъ, тутъ даже и разобрать ничего нельзя. Но возьмемъ самый фактъ, иллюстрирующій положеніе о тождественности жалости и жестокости. Ясно, что жестока была толпа, если она «любовалась» зрѣлищемъ страданій телки, и тутъ можно подозрѣвать загадочную смѣсь жестокости и состраданія, но кузнецъ Матвѣй очевидно не годится для иллюстраціи тождества жалости и жестокости. Жестокость причиняетъ страданіе или любуется на него, а кузнецъ обругалъ любующихся и прекратилъ страданіе. Нѣтъ, значитъ, никакого повода дѣлать изъ этого простого и яснаго факта что-то загадочное, таинственное, для проникновенія въ которое требуется тонкая и острыя иглы декадентства.

Интересное изреченіе Ярославцева: «это сильно, прежде всего сильно, и потому оно морально и хорошо». Это говоритъ психически больной человѣкъ, и слѣдовательно снять такъ звѣрь за это слова не отвѣтственъ. Но въ, что подымаетъ надъ окружающими всѣхъ босяковъ г. Горькаго,—очищенныхъ и неочищенныхъ, реальныхъ и легендарныхъ или символическихъ,—есть сила, и именно «прежде всего сила». Куда она направится, на величайшій ли подвигъ самопожертвованія или на величайшее, тоже фантастическое злодѣйство,—это вопросъ второй и даже, можетъ быть, безразличный: это сильно, *прежде всего* сильно и *потому* оно морально и хорошо». Такъ склонны смотрѣть всѣ босяки г. Горькаго, стирая общепринятыя, по крайней мѣрѣ на словахъ, границы между добромъ и зломъ и требуя, устами философствующаго отставного ротмистра Аристы Кувалды, «новыхъ» критеріевъ морали. Смѣлость и откровенность, съ которыми отверженцы ставятъ и даже практически разрѣшаютъ этотъ вопросъ, импонируютъ окружающимъ, а босякамъ очищенныхъ, легендарныхъ даже сообщаетъ блескомъ поэтическаго ореола. Оговорюсь, однако, что признаю вмѣстѣ съ нами

«прежде всего силу» верховнымъ критеріемъ морали, мы оказались бы во власти цѣлой сѣти недоразумѣній, изъ которыхъ остановимся на одномъ. Герои г. Горькаго «жадны жить», ищутъ «возбужденія *всей* души». Формы, въ которыхъ проявляется эта жадность, обусловливаются обстоятельствами времени и мѣста: если бы, напримѣръ, жизнь предлагала героямъ г. Горькаго не «ямы», а достаточное «возбужденіе всей души» на мѣстѣ, то имъ незачѣмъ было бы бродяжить. Какъ бы мы ни относились, однако, ко всѣмъ этимъ частностямъ, нельзя не остановиться на томъ, что изъ разнообразныхъ отношеній къ людямъ, какія могутъ «возбуждать душу», они выше всего ставятъ мотивы властнаго, повелительнаго воздѣйствія, которое способны доводить до жестокости и мучительства, и слѣдовательно роютъ другимъ возмутительнѣйшія «ямы»; а нѣтъ почему-нибудь поприща для такого воздѣйствія,—такъ и совсѣмъ не надо людей, можно и въ одиночку прожить, или же—смерть (вмѣстѣ со всѣмъ человѣчествомъ, какъ въ мечтахъ Кувалды и Орлова, или вмѣстѣ съ непокоряющимся субъектомъ, какъ въ случаѣ Зобара и Радды). «Жадность жить», требующая «возбужденія всей души», есть явленіе законное и желательное, дѣйствительно способное образовать собою психологическій фундаментъ высокой морали. Жалки люди, не знающіе этой жадности и соглашающіеся быть инструментами съ оборванными струнами: но если и признать, что Wille zur Macht, жажда власти, превосходства, есть необходимая струна человѣческой души, то все же она лишь одна изъ струнъ и при «возбужденіи *всей* души» ея звуки должны гармонически умѣряться иными звуками. Разъ мы это признаемъ, мы тотчасъ увидимъ несостоятельность тезиса: «Это прежде всего сильно и потому морально и хорошо»: увидимъ и разницу между дѣйствіями Данка, съ одной стороны, и Ларры—съ другой, между мечтой Орлова спасти Россію отъ холеры и его же мечтой перебить всѣхъ жидовъ или раздробить землю въ пыль. Пусть Данко руководился жаждою первенства и власти, когда шелъ впереди своихъ людей изъ лѣсу, освѣщая имъ путь своимъ горящимъ сердцемъ,—но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ сострадалъ этимъ людямъ, переживалъ ихъ жизнь: слѣдовательно, въ его душѣ звенѣла, по крайней мѣрѣ, одна лишняя струна по сравненію съ Ларрой, который оказался неспособнымъ переживать чужую жизнь и только желалъ «быть первымъ». Пусть честолюбіе было однимъ изъ мотивовъ Орлова, когда онъ хотѣлъ на смерть схватиться съ холерой, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ переживалъ жизнь видѣнныхъ имъ въ холерной больницѣ страдальцевъ: слѣдовательно, его жизнь была въ этотъ моментъ полнѣе, богаче, чѣмъ тогда, когда онъ, именно отъ пустоты жизни, мечталъ объ избіеніи жидовъ и раздробленіи земли. Разница, кажется, достаточно ясная

для того, чтобы мы могли, именно съ точки зрѣнія «жалости жить», отвергнуть положеніе: «это прежде всего сильно, а потому морально и хорошо». «Учитель» въ «Бывшихъ людяхъ» не забылъ римской исторіи и знаетъ, что «гольтепа создала Римъ». Согласился ли бы онъ съ приведеннымъ положеніемъ, если бы его ему иллюстрировали такъ: Неронъ сжегъ Римъ, распиналъ и отдавалъ на съѣденіе звѣрямъ разную «гольтепу», не отказывая себѣ, впрочемъ, въ удовольствіи казнить и знатныхъ, и богатыхъ, — это было сильно, а потому морально и хорошо; Спартакъ сплотилъ разную «гольтепу» и три года держалъ міродержавный Римъ въ страхѣ,—это было сильно, а потому морально и хорошо. Боюсь, что не пристрастенъ къ «гольтепѣ», довольно, впрочемъ, въ его положеніи естественному, «учитель» нашелъ бы, что никакія декадентскія иглы, какъ бы онѣ ни были остры и тонки, не сошьютъ эти два явленія въ однородное цѣлое.

Мнѣ кажется, что г. Горькаго одолѣваетъ нѣкоторая не совсѣмъ для него самого ясная идея: именно одолѣваетъ, не смотря на свою неясность, а можетъ быть благодаря этой неясности. И только когда онъ отъ ея гнета такъ или иначе освободится, — совсѣмъ ли ее отброситъ или вполнѣ овладѣетъ ею,— мы получимъ возможность окончательно судить о размѣрахъ и значеніи пріобрѣтенія, сдѣланнаго въ его лицѣ нашей литературой. Какъ ни несомнѣнно его знакомство съ изображаемымъ имъ міромъ, но слишкомъ подозрительна эта частая повторяемость однихъ и тѣхъ же (очень, впрочемъ, интересныхъ) мотивовъ, даже однихъ и тѣхъ же выраженій, словъ: тѣмъ болѣе подозрительна, что эти мотивы и выраженія г. Горькій предоставляетъ и не босякамъ: существамъ фантастическимъ и аллегорическимъ, а также двумъ сумасшедшимъ. Это свидѣтельствуетъ, я думаю, что къ своимъ наблюденіямъ г. Горькій прибавляетъ кое-что, имъ не наблюдавшееся, но его самого очень занимающее. Это бы еще не бѣда, но — да простится мнѣ грубоватое и можетъ быть не совсѣмъ удачное слово — г. Горькій еще не переварилъ того, что его такъ занимаетъ, не усвоилъ настолько, чтобы претворять въ образы и картины. Идея, занимающая автора, не сливается въ одно органическое цѣлое съ его наблюденіями, авторъ ее подсовываетъ своимъ дѣйствующимъ лицамъ. Отсюда многія художественныя безтактности, о которыхъ я уже упоминалъ и распространяться о которыхъ мнѣ не хочется.

Къ сожалѣнію, г. Горькому грозитъ въ будущемъ нѣчто гораздо худшее, чѣмъ эти реальныя безтактности, а именно — тонкія и острыя иглы декадентства, которыя въ дѣйствительности не только не тонки и не остры, а, напротивъ, очень грубы и тупы.

Но въ двухъ томикахъ г. Горькаго есть и совсѣмъ иного рода задатки. Босяки занимаютъ въ этихъ двухъ томикахъ столько мѣста и авторъ такими усиленными эффектами привлекаетъ къ нимъ вниманіе читателей, что неудивительно, если критика просто даже не замѣтила двухъ разсказовъ или очерковъ, не имѣющихъ къ босякамъ никакого отношенія, ни прямого, ни косвеннаго, ни реальнаго, ни аллегорическаго. Это, во-первыхъ, «Ярмарка въ Голтвѣ», — маленькій очеркъ, написанный безъ претензій на какую-нибудь глубину или «проникновеніе», бездѣлка, но вся пропитанная какимъ-то мягкимъ, свѣтлымъ юморомъ, производящимъ тѣмъ большее впечатлѣніе, что этого элемента совсѣмъ нѣтъ въ другихъ произведеніяхъ г. Горькаго. Это, во-вторыхъ, разсказъ «Скуки ради», гораздо болѣе серьезный и значительный по замыслу и истинно превосходный по исполненію. Самое чуткое ухо не услышитъ здѣсь ни одной фальшивой ноты, самая строгая рука не вычеркнетъ и не прибавитъ ни одного слова. И хотя тутъ нѣтъ ни одного босяка и никто не жалуется на «яму», но читатель и безъ авторскаго подсказыванія самъ скажетъ: какая яма! какая ужасная яма эта жизнь, въ которой «скуки ради» продѣлывается возмутительнѣйшее издѣвательство надъ людьми! Продѣлывается не злобно, а именно только скуки ради, какъ суррогатъ настоящей жизни. И сами эти жестокіе забавники, творящіе издѣвательство, но не вѣдающіе, что творятъ, вызываютъ, не смотря на свою отупѣлость, едва ли даже не больше сожалѣнія, чѣмъ ихъ жертвы: ибо и они, эти жестокіе забавники,—жертвы «ямы»... Разсказъ этотъ такъ цѣленъ и въ цѣльности своей хорошъ, что я не стану передавать его содержаніе или приводить отрывки изъ него,—и то и другое можетъ только ослабить впечатлѣніе.

Если къ этимъ двумъ задаткамъ, очень разной цѣны, но одинаково цѣльнымъ и законченнымъ, прибавить отдѣльныя страницы въ родѣ вышеупомянутой сцены пѣнія въ «Тоскѣ» и превосходные пейзажи, разсыпанные въ произведеніяхъ г. Горькаго, то станетъ ясно, что мы имѣемъ дѣло съ большой художественной силой. И неужели же этой силѣ суждено заглохнуть въ какой-нибудь нашей «ямѣ» или увѣровать въ тонкость и остроту декадентскихъ иголъ?

XVII [5]).

О шутахъ

Читатель ошибется, если пойметъ слово «шуты» въ переносномъ смыслѣ и разсчитываетъ найти подъ этимъ загадочкомъ бесѣду о тѣхъ многочисленныхъ и несомнѣнныхъ шутахъ, которые, однако, и не подозрѣваютъ, что играютъ шутовскую роль, да и другихъ иной разъ вводятъ въ заблужденіе. Въ высокой степени интересно было бы перелистать съ этой точки зрѣнія кое-какія страницы нашей литературы и жизни, всмотрѣться въ нѣкоторыя серьезнѣйшія физіономіи, классическія позы, благороднѣйшіе или граціозные жесты, вслушаться въ патріотическія или иныя, патетическія, строго-научныя и т. п. рѣчи... У Тургенева въ разсказѣ «Лебедянь» мимоходомъ является «господинъ высокаго роста съ благороднѣйшей осанкой,—по всѣмъ признакамъ шулеръ», который «произноситъ въ галстухъ: че-о-экъ,' а трубку!» Если надменная рѣчь и благороднѣйшая осанка отлично уживаются съ шулерствомъ, то тѣмъ паче совмѣстимы онѣ съ шутовствомъ. Шулеръ все-таки знаетъ, что онъ шулеръ, а шутъ и не подозрѣваетъ, до какой степени пошлъ его благороднѣйшій паѳосъ, до какой степени нелѣпы его граціозные жесты, до какой степени глупы его ученыя рѣчи, и изъ какого скверного картона сдѣланъ мечъ, которымъ онъ размахиваетъ. Онъ, напротивъ, увѣренъ, что его устами говоритъ сама наука, житейская мудрость или политическая проницательность, что онъ—само изящество; онъ даже вѣритъ въ свое благородство, когда, бія себя въ грудь, трепещущимъ голосомъ «о честности высокой говоритъ» и «самъ плачетъ, а мы всѣ... ка, бываетъ, что и мы, хоть и не «всѣ, рыдаемъ», тогда какъ должны бы были заливаться смѣхомъ...

Какъ ни интересны эти носители картонныхъ мечей, сутафер-

---

[5]) Ноябрь 1898 г.

скаго благородства и верблюжьей граціозности, не они насъ будутъ занимать, а настоящіе шуты, презираемые, но иногда и могучіе люди, сознательно бравшіе на себя шутовскую роль; тѣ самые, которымъ посвящена книжка Газо, недавно вышедшая въ русскомъ переводѣ г-жи Федоровой подъ заглавіемъ «Шуты и скоморохи всѣхъ временъ и народовъ».

Книжка Газо въ оригиналѣ появилась слишкомъ полтора десятка лѣтъ тому назадъ и уже эксплуатировалась въ русской литературѣ, а именно въ статьѣ г. П. П. «Шуты и скоморохи въ древности и въ новѣйшее время», напечатанной въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1888 годъ, въ которой были приняты въ соображеніе и нѣкоторые другіе источники. Что же касается перевода г-жи Федоровой, то я не сличалъ его съ французскимъ подлинникомъ страницу за страницей, но онъ, повидимому, можетъ служить образчикомъ нашего безцеремоннаго отношенія къ иностраннымъ писателямъ. Я ужъ не говорю о томъ, что г-жа Федорова превращаетъ Аполлинарія Сидонія въ «Сидонія Аполлинарскаго» (стр. 36), юрисконсульта въ «юриста-консула» (65) и т. п. Но въ переводѣ встрѣчаются ни чѣмъ не объяснимые пропуски. Напримѣръ, на стр. 39 читаемъ: «Шуты встрѣчались и при Карлѣ Великомъ, потому что еще въ то время была извѣстна шахматная игра, въ которой два шута сопровождаютъ короля. Подобный выводъ, конечно, очень остроуменъ, но кажется нѣсколько натянутымъ». Кого же собственно упрекаетъ Газо въ остроумномъ, но натянутомъ выводѣ? Самого себя? Дѣло въ томъ, что г-жа Федорова почему-то пропустила указаніе Газо на французскаго писателя прошлаго столѣтія, которому принадлежитъ «остроумный, но нѣсколько натянутый выводъ». Попадались мнѣ, при бѣгломъ пересмотрѣ, и другіе пропуски, въ которыхъ, однако, можетъ быть, и нельзя винить переводчицу. Но она не только сокращаетъ, а и распространяетъ подлинникъ. Распространено уже самое заглавіе книги, которое въ оригиналѣ состоитъ всего изъ одного слова: «Les bouffons». Это бы еще не бѣда, но переводчица распространяетъ и «предисловіе» и «заключеніе» автора, увеличивая и то, и другое примѣрно вдвое и даже абзацами не отдѣляя своихъ словъ отъ словъ Газо, такъ что неизвѣстно даже кому принадлежатъ эти предисловіе и заключеніе: французскому автору или русской переводчицѣ. Это ужъ совсѣмъ не хорошо. Газо не классическій какой-нибудь писатель, но все-таки нѣтъ резона ни навязывать ему мысли г-жи Федоровой, ни г-жѣ Федоровой присваивать его мысли себѣ. Нѣсколько страницъ, посвященныхъ въ книжкѣ Газо шутамъ въ Россіи, переводчица замѣнила особымъ дополненіемъ собственной работы. Это было бы очень хорошо, если бы г-жа Федорова отнеслась къ своему дѣлу

съ большимъ вниманіемъ и съ большею критикою. А то, напримѣръ, значительная часть ея «дополненія» занята извѣстными и неизвѣстными, но несомнѣнно выдуманными, подложными анекдотами о Балакиревѣ.

Сама по себѣ книжка Газо представляетъ собраніе фактовъ (главнымъ образомъ изъ французской жизни, освѣщенныхъ, однако, довольно скудно и плохо. Для Газо шуты «веселые и другихъ веселящіе люди», и только. По его мнѣнію, «всѣ шуты, домашніе, придворные, юродивые, поняли, какъ и безсмертный авторъ «Плутгреля», что веселье необходимо нашему бѣдному человѣчеству, и старались распространять это веселье вокругъ себя. Это ихъ большая заслуга. Благодаря имъ, съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ (depuis que le monde existe), смѣхъ, который Бюффонъ считалъ отличительнымъ признакомъ человѣческаго рода, не переставалъ разливаться на нашей планетѣ. Упрекнутъ ли насъ въ томъ, что мы видимъ въ этихъ людяхъ главнымъ образомъ весельчаковъ? Правда, нѣкоторые изъ нихъ, пользуясь своимъ положеніемъ и расположеніемъ къ нимъ государей, заставляли иногда послѣднихъ выслушивать истину, но надо признать, что въ роли реформаторовъ, искоренителей злоупотребленій, покровителей слабыхъ и притѣсняемыхъ шуты являлись чрезвычайно рѣдко». Существуетъ потребность въ смѣхѣ, весельи, и шуты удовлетворяютъ этой потребности. Они «весельчаки, rieurs», и въ этомъ заключается какъ причина, такъ и цѣль существованія шутовъ. Газо до такой степени увѣренъ въ этомъ исключительномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ всемірномъ (depuis que le monde existe) значеніи шутовъ, что, отмѣтивъ фактъ упраздненія революціей 1789 г. придворныхъ и домашнихъ шутовъ наравнѣ съ другими учрежденіями стараго порядка,—продолжаетъ: «Но революція не могла истребить въ человѣческомъ сердцѣ потребность смѣха, жажду развлеченія отъ печалей жизни, составляющія какъ бы основаніе человѣческой природы и въ особенности французскаго характера. Поэтому у шутовъ были свои преемники, увеселявшіе ужины разныхъ muscadins, incroyables и протеи золотой молодежи временъ директоріи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, сообщая всякія свѣдѣнія о шутахъ кавказскихъ князей и африканскихъ царьковъ, Газо пишетъ: «Уровень «времянной цивилизаціи» не мирится съ тѣми чисто грубыми развлеченіями, которыхъ нельзя избѣгнуть въ общеніи съ шутами и существами, лишенными природой, кофеи и знатные люди тоже въ моды, признаваемыя нынѣ утонченными. Кавказскіе и африканскіе шуты, представляющіе собою живыя въ нашихъ дворцахъ пугала, исчезнутъ, какъ только нравственный уровень этихъ странъ поднимется».

Изъ этого видно, что идеи Газо до сѣдмѣжу, впрочемъ, онъ

бросаетъ на длинный рядъ историческихъ шутовъ, — не дорого стоитъ. Факты, имъ самимъ приводимые, свидѣтельствуютъ о томъ, что видѣть въ шутахъ только веселыхъ и веселящихъ людей — по малой мѣрѣ односторонне. Односторонность эта ни мало не пополняется намекомъ на роль «реформаторовъ, искорениителей злоупотребленій, покровителей слабыхъ и угнетенныхъ», роль, которой, вообще говоря, шуты были чужды. Дѣло совсѣмъ не въ этомъ.

Характеризуя французскаго короля Генриха III, одинъ изъ его современниковъ говоритъ: «Что такое былъ Генрихъ, можно судить по этому нечистому животному, по этому ужасному чудовищу Сибило (шутъ Генриха). Нѣтъ ничего презрѣннѣе этого пьяницы, развратника и ругателя, однако король шумно веселился, глядя, какъ онъ, вооруженный палкой, съ пѣной у рта, на подобіе бѣшеной собаки, рыча какъ волкъ, нападалъ на встрѣчныхъ, какъ во дворцѣ, такъ и въ общественныхъ мѣстахъ». Газо заподозрѣваетъ вѣрность этого показанія, собственно потому, что авторъ его былъ враждебенъ Генриху. Это, конечно, не резонное соображеніе, да и въ картинѣ, нарисованной Жаномъ Буше (такъ звали упомянутаго современника Генриха III), нѣтъ ничего невѣроятнаго. Подобную же картину увеселеній нашихъ бояръ рисуетъ, напримѣръ, устами Артамона Матвѣева Островскій въ пьесѣ «Комикъ XVII столѣтія»:

Не стыдъ ли намъ, не грѣхъ ли потѣшаться
Калѣчествомъ, убожествомъ людскимъ?
На дураковъ смѣемся: эко диво,
Что глупъ дуракъ! А развѣ то умнѣе:
Сберемъ шутовъ, сведемъ ихъ въ кучу, дразнимъ,
Какъ дикихъ псовъ, пока не раздерутся,
И тѣшимся руганьемъ срамословнымъ
И дракою кровавой. То-ль забавы
Бояръ, думцовъ, правителей земли!

Извѣстно, что и гораздо позже бояре, думцы и правители земли увеселяли себя подобными зрѣлищами, и еще въ «Горѣ отъ ума» старуха Хлестова хвастаетъ своей шутихой:

Курчавая! Горбомъ лопатки!
Сердитая! Всѣ кошачьи ухватки!
Да какъ черна! да какъ страшна!
Вѣдь создалъ же Господь такое племя!
Чортъ сущій!..

Факты этого рода общеизвѣстны, и незачѣмъ прибавлять ихъ здѣсь (ниже они намъ, можетъ быть, еще понадобятся), чтобы устранить скептицизмъ Газо: Генрихъ III могъ веселиться, глядя на неистовства Сибило, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы самъ Сибило былъ веселый человѣкъ...

Гаэ очень съузилъ свою задачу, не касаясь художественныхъ изображеній шутовъ. Онъ ограничивается былымъ замѣчаніемъ, что Трибуле подлинный, историческій совсѣмъ не похожъ на Трибуле — героя драмы В. Гюго «Le roi s'amuse». Каждый писатель въ правѣ намѣчать предѣлы своей задачи и не выходить изъ этихъ предѣловъ. Но въ данномъ случаѣ нельзя не пожалѣть, что Гаэ оставилъ въ сторонѣ поэтическія воспроизведенія шутовъ. О жизни историческихъ шутовъ мы знаемъ и очень много, и очень мало. Мы имѣемъ, напримѣръ, точное описаніе «Ледяного дома» и вѣнчанія шута Голицына и шутахи Буженинова, имѣемъ подробное описаніе свадьбы Петровскаго шута Тургенева, знаемъ о шутахъ множество анекдотовъ (не всегда, впрочемъ, достовѣрныхъ), какими полна книжка Гаэ. Въ цѣломъ, какъ историческій матеріалъ, это даже слишкомъ большой грузъ, но за этой анекдотической пестротой легко проглядѣть психологію шута, вслѣдствіе чего и возможенъ, напримѣръ, такой итогъ, какой мы видимъ у Гаэ: шуты суть веселящіе весельчаки. Художникъ воссоздаетъ изъ этой разбитанной храмины цѣльный образъ. Это можетъ быть историкъ-художникъ, ни на шагъ не отступающій отъ фактическихъ данныхъ, но дополняющій ихъ пробѣлы своей творческой фантазіей, комбинирующей результаты его житейскихъ наблюденій вообще. Это можетъ быть и художникъ, не гоняющійся за историческою точностью, лишь бы онъ въ такомъ случаѣ не выдавалъ своихъ измышленій за фактически достовѣрныя, какъ выдаются за таковыя небывалые анекдоты о Балакиревѣ. Такія поэтическія созданія могутъ помочь уясненію извѣстныхъ явленій лучше, чѣмъ даже вполнѣ достовѣрные анекдоты, не говоря уже о недостовѣрныхъ.

Въ «Le roi s'amuse» Трибуле сравниваетъ себя съ своимъ убійцей Сальтабадилемъ:

> Nous sommes tous les deux à la même hauteur
> Une langue acérée, une lame pointue.
> Je suis l'homme qui rit, il est l'homme qui tue.

То есть, мы съ нимъ стоимъ другъ друга, язвительный языкъ, острый клинокъ, я — человѣкъ, который смѣется, онъ — человѣкъ, который убиваетъ. Пусть историческій шутъ Людовика XII и Франциска I никогда ничего подобнаго не говорилъ, но одна эта фраза возстановляетъ передъ нами цѣлый рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ, что смѣхъ и веселье совсѣмъ не одно и то же, что есть и смѣхъ язвительный, убивающій, сдѣлавательно, не весельевозбуждающій, при томъ не изъ веселаго сердца истекающій, а изъ мести, детоненависти, злобы. Надо замѣтить, что Гюго имѣлъ тѣмъ болѣе права выводить трагическую фигуру Трибуле, что исто-

рическія свѣдѣнія объ немъ крайне разнорѣчивы: одни рисуютъ его настоящимъ идіотомъ, другіе — въ высшей степени остроумнымъ и проницательнымъ человѣкомъ. Но что онъ жилъ въ какой-то атмосферѣ горя и мученій, объ этомъ говоритъ уже его прозвище. Звали его собственно Февріаль или Феріаль, а прозвище Трибуле происходитъ отъ исчезнувшаго глагола, отъ котораго въ современномъ французскомъ языкѣ осталось только существительное tribulation, что значитъ—скорбь, бѣда. И Газо думаетъ, что прозвище Трибуле по нынѣшнему надо переводить «souffre-douleur», горемыка.

Подчеркнутыя выше слова Трибуле: «l'homme qui rit» Гюго впослѣдствіи сдѣлалъ заглавіемъ одного изъ своихъ удивительнѣйшихъ произведеній, въ которомъ, можетъ быть, больше, чѣмъ гдѣнибудь отразились всѣ достоинства и всѣ слабости великаго французскаго поэта. Это, какъ извѣстно, исторія нѣкоего лорда Кленчарли, изуродованнаго въ дѣтствѣ, по приказанію короля, такъ, что его лицо имѣетъ видъ смѣющагося человѣка, каково бы ни было его настроеніе и какія бы трагическія положенія онъ ни переживалъ. Подъ именемъ Гвинплена онъ входитъ въ составъ бродячей труппы и увеселяетъ простонародную публику на площадяхъ и ярмаркахъ своей страшной гримасой какъ бы неудержимаго смѣха. Веселье вызываетъ онъ и въ палатѣ лордовъ, куда попадаетъ, когда открывается его происхожденіе, и гдѣ говоритъ пламенную рѣчь въ защиту униженныхъ и угнетенныхъ. Этотъ хохотъ палаты лордовъ при видѣ «человѣка, который смѣется» по неволѣ и по наружности, когда въ душѣ его кипитъ негодованіе и месть, принадлежитъ, не смотря на свойственную Гюго вычурность, къ числу поразительнѣйшихъ художественныхъ эффектовъ во всемірной литературѣ.

Я вспомнилъ Гвинплена по слѣдующему поводу. Газо оговаривается въ одномъ мѣстѣ, что онъ не касается исторіи театра. Однако, самый ходъ работы наводитъ его на нѣкоторыхъ актеровъ (преимущественно народныхъ театровъ), которые были «гораздо болѣе шутами, чѣмъ актерами». Въ числѣ такихъ славился въ свое время нѣкій Gros-Guillaume, называвшійся также La Fleur. Этотъ «Толстый Гильомъ» страдалъ какою-то болѣзнью, причинявшею ему страшныя мученія, но «каждое его появленіе на сцену вызывало веселость публики, принимавшей его вызванныя болью гримасы за шутовскія кривлянья» [1]). Вотъ подлинная житейская черта, кото-

[1]) Здѣсь будетъ кстати привести случай, разсказанный у Гримма. Къ знаменитому въ свое время врачу Шираку пришелъ больной. Выслушавъ его, врачъ, вмѣсто всякаго лѣкарства, далъ совѣтъ сходить въ итальянскую ко-

рую Гьто могъ сознательно или безсознательно положить въ основаніе своего Гвинплена, поднявъ ее, силою своей творческой фантазіи, до высшаго блеска и обставивъ ее сложной коллизіей историческихъ и вымышленныхъ фактовъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ это глубинная житейская черта,—въ особенности въ связи съ многимъ и многимъ другимъ, что мы еще увидимъ. Хорошо оттѣняетъ заключительныя слова книжки Гаво почему-то опущенныя въ русскомъ переводѣ: «черезъ ихъ (шутовъ) посредство смѣнявшіяся поколѣнія людей передавали одно другому факелъ веселья, въ немъ ихъ слава, и ея довольно съ нихъ».

Факелъ веселья!.. Можетъ быть... Но что руки, державшія этотъ факелъ, часто дрожали отъ физической боли или нравственной муки, отъ злобы или ужаса,—это уже не можетъ быть, навѣрное...

Въ моей памяти сохранился изъ дѣтской жизни образъ одного шута, настоящаго, форменнаго, въ пестрой одеждѣ и съ бубенчиками (быть можетъ это былъ послѣдній форменный шутъ). Онъ былъ крѣпостной. Былъ ли онъ остроуменъ или забавенъ, я не могу судить. Помню только одинъ его отвѣтъ на вопросъ, который ему, кажется, часто задавался: «Сколько верстъ отъ Костромы до Нерехты?» Шутъ говорилъ цифру. «Ну, а отъ Нерехты до Костромы?» Шутъ говорилъ совсѣмъ другую цифру и на новый вопросъ о причинѣ такой разницы съ ужимкой отвѣчалъ: «потому, тутъ проселкомъ». Надъ шутомъ смѣялись, дразнили его, но я его боялся, онъ казался мнѣ хитрымъ и злымъ. Думаю, что такъ онъ и былъ, но и злостью своею онъ долженъ былъ смѣшить. Другое воспоминаніе, гораздо болѣе позднее,—деревенская «дура». Любка, какъ ее называли въ селѣ, по просту сумасшедшая, какія и теперь часто по деревнямъ бродятъ. Есть мнѣніе, что дуры и дураки относятся къ сумасшедшимъ, по крайней мѣрѣ, смирнымъ, свободно разгуливающимъ подъ именемъ «дуракевъ», «дуръ», «юродивыхъ», съ особеннымъ уваженіемъ. Я не помню особенныхъ знаковъ уваженія къ Любкѣ, но не помню также, чтобы кто-нибудь изъ старыхъ мужиковъ ее обижалъ или дразнилъ. Но для молодежи, и особенно для ребятишекъ, она была настоящей пугихой: они доводили ее до бѣшенства, выражавшагося тѣмъ, что она ругалась, бросалась камнями, дѣлала безсмысленно непріличные жесты, и все это еще болѣе веселило публику, пока кто-нибудь изъ старшихъ не заступался за несчастную. И эта несчастная, безобразная грязная Любка стала матерью. Нашелся нетонкій, отвергнувшій нѣкі

медію и посмотрѣть на Арлекина, который своей веселой игрой разгонитъ болѣзнь. Господинъ докторъ отвѣчаетъ больной: «я самъ и есть самый Арлекинъ и есть».

ней то же издѣвательство, какое Ѳедоръ Карамазовъ совершилъ надъ Лизаветой Смердящей...

Эти два образа всплыли въ моей памяти при чтеніи заключительныхъ строкъ книжки Газо о преемственно, изъ поколѣнія въ поколѣніе передаваемомъ шутами факелѣ веселья. Но въ самой книжкѣ содержится не мало фактовъ въ родѣ того, что такого-то шута такой-то властный человѣкъ обѣщался избить палкой, а такого-то и дѣйствительно прибилъ; и прибилъ иной разъ, по понятіямъ своего времени, вполнѣ заслуженно, за слишкомъ «язвительный языкъ», за ту langue acérée, которую Трибуле драмы Гюго сравниваетъ съ lame pointue. Слѣдовательно, исторія шутовъ представляетъ собою не идиллію какую-то, въ которой одни веселятъ, а другіе веселятся. Шуты навѣрное гораздо рѣже веселились сами, чѣмъ веселили другихъ, но и другихъ они не только веселили: ихъ боялись, ихъ ненавидѣли, ихъ въ особенности презирали. За что презирали?

На этотъ послѣдній вопросъ Гюго, говоря о положеніи Гвинплена, отвѣчаетъ, съ свойственною ему трудно переводимою вычурною лапидарностью и парадоксальностью, такъ:

«Человѣкомъ владѣетъ мысль отомстить за доставленное ему удовольствіе. Отсюда презрѣніе къ комедіанту.—Это существо очаровываетъ меня, развлекаетъ, поучаетъ, восхищаетъ, внушаетъ мнѣ идеалъ, доставляетъ мнѣ удовольствіе и пользу,—какимъ зломъ я могу ему отплатить? Униженіемъ. Презрѣніе, это пощечина на разстояніи. Дадимъ ему пощечину. Оно мнѣ нравится, значитъ оно низко. Оно мнѣ служитъ, поэтому я его ненавижу. Гдѣ взять камень, чтобы бросить въ него? Жрецъ, дай свой. Философъ, дай свой. Боссюэтъ, отлучи его отъ церкви. Руссо, оскорби его. Ораторъ, плюнь въ него камнями, которыми набитъ твой ротъ. Медвѣдь, брось въ него свой булыжникъ. Забросаемъ каменьями дерево, собьемъ плодъ и съѣдимъ его. Браво! и долой! Декламировать стихи, это значитъ быть зачумленнымъ. Скуемъ скомороху цѣпи изъ его успѣха. Закончимъ его торжество свистками. Пусть онъ собираетъ толпу и остается одинокимъ. И такимъ-то образомъ богатые, такъ называемые высшіе классы изобрѣли для комедіанта аплодисментъ, какъ форму отчужденія.—Чернь не такъ жестока. Она не ненавидѣла Гвинплена. Она и не презирала его. Но послѣдній конопатчикъ послѣдняго экипажа на послѣднемъ суднѣ, стоящемъ въ послѣднемъ англійскомъ портѣ, считалъ себя неизмѣримо выше этого забавника «сволочи» и думалъ, что конопатчикъ настолько же выше паяца, насколько лордъ выше конопатчика».

Этотъ наборъ антитезъ и эффектныхъ словъ ничего, разумѣется,

не объясняет. Он даже не разъясняет, а только на разные лады повторяет и словесно распространяет в приложении къ актеру основное положеніе: человѣкъ мстит за оставленное ему удовольствіе. Это положеніе, можетъ быть, и защитимо до извѣстной степени: есть низкія души, для которыхъ чувство благодарности настолько непереносимо тяжело, что онѣ любое реагируютъ противъ его возникновенія: имъ кажется, что онѣ унижены сдѣланнымъ имъ добромъ (можетъ быть потому, что отплатить тѣмъ же онѣ не въ силахъ), и онѣ, при случаѣ, отплачиваютъ за это именно униженіе, а не то сдѣланное имъ добро. Отсюда многочисленныя жалобскія драмы на тему о змѣѣ, отогрѣтой на груди. Едва ли, однако, эта черта годится для объясненія явленій, о которыхъ говоритъ Гюго. Змѣя, отогрѣтая на груди, выжидаетъ удобнаго случая, до времени затаивая въ себѣ злобу, и уже злому не можетъ смотрѣть на отогрѣвшаго ее такъ искренно и просто сверху внизъ, какъ смотритъ «карманщикъ» на «скомороха» или «паяца». Въ этомъ послѣднемъ отношеніи мы имѣемъ нѣчто массовое, непосредственное и вмѣстѣ съ тѣмъ длящееся исторически, въ теченіе вѣковъ и поколѣній длящееся. Поэтому и корни его надо искать не въ случайныхъ комбинаціяхъ элементовъ индивидуальной души, а въ какомъ-то опредѣленномъ и, вѣроятно, очень далекомъ историческомъ прошломъ, которое уже утратило свой смыслъ, но, по пословицѣ le mort saisit le vif, держитъ въ своей власти людей помимо ихъ сознанія, какъ безсознательное переживаніе, какъ нѣчто себя пережившее.

Приведенная шумиха словъ Гюго ничего не объясняетъ, но въ ней вѣрно указанъ фактъ какого-то двоякаго отношенія къ шутамъ и актерамъ. Да простятъ мнѣ почтенные актеры это сопоставленіе, но я слѣдую за Гюго, который, трактуя о шутахъ, скоморохахъ, паяцахъ (histrion, saltimbanque), имѣетъ въ виду и тѣхъ, кто «отаревываетъ, коучетъ, вишетъ пасаль». И онъ совершенно правъ. Мудрено говорить объ исторіи шутовъ, не касаясь исторіи театра (сего я Гюго не вполнѣ удалось). Во всякомъ случаѣ двоякое отношеніе публики къ комикамъ и актерамъ. Не удивительно, если тетка комика Счастливцева, умная дѣвочка, считаетъ племянника «душѣ своей погубителемъ». — она никогда не бывала въ театрѣ и никогда не дойдетъ туда, потому что знаетъ, что театръ есть вмѣстилище грѣха и зла. Но и трагикъ Несчастливцевъ (мимоходомъ сказать, смѣшна смотрящій на комиковъ, какъ на «шутовъ») испытываетъ на себѣ презрѣніе Гурмыжской, которая въ театръ бывала, и Милонова, который чтитъ свое высокое и прекрасное и, конечно, не хуже Несчастливцева знаетъ, что «за одну сцену актеры платятъ тысячи своихъ зрителей». Отъ

уже гораздо болѣе удивительно. А между тѣмъ чуть не сквозь всю исторію театра проходитъ эта смѣсь восторга, очарованія, съ одной стороны, и презрѣнія — съ другой, вѣнковъ лавровыхъ и терновыхъ. Въ новой исторіи это особенно сильно сказалось во Франціи.

Въ 1730 году умерла, какъ говорили отъ отравы, знаменитая актриса Адріенна Лекувреръ. Передъ смертью къ ней явился католическій священникъ съ предложеніемъ отречься отъ профессіи, ее прославившей. Она не согласилась и слѣдствіемъ этого былъ отказъ хоронить ее по христіанскому обряду, хотя она была христіанка и даже завѣщала своей приходской церкви извѣстную сумму; ея трупъ не позволили похоронить даже въ томъ особенномъ мѣстѣ кладбища, гдѣ погребали младенцевъ, умершихъ безъ крещенія. Этотъ случай произвелъ много шуму, главнымъ образомъ, однако, въ виду слишкомъ ужъ большой популярности Адріенны Лекувреръ, а также въ виду того, что въ дѣло вступился Вольтеръ. Но «царю мысли XVIII вѣка» еще не разъ и потомъ пришлось выступать на защиту элементарнѣйшихъ человѣческихъ правъ актеровъ со всею свойственною ему въ такихъ случаяхъ энергіею. И «царь мысли» такъ и не дожилъ до эмансипаціи дѣятелей театральной сцены. Актеры были лишены не только христіанскаго погребенія, но считались недостойными и таинствъ покаянія, причащенія, брака. Такъ какъ гражданскій бракъ тогда не существовалъ, то актеры были осуждены, если они не хотѣли отречься отъ своей профессіи, на безбрачіе или внѣ-брачное сожительство со всѣми его послѣдствіями, въ числѣ которыхъ особенно тягостно была незаконность дѣтей. Любопытно, что не всѣ актеры находились въ такомъ положеніи: итальянская труппа и оперные пѣвцы почему-то не были отягощены этими ограниченіями. За то les comédiens du roi, съ которыхъ именно требовалось отреченіе, съ другой стороны — по гражданскому закону, не смѣли оставлять свою профессію: администрація держала ихъ въ ежовыхъ рукавицахъ, и отрекшагося могла силою заставить вернуться на сцену и, слѣдовательно, вновь подвергнуться церковному отлученію. Актеръ не имѣлъ никакихъ гражданскихъ правъ, не могъ быть, напримѣръ, свидѣтелемъ въ судѣ. Нѣкоторыя корпораціи, какъ корпорація адвокатовъ, извергали изъ своей среды даже тѣхъ, кто женился на актрисѣ или на дочери актрисы. За провинности актеры наказывались строго, а для актрисъ было назначено особенно унизительное тюремное заключеніе: въ Сальпетріерѣ, въ просторѣчіи называвшейся l'Hôpital. Здѣсь содержались проститутки, женщины и дѣвушки, арестованныя по жалобѣ родителей или мужей и т. п., арестанткамъ брили головы, спали онѣ на соломѣ и т. д. Правда, эта мѣра наказанія примѣнялась къ актрисамъ рѣдко; но все-таки примѣнялась. Ужасно было

уже то, что, напримѣръ, такой звѣздѣ какъ Клеронъ, пользовавшейся особымъ покровительствомъ и дружбой Вольтера, случалось слышать вопли театральной публики: «à l'hôpital la Claron!» Философскимъ выразителемъ этого презрительнаго отношенія къ актерамъ явился Руссо въ своей извѣстной Lettre sur les spectacles. Революція торжественно ввела актеровъ въ число полноправныхъ гражданъ; но, не говоря уже о томъ, что это далось не безъ борьбы, извѣстно, что формальное признаніе полноправности еще не ведетъ за собой, по крайней мѣрѣ, немедленно, соотвѣтственнаго измѣненія въ понятіяхъ, правахъ и обычаяхъ. И актеры испытали это на себѣ.

Приведенную маленькую горсточку фактовъ я взялъ изъ книги Мегра «Les comédiens hors la loi», въ которой читатель найдетъ ихъ гораздо больше. У него же найдемъ и оборотную, свѣтлую, пожалуй даже черезчуръ свѣтлую сторону медали. Мегра съ недоумѣніемъ отмѣчаетъ, что время вящшаго притѣсненія театральныхъ артистовъ и презрѣнія къ нимъ было вмѣстѣ съ тѣмъ и временемъ вящшаго увлеченія театромъ, восторговъ передъ его дѣятелями, избалованности актеровъ и актрисъ. Представители высшаго свѣта и воспитанницы женскихъ монастырей, офицеры и аббаты и сами устраивали спектакли, и посѣщали настоящіе театры, и находились въ постоянномъ общеніи съ актерами и актрисами. Каждое маленькое событіе въ театральномъ мірѣ волновало весь Парижъ. Та самая Адріенна Лекувреръ, тѣлу которой было отказано въ христіанскомъ погребеніи, была при жизни предметомъ всеобщихъ восторговъ и поклоненія. Клеронъ, сидя въ тюрьмѣ (не въ Сальпетріерѣ, впрочемъ), была посѣщаема разными королями и принцессами въ такомъ количествѣ, что, по свидѣтельству современника, улица, на которую выходила тюрьма, была цѣлый день загружена каретами. Ей посвящено множество стихотворныхъ посланій, стансовъ; въ честь ея выбивались медали; ей была предоставлена честь вѣнчать лаврами Вольтера въ день его апоѳеоза въ 1772 г. Когда актеръ Моле заболѣлъ, публика въ театрѣ требовала извѣстій о его здоровьѣ, самъ король посылалъ справляться о хотѣ болѣзни, и когда узнали, что врачъ предписалъ больному хорошее вино, то въ нѣсколько дней было прислано двѣ тысячи бутылокъ; а когда тутъ же стало извѣстно, что у Моле 20.000 ливровъ долгу, то въ пользу его былъ данъ спектакль, и подписка на этотъ спектакль, — въ которой, между прочимъ, участвовали четыре епископа, — дала 24.000 ливровъ. Какъ разъ во время болѣзни Моле заболѣла ученая обезьяна нѣкоего Николе, балаганнаго артиста, дававшаго свои представленія, конечно, не для королевъ и принцессъ. И посѣтители театра Николе точно тоже волновались, требовали

свѣдѣніи о болѣзни обезьяны и составляли въ пользу ея или ея хозяина подписку.

Все это кружило головы актерамъ. Они позволяли себѣ по отношенію и къ публикѣ въ цѣломъ, и къ отдѣльнымъ лицамъ, въ томъ числѣ и къ драматическимъ писателямъ, неслыханныя дерзости. Но, въ свою очередь, они, даже на верху своей славы и популярности, должны были быть всегда готовы,—не говоря уже о тюрьмѣ,—выслушать тоже крайнюю дерзость или даже подвергнуться физическому насилію. Вотъ два случая. Чиновнику, явившемуся арестовать Клеронъ, она сказала: «Я подчиняюсь велѣніямъ короля, мое имущество, моя личность, моя жизнь—въ его распоряженіи, но моя честь остается незапятнанною, надъ нею и король не властенъ» «Вы правы, сударыня,—отвѣчалъ чиновникъ,—гдѣ ничего нѣтъ, тамъ король теряетъ свои права». Другой случай. Актеръ Клерваль, вообще пользовавшійся расположеніемъ дамъ, находился, между прочимъ, въ связи съ графиней Стенвилль. Связь эта получила огласку, и Клерваль обратился за совѣтомъ къ своему товарищу Калльо: «Стенвилль грозитъ дать мнѣ сто палокъ, если я буду продолжать ходить къ его женѣ, а она обѣщаетъ двѣсти, если я перестану ходить: какъ быть?» «Слушайся жены,—посовѣтовалъ другъ,—все-таки у тебя сто палокъ въ выигрышѣ будетъ».

Это возвращаетъ насъ къ презрительному или вообще отрицательному отношенію къ театру и его дѣятелямъ.

Существуетъ мнѣніе, что отношеніе это представляетъ собою остатокъ или переживаніе той борьбы, которую когда-то вынуждено было вести христіанство съ язычествомъ. До извѣстной степени это вѣрно, и не удивительно, если на этомъ мнѣнія сходятся и тотъ французскій вольнодумецъ XVIII вѣка, который писалъ Клеронъ: Soit toujours païenne et sublime, и тотъ московскій безъимянный изувѣръ, который въ концѣ XIX вѣка пишетъ: «Оправдываютъ игру въ театрѣ и называютъ ее полезною и нравоучительною или безвредною или, по меньшей мѣрѣ, меньшимъ зломъ въ сравненіи съ пьянствомъ и распутствомъ и съ этою цѣлью стараются заводить повсюду театральныя зрѣлища. Не обольщайтесь: театръ усыпляетъ христіанскую жизнь, сообщая жизни христіанъ характеръ жизни языческой... Театръ—школа міра сего и князя міра сего—діавола». («Уроки благодатной жизни. О свѣтской жизни». Москва 1896, изданіе 2-е, стр. 17). Если подобные взгляды могутъ высказываться въ странѣ, гдѣ давно уже существуютъ Императорскіе театры, содержимые на государственный счетъ; гдѣ и церковныя власти ничего противъ театра не имѣютъ; гдѣ есть такіе драматурги, какъ Гоголь, Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Островскій; гдѣ успѣли сложиться славныя театральныя традиціи;—если, говорю, во

всеупыпание высказывается, при такихъ условіяхъ, вліяніе въ родѣ вышеприведенныхъ, то это свидѣтельствуетъ о крѣпкой живучести предразсудка. А предразсудокъ есть, по превосходному выраженію Баратынскаго, соломокъ древней правды, и нѣчто фактически вѣрное должно лежать въ его основаніи.

Потребность зрѣлищъ, какъ воспроизведенія интересныхъ кому-нибудь моментовъ жизни дѣйствительной, возможной и фантастической, есть исконная человѣческая потребность. Объ этомъ свидѣтельствуютъ военныя, свадебныя или любовныя, религіозныя игры, церемоніи и представленія, существующія и у низко стоящихъ народовъ. Этотъ первобытный театръ или, вѣрнѣе, эти элементы театра существовали и у языческихъ предковъ современнаго цивилизованнаго человѣчества, и естественно, что они враждебно столкнулись съ христіанствомъ. Не говоря уже о тѣхъ случаяхъ, когда христіанство распространялось силою меча, даже когда язычники внешнѣ искренно и добровольно отрекались отъ старыхъ вѣрованій, послѣднія, тѣсно переплетаясь со всѣми сторонами жизни, надолго оставляли свои слѣды въ нравахъ и обычаяхъ. Отсюда чрезвычайно сложная исторія взаимодѣйствія языческихъ и христіанскихъ началъ, ихъ взаимной борьбы и взаимныхъ уступокъ.

При столкновеніи двухъ религіозныхъ системъ возможны на первыхъ порахъ разные исходы. Кромѣ открытой борьбы, такъ сказать, по всему фронту или вражды скрытой, затаенной, возможно, во-первыхъ, двоевѣріе. Такъ нѣкоторые наши язычники инородцы, наравнѣ съ своими богами, чтутъ Николая Чудотворца; такъ ирландцы, уже крещенные, еще долго поклонялись священнымъ деревьямъ; такъ одинъ датскій король, отправляясь въ походъ, далъ обѣты единовременно Іисусу Христу и богу Брагафуллу и т. п. Возможно простое слитіе, амальгамація элементовъ. Такъ славянскій языческій скотій богъ Волосъ или Велесъ пріурочился въ народномъ сознаніи къ св. Власію, которому молятся о сохраненіи домашняго скота; такъ Илью пророка наравнѣ наѣляютъ атрибутами Перуна; такъ деревянная лодонь или святая вода употребляются при суевѣрныхъ обрядахъ несомнѣнно языческаго происхожденія и т. д. Я приведу первые попавшіеся примѣры, и читатель найдетъ ихъ гораздо больше и систематически подобранными у Сахарова, Афанасьева, Тихонравова и др. Тамъ же найдутся яркіе примѣры еще одного исхода: враждебные боги не отрицаются, какъ не существующіе, а признаются мощными, сверхъестественными, но злыми силами. Такъ прежніе боги, первоначально добрыя божества, становятся у христіанъ злыми, какъ Вельзевулъ въ Ветхомъ Завѣтѣ есть языческій богъ, а затѣмъ въ

сталъ дьяволомъ: то же случилось съ германскимъ Одиномъ или Вуотаномъ и т. д. При этомъ и служители этого злого начала признаются не какими-нибудь лжецами или просто безумными людьми или невѣжественными, или больными, — какъ мы теперь признаемъ шамановъ и т. п., — а людьми дѣйствительно сильными своимъ общеніемъ съ сверхъестественнымъ злымъ началомъ, кудесниками, колдунами, вѣдьмами и вѣдунами, «вѣщими» людьми.

Наши масляничные и рождественскіе ряженые, наши березки въ Троицынъ день и т. п. суть прямые отголоски языческой старины, хотя связь ихъ съ ней давнымъ давно забыта. Современная церковь не борется съ ними въ виду ихъ безвредности. Но наши проповѣдники XI и слѣд. столѣтій жестоко преслѣдовали хотя бы то же святочное и масляничное ряженье, справедливо видя въ немъ остатокъ язычества, съ которымъ связь этого остатка чувствовалась тогда, конечно, несравненно живѣе теперешняго. Это было языческое и потому «бѣсовское дѣйство», «сатанинскія игры»: «бѣсовское и кумирское личать, косматые и иными бѣсовскими ухищреньями содѣянные образы надѣвающе». Такъ же преслѣдовались и другіе первобытные элементы театра, въ виду ихъ несомнѣнно языческаго происхожденія, а также въ виду того, что сопровождавшіе ихъ шумное веселье и разгулъ противорѣчили аскетическому идеалу. Это теченіе мысли приводило, слѣдовательно, къ уравненію: языческое=бѣсовскому=веселому=разгульному, развратному. Соотвѣтственно этому и дѣйствующія лица зародышей народной драмы или первобытнаго театра должны были быть людьми веселыми, разгульными, и имѣть сношенія съ нечистою силой былыхъ языческихъ божествъ. Такъ оно и было: эти люди и назывались «веселыми», «скоморохами», а вмѣстѣ съ тѣмъ считались и сами себя часто объявляли колдунами. Не даромъ Островскій въ пьесѣ «Не такъ живи, какъ хочется» дѣлаетъ изъ Еремки «скомороха» и колдуна. Еще шагъ, — и скоморохъ отождествлялся прямо съ дьяволомъ. У насъ, впрочемъ, это отразилось, кажется, только въ равнозначительности поговорокъ «чортъ съ нимъ», «иди къ чорту» и «шутъ съ нимъ» и «иди къ шуту». Въ западной Европѣ это отождествленіе получило, какъ увидимъ, гораздо болѣе яркое выраженіе.

Западное духовенство боролось съ языческими зрѣлищами и другимъ путемъ. Оно пыталось противопоставить имъ зрѣлища христіанскаго характера въ самыхъ храмахъ, сдѣлавъ при этомъ значительныя уступки язычеству. У насъ духовная драма появилась лишь въ XVII столѣтіи. Разницу между ею и западными мистеріями и послѣдствія этой разницы хорошо указываетъ Тихонравовъ («Начало русскаго театра»): «Мистерія, особенно позднѣй-

шаго времени, не могла похвалиться единствомъ и выдержанностью идеи: она не производила въ зрителяхъ цѣльнаго, опредѣленнаго настроенія: рядомъ съ событіями евангельской исторіи разыгрывались шутовскіе эпизоды изъ обыденной дѣйствительности, или же просто только что сыгранная сцена изъ жизни святого пародировалась самымъ циническимъ образомъ. Русская духовная драма XVII вѣка уклонялась отъ подобныхъ вставокъ. Она, можетъ быть, выигрывала черезъ это въ единствѣ и выдержанности идеи, но, сохраняя свой сурово-архаическій стиль, она стояла внѣ всякаго соприкосновенія съ животворными элементами народной жизни и поэзіи».

Достойно вниманія, какъ поступала наша духовная драма въ тѣхъ случаяхъ, когда ей приходилось прибѣгать къ инороднымъ элементамъ. Въ такъ называемомъ «пещномъ дѣйствѣ» изображалось ввержение въ печь трехъ вавилонскихъ отроковъ (Ананіи, Азаріи и Мисаила) и спасеніе ихъ ангеломъ. Представленіе давалось въ храмѣ. Роль слугъ Навуходоносора, то есть язычниковъ, ввергающихъ отроковъ въ печь, исполняли особые скоморохи, называвшіеся «халдеями». Это были веселые и разгульные люди, получавшіе отъ патріарха за недѣлю до Рождества разрѣшеніе давать въ Москвѣ шутовскія представленія. Пользуясь этимъ, они производили всякія безчинства, и по окончаніи своей миссіи подвергались обряду очищенія. Веселое, безчинное и языческое и здѣсь, значитъ, сливались какъ бы въ одно понятіе. Въ Малороссіи, гдѣ были сильнѣе западныя вліянія, существовала и народная духовная драма, такъ называемая «вертепная». Здѣсь допускались уклоненія и вставки, невозможныя въ Москвѣ. Такъ, напримѣръ, въ пьесѣ, изображавшей поклоненіе волхвовъ, передъ появленіемъ на сценѣ Ирода исполнялись малороссійскіе танцы, выходилъ цыганъ съ медвѣдемъ и т. п.

На западѣ народное веселье со всѣмъ своимъ языческимъ отпечаткомъ прорывалось въ духовную драму съ гораздо большею силою и вторженіе это принимало иногда даже маловѣроятныя въ наше время формы. Ко времени распространенія христіанства западная Европа была уже знакома не съ зачатками театра и съ разнообразными публичными зрѣлищами, вошедшими въ привычку, о чемъ свидѣтельствуетъ уже знаменитый крикъ: «хлѣба и зрѣлищъ!» Зрѣлища эти, часто кровавыя и безстыдныя, при томъ же посвященныя языческимъ божествамъ, естественно вызывали протесты со стороны представителей христіанской церкви, которые, однако, тщетно, боролись на этомъ полѣ съ язычествомъ. Впослѣдствіи духовенство измѣнило тактику. Оно само стало устраивать въ храмахъ и около храмовъ зрѣлища на библейскія и евангель-

скія темы, но потомъ должно было отказаться отъ этой инициативы. Дѣло въ томъ, что въ средѣ самого католическаго духовенства, преимущественно низшаго, были люди, которымъ строгій и аскетическій идеалъ былъ не по плечу и въ которыхъ вдобавокъ еще не вымерли языческія преданія. Вслѣдствіе этого къ христіанскимъ праздникамъ пріурочивались переживанія языческихъ—сатурналій, луперкалій. Извѣстнѣе другихъ французскій праздникъ шутовъ, дураковъ, называвшійся также праздникомъ осла, праздникомъ невинныхъ и т. д. (fête des fous, de l'ane, des innocents). На этихъ дикихъ празднествахъ, длившихся нѣсколько дней подрядъ и окончательно уничтоженныхъ лишь въ 1547 году, совершались въ храмахъ невѣроятныя безобразія и кощунства: плясали, пѣли вакхическія пѣсни, играли въ карты и кости, жгли въ кадильницахъ изрѣзанныя старыя подошвы и проч. «Въ нашемъ вѣкѣ, часто упрекаемомъ въ непочтительности къ церкви,—говоритъ Роскофъ (Geschichte des Teufels),—то, что совершалось на этихъ увеселеніяхъ, возмутило бы всѣ слои общества». Своимъ чередомъ на улицахъ и площадяхъ забавляли народъ странствующіе фигляры, паяцы, шуты.

Въ Германіи не было ничего подобнаго праздникамъ шутовъ, но въ ея духовную драму разнузданно веселый элементъ проникалъ съ другой стороны. Такъ, напримѣръ, при изображеніи Страстей Господнихъ фигурировалъ площадной шарлатанъ лѣкарь (опять-таки скоморохъ и «вѣдунъ»), продававшій мазь для бальзамированія тѣла Христова и разсыпавшій при этомъ площадныя шутки и прибаутки. Все это, по справедливому замѣчанію Тихонравова, не могло, конечно, способствовать выдержанности духовной драмы, но давало выходъ народному наивному юмору.

Но самое интересное для насъ,—это появленіе на сценѣ чорта. Въ нашей русской, собственно духовной драмѣ дьяволъ и его мѣсто жительства—адъ никогда не являлись (см. объ этомъ у Тихонравова). Въ Европѣ же онъ долженъ былъ представлять собою злое начало, въ концѣ концовъ побѣждаемое и посрамляемое; но вмѣстѣ съ тѣмъ народный юморъ съ языческимъ еще отпечаткомъ нашелъ себѣ въ его лицѣ лазейку на театральную сцену. Дьяволу разрѣшалось всякое издѣвательство, шутовство, насмѣшки, площадныя выраженія, рѣзко чуждою нотою врывавшіяся въ общій строгій тонъ драмы, но въ зрителяхъ того времени возбуждавшія не негодованіе, а веселый смѣхъ. Дьяволъ исполнялъ роль шута. Если же, въ концѣ концовъ, онъ посрамлялся и всѣ его хитрости и злобности обрушивались на его же дьявольскую голову, то это лишь способствовало окончательной выработкѣ фигуры шута,—онъ же вѣдь и «дуракъ». Въ результатѣ шутъ и дьяволъ слились въ

одно лицо. «Дьяволъ и шутъ были въ западной драмѣ однимъ и тѣмъ же лицомъ, — говоритъ Тихонравовъ. — Нѣмецкій Hanswurst не иное что, какъ перерожденный дьяволъ старой мистеріи». — Изъ фигуры дьявола смѣхотворнаго, — говоритъ въ вышеупомянутой книгѣ Роскофъ (см. вообще главу «Der Teufel auf der Bühne»)— развился «дуракъ», шутъ, а изъ него нѣмецкій Гансвурстъ, такъ долго владѣвшій сценой».

Читатель видитъ, въ какой мѣрѣ и въ какомъ смыслѣ можно говорить о языческомъ характерѣ театра и о томъ, что театръ есть «школа міра сего и князя міра сего—дьявола». Вмѣстѣ съ тѣмъ разъясняются для насъ причины двойственнаго отношенія, если не къ театру и театральнымъ дѣятелямъ вообще, то, по крайней мѣрѣ, къ шутамъ, скоморохамъ и къ театру постольку, поскольку онъ изъ скоморошества развился. Въ массѣ обращенныхъ въ христіанство не могло сразу уничтожить языческаго человѣка, тѣмъ болѣе, когда суровые представители высокаго ученія преслѣдовали всякое веселье, со включеніемъ музыки и мірской пѣсни: это было не по плечу массѣ. И въ душѣ средняго человѣка естественно получилось раздвоеніе. Природныя склонности ума и сердца, унаслѣдованныя отъ длиннаго ряда предковъ, всосанныя съ молокомъ матери, воспитанныя всѣмъ строемъ жизни, тянули его къ землѣ и къ земнымъ наслажденіямъ въ той грубой формѣ, какая въ тѣ времена была доступна; а новое ученіе властно предписывало презирать эти наслажденія и бѣжать ихъ, какъ зла, какъ грѣха, какъ остатка язычества и исчадія ада. Шутъ, скоморохъ съ своими шутовскими «дѣйствами» сталъ поэтому какимъ-то желаннымъ отверженцемъ, презрѣннымъ или даже ненавистнымъ любимцемъ. Zwei Seelen wohnen in der Brust не одного Фауста. Это явленіе гораздо болѣе обыкновенное, чѣмъ мы привыкли думать, и дѣло не такъ стояло, что вообще одна часть населенія привѣчала скомороховъ, а другая—гнала и презирала. Это справедливо лишь до извѣстной степени. Конечно, были и эти рѣзко противоположныя крайности, но средній человѣкъ, разгульно веселясь со скоморохами одною стороною своей души, — другою ихъ презиралъ, какъ отраженіе своихъ собственныхъ страстей, признанныхъ порочными; просвѣтленный новымъ ученіемъ, онъ презиралъ въ нихъ самого себя, но разстаться съ ними не могъ. Иванъ Грозный, какъ иниціаторъ Стоглаваго собора,—если онъ дѣйствительно былъ его иниціаторомъ,— громилъ всякое «глумотворство» и «еллинское бѣсованіе», но это не мѣшало ему проводить время съ глумотворами, что временами перебивалось рѣзкими взрывами покаянія. Къ характеристикѣ скомороховъ, какъ людей презрѣнныхъ, отвержендевъ общества, надо еще прибавить особенности ихъ нравовъ и образа жизни. Шуты

боярскіе, великокняжескіе, царскіе, вообще придворные, какъ въ Европѣ, такъ и у насъ, были собственно слуги, главная обязанность которыхъ была увеселять, но которые исполняли и другія служебныя обязанности и иногда пользовались особеннымъ довѣріемъ. Объ нихъ у насъ еще будетъ рѣчь. Что же касается бродячихъ скоморохъ, то, будучи, пожалуй, служителями «князя міра сего, они въ извѣстномъ смыслѣ были люди именно не отъ міра сего. Они не сѣютъ, не жнутъ, они люди бездомные или оставившіе свою осѣдлость и не брегущіе ею, люди случайнаго заработка и беззаботные: сегодня здѣсь, завтра тамъ, сегодня море разливанное, завтра ѣсть нечего, сегодня почетъ, завтра позоръ. Отсюда безпорядочность нравовъ и заслуженно недобрая слава. Но они же несутъ съ собой веселье, смѣхъ...

Поскольку Гансвурстъ съ братіей участвовали въ созданіи драмы, можно и на актеровъ вообще перенести вышеприведенное объясненіе двойственнаго отношенія публики. Но если *только* борьбою христіанства съ язычествомъ объяснять отрицательную сторону отношенія къ театру и его дѣятелямъ, то надо ожидать, что въ языческомъ мірѣ актеры пользовались полнымъ почетомъ. Мы, однако, этого не видимъ. То двойственное отношеніе къ театру и актерамъ, образцы котораго мы приводили изъ исторіи Франціи XVII, XVIII столѣтія, является точнымъ сколкомъ съ положенія дѣлъ въ языческомъ Римѣ. Начатковъ римскаго театра слѣдуетъ искать въ религіозныхъ торжествахъ, которыя были настоящими сценическими представленіями. Участіе въ этихъ представленіяхъ не клало ни малѣйшаго пятна на участниковъ: напротивъ, они пользовались всеобщимъ почетомъ, но это и были не актеры по профессіи, а жрецы и вѣрующіе. Но съ теченіемъ времени зрѣлища утратили постепенно свое исключительно религіозное значеніе, продолжая, однако, конечно, отражать въ себѣ языческій характеръ эпохи. Вмѣстѣ съ тѣмъ явились настоящіе актеры съ тѣмъ двойственнымъ къ нимъ отношеніемъ общества, которое мы видѣли и во Франціи, и которое Франція, очевидно, просто получила въ наслѣдство отъ Рима. Римскіе актеры стояли въ гражданскомъ отношеніи на одной линіи съ выгнанными со службы солдатами, уличными ворами и уличенными клеветниками. Они не могли занимать какую-нибудь почетную должность и подлежали тѣлесному наказанію: не только сыновья и дочери сенаторовъ, но и ихъ внуки и правнуки не могли вступать въ бракъ съ дочерьми и сыновьями актеровъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ актеры разнаго рода, равно какъ и гладіаторы, и возницы въ конскихъ ристалищахъ, были предме-

томъ восторгомъ. Нѣкоторые изъ нихъ достигали высокаго общественнаго положенія, имѣли огромный успѣхъ у женщинъ, были воспѣваемы поклонниками, вызывали въ обществѣ страстныя распри и занимали весь Римъ отъ верхняго края до нижняго своими успѣхами или неуспѣхами. Не только высшіе сановники, но сами императоры выступали на сцену, соперничая съ прославленными «виртуозами».

Все это нашимъ извѣстно, и я приведу для иллюстраціи лишь одинъ характерный эпизодъ изъ Лѣтописи Тацита. По поводу какихъ-то безпорядковъ въ театрѣ—разсказываетъ суровый историкъ—была рѣчь въ сенатѣ и высказывались мнѣнія, что преторамъ должно быть предоставлено право сѣчь розгами актеровъ. Народный трибунъ, Гатерій Агриппа, протестовалъ противъ этого, но встрѣтилъ порицаніе въ рѣчи Азинія Галла. Тиберій, который предоставилъ сенату эти призраки свободы, хранилъ при этомъ молчаніе. Однако, протестъ трибуна одержалъ верхъ на томъ основаніи, что божественный Августъ однажды высказалъ, что актеры не подлежатъ сѣченію розгами, и ему, Тиберію, не подобаетъ преступать его заявленіе. Было сдѣлано много постановленій относительно мѣры ихъ вознагражденія и противъ распутства ихъ поклонниковъ. Изъ нихъ наиболѣе замѣчательны слѣдующія: сенаторы не должны входить въ дома пантомимовъ; когда они появляются въ публичномъ мѣстѣ, всадники не должны окружать ихъ или ухаживать за ними въ другомъ мѣстѣ, кромѣ театра; преторамъ предоставляется право наказывать ссылкой нескромное поведеніе зрителей».

Этотъ эпизодъ хорошо характеризуетъ обѣ стороны дѣла, и его одного достаточно, чтобы спросить себя: почему же и въ языческомъ Римѣ актеры были желанными отверженцами или презрѣнными любимцами? Лишь очень немногое изъ сказаннаго выше можетъ намъ помочь въ разрѣшеніи этой загадки. И въ Римѣ, какъ во всякомъ сложномъ и много жизненныхъ ступеней перешагнувшемъ обществѣ, были люди двойной совѣсти и двойной морали, горѣли страсти, которыхъ — по существу, по формѣ или по степени напряженности — стыдились сами ихъ носители. И если актеръ изображалъ именно эти страсти, то естественно, что на него переносилась та доля презрѣнія и стыда, которую зритель питалъ къ самому себѣ. Это мы уже видѣли, говоря о скоморохахъ, и понятна эпитафія, сочиненная самому себѣ однимъ знаменитымъ римскимъ мимомъ: «Я приводилъ въ трепетъ того, кого представлялъ, онъ видѣлъ во мнѣ своего двойника; я нерѣдко женщины, которыхъ я изображалъ въ моей игрѣ (въ I. въ женскія роли исполняли мужчины), краснѣли и приходили въ замѣшательство». И это, опе-

видно, мало для полнаго объясненія занимающаго насъ явленія; мало и того факта, что и въ Римѣ существовали бродячія труппы, своимъ образомъ жизни вызывавшія отрицательное къ себѣ отношеніе.

Дѣло объясняется очень просто, если вспомнить, что римскіе актеры разныхъ наименованій, также какъ и гладіаторы, и возницы конскихъ ристалищъ были въ большинствѣ или рабы, или военноплѣнные, или греки, азіаты, африканцы, вообще инородцы, пользовавшіеся презрѣніемъ римлянъ. Это фактъ общеизвѣстный, но обыкновенно говорятъ, что презираемую профессію римляне предоставляли презираемымъ общественнымъ элементамъ. Но такимъ образомъ презрѣнность самой профессіи остается безъ всякаго объясненія. Она, эта презрѣнность, какъ мы видѣли, совершенно понятна у христіанскихъ народовъ на тѣхъ ступеняхъ развитія, когда театръ былъ остаткомъ язычества и его дѣятели слугами дьявола. Но почему бы могла стать презрѣнною сама по себѣ профессія актера въ Римѣ? Въ Греціи актеры рекрутировались не изъ рабовъ, и профессія актеровъ пользовалась почетомъ. Такъ было и въ древнѣйшій періодъ римскаго театра, но затѣмъ эстетически бѣдный, но жадный до зрѣлищъ Римъ свалилъ актерскую профессію на рабовъ, военноплѣнныхъ и инородцевъ, и какъ только это произошло, такъ и профессія стала презрѣнною, а актеры — тѣми презрѣнными любимцами и желанными отверженцами, какими мы ихъ знаемъ. Такимъ образомъ, рабство, право принужденія и обязанность повиновенія, и національная надменность были тѣми источниками, изъ которыхъ, кромѣ вышеупомянутыхъ, изливалась волна презрѣнія на актеровъ. Само собою разумѣется, что и въ христіанскихъ странахъ эти моменты могли вливать свою каплю яду въ существованіе сценическихъ дѣятелей, на-ряду съ воспоминаніями о языческомъ происхожденіи театра. Такъ, иностранное происхожденіе организаторовъ «комидійнаго дѣйства» и «шпильманской хитрости» въ Москвѣ при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ и затѣмъ при Петрѣ, конечно, не способствовало развитію въ московскихъ людяхъ уваженія къ актерамъ, равно какъ и знаменитые въ прошломъ столѣтіи помѣщичьи театры, труппы которыхъ составлялись изъ крѣпостныхъ.

На этомъ мы покончимъ съ актерами, о которыхъ заговорили лишь, такъ сказать, по дорогѣ, и сосредоточимся на шутахъ.

Заглянувъ въ давно оставленную нами книжку Газо, читатель найдетъ тамъ относительно римскихъ придворныхъ шутовъ очень скудныя и бѣглыя указанія. Мы не погонимся за пополненіемъ

ихъ и остановимся только на одномъ эпизодѣ, въ высшей степени характерномъ и много освѣщающемъ.

Въ первое сицилийское возстаніе рабовъ (138 до Р. Х.) во главѣ возставшихъ былъ сирійцъ Эвнъ, принявшій титулъ царя и имя Антіоха. Малый продувной, онъ разными нехитрыми фокусами убѣдилъ своихъ товарищей по рабству, что имѣетъ сношенія съ богами и обладаетъ даромъ пророчества. Между прочимъ, онъ предсказывалъ, что будетъ царемъ. Не скрывалъ онъ этого пророчества и отъ своего господина, который обратилъ его въ шута: заставлялъ его при гостяхъ повторять свое пророчество, и гости забавлялись, задабривая его, какъ будущаго царя, угощеніями. Пророчество исполнилось. Эвнъ сталъ царемъ, хотя и самозваннымъ. Въ 132 г. его войско было разбито, самъ онъ укрылся въ пещерѣ, гдѣ его и взяли въ плѣнъ вмѣстѣ съ его поваромъ, баньщикомъ и шутомъ... Случай этотъ интересенъ не только какъ свидѣтельство распространенности въ Римѣ обычая держать шутовъ, — въ этомъ отношеніи шуты, окружавшіе цѣлыми толпами какого-нибудь Суллу или Антонія, были бы пожалуй интереснѣе. Но художникъ могъ бы сдѣлать изъ судьбы Эвна канву для произведенія необычайной глубины и силы. Этотъ сирійскій рабъ, подготовляющій среди разноплеменныхъ товарищей возстаніе пророчествомъ о своемъ царствѣ, не отказывающійся отъ роли шута и усыпляющій при ея помощи бдительность господина; этотъ рабъ-шутъ, мечтающій о царствѣ и подавляющій въ себѣ бурю мстительныхъ чувствъ; наконецъ, этотъ рабъ-шутъ-царь, самъ заводящій себѣ шута,—какая это роскошная тема...

Но и вообще, если смотрѣть на шута не исключительно какъ на веселаго человѣка, увеселяющаго другихъ, то онъ становится высоко интереснымъ художественнымъ сюжетомъ. И художники не отказывались отъ этой темы. Пересмотримъ нѣкоторыя изъ произведеній, посвященныхъ ей цѣликомъ или отчасти, заранѣе, однако, разрѣшая себѣ и экскурсіи въ область дѣйствительности, если таковыя понадобятся.

Изъ міровыхъ писателей едва ли не больше всего шутовъ у Шекспира. Но это одна изъ условностей тогдашней сцены и въ большинствѣ случаевъ Шекспировскіе шуты мало интересны. Исключеніе составляютъ Горикъ и шутъ короля Лира. «Бѣдный Горикъ» не является на сценѣ: есть только его черепъ, дающій поводъ для злобнаго воспоминанія могильщика о томъ, какъ шутъ вылилъ ему однажды на голову бутылку вина, и благодарныхъ воспоминаній Гамлета. «Это былъ человѣкъ съ безконечнымъ юморомъ и дивной фантазіей... Тысячу разъ носилъ онъ меня на плечахъ... Тутъ были уста, я цѣловалъ ихъ такъ часто, вспоминаетъ Гамлетъ,

разсматривая черепъ:—Гдѣ теперь твои шутки, твои ужимки? Гдѣ пѣсни, молніи остротъ, отъ которыхъ всѣ пирующіе хохотали до упаду? Кто съостритъ теперь надъ твоей же костяной улыбкой?» Изъ этихъ немногихъ чертъ довольно ясно воспроизводится образъ Іорика: шутъ, можетъ быть, не всегда и не для всѣхъ пріятный своими грубыми выходками, но преданный своимъ господамъ, заразительно веселый и богатый тѣмъ безстрашіемъ юмора, которое дозволило бы ему даже надъ собственною «костяною улыбкою» посмѣяться, если бы это было возможно: при этомъ онъ не столько слуга, сколько другъ дома, который носитъ дѣтей на рукахъ и котораго дѣти цѣлуютъ. Эту преданность Шекспиръ доводитъ въ шутѣ короля Лира до высшей степени, подводя подъ комическую рѣчь шута, пеструю, какъ его костюмъ, однообразно трагическую подкладку горя и сочувствія.

Совсѣмъ иного рода шутомъ могъ бы быть великолѣпный Фальстафъ, но будетъ натяжкой, хотя и соблазнительной, освѣщать его съ этой точки зрѣнія. Гораздо меньшей натяжкой было бы притянуть къ сонму шутовъ всѣхъ Маскарилей, Станарелей, Скапеновъ Мольера, Фигаро Бомарше и, осмѣлюсь прибавить,—Гетевскаго Мефистофеля. Но я ограничусь лишь нѣсколькими замѣчаніями. Въ числѣ всемірно извѣстныхъ шутовъ народныхъ театровъ видное мѣсто занимаетъ Арлекинъ. Онъ—итальянскаго происхожденія, онъ назывался также Zannio и былъ прямымъ продолженіемъ римскаго народнаго шута Zannio. Это былъ ловкій и хитрый рабъ, гораздо умнѣе своего господина, котораго онъ постоянно надувалъ. Въ этой наивной формѣ народъ находилъ удовлетвореніе своей демократической гордости и мстительному чувству. Ту же демократическую миссію воспринялъ отъ своего предка и Арлекинъ, болѣе или менѣе остроумно, болѣе или менѣе грубо высмѣивая, къ вящшему удовольствію нетребовательныхъ зрителей, представителей разныхъ классовъ общества Арлекинъ, утвердившійся послѣ Италіи въ особенности во Франціи, не разъ мѣнялъ свой обликъ, но, конечно, не былъ уже подобно римскому Санніо рабомъ. Онъ былъ слугой и не разъ посрамлялъ своего барина своимъ умственнымъ превосходствомъ, но—замѣчательная черта—не во вредъ ему лично: напротивъ, онъ именно своимъ изворотливымъ умомъ постоянно выручалъ его, отличался вообще преданностью и находилъ удовлетвореніе въ своемъ превосходствѣ, хотя и прикидывался простоватымъ дурачкомъ. Таковы же и слуги въ пьесахъ Мольера. Въ Фигаро этотъ типъ достигъ высшаго развитія. Безкорыстно преданный своимъ господамъ, графу, а потомъ и графинѣ Альмавива, Фигаро, оказываетъ имъ множество неоцѣненныхъ услугъ своимъ бойкимъ умомъ и острымъ языкомъ, но умѣетъ сочетать эту личную преданность съ враждой

ко всему приближающемуся къ концу старому порядку, во имя демократическихъ принциповъ. Что касается Мефистофеля, то вѣдь и онъ слуга, почти рабъ при жизни Фауста, и онъ умнѣе своего господина, и онъ шутъ, разсыпающійся въ злобныхъ остротахъ и парадоксахъ. И когда Фаустъ пушкинскій говоритъ: «мнѣ скучно, бѣсъ», Мефистофель обязанъ приискивать ему развлеченія. Быть можетъ, въ Мефистофелѣ слились тѣ два теченія, — христіанское и языческое, — изъ которыхъ одно связало шута съ дьяволомъ, а другое съ рабомъ...

Обратимся къ Виктору Гюго, создавшему наиболѣе яркія фигуры шутовъ и наиболѣе интересныя для нихъ положенія. Ланжели изъ драмы «Маріонъ де Лормъ» отмѣтимъ только ради той характеристики его жизни, которую дѣлаетъ Людовикъ XIII:

Скажи, ну стоитъ ли на свѣтѣ жить
Лишь для того, чтобъ развлеченьемъ
Больному королю служить,
По приказанію то плакать, то смѣяться,
И словно куклою давать собой вертѣть,
Да именемъ шута позорнымъ называться
На старости-то лѣтъ? Не лучше-ль умереть?

(Переводъ Каншина).

Ланжели играетъ въ драмѣ лишь пассивную роль тайнаго и робкаго врага Ришелье. Не такъ герой драмы Le roi s'amuse. Объ историческомъ Трибуле разсказываютъ, между прочимъ, что когда однажды, въ отвѣтъ на его дерзость, какой-то вельможа пообѣщалъ побить его палкой, онъ пожаловался королю. Францискъ его успокоилъ: «не бойся ничего: если кто-нибудь посмѣетъ такъ поступить съ тобой, то будетъ повѣшенъ спустя четверть часа». Шутъ возразилъ: «ахъ, кузенъ, такъ Трибуле называлъ Франциска, лучше бы его повѣсить четверть часа раньше». Достовѣренъ этотъ анекдотъ или нѣтъ, но онъ хорошо рисуетъ одну сторону положенія придворнаго шута. Подъ покровомъ милости своего господина шутъ могъ безнаказанно разсыпать свои langue aсérée оскорбленія направо и налѣво, сѣя вмѣстѣ съ тѣмъ сѣмена ненависти къ себѣ, ненависти тѣмъ болѣе напряженной, что она была безсильна и должна была выжидать благопріятнаго случая для мести или даже только для обнаруженія. Трибуле драмы Гюго пользуется этой безнаказанностью въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Онъ дерзко издѣвается надъ вельможами двора Франциска I, не останавливаясь передъ ядовитой и грубой насмѣшкой и надъ величавымъ герцомъ де Сенъ-Валлье, и надъ ожидаемымъ женихомъ де Конде. Спрашивается, изъ какого источника льется эта неутомимая злоба и ненависть?

Трибуле называетъ себя «un homme de peuple, un serf, un rustre.» Это черта типическая. За немногими исключеніями, когда въ шуты попадали люди болѣе или менѣе высокаго происхожденія, они выходили изъ низшихъ слоевъ общества. Кромѣ того, Трибуле физическій уродъ. И это опять типическая черта, объ чемъ подробнѣе будемъ говорить ниже. Затѣмъ шутъ могъ быть или человѣкомъ большого остроумія, тонкаго и проницательнаго ума, или же, напротивъ того, человѣкомъ прямо слабоумнымъ, глупыя выходки котораго забавляли именно своею глупостью. Гюго сдѣлалъ своего Трибуле умницей. Въ великолѣпномъ—слишкомъ, какъ это часто бываетъ у Гюго, великолѣпномъ—монологѣ второго акта Трибуле раскрываетъ передъ зрителями мрачныя глубины своей души. Въ первомъ актѣ онъ велъ себя, какъ «собака, спущенная на умирающаго льва», и оскорбленный отецъ Діаны Пуатье проклялъ его и его господина, Франциска. Это проклятіе не даетъ покою Трибуле. Онъ раздумывается о своей судьбѣ. «Природа и люди—говоритъ онъ—сдѣлали меня очень злымъ, очень жестокимъ и по истинѣ очень подлымъ». У него нѣтъ права, которое имѣетъ всякій нищій, рабъ, каторжникъ,—права не смѣяться, когда хочется плакать. «Полный отвращенія къ своему уродству, ревнивый ко всякой силѣ и всякой красотѣ, окруженный блескомъ, въ которомъ онъ становится еще темнѣе», онъ иногда, свирѣпый и одинокій (farouche et seul), хотѣлъ бы выплакать душу, но является его господинъ, молодой красавецъ, могущественный и жизнерадостный, и говоритъ, зѣвая: «шутъ, посмѣши меня!» Шутъ долженъ многое возникающее въ его душѣ, подавлять въ зародышѣ и заглушать звономъ бубенчиковъ умъ, который хочетъ мыслить». Никто не считаетъ его за человѣка, а женщины и за мужчину. Но за то какою же ненавистью онъ всѣмъ имъ платитъ! Онъ—«черный демонъ совѣтникъ господина», злой духъ, внушающій ему злыя мысли, оскорбительныя слова, жестокіе поступки. Его душа полна мести и оскорбленной гордости. Той преданности своему господину, которую мы видѣли въ Іорикѣ, шутѣ короля Лира, въ Арлекинѣ, затѣмъ въ мольеровскихъ слугахъ и Фигаро,—въ Трибуле нѣтъ и слѣда, онъ ненавидитъ и Франциска. Но и у этого несчастнаго чудовища есть свѣтлый и чистый уголокъ въ душѣ и въ жизни. Это—его дочь, дочь и воспоминаніе о ея матери, полюбившей его, всѣми презираемаго урода. И когда эта единственная свѣтлая точка его существованія оказывается оскверненною,—месть и гнѣвъ яростнымъ потокомъ прорываются наружу. На одну минуту онъ повѣрилъ было въ возможность размягчить сердца столь часто оскорбленныхъ имъ вельможъ двора Франциска, но, убѣдившись въ тщет-

[illegible] этой надежды, [illegible] стоявшего [illegible], какъ [illegible] самъ Трибуле.

Трибуле—уродъ! Гвинплэнъ, [illegible] человѣкъ, который смѣется.—еще болѣе уродъ, притомъ уродъ искусственный. У Атиллы былъ шутъ, описаніе наружности котораго сохранилось: это былъ кривлотти, безносый карликъ, заика и идіотъ, сохранившій и сознаніе того веселья, которое возбуждалъ на пирахъ Атиллы своей жестокій капризъ природы. Но не только какіе гунны забавлялись особыми хотячими нагроможденіями несчастія,—это [illegible] [illegible]ема и гораздо болѣе позднимъ временамъ, и гораздо болѣе цивилизованнымъ народамъ. И когда не хватало естественныхъ, врожденныхъ уродовъ, ихъ фабриковали искусственно. Любопытное слѣдующее сопоставленіе греческаго писателя III вѣка, Лонгина. «Подобно тѣмъ ящикамъ, въ которые замыкаютъ пигмеевъ, въ зрестерѣчіи называемыхъ карликами, и которые не только задерживаютъ ихъ ростъ, но еще и уменьшаютъ ихъ, рабство есть родъ тюрьмы, въ которой душа уменьшается». (Заимствуя эту цитату изъ книжки Эд. Гарнье «Les nains et les geants»). Но тѣмъ не менѣ въ остроумномъ сопоставленіи фабрикаціи уродовъ съ одной стороны и рабства съ другой, а въ дѣйствительной связи этихъ двухъ явленій. И Гюго правъ, когда, начиная разсказъ о компрачикосахъ—фабрикантахъ уродовъ XVII вѣка, замѣчаетъ: «Для всеобъемлющаго взгляда исторіи компрачикосы связаны съ огромнымъ фактомъ рабства». Компрачикосы покупали и похищали дѣтей и дѣлали изъ нихъ людей, «законъ существованія которыхъ былъ чудовищно простъ: позволеніе страдать, приказаніе забавлять». Для производства этихъ существъ была выработана цѣлая наука, а Гюго сравнитъ подлинный рецептъ, по которому былъ изуродованъ Гвинплэнъ: «Bucca fissa usque ad aures, genzivis denudatis, naseque attrahato, nasca eris, et ridebis semper».

Et ridebis semper... Нужна была вся необузданная роскошь фантазіи Гюго, чтобы создать этотъ своего рода апоѳеозъ шута, этого лорда по рожденію, преданнаго и изуродованнаго въ дѣтствѣ, этого великодушнаго и гордаго человѣка, потѣшающаго толпу своимъ вѣчнымъ видимымъ смѣхомъ, когда въ душѣ его невидимо волнуется высокія и грозныя чувства: «это окаянное дитя до любви, вновь становящееся горемъ и вызывающее въ залѣ горсть неистовый смѣхъ не сдерживаемый своей громовой рѣчи, и это же лечебное отверженіе на своемъ лицѣ et semper ridebis».

Цѣлъ, не факелъ веселья перетекали шуты изъ поколѣнія въ поколѣніе. Веселье, отъ нихъ исходящее, плетъ въ мірѣ необузданной жестокости съ одной стороны, сдержанной мести съ другой...

Въ нашей художественной литературѣ нѣтъ яркихъ и сгущен-

ній шутовъ. Есть шуты во многихъ историческихъ драмахъ и романахъ, но это фигуры, такъ сказать, аксессуарныя и блѣдныя по самому замыслу авторовъ. Я припоминаю лишь очень немного произведеній, въ которыхъ дѣло стоитъ или могло бы стоять иначе. Это, во-первыхъ, «Ледяной домъ» Лажечникова, гдѣ есть и извѣстныя родины козы шута Педрилло и еще болѣе извѣстная свадьба шута Кульковскаго-Голицына. Но занятый борьбою Волынскаго съ Бирономъ и любовной исторіей княжны Маріорицы, Лажечниковъ отодвинулъ шутовъ далеко отъ центра романа и касается ихъ лишь внѣшнимъ образомъ. Въ драмѣ г. Аверкіева «Слобода Неволя» скоморохъ Угаръ, по прозванью Бѣсъ, стоитъ, пожалуй, въ центрѣ, рядомъ и даже въ соперничествѣ съ самимъ Иваномъ Грознымъ, но все это произведеніе слишкомъ слабо, чтобы на немъ останавливаться.

Интереснѣе «Плодомасовскіе карлики» покойнаго Лѣскова, представляющіе собою нѣчто рѣзко отличное отъ всего, что мы до сихъ поръ видѣли. Напомню одинъ изъ разсказовъ карлика Николая Афанасьевича. Его барыня, Марѳа Андреевна Плодомасова, познакомилась съ генеральшей Вихіоровой, у которой была карлица, «чухоночка» Метта Ивановна, еще меньше его, плодомасовскаго карлика. Говорили, что она карлица «не натуральная, а свинцомъ будто опоенная». Какъ бы то ни было, но госпожа Плодомасова захотѣла купить у генеральши Вихіоровой Метту Ивановну, а та въ свою очередь хотѣла пріобрѣсти Николая Афанасьевича, и обѣ съ одинаковою цѣлью: женить уродцевъ и получить отъ нихъ такихъ же дѣтей. Но ни та, ни другая не хотѣла уступить, ссорились, расходились, опять сходились и забавлялись уродцами вмѣстѣ. Вотъ одна изъ забавъ. «Были у насъ—разсказываетъ Николай Афанасьевичъ—медвѣжьи платьица, изъ коричневой фланели, вродѣ чехловъ, сшиты. Всунутъ насъ, бывало, въ нихъ будто руку въ перчатку, ничего, кромѣ глазъ, и не видно, а на макушечкахъ такія суконныя завязочки ушками подѣланы, треплются. Но въ этихъ платьицахъ насъ на улицу не посылали, потому тамъ собаки—разорвать могли, а велятъ, бывало, одѣться, когда обѣ госпожи за столомъ кофей кушаютъ, и чтобы во время ихъ кофею на коврѣ противъ ихъ стола бороться. Метта Ивановна пресильныя были, даромъ что женщина, но я, бывало, если имъ хорошенько подножку дамъ, онѣ сейчасъ и слетятъ, но только, впрочемъ, я это рѣдко дѣлалъ: я всегда Меттѣ Ивановнѣ больше поддавался, потому что мнѣ ихъ жаль было по ихъ женскому полу, да и генеральша сейчасъ, бывало, въ ихъ защиту, собачку болонку кличутъ, а та меня за голеняшки, а Марѳа Андреевна этого не снесутъ и разсердятся».

Все это и многое другое въ томъ же родѣ Николай Афанасьевичъ разсказываетъ съ умиленіемъ, какъ свѣтлое воспоминаніе. Въ немъ нѣтъ и тѣни того мстительнаго чувства, которое мы видѣли въ Трибуле и Гвинпленѣ; но и преданность его очень отличается отъ преданности шута короля Лира, не говоря уже о мольеровскихъ слугахъ или тѣмъ паче Фигаро. Тѣ умѣли постоять за себя своей langue acérée и своимъ изворотливымъ умомъ. Николай же Афанасьевичъ рабъ насквозь, рабъ непринужденный. Безспорно такіе типы были возможны въ доброе старое время. Но подозрительно, что ни у одного изъ слушателей воспоминаній плодомясовскаго карлика не прорывается ни у одного скорбнаго или негодующаго замѣчанія, хотя бы въ томъ скромномъ родѣ, что хорошо, дескать, что это былье́мъ поросло. Нѣтъ, умиленіе разсказчика передается слушателямъ и по поводу женитьбы уродца для приплода такихъ же уродцевъ, и по поводу того, что собака хватала его «за голеняшки» и т. д. Они радуются тому, какъ это тепло, «наитеплѣйше» выходитъ у него разсказъ о претерпѣнныхъ имъ издѣвательствахъ, совершенно какъ бы то были добрыя дѣла, достойныя благодарной памяти. И авторъ, очевидно, стоитъ на той же идиллической точкѣ зрѣнія...

Есть у Лѣскова еще разсказъ «Скоморохъ Памфалонъ». Но это не самостоятельное произведеніе, а передѣлка старинной легенды, не художественное отраженіе жизни, а облеченная въ беллетристическую форму мораль: лучше быть скоморохомъ и забавлять гетеръ и пьяницъ шутовствомъ, но при этомъ имѣть доброе, отзывчивое сердце, чѣмъ удаляться въ пустыню отъ міра, хотя бы и съ возвышеннѣйшими цѣлями самосовершенствованія.

Скоморохъ Памфалонъ всегда веселъ, добръ и великодушенъ. Такой скоморохъ теоретически возможенъ, какъ возможенъ и уродъ-шутъ, съ умиленіемъ вспоминающій о томъ, что его хотѣли женить для приплода и натравляли на его «голеняшки» собаку. Но Памфалонъ настолько все-таки рѣдкость, что на него одного во всемъ мірѣ было указано пустынножителю Ермію, когда тотъ пожелалъ видѣть людей, «иже добре Богу угождаютъ и въ книгу жизни вѣчной вписаны». А что касается благодарности за искусанныя голеняшки, такъ, я думаю, никто не усомнится признать ее рѣдкимъ явленіемъ. Вообще говоря, атмосфера около шута и въ его собственной душѣ должна быть много сложнѣе и, по крайней мѣрѣ, не безъ мрачныхъ чертъ. А у насъ есть писатель, къ которому всегда слѣдуетъ обращаться, когда идетъ рѣчь о сложныхъ и мрачныхъ явленіяхъ душевной жизни. Это—Достоевскій. Вотъ кто нашелъ бы широкое поприще для своего жестокаго таланта въ вышеупомянутой исторіи шута-колдуна-раба Эвна, становящагося

царемъ Антіохомъ и заводящаго своего собственнаго шута. Вотъ кто и плодомасовскихъ карликовъ изобразилъ бы, можетъ быть, однако, именно только можетъ быть, потому что тутъ могли замѣшаться сторонніе мотивы не по-лѣсковски. Но у Достоевскаго нѣтъ шутовъ... Да, форменныхъ, настоящихъ шутовъ, какъ Горикъ, Трибуле, плодомасовскіе карлики и проч., у Достоевскаго нѣтъ. Но у него есть, напримѣръ, Ѳома Опискинъ («Село Степанчиково и его обитатели»).

Ѳома Ѳомичъ Опискинъ гдѣ-то служилъ, пробовалъ себя въ литературѣ, но ему ничто не удавалось и наконецъ онъ поступилъ къ нѣкоему генералу Крахоткину «въ качествѣ чтеца и мученика». Не было униженія, котораго бы онъ не перенесъ изъ-за куска генеральскаго хлѣба. Правда, впослѣдствіи, по смерти генерала, когда Ѳома сдѣлался вдругъ важнымъ и чрезвычайнымъ лицомъ, онъ не разъ увѣрялъ насъ всѣхъ, что, согласясь быть шутомъ, онъ великодушно пожертвовалъ собою дружбѣ... что если онъ, Ѳома, и изображалъ собою, по генеральскому востребованію, различныхъ звѣрей и иныя живыя картины, то единственно, чтобы развлечь и развеселить удрученнаго болѣзнями страдальца и друга. Но увѣренія и толкованія Ѳомы Ѳомича, въ этомъ случаѣ, подвергаются большому сомнѣнію». Во всякомъ случаѣ, съ перемѣною обстоятельствъ по смерти генерала Крахоткина, Ѳома Опискинъ тотчасъ же почувствовалъ, что прошла его роль шута и что на безлюдьи и Ѳома можетъ быть дворяниномъ». «Наверсталъ таки онъ свое прошедшее! Низкая душа, выйдя изъ-подъ гнета, сама гнететъ. Ѳому угнетали—и онъ тотчасъ же ощутилъ потребность самъ угнетать: надъ нимъ ломались—и онъ самъ сталъ надъ другими ломаться, онъ былъ шутомъ и тотчасъ же ощутилъ потребность завести и своихъ шутовъ».

По поводу Ѳомы Опискина Достоевскій предается нѣкоторымъ общимъ размышленіямъ и спрашиваетъ: «Увѣрены ли вы, что тѣ, которые уже совершенно смирились и считаютъ себѣ за честь и счастіе быть вашими шутами, приживальщиками и прихлебателями,—увѣрены ли вы, что они уже совершенно отказались отъ всякаго самолюбія? А зависть, а сплетни, а ябедничество, а доносы, а таинственныя шипѣнія въ заднихъ углахъ у васъ же, гдѣ-нибудь подъ бокомъ, за вашимъ же столомъ? Кто знаетъ, можетъ быть въ нѣкоторыхъ изъ этихъ униженныхъ судьбою скитальцевъ, вашихъ шутовъ и юродивыхъ, самолюбіе не только не проходитъ отъ униженія, но даже еще болѣе раскаляется именно отъ этого же самаго униженія, отъ юродства и шутовства, отъ прихлебательства и вѣчно вынуждаемой подчиненности и безличности. Кто знаетъ, можетъ быть, это безобразно выростающее самолюбіе есть только

ложное, первоначально извращенное чувство собственнаго достоинства, оскорбленнаго въ первый разъ еще, можетъ въ дѣтствѣ, притомъ, бѣдностью, грязью, оплеваннаго, можетъ быть, еще въ лицѣ родителей бушующаго скандала, на его же глазахъ?

Въ томъ же «Селѣ Степанчиковѣ» фигурируетъ старикъ Ежевикинъ, играющій родъ шута, по мнѣнію его дочери, ради нея, въ дѣйствительности же, корчитъ онъ изъ себя шута просто изъ внутренней потребности, чтобы дать выходъ накопившейся злости. Потребность насмѣшки и *язвы* была у него въ крови. Онъ карикатурилъ, напримѣръ, изъ себя самаго подлаго, самаго низкопоклоннаго льстеца: но въ то же время ясно выказывалъ, что дѣлаетъ это только для виду: и чѣмъ унизительнѣе была его лесть, тѣмъ язвительнѣе и откровеннѣе проглядывала его насмѣшка...

Но не пора ли кончить? Читатель можетъ быть уже давно думаетъ, что книжка Гаво совсѣмъ не такова, чтобы стоила не поводу ея вести столь пространную бесѣду. Это вѣрно, но я льщу себя надеждой, что читатель пробѣжалъ не безъинтересную страницу изъ исторіи смѣха..

XVIII *).

Памяти Я. П. Полонскаго.

Въ 8-й книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1867 г. появилась статья Полонскаго «Прозаическіе цвѣты поэтическихъ сѣмянъ». Статья посвящена полемикѣ съ Писаревымъ, по поводу вышедшихъ тогда I, III и V томовъ сочиненій послѣдняго. Тогдашняя редакція «Отечественныхъ Записокъ» (Краевскаго) сочла нужнымъ сопроводить статью Полонскаго слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Редакція помѣщаетъ предлагаемую статью изъ уваженія къ желанію ея автора объясниться со своимъ критикомъ. Что же касается собственныхъ отношеній журнала къ тому же критику, то они должны быть хорошо извѣстны читателямъ изъ прежнихъ статей «Отеч. Записокъ». Редакціи понадобилось это примѣчаніе въ виду не только снисходительнаго, а мѣстами даже прямо почтительнаго отношенія поэта къ критику. Общій характеръ этого отношенія хорошо рисуется уже эпиграфомъ, который Полонскій взялъ для своей статьи изъ Бокля: «Честь и слава тѣмъ, кто, возражая противъ истины, предохраняютъ ее отъ усыпленья». Писаревъ «возражалъ противъ истины», то есть противъ того, что считалъ истиной Полонскій, но возражалъ, по мнѣнію поэта, такъ, что «предохранялъ истину отъ усыпленья». Поэтъ видѣлъ въ критикѣ умнаго, остроумнаго, даровитаго, искренняго, но чрезмѣрно увлекающагося юношу, самыми увлеченіями своими, однако, полезнаго.—потому что, писалъ Полонскій, «жизни еще много въ немъ, жаръ еще не простылъ и можетъ благотворно дѣйствовать на вялыхъ, сонныхъ моихъ соотечественниковъ». Съ другой стороны Полонскій отмѣчаетъ и то отсутствіе критики и то слѣпое преклоненіе передъ

*) Ноябрь 1898 г.

авторитетомъ, которыя такъ громилъ самъ Писаревъ, но которыми такъ страдали его поклонники. Къ этимъ слѣпымъ поклонникамъ Полонскій относится чрезвычайно презрительно. «Потерять ваше уваженіе для меня ничего не стоитъ, — писалъ онъ, обращаясь къ нимъ, — но я вовсе не желаю, прикинувшись существомъ безстрастнымъ или пришибленнымъ, потерять уваженіе учителя», то есть Писарева. Изъ этого не слѣдуетъ однако, что въ статьѣ Полонскаго есть только любезности по адресу Писарева. Напротивъ, воздавая должное его уму, таланту и искренности, Полонскій горячо и рѣзко возстаетъ противъ его эстетическихъ воззрѣній. Онъ говоритъ при этомъ много вѣрнаго, но много и наивнаго. Мы не будемъ разбираться въ этомъ спорѣ. Для насъ важно, во-первыхъ, отмѣтить высокое безпристрастіе Полонскаго. Теперь не трудно отнестись къ Писареву безпристрастно, но въ 1867 г. онъ былъ для огромнаго большинства читающаго люда или идолъ, которому можно только молиться, или не то извергъ естества, не то задорный мальчишка. Полонскій не поддался ни въ ту, ни въ другую сторону. Затѣмъ насъ интересуетъ та сторона статьи Полонскаго, которою оправдывается заглавіе: «Прозаическіе цвѣты поэтическихъ сѣмянъ». Полонскій старается не только доказать ошибочность взглядовъ Писарева на искусство вообще и на поэзію въ частности. Въ своемъ желаніи защитить отъ нападокъ Писарева поэзію и возвеличить ее, онъ утверждаетъ, что самъ Писаревъ — «*во многомъ* не что иное, какъ прозаическій расцвѣтъ поэтическихъ сѣмянъ, разбросанныхъ въ лирическихъ произведеніяхъ» разныхъ поэтовъ, въ томъ числѣ и тѣхъ, которыхъ критикъ называлъ «микроскопическими поэтиками». Я подчеркнулъ слова «во многомъ», дабы обратить вниманіе читателя на ограниченіе, которое самъ Полонскій кладетъ своему тезису. Тезисъ этотъ въ общемъ, теоретическомъ видѣ, конечно, защитимъ, даже безъ приводимаго Полонскимъ показанія самого Писарева, «что, читая Гейне, онъ дошелъ до желанія изучать естественныя науки». Нужны особливо уродливыя условія воспитанія (въ широкомъ смыслѣ этого слова), чтобы въ числѣ ихъ не оказалось большаго или меньшаго вліянія лирической поэзіи. Но отсюда еще очень далеко до вполнѣ опредѣленныхъ «прозаическихъ цвѣтовъ поэтическихъ сѣмянъ». Между тѣмъ Полонскій съ удивительною наивностью беретъ какое-нибудь положеніе Писарева и пріискиваетъ ему «поэтическое сѣмя» въ своихъ собственныхъ стихотвореніяхъ. Писаревъ — говоритъ онъ — врагъ всякихъ авторитетовъ и кумировъ, а я вотъ что писалъ уже давно, и, справедливо свое стихотвореніе «Кумиръ», заключаетъ: «Эти шестнадцать строкъ — экстрактъ или краткая формула всего, что по этому поводу

говоритъ или думаетъ г. Писаревъ . Напомнивъ свое стихотвореніе: «И я сынъ времени», оканчивающееся словами:

И разбивай одни преданья,
Остатки формъ безъ содержанья,

Полонскій прибавляетъ: «Такимъ образомъ, если г. Писаревъ разбилъ перомъ своимъ хоть одну форму безъ содержанія, я не могу ему не сочувствовать и въ этомъ случаѣ: онъ какъ бы только исполнитель того, что ему завѣщено моимъ юношескимъ поэтическимъ вдохновеніемъ». Или вотъ такое ироническое замѣчаніе: «Совѣтуетъ ли посвященный въ тайны всѣхъ наукъ г. Писаревъ намъ, бѣднымъ поэтамъ (и мнѣ въ ихъ числѣ), *подумать да поучиться*, я потому только и принимаю съ низкимъ поклономъ совѣтъ его, что раньше, чѣмъ что-нибудь слышалъ о г. Писаревѣ, разумѣлъ справедливость этого наставленія и писалъ:

Міру, какъ новое солнце, сіяетъ
Свѣточъ науки—и *только при немъ*
Муза чело украшаетъ
Свѣжимъ вѣнкомъ».

Нѣкоторыя изъ этихъ сопоставленій особенно наивны. Такъ, по поводу статьи Писарева «Женскіе типы въ романахъ и повѣстяхъ Писемскаго, Тургенева и Гончарова», Полонскій пишетъ: «Г. Писаревъ не любитъ вялыхъ, *лишенныхъ крови*, не любитъ резонеровъ, предпочитающихъ самой жизни свои любимыя идейки и теоріи, но теперешніе молодые люди, занятые естественными науками, еще могутъ имѣть кой какое право не замѣтить или пренебречь чувствомъ дѣвушки. Въ мое время эти передовые молодые люди (прости Господи имъ великое прегрѣшеніе!) читали Гегеля, Канта и даже Шеллинга, и вотъ что подъ моимъ перомъ говоритъ влюбленная дѣвушка про одного такого жильца, поселившагося у нихъ въ домѣ:

А онъ сидитъ, да книги все читаетъ,
Какъ будто хуже я его несносныхъ книгъ!»

Къ сожалѣнію, Полонскій не указываетъ стихотворенія, изъ котораго взяты эти двѣ строки, а я его не помню. Но и двухъ строкъ достаточно, чтобы видѣть, какъ наивно понималъ вещи поэтъ, думая, что характеризующаяся этими двумя строками дѣвушка соотвѣтствуетъ Писаревскому идеалу женщины...

Я потому такъ долго остановился на этомъ забытомъ эпизодѣ изъ исторіи нашей литературы, что въ немъ хорошо отражаются двѣ выдающіяся черты не только поэтической, но и вообще духов-

ей личности только что скончавшейся дамы. Некрасовы со мною неосторожны во всѣхъ мѣстахъ, и я не вижу надобности возражать ихъ на этихъ страницахъ. Не вижу надобности и заботиться читателей съ профессоромъ Полонскимъ во всѣхъ подробностяхъ. Въ 1856 г. вышло въ свѣтъ семь томовъ собранія его стихотвореній, изъ которыхъ первый появился въ 1845 году. Полонскій былъ Полонскій, и какъ человѣкъ характеръ его музы, мечтательной и нѣсколько блѣдной, не отличался значительными колебаніями, не испытывалъ и большимъ разнообразіемъ въ оттѣнкѣ красокъ. Такъ не рѣзкій и не кричащій, но настойчивый, истинно поэтическій,—съ нимъ можно согласиться. Некрасовъ признавалъ въ немъ, что человѣкъ былъ прекрасный, добрый человѣкъ. Я слишкомъ мало знаю лично, чтобы имѣть право непосредственно отъ себя произнести похвальное слово въ этому общему мнѣнію. Но въ выдающемъ женскомъ типѣ сосредоточился для людей, никогда не видѣвшихъ Полонскаго, прекрасная черта его души, отразившаяся и въ его стихахъ.

Полонскій не былъ рожденъ вождемъ человѣкомъ воздѣйствія на толпу, но онъ не былъ и человѣкомъ толпы. Слишкомъ оригинальный и недостаточно оригинальный, чтобы вести за собой толпы, онъ не былъ и настолько самостоятеленъ мыслью, чтобы не поддаваться дрессирующимъ вліяніямъ. Тѣмъ ярче выступаетъ его рыцарская благородная характеръ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ дерзновенно ставилъ свои личныя чувства чувствамъ толпы, изъ кого бы она ни состояла—изъ враговъ или изъ друзей. Это мы и видимъ въ его полемикѣ съ Некрасовымъ. (Повторяю, чтобы правильно судить объ этой полемикѣ, надо перенестись мыслью въ 1867 годъ, а не въ теперешнюю точку зрѣнія смертныхъ. И онъ не единичный случай. Вотъ, напримѣръ, стихотвореніе «О Н. А. Некрасовѣ»

Я помню, были я съ нимъ знакомы
Въ тѣ дни, когда, полный онъ говорилъ съ другомъ
Когда, правдивостью нашъ умъ,
Онъ сочно вѣдывалъ и такъ, какъ свѣча,
Когда любили его мы
Мы всѣ, живые друзья и блага земли
Перед людьми гроба онъ
Былъ бодръ и неизмѣнно добръ тѣмъ чаю неверью
Съ онемъ вмѣшавшимъ тесно
Нашъ рассказъ: онъ тяжелы бодрость, а не работы
И вѣрнее у ему тоже
Какъ бывалъ тяжелый и трудно
Говорилъ лучше чтобы мало
Что не будя не тоже, сказа.—

Что онъ лишь тѣшился порой
Литературною игрою козырной,
Что съ юныхъ лѣтъ его грызетъ
То зависть жгучая, то ледяной расчетъ.
Предъ запоздалою молвой,
Какъ вы, я не склонюсь послушной головой:
Ей нипочемъ сказать уму:
За то, что ты свѣтилъ, иди скорѣй во тьму...
Молва и слава—два врага:
Молва мнѣ не судья, и я ей не слуга.

Чтобы оцѣнить это не совсѣмъ удачное по формѣ, но дышащее гордой силой стихотвореніе, надо опять таки принять въ соображеніе обстоятельства: тотъ литературный лагерь, изъ котораго даже доселѣ извергаются при случаѣ потоки грязи на Некрасова, всегда считалъ Полонскаго своимъ...

Еще ярче рыцарски благородный характеръ Полонскаго сказывается въ стихотвореніи «Литературный врагъ»:

Господа! я нынче все бранить готовъ.
Я не въ духѣ,—и не въ духѣ потому,
Что одинъ изъ самыхъ злыхъ моихъ враговъ
Изъ-за фразы осужденъ идти въ тюрьму.

Признаюсь вамъ, не изъ нѣжности пустой
Чуть не плачу я,—а просто потому,
Что подавлена проклятою тюрьмой
Вся вражда во мнѣ, кипѣвшая къ нему.

Онъ язвилъ меня и въ прозѣ, и въ стихахъ:
Но мы бились не за старые долги,
Не за барыню въ фальшивыхъ волосахъ,
Нѣтъ!—мы были безкорыстные враги!

Вольной мысли то владыка, то слуга,
Я сбирался безпощаднымъ быть врагомъ,
Поражая безпощаднаго врага;
Но—тюрьма его прикрыла, какъ щитомъ.

Передъ этою защитой я—пигмей...
Или вы еще не знаете, что мы
Легче вѣруемъ подъ музыку цѣпей
Всякой мысли, выходящей изъ тюрьмы.

Иль не знаете, что даже злая ложь
Облекается въ сіяніе добра,

Если ей грозит насилья острый ножъ,
А не сила непоцкупнаго пера

Я вчера еще перо мое точилъ,
Я вчера еще кипѣлъ и возражалъ,
А сегодня умъ мой крылья опустилъ,
Потому что я боецъ, а не пахалъ.

Я краснѣлъ бы передъ вами и собой,
Если бъ узника, да вздумалъ уличать!
Поневолѣ онъ замолкъ передо мной,
И я долженъ поневолѣ замолчать.

Онъ страдаетъ оттого, что есть семья,
Я страдаю оттого, что слышу смѣхъ...
Но что значитъ гордость личная моя,
Если истина страдаетъ больше всѣхъ!

Нѣтъ борьбы, и ничего не разберешь,
Мысли спутаны случайностью слѣпой,
Стала свѣтомъ недосказанная ложь,
Недосказанная правда стала тьмой.

Что же дѣлать? и кого теперь винить?
Господа! во имя правды и добра,
Не за счастье буду пить я,—буду пить
За свободу мнѣ враждебнаго пера!

Стихотвореніе это интересно и по формѣ. Рядомъ съ такими прекрасными, сильными стихами, какъ, напримѣръ, два послѣдніе куплета, мы встрѣчаемъ здѣсь странно неуклюжія и не поэтическія строки, въ родѣ «не за барыню въ фальшивыхъ волосахъ» или «потому что я боецъ, а не пахалъ» или эти даже непонятныя— «онъ страдаетъ, оттого что есть семья, я страдаю оттого, что слышу смѣхъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ этихъ некрасивыхъ оборотовъ отдаетъ какою-то дѣтскою наивностью, которая и составляетъ вторую отличительную черту поэтической физіономіи Полонскаго.

И не только поэтической, мы видѣли ее и въ его полемикѣ съ Писаревымъ. Посколько въ данномъ случаѣ, въ стихотвореніи «Литературнымъ врагамъ», наивность совпадаетъ съ неуклюжестью и непоэтичностью, а наивность составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ духовной личности покойнаго поэта, то изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы въ его стихотвореніяхъ вообще не было поэзіи и красоты. Дѣло въ томъ, что есть наивность и наивность. Сама по себѣ наивность, конечно, не исключаетъ поэзіи, но есть наивность умѣлая и не умѣлая, точнѣе—наивность, подходящая къ данному лицу и не

подходящая. Наивность, проникающая «Кузнечика музыканта» не мѣшаетъ быть этой поэмѣ граціознымъ поэтическимъ созданіемъ, какъ не мѣшаетъ она красотѣ многочисленныхъ стихотвореній фантастическихъ или одушевляющихъ природу или, наконецъ, тѣхъ маленькихъ житейскихъ картинокъ, которыя пользуются поистинѣ всероссійскою извѣстностью («Въ одной знакомой улицѣ», «Мой костеръ въ туманѣ свѣтитъ», «За окномъ въ тѣни мелькаетъ», «Подойди ко мнѣ старушка», «На устахъ ея улыбка»). Совсѣмъ другое видимъ мы въ стихотвореніи «Литературный врагъ». Полонскій, конечно, не былъ «нахаломъ», но не былъ онъ и «бойцомъ». Онъ и самъ это понималъ и выразилъ, напримѣръ, въ прекрасномъ стихотвореніи «И. С. Аксакову». И когда онъ беретъ на себя совершенно несвойственную его благодушной и мечтательной натурѣ роль «бойца» и «безпощаднаго врага»,—наивность пробивается наружу некрасивыми, непоэтическими штрихами, портящими впечатлѣніе стихотворенія, навѣяннаго благороднымъ порывомъ. Мало того, благодаря этой наивности, изъ-подъ основной темы стихотворенія, темы, естественно вызывающей уваженіе къ поэту, выглядываютъ какъ будто какіе-то мелкіе счеты; совершенно также, какъ и въ полемикѣ съ Писаревымъ, проникнутой тономъ высокаго безпристрастія, благодаря наивности, проскальзываютъ ноты, напоминающія споръ о томъ, кто раньше сказалъ «а!».

У Полонскаго есть другое стихотвореніе, посвященное узнику, собственно узницѣ. Здѣсь Полонскій не принимаетъ позы «бойца» или мыслителя и вообще является только со стороны своего благороднаго, любящаго сердца. И стихотвореніе это безупречно и по формѣ, въ особенности, если сопоставить его съ «Литературнымъ врагомъ»:

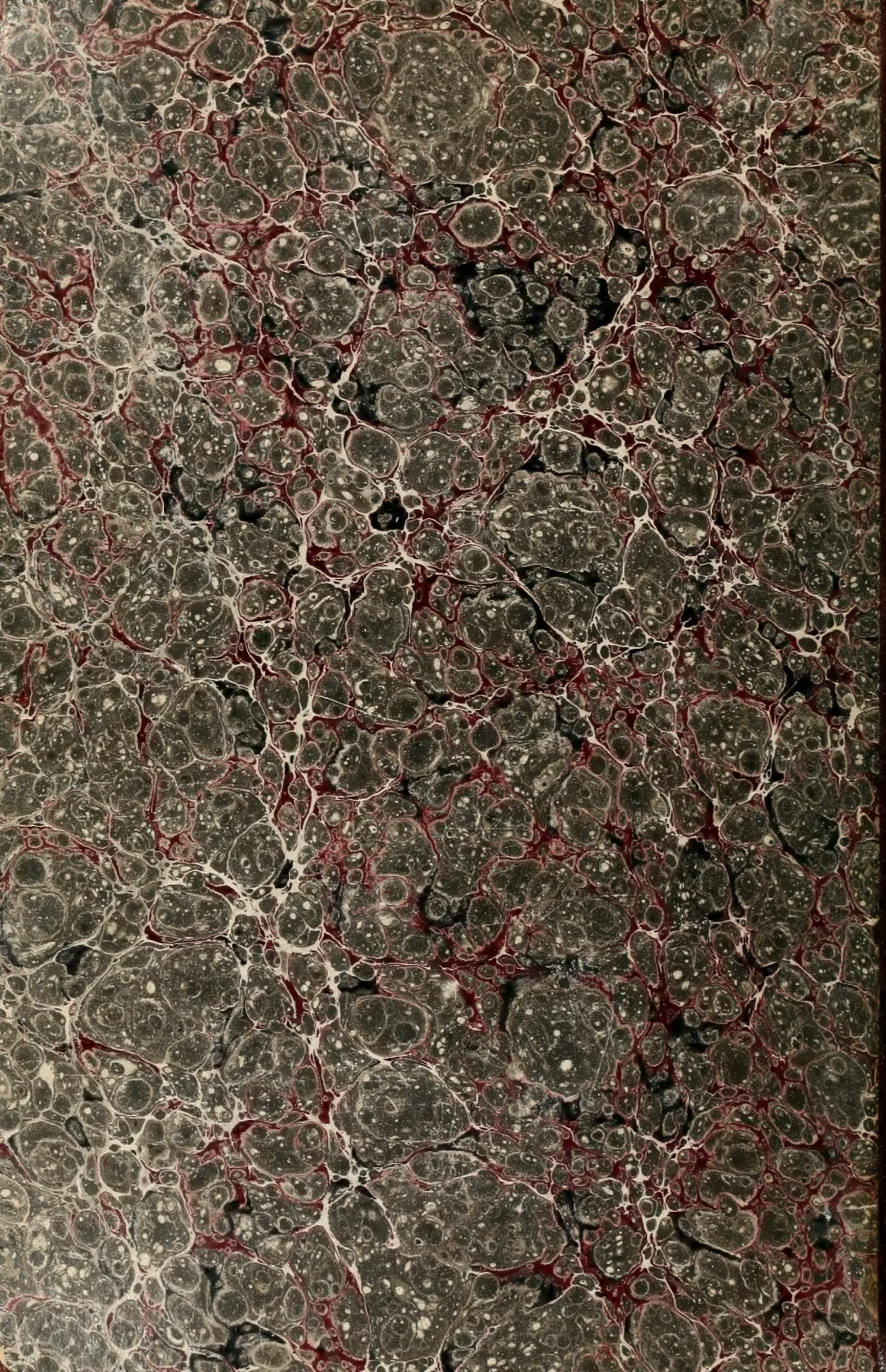
Что мнѣ она?- не жена, не любовница
И не родная мнѣ дочь!
Такъ отчего жъ ея доля проклятая
Спать не даетъ мнѣ всю ночь?
Спать не даетъ, оттого что мнѣ грезится
Молодость въ душной тюрьмѣ:
Вижу я—своды, окно за рѣшеткою,
Койку въ сырой полутьмѣ...
Съ койки глядятъ лихорадочно-знойныя
Очи безъ мысли и слезъ,
Съ койки виситъ чуть не до полу темныя
Косы тяжелыхъ волосъ.
Не шевелятся ни губы, ни блѣдныя
Руки на блѣдной груди,

Слёзы сладкие от сердца бьют ручьями
И [illegible] поцелуи жарче
Что мой сын! не жена не любовница
И не ровня мне [illegible]!
Ежь [illegible] [illegible] [illegible]
Сын не [illegible] [illegible] [illegible]!

Какъ уже сказано, я не претендую на полную и безусловную литературную новизну. Полагаю, что если читатель взглянетъ на [illegible] съ точки зрѣнія указанныхъ двухъ чертъ,—рыцарскаго благородства и [illegible], — то для него [illegible] [illegible] [illegible]

PG 3011 M474 t.2

Mikhailovskiĭ, Nikolaĭ Konstantinovich
Otkliki
t. 2

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY